Ж.Лапланш, Ж.-Б.Понталис

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

BIBLIOTHÈQUE DE PSYCHANALYSE
DIRIGÉE PAR JEAN LAPLANCHE

JEAN LAPLANCHE ET J.-B. PONTALIS

VOCABULAIRE DE LA PSYCHANALYSE

SOUS LA DIRECTION DE
DANIEL LAGACHE

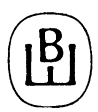

PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE

Ж.Лапланш, Ж.-Б.Понталис

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО И ПРЕДИСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК
Н.С. АВТОНОМОВОЙ

Москва «Высшая школа» 1996

ББК 88
Л24

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
МОСКОВСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ФОНДА

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции и Отдела культуры,
науки и техники Посольства Франции в Москве

ИЗДАНИЕ ВЫПУЩЕНО В СВЕТ
ПРИ СОДЕЙСТВИИ КОМИТЕТА РФ ПО ПЕЧАТИ

Научный редактор А.М. Руткевич

В оформлении использованы произведения П. Пикассо

Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.
Л 24 Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. — М.: Высш. шк., 1996. — 623 с.

ISBN 5-06-002974-3

Книга представляет собой одно из наиболее фундаментальных и вместе с тем популярных изданий по психоанализу. Она сочетает присущую научному изданию ясность и четкость, высокую культуру аналитического исследования с доступностью изложения. Во Франции словарь выдержал 12 изданий, в России издается впервые.

Л $\frac{0303020000-017}{001(01)-96}$ 9–95 **ББК 88**

ISBN 5-06-002974-3

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Этот словарь необычен. Его своеобразие заключается не только в объеме представленного материала, но и в культурном аспекте его рассмотрения. Это французский словарь по психоанализу. Однако в нем не представлена сколько-нибудь подробно специфически французская точка зрения и позиция в психоаналитических дискуссиях (если таковая вообще существует как некое единство). Это французский словарь по немецкому психоанализу, в основном в его классической фрейдовской форме. Именно этим и определяется специфика Словаря, высоко ценимая и в Европе, и за ее пределами.

Во Франции уже вышло 12 изданий этого словаря, созданного Ж. Лапланшем и Ж.-Б.Понталисом по инициативе и под руководством замечательного французского психолога Даньеля Лагаша (1903—1972) и впервые увидевшего свет в 1967 году. Давно опубликованы переводы Словаря на основные европейские языки. Подготовлены к публикации или уже опубликованы его переводы на ряд восточноевропейских языков (например, польский, румынский). Спустя годы, прошедшие после первого издания Словаря, многое изменилось; вышли новые словари и справочники, в том числе во Франции — фундаментальный словарь, подготовленный большим авторским коллективом под руководством П. Кофмана[1], словарь под редакцией П. Шемама[2], широко учитывающий проблематику лакановского психоанализа, и др. Однако ничто не отменяет и не умаляет значения Словаря Лапланша и Понталиса: он остается для будущих психоаналитиков и всех, кто интересуется психоанализом, настольной книгой, незаменимой основой теоретической и практической работы.

А теперь несколько слов о французском психоанализе и в этом контексте — об авторах Словаря. Оба они поначалу были участниками семинаров Жака Лакана, затем, после распада Французского психоаналитического общества (в 1963 году), приняли участие в создании Французской психоаналитической ассоциации.

---

[1] L'apport freudien: éléments pour une encyclopedie de la psychanalyse. Sous la dir. de P. Kaufmann. Paris, Borgas, 1993.

[2] Dictionnaire de la psychanalyse. Sous la dir. de P. Chemama. Paris, Larousse, 1993.

Жак Лакан (1901—1981) — известный французский реформатор психоанализа, провозгласивший особую теорию субъекта как изначально расщепленного существа, отмеченного различного рода нехватками — свидетельством его символического внеприродного бытия. Лакан уподобил структуру бессознательного языковой структуре и сделал главной опорой психоанализа не биологию с медициной, а лингвистику и другие гуманитарные науки. Именно в концепции Лакана французский психоанализ, организационно укрепившийся значительно позже других европейских психоаналитических школ, обрел свое "особое выраженье", противопоставив себя иным психоаналитическим позициям и прежде всего — характерной для американского психоанализа установке на цельность и гибкость Я, способного приспособиться к любому социальному контексту.

Ныне во Франции существуют десятки психоаналитических школ, и в этой пестрой картине нет единства: многие из них связывают свою деятельность с так или иначе понимаемой концепцией Лакана (причем между представителями различных подходов идут непрерывные баталии), другие склоняются в пользу более традиционных установок, разделяемых Международной психоаналитической ассоциацией, третьи избирают в качестве опоры тех или иных последователей Фрейда (например, А. Фрейд, М. Кляйн) или Лакана (например, Ф. Дольто), четвертые увлечены такими смежными с психоанализом и одновременно альтернативными ему психотерапевтическими концепциями, как гипноз и внушение (ср. концепцию недирективного гипноза в духе Милтона Эриксона и многие другие).

Среди всех этих многообразных подходов, вместе создающих общую картину современного французского психоанализа, позиция авторов этого словаря достаточно традиционна, но вовсе не догматична и не тривиальна. От Лакана их в конечном счете отдалило сдержанное отношение к истолкованию бессознательного через язык и попытки выхода в сферы реальности, не сводимые к языку. В результате то сложное и радикальное переосмысление, которому подверг психоанализ Жак Лакан, мало представлено в Словаре, хотя ряд существенных моментов концепции Лакана — стадия зеркала, проблема символического, "отвержение" (forclusion) — находят в нем свое отражение.

Что же касается других последователей и толкователей Фрейда, то чаще других упоминаются в Словаре М. Кляйн, А. Фрейд, Ш. Ференци, Э. Джонс; практически полностью отсутствуют, например, англоязычные неофрейдисты Э. Фромм и К. Хорни; редко упоминаются О. Ранк или А. Адлер. В Словаре эпизодически представлены французские психиатры (А. Эй, Т.-А. Рибо, П. Жане, Ж.-М. Шарко), психологи и психоаналитики (Д. Лагаш,

Р. Лафорг, Д. Анзье). Изредка встречаются имена О. Фенихеля, Р. Мак Брунсвик, М. Балинта, Д. Уинникота, Р. Шпитца; еще реже — Г. Гроддека, Г. Зильберера, Г. Нунберга и др. В очерченном таким образом круге авторы стараются детализировать понятия до предельной тонкости.

В целом авторов Словаря отличает установка на "нейтральность" или беспристрастность — в той мере, в какой она вообще осуществима, и в следовании этому принципу видится заслуга авторов Словаря. Используя различные формы словарных статей (от крошечных эссе до огромных текстов, больше напоминающих самостоятельные исследования, — см. статью "Я"), Лапланш и Понталис сумели передать читателю свои знания, свой аналитический пафос и сделать его сопричастным динамике фрейдовского познавательного поиска. В любом случае Словарь не гасит мысль читателя видимостью прочных решений, но, напротив, пробуждает теоретическое любопытство тех, кто в состоянии видеть проблематичность в изложении, внешне не нацеленном на дискуссионность и полемичность. Словарь был свидетельством наиболее плодотворного периода совместной работы авторов, хотя в дальнейшем их пути разошлись.

Жан Лапланш — воспитанник Высшей Нормальной Школы, по образованию философ и врач-психиатр, профессор университета Париж-7, член Французской психоаналитической ассоциации. Пережив период увлечения концепцией Лакана, Лапланш обратился к Фрейду. Об этом поиске истоков психоаналитической мысли свидетельствовали и создание данного Словаря, и нынешняя работа исследовательского коллектива во главе с Лапланшем над Полным собранием сочинений Фрейда на французском языке (пока еще "стандартного Фрейда" по-французски не существует: из печати вышли лишь несколько томов этого нового издания).

Вместе с тем Лапланш стремился к разработке новых теоретических параметров психоанализа. Его основные сочинения — это "Жизнь и смерть в психоанализе" (1970, 1989), пять томов под общим заглавием "Проблематики" (1980—1987), "Новые основания психоанализа" (1987 и 1990), "Незавершенная коперниканская революция" (1992), "Ошибка биологизации во фрейдовской концепции сексуальности" (1993)[1].

Собственная теория Лапланша строится вокруг обобщенной трактовки теории соблазнения. Ситуация соблазна не ограничивается патологическими случаями, но имеет универсальное значение:

---

[1] Laplanche J. Vie et mort en psychanalyse (Flammarion, 1970, 1989), Problématiques (PUF, 1980—1987), Nouveaux fondements pour la psychanalyse (PUF, 1987, 1990), La révolution copernicienne inauchevée (Aubier, 1992), Le fourvoiment biologisant de la sexualité chez Freud (Les empecheurs de penser en rond, 1993).

ведь уже материнский уход за младенцем предполагает посылку определенных сексуальных (в широком смысле слова) сигналов. Таким образом, влечения, да и вся область бессознательного, возникают в нас не изнутри, не эндогенно, а в результате внешних воздействий, в конечном счете — вследствие наших попыток расшифровать то загадочное сообщение, которое посылает нам другой человек.

Жан-Бернар Понталис начал свою академическую карьеру с преподавания философии, долгое время сотрудничал с Сартром в журнале "Тан модерн", соединяя любовь к психоанализу и вкус к литературному творчеству. Основные его работы: "После Фрейда" (1968), "Между сном и скорбью" (1977), "Сила абстракции" (1990). В его автобиографической работе "Любовь к начинаниям" (1986)[1] очевидно стремление к освобождению от мэтров, а также поиск теоретической самостоятельности: поначалу это было освобождение от Сартра, затем отчасти — от Лакана, наконец, в целом — от тирании языка — в тех местах психоаналитического пространства, которые ему не подвластны. Работая параллельно с Лапланшем и независимо от него над изданием новых переводов Фрейда на французский язык, Понталис вот уже в течение долгих лет руководит в издательстве "Галлимар" "Новым психоаналитическим журналом" (с 1970), а также возглавляет работу над сериями "Познание бессознательного", "Психоанализ в его истории" и др.

Именно Жан Лапланш был одним из инициаторов обучения психоанализу в университете и его организатором на факультете гуманитарных клинических наук в университете Париж-7. Автор этих строк, получивший счастливую возможность в течение ряда лет преподавать на этом факультете, смог близко познакомиться с постановкой обучения будущих психологов и психоаналитиков на всех уровнях и этапах педагогического процесса. Университетские программы факультета, где имеется аспирантская (докторантская) специализация по клинической психологии и психоанализу, включают патопсихологию и дисциплины нейробиологического цикла, историю и эпистемологию, клиническую и социальную психологию, проходимую под контролем наставника клиническую практику и, конечно, множество общих и специальных курсов по истории, теории и практике психоанализа.

Поскольку в наши дни, после почти полувекового перерыва, психоаналитическое учение распространяется и в России, где создаются ассоциации, издаются журналы, возрождаются прежние и появляются новые формы преподавания или, шире — "передачи" психоанализа, вопрос о том, как, где, кому (да собственно — и

---

[1] Pontalis J.-B. Aprés Frèud (1968), Entre le rêve et là douleur (1977), L'amour des commencements (1986), La force d'abstraction (1990).

зачем?) преподавать и распространять психоанализ, становится актуальным и у нас. При этом дискуссиоными оказываются многие вопросы — от эпистемологического статуса знаний о бессознательном до конкретных методов практической клинической работы. В самом деле, чему можно научиться по книге, чему — только от живого наставника, чему — лишь в процессе собственной практической работы? Таким образом, проблема, которую условно можно обозначить как "психоанализ в университете" (во Франции уже давно издается отдельный журнал под таким заглавием) возникает и на российской земле.

Конечно, различные аспекты многогранного феномена, называемого психоанализом, в разной мере и степени повернуты к академическим и университетским структурам. При этом подоплека споров о психоанализе в университете оказывается различной во Франции и у нас. Во Франции речь здесь идет сразу о нескольких вещах: о месте и роли университетского образования в современной культуре, об альтернативных университету формах передачи знаний и опыта, но одновременно и о специфике психоаналитических институций (своеобразного социального организма, в котором идет борьба за власть и соответственно не прекращаются расколы), а также об уникальности самой психоаналитической ситуации, не поддающейся обобщению на уровне понятий. При этом главный вопрос заключается в том, насколько психоанализ как особая форма познания и практики может быть вписан в эти традиционные для европейской культуры формы передачи знания. У нас же в этих дискуссиях об официальном месте передачи психоанализа подчеркивается другое: речь идет прежде всего о культурной легализации теории и практики, которые долгое время были под запретом, и потому положительные стороны "психоанализа в университете" легче выступают на первый план.

Очевидно, что в наименьшей мере может передаваться такая тонкая и интимная вещь, как личный психоанализ, замкнутый рамками отношений аналитика и анализируемого. Если во фрейдовские времена функция учителя-просветителя и функция личного наставника в психоанализе еще могли как-то совмещаться, то в наши дни такое совпадение считается неэтичным и непродуктивным, и потому, например, преподаватели университета, ведущие лекционные или семинарские занятия по психоанализу, не могут одновременно быть личными психоаналитиками своих студентов. Контролируемый учебный анализ тоже, очевидно, выходит за рамки университетских структур. Однако с теоретическим изучением исторических, философско-методологических, социологических, культурологических и прочих аспектов психоанализа дело обстоит иначе: эта работа вполне уместна и может быть плодотворной и в университете.

Конечно, те или иные подходы здесь во многом зависят от нашего общего понимания психоанализа, от того, видим ли мы в нем — прежде всего — науку или терапевтическую практику; форму эмансипации человека, его освобождения от социальных и индивидуальных запретов и принуждений, или особый социально приемлемый ритуал, помогающий людям лучше приспособиться к тем или иным формам совместного бытия, новый миф или особую философию человека...

Споры об "аутентичном" психоанализе и "аутентичном" Фрейде идут уже давно. Кто он: "сциентист", желавший видеть в психоанализе науку или по крайней мере фундамент научной психологии, или "гуманист", разочаровавшийся в позитивистском оптимизме и поставивший в центр внимания проблему человека, его психики, его деятельности, его места в культуре? В наши дни, как и в случае с Марксом, принято ценить не "науку", а "гуманизм" (причем ссылка на Маркса, заметим, здесь тем более уместна, что на Западе Фрейд, Маркс, Ницше обычно трактуются как равновеликие основоположники культуры и мировоззрения XX века). Правда, в творческих биографиях Маркса и Фрейда периоды сциентизма и гуманизма соответственно меняются местами: Маркс начал как романтический гуманист и пришел к науке ("Капитал"); напротив, Фрейд, человек другой исторической эпохи, начал с апологии позитивистской науки, а потом все дальше отходил от этого идеала, хотя и никогда окончательно с ним не расставался.

В любом случае невозможно отрицать, что у Фрейда были основания (или по крайней мере — желание) видеть в психоанализе науку. Наряду с Э. Махом, А. Эйнштейном и др., он был одним из тех крупных ученых, которые поставили в 1911 году свои подписи под призывом к созданию Общества по распространению позитивистской (читай — "научной") философии. Применительно к нашей проблеме можно сказать, что это, наверняка, один из аргументов в пользу университетского психоанализа, хотя в психоанализе остается множество аспектов, не сводимых к познанию, — идеологических, философско-методологических, мифологи-ческих и пр.

Когда Фрейд развивал свой идеал Высшей Школы психоанализа, в ее программе были как медицинские дисциплины (введение в биологию, наука о сексуальности, клиническая психиатрия и др.), так и немедицинские дисциплины (история культуры, литература, изучение мифов, психология религий и др.). Лишь такое глубокое научное погружение могло бы, по Фрейду, обеспечить понимание психоаналитического материала. Однако эта обширная программа универсального научного обоснования психоанализа никогда не была осуществлена. Да и мог ли бы кто-нибудь единолично ее осуществить?

Ведь Фрейд некогда был совершенно уверен в том, что психоанализ (как наука в настоящем или хотя бы в будущем) непременно должен иметь свое место в университете и что все психоаналитики будут только радоваться такой перспективе. Однако ничего подобного не произошло; во всяком случае многие французские психоаналитики настроены в этом отношении весьма враждебно, а перспектива университетского существования вызывает у них страх перед внешним принуждением и контролем. Впрочем, спор о разделении властей между университетским и психоаналитическим сообществами не нов. В любом случае очевидно, что психоаналитическая тяга к специфике оказалась сильнее универсальных университетских притязаний. То место в культуре, где Фрейду хотелось видеть просвещенческие отношения передачи чистого знания, оказалось на самом деле местом конфликтов и борьбы за власть в психоаналитическом сообществе.

Но в нашей общей проблеме есть не только социально-институциональная, но и собственно познавательная сторона, причем именно она была для Фрейда первичной и определяющей. В любом случае Фрейд считал психоанализ прежде всего методом познания бессознательных явлений, иначе недоступных мысли, далее — теорией этих явлений (пусть не законченной, а находящейся в стадии становления) и, наконец, — способом лечения, вытекающим из этой теории и метода.

При этом быть научным — значит иметь определенный объект и определенные методы познания, уметь получать воспроизводимые результаты и пр. Можно ли считать, что объект психоаналитического познания — бессознательное? Если да, то что собственно интересует нас в бессознательном: проверка гипотезы о возникновении бессознательного в результате вытеснения, его содержание (структуры и смыслы снов и симптомов)? Но ведь в психоаналитической практике есть и другие, явно ненаучные или вненаучные аспекты (например, трансфер или перенос прежних эмоций анализируемого на аналитика). Пожалуй, научным в переносе можно было бы считать вслед за Фрейдом лишь его подконтрольность сознанию аналитика (правда, это часто оспаривают в послефрейдовском развитии психоанализа), а также его сходство со своего рода лабораторным экспериментом, хотя вместо реактивов и препаратов в данном случае выступают конкретные люди с их индивидуальными реакциями.

Что же касается психоаналитической теории, то под этим выражением подчас имеются в виду совершенно разные вещи: теории самих пациентов или даже собственно детские теории относительно раннего жизненного опыта с его травмами; теории аналитиков по поводу "инфантильных" теорий пациентов; теории бессознательного; психоаналитические теории, включающие теорию бессознатель-

ного как один из моментов; более широкие теории, в которых психоаналитическое знание соотносится с другими науками (о психике, о мозге, о становлении человека в онтогенезе и филогенезе и пр.): здесь мы видим очень непростую иерархию уровней теории и взаимоотношений между ними.

Возьмем, к примеру, один конкретный вопрос: в каком смысле можно говорить о научности знаний о бессознательном? Конечно, бессознательное — это объект необычный. Оно не имеет прямого выхода к внеположной ему реальности и выступает как составная часть другой реальности — психической. Можно ли сказать, что знание о бессознательном в принципе сходно со знанием о любом другом объекте научного познания и что оно так же подлежит проверке — критике, опровержению, верификации, фальсификации и пр.? Эти различные аспекты реальности (внешней и психической) и эти различные уровни теоретизирования (скажем, от инфантильных теорий травмы до ее научного объяснения) нередко смешивались даже в научных спорах (по-видимому, это произошло и в концепции К. Поппера, обвинявшего психоанализ в нефальсифицируемости и тем самым — ненаучности).

Наверное, уже одного только беглого взгляда на современные дискуссии о социальном и познавательном статусе психоанализа достаточно для того, чтобы почувствовать, насколько непроста проблема "психоанализа в университете". Конечно свои осмысленные доводы есть и у сторонников, и у противников их сближения. Да, амбиции отдельных психоаналитиков и психоаналитических обществ, дорожащих своей неограниченной властью над анализируемым и полностью отвергающих университетский психоанализ, неправомерны. Но не более обоснованны и позиции такого университетского психоанализа, который прислушивается лишь к критериям естествознания и не внимает голосу психоаналитической практики с ее личностными и историческими смыслами, жертвуя ради общезначимого уникальным и не осознавая приносимой жертвы. Между этими позициями возникает неизбежное противоречие, и надеяться на способность сторон переубедить друг друга в этом споре было бы утопично.

Разумнее было бы, как признает все больше участников нынешних дискуссий[1], пытаться гибко опосредовать эти крайние позиции, отказавшись от построения глобальных черно-белых схем и пытаясь строить более конкретные, локально продуктивные модели истолкования, учитывающие специфику личных и межличностных отношений в психоаналитической ситуации (между аналитиком и анализируемым), в психоаналитическом обществе

[1] Transmettre,'enseigner la psychanalyse. In: Cliniques méditerranéennes. Érès, 1995, n. 45—46.

(между коллегами), в университете (между преподавателем и студентом) и пр. Однако в любом случае очевидно, что университетскому психоанализу придется научиться сохранять и развивать свою открытость к другим формам социального и экзистенциального бытия психоанализа, не забывая о том, что рамки его компетенции весьма ограничены. Конечно, изучение теоретических и исторических аспектов психоанализа в университете еще не дает права практиковать психоанализ. Однако эта историко-теоретическая подготовка — одно из необходимых условий будущей работы аналитика.

Итак, теперь и мы приобщаемся к размышлениям на все эти темы, причем не только в теории, не только на страницах иностранных журналов, но и в среде отечественных коллег и студентов. И в этих новых интересах хочется видеть не только любопытство к заморскому товару, но и симптом более аналитичного и требовательного внимания к самому себе, к своей человеческой ситуации, к себе как субъекту. По-видимому, именно индивидуализирующий акцент в психоанализе наиболее важен сейчас для российского читателя, хотя в западной философии и психоанализе ныне явно преобладает тенденция к социологизации и преодолению того, что в последнее время воспринимается как фрейдовский индивидуализм и монологизм. Поскольку в мысли и поведении так или иначе господствуют проявления того, что можно было бы назвать "стадным сознанием" (или иначе — коллективным бессознательным), укрепление позиций самосознающего индивида должно быть нужнее любой, сколько угодно заманчивой, перспективы новой коллективности.

И в этой работе по самопониманию и индивидуализации Словарь может помочь российскому читателю — независимо от того, какой будет дальнейшая судьба психоанализа в целом в нынешней России (сам по себе этот вопрос заслуживал бы отдельного рассмотрения). Словарь может быть полезен исследователю и преподавателю, стремящимся разобраться в истоках психоаналитической мысли и понять ее фундамент в свободном от позднейших наслоений виде. Он будет интересен всем тем, кто работает в области наук о человеке и обществе, где роль проблематики бессознательного осознается все ярче и четче. И конечно, освоение фрейдовских понятий, осмысление важнейших эпизодов концептуальной истории психоанализа поможет в самоосмыслении, в собственной аналитической работе тем, кто склонен думать о психоанализе как о будущем деле жизни.

Не стоило бы, однако, думать, будто мы советуем российскому читателю лишь подражать западным способам мысли о человеческой психике и поведении и обучаться письму по чужим прописям. Нынешнее столкновение разновременных и многообразных

влияний западной мысли на современной русской культурной почве может, как представляется, дать в будущем веке интересные творческие результаты в области познания человеческой души, если, конечно, удастся соотнести эти внешние влияния с собственной культурной традицией и опытом. Замечательным материалом для такого познания человеческой души россияне обладают — уже по праву рождения в соответствующем языке и культуре, значит, дело за его осмыслением. О том, что Россия — это, скажем, страна Достоевского, Гоголя и всей русской классической литературы, западные психоаналитики никогда не забывали, а ныне упоминают все чаще. При более внимательном рассмотрении оказывается, что в творчестве Достоевского, например, подспудно содержится целый ряд психоаналитических открытий, неведомых Фрейду и еще не обретших общезначимой концептуальной формы.

Но дело не только в этом. Культурные, социальные, мировоззренческие, идеологические условия формирования науки и общественной мысли в России XIX века были достаточно своеобразными в сравнении с Европой. Например, материализм в России второй половины XIX века весьма отличен от западного позитивизма, расцветшего в тот период, когда материалистические идеи европейского Просвещения уже потеряли свою социальную значимость и мировоззренческий заряд. На российской почве "рыцарями духа" нередко оказывались именно материалисты-естествоиспытатели, а глубинные духовные прозрения не исключали здесь огромной социально осознаваемой и даже "революционной" значимости естественных наук, их роли в развитии свободомыслия (так, например, научные идеи и программы молодого физиолога И.П. Павлова формировались именно под влиянием чтения романов Достоевского, особенно "Братьев Карамазовых", и это было не исключение, а веяние времени). По-видимому, "гуманизм" и "сциентизм", о несогласованности которого применительно к Марксу и Фрейду уже упоминалось, не расчленялись на российской почве столь же радикально, как это происходило в Европе прошлого и нынешнего веков. Можно предположить, что в России существовали и существуют собственные культурные традиции, дающие возможность помыслить человеческую душу без привычного российского самолюбования и "мистики", на основе иной, более цельной концепции разумности.

Наши нынешние тенденции к взаимоувязыванию психоаналитических идей с религией и мистикой неизменно поражают более рационалистичных западных коллег. Но работа со Словарем таких тенденций не поддержит. Она не даст и готовых образцов рассуждений и отточенных до упрощенности дефиниций. В отличие от тех популярных словарей, которые снабжают читателя такими дефинициями, не делясь с ним материалом, на основе которого они

были построены, словарь Лапланша и Понталиса открывает читателю самые глубокие слои своей научной и профессиональной эрудиции. А уже на основе этого материала читатель сам может научиться отличать камни, поставленные в психоанализе "во главу угла", от более высоких этажей в его постройке, разбираться в том, где этот фундамент был едва ли не незыблем, а где — почти что хрупок. Проходя по различным периодам концептуальной истории психоанализа, он воочию увидит ту историческую логику, которая направляла сначала мысль Фрейда, а затем — концептуальные странствия его учеников, последователей и критиков.

Это нелегкое чтение. Язык Словаря довольно сух, хотя местами излишне многословен. Однако тот, кто затратит время и труд на то, чтобы разобраться в этих неупрощенных структурах рождающейся фрейдовской мысли, будет вознагражден за это новыми идеями.

Словарь отличает очень высокое качество исследовательской и библиографической работы, однако в нем встречаются и досадные погрешности — как в тексте фрейдовских цитат, так и в справочном аппарате; в тех случаях, где нам удалось исправить эти неточности, это было сделано без специальных оговорок.

Итак, словарь этот написан на французском языке, и в основе его лежит французская терминология. Это поставило перед переводчиком особые трудности. На русском языке, к сожалению, устойчивой традиции перевода психоаналитической терминологии не существует. Некоторый опыт был накоплен в переводах 10 — 20-х годов, но затем Фрейд выпал из русской культуры, и за это время многие термины успели устареть. Одни и те же понятия в старых русских переводах из Фрейда и в современных все более обильных переводах новой западной психоаналитической литературы сплошь и рядом расходятся. Переводчику приходилось нащупывать русские термины собственными силами.

Все цитаты из Фрейда были переведены заново, хотя, конечно, переводчик учитывал опыт и старых русских переводов из Фрейда, и английских и немецких изданий книги Лапланша и Понталиса.

Мы не будем обсуждать вопрос о концептуальном статусе различных словарных единиц. Очевидно, есть случаи, где мы имеем дело с более или менее установившимися понятиями, имеющими объяснительную силу; есть понятия, находящиеся в стадии становления, не достигшие статуса собственно понятий, но полезные для описания; есть и вовсе полуметафорические образования, которые не имеют ни описательной, ни объяснительной ценности, но все же служат наименованию соответствующих явлений. Стало быть, не все, что приведено в словаре, можно назвать терминами, если под терминами иметь в виду устойчивые и четко определенные единицы. И потому подчас мы говорим о "слове", "выражении",

"термине", "понятии", недифференцированно обозначая ту или иную словарную единицу.

Среди достоинств словаря Лапланша и Понталиса — его многоязычие; эквиваленты соответствующих фрейдовских понятий приводятся в нем на пяти языках: английском, французском, испанском, итальянском, португальском. Читатель сразу увидит, что эти эквиваленты лишь в редких случаях представляют собой кальки с немецкого оригинала. В целом ряде случаев этот подбор иноязычных эквивалентов позволяет судить о жизни понятия, о концептуальной работе соответствующего языка. В каждом случае тот или иной язык осуществляет свой выбор, у которого всегда есть чему поучиться другим языкам.

Выбор эквивалентов в целом ряде фундаментальных фрейдовских понятий показывает целый спектр возможностей. Возьмем знаменитое понятие Besetzung — опорное для всей экономико-энергетической системы фрейдовского понимания психики. Нет таких двух языков, где бы выбор эквивалента хоть сколько-нибудь близко соответствовал исходному немецкому понятию. Немецкое besetzen предполагает "оккупацию" (города, страны, места). Соответствующий французский термин investissement в военном смысле предполагает скорее "окружение", нежели "занятие" места, но гораздо чаще используется в финансово-экономическим смысле (размещение капиталов, вложение их в предприятие и пр.).

В английском психоаналитическом языке для перевода было предложено греческое слово "cathexis". Это введение греческих корней вместо немецких вообще было характерно для раннего английского психоанализа и, возможно, было делом классически образованного Э.Джонса (ср. такие примеры, как "парапраксис" вместо "промахи", "анаклитический" вместо "примыкательный" и пр.). Однако в новейших английских переводах вместо "катексиса" все чаще употребляется — уже вторично инспирированное французским — слово investment.

В известных нам русских текстах переводчики устремлялись либо в сторону французских "вложений" и "инвестиций", либо в сторону малопонятного, но красивого греческого "катексиса" (при этом, под влиянием обратных переводов с английского, заимствовалось даже "английское" прилагательное "катектический"), либо вообще в неизвестные пределы...

В данном случае, чтобы сохранить на *русском* языке *германское* единство понятия, мы избрали *романский путь* исходя из тех смысловых обертонов, которые привносятся в немецкое Besetzung его испанским и португальским (carga), итальянским (carica) эквивалентами. Этот путь приводит нас к русскому слову "нагрузка". Оно хорошо соответствует энергетическим смыслам фрейдовской концепции функционирования психики (поскольку фрейдовский

"экономизм" — это прежде всего "энергетизм"). И вместе с тем, что весьма немаловажно, оно допускает необходимое в данном случае образование близких по смыслу понятий от того же корня. Ведь в немецком языке мы сталкиваемся не с единичным термином Besetzung, но с целым понятийным гнездом (Entziehung der Besetzung, Gegenbesetzung, Überbesetzung, Widerbesetzung и др.). Выбор "нагрузки" позволяет учесть и сохранить понятийную цельность этой смысловой группы ("разгрузка", "противонагрузка", "сверхнагрузка", "перенагрузка" и пр.). Насколько нам известно, ни в одном из русских переводов Фрейда это понятийное единство не было сохранено.

И это лишь один пример из множества других аналогичных. В каком-нибудь простейшем случае вроде "нем.Drang — франц.poussée (de la pulsion) — англ.pressure" и т. д. немецкий термин подчеркивает момент "натиска", французский — "толчка", английский — "давления" и пр. По-русски мы предложили "сила, давление". В каком-нибудь идеальном психоаналитическом языке для точности выражения мысли в том или ином контексте следовало бы, наверное, использовать слова различных языков.

Такой же "контаминацией" был и подбор эквивалента для gleichschwebende Aufmerksamkeit — характеристики внимания психоаналитика во время выслушивания пациента: это внимание не должно быть ни к чему пристрастно — оно не может быть ни отвержением, ни приверженностью, оно должно все впускать в себя, сохраняя до того момента, когда этот материал сможет включиться в осмысленные ассоциации. Поиск эквивалентов в других языках позволяет судить о том, насколько этот выбор не прост: так, французский язык предлагает "плавно плывущее" (également flottante), а английский — "равномерно подвешенное" (evenly suspended [poised]) внимание. Мы остановились на "свободно парящем" внимании.

Некоторые понятия трудно поддаются истолкованию на всех языках, например фантазия, фантазм. За видимостью привычности (хотя бы первого слова) лежат многие трудности. Как известно, Фрейд предпочитал термин "фантазия" или "фантазирование"; греч. "фантасма" встречается у него крайне редко. Как поступили с этим термином другие европейские языки? Французы используют только термин "фантазм", усилив тем самым специфически "морбидные", связанные с болезнью моменты. В английском психоаналитическом языке была сделана отчаянная попытка хоть как-то (пусть графически!) разграничить оттенки: так, более близкое к уровню сознания фантазирование предлагалось именовать "fantasy", а содержания бессознательных психических процессов — "phantasy"; однако эта попытка не привела и вряд ли могла привести к успеху, ибо открывала дорогу произвольным истолкованиям. Мы старались

употреблять термин "фантазия" в более общем смысле (детские фантазии, бессознательные фантазии), а термин "фантазм" — в более конкретном смысле (например, фантазм материнской груди). Кроме того, приходилось учитывать, что в ряде случаев понятие "фантазматический" (например, фантазматический объект) очень близко понятию "воображаемый".

Кажется, нам удалось сохранить обычно теряемую в русских переводах концептуальную группу с кòрнем "работа": соответственно в немецком — это psychische Verarbeitung ("обработка"); Durcharbeitung ("проработка"); Abarbeitungsmechanismen) "отработка" или "механизмы отработки") и др. Во французском языке это понятийное единство соблюдено лишь отчасти (перекликаются лишь élaboration и perlaboration. По-русски это будут соответственно — обработка, проработка, отработка (механизмы отработки).

Однако понятийные потери, раздробление единого термина-понятия на различные концептуально-терминологические единицы подчас оказывалось печальной неизбежностью: так, понятие Angst, которое у Фрейда участвует во многих сочетаниях, таких, как "невроз страха", "истерия страха", "автоматический страх" и пр., передавалось нами обычно как "страх", но иногда и как "тревога" (Angstsignal — сигнал тревоги), а в редких случаях более специфического медицинского употребления — как "тревожность".

В ряде случаев происходит перекрещивание понятий: так, понятие Abreagieren (у нас — "отреагирование") пересекается с mise en acte (Agieren, acting out) (у нас — "отыгрывание"), хотя при этом теряются такие значения последнего, как "актуализация", "драматизация". Постоянно пересекались и Ichideal и Idealich (*Я идеальное* и *Идеал-Я*), которые подчас не четко разграничиваются у самого Фрейда.

В ряде понятий предполагается иная внутренняя расчлененность смысловых связей. Особенно сложен на всех языках выбор понятий, означающих отрицание в различных его аспектах. Соблюдение соотношения между фрейдовскими понятиями Verneinung (пер. "отрицание"; иногда — лат. Negation), Verleugnung (пер. "отказ [от реальности]") и Verwerfung (франц. forclusion [пер. "отвержение"] — понятие, характеризующее специфику психоза), подчас перекрещивающимися, было также делом нелегким.

Изредка мы позволяли себе изменять русские (в сравнении с немецкими) словоформы фрейдовских понятий; так, в ряду знаменитых модальностей рассмотрения психики — топической, экономической и динамической — Фрейд употреблял в субстантивном смысле, кажется, только "топику". Риторически более устойчив введенный нами ряд — топика, динамика, экономика, — хотя ясно, что все эти понятия (особенно экономика) используются здесь в сугубо метафорическом смысле слова. Нашим первым переводческим решением был перевод понятия "экономический" как "энер-

гетический" (с таким выбором, между прочим, соглашался в частной беседе с автором этих строк и такой знаток фрейдовской концептуальной системы, как Поль Рикёр). Однако в конечном счете мы решили сохранить "экономическую" метафору, хотя в русском языке ее звучание оказывается заведомо преувеличенным в сравнении с другими европейскими языками, где слово "экономия" означает любую систему функционирования взаимосвязанных элементов, нечто вроде динамической системы взаимосвязей, тогда как в русском языке слово "экономика" имеет лишь чисто хозяйственное значение. Писать по-богословски "икономия" в точном смысле "домостроительство душевное" мы все же не решились.

Целое поле неопределенности существует между "инстинктом"и "влечением". У Фрейда этим терминам соответствуют Instinkt и Trieb (в старых русских переводах — "позыв"). Перевод Trieb на французский (pulsion) или английский (недифференцированно — instinct) языки породил много споров: слово pulsion не принадлежит обыденному французскому, как это свойственно немецкому Trieb, с чем, в частности, связаны и современные поиски новых эквивалентов, пока очевидным успехом не увенчавшиеся. В английском единое instinct смешивает понятийные нюансы и приводит к "физиологизации" понятия. Новейшие английские переводчики Фрейда все более склонны к переводу Trieb как drive — варианту, некогда отвергнутому при составлении Standard Edition.

Ряд недоразумений возникает ныне при переводах психоаналитической литературы с других языков (не немецкого), когда в качестве русских эквивалентов фрейдовских терминов вводятся переводы переводов. Слабо дифференцированные в английском языке repression и suppression подчас порождают и в самом английском тексте, и тем более в переводах на русский (как это имело место, скажем, в русских переводах Поппера) путаницу между фундаментальными фрейдовскими понятиями — Verdrängung (франц.: refoulement, англ.: repression) и Unterdrückung (франц.: repression, англ.: suppression).

В немецком языке наличествуют как слово "представление", так и слово "репрезентация"; пользуясь их смысловыми оттенками, Фрейд образует такой важный термин, как Vorstellungsrepresentanz [-tant], что неудовлетворительно переведено, скажем, на французский через два одинаковых корня (representant-representation), а на английский — как ideational representative. Поскольку в русском языке, как и в немецком, имеют хождение оба корня, мы могли предложить громоздкий, но достаточно точный вариант перевода: "представление как репрезентация (репрезентатор) влечения".

В ряде случаев приходилось прибегать к русским неологизмам, например "последействие" (Nachträglichkeit). Некоторые неологизмы возникали при переводе немецкого "Ur" как "перво-" в составе соответствующих сложных слов, таких, как "первофантазия" ("первофантазм"), "первовытесненное", "первосцена" и др. К сло-

варной группе неологизмов относятся и такие термины, как "целепредставление", "*Я*-сообразный" и др.

Подчас нам приходилось опускать излишние для русского читателя подробности, связанные с французским выбором немецких терминов, помечая такие места сокращений знаком [...]. В начале текста приводится словарь немецких заглавий основных фрейдовских работ с их русскими эквивалентами, также предложенными переводчиком.

Переводчик приносит глубокую благодарность А.Волкову, Н.Зорину, Н.Римашевской, А.Руткевичу и особенно М.Гаспарову за их бескорыстную помощь, а также выражает свою признательность отделу культуры, науки и техники Посольства Франции в Москве, соответствующему отделу Министерства иностранных дел Франции, Издательству "Presses Universitaires de France", своим французским коллегам по Университету Париж-7, администрации Дома наук о человеке в Париже за участие и поддержку во время работы над переводом Словаря.

Н. Автономова

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Об истории создания и причинах появления этой книги

Предубежденность против психоанализа зачастую выражается в насмешках над его языком. Да и самим психоаналитикам, конечно, не нравится, когда специальные термины их дисциплины используют как попало, скрывая тем самым неясность мысли. Психоанализ, подобно всем другим наукам и ремеслам, очень нуждается в своем собственном языке. В самом деле, можно ли передать новизну всех этих психоаналитических открытий — методов исследования и лечения, теории нормального и патологического функционирования психики — не обращаясь к новым терминам? Ведь всякое научное открытие возникает не по подсказке здравого смысла, а скорее без оглядки на него или даже вопреки ему. Скандал вокруг психоанализа вызван не столько тем, какое важное место отводится в нем сексуальности, сколько тем, что в теорию психоаналитической деятельности человека, вступившего в противоборство с миром и самим собой, вводятся бессознательные фантазмы. Поскольку, с точки зрения здравого смысла, таких психических структур и процессов просто не существует, в обыденном языке нет и слов для их обозначения. Приходится поэтому изобретать новые слова, причем их число — две или три сотни — зависит от того, насколько строго толкуются тексты и по каким критериям определяется значение терминов. Понять смысл этих слов можно лишь на основе самих психоаналитических текстов, помимо них все наше подспорье — это указатели в конце учебных пособий, определения в справочниках и словарях по психологии и психопатологии двадцатилетней или даже тридцатилетней давности. Подробных, специально составленных словарей по психоанализу, которыми можно было бы пользоваться как рабочим инструментом, по сути, не существует. Таким изданием должен был стать "Handwörterbuch der Psychoanalyse" д-ра Рихарда Ф.Штербы, который, однако, вынужден был прекратить составление словаря на букве L, а публикацию — на термине "Grössenwahn". "Право, не знаю, — писал мне д-р Штерба, — из-за чьей мегаломании — моей или Гитлера". Д-р Штерба любезно предоставил мне пять опубликованных выпусков этого сочинения, которое стало в наши дни

библиографической редкостью, если вообще где-либо еще сохранилось (Internationale Psychoanalytische Verlag, 1936—1937). Назовем здесь и книгу иного плана — сборник текстов Фрейда, расположенных в алфавитном порядке и опубликованных в английском переводе Фодором и Гейнором в 1950 г. с предисловием Теодора Рейка (Fodor N. and Gaynor F. Freud. Dictionary of Psychoanalysis, Préface de Theodore Reik. — N.Y.: Philosophical Library, 1950. XII, 208 p.).

Специальная терминология психоанализа была создана преимущественно самим Фрейдом; его мысль и открытия постоянно ее обогащали. В противоположность создателям классической психопатологии Фрейд редко заимствовал термины из латинского и греческого языков, зато он широко применял понятия современных ему наук — психологии, психопатологии, нейрофизиологии, причем особенно часто пользовался ресурсами и возможностями своего родного языка, вводя в психоанализ немецкие слова и выражения. Подчас достичь точности при буквальном переводе очень трудно: на чужом языке психоаналитические термины Фрейда звучат непривычно, а возможности языка переводчика остаются нераскрытыми. Бывает, однако, и так, что специальное значение терминов теряется за теми простыми и обыденными словами, которыми пользуется Фрейд. Однако главная трудность заключается отнюдь не в этом, а языковые проблемы по отношению к ней — вещь второстепенная. Фрейд часто придумывал словесные новшества, не особенно заботясь при этом об усовершенствовании собственного словаря. Из-за этого возникают различного рода трудности, в принципе сходные с терминологическими проблемами любого другого языка. Так в словаре психоанализа нередко можно встретить и многозначные термины, и смысловые пересечения, и передачу сходных понятий с помощью совершенно различных слов.

Поэтому приходится подчас бороться со словами — хотя и не ради слов. За словами нужно видеть факты, идеи, само концептуальное строение психоанализа. Трудность здесь заключается в том, чтобы учесть долгую и плодотворную эволюцию собственной мысли Фрейда, а кроме того, большое количество литературы о нем (один лишь перечень заглавий уже занял девять томов в составленной Гринстейном библиографии). Более того, слова, как, впрочем, и понятия, не просто рождаются на свет: у них своя судьба. Некоторые слова встречаются крайне редко или же вообще выходят из употребления; их место занимают другие — те, что отвечают новым исследовательским и теоретическим задачам и потому употребляются чаще. При всем том основная часть фрейдовской терминологии выдержала испытание временем; нововведения (впрочем, немногочисленные) хорошо вписались в нее, не исказив ее смысла и структуры. Наступил такой момент, когда работа над

словарем уже не могла ограничиться определением смысла различных психоаналитических терминов: понадобился развернутый комментарий, который бы подкреплял терминологические различия ссылками и цитатами. Такой комментарий предполагает самое широкое использование литературы, главным образом сочинений Фрейда как основы для всей системы понятий и терминов. Справиться с таким объемом материала трудно не только отдельным исследователям, но и целым исследовательским коллективам. А кроме того, создание подобного словаря не могло быть делом одних эрудитов-теоретиков: для этого нужны были опытные специалисты-практики. Иначе говоря, ориентироваться на то, что лежит за словами, т. е. на факты и идеи, вовсе не значило создавать лишь словарь психоаналитических знаний. При этом требовалось учесть и различия в использовании терминов, проясняя одни термины через другие, обнаруживая те или иные трудности (без претензии на их немедленное разрешение) и стараясь по возможности ограничить использование новых слов — они допускались лишь ради уточнения перевода. Наилучший метод решения этих задач можно назвать историко-критическим в том смысле, как он фактически был раскрыт Андре Лаландом в его словаре философских терминов. Таким был и наш замысел психоаналитического словаря на первом этапе осуществления этого проекта. Однако собранные материалы были утеряны, обстоятельства переменились, возникли другие насущные дела, а потому проект был надолго забыт. Одно время казалось, что навсегда, но вышло иначе — ведь терминологические проблемы по-прежнему вставали перед психоаналитиками. Лишь в 1958 г. проект возродился. В нем, как и раньше, царил — хотя и в несколько ином смысле — историко-критический дух "Философского словаря" Лаланда.

Поначалу в работе над Словарем было много сомнений и колебаний. Но затем общность в понимании целей и задач этой работы привела к тесному сотрудничеству двух авторов — Лапланша и Понталиса — в совместной работе над Словарем. Изучение психоаналитической литературы, размышление над текстами, написание первых вариантов статей, их переработка и окончательная отделка — все это потребовало от соавторов почти восьми лет работы — тяжелой, утомительной, но плодотворной. Большую часть первых вариантов статей мы читали и обсуждали вместе. У меня сохранились самые теплые воспоминания об этих живых обсуждениях. Расхождение во мнениях не нарушало доброго согласия, а доброе согласие, в свою очередь, не отменяло нашей бескомпромиссной требовательности друг к другу. Без этих поистине пионерских усилий Лапланша и Понталиса замысел двадцатилетней давности никогда не воплотился бы в этой книге.

За эти долгие годы первоначальный проект Словаря значительно

изменился, что свидетельствовало, впрочем, не о его слабости, а о его жизненной силе. Так, Лапланш и Понталис все более сосредоточивали свое внимание на трудах самого Фрейда, широко используя первые психоаналитические тексты и только что опубликованный тогда "Набросок научной психологии" 1895 г. Однако авторов Словаря интересовал не только момент рождения идей и терминов, но и последующая их судьба. Словарь, таким образом, несет на себе яркий отпечаток личностей Лапланша и Понталиса и вместе с тем остается верен первоначальному замыслу этого произведения.

Словарь был призван ответить насущной потребности — очевидной для нас, признаваемой многими и не оспариваемой, кажется, никем. Он должен был стать полезным рабочим орудием, пособием для исследователей и будущих психоаналитиков, а также для специалистов в других областях, для каждого любознательного читателя. Хотя эта книга была плодом тяжкого и кропотливого труда, сведущий, внимательный и взыскательный читатель, конечно, заметит в ней пробелы, фактические ошибки, неточные истолкования. Критические замечания читателей будут с благодарностью приняты и тщательно изучены. По-видимому, своеобразие предмета, содержания и формы Словаря не должно помешать его переводу на другие языки. Тогда эти критические замечания, уточнения, переводы все вместе послужат исполнению еще одного нашего чаяния — чтобы Словарь по психоанализу стал для читателя не только "рабочим инструментом", но и "рабочим документом".

Д. Лагаш

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге рассматриваются основные понятия психоанализа. Ее построение обусловлено своеобразием нашей позиции по ряду важных вопросов:

1) поскольку психоанализ обновил наше понимание многих психологических и психопатологических явлений, а в сущности, и наше понимание человека в целом, можно было бы в этой работе изложить в алфавитном порядке все многообразие достижений психоанализа, говоря при этом не только о либидо или о трансфере, но, скажем, о любви и сновидениях, о преступности или о сюрреализме. Мы, однако, избрали иной путь и сосредоточились прежде всего на понятийном аппарате психоанализа, т. е. на совокупности понятий, позволяющих уяснить суть его открытий. Наш словарь нацелен не на явления, объясняемые психоанализом, а скорее на понятия, посредством которых эти явления объясняются.

2) Психоанализ возник вот уже более трех четвертей века тому назад, и его долгая история была бурной и богатой событиями. Психоаналитические школы были созданы во многих странах, так что воздействие разнообразных культурных факторов, несомненно, сказывается и на самих психоаналитических концепциях. Однако мы решили не описывать здесь все это внешнее многообразие психоаналитических понятий, применявшихся в разные времена и в разных культурных пространствах. Нас интересовало прежде всего изначальное своеобразие и особенно момент возникновения этих понятий, которые могут показаться бесцветными и неясными.

3) Это заставило нас сосредоточиться почти исключительно на основополагающих трудах Зигмунда Фрейда. Ведь абсолютное большинство понятий, используемых в психоаналитической литературе, прямо восходит к работам Фрейда. Таким образом, и в этом смысле наш Словарь отличен от обычных энциклопедических изданий.

Однако наш интерес к концептуальным основаниям психоанализа предполагает обращение не только к Фрейду, но и к другим авторам. Так, в Словарь включен, к примеру, ряд понятий, введенных в психоанализ Мелани Кляйн.

4) Отбор психопатологических понятий определялся тремя принципами. Мы стремились: а) определить здесь термины, созданные в рамках психоанализа, независимо от того, используются

ли они в наши дни (как, например, Невроз страха) или нет (например, Неотреагированная истерия); б) определить термины, которые в психоанализе понимаются иначе, чем в психиатрии (ср. Паранойя, Парафрения); в) определить термины, которые трактуются и в психоанализе, и в клинической психиатрии одинаково, но оказываются для психоаналитической нозографии главными и опорными (например, Невроз, Психоз, Извращение), — ведь мы должны дать какие-то ориентиры и для читателя, не знакомого с клинической практикой.

* * *

Словарные статьи представлены в алфавитном порядке. Связи между понятиями обозначаются двумя способами. Во-первых, выражением См.: оно обозначает, что данный вопрос затрагивается или обсуждается — подчас даже более подробно — в статье, к которой сделана отсылка; во-вторых, звездочкой (*) — как знаком того, что соответствующий термин определен в Словаре. Нам бы хотелось также, чтобы читатель научился самостоятельно устанавливать смысловые связи между понятиями и ориентироваться в сети ассоциативных связей психоаналитического языка. Тем самым можно было бы, наверное, избежать двоякого рода подводных камней: с одной стороны — произвола, к которому нередко приводит чисто алфавитная классификация, с другой стороны, еще более частой беды — догматизма, присущего самому гипотетико-дедуктивному рассуждению. Мы надеемся в результате обнаружить цепочки внутренних взаимосвязей, "узловые пункты", весьма отличные от тех, на которых обычно строится систематическое изложение учения Фрейда.

К каждому словарному термину даются определение и комментарий. В *определении* очерчивается область применения понятия, строго обозначенная психоаналитической теорией. В *комментарии* представлены критическая часть и главные выводы из нашего исследования соответствующей проблемы. Наш метод построения комментария можно определить тремя словами: история, структура и проблематика. История не тождественна для нас строго хронологическому изложению материала: мы стремились прежде всего определить происхождение каждого понятия и основные этапы его эволюции. Поиски истоков — это не просто ученое занятие. Это потрясающее зрелище — видеть, как основополагающие понятия психоанализа предстают в новом свете, обретая новую жизнь, новые грани, очертания, взаимосвязи, стоит только заново сопоставить породивший их опыт с проблемами, которые определили их последующую судьбу.

Такое историческое исследование каждого отдельного понятия соотносится, конечно, с историей психоаналитической мысли в целом и предполагает поэтому изучение места отдельных элементов

в общей структуре. Иногда определить это место и функцию несложно, так как они уже выявлены в психоаналитической литературе. Однако чаще бывает так, что сопоставления, противопоставления и взаимосвязи, необходимые для схватывания понятия во всем его своеобразии, лежат глубоко внутри и на поверхности незаметны. Вот несколько ярких примеров: противоположность между понятиями "влечение" и "инстинкт", осмысление которой столь важно для психоаналитической теории, у самого Фрейда совершенно не выявлена; противоположность между "выбором объекта по примыканию" и "нарциссическим выбором объекта" признают многие авторы, никак не соотнося ее, однако, с позицией Фрейда, который связывает "примыкание" "сексуальных влечений" с функциями "самосохранения"; взаимосвязи между понятиями "нарциссизм" и "автоэротизм", определяющие их место в системе, очень скоро оказались запутанными даже у самого Фрейда. Можно назвать и еще более сложные явления. Иногда, например, роль какого-то одного понятия или группы понятий переходит к другим элементам системы. И потому лишь с помощью *истолкования* можно выявить среди всех этих преобразований постоянные, устойчивые структуры психоаналитической мысли и психоаналитического опыта.

Наш комментарий, таким образом, должен преодолеть или по крайней мере выявить двойственность некоторых основных понятий психоанализа, объясняя по возможности их противоречивость: в большинстве случаев она прямо связана с конкретным практическим опытом.

В итоге эта работа позволила выявить ряд собственно терминологических трудностей, а также внести свои предложения, способствующие укреплению терминологической системы франкоязычного психоанализа, которой пока не хватает внутренней упорядоченности.

* * *

В начале каждой статьи помещены эквиваленты термина на французском (франц.), немецком (нем.), английском (англ.), испанском (исп.), итальянском (итал.) и португальском (португ.) языках.

Примечания и ссылки расположены в конце каждой статьи. Примечания обозначаются буквами греческого алфавита, ссылки — цифрами.

Цитируемые отрывки, так же как и заглавия тех сочинений, на которые есть ссылки в тексте, переведены авторами.

Ж. Лапланш
Ж.-Б. Понталис

* * *

Мы благодарны всем тем, кто выразил интерес к этой работе и способствовал ее созданию.

"Немецко-английский словарь", переизданный в 1943 г. Аликс Стрейчи, постоянно был для нас одним из самых полезных. И, конечно, нет слов, чтобы воздать должное "Стандартному изданию полного собрания психологических трудов Зигмунда Фрейда", подготовленному (переводы и публикация) под руководством профессора Джеймса Стрейчи, при участии Анны Фрейд, с помощью Аликс Стрейчи и Алена Тайсона. С каким интересом мы встречали каждый новый том этого издания! Переводы и примечания, критический аппарат и указатели делают эту фундаментальную публикацию несравненным источником для исследователей.

В том, что касается подбора эквивалентов на иностранных языках, Словарь по психоанализу был создан с помощью д-ров Анжела Гармы и Фидиаса Често, а также д-ра Марии Лангер (испанские эквиваленты); д-ра Элвио Факинелли (Милан), переводчика Фрейда на итальянский язык, и г-на Микеля Давида, преподавателя французского языка Падуанского университета (итальянские эквиваленты); г-жи Эльзы Рибейро Гавелка и д-ра Дурваля Маркондеса (португальские эквиваленты).

На протяжении всей работы над Словарем нам помогала г-жа Эльза Рибейро Гавелка, сотрудница кафедры патопсихологии (факультет гуманитарных наук, Париж, Сорбонна), с ее преданностью делу и совершенным владением многими языками. В осуществлении нашего проекта участвовали также г-жа Франсуаз Лапланш (с весны 1965 г.) и г-жа Эвелин Шателье, сотрудник лаборатории психопатологии Национального Центра научных исследований (с января 1966 г.).

Наш труд был создан при поддержке (как прямой, так и косвенной) факультета литературы и гуманитарных наук Сорбонны (Париж) и Национального Центра научных исследований.

Нельзя не отметить также благожелательного отношения к проекту Словаря по психоанализу(1959) издательства Presses Universitaires de France : издателей не отпугнул и тот факт, что в процессе работы объем Словаря вырос почти в два раза в сравнении с первоначальным проектом.

ССЫЛКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Библиографические ссылки даются в конце каждой статьи. Ниже дается объяснение используемых сокращений.

I. РАБОТЫ ФРЕЙДА

G.W. Gesammelte Werke, 18 vol., London, 1940 — 1952.

S.E. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, ed. James Strachey, 24 vol., London, Hogarth Press, 1953 — 1966.

В случае работ 1887 — 1902 гг.: Aus den Anfängen der Psychoanalyse; 1895: Entwurf einer Psychologie:

Нем. — отсылает к изданию: Aus den Anfängen der Psychoanalyse, Briefe an Wilhelm Fliess, Abhandlungen und Notizen aus den Jahren 1887 — 1902, London, Imago, 1950;

Англ. — отсылает к изданию: The origins of Psychoanalysis, London, Imago, 1954.

Франц. — поскольку на французском языке не существует полного собрания сочинений Фрейда, нам пришлось удовлетвориться отсылками к существующим французским переводам, перечень которых с указаниями на книги и журналы, где они опубликованы, дается ниже.

1887 — 1902 Aus den Anfängen der Psychoanalyse (Об истоках психоанализа). La naissance de la psychanalyse, lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans, Paris, P.U.F.,1956.

1893 Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene, в соавт. с Брейером (О психическом механизме истерических явлений). Les méchanismes psychiques des phénomènes hystériques. In: Études sur l' hystérie, Paris, P.U.F., 1956, pp. 1 — 13.

1895 Studien über Hysterie (Исследования истерии). Études sur l' hystérie, в соавт. с Брейером, Paris, P.U.F., 1956.

1895 Entwurf einer Psychologie (Набросок научной психологии). Esquisse d' une psychologie scientifique. In: La naissance de la psychanalyse, lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans, Paris, P.U.F., 1956, pp. 307 — 396.

1900 Die Traumdeutung (Толкование сновидений). L' interpretation des rêves, Paris, P.U.F., 1967 (nouv. éd. augmentée).

1901 Über den Traum (О сновидении). Le rêve et son interprétation, Paris, Gallimard, 1925.

1901 Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Психопатология повседневной жизни). Psychopathologie de la vie quotidienne, Paris, Payot, 1948.

1904 Die Freudsche psychoanalytische Methode (Психоаналитический метод Фрейда). La méthode psychoanalytique de Freud. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 1 — 8.

1904 Über Psychotherapie (О психотерапии). De la psychothérapie. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 9 — 22.

1905 Bruchstück einer Hysterie-Analyse (Отрывок из анализа истерии). Fragment d' une analyse d' hystérie: Dora. In: Cinq psychanalyses, Paris, P.U.F., 1954, pp. 1 — 91.

1905 Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (Три очерка по теории сексуальности). Trois essais sur la théorie de la sexualité, Paris, Gallimard, coll. "Idées", 1962.

1905 Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten (Остроумие и его отношение к бессознательному). Le mot d' esprit et ses rapports avec l' inconscient, Paris, Gallimard, 1953.

1906 Tatbestandsdiagnostik und Psychoanalyse (Психоанализ и судебная диагностика при установлении фактов). La psychanalyse et l' établissment des faits en matière judiciaire par une méthode diagnostique. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 43 — 58.

1907 Der Wahn und die Träume in W.Jensens "Gradiva" (Безумие и сны в "Градиве" Йенсена). Délires et rêves dans la "Gradiva" de Jensen, Paris, Gallimard, 1949.

1907 Zwangshandlungen und Religionsübungen (Навязчивые действия и религиозная практика). Actes obsédants et exercices religieux. In: L' avenir d' une illusion, Paris, Denoël et Steele, 1932, pp. 157 — 183.

1908 Der Dichter und das Phantasieren (Поэт и фантазирование). La création littéraire et le rêve éveillé. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 69 — 82.

1909 Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (Анализ фобии пятилетнего мальчика). Analyse d' une phobie d' un petit garçon de cinq ans: Le petit Hans. In: Cinq psychanalyses, Paris, P.U.F., 1954, pp. 93 — 198.

1909 Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (Замечания об одном случае невроза навязчивости). Remarques sur un cas de névrose obsessionnelle: L' homme aux rats. In: Cinq psychanalyses, Paris, P.U.F., 1954, pp. 199 — 261.

1909 Über psychoanalyse (О психоанализе). Переизд. под заглавием: Cinq leçons sur la psychanalyse, а также Psychologie collective et analyse du moi, Paris, Payot, 1950, pp. 117 — 177.

1910 Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens: I. Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne (К психологии любовной жизни. Об одном типе выбора объекта у мужчины). Contribution à la psychologie de la vie amoureuse: I. D' un type particulier de choix objectal chez l' homme. In: R.F.P., 1936, 9, n. 1, pp. 2 — 10.

1910 Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie (Перспективы психоаналитической терапии). Perspectives d' avenir de la thérapeutique analytique. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 23 — 34.

1910 Über "wilde" Psychoanalyse (О "диком" психоанализе). A propos de la psychanalyse dite "sauvage". In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp.35 — 42.

1910 Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci (Об одном детском воспоминании Леонардо да Винчи). Un souvenir d' enfance de Léonard de Vinci, Paris, Gallimard, 1927.

1910 Über den Gegensinn der Urworte (О контрастном смысле первослов). Des sens opposés dans les mots primitifs. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 59 — 68.

1911 Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (Психоаналитические замечания об одном биографически засвидетельствованном случае паранойи (Dementia paranoides)). Remarques psychanalytiques sur l' autobiographie d' un cas de paranoia (Dementia paranoïdes): Le Président Schreber. In: Cinq psychanalyses, Paris, P.U.F., 1954, pp. 263 — 324.

1911 Die Handhabung der Traumdeutung in der Psychoanalyse (Об употреблении толкования сновидений в психоанализе). Le maniement de l' interprétation des rêves en psychanalyse. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 43 — 49.

1912 Zur Dynamik der Übertragung (К динамике трансфера). La dynamique du transfert. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 50 — 60.

1912 Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens: II. Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens (К психологии любовной жизни: II. О наиболее распространенном принижении любовной жизни). Contribution à la psychologie de la vie amoureuse: II. Considérations sur le plus commun des ravalements de la vie amoureuse. In: R.F.P., 1936, IX, n. 1, pp. 10 — 21.

1912 Ratschläge für den Artzt bei der psychoanalytischen Behandlung (Советы врачу по психоаналитической терапии). Conseils aux médecins sur le traitement psychanalytique. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 61 — 71.

1912 Einige Bemerkungen über den Begriff des Unbewussten in der Psychoanalyse (Некоторые замечания о понятии бессознательного в

психоанализе). Quelques observations sur le concept d' inconscient en psychanalyse. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1949, pp. 9 — 24.

1912 Totem und Tabu (Тотем и табу). Totem et tabou, Paris, Payot, 1947.

1913 Zur Einleitung der Behandlung (К введению в психотерапию). Le début du traitement. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 80 — 104.

1913 Die Disposition zur Zwangsneurose (Предрасположенность к неврозу навязчивости). La prédisposition à la névrose obsessionnelle. In: R.F.P., 1929, 3, n. 3, pp. 437 — 447.

1914 Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung (К истории психоаналитического движения). Contribution à l' histoire du mouvement psychanalytique. In: Essais de Psychanalyse, Paris, Payot, 1936 (1 éd.), pp. 266 — 320.

1914 Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten (Воспоминание, повторение, проработка). Remémoration, répétition et élaboration. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 105 — 115.

1915 Triebe und Triebschicksale (Влечения и судьбы влечений). Les pulsions et leurs destins. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, pp. 25 — 66.

1915 Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia (Об одном случае паранойи, противоречащем теории психоанализа). Un cas de paranoïa qui contredisait la théorie psychanalytique de cette affection. In: R.F.P., 1935, 8, n. 1, pp. 2 — 11.

1915 Die Verdrängung (Вытеснение). Le refoulement. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, pp. 67 — 90.

1915 Das Unbewusste (Бессознательное). L' inconscient. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, pp. 91 — 161.

1915 Bemerkungen über die Übertragungsliebe (Замечания о трансферентной любви). Observations sur l'amour de transfert. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 116 — 130.

1915 Zeitgemässes über Krieg und Tod (Актуальные мысли о войне и мире). Considérations actuelles sur la guerre et la mort. In: Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1951, pp. 219 — 250.

1916 Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit (Некоторые типы характеров из психоаналитической практики) Quelques types de caractères dégagés par la psychanalyse. In: Essais de Psychanalyse, Paris, Gallimard, pp. 105 — 136.

1916 — 1917 Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (Лекции по введению в психоанализ). Introduction à la psychanalyse, Paris, Payot, 1951.

1917 Über Triebumsetzungen insbesondere der Analerotik (О смещении влечений, преимущественно в области анального эротизма).

Sur les transformations des pulsions, particulièrement dans l' érotisme anal. In: R.F.P., 1928, 2, n. 4, pp. 609 — 616.

1917 Trauer und Melancholie (Скорбь и меланхолия). Deuil et mélancolie. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, pp. 189 — 222.

1917 Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre (Метапсихологические дополнения к учению о сновидениях). Complément métapsychologique à la doctrine des rêves. In: Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1952, pp. 162 — 188.

1917 Eine Schwierigkeit der Psychoanalyse (Одна из трудностей психоанализа). Une difficulté de la psychanalyse. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 137 — 147.

1917 Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens: III. Das Tabu der Virginität (К психологии любовной жизни: III. Табу девственности). Contribution à la psychologie de la vie amoureuse: III. Le tabou de la virginité. In: R.F.P., 1933, 6, n. 1, pp. 2 — 17.

1918 Aus der Geschichte einer infantilen Neurose (Из истории одного детского невроза). Extrait de l' histoire d' une névrose infantile; L' homme aux loups. In: Cinq psychanalyses, Paris, P.U.F., 1954, pp. 325 — 420.

1918 Wege der psychoanalytischen Therapie (Пути психоаналитической терапии). Les voies nouvelles de la thérapeutique psychanalytique. In: De la technique psychanalytique, Paris, P.U.F., 1953, pp. 131 — 141.

1919 "Ein Kind wird geschlagen" ("Ребенка бьют"). "On bat un enfant". In: R.F.P., 1933, 6, n. 3 — 4, pp. 274 — 297.

1919 Das Unheimliche (Чуждое). L' inquiétante étrangeté. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 163 — 211.

1920 Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität (Психогенез одного случая женской гомосексуальности). Psychogènese d' un cas d' homosexualité féminine. In: R.F.P., 1933, 6, n. 2, pp. 130 — 154.

1920 Jenseits des Lustprinzips (По ту сторону принципа удовольствия). Au-delà du principe de plaisir. In: Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1951, pp. 5 — 75.

1921 Massenpsychologie und Ich-Analyse (Психология масс и анализ Я). Psychologie collective et analyse du moi. In: Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1951, pp. 76 — 162.

1922 Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität (О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности). De quelques méchanismes névrotiques dans la jalousie, la paranoïa et l' homosexualité. In: R.F.P., 1932, 5, n. 3, pp. 391 — 401.

1923 Das Ich und das Es (Я и Оно). Под загл. Le moi et le soi. In: Essais de psychanalyse, Paris, Payot, 1951, pp. 163 — 218.

1923 Eine Teufelsneurose im siebzehnten Jahrhundert (Дьявольский

невроз в XVII веке). Une névrose démoniaque au XVII e siècle. In: Essais de psychanalyse appliquée, Paris, Gallimard, 1933, pp. 213 — 254.

1924 Das ökonomische Problem des Masochismus (Экономическая проблема мазохизма). Le problème économique du masochisme. In: R.F.P., 1928, 2, n. 2, pp. 211 — 223.

1924 Der Untergang des Ödipuskomplexes (Угасание Эдипова комплекса). Le déclin du complexe d'Œdipe). In: R.F.P., 1934, 7, n. 3, pp. 394 — 399.

1925 Die Verneinung (Отрицание). La négation. In: R.F.P., 1934, 7, n. 2, pp. 174 — 177.

1925 Selbstdarstellung (О себе). Ma vie et la psychanalyse, Paris, Gallimard, 1949.

1926 Die Frage der Laienanalyse (Вопрос о непрофессиональном анализе). Под загл.: Psychanalyse et médecine. In: Ma vie et la psychanalyse, Paris, Gallimard, 1949, pp. 117 — 239.

1926 Hemmung, Symptom und Angst (Торможение, симптом, страх). Inhibition, symptôme et angoisse, Paris, P.U.F., 1965 (nouv. éd.).

1927 Die Zukunft einer Illusion (Будущее одной иллюзии). L' avenir d' une illusion, Paris, P.U.F., 1971 (nouv. éd.).

1930 Das Unbehagen in der Kultur (Недовольство культурой). Malaise dans la civilisation, Paris, P.U.F., 1971 (nouv. ed.).

1932 Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (Новая серия лекций по введению в психоанализ). Nouvelles conférences sur la psychanalyse. In: R.F.P., 1938—1939, 10—11, n. 1, pp. 3 — 38.

1937 Die endliche und die unendliche Analyse (Конечный и бесконечный анализ). Analyse terminée et analyse interminable. In: R.F.P., 1938 — 1939, 10 — 11, n. 1, pp. 3 — 38.

1938 Abriss der Psychoanalyse (Очерк психоанализа). Abrégé de psychanalyse, Paris, P.U.F., 1950.

1939 Der Mann Moses und die monoteistische Religion (Моисей как человек и монотеистическая религия). Moïse et le monothéisme, Paris, Gallimard, 1948.

II. ДРУГИЕ АВТОРЫ

Карл Абрахам. Отсылаем читателя к франц. изданию Œuvres complètes в 2 т., Paris, Payot, 1965 — 1966.

Йозеф Брейер. В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), опубликованных совместно с З.Фрейдом, Брейер является автором двух глав: "Случай Анны О." (Fräulein Anna O.) и "Теоретические размышления" (Theoretisches).

Применительно к этим текстам знак "Нем." отсылает к оригинальному изданию "Исследований истерии" (Leipzig und Wien, Deu-

ticke, 1895); знак S.E. отсылает к Standard Edition; знак "Франц." отсылает к Études sur l' hystérie, Paris, P.U.F., 1956.

Шандор Ференци. Мы ссылаемся на три тома, изданных на англ. языке, London, Hogarth Press: First Contr.: First Contributions to psycho-analysis, 1952; Further Contr.: Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis, 1950; Final contributions to the problems and methods of psycho-analysis, 1955.

Мелани Кляйн. Contributions: Contributions to Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1950.

Klein (M.), Heimann (P.), Isaacs (J.), Riviere (J.). Developments: Developments in Psycho-analysis, London, Hogarth Press, 1952.

III. ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И СБОРНИКИ

Bul. Psycho.: Bulletin de Psychologie édité par le groupe d'études de Psychologie de l'Université de Paris.

I.J.P.: International Journal of Psycho-analysis.

Psa. Read.: The psycho-analytic reader, édit. par Robert Fliess, London, Hogarth Press, 1950.

Psycho-analytic Study of the child, New York, I.U.P.

R.F.P.: Revue française de Psychanalyse.

ACTING OUT

● Психоаналитический термин, обозначающий действия, преимущественно импульсивные, выпадающие из обычных мотивационных систем субъекта, сравнительно легко выделяемые в его деятельности, часто принимающие форму агрессии против себя или других. Для психоаналитика отыгрывание — признак того, что вытесненное начинает всплывать на поверхность. Когда acting out обнаруживается в ходе анализа (как во время сеанса, так и вне его), следует помнить, что оно связано с трансфером, часто — в форме решительного отказа признавать трансфер.

■ Английский термин, принятый французскими и немецкими психоаналитиками для разрешения ряда проблем:

1) acting out включает в себя все двусмысленности фрейдовского Agieren. Ср. определение этого понятия в "Общем словаре психологических и психоаналитических терминов" Г.Б. и А.С.Инглиш: "Акт целенаправленного поведения, свойственного прежней ситуации, перенесенный в новую ситуацию, которая символически представляет прежнюю. Ср.Трансфер как форма acting out".

2) Это определение не соответствует обычному пониманию термина acting out, при котором различаются и даже противопоставляются собственно трансфер и acting out как попытка прервать психоаналитическое отношение.

3) Английский термин acting out требует ряда пояснений:

а) Глагол to act в переходном смысле значит "играть в театре": to act a play — играть пьесу; to act a part — играть роль и пр. То же относится и к переходному глаголу to act out.

б) Послелог out привносит два смысловых оттенка: выносить вовне, показывать нечто находящееся внутри, а также действовать быстро, доводя начатое до конца (этот смысловой оттенок очевиден в таких выражениях, как to carry out — выполнить, to sell out — распродать весь товар и пр.).

в) Изначальный пространственный смысл послелога out подчас приводил психоаналитиков к ошибочному пониманию acting out как действия, совершаемого вне психоаналитического сеанса, в

противоположность acting in как действию во время сеанса. Чтобы лучше понять это противопоставление, стоит, по-видимому, различать acting out вне психоанализа и acting out внутри психоаналитической ситуации.

4) Во французском языке нелегко найти выражение, которое включало бы в себя все эти смысловые оттенки (быть может, agissement, actuation). Выражение "passage à l'acte", часто используемое как синоним acting out, здесь не очень уместно: прежде всего оно распространено в психиатрической клинике, где обозначает главным образом импульсивные, насильственные, агрессивные, преступные действия (убийство, самоубийство, изнасилование и пр.), посредством которых субъект *переходит* от представления к намерению и его осуществлению. Кроме того, этот термин в его клиническом применении никак не соотнесен с ситуацией трансфера.

С описательной точки зрения, поступки, обычно включаемые в рубрику acting out, предполагают и то, что в психиатрической клинике называют "отыгрыванием" (passage à l'acte — см. выше), и другие менее яркие проявления при условии, что они импульсивны и слабо мотивированы даже для самого субъекта и — при всех вторичных рационализациях — отличаются от обычного поведения субъекта. Психоанализ видит во всем этом знак возврата вытесненного. В рубрику acting out попадают также случаи, при которых субъект не чувствует себя ответственным за свои действия. Все это требует отделить понятие acting out (само по себе расплывчатое и по-разному трактуемое различными авторами) от других изобретенных Фрейдом понятий — таких, как "ошибочные действия" или "повторения" (α). Ошибочные действия кажутся четко выделенными и обособленными, однако в своих простейших формах они предстают как компромиссные образования. Напротив, переживание повторяющихся событий ("принуждение судьбы"), возврат вытесненных содержаний часто происходят как бы по чужому сценарию.

Одним из достижений психоанализа было установление связи между тем или иным импульсивным актом и динамикой лечения и трансфера. Этот путь был указан Фрейдом, который подчеркнул склонность некоторых пациентов к "отыгрыванию" (agieren) за

рамками анализа динамики влечений, пробужденных анализом. Правда, Фрейд считал отреагированием даже трансфер — перенос эмоций на личность психоаналитика, а это означает, что он недостаточно расчленил явления, связанные с повторением при трансфере, и феномены acting out. Для Фрейда различие между этими явлениями обусловлено прежде всего тем, что пациент, который отыгрывает свои конфликты за пределами психоаналитической ситуации, имеет меньше шансов осознать их повторяющийся характер и более склонен — при отсутствии обычного контроля и истолкования со стороны психоаналитика — идти до конца в удовлетворении своих вытесненных влечений: "Нам кажется в высшей степени нежелательным, чтобы пациент вне рамок трансфера *отыгрывал* (agiert) вместо того, чтобы вспоминать; в идеале он должен был бы вести себя за пределами психоанализа совершенно обычным образом, а в ситуации трансфера — совершать необычные поступки" (1).

Одна из задач психоанализа — четко отделить трансфер от acting out на основе критериев, не сводимых к психоаналитической технике и пространству психоаналитической работы (ср. то, что происходит в кабинете психоаналитика, и то, что происходит вне его). А это в свою очередь требует заново осмыслить такие понятия, как действие, актуализация, способы общения.

Лишь после того, как будут прояснены на теоретическом уровне отношения между acting out и психоаналитическим трансфером, мы сможем сказать, встречаются ли подобные структуры вне психоанализа, и попытаться понять импульсивные акты в нашей повседневной жизни с помощью отношений трансферентного типа.

α) Подобное разграничение необходимо для того, чтобы сохранить специфику этого понятия, не растворяя ее в более общих представлениях о связи любого человеческого действия с бессознательными фантазиями.

(1) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 103; S.E., XXIII, 177.

АВТОПЛАСТИЧЕСКИЙ — АЛЛОПЛАСТИЧЕСКИЙ

Нем.: autoplastisch — alloplastisch. — Франц.: autoplastique — alloplastique. — Англ.: autoplastic — alloplastic. — Исп.: autoplástico — aloplástico. — Итал.: autoplastico — alloplastico. — Португ.: autoplástico — aloplástico.

● Два типа приспособительной реакции: 1) изменение только организма; 2) изменение окружающей среды.

■ Эти понятия иногда используются в психоанализе; в теории психологического поля, определяемого взаимодействием организма с его окружением, оно обозначает два типа действий: одни направ-

лены только на субъекта и вызывают внутренние изменения, другие направлены на внешний мир. Даньель Лагаш (1) использовал эти понятия в своей концепции поведения (α).

Ш.Ференци говорил об аутопластической адаптации в особом генетическом смысле: речь шла о простейшем способе приспособления организма к окружению — на такой онто- и филогенетической стадии развития (стадия "протопсихики"), когда организм может управлять лишь самим собой, порождая лишь телесные изменения. Ференци говорит в этой связи об истерической конверсии* и, точнее, о "феноменах материализации": их "... сущность заключается в удовлетворении желания, словно по волшебству, — с помощью собственного тела и даже с помощью зачаточных образных представлений" (2). При этом возникает регрессия — более глубокая, нежели во сне, и потому бессознательное находит свое воплощение даже не в зрительных образах, но в телесных жестах и состояниях.

Напротив, аллопластической адаптацией Ференци подчас называет действия, направленные вовне и позволяющие *Я* поддерживать свое равновесие с окружением (3).

α) Ср. следующую таблицу:

ОПЕРАЦИИ

	Автопластические	Аллопластические
Конкретные.........	Физиологические	Материальные действия
Символические......	Психическая деятельность, сознательная и бессознательная	Коммуникация, языки

(1) Cf. Lagache (D.). Éléments de Psychologie médicale, 1955. In: Encyclopédie médico-chirurgicale. Psychiatrie 37030 A 10.

(2) Ferenczi (S.). The Phenomens of Hysterical Materialisation. Thoughts on the Conception of Hysterical Conversion and Symbolism, 1919. In: Further Contributions, 96.

(3) Ср. также: Freud (S.). Der Realitätsverlust bei Neurose und Psychose, 1924. G.W.XIII, 366; S.E., XIX, 185. — А также Alexander (F.). Der neurotische Charakter. In: Internat. Zeit., 1928.

АВТОЭРОТИЗМ

Нем.: Autoerotismus. — Франц.: auto-erotisme. — Англ.: auto-erotism. — Исп.: autoerotismo. — Итал..: autoerotismo. — Португ.: auto-erotismo.

● А) В широком смысле слова — такое сексуальное поведение, при котором субъект достигает удовлетворения, пользуясь только собственным телом, без каких-либо внешних объектов: именно в этом смысле говорят о мастурбации как об автоэротическом поведении.

Б) В более узком смысле слова — незрелое, инфантильное сексуальное поведение, при котором частичное влечение, связанное с каким-либо одним органом или возбуждением в одной эрогенной зоне, находит свое удовлетворение тут же, на месте, не прибегая ни к какому внешнему объекту и безотносительно к цельному образу тела, к первичному наброску *Я* (как это бывает при нарциссизме).

■ Понятие автоэротизма (α) в широком смысле, близком к А, было введено Хэвлоком Эллисом : "Автоэротизмом я называю явления, обусловленные спонтанной сексуальной эмоцией при отсутствии какого-либо внешнего стимула — прямого или опосредованного" (1a).

При этом Х. Эллис вычленяет в автоэротизме его "крайнюю форму" — нарциссизм, или "тяготение сексуальной эмоции к всепоглощающему самолюбованию" (1b).

В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) Фрейд вновь обращается к этому понятию, главным образом — чтобы осмыслить сущность детской сексуальности. Он считал трактовку Х.Эллиса слишком широкой (2a) и определял автоэротизм через отношение влечения к его объекту: "Влечение не направлено на других людей; оно находит удовлетворение в теле самого субъекта" (2b). Дополнительные разъяснения по этому поводу дает фрейдовское разграничение между различными аспектами влечения — силой*, источником*, целью*, объектом*. При автоэротизме "... объект влечения уходит на задний план по сравнению с органом, на котором он основывается и с которым он, как правило, совпадает" (3a).

1) Теория автоэротизма связана с важнейшим моментом "Трех очерков" — тезисом об условности объекта сексуального влечения. Если в начале сексуальной жизни удовлетворение может быть достигнуто без помощи объекта, значит не существует никакого предзаданного пути, который бы вел субъекта к заранее определенному объекту.

Эта теория не предполагает никакого первичного "необъектного" состояния. Сосание материнской груди, которое служит Фрейду прообразом автоэротизма, на самом деле вторично по отношению к более раннему этапу, на котором сексуальное влечение, примыкавшее (см.: Примыкание*) к влечению самосохранения (голод), удовлетворялось особым объектом — материнской грудью (2c). Отделяясь от потребности в пище, оральное сексуальное влечение теряет свой объект и становится автоэротическим.

Когда говорят о безобъектности автоэротизма, при этом подразумевается не отсутствие отнесенности к объекту и не упразднение самой потребности в объекте, но лишь то, что естественный способ достижения объекта при этом расщепляется: сексуальное влечение

обособляется от несексуальных функций (например, питания), которые раньше были ему опорой, определяли его цель и объект.

"Первоначалом" автоэротизма, стало быть, оказывается тот момент (постоянно воспроизводящийся и не закрепленный жестко за определенным моментом эволюции), в который сексуальность отделяется от естественного объекта, предается фантазированию* и тем самым рождается в качестве сексуальности.

2) По Фрейду, понятие автоэротизма с самого начала предполагает не объектное отношение, а такое состояние организма, при котором влечения удовлетворяются собственными силами вне какой-либо внешней поддержки. Уже в "Трех очерках" автоэротизм предстает как результат активности различных частей тела, как такое сексуальное возбуждение, которое возникает и удовлетворяется на месте, в отдельно взятой эрогенной зоне (локальное удовольствие*). Конечно, автоэротическая активность чаще всего требует связи данной эрогенной области с другой частью тела (сосание большого пальца, мастурбация и пр.), однако его идеальный прообраз — это губы, целующие сами себя (2d).

Введение понятия нарциссизма* позволило задним числом прояснить понятие автоэротизма: при нарциссизме объектом нарциссического либидо становится *Я* как единый образ тела, а автоэротизм предстает как анархическая стадия, предшествующая слиянию частичных влечений в одном объекте: "Приходится признать, что поначалу индивид не обладает единством типа *Я*, которому еще только предстоит развиться. Автоэротические влечения существуют с самого начала; а для возникновения нарциссизма нужно, чтобы к автоэротизму добавилось что-то еще, какое-то новое психическое действие" (4).

Эта мысль появторяется у Фрейда неоднократно: при переходе от автоэротизма к нарциссизму "...сексуальные влечения, которые поначалу были обособлены, образуют единство и одновременно находят свой объект", причем объект этот — *Я* (5а). Впоследствии это различие стирается, особенно в тех текстах, где Фрейд признает изначальное и чуть ли не внутриутробное существование "первичного нарциссизма*". Автоэротизм отныне определяется лишь как "... сексуальная активность на нарциссической стадии либидинальной организации" (6 — 3b).

*

В общем, из сказанного выше становится ясно, что понятие, стоящее за словом "автоэротизм", можно последовательно определить в связи с первоначальной расщепленностью сексуального влечения. Подобное расщепление предполагает полное отсутствие

объекта (будь то *Я* или другой человек) и одновременно присутствие частичного, фантазматического объекта.

Можно ли считать автоэротизм родовым понятием, особой либидинальной стадией?

Мнение Фрейда по этому вопросу менялось: в 1905 г. он считал едва ли не все формы детской сексуальности автоэротическими, противопоставляя ее взрослой сексуальности с характерным для нее выбором объекта. В дальнейшем он смягчает это утверждение: "[...] я осознал недостаток моего прежнего рассуждения, где понятийное различие *автоэротизма* и *объектной любви* описывалось, в целях понятности, как последовательность этапов" (2e).

Очевидно, что Фрейд не отказался от мысли о переходе от автоэротизма к объектной любви, и потому, вводя в дальнейшем понятие нарциссизма, он включал его в ту же самую временну́ю последовательность (5b). Однако эту последовательность не следует понимать буквально, тем более что она как бы удваивается структурным различием: автоэротизм — это не признак действий, связанных с определенным влечением (оральным, анальным и пр.): он присутствует в каждой из этих деятельностей — поначалу как ранняя стадия, а затем как составной момент: в любом случае речь идет о локальном удовольствии.

Окончательное превращение автоэротизма в отдельную стадию произошло у Абрахама, где автоэротическая стадия предстает как *одна из* стадий либидинальной организации, а именно как ранняя оральная стадия (сосание).

(α). Впервые слово "автоэротизм" встречается в опубликованной в 1898 г. статье Х.Эллиса "Автоэротизм: психологическое исследование" (Auto-erotism: A psychological study, Alien.Neurol., 19, 260). Фрейд впервые использует его в письме к Флиссу от 9.12.1899.

(1) Ellis (H.). Studies in the Psychology of Sex, 1899. Франц. пер.: Mercure de France, Paris, 5e ed., 1916. — a) франц., 281.

(2) Freud (S.). a) Cf. G.W., V, 82, n.1; S.E. VII, 181, n.2; франц., 179, n. 179, n.49 incomplète. N.B. В немецких изданиях до 1920 г. приводится следующее замечание, отсутствующее в последующих изданиях: "Хэвлок Эллис, однако, бросил тень на смысл изобретенного им самим термина, включив в него истерию и всяческие проявления мастурбации". — b) G.W. V, 81 — 82; S.E., VII, 181; франц., 74. — c) Cf. G.W. 82 — 83, 98 — 99, 123; S.E., 181 — 183,198,222; франц., 74 — 76,95 — 96,132. — d) Cf. G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц., 76. — e) G.W., V, 94, note de 1910; S.E. VII, 194; франц., n.58, 181.

(3) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 225; S.E., XIV, 132; франц., 53.- b) G.W., X, 227; S.E., XIV, 134; франц., 57.

(4) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 142; S.E. XIV, 76 — 77.

(5) Freud (S.). Totem und Tabu, 1912.-a) G.W., IX, 109; S.E., XIII, 88; франц., 125.

(6) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916 — 1917. G.W., XI, 431; S.E., XIV, 416; франц., 445.

АГРЕССИВНОСТЬ

Нем.: Aggression, Aggressivität. — Франц.: agressivité. — Англ.: aggressivity, aggressiveness. — Исп.: agresividad. — Итал.:aggressività. — Португ.: agressividade.

○ Тенденция или совокупность тенденций, проявляющихся в реальном поведении или фантазировании, цель которых заключается в том, чтобы повредить другому человеку, уничтожить, понудить к каким-либо действиям, унизить его и пр. Агрессия может выражаться не только в прямом действии разрушения или насилия. Любое поведение, как негативное (например, отказ от помощи), так и позитивное, символическое (например, ирония), при действенном осуществлении может выполнять функцию агрессии. Психоанализ придает агрессивности все большее значение, показывая, как рано она включается в развитие субъекта, и выявляя сложную картину ее связей с сексуальностью и противостояние ей. Эта эволюция идей приводит к попыткам обнаружить в основе агрессивности единый субстрат всех влечений — влечение к смерти.

◘ Нередко считают, что Фрейд признал значение агрессивности очень поздно. Об этом, казалось бы, свидетельствуют такие его высказывания: "Почему нам понадобилось так много времени, чтобы наконец признать влечение к агрессивности? Почему мы колебались, прежде чем использовать в теории факты, которые очевидны и знакомы любому человеку?" (1а). На самом деле эти два поставленные Фрейдом вопроса следовало бы рассматривать порознь: в течение долгого времени Фрейд действительно отвергал гипотезу о самостоятельном "влечении к агрессии", высказанную Адлером уже в 1908 г., однако неверно было бы думать, будто вплоть до "поворота начала 20-х годов" психоаналитическая теория не учитывала агрессивное поведение.

Это несложно показать на многих уровнях. И прежде всего на уровне лечения, где Фрейд очень рано столкнулся с сопротивлением, окрашенным агрессивностью: "...человек, который раньше был добрым и честным, становится грубым, лживым, необузданным, лицемерным, покуда я не скажу ему об этом, помогая ему тем самым смирить себя" (2). Более того, уже в случае Доры ("Отрывок из анализа истерии" (Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905)) Фрейд отмечал проявления агрессивности при психоаналитическом лечении: "...когда используются другие способы лечения, больной обнаруживает при трансфере лишь положительные, дружеские чувства, способствующие его выздоровлению (...). Напротив, в психоанализе должны пробуждаться, использоваться врачом и доводиться до сознания больного все его чувства, в том числе и враждебные" (3). Трансфер сразу же предстал перед Фрейдом

как форма сопротивления, причем это сопротивление было обусловлено наличием так называемого негативного трансфера (см.: Трансфер).

Как показывает клинический опыт, при некоторых расстройствах (невроз навязчивых состояний, паранойя) враждебные чувства играют особенно важную роль. Понятие *амбивалентности** чувств означает сосуществование любви и ненависти — если и не на глубинном метапсихологическом уровне, то по крайней мере на уровне непосредственного опыта. Вспомним мысли Фрейда о разных формах остроумия: "...когда остроумие не выступает как цель в себе и тем самым как вполне невинное занятие, в его основе могут лежать лишь два побуждения [...]: либо это *злая шутка,* связаная с агрессией, сатирой, защитой, либо это *неприличная шутка...*" (4).

Фрейд неоднократно говорит по этому поводу о "враждебном влечении", о "враждебном побуждении". В конце концов и комплекс Эдипа стал открытием взаимосвязи любовных и враждебных желаний; в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) он впервые представлен в разделе "Сны о смерти близких людей"; его разработка постепенно приводит к более ясному осознанию взаимосвязи между этими двумя типами желания в их возможных сочетаниях.

Разнообразие, распространенность и значимость этих явлений требовали теоретического объяснения. В первой теории влечений концепция Фрейда строится на нескольких уровнях:

1) Фрейд не считал, что агрессивные склонности и формы поведения образуют какое-то особое влечение. Ведь иначе одному-единственному влечению приписывалось бы все то, что, по сути, характеризует сущность влечения как такового, а именно то, что влечение оказывает давление, требуя от психического аппарата работы и побуждая к движению. И в этом смысле удовлетворение влечения (даже если это "пассивное" влечение — быть любимым, быть объектом наблюдения и пр.) требует деятельности, преодоления препятствий: "всякое влечение есть частица деятельности" (5а).

2) Как известно, в первой теории влечений сексуальные влечения противопоставлялись влечениям к самосохранению. Влечения к самосохранению призваны сохранять и поддерживать индивидуальное существование. Теоретическое объяснение столь явно агрессивных чувств и видов поведения, как, например, садизм или ненависть, усматривается в сложном взаимодействии двух основных типов влечений. Работа "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) свидетельствует о том, что уже в этот период существовала метапсихологическая теория агрессивности. Внешнее превращение любви в ненависть — это лишь иллюзия: ненависть — это не отрицательная любовь, она возникает

независимо и достаточно сложным путем; Фрейд утверждает здесь, что "подлинные прообразы отношения ненависти возникают не в сексуальной жизни, а в борьбе *Я* за самосохранение и выживание" (5b).

3) Наконец, в области влечений к самосохранению Фрейд выявляет — либо как функцию, либо как независимое влечение — активность, направленную на овладение объектом (Bemächtigungstrieb) (см.: Влечение к овладению). Это понятие обозначает промежуточную область между осуществлением той или иной функции и стремлением к разрушению ради разрушения. Влечение к овладению — это самостоятельное влечение, связанное с особым аппаратом (работа мышц) и особым периодом развития (анально-садическая стадия). Однако "... нанести объекту вред или уничтожить его — это одно и то же" (5c): внимание, сострадание другому человеку возникают лишь в результате мазохистского извращения, при котором влечение к овладению невозможно отличить от порождаемого им сексуального возбуждения (см.:Садомазохизм).

*

В последней теории влечений агрессивность играет более важную роль и занимает иное место.

Там, где теоретические взгляды Фрейда на агрессивность четко выражены, их можно обобщить следующим образом: "Определенная часть влечений (влечения к смерти) непосредственно подчиняется сексуальному влечению и играет при этом важную роль. Это садизм в собственном смысле слова. Другая часть влечения не обращается вовне, оставаясь внутри организма, причем сопровождающее ее сексуальное возбуждение [...] придает ей либидинальную окраску. Это изначальный эрогенный мазохизм" (6).

Чаще всего Фрейд называет влечением к агрессии* (Agressiontrieb) ту часть влечения к смерти, которую движения мышц обращают вовне. По Фрейду, влечение к агрессии* (Aggressiontrieb), подобно тенденции к саморазрушению, может быть осмыслено лишь в связи с сексуальностью (см.: Соединение — Разъединение).

Дуализм "влечение к жизни — влечение к смерти" нередко уподобляется в психоанализе дуализму "сексуальность — агрессивность", что, впрочем, было характерно и для Фрейда (1b). Однако такое уподобление требует пояснений:

1) факты, посредством которых Фрейд в "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) обосновывает понятие влечения к смерти, связаны не с агрессивным поведением, а с навязчивым повторением*.

2) Ряд агрессивных проявлений приобретает для Фрейда все большее значение: это агрессивность, направленная на себя, клинические разновидности скорби и меланхолии, "бессознательное чувство вины"*, "отрицательная терапевтическая реакция" и пр., которые заставляют Фрейда говорить о "таинственной мазохистской склонности *Я*" (7).

3) Такие понятия, как влечение к жизни, или Эрос, — это не только новое название того, что ранее именовалось сексуальностью. Под Эросом* Фрейд, по сути, имел в виду всю совокупность влечений, создающих или сохраняющих органические единства, так что в эту группу могут быть включены не только сексуальные влечения, направленные на сохранение рода, но и влечения к самосохранению, направленные на выживание индивида.

4) Подобно этому, влечение к смерти* — это не просто родовое понятие, обозначающее лишь то, что ранее называлось агрессивностью. Конечно, борьба за жизнь отчасти относится к Эросу. Что же касается влечения к смерти, то оно весьма притязает на господство над тем аспектом человеческой сексуальности, который, по признанию Фрейда, связан с бессознательным желанием — неукротимым, упорным, нереалистичным, а с "экономической" точки зрения, — нацеленным на полное устранение напряжений.

Спрашивается: какие изменения претерпевает понятие агрессивности после поворота начала 20-х годов? Эти изменения можно подытожить так:

1) агрессивность прежде всего обнаруживается во все новых областях. С одной стороны, трактовка разрушительного влечения, с его способностью раскрываться вовне и вновь обращаться внутрь, помогает представить все сложности садомазохизма как особой реальности, поясняющей многие перипетии душевной жизни. С другой стороны, оказывается, что агрессивность характеризует не только отношения субъекта к объекту или к самому себе, но также и отношения между различными его инстанциями (ср. конфликт между *Сверх-Я* и *Я*).

2) Усматривая источник влечения к смерти в самом субъекте, а основу агрессивности — в агрессии, направленной против самого себя, Фрейд тем самым разрушает традиционное понимание агрессивности как способа отношения к другим людям, как насилия над ними. При этом некоторым утверждениям Фрейда насчет естественной испорченности человека (8) противостоят оригинальные моменты его теории.

3) Позволяет ли, наконец, последняя теория влечений провести

более четкое различие между агрессивностью и активностью? Как отметил Д. Лагаш, "понятие активности — по крайней мере на первый взгляд — представляется гораздо более широким, чем понятие агрессивности; все биологические или физиологические процессы выступают как определенные формы активности, так что, в принципе, агрессивность характеризует лишь некоторые типы активности" (9). Поскольку Фрейд был склонен включать все, что связано с жизненно значимым поведением, в Эрос, встал вопрос о том, что же собственно определяет агрессивное поведение. Ответ на этот вопрос отчасти содержится в понятии соединения — разъединения влечений. В самом деле, речь здесь идет не только о существовании особого рода сплавов, в которых влечения слиты в различных пропорциях, но и о том, что феномен разъединения свидетельствует о победе разрушительного влечения над единствами, которые создает и сохраняет Эрос. С этой точки зрения, агрессивность — это, по сути, дезорганизующая, разрушительная сила. Все эти тенденции подчеркивались теми авторами, которые, вслед за М. Кляйн, настаивают на преобладании разрушительных влечений в период раннего детства.

Фрейдовская трактовка понятия агрессивности противоречит, таким образом, смыслу родственных терминов в психологии, особенно англоязычной. Составители словаря психологических и психоаналитических терминов (Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms) Г.Б. и А.С. Инглиш отмечают, что слово agressiveness потеряло в конечном счете прямую связь с враждебностью и означает ныне скорее "дух предприимчивости", "энергию", "активность"; что же касается слова agressivity, то оно, напротив, сохранило свое исходное значение (ср. "agression", "to agress" (α).

α). В родном для Фрейда немецком языке имеется лишь слово Aggression, обозначающее и акты агрессии, и общую склонность к агрессивному поведению.

(1) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1933. — a) G.W., XV, 110; S.E., XXII, 103; франц., 141. — b) Cf. G.W., XV, 109 sqq.; S.E., XXII, 103 sqq.; франц., 141 sqq.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. Письмо от 27.10.1897. Нем., 241; англ., 226; франц., 200.

(3) Freud (S.). G.W., V, 281; S.E., VII, 117; франц., 88.

(4) Freud (S.). Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten, 1905. G.W., VI, 105; S.E., VIII, 96 — 97; франц., 109.

(5) Freud (S.). a) G.W., X, 214; S.E., XIV, 122; франц., 34. — b) G.W., X, 230; S.E., XIV, 138; франц., 63. — c) G.W., X, 231; S.E., XIV, 139; франц., 64.

(6) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. G.W., XIII, 376; S.E., XIX, 163-164; франц. 216.
(7) Freud (S.). G.W., XIII, 11; S.E., XVIII, 14; франц., 13.
(8) Cf. Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930.
(9) Lagache (D.). Situation de l'agressivité. In: Bull.Psychol., 1960, XIV, n. 1, pp.99 — 112.

АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕХНИКА

Нем.: aktive Technik. — Франц.: technique active. — Англ.: active technique. — Исп.: técnica activa. — Итал.: tecnica attiva. — Португ.: técnica ativa.

● Совокупность приемов, предложенных Ференци: психоаналитик, не ограничиваясь истолкованиями, формулирует собственные предписания и запреты, относящиеся к некоторым повторяющимся формам поведения пациента, как в рамках психоанализа, так и вне его, если доставляемое этим поведением удовольствие препятствует припоминанию и продвижению вперед в лечении.

■ Мысль об активном воздействии связана в истории психоанализа с именем Ш. Ференци. Он впервые поднял эту тему применительно к скрытым формам мастурбации, которые встречаются в анализе истерии и подлежат запрету; в самом деле, пациент "склонен связывать с ними свои патогенные фантазмы и замыкать их накоротко моторной разрядкой, вместо того чтобы осознавать их" (1а). Ференци подчёркивал, что подобные запреты направлены лишь на то, чтобы облегчить выход из тупиков аналитической работы; при этом он ссылался на опыт Фрейда, который — на определенной стадии анализа — заставлял страдающих фобией пациентов непосредственно сталкиваться с порождающей фобию ситуацией.

На Конгрессе в Гааге в 1920 г. Ференци, ободренный благожелательной реакцией со стороны Фрейда, сформулировавшего на Будапештском конгрессе 1919 г. правило невмешательства*, изложил общие принципы своей активной терапии. Она предполагала наличие двух стадий эротического возбуждения и контроля над ним (в том случае, если оно не сублимировано). Первая стадия предполагает *предписание* — преобразовать вытесненные влечения в явные удовлетворения и полностью осознать их. Вторая стадия, напротив, предполагает *запрет* по отношению к тому, что уже осознано; психоаналитик может теперь связать различные формы поведения и аффекты, выявленные на первой стадии, с детскими ситуациями.

С теоретической точки зрения обращение к технике активного воздействия можно обосновать следующим образом: в противоположность катартическому методу*, при котором возникновение того

или иного воспоминания вызывает эмоциональную реакцию, метод активного воздействия, побуждающего к отыгрыванию* и проявлению аффекта*, облегчает возврат вытесненного. "Некоторые содержания раннего детского опыта [...] нельзя вспомнить: их можно лишь заново пережить" (3).

С точки зрения психоаналитической техники Ференци полагал, что прибегать к активному воздействию можно лишь в особых случаях и на ограниченное время, а именно когда трансфер становится навязчивым, причем, как правило, в конце лечебного курса. При этом он подчеркивал, что не собирается менять основное правило* психоанализа: все предлагаемые им "приемы" должны лишь облегчить соблюдение этого правила.

Впоследствии Ференци значительно расширил поле активного воздействия (4). В небольшой работе, написанной им совместно с Отто Ранком ("Цели развития психоанализа" [Entwiklungsziele der Psychoanalyse, 1924]), он дал такое истолкование процесса лечения в либидинальных терминах, при котором, в особенности на последней стадии (или стадии "отлучения от либидо"), обращение к технике активного воздействия при определении конца лечения стало совершенно необходимым.

Однако в итоге Ференци отказался от этой точки зрения. Он пришел к мнению, что активное воздействие значительно усиливает сопротивление пациента; формулируя приказы и запреты, аналитик принимает на себя роль родительского *Сверх-Я* или же роль школьного учителя; что же касается определения конца лечения, то возникавшие при этом неудачи, по его мнению, показали, что прибегать к этой мере можно лишь изредка, всегда лишь с согласия пациента, и при первой же возможности от нее отказаться (5). В итоге Ференци пришел к отказу от активного воздействия: "...мы должны ограничиться истолкованием скрытых тенденций больного к отыгрыванию и поддержать его слабые усилия по преодолению невротических торможений, от которых он ранее страдал, не навязывая и даже не предлагая ему решительных мер борьбы с ними. Если мы будем достаточно терпеливы, больной рано или поздно сам придет к вопросу о том, должен ли он сделать такое усилие, например бросить вызов ситуации, порождающей у него фобию [...]. Лишь сам больной сможет решить, что наступил момент активного действия, или по крайней мере очевидным образом указать на это" (6).

Нередко техника активного вмешательства противопоставляется чисто "ожидательной", пассивной позиции, которой требует психоаналитический метод. На самом же деле такое противопоставление искусственно: с одной стороны, потому что сам Ференци всегда считал активную технику вспомогательным приемом, а не самостоятельной разновидностью аналитического метода; с другой сто-

роны, потому что и сам этот метод не исключает некоторой активности психоаналитика, поскольку вопросы, определение промежутков между сеансами и пр., да и сама интерпретация активны в той мере, в какой они необходимо меняют ход ассоциаций. Особенность техники активного воздействия — это акцент на повторении*, которое у Фрейда противопоставлено процессу воспоминания. Чтобы преодолеть это принуждение к повторению и в итоге сделать возможным воспоминание или хотя бы продвижение аналитической работы вперед, Ференци не только допускал повторение, но и побуждал к нему. И в этом суть техники активного воздействия (α).

α) Более широкое обсуждение этой тематики мы находим в книге Гловера "Психоаналитическая техника" (The technique psychanalytique, 1955) (7), однако и здесь проблемы, связанные с техникой активного воздействия, остаются нерешенными.

(1) Ferenczi (S.). Technische Schwierigkeiten einer Hysterieanalyse, 1919. — a) Нем. In: Intern. Zeit. für ärztliche Psychoanalyse, V, 37; англ. In: Further Contributions, 193. — b) Cf. Нем., 39; англ.: 196.

(2) Freud (S.). Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie, 1910. G.W., VIII, 108 — 109; S.E., XI, 145; фр., 27 — 28.

(3) Ferenczi (S.). Weiterer Ausbau der aktiven Technique in der Psychoanalyse, 1920. Нем. In: Intern. Zeit. für Psychoanalyse, VII, 233 — 251; англ. In: Further Contributions, 217.

(4) Ср., в особенности: Ferenczi (S.). Zur Psychoanalyse von Sexualgewohnheiten, 1925. In: Further Contr., 259 — 297, и Über forcierte Phantasien, 1924. In: Further Contr., 68 — 77.

(5) Cf. Ferenczi (S.). Kontrindikationen der aktiven psychoanalytischen Technik, 1925. In: Further contr., 217 — 230.

(6) Ferenczi (S.). Die Elastizität der psychoanalytischen Technik, 1928. Нем. In: Intern. Zeit. fur Psychoanalyse, XIV, 197 — 209; англ. In: Final Contributions, 96 — 97.

(7) Cf. Glover (E.). Гл. IV.

АКТИВНОСТЬ — ПАССИВНОСТЬ

Нем.: Aktivität — Passivität. — Франц.: activité — passivité. — Англ.: activity — passivity. — Исп.: actividad — passividad. — Итал.: attività — passività. — Португ.: atividade — passividade.

● Одно из основных противоречий душевной жизни. Это противопоставление характеризуется определенными типами целей* влечения. С точки зрения генезиса, противоположность активного — пассивного первична по отношению к другим противоположностям, в которые она непосредственно включена: фалличность — кастрация, мужское — женское.

■ Хотя активность и пассивность у Фрейда — это прежде всего

различные способы жизни влечений, из этого, однако, не следует, что можно противопоставлять друг другу активные и пассивные влечения. Как раз наоборот: как отмечает Фрейд, особенно в своей полемике с Адлером (см.: Влечение к агрессивности), активность входит в само определение влечения: "... каждое влечение — это частица деятельности; когда говорят, весьма неточно выражаясь, о пассивных влечениях, могут иметь в виду лишь влечения, направленные на пассивную цель" (1а).

Эту пассивность цели психоаналитики усматривают в тех случаях, когда люди стремятся к дурному обращению с собой (мазохизм) или же к тому, чтобы за ними подглядывали (эксгибиционизм). Как следует здесь понимать пассивность? Необходимо различать два уровня: явное поведение и лежащие в его основе фантазии. Очевидно, например, что мазохистское поведение отвечает определенной потребности и направлено на получение удовлетворения. Однако эта цель в конечном счете достигается лишь тогда, когда субъект полностью подчиняется другому человеку. На уровне фантазии видно, что всякая пассивная позиция неотделима от своей противоположности: например, при мазохизме "... пассивное *Я* ставит себя в своих фантазиях на место [...]другого человека" (1b). И в этом смысле на уровне фантазий всегда можно обнаружить одновременное или поочередное присутствие как активности, так и пассивности. Во всяком случае, когда мы исследуем природу искомого при этом удовлетворения или же своеобразие фантазий, эта взаимодополнительность не должна скрывать от нас жесткой закрепленности сексуальной роли — либо активной, либо пассивной.

Противоположность активности и пассивности играет важную роль в человеческом развитии; она предшествует двум другим парам противоположностей: фаллическое—кастрированное, мужское — женское. По Фрейду, именно на анальной стадии "... явно обнаруживается противопоставление, которое постоянно сопровождает сексуальную жизнь человека [...], причем активный момент, т. е. влечение к овладению, связан с работой мышц, а пассивная сексуальная цель — с эрогенной слизистой оболочкой кишечника"(2). Из этого вовсе не следует, что на оральной стадии нет активности и пассивности, однако они пока еще не образуют антагонистической противоположности.

Рут Мак Брунсвик так описывает доэдипову стадию развития либидо (The Preoedipal Phase of the Libido Development, 1940): "В ходе развития либидо возникают три пары противоположностей: они смешиваются, пересекаются, соединяются, никогда не совпадая полностью, а в итоге даже замещают одна другую; в жизни младенца и ребенка господствуют две первые противоположности, а в жизни подростка — третья" (3а). Поначалу ребенок ведет себя в отношениях с матерью, удовлетворяющей его потребности, абсолютно

пассивно, и лишь со временем "каждое его действие обретает опору в самоотождествлении с активной матерью" (3b).

(1) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 214 — 215; S.E., XIV, 122; франц., 34. — b) G.W., X, 220; S.E., XIV, 128; франц., 45.
(2) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 99; S.E., VII, 198; франц., 96.
(3) Mack Brunswick (R.) In: Psa. Read. a) 234. — b) 234 — 235.

АЛЛОЭРОТИЗМ

Нем.: Alloerotismus. — Франц.: allo-érotisme. — Англ.: allo-erotism. — Исп.: aloerotismo. — Итал.: alloerotismo. — Португ.: alo-erotismo.

● Термин, иногда обозначающий нечто противоположное автоэротизму: сексуальная деятельность, находящая удовлетворение во внешнем объекте.

■ В 1899 г. Фрейд впервые использовал термин "автоэротизм" (см. этот термин) в паре с термином "аллоэротизм", который, в свою очередь, подрасчленяется на гомоэротизм (удовлетворение от объекта того же пола — гомосексуальность) и гетероэротизм (удовлетворение от объекта противоположного пола — гетеросексуальность) (1). Этим редким термином пользовался преимущественно Э.Джонс.

(1) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychanalyse, 1887 — 1902. Нем., 324; англ., 303; франц., 270.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

Нем.: Ambivalenz. — Франц.: ambivalence. — Англ.: ambivalence. — Исп.: ambivalencia. — Итал.: ambivalenza. — Португ.: ambivalência.

● Противоположность душевных склонностей, установок и чувств, преимущественно любви и ненависти, направленных на один и тот же объект.

■ Понятие амбивалентности заимствовано Фрейдом у Блейлера(1), который ввел это понятие, рассматривая амбивалентность с трех точек зрения. Волевая амбивалентность (Ambitendenz) означает, например, что субъект одновременно хочет есть и не хочет есть. Интеллектуальная амбивалентность означает, что субъект одновременно высказывает нечто и то, что ему противоречит. Аффективная

амбивалентность означает, что субъект одновременно и любит и ненавидит одного и того же человека.

Блейлер считал амбивалентность одним из главных симптомов шизофрении (2), полагая, однако, что она встречается и у нормальных людей.

Новизна понятия амбивалентности по сравнению с тем, что ранее выступало как смятение чувств или перемена установок, связана, с одной стороны, с сохранением противопоставления, сосуществованием утверждения и его отрицания, а с другой стороны, с тем, что это фундаментальное противопоставление обнаруживается в самых разных областях душевной жизни. Блейлер подчеркнул особое значение аффективной амбивалентности и тем самым в известной мере предопределил направленность фрейдовской трактовки этого понятия.

Это понятие впервые появилось у Фрейда в "Динамике трансфера" (Zur Dynamik der Übertragung, 1912) — при попытке объяснить феномен негативного трансфера: "...он нередко обнаруживается наряду с позитивным трансфером, направленным на одного и того же человека.[...] именно амбивалентность аффективных целей (Gefühlsrichtungen) позволяет нам лучше понять склонность невротиков к сопротивлению посредством трансфера" (3). Однако идея взаимосвязи между любовью и ненавистью встречалась у Фрейда и раньше, например в исследовании случаев Маленького Ганса (4) или Человека с крысами: "В сердце любящего разыгрывается настоящая битва между любовью и ненавистью к одному и тому же человеку" (5).

Во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) Фрейд говорил об амбивалентности в связи с противоположностью активности и пассивности* (6а). Понятию амбивалентности редко придается столь широкий смысл. В том же тексте мы видим и более "вещественное" противопоставление любви и ненависти, позволяющее выявить амбивалентность более четко.

Амбивалентность характеризует ряд расстройств (психозы, неврозы навязчивых состояний), ряд состояний (ревность, скорбь), а также ряд стадий либидинального развития, на которых любовь к объекту сосуществует с его разрушением (орально-садическая и анально-садическая стадии).

В этом смысле амбивалентность становится у Абрахама категорией, позволяющей уточнить своеобразие объектного отношения на каждой стадии. Первичная оральная стадия носит название доамбивалентной: "[Сосание груди] это вид поглощения, не разрушающего объект" (7). По Абрахаму, собственно амбивалентность появляется лишь на орально-садической, каннибалической* стадии с характерным для нее враждебным отношением к объекту; впоследствии индивид научается щадить объект, беречь его от разру-

шения. Окончательное преодоление амбивалентности возможно лишь на генитальной (постамбивалентной) стадии. У М. Кляйн, вслед за Абрахамом, понятие амбивалентности играет существенную роль. По Кляйн, влечение изначально амбивалентно: "любовь" к объекту неотделима от его разрушения; и потому амбивалентность становится качеством самого объекта. Чтобы не допустить такой амбивалентности объекта, одновременно и благожелательного и враждебного, субъект борется с ним, расчленяя его на "хороший" и "плохой"*.

*

Понятие амбивалентности нередко используется в психоанализе в очень широком смысле, обозначая действия и чувства, обусловленные защитным конфликтом между несоизмеримыми побуждениями; поскольку приятное для одной психической системы подчас оказывается неприятным для другой, постольку амбивалентным можно назвать любое "компромиссное образование". Однако понятие амбивалентности обозначает, хотя и нечетко, любое конфликтное отношение. Чтобы сохранить описательное и симптоматическое значение, присущее ему изначально, следовало бы использовать его только при анализе особого рода конфликтов, в которых положительный и отрицательный элементы аффективной установки существуют одновременно и неразрывно, образуя недиалектическое противопоставление, непреодолимое для субъекта, одновременно говорящего и "да", и "нет".

Итак, должны ли мы, вслед за Фрейдом, говорить, в связи с амбивалентностью, об основополагающем дуализме влечений? Тогда амбивалентность любви и ненависти можно будет объяснить особенностями их становления, усматривая источник ненависти во влечениях к самосохранению ("ее прообразом выступает борьба *Я* за самосохранение и самоутверждение") (6е), а источник любви — в сексуальных влечениях. Противоположность влечений к жизни и влечений к смерти во второй фрейдовской концепции влечений окажется тогда более тесно связанной с амбивалентностью влечений (см.: Соединение — Разъединение).

Заметим, что к концу своей творческой деятельности Фрейд стал придавать амбивалентности большее значение в клинике и теории конфликта. Эдипов конфликт, укорененный во влечениях, осмысляется им в связи с амбивалентностью (Ambivalenz Konflikt) и важнейшими его параметрами оказываются "...вполне оправданная любовь и не менее обоснованная ненависть к одному и тому же человеку" (8). С этой точки зрения, невротические симптомы предстают как попытка разрешения этого конфликта: так, при

фобиях происходит смещение одной из составляющих — ненависти — на замещающий объект; при неврозе навязчивых состояний враждебные побуждения вытесняются в результате усиления либидинальных побуждений и возникновения реактивных образований*. Такой подход Фрейда к понятию конфликта интересен тем, что укоренение защитного конфликта в динамике влечений побуждает видеть в глубине этого конфликта, приводящего в действие различные инстанции психического аппарата, внутренние противоречия жизни влечений.

(1) Cf. Bleuler (E.). Vortrag über Ambivalenz, 1910. In: Zentralblatt für Psychoanalyse, I, 266.

(2) Cf. Bleuler (E.). Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien, Leipzig und Wien, 1911.

(3) Freud (S.). G.W., VIII, 372 — 373; S.E., XII, 106 — 107; франц., 58 — 59.

(4) Cf. Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjärigen Knabe, 1909. G.W., VII, 243 — 377; S.E., X, 5 — 149; франц., 93 — 198.

(5) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. G.W., VII, 413; S.E., X, 191; франц., 223.

(6) Freud (S.). Triebe und Triebeschicksale, 1915. — a) G.W., X, 223-224; S.E., XIV, 131; франц., 51. — b) G.W., X, 230; S.E., XIV, 138; франц., 63.

(7) Abraham (K.). Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924. Франц., II, 276.

(8) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 130; S.E., XX, 102; франц., 20.

АМБИВАЛЕНТНЫЙ, ДОАМБИВАЛЕНТНЫЙ, ПОСТАМБИВАЛЕНТНЫЙ

Нем.: ambivalent, prä-ambivalent, post-ambivalent. — Франц.: ambivalent, préambivalent, post-ambivalent. — Англ.: ambivalent, pre-ambivalent, post-ambivalent. — Исп.: ambivalente, preambivalente, postambivalente. — Итал.:ambivalente, preambivalente, postambivalente. — Португ.: ambivalente, pré-ambivalente, pos-ambivalente.

● Термины введены К.Абрахамом для определения эволюции либидинальных стадий с точки зрения отношения к объекту. Оральная стадия в своей первой фазе (сосание) доамбивалентна; амбивалентность возникает во второй ее фазе (кусание) и достигает своей высшей точки на анальной стадии; она сохраняется и на фаллической стадии, исчезая лишь с завершением латентной фазы и возникновением любви к генитальному объекту.

■ Читателю стоит обратиться к статье К.Абрахама "Опыт описания истории либидинального развития на основе психоанализа душевных расстройств" (Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924).

Помимо этого заслуживает внимания онтогенетический взгляд на эту проблему у Р.Флисса (1).

(См.: Амбивалентность; Стадия; статьи о различных стадиях либидо.)

(1) Cf. Fliess (R.). The psycho-analytic reader, 1950, 254 — 255.

АМНЕЗИЯ ИНФАНТИЛЬНАЯ

Нем.: infantile Amnesie. — Франц.: amnésie infantile. — Англ.: infantile amnesia. — Исп.: amnesia infantil. — Итал.: amnesia infantile. — Португ.: amnésia infantil.

● Амнезия обычно скрывает от нас факты первых лет жизни. Фрейд видел в ней нечто иное, чем просто функциональную неспособность ребенка запомнить свои впечатления; инфантильная амнезия возникает вследствие вытеснения детской сексуальности и распространяется почти на все события детства. Временная граница периода, охватываемого инфантильной амнезией, — это угасание Эдипова комплекса и вступление в латентный период.

■ Открытие инфантильной амнезии не принадлежит психоанализу. Однако, воочию столкнувшись с этим явлением, Фрейд не ограничился его объяснениями с позиции функциональной незрелости [организма] и предложил его своеобразную трактовку. Подобно истерической амнезии, инфантильную амнезию вполне можно устранить: она связана не с утратой воспоминания или недостаточной его закрепленностью, но, по сути, с вытеснением (1). Впрочем, Фрейд видел в инфантильной амнезии условие последующих вытеснений и, в частности, истерической амнезии. (Относительно инфантильной амнезии см. сноску ниже.)

(1) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 175 — 177; S.E., VII, 174 — 176; франц., 66 — 69.

АНАГОГИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ

Нем.: anagogische Deutung. — Франц.: anagogique (interprétation -). — Англ.: anagogic interpretation. — Исп.: interpretacion anagógica. — Итал.:interpretazione anagogica. — Португ.: interpretação anagógica.

● Термин Зильберера. Способ истолкования символических образований (мифов, снов и т.д.), выявляющий их универсальное этическое значение и противоположный аналитическому истолкованию. Анагогическое истолкование обращает символы к "возвышенным идеалам", тогда как аналитическое истолкование сводит их к конкретным сексуальным содержаниям.

■ Понятие анагогической интерпретации (от греч. 'αναγω — вести вверх) принадлежит языку теологии, где оно означает истолкование, "которое восходит от буквального смысла к духовному" (Литтре). Это понятие знаменует собой наиболее развитый этап в осмыслении символики у Зильберера. Оно раскрывается в "Проблемах мистики и ее символики" (Probleme der Mystik und ihrer Symbolik,1914). В параболах, ритуалах, мифах Зильберер обнаруживает двойную детерминацию: например, тот символ, который в психоанализе отображает смерть отца, анагогически истолковывается как "смерть старика Адама" в нас самих (1a). Эта двойственность сходна с противопоставлением "материального" и "функционального" феномена (см. этот термин) в том расширенном смысле, который придает ей в конечном счете Зильберер.

Различие между "функциональным" и "анагогическим" заключается лишь в том, что "...настоящий функциональный феномен — это актуальное состояние или психический процесс, тогда как анагогический образ — это такое состояние или процесс, который необходимо пережить (erlebt werden soll) (1b). Тем самым анагогическая интерпретация направлена на образование все новых и все более универсальных функциональных символов, представляющих основные этические проблемы человеческой души. Впрочем, по Зильбереру, то же относится и к толкованию сновидений во время психоаналитического лечения (1c).

Фрейд и Джонс подвергли эту концепцию критике. Фрейд видел в анагогической интерпретации возврат к допсихоаналитическим идеям, с точки зрения которых предельный смысл символов на самом деле выводится из них же самих посредством реактивных образований, рационализаций и пр. (2). Джонс связывал анагогическую интерпретацию с "проспективным" значением символики в юнговском смысле: "Символ выражает устремление к возвышенному нравственному идеалу; при невозможности достичь его это устремление останавливается на символе, хотя идеал, как можно предположить, по-прежнему присутствует в символе как то, что им символизируется" (3).

(1) Silberer (H.). Probleme der Mystik und ihrer Symbolik, Hugo Heller, Vienne et Leipzig, 1914. — a) 168. — b) 155. — c) 153.

(2) Cf. Freud (S.). Traum und Telepathie, 1922. G.W., XIII, 187; S.E., XVIII, 216.

(3) Jones (E.). The Theory of Symbolism, 1948. In: Papers on Psycho-Analysis, Baillière, London, 5e éd., 1950, 136. (Критике теории Зильберера в целом посвящена глава IV.)

АНАКЛИТИЧЕСКАЯ (ДЕПРЕССИЯ)

Нем.: Anlehnungsdepression. — Франц.: anaclitique (dépression-). — Англ.: anaclitic depression. — Исп.: depreción anaclitica. — Итал.: depressione anaclitica. — Португ.: depressão anaclitica.

● Термин Рене Шпитца(1). Означает психические расстройства, возникающие у ребенка, лишенного матери, после того как в течение первых шести месяцев жизни он имел нормальные отношения с матерью; клинически сходны с депрессией у взрослого человека.

■ Читателю следует обратиться к статье "Анаклитический", где он найдет соответствующие терминологические пояснения.

Что касается клинической картины анаклитической депрессии, то Р.Шпитц описывает ее следующим образом (2a):

"Первый месяц. — Дети становятся плаксивыми, требовательными, привязчивыми по отношению к взрослому, который общается с ними".

"Второй месяц. — Дети отказываются от контакта. Большую часть времени они лежат ничком в кроватках. Бессонница. Продолжается потеря веса. Пониженная сопротивляемость к обычным заболеваниям. Задержка моторного развития продолжается. Маскообразное выражение лица".

"После третьего месяца. — Устойчиво застывшее выражение лица. Плач прекращается и заменяется хныканьем. Задержка моторного развития приводит к состоянию, сходному с летаргическим. Замедление общего развития".

"Если до наступления критического периода (между концом третьего и концом пятого месяца) ребенок возвращен матери или ей найдена подходящая замена, расстройство исчезает с удивительной быстротой".

Шпитц считает, что "динамическая структура анаклитической депрессии существенно отлична от депрессии у взрослых" (2b).

(1) Spitz (R.-A.). Anaclitic depression. In: The psycho-analytic Study of the Child, I.U.P., New York, II, 1946, 313 — 342.

(2) Spitz (R.-A.). La premiére année de la vie de l'enfant, Paris, P.U.F., 1953. — a) 119 — 121. — b) 121.

АНАКЛИТИЧЕСКИЙ

Нем.: Anlehnungs-. — Франц.: anaclitique. — Англ.: anaclitic, attachment. — Исп.: anaclitico. — Итал.:anaclitico или per appoggio. — Португ.: anaclitico.

См.: Примыкание и Выбор объекта по примыканию.

■ 1) От греч. ανακλινω — ложиться на, опираться на. Термин вошел в психоаналитическую литературу из английского языка и был заимствован французскими переводчиками Фрейда для передачи родительного падежа Anlehnungs- в выражениях типа Anlehnungstypus der Objektwahl (что обычно переводится как "анаклитический

тип выбора объекта"). Как правило, понятие Anlehnung, которое играет важнейшую роль в первой фрейдовской теории влечений, ускользает от читателя, имеющего дело лишь с переводами Фрейда. Фрейд употреблял это понятие не только в связи с "анаклитическим" выбором объекта, пользуясь при этом как формой существительного (Anlehnung), так и формой глагола (sich an (etwas) anlehnen). В английском и французском переводах Фрейда (α) понятие Anlehnung, не нашедшее единых эквивалентов, от читателя Фрейда ускользает.

Эти трудности с терминологией не разрешены и поныне. Слово "анаклитический" прочно вошло в международный психоаналитический словарь. Однако существительное anaclise не стало общепринятым переводом Anlehnung (β). Кроме того, французские термины anaclise, anaclitique неудобны тем, что это "ученые", искусственно созданные слова, тогда как немецкое Anlehnung — это элемент повседневного языка. И потому мы здесь предлагаем в качестве эквивалента слово étayage (примыкание), уже применявшееся некоторыми переводчиками (особенно Б.Ревершон-Жув в переводе "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905). Это слово удобно тем, что от него, как и от немецкого Anlehnung, можно образовать глагольную форму: s'étayer sur. Следовательно, выражения типа "анаклитический выбор объекта" должны быть заменены "выбором объекта по принципу примыкания".

2) Иногда слово "анаклитический" используется в более широком смысле, прямо не связанном с использованием этого понятия у Фрейда: ср., например, выражение "анаклитическая депрессия"*.

α) Например, во французском языке встречаются следующие глагольные формы: être attaché à, être basé sur, prendre appui sur, etc.

β) Напротив, в немецком языке не существует прилагательного от Anlehnung, которое соответствовало бы слову "анаклитический".

АНАЛИЗ ДИДАКТИЧЕСКИЙ

Нем.: Lehranalyse, didactische Analyse. — Франц.: analyse didactique. — Англ.: training analysis. — Исп.: análisis didáctico. — Итал.: analisi didattica. — Португ.: análise didática.

◘ Психоанализ как учебное упражнение для будущего психоаналитика — главная часть его профессиональной подготовки.

◘ Открытие психоанализа тесно связано с фрейдовским самоанализом (см. этот термин). Фрейд с самого начала считал, что

успешно практиковать психоанализ может лишь тот, кто осознал собственное бессознательное. На Нюрнбергском конгрессе в 1910 г. Фрейд утверждал, что самоанализ (Selbstanalyse) есть условие, необходимое для того, чтобы "врач смог увидеть в себе самом контртрансфер и овладеть им" (1). Что здесь имеет в виду Фрейд — самоанализ или анализ, проводимый третьим лицом? Термин Selbstanalyse не позволяет однозначно решить этот вопрос. По контексту представляется, что речь идет о самоанализе, однако из отчета Отто Ранка о конгрессе (2) следует скорее, что Фрейд имел в виду организацию дидактического анализа. По-видимому, в этот период незаменимость дидактического анализа даже при осуществленном самоанализе еще не стала для Фрейда очевидной.

Формирующая ценность личного анализа более отчетливо признается в "Советах врачу по психоаналитической терапии" (Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung, 1912). Этот анализ ставится здесь в связь с теорией, согласно которой "бессознательное больного и бессознательное аналитика должны соотноситься как отправитель и получатель"(3a). Чтобы это стало возможным, психоаналитик должен уметь свободно общаться со своим собственным бессознательным (см.: Внимание свободно парящее); именно на достижение этой цели и направлен дидактический анализ. Фрейд приветствует требование Цюрихской школы, согласно которому "каждый, кто хочет практиковать психоанализ на других, обязан сначала сам пройти анализ с опытным наставником" (3b).

Требование дидактического анализа для всякого, кто хочет стать психоаналитиком, было выдвинуто в 1922 г. на Конгрессе Международной психоаналитической ассоциации.

Пожалуй, именно Ференци более других подчеркивал роль дидактического анализа, усматривая в нем "второе основное правило психоанализа" (4a). Он считал, что дидактический анализ должен в принципе быть столь же тщательным и глубоким, как и лечебный анализ: "Чтобы выдержать агрессивные выпады пациента, психоаналитик должен сам пройти исчерпывающий анализ. Я настаиваю на этом вопреки встречающемуся ныне мнению, что для кандидата в психоаналитики достаточно (допустим, в течение года) ознакомиться с основными механизмами так называемого дидактического анализа и что его врачебный опыт должен приобретаться в дальнейшем в ходе собственной практики. Я неоднократно подчеркивал, что не вижу принципиальной разницы между лечебным и дидактическим анализом, и сейчас я хотел бы лишь добавить к этому, что даже если не каждый лечебный курс можно довести до конца (в том смысле, в каком психоанализ понимает "конец анализа"), сам психоаналитик, от которого зависит судьба стольких людей, обязан при этом знать и контролировать даже мельчайшие

слабости своего характера, а это невозможно без полностью завершенного анализа" (5).

Сформулированные Ференци требования в наши дни считаются общепризнанными (α); они призваны сделать личный анализ будущего психоаналитика такой процедурой, при которой опытное получение нового знания отходит на второй план, хотя, с точки зрения дидактического анализа, преобладает именно этот аспект подготовки психоаналитика.

Теоретическая и практическая проблема, связанная с самим понятием дидактического анализа и дидактическим анализом как определенным институтом, такова: как может психоанализ быть изначально направлен на такую цель, руководствоваться таким целепредставлением, как получение права на профессиональную деятельность в результате процедуры, при которой столь большую роль играет суждение аналитика-дидакта. Этот вопрос служит предметом постоянных дискуссий в психоаналитическом движении (β).

α) Что касается самого Фрейда, то его оценка возможностей дидактического анализа была довольно сдержанной: в "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und die unendliche Analyse, 1937) он заявлял, что дидактический анализ "в силу соображений практического характера может быть лишь недолгим и неполным; его основная цель — позволить наставнику сделать вывод о том, способен ли кандидат в психоаналитики продолжать обучение. Цель этого анализа можно считать выполненной, если обучающийся воочию убедился в существовании бессознательного, увидел в собственных восприятиях — благодаря появлению вытесненного — нечто такое, что в ином случае осталось бы для него непостижимым, впервые познакомился с такими приемами, которые единственно могут быть действенными в психоанализе" (6).

β) О проблемах подготовки психоаналитика в историческом аспекте см.: Балинт. "О системе подготовки психоаналитика" (On the psycho-analytic training system) (7).

(1) Freud (S.). Die zukünften Chancen der psychoanalytischen Therapie, 1910. G.W., VIII, 108; S.E., XI, 144 — 145; франц., 27.

(2) Цит. в: Kovacs (V.). Training and Control-Analysis, I.J.P., XVII, 1936, 346 — 354.

(3) Freud (S.). a) G.W., VIII, 381; S.E., XII, 115; франц., 66. — b) G.W., VIII, 382; S.E., XII, 116; франц., 67.

(4) Ferenczi (S.). Die Elastizität der psychoanalytischen Technik, 1927. In: Final Contr., 88 — 89.

(5) Ferenczi (S.). Das Problem der Beendigung der Analyse, 1928. In: Final Contr., 83 — 84.

(6) Freud (S.). G.W., XVI, 94 — 95; S.E., XXIII, 248; франц., 34.

(7) Cf. Balint (M.). In: I.J.P., 1948, 29, 163 — 173.

АНАЛИЗ ПРЯМОЙ

Нем.: direkte Analyse. — Франц.: analyse directe. — Англ.: direct analysis. — Исп.: analisis directo. — Итал.:analisi diretta. — Португ.: analise direta.

● По Дж.Н.Розену, метод психоаналитической терапии психозов, в

основе которого лежит прием "прямых истолкований", сообщаемых врачом пациенту. Эти истолкования:

а) относятся непосредственно к бессознательным содержаниям, независимо от формы их выражения — словесной или иной (мимика, позы, жесты, поступки);

б) не требуют анализа сопротивлений;

в) не предполагают с необходимостью учета ассоциативных цепочек.

Помимо этого данный метод включает в себя ряд процедур, нацеленных на установление прямой аффективной связи "одного бессознательного с другим бессознательным", при которой терапевт "должен стать для пациента чем-то вроде заботливой матери, всегда готовой прийти ему на помощь" (1а).

■ Дж.Н.Розен излагал и развивал этот метод начиная с 1946 г. Слово "прямой" относится к типу истолкований. Они основываются на теории, согласно которой при психозах, и особенно при шизофрении, бессознательное пациента преодолевает защиты и прямо выражает себя в его речи и поступках. Прямое истолкование лишь проясняет то, что субъект уже знает. И потому действенность истолкования связана не с углублением инсайта, но с установлением и укреплением позитивного трансфера, когда пациент чувствует, что психоаналитик, которому он приписывает безграничную способность понимания, свойственную идеальной матери, его понимает, когда его ободряет анализ инфантильного содержания его страхов, доказывающий их необоснованность. Наряду с подобными истолкованиями "прямой анализ" в его широком понимании включает и приемы активного воздействия, весьма далекого от нейтральности*, необходимой при анализе невротиков, и нацеленного на проникновение в замкнутый мир психотика. Именно так психоаналитик сможет выполнить роль любящей матери-защитницы: он постепенно устраняет последствия тех лишений, которые были обусловлены извращением материнского инстинкта и причиняли пациенту в детстве столько страданий (1b).

(См. также: Прямое истолкование; Материнство как прием).

(1) Rosen (J.N.). Direct analysis. Selected Papers. Grune and Stratton, N. Y., 1953. Франц. пер., L'analyse directe, Paris, P.U.F., , 1960. — a) Англ., 139; франц., 122. — b) Cf. chap. IV: "Perverse mother".

АППАРАТ ПСИХИЧЕСКИЙ

Нем.: psychischer или seelischer Apparat. — Франц.: appareil psychique. — Англ.: psychic или mental apparatus. — Исп.: apparato psiquico. — Итал.: apparato psichico или mentale. — Португ.: aparêlho psiquico или mental.

● Этот термин фрейдовской теории подчеркивает определенные свойства психики: ее способность передавать и преобразовывать энергию, а также ее расчлененность на отдельные системы или инстанции.

■ В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд определял психический аппарат по аналогии с оптическими аппаратами. Тем самым он стремился "...сделать понятными сложности функционирования психики, вычленяя в этом функционировании отдельные элементы и приписывая каждой составной части психического аппарата особую функцию" (1a).

Такое утверждение требует пояснений:

1) говоря о психическом аппарате, Фрейд подразумевал особую структуру, внутренний склад психики, однако он не только связывал различные функции с особыми "местами психики", но и приписывал им определенный порядок, а следовательно, и определенную временную последовательность. Сосуществование внутри психического аппарата различных систем не следует понимать в анатомическом смысле, например в духе теории мозговых локализаций. Речь идет лишь о том, что возбуждения определенным образом упорядочены, обусловлены местом различных (психических) систем (2).

2) Слово "аппарат" связывается в нашем сознании с особой задачей, а значит, с *работой*. Фрейд прибегает здесь к аналогии с рефлекторной дугой, по которой полученная энергия передается целиком и полностью: "Психический аппарат следует понимать как рефлекторный аппарат. Рефлекторный процесс остается прообразом (Vorbild) любого функционирования психики" (1b).

Функция психического аппарата в конечном счете заключается в том, чтобы сохранить внутреннюю энергию организма на возможно более низком уровне (см.: Принцип постоянства). Психический аппарат расчленяется на отдельные подструктуры, что помогает осмыслить *преобразования энергии* (из свободного состояния в связанное состояние) (см.: Обработка психическая) и взаимодействия нагрузок, противонагрузок и сверхнагрузок.

3) Эти краткие замечания показывают, что для Фрейда психический аппарат был *моделью*, или, как он сам говорил, "выдумкой" (1c). Эта модель, как явствует из приводимого выше текста, а также из главы I "Очерка психоанализа" (Abriss des Psychoanalyse, 1938), может быть не только физической, но и биологической ("простейшая капелька живой субстанции" из главы IV "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920)). Обсуждение самого понятия психического аппарата заставляет по-новому взглянуть на фрейдовскую метапсихологию в целом и на используемые в ней метафоры.

(1) Freud (S.). a) G.W., II — III, 541; S.E., IV — V, 536; франц., 441. — b) G.W., II — III, 543; S.E., IV — V, 538; франц., 441. — c) G.W., II — III, 604; S.E., IV — V, 598; франц., 448.

(2) Ср., например: Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, письмо Флиссу от 6.12.1896.

АССОЦИАЦИЯ

Нем.: Assoziation. — Франц.: association. — Англ.: association. — Исп.: asociación. — Итал.: associazione. — Португ.: associação.

● Термин ассоцианистской психологии: всякая *связь* между двумя или несколькими психическими элементами, последовательность которых образует ассоциативную цепь.

Иногда этот термин используется и для обозначения самих этих взаимосвязанных *элементов*. В процессе лечения именно это последнее значение слова имеется в виду, когда, например, говорят об "ассоциациях этого сна", подразумевая все то, что в рассказе пациента ассоциативно связано с данным сном. В расширительном значении "ассоциации" — это вся совокупность словесного материала, используемого в психоаналитическом сеансе.

■ Подробное исследование понятия ассоциации потребовало бы историко-критического изучения ассоцианизма и его распространения в Германии в XIX в., его влияния на мысль "молодого Фрейда" и прежде всего анализа того, как фрейдовское открытие законов бессознательного привело к обобщению и преобразованию ассоцианистского учения.

Мы ограничимся здесь следующими замечаниями по этому поводу:

1) невозможно понять смысл и значение психоаналитического понятия ассоциации, не опираясь на клинический опыт, породивший сам метод свободных ассоциаций. "Исследования истерии" (Studien über Hysterie, 1895) позволяют судить о том, как Фрейда все дальше увлекал путь свободных ассоциаций, который указывали ему его пациентки. (См. наш комментарий к статье "Свободные ассоциации".) С точки зрения теории ассоциаций, опыт Фрейда в эти годы, связанные с открытием психоанализа, можно вкратце представить так:

а) "Мысль, которая приходит в голову" (Einfall) субъекту, по видимости в одиночку, всегда на самом деле связана — сознательно или неосознанно — с другими элементами. Можно обнаружить целые ряды ассоциаций, которые Фрейд образно называл линией (Linie), нитью (Faden), цепью (Verkettung), последовательностью (Zug) и пр. Пересечение этих линий образует настоящие сети

(отношений) с "узловыми точками" (Knotenpunkte), в которых пересекается сразу несколько таких линий.

б) Наличие в речи субъекта цепочек ассоциаций обусловлено, по Фрейду, сложной организацией памяти. Он сравнивал память с системой архивов, упорядоченных сообразно разным принципам и подходам (хронологический, предметный и др.) (1а). Вследствие подобной организации представление* (Vorstellung) или мнесический след* (Erinnerungsspur) одного и того же события могут обнаружиться во многих местах (или, как говорил Фрейд, "мнесических системах").

в) Это системное упорядочение подтверждается клиническим опытом; существуют "отдельные группы психических явлений" (1b), или, иначе, совокупности представлений, оторванных от общего хода ассоциаций: "Иногда случается так, — писал Брейер, — что отдельные представления, включенные в более сложные единства, могут стать осознанными, так что вне сознания остается лишь своеобразие их сочетаний" (1с). В отличие от Брейера Фрейд не видел в гипноидном состоянии* окончательного объяснения этого факта, однако настаивал на расщепленности* (Spaltung) психики. Отдельная группа ассоциаций лежит в основе *топического* рассмотрения бессознательного.

г) Внутри комплекса ассоциаций роль того или иного элемента не связана жестко с самим этим элементом. Игра ассоциаций зависит от *экономических* факторов: энергетическая нагрузка перемещается от одного элемента к другому, сгущается в узловых точках и пр. (независимость аффекта* от представления).

д) В общем, ассоциативная речь не подчиняется пассивно общим законам вроде тех, что были выявлены ассоционизмом: субъект — это не "совокупность образов, сросшихся как колония полипов". Вычленение и группировка ассоциаций, "ложные связи" между ними, возможность их доступа в сознание включены в *динамику* защитного конфликта, свойственного каждому человеку.

2) По "Наброску научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) можно судить о том, как Фрейд использовал понятие ассоциаций, как психоаналитическое открытие бессознательного придало новый теоретический смысл ассоциационистским предпосылкам его мысли.

а) Образование ассоциаций мыслится как обмен энергией внутри последовательно структурированного и разветвленного "нейронного аппарата". Каждое возбуждение выбирает свой путь в зависимости от уже "проложенных путей" или следов прежних возбуждений. Пролагание пути* следует понимать не как нахождение наиболее легкого пути от одного образа до другого, но как процесс дифференциального противопоставления: выбор одного пути обусловлен отказом от другого, противонаправленного, пути.

б) В исходных гипотезах Фрейда речь не идет об образах как

психических или нейронных отпечатках, напоминающих реальный объект: поначалу все выступает в виде "нейронов" и "количеств" (2).

Эта механистическая концепция, описанная в нейрофизиологическом языке, может показаться весьма далекой от опыта, однако она близка тому противопоставлению представления и кванта аффекта*, которое постоянно присутствует во фрейдовской психологической теории. Подобно нейрону, представление выступает как дискретный, прерывный элемент цепи. Значение представлений, как и нейронов, зависит от того более обширного целого, в которое они включены. В этом смысле функционирование "нейронного аппарата" можно сравнить с функционированием языка, как оно предстает в структурной лингвистике: в обоих случаях прерывные единицы организованы в бинарные оппозиции.

(1) Breuer (J.) et Freud (S.). a) Cf. G.W., I, 291 sqq.; S.E., II, 288 sqq.; франц., 233 sqq. — b) Cf. G.W., I, 92 et 298; S.E., II,12 et 286; франц., 9 et 231.— c) G.W., I, 187 sqq.; S.E., II, 214—215; франц., 171.

(2) Freud (S.). Нем., 379—386; англ., 355—363; франц., 315-321.

АФАНИЗИС

Нем.: Aphanisis. — Франц.: Aphanisis. — Англ.: afanisis. — Исп.: afânisis. — Итал.: afanisi. — Португ.: afânise.

● **Термин Э.Джонса, который означает исчезновение сексуального желания. По Джонсу, афанизис вызывает у обоих полов гораздо больший страх, чем кастрация.**

■ От греч. 'αφανισις — исчезновение. Термин, введенный Джонсом в связи с комплексом кастрации (1a). Согласно Джонсу, у мужчин угасание сексуальности и кастрация не вполне совпадают (например, "... многие мужчины желают кастрации по различным, в том числе эротическим, причинам, безусловно полагая, что сексуальность не исчезает с устранением пениса" (1b); смешение того и другого обусловлено тем, что общая идея афанизиса конкретно проявляется (наряду с мыслью о смерти) в страхе кастрации.

У женщин страх афанизиса связан со страхом утраты любимого объекта.

Джонс вводит понятие афанизиса при изучении женской сексуальности. Если Фрейд считал основой сексуального развития девочки (как и мальчика) комплекс кастрации и примат фаллоса, то Джонс подчеркивал своеобразие женской сексуальности, изначально имеющей свои собственные цели и формы проявления.

По Джонсу, общий знаменатель сексуальности девочки и

мальчика следует искать не в комплексе кастрации, а именно в афанизисе.

(1) Jones (E.). Early development of female sexuality, 1927. In: Papers on Psychoanalysis, Baillière, London, 5e éd., 1950. — a) 438—451. — b) 439—440.

АФФЕКТ

Нем.: Affekt. — Франц.: affect. — Англ.: affect.— Исп.: afecto. — Итал.: affetto. — Португ.: afeto.

● Термин, заимствованный психоанализом из немецкой психологической традиции: всякое эмоционально-аффективное состояние — приятное или неприятное, смутное или отчетливое,— проявляющееся в общей душевной тональности или в сильной энергетической разрядке. По Фрейду, всякое влечение находит свое выражение на двух уровнях: аффекта и представления. Аффект — это качественное выражение количества энергии влечения и ее разновидностей.

■ Понятие аффекта приобретает большое значение уже в первых работах Брейера и Фрейда (Studien über Hysterie, 1895) о психотерапии истерии и об открытии терапевтического значения отреагирования. Источником истерического симптома выступает травматическое событие, не нашедшее адекватной разрядки (зажатый аффект).

Только воспоминание, вызывающее новое переживание прежнего, изначально связанного с ним аффекта, может быть терапевтически действенным.

Изучая истерию, Фрейд сделал вывод о том, что аффект не имеет необходимой связи с представлением; они могут отделяться друг от друга (аффект без представления, представление без аффекта): у каждого из них — своя судьба. Фрейд говорил о различных способах преобразования аффекта: "Мне известны три механизма: 1) механизм обращения аффекта (конверсионная истерия); 2) механизм смещения аффекта (навязчивые состояния); 3) механизм преобразования аффекта (невроз страха, меланхолия)" (1).

С этого времени понятие аффекта используется в двух планах. Оно может иметь лишь описательный смысл, обозначая эмоциональные отзвуки сильного переживания. Но чаще оно предполагает количественные параметры теории нагрузок, учет которых позволяет объяснить относительную самостоятельность аффекта как такового при различных его проявлениях.

Этот вопрос последовательно рассматривался в ме-

тапсихологических сочинениях Фрейда (Die Verdrängung, 1915, Das Unbewusste, 1915). Аффект определяется здесь как субъективное выражение определенного количества энергии влечений. Фрейд четко различал субъективный аспект аффекта и обусловливающие его энергетические процессы. При этом он говорил не только об "аффекте", но также иногда и о "кванте аффекта"* (Affektbetrag), подчеркивая тем самым его экономический аспект: квант аффекта "...это влечение, отделенное от представления; различные количества энергии находят свое выражение в процессах, ощущаемых нами как аффекты" (2a, α).

Трудно представить смысл слова "аффект" вне связи с самосознанием. Фрейд ставит вопрос: имеем ли мы право говорить о бессознательном аффекте? (3a). Он отказывается видеть соответствие между так называемым "бессознательным" аффектом (например, бессознательным чувством вины) и бессознательными представлениями. Бессознательное представление и бессознательное чувство существенно различны: "Вытесненное бессознательное представление остается в системе Бсз как вполне реальное образование, тогда как на месте бессознательного аффекта мы видим лишь неразвившуюся возможность" (3b) (см.: Вытеснение, Подавление).

Фрейд размышлял о том, что же собственно переживается нами в аффекте. Аффекты — это "повторения раннего и, быть может, даже доиндивидуального, жизненно важного опыта", которые можно сопоставить с "всеобщими, типичными, врожденными истерическими припадками(...)" (4).

α) Подчас это различие стирается; например, обсуждая проблему конверсионной истерии, Фрейд говорил о "полном исчезновении кванта аффекта", а вовсе не об "исчезновении субъективно переживаемого аффекта вследствие конверсии кванта аффекта" (2b).

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 95; англ., 84; франц., 76—77.

(2) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915.— a) G.W., X, 255; S.E., XIV, 152; франц., 79—80.— b) G.W., X, 258; S.E., XIV, 155; франц., 85.

(3) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) Cf. G.W., X, 276—277; S.E., XIV, 178; Fr., 113—114.— b) G.W., X, 277; S.E., XIV, 178; Fr., 114—115.

(4) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 163; S.E., XX, 133; франц., 157.

БЕГСТВО В БОЛЕЗНЬ

Нем.: Flucht in die Krankheit. — Франц.: fuite dans la maladie. — Англ.: flight into illness. — Исп.: huida en la enfermedad. — Итал.: fuga nella malattia. — Португ.: fuga a doença или refúgio na doença.

● Образное выражение, обозначающее тот факт, что субъект ищет в неврозе средства для избавления от своих психических конфликтов.

С расширением области психоанализа это выражение стало употребляться более широко; ныне оно относится не только к неврозам, но и к органическим заболеваниям, в которых присутствует психологический компонент.

■ Поначалу у Фрейда встречались такие выражения, как "бегство в психоз" (1); "бегство в невротическую болезнь" (2), а лишь затем "бегство в болезнь" (3 и 4).

В динамическом смысле "бегство в болезнь" выражает ту же мысль, что и выгода от болезни в "экономическом" смысле. Можно ли считать, что область применения этих понятий одна и та же? Ответить на этот вопрос трудно, так как нелегко установить различие между первым и вторым моментами выгоды от болезни (см.: Выгода). По-видимому, выгода от болезни входит у Фрейда в область первичной выгоды, однако иногда это выражение используется и в более широком смысле. Как бы то ни было, речь идет о стремлении субъекта избежать конфликтной, напряженной ситуации посредством образования симптомов.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., VIII, 234—235; S.E., XII, 222—223.

(2) Freud (S.). G.W., XI, 357; S.E., XVI, 345; франц., 371.

(3) Freud (S.). Einige Charaktertypen aus der Psychoanalytischen Arbeit, 1916. G.W., X, 364—391; S.E., XIV, 311—333; франц., 105—136.

(4) Cf.Freud (S.). Wege der psychoanalytischen Therapie, 1918—1919. G.W., XII, 183—194; S.E., XVII, 159—168; франц., 131—141.

БЕСПОМОЩНОСТИ (СОСТОЯНИЕ)

Нем.: Hilflosigkeit. — Франц.: détresse (état de-). — Англ.: helplessness. — Исп.: desamparo. — Итал.: l'essere senza aiuto. — Португ.: desamparo или desarvoramento.

◆ Выражение обыденного языка, которое имеет во фрейдовской теории особый смысл: это состояние грудного младенца, всецело зависящего от других людей в удовлетворении своих потребностей (жажда, голод) и не способного совершить действие, устраняющее это внутреннее напряжение.

◘ Слово Hilfslosigkeit употребляется Фрейдом постоянно и требует внимательного и последовательно выдержанного перевода. Состояние беспомощности есть нечто объективно данное — это состояние новорожденного с его неспособностью к упорядоченным и эффективным действиям (см.: Действие специфическое); в этой связи Фрейд говорил о двигательной беспомощности (motorische Hilflosigkeit) (1a). С точки зрения "экономической", подобная ситуация приводит к увеличению напряжения, порождаемого потребностью, управлять которой психический аппарат пока еще не в состоянии : это и есть психическая беспомощность (psychische Hilflosigkeit).

Мысль об изначальном состоянии беспомощности легла в основу различных направлений психоаналитического исследования:

1) так, в генетическом плане она позволяет (2) понять важнейшую роль раннего *опыта удовлетворения**, смысл его галлюцинаторного повторения и различия между первичным и вторичным процессами*.

2) Состояние беспомощности предполагает полную зависимость новорожденного от матери и ее *всевластие*. Это состояние оказывает решающее воздействие на структуру психики, которая целиком определяется отношениями с другими людьми.

3) При теоретическом осмыслении страха состояние беспомощности выступает как прообраз травматической ситуации. Так, в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд выявил общие признаки "внутренних опасностей": это утрата или разлука, приводящие к накоплению напряжения, и натиск возбуждения, с которым субъект не способен справиться; они характеризуют состояние, порождающее чувство беспомощности.

4) Отметим, наконец, что Фрейд четко связывал состояние беспомощности с *незрелостью* новорожденного: у человека период его "... внутриутробного развития короче, чем у большинства животных, поэтому он появляется на свет менее зрелым. Вследствие этого внешний мир оказывает на него более сильное воздействие, необходимость в разграничении *Я* и *Оно* возникает на самой ранней стадии, значение внешних опасностей увеличивается, ценность объекта, заменяющего былую внутриутробную жизнь и способного защитить от этих опасностей, чрезвычайно возрастает. Таким образом, именно биологический фактор порождает первые ситуации

опасности и вызывает потребность быть любимым, которая с тех пор не покидает человека" (1b).

(1) Cf. Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926.— a) G.W., XIV, 200; S.E., XX, 167; франц., 97.— b) G.W., XIV, 186—187; S.E., XX, 155; франц., 83.

(2) Ср. в особенности: Freud (S.). Entwurf einer Psychologie, 1895, часть I.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (Бсз)

Нем.: das Unbewusste, unbewusst. — Франц.: inconscient. — Англ.: unconscious. — Исп.: inconsciente. — Итал.: inconscio. — Португ.: inconsciente.

● А) Прилагательное "бессознательное" иногда используется для обозначения совокупности содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания — в "описательном", а не в "топическом" смысле слова, т.е. вне разграничения содержания систем предсознательного и бессознательного.

Б) Бессознательное в "топическом" смысле слова было определено Фрейдом еще в первой теории психического аппарата: бессознательное состоит из содержаний, не допущенных в систему "Предсознание-Сознание"* в результате вытеснения* (вытеснение первичное* и вытеснение в последействии*).

Основные черты бессознательного как системы (Бсз) сводятся к следующим:

а) содержания бессознательного являются "репрезентаторами"* влечений;

б) эти содержания управляются особыми механизмами первичных процессов*, а именно сгущением* и смещением*;

в) содержания бессознательного, сильно нагруженные энергией влечений, стремятся вернуться в сознание и проявиться в поведении (возврат вытесненного*), однако они способны найти доступ к системе "Предсознание-Сознание" (Псз-Сз) лишь в результате компромиссов*, будучи искажены цензурой*;

г) чаще всего подвергаются фиксации* в бессознательном детские желания.

Бессознательное как существительное сокращенно обозначается Бсз (Ubw от нем. Unbewusst, Ics от франц. Inconscient), бессознательное как прилагательное, обозначающее содержание бессознательного как системы, — бсз (ubw или ics).

В) Во второй фрейдовской топике термин "бессознательное" используется чаще всего как прилагательное. По сути, бессознательное здесь — это уже не атрибут какой-то особой инстанции: это слово относится как к *Оно,* так отчасти и к *Я* и *Сверх-Я.* Отметим, однако:

а) что признаки, присущие бессознательному в рамках первой топики, могут быть отнесены и ко второй топике;

б) что разграничение между предсознанием и бессознательным, которое уже не подкрепляется межсистемными различиями, сохраняется на внутрисистемном уровне (*Я* и *Сверх-Я* являются отчасти предсознательными, отчасти бессознательными).

■ Если бы нужно было передать суть фрейдовского открытия одним словом, это было бы слово "бессознательное". В рамках данной работы мы не ставим целью проследить, как открытие бессознательного было подготовлено тем, что было сделано до Фрейда, и как в дальнейшем оно уточнялось после Фрейда. Стремясь к ясности, мы лишь подчеркнем здесь главные признаки этого понятия, которые теряли четкость при более широком его распространении.

1) Прежде всего фрейдовское бессознательное — это понятие одновременно и *топики** и *динамики**, выявленное в опыте лечения. Как показывает этот опыт, психика несводима к сознанию: некоторые ее содержания получают доступ в сознание лишь в результате преодоления сопротивлений. Этот опыт свидетельствует о том, что психическая жизнь "...полна мыслей, бессознательный характер которых не мешает их действенности; именно эти мысли и порождают симптомы" (1). На основе этого опыта был сделан вывод о существовании "раздельных групп психических явлений", а бессознательное в целом стало рассматриваться как особое "место в психике": не как второе сознание, но как система со своим собственным содержанием, механизмами и, возможно,"энергией".

2) Каковы эти *содержания*?

а) В статье "Бессознательное" (Das Unbewusste, 1915) Фрейд называет их "репрезентаторами влечений". В самом деле, находясь на границе между психикой и соматикой, влечения остаются вне противопоставления сознания и бессознательного. С одной стороны, они в принципе не могут стать объектами сознания, с другой стороны, их присутствие в бессознательном обеспечивается "представлениями как репрезентаторами [влечения]"*. В одной из своих ранних теоретических моделей Фрейд определял психический аппарат как последовательность знаковых записей (Niederschriften) (2); эта мысль вновь возникает и обсуждается и в последующих его текстах. Бессознательные представления складываются в фантазмы, в воображаемые сценарии, на которых фиксируется влечение, порождая настоящие инсценировки желания* (см.: Фантазия, фантазм).

б) В большинстве текстов, предшествующих созданию второй топики, Фрейд отождествлял бессознательное с *вытесненным*. Заметим, однако, что это уподобление обычно сопровождалось

оговорками: так, Фрейд неоднократно говорил о врожденных, филогенетически присущих индивиду содержаниях как о "ядре бессознательного" (3а).

Вершиной развития этой мысли было понятие первофантазий* (первофантазмов) как доиндивидуальных схем, которые присутствуют уже в детском сексуальном опыте субъекта (α).

в) Другая распространенная традиция понимания бессознательного уподобляет его тому, что в нас есть *детского*, хотя и здесь необходимы оговорки. Вовсе не весь детский опыт, пережитый на уровне нерефлективного сознания в феноменологическом смысле, может быть уподоблен бессознательному субъекта. Для Фрейда первое расщепление между бессознательным и системой Псз — Сз происходит под воздействием происшедшего в детстве *вытеснения*. Даже если первоначало вытеснения выглядит как миф, фрейдовское бессознательное — это конструкция, а не цельное переживание.

3) Как известно, Фрейд считал сновидение "царским путем" открытия бессознательного. Механизмы работы сновидения (смещение, сгущение, символика), выявленные в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) и действующие в *первичных процессах*, могут быть обнаружены также и в других образованиях бессознательного (ошибочные действия, оговорки и пр.); по своей структуре (компромисс) и функции ("исполнение желания"*) они равнозначны симптомам.

Стремясь определить бессознательное как систему, Фрейд перечисляет такие его особенности (3b): первичный процесс (подвижность энергетических нагрузок, характерная для свободной энергии*); отсутствие отрицания, сомнения, степеней уверенности; безразличие к реальности и воздействие одного лишь принципа "удовольствие — неудовольствие" (его цель — восстановить кратчайшими путями тождество восприятия*).

4) Наконец, Фрейд стремился обосновать собственную связность системы Бсз и ее решающее отличие от системы Псз посредством экономического понятия "энергетической нагрузки", свойственной каждой системе. Представления могут быть нагружены энергией бессознательного или же разгружены, причем переход от одного элемента системы к другому происходит за счет разгрузки первого и нагрузки второго.

Однако эта бессознательная энергия (отсюда и трудность ее понимания у Фрейда) оказывается то силой притяжения, направленной на представления и противостоящей осознанию (так обстоит дело в теории вытеснения, где притяжение со стороны уже вытесненных элементов действует заодно с подавлением, осуществляемым системой более высокого уровня) (4), то силой, которая приводит к появлению в сознании "отростков"* бессознательного и поддерживается лишь бдительностью цензуры (3с).

5) Подход к фрейдовскому бессознательному, с точки зрения топики, не должен закрывать от нас всего значения динамики бессознательного, многократно подчеркивавшейся Фрейдом: напротив, разграничения на уровне топики оказываются способом учета конфликтов, повторений и сопротивлений.

*

Как известно, с 1920 г. фрейдовская теория психического аппарата была существенным образом переработана; при этом на уровне топики были предложены новые разграничения, не совпадающие с делением на бессознательное, предсознание и сознание. Так, в инстанции *Оно* можно видеть главные характеристики бессознательного, однако и другие инстанции — *Я* и *Сверх-Я* — также включают в себя бессознательное и порождаются бессознательным (см.: *Оно*, *Я*, *Сверх-Я*, Топика).

α). Хотя Фрейд и не видел связи между первофантазиями (Urphantasien) и первовытеснением (Urverdrängung), нельзя не отметить, что они играют сходную роль в процессе возникновения бессознательного.

(1) Freud (S.). A note on the Unconscious in Psycho-Analysis, 1912. G.W., VIII, 433; S.E., XII, 262; франц., 13.

(2) Cf.Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, письмо Флиссу от 6.12.96. Нем., 185—186; англ., 173; франц., 155.

(3) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915.— a) G.W., X, 294; S.E., XIV, 195; франц., 144. — b) G.W., X, 285—288; S.E., XIV, 186—189; франц., 129—135. — c) G.W., X, 280; S.E., XIV, 181; франц., 120.

(4) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 150—151; S.E., XIV, 148; франц., 71—72.

БИСЕКСУАЛЬНОСТЬ

Нем.: Bisexualität. — Франц.: bisexualité. — Англ.: bisexuality. — Исп.: bisexualidad. — Итал.: bisexualità. — Португ.: bisexualidade.

● Это понятие введено в психоанализ Фрейдом под влиянием Вильгельма Флисса: всякий человек по складу своему имеет одновременно и мужскую, и женскую сексуальную предрасположенность; они находятся в конфликте, который субъект должен осознать, чтобы выступить как носитель своего пола.

■ Понятие бисексуальности неразрывно связано в истории психоаналитического движения с именем В.Флисса. Это понятие существовало в философской и психиатрической литературе 1890-х годов

(1a), однако именно Флисс познакомил с ним Фрейда, как об этом свидетельствует их переписка (2).

Теория бисексуальности основывается прежде всего на данных анатомии и эмбриологии (α): "Гермафродитизм можно считать в какой-то степени нормой. У любого нормального индивида — мужского или женского пола — есть следы генитального аппарата противоположного пола [...]. Эти издавна известные анатомические факты заставляют нас предположить, что изначально бисексуальный склад в ходе эволюции сменился моносексуальным, хотя некоторые черты атрофированного пола сохранились" (1b).

В.Флисс придавал большое значение фактам, указывающим на биологическую бисексуальность. Для него бисексуальность — это универсальный человеческий феномен, вовсе не ограниченный случаями патологической гомосексуальности и приводящий к важным психологическим следствиям. Истолковывая фрейдовскую концепцию вытеснения, Флисс обращается к присущим каждому индивиду конфликтам мужского и женского начал; подытоживая рассуждения Флисса, Фрейд пишет: "Преобладающий в данной личности пол [...] вытеснил в бессознательное психическое представление о побежденном поле"(3a).

Фрейд нигде не дает четкого определения своих взглядов на проблему бисексуальности; в 1930 г. он признавал, что "...в теории бисексуальности до сих пор остается много темных мест и что многие психоаналитические затруднения возникают из-за того, что психоанализ до сих пор не смог выявить ее связей с теорией влечений" (4). Фрейд всегда настаивал на психологической роли бисексуальности, однако в его размышлениях по этому вопросу немало колебаний и сомнений:

1) понятие сексуальности предполагает четкое осознание противоположности мужского и женского. Однако Фрейд считал, что эти понятия имеют различное значение на разных уровнях — биологическом, психологическом или социологическом; эти значения нередко смешиваются, что не позволяет установить поэлементные отношения между различными уровнями (1c).

2) Фрейд упрекал Флисса в сексуализации психологического механизма вытеснения, понимая под "сексуализацией" поиск объяснения этого феномена на биологической основе (5a). По сути, такой подход приводит к априорному определению характера защитного конфликта: в качестве вытесняющей силы выступает явный биологический пол, а в качестве вытесненного — противоположный пол. Фрейд возражал на это, замечая, "...что у индивидов обоего пола имеются как женские, так и мужские влечения, причем вытесняться в бессознательное могут и те, и другие" (3b).

В "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und unendliche Analyse, 1937) Фрейд, однако, следовал за Флиссом, признавая.

что "...вытеснению обычно подвергается то, что присуще противоположному полу" (5b) (например, у женщины это зависть к пенису, у мужчины — женские побуждения); однако в этой же работе он подчеркивал значение комплекса кастрации*, который невозможно понять на основе одних только биологических данных.

3. Как мы видим, главная сложность для Фрейда заключалась в том, чтобы соотнести бисексуальность в биологическом смысле с господством фаллоса* для обоих полов,— эта мысль все яснее проступает в его творчестве.

α) В издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie) 1920 г. Фрейд, в частности, подчеркивал значение физиологических экспериментов, связанных с гормональным определением сексуальных признаков.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) G.W., V, 42, n.; S.E., VII, 143, n.; франц., 166, n.12. — b) G.W., V, 40; S.E., VII, 141; франц., 26. — c) G.W., V, 121, n.; S.E., VII, 219, n.; франц., 184-185, n.76.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Passim.

(3) Freud (S.). "Ein Kind wird geschlagen", 1919. — a) G.W., XII, 222; S.E., XVII, 200—201; франц., 296.

(4) Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930. G.W., XIV, 466, n.; S.E., XXI, 106, n.; франц., 43.

(5) Freud (S.). Die endliche und unendliche Analyse, 1937. — a) G.W., XVI, 98; S.E., XXIII, 251; франц., 36. — b) G.W., XIV, 98; S.E., XXIII, 251; франц., 36.

В

ВЛЕЧЕНИЕ

Нем.: Trieb. — Франц.: pulsion. — Англ.: instinkt или drive. — Исп.: instinto. — Итал.: istinto или pulsione. — Португ.: impulso или pulsão.

● **Динамический процесс, при котором некоторое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели. По Фрейду, источником влечения является телесное возбуждение (состояние напряжения); эта цель достигается в объекте влечения или благодаря этому объекту.**

◘ I. С терминологической точки зрения, понятие влечения (pulsion) введено во французских переводах Фрейда как эквивалент немецкого Trieb, чтобы избежать ассоциаций, связанных с употреблением таких более традиционных понятий, как instinct и tendance. Такое употребление, хотя оно и не всегда соблюдается, тем не менее оправданно.

1) В немецком языке влечение обозначается двумя словами: Instinkt и Trieb. Слово Trieb — германского происхождения, употребляется давно и связано по смыслу с "толчком" (treiben — толкать); при этом подчеркивается не какая-то конкретная цель или объект, но скорее общая направленность движения и невозможность противостоять толчку.

Некоторые авторы не различают термины Instinkt и Trieb (α), другие — проводят между ними различие, называя "инстинктом" (например, в зоологии) устойчиво наследуемое поведение, присущее, почти без изменений, всем животным одного вида (1).

2) Фрейд употреблял и четко разграничивал два различных термина. Говоря об инстинкте, он имел в виду биологически наследуемое поведение животных, характерное для вида в целом, развертывающееся по заранее определенным схемам и приспособленное к объекту (см.:Инстинкт).

Во французском языке слово "инстинкт" имеет те же смысловые оттенки, что и Instinkt у Фрейда, и потому, как нам представляется, его можно сохранить при переводе; если же, однако, использовать его для перевода немецкого Trieb, мысль Фрейда окажется искаженной.

Французское слово pulsion не является органичной частью

обыденного языка, однако имеет смысловой оттенок, связанный с "толчком".

В Standard Edition немецкое Trieb переводится как instinct, а другие лексические возможности (drive, urge) отсекаются (β). Этот вопрос обсуждается в общем введении к первому тому Standard Edition.

II. Хотя слово Trieb появляется в текстах Фрейда лишь в 1905 г., это экономическое понятие восходит к давнему разграничению между двумя типами возбуждения (Reiz), от которых организм, согласно принципу постоянства*, должен освобождаться. Наряду с внешними возбуждениями, от которых субъект может укрыться или защититься, существует и постоянный прилив возбуждения из внутренних источников: поскольку организм не в состоянии избежать этих возбуждений, они становятся пружиной функционирования психического аппарата.

В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), где впервые вводится понятие Trieb, появляются также разграничения между *источником**, *объектом** и *целью** влечения, которые с этого момента станут у Фрейда постоянными.

Фрейдовское понятие влечения вырабатывалось на основе изучения человеческой сексуальности. Исследование извращений и различных форм детской сексуальности позволило Фрейду опровергнуть обыденное мнение, согласно которому сексуальное влечение имеет особую цель и объект и локализуется в возбуждениях половых органов и самом их функционировании. Фрейд показал переменчивость и условность объекта, который приобретает определенную форму лишь претерпев в человеческой истории многочисленные превращения. Он выявил также многообразие и раздробленность целей влечений (см.:Влечение частичное), их связь с определенными соматическими источниками, эрогенными зонами, разнообразие которых позволяет им поочередно выполнять (а иногда и сохранять) ведущую роль в жизни субъекта, причем частичные влечения не зависят от генитальной области и могут включаться в коитус лишь в результате сложной эволюции, выходящей за рамки процесса биологического созревания.

Наконец, последний аспект влечения у Фрейда — это *сила* как количественный, экономический фактор, как "побуждение психического аппарата к работе" (2a). Именно во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) Фрейд соединил эти четыре аспекта — силу, источник, объект, цель — в общем определении влечения (2b).

III. Где место этой силы, которая давит на организм изнутри, побуждая его к действиям, способным вызвать разрядку возбуждения? Что это — телесная сила или психическая энергия? Фрейд по-разному отвечает на этот вопрос, определив влечение как "пограничное понятие между психикой и соматикой" (3). Фрейд свя-

зывает его с понятием "репрезентатора", или, иначе, представителя соматики в психике. Этот вопрос более подробно рассматривается в нашем комментарии к статье "Репрезентация (-тор) психическая(ий)".

IV. Хотя, как было показано, понятие влечения строится на основе сексуальности, в теории Фрейда сексуальное влечение сразу же противопоставляется другим влечениям. Как известно, теория влечений у Фрейда всегда была дуалистической: первый дуализм — это противоположность сексуальных влечений* и влечений *Я** или влечений к самосохранению*, причем под влечениями к самосохранению Фрейд понимает жизненно важные потребности и функции: их прообразом являются голод и функция пищеварения.

Это противопоставление, по Фрейду, присутствовало уже в самих истоках сексуальности, когда сексуальная функция отделилась от функций самосохранения, к которым она поначалу примыкала (см.: Примыкание). В этой противоположности — вся суть психического конфликта, при котором *Я* обретает во влечении к самосохранению большую часть энергии, нужной ему для защиты от сексуальности.

Второй дуализм влечений вводится в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), где противопоставление влечений к жизни* влечениям к смерти* изменяет роль и место влечений в конфликте.

1) Конфликт на уровне топики (между защитной инстанцией и вытесненной инстанцией) не совпадает с конфликтом влечений, поскольку *Оно** мыслится как источник обоих типов влечений. Свою энергию *Я** черпает из общего источника, прежде всего в виде "десексуализированной и сублимированной" энергии.

2) Эти два основных типа влечений в последней фрейдовской теории представляют собой не столько конкретные побуждения, связанные с функционированием организма, сколько основополагающие принципы его деятельности: "Влечениями называются те силы, которые, как мы полагаем, лежат в основе напряжений, порождаемых потребностями *Оно*" (4). Этот сдвиг акцента особенно ярко проявляется в знаменитом отрывке: "Теория влечений — это, так сказать, наша мифология. Влечения — это мифические существа, величественные в своей неопределенности" (5).

*

Как ясно из этого краткого обзора, фрейдовский подход приводит к перевороту в традиционном понимании инстинкта. Это происходит одновременно в двух направлениях. С одной стороны, понятие "частичного влечения" подчеркивает мысль о том, что сексуальное влечение существует поначалу в "полиморфном" со-

стоянии и направлено на подавление телесного напряжения, что оно связано в истории субъекта с репрезентаторами влечений, определяющими объект и способ удовлетворения: у влечения, этого поначалу неопределенного внутреннего натиска, есть своя судьба, придающая ему в высшей степени индивидуализированные черты. Однако в отличие от создателей теории инстинктов Фрейд далек от поисков биологической основы каждого отдельного вида деятельности: все проявления влечений он сводит к основоположному мифическому противопоставлению Голода и Любви, а затем Любви и Вражды.

α). Ср., например, "Понятие инстинкта прежде и теперь" (Der Begriff des Instinktes einst und jetzt, Iena, 3 ed., 1920), где Циглер говорит то о "родовом влечении" (Geschlechtstrieb), то о "родовом инстинкте" (Geschlechtsinstinkt).

β). Некоторые авторы, пишущие по-английски, предпочитают переводить Trieb словом drive (6).

(1) Cf. Hempelmann (F.). Tierpsychologie, Akademische Verlaggesellschaft, Leipzig, 1926. Passim.

(2) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 214; S.E., XIV, 122; франц., 33. — b) G.W., X, 214—215; S.E., XIV, 122; франц., 33—34.

(3) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 67; S.E., VII, 168; франц., 56.

(4) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 70; S.E., XXIII, 148; франц., 130.

(5) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 101; S.E., XXII, 95; франц., 130.

(6) См., например: Kris (E.), Hartmann (H.), Loewenstein (R.). Notes on the theory of Aggression. In: Psychoanalytic Study of the Child, 1946, III—IV, 12—13.

ВЛЕЧЕНИЕ К АГРЕССИИ

Нем.: Agressionstrieb. — Франц.: pulsion d'agression. — Англ.: aggressive instinct. — Исп.: instinto agresivo. — Итал.: istinto или pulsione d'aggressione. — Португ.: impulso agressivo или pulsão agressiva или de agressão.

● Это понятие Фрейда обозначает влечения к смерти, обращенные вовне. Цель влечения к агрессии — разрушить объект.

■ Понятие влечения к агрессии, как и понятие "перекрещивание влечений" (Triebverschrankung) (см.: Соединение — Разъединение), было введено Альфредом Адлером в 1908 г. (1). Хотя анализ Маленького Ганса уже выявил всю значимость и масштабы агрессивных побуждений и поступков, Фрейд тем не менее отказывался выводить эти побуждения и поступки из особого "влечения к агрессии": "Я не решаюсь признать, наряду с влечениями к самосохранению и сексуальными влечениями, хорошо нам известными, особое влечение к агрессии" (2). Понятие влечения к аг-

рессии, как казалось Фрейду, могло бы безосновательно присвоить себе все то, что на самом деле присуще любому влечению (см.: Агрессивность).

В дальнейшем, начиная с работы "По ту сторону принципа удовольствия" (1920), Фрейд стал пользоваться термином Agressionstrieb (влечение к агрессии) уже в рамках дуалистической теории, основанной на противопоставлении влечений к жизни влечениям к смерти.

В текстах Фрейда мы не видим ни последовательного использования этого понятия; ни строгого разграничения между влечением к смерти*, влечением к разрушению* и влечением к агрессии. Очевидно, однако, что влечение к агрессии редко понималось им в широком смысле и чаще всего обозначало влечение к смерти, направленное вовне.

(1) Cf. Adler (A.). Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose. In: Fortschritte der Medizin, 1908.

(2) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjärigen Knaben. G.W., VII, 371; S.E., X, 140; франц., 193.

ВЛЕЧЕНИЕ К ОВЛАДЕНИЮ

Нем.: Bemächtigungstrieb. — Франц.: pulsion d' emprise. — Англ.: instinct to master (или for mastery). — Исп.: instinto de dominio. — Итал.: istinto или pulsione d' impossessamento. — Португ.: impulso или pulsão de apposar-se.

◐ Не поддающееся точному определению выражение, несколько раз использованное Фрейдом. Он имел в виду несексуальное и лишь вторично связанное с сексуальностью влечение, цель которого — силою овладеть объектом.

◘ Немецкое слово Bemächtigungstrieb трудно поддается переводу (α). Обычно оно переводится на французский язык как maitrise или instict de possession, что не вполне удачно: ведь maitrise предполагает контроль и господство, possession — обладание и сохранение, тогда как sich bemächtigen означает захват силой. Нам представляется, что французский вариант pulsion d'emprise (β) лучше учитывает эти смысловые оттенки.

Что означает для Фрейда это влечение? В его работах речь идет о двух способах понимания проблемы:

1) в текстах, предшествовавших "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), Bemächtigungstrieb описывалось как несексуальное влечение, которое лишь позднее связывается с сексуальностью: поначалу оно направлено на внешние объекты и выступает как основа детской жестокости.

Фрейд впервые говорит об этом влечении в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905); источником детской жестокости выступает здесь влечение к овладению, первоначальной целью которого вовсе не было причинение страданий другому человеку, — этот момент просто не принимался в расчет на той стадии, которая предшествовала как состраданию, так и садизму (1a). Влечение к овладению считается независимым от сексуальности, "даже если на ранних стадиях оно соотносилось с нею благодаря связи их источников" (1b).

В "Предрасположенности к неврозу навязчивости" (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913) вопрос о влечении к овладению встает в связи с отношением активность — пассивность*, преобладающим на анально-садической стадии: пассивность связана с анальным эротизмом*, а "...активность — с влечением к овладению в широком смысле слова: мы называем его садизмом, если оно подчинено сексуальному влечению" (2).

Вновь обращаясь в "Трех очерках" (издание 1915 г.) к проблеме активности и пассивности на анально-садической стадии, Фрейд утверждал, что опорой влечения к овладению служит мышечная система.

Наконец, во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915), где Фрейд впервые четко представил проблему садомазохизма*, в качестве главной цели "садизма" выступает унижение объекта, покорение его силой (Überwaltigung). Страдание другого человека не было первоначальной целью; причинение боли при сексуальном общении становится целью лишь при мазохизме: садизм в эрогенном смысле слова — это как бы следствие вторичного обращения мазохизма на объект.

2) В работе "По ту сторону принципа удовольствия" понятие влечения к смерти* приводит к иной постановке проблемы влечения к овладению.

Происхождение садизма отныне описывается как обращение на объект самого влечения к смерти, обычно направленного на разрушение субъекта: "Быть может, садизм — это и есть, собственно говоря, влечение к смерти, отторгнутое от *Я* воздействием нарциссического либидо и потому способное проявиться лишь в отношении к объекту? Отныне оно подчинено сексуальной функции" (3a).

Что же касается целей мазохизма и садизма, отныне представших как перипетии влечения к смерти, то акцент отныне ставится уже не на овладение, а на разрушение.

Что происходит потом с этой властью над объектом? Она более не связана с каким-то особым влечением, но проявляется как разновидность влечения к смерти, подчиненного сексуальному влечению: "На оральной стадии либидинальной организации лю-

бовное овладение объектом (Liebesbemächtigung) совпадает с его уничтожением, затем садическое влечение обособляется в нечто самостоятельное и, наконец, на генитальной стадии, нацеленной на размножение, оно принимает на себя функцию такого овладения сексуальным объектом, которое необходимо для совершения полового акта" (3b).

*

Отметим, что наряду с понятием Bemächtigung Фрейд нередко использует близкое по значению понятие покорения — Bewältigung. Это слово, которое мы предлагаем переводить на французский язык как maitrise, обычно обозначает у Фрейда способность справиться с возбуждением — независимо от того, порождается ли оно собственными влечениями или же связывает их извне (см.: Связывание, связанность) (γ). Однако строгого терминологического разграничения между этими терминами не проводится, в особенности потому, что между властью над объектом и властью над собственным возбуждением существует, с точки зрения психоанализа, несколько точек пересечения. Так, рассматривая в "По ту сторону принципа удовольствия" роль повторений в детской игре, Фрейд, в частности, предполагает, что "...это побуждение можно было бы объяснить влечением к овладению"... (3c). В данном случае овладение объектом, символически подчиненным субъекту, осуществляется одновременно с процессом связывания травматического воспоминания с его энергетической нагрузкой.

*

Одним из немногих авторов, кто попытался использовать и развить замечания Фрейда о понятии Bemächtigung, был Ив Хендрик, который в ряде своих статей вполне правомерно ввел эту проблему в рамки генетической психологии *Я* и исследования процессов обучения (learning). В целом он считал, что:

1) существует некий instinct to master или потребность в овладении окружением, на которую психоаналитики не обратили внимания, увлекшись изучением механизмов поиска удовольствия. Речь идет о "врожденном влечении к действию и к обучению действию" (4a);

2) это влечение изначально лишено сексуального характера; лишь впоследствии, в связи с садизмом, оно может приносить удовольствие;

3) это влечение предполагает особое удовольствие — от успеш-

ного выполнения действия: "...изначальное удовольствие ищется в успешном выполнении центральной нервной системой функций, направленных на обеспечение целостности *Я*, что позволяет индивиду управлять своим окружением и изменять его" (5a);

4) почему мы должны говорить об "инстинкте" к овладению, а, скажем, не о *Я* как особой организации, обеспечивающей такие способы получения удовольствия, которые не сводятся к удовлетворению инстинктов? Когда Хендрик призывает к "построению понятия, способного объяснить, какие силы приводят *Я* в действие" (6), об "определении *Я* в терминах влечения" (4b), речь идет, по сути, именно об "...инстинкте в его психоаналитическом понимании, т.е. о биологическом источнике напряжений, побуждающем к действию по определенным схемам (patterns)" (5b).

Такое понимание сходно со смыслом влечения к овладению у Фрейда; однако, по сути, Хендрик имеет дело с овладением во второй степени, предполагающим усиление контроля над самим действием.

Впрочем, и сам Фрейд приходил к мысли о существовании влечения к овладению, об изначальном стремлении к овладению самим собой, усматривая его основу "в попытках ребенка владеть (Herr werden) своим телом" (7).

α) Во французских переводах вычленить это понятие трудно, поскольку одно и то же слово переводилось по-разному.

β) Такой перевод мы видим у Грюнберга (8).

γ) В этом смысле термин Bewältigung используется в ряде текстов Фрейда (9). В других местах встречаются и такие термины, как bandigen (укрощать) и Triebbeherrschung (овладение влечением) (10).

(1) Freud (S.). a) Cf. G.W., V, 93—94; S.E., VII, 192—193; франц., 89. — b) G.W., V, 94; S.E., VII, 193, n.1; франц., 89.

(2) Freud (S.). G.W., VIII, 448; S.E., XII, 322; франц., 443.

(3) Freud (S.). a) G.W., XIII, 58; S.E., XVIII, 54; франц., 62. — b) G.W., XIII, 58; S.E., XVII, 54; франц., 62. — c) G.W., XIII, 14; S.E., XVIII, 16; франц., 15.

(4) Hendrick (I.). Instinct and the ego during infancy, 1942. In: Psychoanalytic Quarterly, XI,40.

(5) Hendrick (I.) Work and the pleasure principle, 1943. In: Psychoanalytic Quarterly, XII. — a) 311. — b) 314.

(6) Hendrick (I.). The Discussion of "the instinct to master", 1943. In: Psychoanalytic Quarterly, XII, 563.

(7) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 223; S.E., XIV, 130; франц., 49.

(8) Grunberger (B.). In: R.F.P., 1960, 24, n. 2, 143.

(9) Ср., например: Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895. G.W., I, 336 и 338; S.E., III, 110 и 112. Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 152; S.E., IV, 85—86. Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 83—84; S.E., XVII, 54—55; франц., 364.

(10) Cf. Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. G:W., XVI, 69 и 74; S.E., XXIII, 225 и 229—230; франц., 12.

ВЛЕЧЕНИЕ К РАЗРУШЕНИЮ

Нем.: Destruktionstrieb. — Франц.: pulsion de destruction. — Англ.: destructive instinct. — Исп.: instinto destructivo или destructor. — Итал.: istinto или pulsione di distruzione. — Португ.: impulso destrutivo или pulsão destrutiva.

● Термин Фрейда для обозначения влечения к смерти* с точки зрения биологической и психологической. Термины "влечение к разрушению" и "влечение к смерти" иногда совпадают, но чаще здесь имеется в виду такое влечение к смерти, которое ориентировано вовне. В этом более специфическом смысле Фрейд использует также термин "влечение к агрессии"* (Aggressionstrieb).

■ В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), где впервые вводится понятие влечения к смерти, оно имеет умозрительный смысл.

Однако Фрейд с самого начала стремился выявить его эмпирические следствия. Впоследствии он нередко говорил о влечении к разрушению как о том, что позволяет ему четче обозначить цель влечения к смерти.

Оба эти влечения удовлетворяются, по Фрейду, "главным образом безмолвно" и могут быть распознаны лишь по действиям, направленным вовне, а потому "влечением к разрушению" могут быть названы лишь наиболее очевидные их проявления. Влечение к смерти отвлекается от самого субъекта, нагруженного нарциссическим либидо, и посредством мышечной системы обращается на внешний мир; отныне оно "... проявляется — вероятно, лишь отчасти — как *влечение к разрушению*, направленное на внешний мир и на другие живые существа" (1).

В других текстах границы между влечением к разрушению и влечением к смерти не определены столь четко, поскольку Фрейд включал в разрушительное влечение также и саморазрушительные побуждения (Selbstdestruktion) (2). Влечением к агрессии при этом называются лишь те разрушительные побуждения, которые направлены вовне.

(1) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 269; S.E., XIX, 41; франц., 197.

(2) Cf. Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 112; S.E., XXII, 106; франц., 144.

ВЛЕЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЕ

Нем.: Sexualtrieb. — Франц.: pulsion sexuelle. — Англ.: sexual instinct. — Исп.: instinto sexual. — Итал.: istinto или pulsione sessuale. — Португ.: impulso или pulsão sexual.

○ Внутреннее давление, которое, с психоаналитической точки зрения, выходит далеко за рамки сексуального поведения в общераспространенном смысле слова. В нем всецело подтверждается мысль об отличии влечения от инстинкта: объект сексуального влечения не предопределен биологически, способы его удовлетворения (цели) изменчивы — они связаны с функциями тех или иных телесных органов (эрогенные зоны), но способны сопровождать самые различные виды деятельности, примыкая к ним. Такое разнообразие телесных источников сексуального возбуждения свидетельствует о том, что сексуальное влечение изначально лишено единства, раздроблено на частичные, локально удовлетворяемые влечения (удовольствие, получаемое каким-то одним органом).

Психоанализ показывает, что сексуальное влечение у человека тесно связано с игрою представлений и фантазий, в которых оно обретает конкретную форму. Лишь в результате сложной, сопряженной со случайностями эволюции сексуальное влечение организуется по половому признаку, приобретая устойчивость и целенаправленность, близкую к инстинкту.

С точки зрения экономики, Фрейд утверждает существование некоей единой энергии — либидо — во всех превратностях судьбы сексуального влечения.

С точки зрения динамики, Фрейд усматривает в сексуальном влечении необходимый полюс психических конфликтов: сексуальное влечение подвергается вытеснению в бессознательное в первую очередь.

■ В нашем определении запечатлен тот переворот, который совершил психоанализ в понимании "сексуального инстинкта" — его смысла и его возможного применения (см.: Сексуальность). Этот переворот затрагивает и понятие сексуальности, и понятие влечения. Критика "обыденного" или "биологического" понимания сексуальности (1), которая привела Фрейда к обнаружению — в самых различных и иногда весьма далеких от сексуального акта явлениях — некоей общей "энергии", либидо*, приводит одновременно и к выявлению в человеке того, что, по существу, отличает влечение от инстинкта. С этой точки зрения получается, что фрейдовская концепция влечения, основанная на человеческой сексуальности, получает свое полное подтверждение лишь на примере сексуального влечения (см.: Влечение, Примыкание, Влечения к самосохранению).

На протяжении всего своего творчества Фрейд утверждал, что вытеснению подвергается лишь сексуальное влечение; он придавал ему большое значение в психическом конфликте*, оставляя открытым вопрос о причинах такого предпочтения. "Теоретически мы вполне можем предположить, что любое влечение может породить

такие же вытеснения и такие жé следствия; однако наши наблюдения неизменно свидетельствуют об ином: патогенные возбуждения всегда порождаются частичными сексуальными влечениями" (2) (см.: Соблазнение, Эдипов комплекс, Последействие).

Сексуальное влечение, которое в первой теории влечений Фрейда противопоставлялось влечениям к самосохранению, в окончательном дуалистическом варианте этой теории уподоблено влечениям к жизни*, или Эросу*. Если в первом дуализме сексуальное влечение было силой, подвластной лишь принципу удовольствия и с трудом поддающейся обучению (она действует по законам первичного процесса и непрестанно угрожает внутреннему равновесию психического аппарата), то, уподобляясь "влечениям к жизни", эта сила устремляется к "связыванию", т.е. созданию и сохранению живых организмов, и лишь ее противник — влечение к смерти — действует по принципу полной энергетической разрядки.

Понять этот переворот можно лишь учитывая всю совокупность концептуальных переосмыслений, происшедших у Фрейда после 1920 г. (см.: Влечения к смерти, *Я*, Связывание).

(1) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 33; S.E., VII, 135; франц., 17.

(2) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 112; S.E., XXIII, 186; франц., 55 — 56.

ВЛЕЧЕНИЕ ЧАСТИЧНОЕ

Нем.: Partialtrieb. — Франц.: pulsion partielle. — Англ.: component (или partial) instinct. — Исп.: instinto parcial. — Итал.: istinto или pulsione parziale. — Португ.: impulso или pulsão parcial.

◘ Этим термином обозначаются те предельные элементы, до которых доходит психоанализ сексуальности. Каждый из них имеет свой особый источник (например, оральное влечение, анальное влечение) и цель (например, влечение к подсматриванию, влечение к овладению).

Термин "частичный" означает не только то, что эти влечения выступают как разновидности класса сексуальных влечений; с генетической и структурной точек зрения, этот термин обозначает влечения, которые существуют сперва обособленно и лишь потом объединяются в различные либидинальные структуры.

◘ Фрейд всегда критически относился к любой теории инстинктов или влечений, которая стремилась установить перечень соответствий между типами влечения и типами деятельности, когда,

например, речь шла о "стадном инстинкте" применительно к жизни общества. Сам он выделял лишь два главных разряда влечений: при первом подходе — сексуальные влечения и влечения к самосохранению, при втором подходе — влечения к жизни и влечения к смерти.

Однако уже в первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) он ввел понятие частичного влечения. Расчленяя таким образом сексуальную деятельность, он стремился выявить ее *компоненты*, связав их с определенными органическими источниками и целями.

Сексуальное влечение в целом подрасчленяется на ряд частичных влечений. Большую их часть несложно связать с той или иной эрогенной зоной (α); некоторые — можно определить через их цель (например, влечение к овладению*), хотя и в этом последнем случае их можно связать с определенным телесным источником (в случае влечения к овладению — с мышечной системой).

У ребенка взаимодействие частичных влечений проявляется в расчлененных формах сексуальной деятельности ("полиморфная извращенность"), а у взрослого — в виде удовольствий, предшествующих половому акту, и в виде извращений.

Понятие частичного влечения связано с понятием организации. Анализ различных форм сексуальной организации* выявляет образующие их влечения. Происхождение их различно, поскольку, по Фрейду, влечения поначалу существуют в анархическом состоянии и лишь позднее приобретают упорядоченность (β).

В первом издании "Трех очерков" Фрейд пишет о том, что сексуальность становится внутренне упорядоченной лишь к моменту половой зрелости, и трактует сексуальную деятельность ребенка как неорганизованное взаимодействие частичных влечений.

Введение понятия догенитальной инфантильной организации позволяет отнести стадию свободной игры частичных влечений к еще более раннему этапу — к тому автоэротическому периоду, "когда каждое частичное влечение удовлетворялось (Lustbefriedigung) в теле самого субъекта" (1) (см.: Автоэротика).

α) "Разве вы не видите, что многообразие влечений обусловлено многообразием эрогенных органов?". Письмо Фрейда Оскару Пфистеру от 9.10.1918 г. (2).

β) Ср., например, следующий отрывок из "Психоанализа" и "Теории либидо" ("Psychoanalyse" и "Libidotheorie", 1923): "сексуальное влечение, психическая динамика которого называется "либидо", состоит из частичных влечений, на которые оно может сызнова раздробиться; частичные влечения организуются в единства лишь со временем [...]. Различные частичные влечения стремятся к удовлетворению независимо друг от друга, но объединяются вокруг общего центра. Первой (догенитальной) стадией организации можно считать оральную стадию" (3).

(1) Freud (S.). Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 446; S.E., XII, 321; франц. In: R.F.P., 1929, III, 3, 441.

(2) Цит. по: Jones (E.). Sigmund Freud, Life and work, London, Hogarth Press, 1955. Англ., II, 506; франц., Paris, P.U.F., II, 479.
(3) Freud (S.). G.W., XIII, 220; S.E., XVIII, 244.

ВЛЕЧЕНИЯ К ЖИЗНИ

Нем.: Lebenstriebe. — Франц.: pulsions de vie. — Англ.: life instincts. — Исп.: instintos de vida. — Итал.: istinti или pulsioni di vita. — Португ.: impulsos или pulsões de vida.

● Большая группа влечений, противопоставляемых в последней теории Фрейда влечениям к смерти. Они тяготеют к образованию и поддержанию более крупных единств. Влечения к жизни, обозначаемые также термином "Эрос", —это не только сексуальные влечения в собственном смысле слова, но и влечения к самосохранению.

■ Именно в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд ввел то мощное противопоставление между влечениями к смерти* и влечениями к жизни, которое отныне постоянно присутствовало в его творчестве. Влечения к смерти направлены на разрушение живых организмов, на полное устранение напряжений, они устремлены к некоему, так сказать, неорганическому состоянию полного покоя. Влечения к жизни направлены не только на сохранение уже существующих живых организмов, но и на создание на их основе более крупных единств. Таким образом, даже на клеточном уровне существует тенденция "...к созданию и сохранению связи между частями живой субстанции" (1a). Эта тенденция обнаруживается в индивидуальных организмах, стремящихся сохранить свою целостность и свое существование (влечения к самосохранению*, нарциссическое либидо*). Сексуальность в своих явных формах выступает как основа связи (связи индивидов при половом акте, связи гамет при оплодотворении).

Чтобы понять, что имел в виду Фрейд под влечениями к жизни, лучше всего рассматривать их по контрасту с влечениями к смерти: эти два противоположных типа влечений, или два начала, предстают в физическом мире (притяжение — отталкивание) как основа жизни (анаболизм — катаболизм).

Этот новый дуализм влечений порождает ряд проблем:

1) введенное Фрейдом понятие влечения к смерти было связано с размышлениями о сущности влечения как такового — о возврате к предшествующему состоянию. В эволюционистской перспективе, к которой явно склонялся Фрейд, эта регрессивная тенденция может быть направлена лишь на восстановление менее дифференцированных и менее организованных форм, лишенных в конечном счете

даже энергетических различий. Эта тенденция выражается прежде всего влечением к смерти; напротив, влечение к жизни определяется противонаправленным движением к установлению и поддержанию наиболее дифференцированных и организованных форм, *постоянством* и даже *увеличением энергетических различий* между организмом и средой. Фрейд признавался, что не может показать, что именно делает влечения к жизни разновидностью влечения как такового с его консервативностью и даже регрессивной направленностью. "К Эросу (любовному влечению) мы не можем подойти с той же меркой: это означало бы, что живая субстанция, которая поначалу сложилась в единство, затем разложившееся, ныне вновь стремится образовать единство" (2а). И потому Фрейд обратился к мифу, рассказанному Аристофаном в Платоновом "Пире": согласно этому мифу, сексуальная связь восстанавливает утраченное единство существа, которое поначалу, до разделения полов, было андрогинным" (1b).

2) На уровне принципов функционирования психики сообразно с двумя главными группами влечений вновь возникает та же противоположность и та же сложность: принцип Нирваны*, соответствующий влечениям к смерти, определен достаточно четко, а вот принцип удовольствия (и в измененном виде — принцип реальности*) как представитель влечений к жизни с трудом поддается вычленению на уровне экономики, так что Фрейд дает ему новое "качественное" определение (см.: Принцип удовольствия, Принцип постоянства).

Согласно последним формулировкам Фрейда ("Очерк психоанализа" [Abriss der Psychoanalyse], 1938), в основе влечений к жизни лежит принцип *связывания*. "Эрос — это связь; цель его — создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, — в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы" (2b).

Как мы видим, на уровне экономики влечения к жизни тоже плохо согласуются с энергетической моделью влечения как тенденции к устранению напряжений. Подчас (3) Фрейд даже противопоставлял Эрос другим влечениям с присущим им консерватизмом.

3) Наконец, увидев во влечениях к жизни то, что он ранее называл сексуальным влечением*, Фрейд задумался о том, не связано ли это с переменой места сексуальности в дуальной структуре. В главных парах противоположностей у Фрейда (свободная энергия — связанная энергия, первичный процесс — вторичный процесс, принцип удовольствия — принцип реальности, а также в "Наброске научной психологии" [Entwurf einer Psychologie, 1895] принцип инерции — принцип постоянства) сексуальность как разрушительная сила соотносилась скорее с первыми терминами. С

возникновением нового дуализма влечений "первичной", "демонической" силой, основой всякого влечения стало именно влечение к смерти, тогда как сексуальность парадоксальным образом превратилась в объединяющую силу.

(1) Freud (S.). a) G.W., XIII, 66,n.; S.E., XVIII, 60,n.; франц., 70, n. — b) Cf. G.W., XIII, 62—63; S.E., XVIII, 57—58; франц., 66—67.

(2) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 149; франц. 8. — b) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8.

(3) Cf. Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930. G.W., XIV, 477, n.; S.E., XXII, 118, n.2; франц., 54, n.2.

ВЛЕЧЕНИЯ К САМОСОХРАНЕНИЮ

Нем.: Selbsterhaltungstriebe. — Франц.: pulsions d'auto-conservation. — Англ.: instincts of self-preservation. — Исп.: istintos de autoconservación. — Итал.: istinti или pulsioni d' autoconservazione. — Португ.: impulsos или pulsões de autoconservação.

● Термин Фрейда, обозначающий совокупность потребностей, связанных с телесными функциями, необходимыми для поддержания жизни индивида; их прообраз — голод.

Влечения к самосохранению противопоставлены в первой теории влечений Фрейда сексуальным влечениям.

■ Хотя выражение "влечение к самосохранению" появляется у Фрейда лишь в 1910 г., мысль о противоположности сексуальных влечений влечениям несексуальным возникла значительно раньше. Она неявно присутствует уже в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), где Фрейд говорит о примыкании сексуальности к другим телесным функциям (см.: Примыкание). Например, на оральном уровне основой сексуального удовольствия выступает деятельность, связанная с питанием: "Удовольствие в эрогенной зоне поначалу связывалось с удовлетворением потребности в пище" (1a); там же Фрейд говорит и о "пищевом влечении" (1b).

В 1910 г. Фрейд обнаружил противоположность влечений, которая легла в основу его первой теории влечений: "Особое значение имеет неоспоримая противоположность между влечениями, которые служат сексуальности, сексуальному удовольствию, и влечениями, нацеленными на самосохранение индивида, или влечениями *Я*: все органические влечения, действующие в нашей психике, можно разделить, говоря словами поэта, на Любовь и Голод" (2). Отсюда два следствия, выявляемые Фрейдом в этот период: примыкание сексуальных влечений к влечениям к самосохранению и определяющая роль этого дуализма в психическом конфликте*. Это проявляется, например, при истерических расст-

ройствах зрения, когда один и тот же орган (глаз) служит опорой для двух видов влечений, а в случае конфликта между ними становится местом возникновения симптома.

Более развернуто проблема примыкания представлена в нашем комментарии к соответствующей статье. Что же касается противопоставления двух главных типов влечений в защитном конфликте, то этот вопрос яснее всего изложен в работе "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911). Поскольку влечения *Я* могут быть удовлетворены лишь посредством реального объекта, они очень быстро переходят от принципа удовольствия к принципу реальности* и даже становятся как бы реально действующими — в противоположность сексуальным влечениям, которые удовлетворяются фантазматическим путем и надолго остаются во власти одного лишь принципа удовольствия*: "Важный момент психической предрасположенности к неврозу связан с тем, что сексуальные влечения с трудом научаются учитывать реальность" (3).

Эти представления легли в основу идеи, неоднократно выдвигавшейся Фрейдом: конфликт между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению дает ключ к пониманию трансферентных неврозов (см. об этом в нашем комментарии к статье : Влечения *Я*).

*

Фрейд никогда не стремился построить развернутую картину влечений к самосохранению: обычно он говорил о них собирательно или пользуясь примером голода. Тем не менее он, по-видимому, допускал многообразие влечений к самосохранению, равных по числу основным органическим функциям (питание, испражнение, мочеиспускание, мышечная деятельность, зрение и пр.).

Противопоставляя сексуальные влечения влечениям к самосохранению, Фрейд ставит под сомнение уместность использования общего понятия Trieb применительно к ним обоим. Прежде всего, говоря о влечениях, Фрейд обычно имел в виду сексуальное влечение, приписывая тем самым влечению в целом такие черты, как переменчивость цели и условность объекта. Однако способы и объект удовлетворения влечений к самосохранению предопределены заранее: по словам Макса Шелера, голод грудного ребенка уже предполагает "интуицию значения пищи" (4). Как показывает фрейдовское понятие выбора объекта по примыканию*, именно влечения к самосохранению указывают сексуальности на ее объект. Вследствие этих различий Фрейд неоднократно называл влечения к самосохранению "потребностью" (Bedürfnis) (5a). В этой связи можно лишь подчеркнуть искусственность попыток установить жесткую связь между функцией самосохранения и сексуальными

функциями на том основании, что и те, и другие поначалу одинаково подчиняются лишь принципу удовольствия, а впоследствии также и принципу реальности. Фактически функции самосохранения с самого начала должны располагаться рядом с принципом реальности, а сексуальные влечения — рядом с принципом удовольствия.

Последующие переосмысления теории влечений заставили Фрейда изменить место функции самосохранения. При этом понятия влечений *Я* и влечений к самосохранению, поначалу равнозначные, подверглись вовсе не тождественным преобразованиям. По вопросу о влечениях *Я* или о природе энергии этих влечений, подчиненных инстанции *Я,* читателю следует обратиться к нашим комментариям в статьях: Влечения *Я, Я*-либидо — объектное либидо, *Я*. По поводу функций самосохранения в общем можно сказать следующее:

1) введение понятия нарциссизма (1915) не изменяет противоположности между влечениями к самосохранению и сексуальными влечениями, хотя последние отныне подразделяются в зависимости от того, нацелены ли они на внешний объект (объектное либидо) или на *Я* (*Я*-либидо).

2) Между 1915 и 1920 гг. взгляды Фрейда "сближаются со взглядами Юнга" (5b). Фрейда привлекает идея монизма влечений, при котором влечения к самосохранению оказываются частным случаем любви к себе, или *Я*-либидо.

3) После 1920 г. возникает новая противоположность: на этот раз между влечениями к смерти* и влечениями к жизни*. Поначалу (6) Фрейд колебался насчет того, куда поместить влечения к самосохранению, и включил их в одну группу с влечениями к смерти — как окольные пути "организма, желающего умереть по-своему" (7), но вскоре отказался от этой мысли, усматривая в самосохранении индивида особый случай влечений к жизни.

Эти взгляды сохраняются и в дальнейшем: "Противоположность между влечениями к самосохранению и влечениями к сохранению рода, а также влечениями, связанными с любовью к *Я* и любовью к объекту, — все это находит свое место в Эросе" (8).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 182; S.E., VII, 181—182; франц., 74. — b) G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц., 76.

(2) Freud (S.). Die psychogene Sehstörungen in psychoanalytischer Auffassung, 1910. G.W., VIII, 97—98; S.E., XI,214.

(3) Freud (S.). G.W., VIII, 235; S.E., XII, 223.

(4) Scheler (M.). Wesen und Formen der Sympathie, 1913. Франц.,295.

(5) Cf. Freud (S.)."Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. — a) G.W., XIII, 221; S.E., XVIII, 245. — b) G.W., XIII, 231—232; S.E., XVIII, 257.

(6) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 41; S.E., XVIII, 39; франц., 148.

(7) Freud (S.). G.W., XIII, 41; S.E., XVIII, 39; франц., 45.

(8) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8.

ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

Нем.: Todestriebe. — Франц.: pulsions de mort. — Англ.: death instincts. — Исп.: istintos de muerte. — Итал.: istinti или pulsioni di morte. — Португ.: impulsos или pulsões de morte.

● В последней фрейдовской теории влечений — фундаментальная категория влечений, противоположных влечениям к жизни и нацеленных на полное устранение напряжения, т.е. на приведение живого существа в неорганическое состояние.

Направлены прежде всего внутрь, на саморазрушение, и лишь вторично проявляются в форме влечения к (внешней) агрессии, к разрушению.

■ Понятие влечений к смерти было введено Фрейдом в "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) и с тех пор постоянно присутствовало в его творчестве. Однако в отличие от многих других понятийных нововведений Фрейда оно не было принято его учениками и последователями. И поныне это одно из самых спорных понятий психоанализа. Для того чтобы понять его смысл, недостаточно, с нашей точки зрения, сослаться на те или иные высказывания Фрейда или же найти клинический материал для обоснования этой гипотезы. Важно связать это понятие со всем контекстом развития фрейдовской мысли и выяснить, почему оно оказалось структурно необходимым в рамках более общего идейного поворота 20-х годов. Такой анализ, возможно, поможет увидеть в основе явных высказываний Фрейда и его убежденности в том, что он совершает решительный переворот, некую концептуальную необходимость, которая (в иных формах) фактически уже присутствовала в более ранних его подходах.

*

Вкратце взгляды Фрейда на влечения к смерти сводятся к следующему. Речь идет об основополагающем для каждого существа побуждении вернуться в неорганическое состояние. И потому "если признать, что живые существа возникли позже неживых и на их основе, влечение к смерти окажется в полном согласии с утверждением [...] о том, что влечения стремятся вернуться к своему прежнему состоянию" (1a). При таком подходе оказывается, что "любое живое существо обречено умереть по внутренним причинам" (2a). В многоклеточных организмах "...либидо сталкивается с господством влечения к смерти или разрушению, которое стремится расчленить клеточный организм на отдельные части, приведя каж-

дую из них в состояние покоя, присущего неживой материи. Задача либидо — обезоружить это разрушительное влечение, и оно выполняет ее, обращая большую часть этого влечения вовне, на объекты внешнего мира, причем чаще всего с помощью мышц как особой органической системы. Итак, это влечение называется влечением к разрушению, влечением к овладению, волей к власти. Отчасти оно подчиняется сексуальной функции, выполняя при этом важную роль. Другая его часть не перемещается вовне, оставаясь внутри организма и во власти либидо. Именно здесь вступает в действие изначальный, эрогенный мазохизм" (3a).

В развитии индивидуального либидо Фрейду удалось обнаружить сложную игру влечения к жизни и влечения к смерти — как в садистской (2c), так и в мазохистской форме (3b).

Влечения к смерти выступают как один из полюсов нового дуализма, где они противопоставлены влечениям к жизни (или Эросу*), отныне объединяющим все ранее выявленные Фрейдом влечения (см.: Влечения к жизни, Сексуальные влечения, Влечения к самосохранению, Влечения *Я*). Следовательно, влечения к смерти появляются в понятийной системе Фрейда как совершенно новый тип влечений, отсутствовавший в предыдущих классификациях (садизм* и мазохизм*, например, ранее включались в сложную игру влечений, имеющих вполне положительную цель) (4a); однако в это же самое время Фрейд видит в них влечения как таковые, поскольку в них ярко представлена присущая влечениям повторяемость.

*

Каковы же причины, которые привели Фрейда к мысли о влечениях к смерти?

1) Прежде всего дело в том, что потребовалось осмыслить целый ряд повторяющихся явлений в самых разных областях (см.: Навязчивое повторение). Их невозможно было объяснить поиском либидинального удовлетворения или же просто попыткой справиться с неприятными переживаниями. Фрейд видел в этих явлениях "нечто демоническое" — непреодолимую силу, которая не зависит от принципа удовольствия и способна ему противостоять. Это подтолкнуло Фрейда к мысли о регрессивной направленности влечений: влечения к смерти предстают тогда как само воплощение влечения.

2) Помимо того, в психоаналитической практике было осознано значение таких понятий, как амбивалентность*, агрессивность*, садизм и мазохизм,— как они проявляются, например, в клинике невроза навязчивых состояний и меланхолии.

3) С самого начала Фрейд считал невозможным — с метапсихологической точки зрения — вывести понятие ненависти из сексуальных влечений. Он никогда не был сторонником мнения, согласно которому "... все то, что есть в любви опасного и враждебного, объясняется изначальной двойственностью ее сущности" (5a). Во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) садизм и ненависть соотнесены с влечениями *Я*: "... подлинные прообразы ненависти выводятся не из сексуальной жизни, а из борьбы *Я* за самосохранение и самоутверждение" (4b). Фрейд видел в ненависти "более древнее, чем любовь" отношение к объектам (4c). Когда Фрейд ввел понятие нарциссизма* и попытался устранить разницу между двумя типами влечения (сексуальными влечениями и влечениями *Я*), усматривая в них различные проявления либидо, понятие ненависти, по-видимому, оказалось для него особенно трудным, поскольку его невозможно было вывести из монизма влечений. Проблема *первичного мазохизма*, поставленная в 1915 г., уже тогда указывала на один из полюсов будущего мощного дуализма влечений.

Как известно, дуалистическая тенденция всегда имела фундаментальное значение в мысли Фрейда; ее можно обнаружить во многих опорных моментах его теории, например в понятии "пара противоположностей"*. Эта тенденция особенно усиливается, когда речь заходит о влечениях как силах, сталкивающихся в психическом конфликте (2d).

*

Какую роль играет у Фрейда понятие влечения к смерти? Прежде всего отметим, что это фрейдовское понятие поначалу было чистой гипотезой и лишь постепенно стало концептуально необходимым: "Поначалу я выдвинул эти мысли с единственным намерением — посмотреть, куда они приведут, но со временем они захватили меня, и я уже не мог думать иначе" (5b). По-видимому, сама концепция влечения заставляла Фрейда сохранять понятие влечения к смерти — вопреки "сопротивлениям" психоаналитических кругов и трудностям обоснования этого понятия на конкретном материале. Фактически, как неоднократно подчеркивал Фрейд, достичь либидинального удовлетворения можно всегда — независимо от того, связано ли сексуальное удовлетворение с объектом или же с нарциссическим удовольствием (5c), т.е. даже в тех случаях, когда столь ярко проявляется склонность к разрушению — себя или другого, когда ярость разрушения царит в слепоте своей. "[...] Мы никогда не сталкиваемся с динамикой чистых аффектов, но всегда

со смешанными влечениями, одновременно принадлежащими к двум различным группам" (6а). Именно в этом смысле Фрейд иногда говорит, что влечение к смерти "...может восприниматься лишь в эротической окраске" (5d).

Все это объясняет те трудности, которые испытывал Фрейд при попытках включить следствия этого нового дуализма влечений в теорию неврозов или в модели конфликтов: "Прослеживая весь путь влечений, мы вновь и вновь обнаруживаем, что они оказываются побегами Эроса. Если бы не наши размышления, изложенные в "По ту сторону принципа удовольствия" (в частности, относительно садистских моментов в Эросе), нам было бы очень трудно сохранить дуалистическую концепцию" (7а). Поразительно видеть в таких работах, как "Торможение, симптом, страх" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926), где рассматриваются невротический конфликт в целом и различные способы его проявления, сколь малое место Фрейд отводит противоположности между двумя главными типами влечений — она не играет динамической роли в его концепции. Когда Фрейд четко ставит вопрос (7b) о соотношении между выявленными им инстанциями личности — *Оно, Я* и *Сверх-Я* — и двумя категориями влечений, мы видим, что конфликт между различными инстанциями не совпадает с дуализмом влечений. Хотя Фрейд пытался определить место каждого влечения внутри каждой психической инстанции, мы не находим в описаниях конфликтов предполагаемой оппозиции между влечениями к жизни и влечениями к смерти: "Не может быть и речи о жесткой связи между тем или иным основным влечением и той или иной областью психики. Их нужно уметь обнаруживать повсюду" (1b). Подчас контраст между новой теорией влечений и новой топикой выступает еще резче: конфликт разыгрывается между различными инстанциями, так что в итоге *Оно* предстает как совокупность требований, связанных с влечениями, направленными против *Я*. Именно в этом смысле различие между влечениями *Я* и влечениями к объекту сохраняет для Фрейда значение на эмпирическом уровне: лишь "...теоретический подход приводит нас к мысли о существовании двух основополагающих влечений [Эрос и влечение к разрушению], которые скрыты за очевидными проявлениями влечений *Я* и объектных влечений" (8). Таким образом, на уровне влечений Фрейд вновь обращается к той модели конфликтов, которая была создана раньше, чем "По ту сторону принципа удовольствия" (см.: *Я*-либидо, объектное либидо), по-видимому предполагая, что каждая из взаимодействующих сил (а именно влечения *Я* и объектные влечения), столкновение которых мы непосредственно наблюдаем, выступает как соединение* влечений к жизни и влечений к смерти.

Новая теория влечений, отметим, вносит на редкость мало изменений в описание как защитного конфликта, так и стадий влечений (6b).

Хотя введенное Фрейдом понятие влечения к смерти сохраняет

свое значение на протяжении всего его творчества, оно выступает лишь как гипотеза, вытекающая из теории неврозов. Он обосновывает это понятие двояким образом: во-первых, как продукт фундаментальной мыслительной потребности; во-вторых, как неизбежный вывод из конкретных и неопровержимых фактов, которые, с его точки зрения, приобретают все большее значение в клиническом опыте и в психоаналитической практике: " Если принять во внимание все проявления мазохизма, присущего столь многим людям, отрицательную терапевтическую реакцию и чувство вины у невротиков, то уже нельзя будет думать, будто функционирование психики направлено лишь на получение удовольствия. Эти явления безошибочно указывают на действие в нашей психической жизни силы, которую, в зависимости от ее цели, можно назвать влечением к агрессии или влечением к разрушению, выводя ее из влечения к смерти, изначально присущего живой материи" (9).

Влечения к смерти, считает Фрейд, проявляются в чистом виде как раз в тот момент, когда они направлены на размежевание с влечениями к жизни, например в случае меланхолии, при котором *Сверх-Я* выступает как "...влечение к смерти в чистом виде" (7с).

Поскольку, по собственному признанию Фрейда, его гипотеза "...строится на определенных теоретических посылках, приходится считать ее открытой для критики" (5е). Именно по этому пути устремилось множество психоаналитиков, утверждающих, с одной стороны, что влечение к смерти несостоятельно как *понятие*, а с другой стороны, что клинические *факты*, приводимые Фрейдом, можно объяснить и без помощи этого понятия. В общем эти критические замечания можно разбить на несколько групп:

1) одни критики, встав на точку зрения метапсихологии, отказывались видеть в ослаблении напряжений результат воздействия определенной группы влечений.

2) Другие критики (каждый по-своему) пытались описать возникновение агрессивности: она представала либо как необходимый начальный момент любого влечения (всякий раз проявляясь в деятельности, навязываемой субъектом объекту), либо как вторичная реакция на фрустрацию, порождаемую объектом.

3) Третьи признавали самостоятельность агрессивных влечений, отвергая, однако, их связь с агрессией против самого себя, что ослабляло значение пары противоположностей "влечение к жизни — влечение к саморазрушению" в жизни человека. В этом случае дуализм влечений признавался с самого начала, однако противопоставление любви и ненависти, изначально присущее оральному

поглощению (см.: Инкорпорация*), связывалось лишь с внешним объектом.

Напротив, школа М.Кляйн, к примеру, подчеркивала значение дуализма влечений к жизни и влечений к смерти: последователи М.Кляйн с самого начала отводили влечениям к смерти главную роль в человеческом существовании — не только когда эти влечения направлены на внешний объект, но и когда они действуют внутри организма, порождая страх перед расчленением и уничтожением. Правда, остается выяснить, в какой мере кляйновское манихейство включает те значения, которые приписывал дуализму влечений Фрейд. Фактически типы влечений, о которых говорит М.Кляйн, противоположны по своим целям, однако различия в их функционировании, по сути, не наблюдается.

Трудности, с которыми столкнулись последователи Фрейда, стремившиеся включить влечения к смерти в общую понятийную систему, заставляют задуматься о том, как именно Фрейд понимал Trieb в своей последней теории. По сути, нелегко назвать одним словом "влечение" все то, что, по Фрейду, действует в человеческой сексуальности ("Три очерка по теории сексуальности" [Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905]), и одновременно те "мифические сущности", которые противоборствуют не столько на уровне клинического опыта и представленных в нем конфликтов, сколько на внеиндивидуальном уровне, причем эта борьба, пусть в неявной форме, присуща всем (даже простейшим) живым существам: "Силы влечения, которые подталкивают все живое к смерти, вполне могут изначально действовать и в простейших организмах, однако их воздействие может быть скрыто силами, поддерживающими жизнь, и потому прямо удостоверить их присутствие подчас оказывается очень сложно" (2е).

Эту противоположность двух основополагающих влечений можно сопоставить с важнейшими жизненными процессами ассимиляции и диссимиляции, которые в конечном счете сводятся к "...паре противоположностей, царящих в неорганическом мире,— притяжению и отталкиванию" (1с). Этот фундаментальный аспект влечения к смерти Фрейд подчеркивает различными способами. Он ярко проявляется в ссылках Фрейда на философские концепции, особенно Эмпедокла и Шопенгауэра.

Некоторые французские переводчики Фрейда верно почувствовали, что последняя теория влечений строится на ином уровне, нежели предшествующие теории: об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что они предпочитают говорить об "инстинкте

жизни" и "инстинкте смерти", хотя, как правило, переводят фрейдовское Trieb как pulsion ("влечение"). Однако такое использование слова "инстинкт"* вряд ли правомерно, поскольку обычно (в том числе и у самого Фрейда) оно означает предопределенное, жестко заданное поведение, доступное наблюдению и анализу и присущее всему органическому миру.

Фактически в понятии "влечение к смерти" Фрейд стремился выявить суть влечения как такового: это возврат к предыдущему состоянию и в конечном счете возврат к абсолютному покою неорганической материи. Все это — не особенности какого-то отдельного влечения, но скорее *основа* любого влечения.

В этой связи полезно проанализировать те трудности, с которыми столкнулся Фрейд при попытке соотнести влечение к смерти с ранее изложенными им "принципами функционирования психики" и в особенности с принципом удовольствия. В работе "По ту сторону принципа удовольствия", как показывает само ее заглавие, влечение к смерти постулируется на основе фактов, противоречащих этому принципу, однако вместе с тем Фрейд утверждает, что "принцип удовольствия фактически подчиняется влечениям к смерти" (2f).

Впрочем, Фрейд и сам ощущал это противоречие, что заставило его впоследствии разграничить принцип удовольствия* и принцип Нирваны*, причем принцип удовольствия как экономический регулятор, требующий сведения напряжений к нулю, "...будет безраздельно подчиняться влечениям к смерти" (3c). Что же касается принципа удовольствия, определяемого отныне скорее в качественных, нежели в экономических терминах, то он "выражает требования либидо" (3d).

Спрашивается, отражает ли принцип Нирваны ту же направленность, что и влечение к смерти, или же нечто радикально иное? Несложно показать, как в различных формулировках принципа удовольствия, данных Фрейдом на протяжении всего его творчества, постоянно смешивались две тенденции: к полной разрядке возбуждений и к сохранению постоянного энергетического уровня (гомеостазис). Впрочем, уже в самых первых своих метапсихологических построениях ("Набросок научной психологии" [Entwurf einer Psychologie, 1895]) Фрейд разграничивал эти две тенденции, говоря о принципе инерции* и показывая, каким образом он превратился в тенденцию "к поддержанию постоянного уровня напряжения" (10).

В дальнейшем Фрейд продолжал разграничивать эти две тенденции, представляющие два типа энергии — свободную и связанную* — и два способа функционирования психики (первичный процесс и вторичный процесс*). И в этом смысле можно сказать, что понятие влечения к смерти подтверждает представления Фрейда о сущности бессознательного с его неразрушимостью и нере-

алистичностью. Одновременно с этим углублением самой основы бессознательного желания главная роль отводится Фрейдом сексуальности. Сексуальность, отныне называемая Эросом, оказывается уже не разрушительной, возмущающей всякий порядок силой, но скорее принципом связности: "Эрос — это связь; цель его — создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, — в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы" (1d)(см.: Влечения к жизни).

*

Однако даже если считать влечение к смерти очередным эпизодом на пути последовательного решения задач фрейдовской мысли, нельзя не признать новизны этого понятия: оно превращает тенденцию к разрушению (например, при садомазохизме) в нечто неоспоримое и несомненное; оно хорошо сочетается с фундаментальным принципом функционирования психики и, кроме того, выражая "самую суть влечения", неразрывно связывает любое желание — агрессивное или сексуальное — с желанием смерти.

(1) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148—149; франц., 8. — b) G.W., XVII, 71—72; S.E., XXIII, 149; франц., 9. — c) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 149; франц., 8—9. — d) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8.

(2) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920.— a) G.W., XIII, 47; S.E., XVIII, 44; франц., 51. — b) G.W.,XIII, 55; S.E., XVIII, 49; франц., 57. — c) G.W., XIII, 58; S.E., XVIII, 54; франц., 62. — d) G.W., XIII, 57; S.E., XVIII, 54; франц., 61. — e) G.W.,XIII, 52; S.E., XVIII, 49; франц., 56—57. — f) G.W., XIII, 69; S.E., XVIII, 63; франц., 74.

(3) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus , 1924. — a) G.W., XIII, 376; S.E., XX, 163; франц., 216. — b) GW., XIII, 377; S.E., XX, 164; франц., 217. — c) G.W.,XIII, 372; S.E., XX, 160; франц., 212. — d) G.W., XIII, 273; S.E., XX, 160; франц., 213.

(4) Freud (S.). Triebe une Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 220 sqq.; S.E., XIV, 129 sq.; франц., 44 sq. — b) G.W., X,230; S.E., XIV, 138; франц., 63. — c) G.W., X, 231; S.E., XIV, 139; франц., 64. — d) G.W., X, 220—221; S.E., XIV, 138; франц., 45.

(5) Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930. — a) G.W., XIV, 478; S.E., XXI,119; франц., 55. — b) G.W., XIV, 478—479; S.E., XXI, 119; франц., 55. — c) G.W., XIV, 480; S.E., XXI, 121; франц.,56. — d) G.W., XIV, 479; S.E., XXI, 120; франц., 55. — e) G.W., XIV, 480—481; S.E., XXI, 121—122, франц., 56.

(6) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. — a) G.W., XIV, 155; S.E., XX, 125; франц., 48. — b) Cf. G.W., XIV, 155; S.E., XX, 124—125; франц., 47—48.

(7) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. — a) G.W., XIII, 275; S.E., XIX, 46; франц., 203. — b) Глава IV. Passim. — c) G.W., XIII, 283; S.E., XIX, 53; франц., 211.

(8) Freud (S.). Psycho-Analysis, 1926. G.W., XIV, 302; S.E., XX.265.

(9) Freud (S.). Die endliche und unendliche Analyse, 1937. G.W., XVI, 88; S.E., XXIII, 243; франц., 28—29.

(10) Freud (S.). Нем., 380—381; англ., 356—358; франц., 316—317.

ВЛЕЧЕНИЯ *Я*

Нем.: Ichtriebe. — Франц.: pulsion du moi. — Англ.: ego instincts. — Исп.: instintos del yo. — Итал.: istinti или pulsioni dell'io. — Португ.: impulsos или pulsões do ego.

○ В первой фрейдовской теории влечений (1910—1915) влечения *Я* образуют особый тип влечений: *Я* использует их энергию в защитных конфликтах. Они подобны влечениям к самосохранению и противоположны сексуальным влечениям.

◘ В первой фрейдовской теории влечений сексуальные влечения* противопоставлены влечениям к самосохранению*, или, иначе, влечениям *Я*.

Как известно, Фрейд поначалу описывал психический конфликт* как противоположность между сексуальностью и вытесняющей, защитной инстанцией *Я**. Однако и тогда *Я* не имело опоры ни в каком особом влечении.

Начиная с "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), Фрейд четко противопоставил сексуальные влечения так называемым "потребностям" (или "важнейшим жизненным функциям"), показывая, что сексуальные влечения поначалу примыкали (см.: Примыкание*) к этим функциям, а затем отделились от них, превратившись в автоэротические (см.: Автоэротизм*). В своей "первой теории влечений" Фрейд попытался соединить эти две противоположности, а именно: клиническую противоположность между *Я* и сексуальными влечениями, характерную для защитного конфликта, и генетическую противоположность между функциями самосохранения и сексуальным влечением, возникшую в начальный период развития человеческой сексуальности.

В работе "Психогенные расстройства зрения в психоаналитическом понимании" (Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung, 1910) Фрейд, с одной стороны, объединил все "важнейшие потребности" под именем "влечения к самосохранению", а с другой стороны, назвал их "влечениями *Я*", или, иначе, участником психического конфликта, полюса которого в конечном счете также определяются соотношением сил: "При поисках объяснения огромное значение имеет очевидное противоречие между влечениями, которые подчинены сексуальности, достижению сексуального удовольствия, и влечениями, нацеленными на самосохранение индивида, или влечениями *Я*. Все органические влечения в нашей психике могут быть разделены, как сказал поэт, на Голод и Любовь" (1a).

*

Что означает у Фрейда такое совпадение между влечениями к самосохранению и влечениями *Я*? В каком смысле можно рассматривать определенную группу влечений как нечто, присущее *Я*?

1) На биологическом уровне Фрейд опирался на противопоставление между влечениями, нацеленными на сохранение индивида (Selbsterhaltung), и влечениями, направленными на сохранение рода (Arterhaltung): "В самом деле, индивид ведет двойное существование, преследуя собственные цели и одновременно будучи звеном в общей цепи, сплетенной вопреки его воле и уж во всяком случае независимо от нее [...]". С этой точки зрения, "влечения *Я*" — это "влечения к самосохранению", причем *Я* выступает как психическая сила, направленная на сохранение индивида.

2) На психологическом уровне Фрейд показывает, что влечения к самосохранению, в отличие от сексуальных влечений, вполне способны действовать согласно принципу реальности. Более того, он определяет "*Я*-реальность"* посредством признаков, присущих влечениям *Я*: " ...*Я*-реальности ничего более не остается, кроме как стремиться к *полезному* и защищаться от вредного" (3).

3) Следует помнить о том, что, вводя понятие влечений *Я*, Фрейд подчеркивал их связь (равно как и связь противоположных им сексуальных влечений) с определенной группой *представлений*, "к которой мы обобщенно прилагаем понятие *Я*, хотя в каждом конкретном случае она образуется по-разному" (1b).

Выводя все следствия из этого замечания, мы должны будем сделать вывод, что "*Я*", рассматриваемое как "группа представлений", нагружено влечениями *Я*, или что эти влечения *нацелены на Я*. При этом возникает понятийная двусмысленность, связанная с употреблением связки "du" (pulsion du moi). С одной стороны, влечения *Я порождены* организмом (или *Я* как психической инстанцией, ответственной за сохранение организма) и нацелены на более или менее четко выделенные внешние объекты (на пищу). С другой стороны, однако, они связаны с *Я* как со своим *объектом*.

*

Обращаясь между 1910 и 1915 гг. к исследованию противоположности между сексуальными влечениями и влечениями *Я*, Фрейд подчеркивал, что эта гипотеза была "...навязана ему анализом чисто трансферентных неврозов (истерии и невроза навязчивых состояний)" (2b). При этом в истолкованиях конфликта у Фрейда вле-

чения к самосохранению никогда не выступают как движущая сила вытеснения:

1) в клинических исследованиях, опубликованных до 1910 г., особая роль *Я* в конфликте подчеркивается неоднократно, хотя его отношение к функциям, ответственным за сохранение биологического индивида, не уточняется (см.: *Я*). Позднее, когда влечение к самосохранению уже было теоретически представлено в качестве влечения *Я*, оно редко выступало в виде энергии вытеснения: в тексте "Из истории одного детского невроза" (Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918), переработанном в 1914—1915 гг., в качестве побудительной силы вытеснения предстает "генитальное нарциссическое либидо" (4).

2) В метапсихологических работах 1914—1915 гг. ("Бессознательное" [Das Unbewusste], "Вытеснение" [Die Verdrängung], "Влечения и судьбы влечений" [Triebe und Triebschicksale]) вытеснение трактуется как результат чисто *либидинальной* игры нагрузок, разгрузок и противонагрузок представлений применительно к трем главным разновидностям трансферентного невроза: "Здесь мы можем вместо "нагрузка" сказать "либидо", поскольку, как известно, речь идет о судьбе сексуальных влечений" (5).

3) В тексте, вводящем понятие "влечение *Я*", — одном из немногих, где Фрейд пытался представить его как силу, действующую в конфликте, — функция "самосохранения" выступала скорее как ставка защитного конфликта и поле его развертывания, нежели как один из его динамических компонентов.

4) Пытаясь обосновать этот дуализм влечений, Фрейд трактовал его не как "необходимый постулат", но скорее как "рабочую гипотезу", выходящую за рамки психоаналитических данных. В свете этих данных представляется обоснованной только мысль о "конфликте между требованиями сексуальности и требованиями *Я*" (6). Что же касается дуализма влечений, то его опорой служат в конечном счете "биологические" соображения: "...я хотел бы открыто заявить, что гипотеза о различии между влечениями *Я* и сексуальными влечениями [...] лишь отчасти основана на психологических данных и опирается главным образом на биологию" (2c).

*

Вводя понятие нарциссизма*, Фрейд не склонен был немедленно упразднять противопоставление между сексуальными влечениями и влечениями *Я* (2d, 6b), но счел необходимым ввести некоторые дополнительные разграничения: так, сексуальные вле-

чения могут переносить свою энергию либо на внешний объект (объектное либидо), либо на *Я* (*Я*-либидо, или нарциссическое либидо). Энергия влечений *Я* — это не либидо, а "интерес"*. В этой новой схеме мы видим попытку устранить отмеченную выше двусмысленность понятия "влечения *Я*". Влечения *Я* порождаются *Я* и связываются с независимыми объектами (такими, как пища), однако *Я* может стать объектом сексуального влечения (*Я*-либидо).

В любом случае противоположность между влечениями *Я* и сексуальными влечениями вскоре потеряла для Фрейда интерес, уступив место противоположности между *Я*-либидо и объектным либидо*.

С этого момента Фрейду казалось, по сути, что самосохранение можно представить как любовь к самому себе или, иными словами, как *Я*-либидо. Описывая задним числом историю своей теории влечений, Фрейд трактовал поворот, приведший к понятию нарциссического либидо, как сближение с монистической теорией энергии влечения: "... психоаналитическое исследование развивается, идя как бы по стопам юнговских размышлений о первоначальном либидо,— прежде всего потому, что превращение объектного либидо в нарциссизм было неизбежно связано с известной десексуализацией" (7).

Удивительно, однако, что Фрейд обнаружил эту "монистическую" стадию собственного творчества лишь после того, как был открыт *новый* фундаментальный *дуализм* — между влечениями к жизни* и влечениями к смерти*.

*

Этот новый дуализм неизбежно должен был привести к исчезновению понятия "влечения *Я*" из фрейдовской терминологии; это случилось, однако, лишь после того, как в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд попытался найти влечениям *Я* место в новой схеме. Эта попытка развертывалась в двух прямо противоположных направлениях:

1) поскольку влечения к жизни совпадают с сексуальными влечениями, Фрейд попытался по аналогии соотнести влечения *Я* с влечениями к смерти. Доводя до конца логику мысли, согласно которой влечения, по сути своей, стремятся к неорганическому состоянию, Фрейд увидел во влечениях к самосохранению "... частичные влечения, определяющие путь каждого организма к смерти" (8a). Эти влечения отличаются от непосредственного побуждения к возврату в неорганическое состояние лишь тем, что каждый "...организм хочет умереть по-своему; хранители жизни изначально были пособниками смерти" (8b).

2) По ходу этого текста Фрейд был вынужден изменить свои

взгляды, вернувшись к мысли о либидинальной природе влечений к самосохранению (8с).

Во второй теории психического аппарата Фрейд уже не стремился связать тот или иной тип влечения с той или иной инстанцией (подобно тому, как он некогда пытался уподобить влечения к *самосохранению* влечениям *Я*). Хотя источником влечений выступает *Оно*, в каждой инстанции можно обнаружить воздействие всех влечений. Фрейда по-прежнему интересовал вопрос о том, какую именно энергию влечения использует *Я* (см.: *Я*), однако о влечениях *Я* речь в этой связи больше не идет.

(1) Freud (S.). a) G.W., VIII, 97—98; S.E., XI, 214—215. — b) G.W., VIII, 97; S.E., XI, 213.

(2) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. — a) G.W., X, 143; S.E., XIV, 78. — b) G.W., X,143; S.E., XIV, 77. — c) G.W., X, 144; S.E., XIV, 79. — d) Cf. passim.

(3) Freud (S.). Formulierungen über die zwei Principien des psychischen Geschehens, 1911. G.W., VIII, 235; S.E., XII, 223.

(4) Freud (S.). G.W., XII, 73; S.E., XVII, 46; франц., 357.

(5) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 281; S.E., XIV, 181—182; франц., 122.

(6) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 217; S.E., XIV, 124; франц., 38. — b) Cf. G.W., X, 216 sqq.; S.E., XIV, 123 sqq.; франц.,37 sqq.

(7) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 231—232; S.E., XVIII, 257.

(8) Freud (S.). a) G.W., XIII, 41; S.E., XVII, 39; франц., 45. — b) G.W., XIII, 41; S.E., XVII, 39; франц., 45. — c) Cf. G.W., XIII, 56; S.E., XVII, 52; франц., 60.

ВНИМАНИЕ, СВОБОДНО ПАРЯЩЕЕ

Нем.: gleichschwebende Aufmerksamkeit. — Франц.: attention (également) flottante. — Англ.: (evenly) suspended или (evenly) poised attention. — Исп.: atención (parejamente) flotante. — Итал.: attenzione (ugualmente) fluttuante. — Португ.: atenção equiflutuante.

● По Фрейду, способ, которым психоаналитик обязан слушать пациента: он не должен сосредоточиваться ни на каком моменте в речи пациента, позволив своему бессознательному функционировать с наибольшей свободой и приостановив воздействие всех тех побуждений, которые обычно определяют направление внимания.

Применительно к пациенту этому требованию соответствует правило свободных ассоциаций.

■ Фрейд сформулировал и разъяснил это главное требование к субъективной установке психоаналитика при выслушивании пациента прежде всего в "Советах врачу по психоаналитической терапии" (Ratschläge für den Artz bei der psychoanalytischen Behandlung, 1912). Это требование заключается в возможно более полном

"подвешивании" всего того, на что обычно направлено внимание,— личных склонностей, предрассудков, теоретических предпосылок, даже прочно обоснованных. "Подобно тому как пациент должен рассказывать все то, что приходит ему в голову, воздерживаясь от каких-либо логических или аффективных обоснований своего выбора, так и врач должен быть способен к истолкованию всего того, что он слышит, чтобы обнаружить то, что скрыто в бессознательном, не подвергая сделанный больным выбор собственной цензуре" (1a).

По мнению Фрейда, именно это правило позволяет аналитику обнаруживать бессознательные связи в речи пациента. Благодаря ему психоаналитик способен сохранять в своей памяти множество по видимости незначимых элементов, взаимосвязи которых могут выявиться лишь позднее.

Свободно парящее внимание ставит теоретические и практические проблемы, которые очевидны уже в самой структуре этого противоречивого понятия.

1) Теоретическая основа понятия ясна — по крайней мере в том, что касается пациента: описанные Фрейдом бессознательные структуры выявляются через множество деформаций, например через "переоценку всех психических ценностей" (2a), в результате которой за внешне незначительными элементами проступают важнейшие бессознательные мысли. Свободно парящее внимание — это единственная *объективная* установка, возможная по отношению к столь сильно деформированному объекту. Заметим, впрочем, что Фрейд, не используя, правда, само понятие свободно парящего внимания, уже описал в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) такую психическую установку, как условие анализа собственных сновидений (2b).

2) Применительно к психоаналитику понятие свободно парящего внимания порождает, однако, трудные вопросы.

Аналитик, как и пациент, стремится не допустить воздействия собственных предрассудков, а тем самым и бессознательных защитных механизмов, на свое внимание. Чтобы полностью освободиться от них, Фрейд советует проводить дидактический анализ, ибо "... любое неустраненное вытеснение остается, по словам Штекеля, "слепым пятном" (punctum caecum) в психоаналитическом восприятии" (1b).

Однако требования Фрейда этим не ограничиваются: его цель — подлинное общение между бессознательным психоаналитика и бессознательным пациента (α): "Бессознательное психоаналитика должно играть по отношению к первоначальным проявлениям бессознательного у пациента такую же роль, какую в телефонном разговоре играет слушающий по отношению к говорящему" (1c). Именно это явление Теодор Райк впоследствии образно назвал "слушать третьим ухом" (3).

По поводу свободных ассоциаций Фрейд говорил о том, что освобождение от осознанных целепредставлений* может приводить лишь к их замене бессознательными целепредставлениями* (2с). Отсюда вытекает одна особая трудность для психоаналитика, принимающего установку свободно парящего внимания: в самом деле, как может его внимание быть свободно от бессознательных побуждений? Ответ на этот вопрос предполагает, что личные особенности психоаналитика сводятся к минимуму благодаря дидактическому анализу, а также подвергаются осмыслению и контролю при самоанализе контртрансфера.

В общем, свободно парящее внимание — это идеальное правило, которое на практике всегда сталкивается с противоречащими ему требованиями: как может, например, психоаналитик переходить к истолкованию и конструкциям*, не сосредоточивая внимания на каком-то определенном материале, обходясь без сравнений, схематизаций и пр.?

В современном психоанализе существуют различные подходы к свободно парящему вниманию; у Фрейда, отметим, трактовка этого вопроса во второй топике не изменилась.

а) Некоторые авторы, вслед за Т.Райком (loc.cit.), развивают мысль о бессознательной установке на выслушивание чужого бессознательного в духе эмпатии (Einfühlung), сущность которой проявляется на дословесном уровне. При таком подходе контртрансфер не мешает общению — напротив, он становится признаком глубины общения как своего рода восприятия.

б) С позиции других авторов правило свободно парящего внимания предполагает особые приемы устранения торможения и отбора, осуществляемые *Я:* никакая оценка пережитого не допускается, ведь психоаналитик должен быть "открыт" к побуждениям собственной психики и готов устранить воздействия защитных механизмов. При этом главное в психоанализе по-прежнему происходит между двумя различными *Я.*

в) Наконец, в той теоретической перспективе, где акцент ставится на аналогию между механизмами бессознательного и механизмами языка (Лакан), психоаналитическая установка на выслушивание предполагает возможность свободного обнаружения структурных сходств между всеми бессознательными явлениями.

α). По этому поводу Фрейд пишет: "...у каждого человека есть такой бессознательный инструмент, с помощью которого он может истолковывать проявления бессознательного у других людей" (4). " Бессознательное одного субъекта может

непосредственно, без участия сознания, воздействовать на бессознательное другого субъекта. Это требует более подробного изучения, прежде всего чтобы выяснить, участвует ли в этом предсознание или нет. Однако на описательном уровне это бесспорный факт" (5).

(1) Freud (S.). a) G.W., VIII, 381; S.E., XII, 115; франц., 66. — b) G.W., VIII, 382; S.E., XII, 116; франц., 67. — c) G.W., VIII, 381; S.E., XII, 115—116; франц., 66.

(2) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 335; S.E., IV, 330; франц., 246. — b) Cf. G.W., II—III, 108; S.E., IV, 103; франц., 79. — c) Cf. G.W., II—III, 533; S.E., V, 528—529; франц., 435.

(3) Cf. Reik (Th.). Listening with the third ear. The inner experience of a psychoanalyst, Grove Press, N.Y., 1948.

(4) Freud (S.). Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 445; S.E., XII, 320; франц. In: R.F.P., 1929, III, 3, 441.

(5) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 293; S.E., XIV, 194; франц., 142—143.

ВОЗВРАТ ВЫТЕСНЕННОГО

Нем.: Widerkehr (или Rückkehr) des Verdrängten. — Франц.: retour du refoulé. — Англ.: return (или breakthrough) of the repressed. — Исп.: retorno de lo reprimido. — Итал.: ritorno del rimosso. — Португ.: retôrno do recalcado.

● Процесс, при котором вытесненным, но сохранившимся при этом элементам удается появиться вновь, хотя и в искаженной, компромиссной форме.

■ Фрейд всегда утверждал, что бессознательные содержания "неустранимы" (1). Вытесненные элементы не только не исчезают, но, напротив, постоянно пытаются вновь проникнуть в сознание — хотя бы и окольными путями, посредством трудно узнаваемых вторичных образований, или, иначе, отростков* бессознательного (α).

Мысль о том, что симптомы объясняются возвратом вытесненного, встречается уже в самых ранних психоаналитических текстах Фрейда. Там же мы находим важную мысль о том, что этот возврат происходит посредством "образования *компромиссов* между вытесненными и вытесняющими представлениями" (2). Однако отношения между механизмами вытеснения* и возврата вытесненного Фрейд трактует по-разному:

1) например, в работе "Бред и сны в "Градиве" Йенсена" (Wahn und die Traume in W.Jensens Gradiva, 1907) Фрейд подчеркивает, что вытесненное возвращается теми же самыми ассоциативными путями, которыми шел процесс вытеснения (3d). Таким образом, эти два процесса тесно связаны и как бы симметричны друг другу; Фрейд приводит здесь притчу об аскете, который, пытаясь изгнать

искушение образом распятия, увидел на месте распятого образ обнаженной женщины: "... в конечном счете вытесненное одерживает победу, явившись в облике вытесняющей силы" (3b).

2) Однако Фрейд не был последовательным приверженцем этой концепции: он подверг ее пересмотру (например, в письме к Ференци от 6.12.1910), подчеркивая, что в основе возврата вытесненного лежит особый механизм (4). Это предположение получает дальнейшее развитие в "Вытеснении" (Die Verdrängung, 1915), где возврат вытесненного рассматривается как третий самостоятельный этап в процессе вытеснения в широком смысле слова (5). Описывая этот процесс применительно к различным типам невроза, Фрейд показал, что возврат вытесненного происходит в результате смещения, сгущения, конверсии и т.д.

Фрейд выявил также общие условия возврата вытесненного: это ослабление противонагрузки*, возрастание силы влечения (например, под влиянием полового созревания), возникновение в данный момент событий, не понятных без отсылок к вытесненному в прошлом материалу (6).

α) Относительно проблем, порождаемых таким подходом, см. примечание в "Торможении, симптоме, страхе" (1926), где Фрейд поднимает вопрос о том, переносят ли вытесненные желания всю свою энергию в эти ответвляющиеся от них образования или же остаются замкнутыми в бессознательном (7).

(1) Cf. Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W.,II—III, 583; S.E., V, 577; франц., 472.

(2) Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neurosen, 1896. G.W., 387; S.E., III, 170.

(3) Freud (S.). a) Cf. G.W., VII, 60—61; S.E., IX, 35; франц., 139—140. — b) G.W., VII, 60—61; S.E., IX, 35; франц., 139—140.

(4) Cf. Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, 1953, 1955, 1957, vol. II, англ., London, Hogarth Press, 1955; франц., Paris, P.U.F., 472.

(5) Cf. Freud (S.). G.W., X, 256—258; S.E., XIV, 154—156; франц., 82—86.

(6) Cf. Freud (S.). Der Mann Moses und die monotheistische Religion, 1939. G.W., XVI, 210—212; S.E., XXIII, 95—96; франц., 145.

(7) Cf. Freud (S.). G.W., XIV, 173, n.; S.E., XX, 142, n.; франц., 67, n.

ВОЗМЕЩЕНИЕ

Нем.: Wiedergutmachung. — Франц.: réparation. — Англ.: Reparation. — Исп.: reparación. — Èòàë.: riparazione. — Ïîðòóã.: reparacão.

● В терминологии М.Кляйн — механизм, посредством которого субъект старается возместить ущерб, причиненный объекту любви его разрушительными фантазиями. Этот механизм связан с депрессивным страхом и чувством вины: фантазматическое возмещение ущерба, причиненного материнскому объекту извне и изнутри, позволяет субъекту преодолеть свою депрессивную установку и обес-

печить своему *Я* устойчивое (само)отождествление с "хорошим" объектом.

■ Прежде всего отметим, что в текстах М.Кляйн встречается несколько терминов с близким значением: Wiederherstellung (по-английски — restoration, восстановление), Wiedergutmachung (по-английски — restitution или reparation, особенно в последних сочинениях). В этих терминах (особенно в "возмещении") необходимо различать смысловые оттенки: ведь можно говорить о "возмещении чего-то" и "возмещении кому-то".

Понятие возмещения — это составная часть кляйновской концепции раннего детского садизма, выражающегося в фантазиях, связанных с разрушением (Zerstörung), разрыванием (Ausschneiden; Zerschneiden), пожиранием (Fressen) и т.д. Возмещение в сущности своей связано с депрессивной установкой (см. этот термин), возникающей одновременно с отношением к целостному объекту. Ребенок, побуждаемый свойственным этой установке чувством страха и вины, стремится сохранить или восстановить целостность тела матери. Это стремление к возмещению "ущерба, нанесенного собственным садизмом" (1а), выражается в различных фантазмах: уберечь тело матери от нападения "плохих" объектов, собрать вместе его разрозненные части, оживить погубленное и т.д. Восстанавливая тем самым целостность объекта любви, устраняя принесенное ему зло, ребенок утверждается в обладании "хорошим" и надежным объектом, интроекция которого усиливает его *Я*. Фантазии, связанные с возмещением, играют, таким образом, структурирующую роль в развитии *Я*.

Если механизмы возмещения прочно не установились, они оказываются сходными либо с маниакальными защитами (чувство всевластия), либо с навязчивостью (повторение действий, направленных на возмещение). Успешное возмещение означает, по М.Кляйн, победу влечений к жизни над влечениями к смерти (см. эти термины).

М.Кляйн подчеркивала роль процесса возмещения в работе скорби и сублимации : "...сила, препятствующая разрушению объекта, требует вернуть ему красоту и совершенство" (1b, 1c).

(1) Klein (M.). Contributions to Psycho-Analysis, 1921—1945. — a) 289. — b) 290. — c) Cf. 227—235.

ВООБРАЖАЕМОЕ (сущ. и прил.)

Нем.: das Imaginäre. — Франц.: imaginaire. — Англ.: imaginary. — Исп.: imaginario. — Итал.: immaginario. — Португ.: imaginário.

◘ У Лакана (как правило, в форме сущ.) — один из трех главных регистров (реальное, воображаемое, символическое) психоаналитического поля. Этот регистр отличается преобладанием отношения к образу себе подобного.

◘ Понятие "воображаемое" связано с первыми теоретическими разработками Лакана, посвященными *стадии зеркала**. Здесь Лакан выдвинул мысль о том, что биологически незрелый младенец строит свое *Я* на основе образа себе подобного (зримое *Я*).

Опираясь на этот фундаментальный опыт, можно определить воображаемое:

а) с точки зрения межсубъектной — как основополагающее нарциссическое отношение субъекта к собственному *Я* (1);

б) с точки зрения внутрисубъектной — как *дуальное* отношение, основанное на образе себе подобного (эротическое притяжение, агрессивное напряжение) и запечатленное в этом образе. Для Лакана человек, подобный мне, — мое другое *Я* — существует лишь постольку, поскольку *Я* — это изначально Другой (2);

в) с точки зрения окружения (Umwelt) — как отношение, сходное с теми, что описываются в этологии животных (Лоренц, Тинберген) и показывают роль того или иного Gestalt'а в формировании определенного типа поведения;

г) с точки зрения значения — как способ схватывания, при котором определяющую роль играют такие факторы, как сходство, подобие форм, свидетельствующее о совпадении означающего и означаемого.

Лакан понимает воображаемое необычно, хотя и в связи с обыденным значением этого слова: всякое поведение, всякое воображаемое отношение обречено, по Лакану, на заблуждение (α).

Лакан настаивает на различии и даже противоположности между воображаемым и символическим, показывая, что интерсубъективность вовсе не сводится к совокупности отношений, обобщенно называемых воображаемым, и что, в частности, в психоаналитическом лечении важно не путать эти два "измерения" (3).

α) [...]

(1) Cf. Lacan (J.). Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je, 1949. In: R.F.P., XIII, 449—453.

(2) Ср., например: Lacan (J.). L' agressivité en psychanalyse, 1948. In: R.F.P., XII, 367—388.

(3) Cf. Lacan (J.). La direction de la cure et les principes de son pouvoir, 1958. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., vol. VI.

ВОСПОМИНАНИЕ МАСКИРУЮЩЕЕ

Нем.: Deckerinnerung. — Франц.: souvenir-écran. — Англ.: screen-memory. — Исп.: recuerdo encubridor. — Итал.: ricordo di copertura. — Португ.: recordação encobridora.

● Детское воспоминание, характеризующееся одновременно и особой ясностью, и очевидной незначительностью содержания. При его анализе обнаруживаются яркий детский опыт и бессознательные фантазии. Подобно симптому, маскирующее воспоминание — это компромиссное образование между вытесненным и защитой.

■ С самых первых попыток психоанализа и самоанализа Фрейд обратил внимание на парадокс памяти о событиях детства: важные факты в памяти не сохраняются (см.: Детская амнезия), а события, по видимости незначимые, запоминаются. В феноменологическом смысле некоторые из этих воспоминаний предстают с исключительной четкостью и постоянством, вопреки их неинтересному и вполне невинному содержанию: субъект и сам удивляется, почему он помнит все это.

Подобные воспоминания, относящиеся к вытесненному сексуальному опыту или к фантазиям, Фрейд называл маскирующими воспоминаниями (α); в 1899 г. он посвятил им статью, основные мысли которой потом излагались в главе IV "Психопатологии обыденной жизни" (Zur Psychopatologie des Alltagslebens, 1904).

Маскирующее воспоминание — это компромиссное образование*, подобное ошибочным действиям* или (в более общем смысле) симптомам. Попытки объяснить сохранность воспоминания его содержанием не приводят к результату (1a). Здесь господствует механизм смещения*. Обращаясь к различию между маскирующими воспоминаниями и другими детскими воспоминаниями, Фрейд пришел к постановке более общего вопроса: существуют ли такие воспоминания, относительно которых можно быть уверенными, что это действительно детские, а не более поздние воспоминания о детстве (1b)?

Фрейд разграничивал различные маскирующие воспоминания — положительные и отрицательные — в зависимости от того, противоречит ли их содержание вытесненному; направленные на более ранний или на более поздний период времени — в зависимости от того, связано ли содержание воспоминания с предшествующими или последующими ему во времени событиями; в первом случае маскирующее воспоминание выступает лишь как опора фантазирования о прошлом: "Значение такого воспоминания связано с тем, что оно представляет в памяти более поздние впечатления и мысли, содержание которых сходно с его собствен-

ным содержанием или же связано с ним символической связью" (1с).

Поскольку в маскирующих воспоминаниях сосредоточено множество реальных или фантазматических элементов детства, психоанализ придает им большое значение: "Маскирующие воспоминания содержат в себе не только некоторые существенные элементы детства, но вообще все, что было в нем существенного. Вопрос лишь в том, как извлечь его с помощью анализа. В этих воспоминаниях забытые годы детства предстают так же точно, как сновидные мысли — в явном содержании снов" (2).

(α). [...].

(1) Cf. Freud (S.). Über Deckerrinnerungen, 1899. — a) G.W., I, 536; S.E., III, 307. Эта статья не переведена на франц. язык. Отрывок из нее включен в работу: Д.Анзье L' auto-analyse, Paris, P.U.F., 1959, 277—286. В переведенном отрывке говорится о маскирующих воспоминаниях, подробно описанных и проанализированных Фрейдом; как показал С.Бернфельд [S. Bernfeld], речь здесь идет о фрагменте автобиографии. — b) G.W., I, 553; S.E., III, 321—322. — с) G.W., I, 546; S.E., 315—316; франц., loc.cit., 283.

(2) Freud (S.). Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914. G.W.,X, 128; S.E., XII, 148; франц., 107.

ВОСПРИЯТИЕ-СОЗНАНИЕ (Вс-Сз)

Нем.: Wahrnehmung-Bewusstsein. — Франц.: perception-conscience. — Англ.: perception-consciousness. — Исп.: percepción-conciencia. — Итал.: percezione-coscienza. — Португ.: percepção-consciencia.

См.: Сознание, в смысле Б.

ВЫБОР НЕВРОЗА

Нем.: Neurosenwahl. — Франц.: choix de la névrose. — Англ.: choice of neurosis. — Исп.: elección de la neurosis. — Итал.: scelta della nevrosi. — Португ.: escolha da nevrose.

● **Совокупность процессов, посредством которых субъект участвует в формировании именно данного, а не какого-либо иного типа психоневроза.**

■ Проблема, связанная с понятием "выбор невроза", лежит в основе психоаналитической психопатологии: как и почему общие процессы, приводящие к неврозу (например, защитный конфликт), находят свое воплощение в столь различных формах, что на их основе можно построить целую систему классификации болезней.

Этот вопрос постоянно интересовал Фрейда: он неотделим от глубинного прояснения невротической структуры. Фрейд отвечал на этот вопрос по-разному; мы не можем здесь проследить всю

историю этих ответов, связанную с понятиями травмы, фиксации, предрасположенности, неравномерности развития либидо и *Я* и пр. Широта этой проблемы не позволяет представить ее здесь целиком.

Ограничившись терминологическим аспектом проблемы, мы сразу же сталкиваемся с вопросом: почему Фрейд столь последовательно использовал понятие "выбор"(1)? Речь, очевидно, не идет об интеллектуальном выборе одной из наличных возможностей; это относится, впрочем, и к понятию "выбор объекта" (Objektwahl). Во всяком случае важно, что в концепции, которая стремится к абсолютному детерминизму, возникает понятие, предполагающее необходимость какого-то субъективного действия для того, чтобы различные исторические и конституциональные факторы, выявляемые психоанализом, обрели свой смысл и побудительную силу.

(1) Ср., например: Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902, письмо от 20.5.1896, а также Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 442; S.E., XII, 317; франц., 437.

ВЫБОР ОБЪЕКТА (или ОБЪЕКТНЫЙ ВЫБОР)

Нем.: Objektwahl. — Франц.: choix d'objet. — Англ.: object-choice. — Исп.: elección de objeto или objetal. — Итал.: scelta d'oggetto. — Португ.: escolha de objeto или objetal.

● **Акт выбора лица или типа личности как объекта любви.**

Различают инфантильный и пубертатный выбор, причем первый пролагает путь второму.

Фрейд различает две главные разновидности выбора объекта: выбор по примыканию и нарциссический выбор.

■ Фрейд впервые использовал это выражение в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905); оно употребляется в психоанализе и поныне.

Слово "объект" (см. этот термин) означает здесь "объект любви".

Что касается выбора, то его, как и в случае "выбора невроза"*, не следует понимать как интеллектуальную процедуру выбора между различными и равно осуществимыми возможностями. Речь идет скорее о необратимом и определяющем характере того выбора объекта любви, который субъект совершает в некий решающий момент своей истории. В "Трех очерках" Фрейд говорит также об Objektfindung — нахождении объекта.

Выражение "выбор объекта" обозначает либо выбор определенного лица (например, "он выбрал объект по образу и подобию отца"), либо выбор объекта определенного типа (например, "гомосексуальный выбор объекта").

Как известно, развитие взглядов Фрейда на детскую и постпубертатную сексуальность вело его ко все большему их сближению, вплоть до признания того, что "окончательный выбор объекта" совершается уже в детстве (α).

В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд распределяет все различия в выборе объекта на две главные группы: это выбор объекта по примыканию и нарциссический (см. эти термины) выбор объекта.

α) См. обобщенное изложение этого вопроса в начале "Детской генитальной организации" (Die infantile Genitalorganisation, 1923) (1); см. также: Стадия генитальная, Организация, Стадия фаллическая).

(1) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 293—294; S.E., XIX, 141—142.

ВЫБОР ОБЪЕКТА НАРЦИССИЧЕСКИЙ

Нем.: narzisstische Objektwahl. — Франц.: choix d'objet narcissique. — Англ.: narcissistic object-choice. — Исп.: elección objetal narcisista. — Итал.: scelta d' oggetto narcisica. — Португ.: escolha narcisica de objeto.

● Тип выбора объекта по образцу отношения субъекта к самому себе: в таком объекте представлена та или иная сторона личности самого субъекта.

■ Открытие того, что некоторые люди, особенно гомосексуалисты, "...выбирают объект любви [...] по образу самих себя", было для Фрейда "самой серьезной причиной, заставившей признать существование нарциссизма" (1a). Нарциссический выбор объекта противостоит выбору объекта по примыканию* в том, что он не опирается на уже существующие объектные отношения, но формирует объектное отношение по образу отношения субъекта к самому себе. Уже в самых первых разработках понятия нарциссизма Фрейд утверждал, что гомосексуальный нарциссический выбор объекта — это этап, который ведет нарциссического субъекта к гетеросексуальности: поначалу ребенок выбирает объект любви того же самого пола (2).

Однако уже в случае гомосексуальности нарциссический выбор осуществляется не так просто: ребенок или подросток выбирает объект (любви) по образу самого себя, но самоотождествляется при этом с матерью как источником заботы (2).

В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд трактует нарциссический выбор более широко и рисует такую его картину:

"Человек может любить, согласно нарциссической схеме:

а) то, каков есть он сам;

б) то, каким он был;
в) то, каким он хотел бы быть;
г) человека, который был частью его самого" (1b).

Эти рубрики включают в себя весьма различные явления. В трех первых случаях речь идет о выборе объекта, сходного с самим субъектом, однако заметим, что, с одной стороны, этот выбор может основываться на образе или идеале, а с другой стороны, что сходство с избранным объектом может быть частичным, ограниченным лишь рядом существенных признаков. В рубрике г) Фрейд подразумевает нарциссическую любовь, которую мать питает к своему ребенку, некогда бывшему "частью ее самой". Ситуация в данном случае совсем иная, поскольку субъект не похож на самого себя как целостного индивида: он есть то, что позволяет ему вновь обнаружить и восстановить свою собственную утраченную целостность.

В работе "К введению в нарциссизм" Фрейд противопоставляет объектный выбор у мужчины, совершаемый обычно по принципу примыкания, и объектный выбор у женщины, как правило, нарциссический, замечая, однако, что это противопоставление весьма условно и что "перед каждым человеком открыты два пути выбора объекта" (1c).

Эти два идеальных типа объектного выбора способны в различных индивидуальных случаях чередоваться или смешиваться.

Не ясно, однако, можно ли противопоставлять, даже в качестве идеальных типов, нарциссический и анаклитический выбор объекта. Именно при "окончательном выборе объекта по типу примыкания" Фрейд обнаруживает "завышенную оценку сексуальности, обусловленную изначальным детским нарциссизмом и выражающуюся в переносе этого нарциссического отношения на сексуальный объект" (1d). Вместе с тем Фрейд описывает "нарциссических женщин", которые "строго говоря, любят лишь самих себя, причем почти так же, как их любят мужчины. Они испытывают потребность не в том, чтобы самим любить, но в том, чтобы их любили, и им нравится такой мужчина, который на это способен" (1c). Возникает вопрос: не повторяет ли нарциссический субъект свое детское отношение к матери-кормилице, осуществляя тем самым выбор по типу примыкания?

(1) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. — a) G.W., X, 154; S.E., XIV, 88. — b) G.W., X, 156; S.E., XIV, 90. — c) G.W., X, 154; S.E., XIV, 88. — d) G.W., X, 154; S.E., XIV, 88. — e) G.W., X, 155; S.E., XIV, 89.

(2) Cf. Freud (S.). Psychoanalytischen Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. G.W., VII, 297; S.E., XII, 170; S.E., XI, 99—100; франц., 112.

(3) Cf. Freud (S.). Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci, 1910. G.W., VIII, 170; S.E., XI, 99—100; франц. 112.

ВЫБОР ОБЪЕКТА ПО ПРИМЫКАНИЮ

Нем.: Anlehnungstypus der Objektwahl. — Франц.: choix d'objet par étayage. — Англ.: anaclitic type of object-choice. — Исп.: elección objetal anaclitica или de apoyo. — Итал.: tipo anaclitico (или per appogio) di scelta d' oggetto. — Португ.: escolha anaclitica de objeto.

● Выбор объекта, при котором объект любви сходен с образами родителей, обеспечивающих ребенку питание, заботу и защиту. Основание такого выбора в том, что сексуальные влечения первоначально примыкают к влечениям к самосохранению.

■ В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд говорит о "выборе объекта по примыканию" (или об анаклитическом выборе объекта), противопоставляя его "нарциссическому выбору объекта"*.

Эта работа посвящена *двум* основным типам выбора объекта любви и описанию нарциссического выбора. Другой тип выбора описан в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905): он основан на общей теории примыкания*. Здесь Фрейд показывает, как сексуальные удовлетворения впервые возникают в связи с функционированием органов, служащих поддержанию жизни,. и как — на основе этого изначального примыкания — функции самосохранения указывают субъекту на первый сексуальный объект — материнскую грудь. Впоследствии "...ребенок *научается* любить других людей, которые помогают ему, удовлетворяют его потребности, и эта любовь складывается по образу и подобию отношений с матерью в период вскармливания грудью" (1). Именно это определяет, по Фрейду, постпубертатный выбор объекта, который всегда строится в более или менее тесной связи с образами родителей или тех, кто их заменяет. В работе "К введению в нарциссизм" Фрейд пишет: "При анаклитическом выборе объекта мы любим [...]: а) женщину-кормилицу; б) мужчину-защитника, а также всех тех, кто их замещает" (2а).

Как мы видим, понятие выбора объекта по примыканию предполагает, на уровне влечений, примыкание сексуальных влечений* к влечениям, направленным на самосохранение*, а на уровне объектов — такой выбор объекта любви, когда "... люди, которые кормят ребенка, заботятся о нем, защищают его" (2b), становятся прообразами объекта, приносящего сексуальное удовлетворение.

(1) Freud (S.). G.W., V, 124; S.E., VII, 222—223; франц., 133.
(2) Freud (S.). a) G.W., X, 157; S.E., XIV, 90. — b) G.W., X, 153—154; S.E., XIV, 87.

ВЫГОДА ОТ БОЛЕЗНИ (ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ)

Нем.: primärer und secundärer Krankheitsgewinn.— Франц.: bénéfice primaire et secondaire de la maladie.— Англ.: primary and secondary gain from illness.— Исп.: beneficio primario y secundario de la enfermedad.— Итал.: utile primario é secondario della malattia.— Португ.: lucro primário e secundário da doença.

● Выгода от болезни — это общее обозначение всех видов прямого или косвенного удовлетворения, получаемого субъектом от своей болезни.

Первичная выгода — это один из мотивов возникновения невроза наряду с удовлетворением от симптома, бегством в болезнь, благоприятным для субъекта изменением отношений с окружением.

Вторичная выгода в отличие от первичной:

— становится возможна лишь задним числом, как своего рода добавочная прибыль от уже возникшей болезни;

— лишь внешне связана с первопричиной болезни и смыслом ее симптомов;

— предполагает скорее нарциссические или же связанные с самосохранением, нежели собственно либидинальные удовлетворения.

■ Фрейдовская теория невроза изначально неотделима от мысли, что болезнь начинается и продолжается ввиду того удовлетворения, которое она дает субъекту. Развитие невроза соответствует принципу удовольствия и направлено на получение экономической выгоды, связанной с уменьшением напряжения. Эта выгода обнаруживается в сопротивлении субъекта лечению, подрывающем осознанное желание излечиться.

Лишь позднее Фрейд пришел к разграничению первичной и вторичной выгоды. Например, в исследовании случая Доры Фрейд, по-видимому, поначалу думал, что мотивы болезни вторичны по отношению к образованию симптомов. При этом предполагалось, что симптомы поначалу не выполняют никакой "экономической" функции и влачат лишь призрачное существование, но что роль их возрастает позднее: "То или иное психическое побуждение может находить опору в симптоме, приобретая тем самым *вторичную функцию* и укореняясь в психике" (1а).

Позже эта проблема встала перед Фрейдом в его "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917) (2а) и в примечании (с исправлением, добавленным в 1923 г.) к исследованию случая Доры (1b).

"Первичная выгода" связана с определяющей ролью симптомов. Здесь Фрейд разграничивает два момента: "внутренний аспект первичной выгоды" заключается в уменьшении напряжения, порождаемого симптомами, ведь цель симптома, даже болезненного, —

помочь субъекту избежать еще более мучительных конфликтов — это механизм "бегства в болезнь". "Внешний аспект первичной выгоды" связан с теми изменениями, которые симптом порождает в межличностных отношениях субъекта. Так, "угнетаемая мужем" женщина может добиться благодаря своему неврозу большей нежности и внимания, а также возможности отомстить за дурное обращение с собой.

Фрейд называет этот второй аспект выгоды "внешним или случайным", однако границу между первичной и вторичной выгодой определить нелегко.

При описании вторичной выгоды Фрейд приводит в качестве примеров травматический невроз и даже физические травмы в результате несчастного случая. Вторичная выгода здесь воплощается в денежных пособиях за увечье и препятствует реадаптации: "Излечив болезнь, вы прежде всего отнимете у больного средства к существованию, не зная наверное, способен ли он еще работать на прежнем месте" (2b).

На этом простом примере выявляются три признака вторичной выгоды. Даже в подобных простых случаях современные подходы требуют ставить вопрос о бессознательных побуждениях к получению травмы. Однако когда мы переходим к неврозам, особенно нетравматическим, различия становятся еще менее очевидными. Фактически выгода, обнаружившаяся лишь впоследствии и, видимо, обусловленная внешними обстоятельствами, вполне могла быть предусмотрена уже при возникновении симптома. В объективных аспектах вторичной выгоды иногда сказывается ее либидинальная сущность: пособие за увечье может быть символически связано с отношениями зависимости, например зависимости ребенка от матери.

Пожалуй, именно с точки зрения топики легче всего понять, что такое вторичная выгода, учитывая при этом своеобразие инстанции *Я* с ее тенденцией или даже "принуждением" к синтезу (см.: *Я*). Эта проблема ставится в главе III работы "Торможение, симптом, страх" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926), где понятие вторичной выгоды проясняется путем сопоставления с "вторичными защитными действиями" *Я*, направленными не прямо против желания, но против возникшего симптома. Вторичная защита и вторичная выгода выступают тогда как два способа ответа *Я* на вторжение симптома как "чужеродного тела": "*Я* ведет себя так, будто им движет мысль, что возникший симптом останется навсегда, и потому в этой ситуации можно лишь искать компромисса, извлекая из нее всяческую выгоду" (3). Во вторичной выгоде от болезни, приводящей к окончательному внедрению симптома в *Я*, Фрейд видит, с одной стороны, преимущества симптома, связанные

с самосохранением, а с другой — собственно нарциссическое удовлетворение.

Проблема вторичной выгоды не должна стать помехой для поиска внутренних мотивов болезни, более тесно связанных с динамикой невроза. То же относится и к тем случаям психоаналитической терапии, в которых понятие вторичной выгоды призвано объяснить, почему удовольствию от излечения пациент предпочитает сохранение ситуации трансфера.

(1) Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. — a) G.W., V, 203; S.E., VII, 43; франц., 30. — b) Cf. G.W., V, 202—203, n.1; S.E., VII, 43, n.1; франц., 30, n.1.

(2) Freud (S.). a) Cf. G.W., XI, 395 sqq.; S.E., XVI, 381 sqq., франц., 409 sqq. — b) G.W., XI, 399; S.E., XVI, 384; франц., 412.

(3) Freud (S.). G.W., XIV, 126; S.E., XX, 99; франц., 15.

ВЫТЕСНЕНИЕ

Нем.: Verdrängung. — Франц.: refoulement. — Англ.: repression. — Исп.: represión. — Итал.: rimozione. — Португ.: recalque или recalcamento.

○ А) В узком смысле слова — действие, посредством которого субъект старается устранить или удержать в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания). Вытеснение возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения само по себе приятно, но может стать неприятным при учете других требований.

Вытеснение особенно наглядно выступает при истерии, но играет важную роль и при других душевных расстройствах, равно как и в нормальной психике. Можно считать, что это универсальный психический процесс, лежащий в основе становления бессознательного как отдельной области психики.

Б) В более широком смысле слова "вытеснение" у Фрейда иногда близко "защите"*: во-первых, потому что вытеснение в значении А присутствует, хотя бы временно, во многих сложных защитных процессах ("часть вместо целого"), а во-вторых, потому что теоретическая модель вытеснения была для Фрейда прообразом других защитных механизмов.

■ Разграничение между этими двумя значениями термина "вытеснение" предстает как нечто неизбежное, если вспомнить, как сам Фрейд в 1926 г. оценивал свое собственное использование понятий "вытеснение" и "защита": "Я полагаю, что у нас есть основания вновь обратиться к старому термину "защита" для обозначения любых приемов, используемых *Я* при конфликтах, которые могут

приводить к неврозам, тогда как "вытеснением" мы называем тот особый способ защиты, с которым нам удалось лучше всего ознакомиться в начале избранного нами исследовательского пути" (1).

Все это, однако, не учитывает развития взглядов Фрейда на проблему отношения между вытеснением и защитой. По поводу этой эволюции уместно сделать следующие замечания:

1) в текстах, написанных ранее "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1920), частота употребления слов "вытеснение" и "защита" примерно одинакова. Однако лишь изредка они используются Фрейдом как вполне равнозначные, так что ошибочно было бы считать, полагаясь на это более позднее свидетельство Фрейда, что в тот период ему было известно лишь вытеснение как особый способ защиты при истерии и что тем самым частное принималось им за общее. Прежде всего Фрейд уточнил тогда различные виды психоневроза — в зависимости от четко различных способов защит, среди которых вытеснение не упоминается. Так, в двух текстах, посвященных "Психоневрозам защиты" (1894, 1896), именно конверсия* аффекта представлена как защитный механизм при истерии, смещение аффекта — как механизм невроза навязчивых состояний, тогда как при психозе Фрейд обращает внимание на такие механизмы, как отвержение (verwerfen) (одновременно и представления, и аффекта) или же проекция. Помимо того, слово "вытеснение" иногда обозначает оторванные от сознания представления, образующие ядро отдельной группы психических явлений, — этот процесс наблюдается как при неврозах навязчивых состояний, так и при истерии (2).

Понятия защиты и вытеснения оба выходят за рамки какого-либо отдельного психопатологического расстройства, но происходит это по-разному. Защита с самого начала выступала как *родовое* понятие, обозначающее тенденцию, "... связанную с наиболее общими условиями работы психического механизма (с законом постоянства)" (3а). Она может иметь как нормальные, так и патологические формы, причем в последнем случае защита предстает в виде сложных "механизмов", судьба которых в аффекте и представлении различна. Вытеснение тоже присутствует во всех видах расстройств и вовсе не является лишь защитным механизмом, присущим истерии; оно возникает потому, что каждый невроз предполагает свое бессознательное (см. этот термин), основанное как раз на вытеснении.

2) После 1900 г. термин "защита" реже используется Фрейдом, хотя и не исчезает полностью вопреки утверждению самого Фрейда ("вместо защиты я стал говорить о вытеснении") (4), и сохраняет тот же самый родовой смысл. Фрейд говорит о "механизмах защиты", о "борьбе с целью защиты" и пр.

Что же касается термина "вытеснение", то он не теряет своего

своеобразия и не становится понятием, обозначающим все механизмы, используемые при защитном конфликте. Фрейд, например, никогда не называл "вторичные защиты" (защиты, направленные против симптома) "вторичными вытеснениями" (5). По сути, в работе 1915 г. о вытеснении это понятие сохраняет указанное выше значение: "*Его сущность — отстранение и удержание вне сознания*" [определенных психических содержаний](6а). В этом смысле вытеснение иногда рассматривается Фрейдом как особый "защитный механизм" или скорее как особая "судьба влечения", используемая в целях защиты. При истерии вытеснение играет главную роль, а при неврозе навязчивых состояний оно включается в более сложный процесс защиты (6). Следовательно, не стоит полагать, вслед за составителями Standard Edition (7), что, поскольку вытеснение присутствует в различных типах невроза, понятия вытеснения и защиты полностью равнозначны. Вытеснение возникает как один из моментов защиты при каждом расстройстве и представляет собой — в точном смысле слова — вытеснение в бессознательное.

Однако механизм вытеснения, исследованный Фрейдом на различных его этапах, — это для него прообраз других защитных операций. Так, описывая случай Шребера и выявляя особые механизмы защиты при психозе, Фрейд одновременно говорит о трех стадиях вытеснения и стремится построить его теорию. Конечно, в этом тексте путаница между вытеснением и защитой достигает наивысшего уровня, причем за этой терминологической путаницей стоят фундаментальные проблемы (см.: Проекция).

3) Отметим, наконец, что, включив вытеснение в более общую категорию защитных механизмов, Фрейд в комментариях к книге Анны Фрейд писал следующее: "Я никогда не сомневался в том, что вытеснение — это не единственный прием, посредством которого *Я* может осуществлять свои намерения. Однако вытеснение отличается своеобразием, поскольку оно четче отграничено от других механизмов, нежели другие механизмы друг от друга" (8).

*

"Теория вытеснения — это краеугольный камень, на котором зиждется все здание психоанализа" (9). Термин "вытеснение" встречается у Гербарта (10), и некоторые авторы выдвинули предположение, что Фрейд мог быть знаком с психологией Гербарта через Мейнерта (11). Однако вытеснение как клинический факт заявляет о себе уже в самых первых случаях лечения истерии. Фрейд отмечал, что пациенты не властны над теми воспоминаниями, которые, всплывая в памяти, сохраняют для них всю свою живость: "Речь

шла о вещах, которые больной хотел бы забыть, непреднамеренно вытесняя их за пределы своего сознания" (12).

Как мы видим, понятие вытеснения изначально соотнесено с понятием бессознательного (само понятие вытесненного долгое время — вплоть до открытия бессознательных защит *Я* — было для Фрейда синонимом бессознательного). Что же касается слова "непреднамеренно", то уже в этот период (1895) Фрейд употреблял его с рядом оговорок: расщепление сознания *начинается* преднамеренным, интенциональным актом. По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве "отдельной группы психических явлений" подчиняются своим собственным законам (первичный процесс*). Вытесненное представление — это первое "ядро кристаллизации", способное непреднамеренно притягивать к себе мучительные представления (13). В этой связи вытеснение отмечено печатью первичного процесса. В самом деле, именно это отличает его как патологическую форму защиты от такой обычной защиты, как, например, избегание (3b), отстранение. Наконец, вытеснение сразу же характеризуется как действие, предполагающее сохранение противонагрузки, и всегда остается беззащитным перед силой бессознательного желания, стремящегося вернуться в сознание и в действие (см.: Возврат вытесненного, Образование компромисса).

Между 1911 и 1915 гг. Фрейд стремился построить строгую теорию процесса вытеснения, разграничивая различные его этапы. Однако это был не первый теоретический подход к проблеме. Фрейдовская *теория* соблазнения* — вот первая систематическая попытка понять вытеснение, причем попытка тем более интересная, что в ней описание механизма неразрывно связано с описанием объекта, а именно сексуальности.

В статье "Вытеснение" (Die Verdrängung, 1915) Фрейд разграничивает вытеснение в широком смысле (включающем три этапа) и вытеснение в узком смысле (только второй этап). Первый этап — это "первовытеснение*": оно относится не к влечению как таковому, но лишь к представляющим его знакам, которые недоступны сознанию и служат опорой влечений. Так создается первое бессознательное ядро как полюс притяжения вытесненных элементов.

Вытеснение в собственном смысле слова (eigentliche Verdrängung), или, иначе говоря, "вытеснение в последействии" (Nachdrängen),— это, таким образом, двусторонний процесс, в котором тяготение связано с отталкиванием (Abstossung), осуществляемым вышестоящей инстанцией.

Наконец, третья стадия — это "возврат вытесненного" в форме симптомов, снов, ошибочных действий и т.д. На что воздействует акт вытеснения? Не на влечение (14a), которое относится к области органического, выходя за рамки альтернативы "сознание — бессо-

знательное", не на аффект. Аффект может претерпевать различные превращения в зависимости от вытеснения, но не может стать в строгом смысле слова бессознательным (14b) (см.: Подавление). Вытеснению подвергаются только "представления как репрезентаторы влечения" (идеи, образы и т.д.). Они связаны с первичным вытесненным материалом — либо рождаясь на его основе, либо случайно соотносясь с ним. Судьба всех этих элементов при вытеснении различна и "вполне индивидуальна": она зависит от степени их искажения, от их удаленности от бессознательного ядра или от связанного с ними аффекта.

*

Вытеснение может рассматриваться с трех метапсихологических точек зрения:

а) с точки зрения *топики*, хотя в первой теории психического аппарата вытеснение описывается как преграждение доступа в сознание, Фрейд тем не менее не отождествляет вытесняющую инстанцию с сознанием. Моделью его служит цензура*. Во второй топике вытеснение выступает как защитное действие *Я* (отчасти бессознательное);

б) с точки зрения *экономики*, вытеснение предполагает сложную игру разгрузок*, перенагрузок и противонагрузок*, относящихся к репрезентаторам влечения;

в) с точки зрения *динамики*, самое главное — это проблема побуждений к вытеснению: почему влечение, удовлетворение которого по определению должно приносить удовольствие, порождает неудовольствие, а вследствие этого — вытеснение? (см. об этом: Защита).

(1) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 195; S.E., XX, 163; франц., 92.

(2) Ср., например: Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 68—69; S.E., III, 54—55.

(3) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Нем., 157; англ., 146; франц., 130. — b) Ср. нем., 431—432; англ., 409—410; франц., 363.

(4) Freud (S.). Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen, 1905. G.W., V, 156; S.E., VII, 276.

(5) Cf. Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. G.W., VII, 441—442; S.E., X, 224—225; франц., 281—282.

(6) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) G.W., X,250; S.E., XIV, 147; франц., 70. — b) Cf. G.W., X, 259—261; S.E., XIV, 156—158; франц., 86—90.

(7) Cf. S.E., XIV, 144.

(8) Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. G.W., XVI, 81; S.E., XXIII, 236; франц. In: R.F.P., 1939, XI, 2.

(9) Freud (S.). Zur Geschichte der psychanalytischen Bewegung, 1914. G.W., X, 54; S.E., XIV, 16; франц., 273.

(10) Cf. Herbart (J.-F.). Psychologie als Wissenschaft, 1824, 341, и Lehrbuch zur Psychologie, 1806. In: Samtliche Werke, V, 19.

(11) Cf. Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, Hogarth Press, London, 1953. Англ., I, 309; франц., P.U.F., Paris, I, 311, и Andersson (O.). Studies in the Prehistory of Psychoanalysis, Svenska Bokförlaget, Norstedts, 1962, 116—117.

(12) Breuer (J.). und Freud (S.). Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene, 1893. In: Studien über Hysterie. G.W., I, 89; S.E., II, 10; франц., 7.

(13) Cf. Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 182; S.E., II, 123; франц., 96.

(14) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915 — a) G.W., X, 275—276; S.E., XIV, 177; франц., 112. — b) G.W., X, 276—277; S.E., XIV, 177—178; франц., 113—114.

ВЯЗКОСТЬ ЛИБИДО

Нем.: Klebrigkeit der Libido. — Франц.: viscosité de la libido. — Англ.: adhesiveness of the libido. — Исп.: adherencia de la libido. — Итал.: visciosità della libido. — Португ.: viscosidade da libido.

● По Фрейду, качество, объясняющее способность либидо фиксироваться на том или ином объекте или стадии, с трудом изменяя свои единожды установленные нагрузки. Вязкость либидо в различной мере свойственна различным индивидам.

■ Для обозначения этого свойства либидо Фрейд использует несколько близких по смыслу слов: Haftbarkeit (прилипчивость), Fähigkeit zur Fixierung (способность к фиксации), Zähigkeit (цепкость), Klebrigkeit (вязкость), Trägheit (инерция).

Чаще всего встречаются два последних термина. Слово "вязкость" вызывает в памяти фрейдовский образ либидо как потока жидкости. Понятие фиксации* либидо, введенное Фрейдом в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), предполагает существование некоего фактора, способного — наряду со случайными жизненными переживаниями — объяснить силу фиксации (см.: Ряды дополнительные): это " ... психический фактор неизвестного происхождения[...] — "повышенная стойкость впечатлений сексуальной жизни , способность к фиксации этих впечатлений" (1).

Фрейд придерживался этого взгляда постоянно и неизменно. Он изложил его прежде всего в двух следующих контекстах:

а) на уровне теории — когда речь идет о перестройках в ходе развития детской сексуальности с присущими ей фиксациями. См. прежде всего "Из истории детского невроза" (Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918): "Он [Человек с волками] бросался защищать каждую из своих прежних либидинальных позиций из страха, что, отказавшись от нее, он проиграет, и из боязни не найти в новой позиции удовлетворительного замещения. Эту важную и

даже основополагающую особенность психики я назвал в "Трех очерках по теории сексуальности" способностью к фиксации" (2а).

б) На уровне лечебной практики — когда речь идет о возможностях терапевтического воздействия. У одних людей "...процесс лечения протекает гораздо медленнее, чем у других, поскольку, по-видимому, они никак не могут решиться переместить либидинальные нагрузки с одного объекта на другой, хотя найти какую-либо особую причину для такого постоянства энергетических нагрузок не удается" (3).

Впрочем, отмечает Фрейд, чрезмерная подвижность либидо также может стать препятствием в лечении, лишив результаты психоанализа надежности.

Фрейд считал вязкость, или способность к фиксациям, помехой в лечении, "главным препятствием", не поддающимся анализу и изменениям; чаще всего он считал эту неподвижность конституциональным фактором, воздействие которого усиливается с возрастом.

Вязкость либидо, по-видимому, обусловлена психической инерцией, которая подобна энтропии в физических системах: преобразования психической энергии не позволяют высвободить всю ту энергию, которая имелась в наличии в данный момент времени. Именно в этом смысле Фрейд, вслед за Юнгом, говорил о *психической инерции*, несмотря на все сомнения насчет объяснительной ценности этого юнговского понятия в изучении возникновения неврозов.

(1) Freud (S.). G.W., V, 144; S.E., VII, 242; франц., 161.

(2) Freud (S.). a) G.W., XII, 151; S.E., XVII, 115; франц., 415. — b) G.W., XII, 151; S.E., XVII, 116; франц., 415.

(3) Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. G.W., XVI, 87; S.E., XXIII, 241; франц., 27.

Г

ГЕНИТАЛЬНАЯ (ЛЮБОВЬ)

Нем.: genitale Liebe. — Франц.: génital (amour). — Англ.: genital love. — Исп.: amor genital. — Итал.: amore genitale. — Португ.: amor genital.

● Часто используемый термин современного психоаналитического языка. Обозначает такую форму любви, к которой субъект приходит на вершине своего психосексуального развития, т.е. не только дойдя до генитальной стадии, но и преодолев комплекс Эдипа.

■ Выражение "генитальная любовь" у Фрейда не встречается. Однако у него встречается мысль о существовании некоей совершенной формы сексуальности, или "абсолютно нормальной установки в любви" (1a), в которой объединяются чувственность и "нежность" (Zärtlichkeit). Разъединенность этих моментов представлена у Фрейда примером из психоаналитической клиники: мужчина не может желать ту женщину, которую он любит (идеализируя ее), и не может любить ту женщину, которую он желает (проститутку).

Эволюция чувственности, описанная в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorien, 1905), приводит к *генитальной организации**: с наступлением половой зрелости "...возникает новая сексуальная цель, в достижении которой принимают участие все частичные влечения, в то время как генитальная область занимает ведущее положение среди других эрогенных зон [...]. Отныне сексуальное влечение подчиняется функции размножения"(2).

Что касается нежности, то Фрейд видит ее источник в наиболее древнем отношении ребенка к матери, в выборе первичного объекта, в котором сексуальное удовлетворение и удовлетворение жизненных потребностей осуществляются неразрывно, причем одно примыкает* к другому (см.:Нежность).

*

М.Балинт в статье о генитальной любви (3a) замечает, что обычно о ней говорят в отрицательных терминах, подобно тому как *постамбивалентная стадия** у Абрахама обычно определяется через отсутствие черт, присущих предыдущим этапам.

При попытках положительного определения генитальной любви нелегко избежать нормативного и даже морализующего подхода, оперирующего такими понятиями, как понимание, уважение к другому человеку, самопожертвование, преданность, идеал брака и пр.

Понятие генитальной любви, с точки зрения психоаналитической теории, порождает ряд вопросов:

1) генитальное удовлетворение — будь то самого субъекта, его партнера или обоих вместе — не предполагает непременного наличия любви. В свою очередь, любовь, безусловно, предполагает связь, которая выходит за рамки генитального удовлетворения (3).

2) Психоаналитическое понятие любви, устраняя любые ссылки на нормы, опирается на психоаналитические открытия, касающиеся зарождения любви:

— применительно к объектному отношению: поглощение, овладение, соединение* с ненавистью (4);

— применительно к догенитальным способам удовлетворения: их неразрывная связь с генитальным удовлетворением;

— применительно к объекту: разве "любовь к объекту в ее окончательной форме", о которой говорит Фрейд, не отмечена с самого начала первичным нарциссизмом — независимо от того, идет ли речь о выборе объекта по принципу примыкания* или о собственно нарциссическом* выборе объекта? Напомним, что Фрейд обратился к проблеме нарциссизма (5) под влиянием размышлений о "любовной жизни рода человеческого".

3) Понятие генитальной любви в современном смысле слова, как правило, предполагает полное и совершенное удовлетворение влечений и тем самым окончательное разрешение конфликта ("Генитальное отношение, и этим все сказано, не имеет истории") (6). Такому подходу несомненно противостоит фрейдовская трактовка сексуальности, о чем свидетельствует нижеследующий отрывок: "Мы должны учитывать, что в самой природе сексуального влечения есть нечто такое, что препятствует его полному удовлетворению" (1b).

4) В целом возникает впечатление, что в понятии "генитальная любовь" смешивается несколько уровней, не всегда согласованных между собой: это уровень либидинального развития, которое должно привести к синтезу частичных влечений при господстве генитальных органов; уровень объектного отношения, предполагающего преодоление Эдипова комплекса; это, наконец, уровень уникальной встречи двух индивидов. Странно, однако, что некоторые авторы, пишущие о генитальной любви, не замечают следующего противоречия: объект любви осмысляется одновременно и как *взаимозаменимый* ("генитальное" обязательно находит себе объект), и как *единичный* ("генитальное" учитывает уникальность другого человека).

(1) Freud (S.). Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens, 1912. — a) G.W., VIII, 79; S.E., XI, 180; франц., 11—12. — b) G.W., VIII, 89; S.E., XI, 188—189; франц., 19.

(2) Freud (S.). G.W., V, 108—109; S.E., VII, 209; франц., 111—112.

(3) Cf. Balint (M.). On genital Love, 1947. In: Primary Love and Psychoanalytic Technique, London, Hogarth Press, 1952. — a) Passim. — b) Passim.

(4) Cf. Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 230 sqq.; S.E., XIV, 138 sqq.; франц., 17 sqq.

(5) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 153 sqq.; S.E., XIV, 87 sqq.

(6) Bouvet (M.). In: La Psychanalyse d'aujourd' hui, Paris, P.U.F., 1956, I, 61.

ГОСПИТАЛИЗМ

Нем.: Hospitalismus. — Франц.: hospitalisme. — Англ.: hospitalism. — Исп.: hospitalismo. — Итал.: ospedalismo. — Португ.: hospitalismo.

● Термин Рене Шпитца, обозначающий совокупность соматических и психических расстройств у младенцев (в период первых полутора лет жизни), вызванных долгим пребыванием в больнице в разлуке с матерью.

■ Мы советуем читателю обратиться к работам, специально посвященным этому вопросу (1), особенно к работам Шпитца, признанного авторитета в этой области (2). Эти работы основаны на целом ряде глубоких наблюдений, а также на сопоставлении различных категорий детей (воспитанники детских домов, детских садов с частичным присутствием матери, "домашние" дети и пр.).

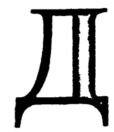
Именно в тех случаях, когда ребенок воспитан при полном отсутствии матери в таком заведении, где уход осуществляется безлично и аффективная связь не возникает, наблюдаются серьезные расстройства, которые Шпитц объединил понятием госпитализма. Это замедление физического развития, процесса овладения собственным телом, приспособления к окружению и развития языка; это ослабленная сопротивляемость инфекциям, а в сложнейших случаях — состояние маразма и смерть.

Госпитализм имеет долговременные и даже необратимые последствия. Шпитц, описавший симптомы госпитализма, стремился соотнести их со всей совокупностью расстройств, связанных с нарушением отношения между матерью и ребенком. Он определяет эти отношения через *полное* отсутствие аффективности, отличая их от анаклитической* депрессии как следствия *частичной* аффективной депривации у ребенка, ранее имевшего нормальные отношения с матерью,— следствия, которое прекращается, как только мать вновь занимает свое место (3).

(1) См. библиографию к статье Шпитца "Госпитализм".

(2) Cf. Spitz (R.A.). Hospitalism, 1945. Франц. пер. в: R.F.P. XIII, 1949, pp. 397—425.

(3) Cf. Spitz (R.A.). La première année de la vie de l' enfant, P.U.F., Paris, 1953.

ДАВЛЕНИЕ (ВЛЕЧЕНИЙ)

Нем.: Drang. — Франц.: poussée (de la pulsion). — Англ.: pressure. — Исп.: presión. — Итал.: spinta. — Португ.: pressão.

● Изменяющийся количественный фактор, который проявляется в каждом влечении и в конечном счете позволяет понять действие, направленное на удовлетворение; даже если удовлетворение пассивно (быть наблюдаемым, быть битым), само влечение с его силою — активно.

■ В начале работы "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) Фрейд анализирует понятие влечения, рассматривает "давление" влечения (наряду с его источником, объектом и целью) и дает ему следующее определение: "Давлением влечения мы называем его двигательный аспект, представленную в нем силу или величину необходимой для этого работы. Давление характерно для всех влечений; это сама их сущность. Каждое влечение — это момент деятельности; когда говорят, весьма неточно выражаясь, о пассивных влечениях, могут иметь в виду лишь влечения, направленные на пассивную цель" (1).

В этом тексте подчеркивается два признака влечений:

1) их количественный аспект, на котором Фрейд всегда настаивал и в котором он видел определяющий элемент патологического конфликта (см.: Экономический);

2) активный характер всех влечений. Здесь Фрейд полемизирует с Адлером, для которого активность — это особое свойство одного лишь влечения к агрессии: "Мне кажется, что Адлер ошибается, усматривая в отдельном конкретном влечении нечто общее и необходимое для всех влечений, прежде всего то, что в них есть "влекущего", давящего (das Drängende), то, что можно назвать способностью вызывать двигательную разрядку"(2).

Мысль о том, что влечения, по сути, определяются через осуществляемое ими давление, с самого начала присутствует в теоретических построениях Фрейда и складывается под влиянием Гельмгольца. В начале "Наброска научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) проводится резкая грань между внешними возбуждениями, от которых организм может спастись бегством, и

внутренними возбуждениями, зависящими от соматических факторов: "Организм не в состоянии избавиться от них [...]. Он должен научиться переносить наплыв энергии" (3). Жизненные потребности (Die Not des Lebens) давят на организм и подталкивают его к специфическому действию*, единственно способному устранить это напряжение.

(1) Freud (S.). G.W., X, 214—215; S.E., XIV, 122; франц., 34.
(2) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. G.W., VII, 371; S.E., X. 140—141; франц., 193.
(3) Freud (S.). Нем., 381; англ., 357—358; франц., 317.

ДЕЙСТВИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Нем.: spezifische Aktion. — Франц.: action spécifique. — Англ.: specific action. — Исп.: acción especifica. — Итал.: azione specífica. — Португ.: ação especifica.

● В некоторых ранних работах Фрейда — обозначение процессов, приводящих к устранению внутреннего напряжения, порожденного потребностью,— это может быть вторжение извне, а также внутренние реакции организма, позволяющие осуществить действие.

■ Фрейд использует понятие специфического действия прежде всего в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895). Действие принципа инерции*, управляющего, по Фрейду, функционированием нейронного аппарата, в какой-то момент нарушается эндогенными возбуждениями. Фактически организм не может избавиться от них, но он может разрядить их двояким образом:

а) прямо и непосредственно, путем неспецифических реакций (тех или иных эмоциональных проявлений, криков и пр.); однако такие реакции неадекватны, поскольку они не способны остановить прилив возбуждения.

б) Специфическим образом, что позволяет надолго устранить напряжение. Фрейд схематически представил этот процесс, введя, в частности, понятие порога в работе "Об основании вычленения из неврастении определенного синдрома в качестве "невроза страха" (Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895) (1a).

Для того чтобы специфическое или адекватное действие могло совершиться, требуется присутствие особого объекта и соблюдение ряда внешних условий (так, в случае голода, например, нужна еда). Для беспомощного младенца (см.: Беспомощности состояние) помощь извне становится необходимым условием удовлетворения потребностей. Таким образом, Фрейд обозначает термином

"специфическое действие" то совокупность рефлекторных актов, посредством которых выполняется определенное действие, то внешнее воздействие, то и то, и другое вместе.

Специфическое действие с необходимостью присутствует в опыте удовлетворения*.

Фрейдову концепцию специфического действия можно рассматривать как набросок теории инстинктов* (α). Как совместить ее с теорией сексуального влечения, изложенной в более поздних работах Фрейда? Между 1895 и 1905 гг. постановка этой проблемы у Фрейда меняется:

1) в "Наброске научной психологии" сексуальность выступает как одна из "основных потребностей" (2); подобно голоду, она требует специфического действия (см.: Влечения к самосохранению).

2) Отметим, что в 1895 г. Фрейд еще не открыл детскую сексуальность. Использование понятия специфического действия в этот момент предполагало аналогию между сексуальным актом у взрослого и насыщением при голоде.

3) В упоминавшейся выше статье, написанной одновременно с "Наброском", Фрейд говорил о специфическом действии, необходимом для сексуального удовлетворения у взрослого. Однако наряду с элементами поведения, образующими своего рода органическую схему, Фрейд вводит "психические" условия исторического происхождения: они подчиняются процессу психической обработки, осуществляемому либидо (1b).

4) Открытие детской сексуальности изменило общий подход к проблеме (см.: Сексуальность). Отныне Фрейд подвергает критике представление, согласно которому человеческая сексуальность определяется сексуальным поведением взрослого, неизменным по способу своего осуществления, объекту и цели. "Общепринятые представления о природе и характере сексуального влечения устарели. Обычно считается, что оно отсутствует у детей и появляется с наступлением половой зрелости — в тесной связи с общим процессом созревания — как неустранимое влечение к противоположному полу; его цель — половой контакт или по крайней мере ведущие к нему действия" (3).

В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) Фрейд показал, что в детской сексуальности органические условия сексуального удовольствия мало специфичны. Однако эти условия быстро приобретают свою специфику, прежде всего под влиянием исторических обстоя-

тельств. Так, предпосылки сексуального удовлетворения у взрослого человека могут быть в каждом конкретном случае четко определенными — создается впечатление, будто в индивидуальной истории складывается схема человеческого поведения, напоминающая сцепление инстинктов. Именно этим определяются те "общепринятые" представления, о которых Фрейд говорит выше.

α) С этой точки зрения, можно установить соответствие между фрейдовской теорией специфического действия и анализом инстинктивных процессов в современной психологии животных (этологическая школа).

(1) Cf. Freud (S.).— a) G.W., I, 334—335; S.E., III, 108. — b) G.W., I, 333—339; S.E., III, 106—112.

(2) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1900. Нем., 381; англ., 357; франц., 317.

(3) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 33; S.E., VII, 135; франц., 17.

ДЕФОРМАЦИЯ (СНА)

Нем.: Entstellung. — Франц.: déformation. — Англ.: distortion. — Исп.: deformación. — Итал.: deformazione. — Португ.: deformação.

● Общий итог работы сна: скрытые мысли преобразуются в трудно узнаваемый наяву образ.

■ Читателю следует обратиться к статьям: Работа сновидения, Явное содержание, Скрытое содержание.

ДИНАМИЧЕСКИЙ, ДИНАМИКА

Нем.: dynamisch. — Франц.: dynamique. — Англ.: dynamic. — Исп.: dinámico. — Итал.: dinamico. — Португ.: dinâmico.

● Точка зрения, согласно которой психические феномены порождаются столкновением и сложением сил, осуществляющих некоторое давление и являющихся первоначальной пружиной влечений.

■ Нередко обращали внимание на то, что психоанализ заменил так называемую статическую концепцию бессознательного динамической концепцией. Обобщая отличия своего подхода от подхода Жане, Фрейд писал: "Мы не считаем расщепление психики следствием врожденной неспособности психического аппарата к синтезу, но объясняем его динамически — через конфликт противостоящих друг другу психических сил — и видим в нем результат активного

противоборства двух групп психических явлений" (1). Речь здесь идет о "расщеплении" психики на сознание — предсознание и бессознательное, однако очевидно, что на уровне топики это разграничение не только не объясняет психическое расстройство, но и само уже свидетельствует о наличии психического конфликта. Оригинальность фрейдовского подхода может быть показана, к примеру, на его концепции невроза навязчивых состояний: если Жане непосредственно связывает такие симптомы, как торможение, сомнение, нерешительность, безволие, со слабостью психического синтеза, то Фрейд видит в них результат взаимодействия противоборствующих сил. Динамический подход предполагает не только учет понятия силы (как это уже было сделано у Жане), но и представление о том, что внутрипсихические силы неизбежно вступают друг с другом в конфликт, основанный в конечном счете на дуализме влечений.

*

"Динамическим" Фрейд называл бессознательное, постоянное давление которого побуждает к действию противонаправленную силу, не допускающую его в сознание. Об этой динамике бессознательного свидетельствует клинический опыт: доступ в бессознательное прегражден сопротивлениями*, а вытесненное в свою очередь приводит к возникновению в бессознательном все новых отростков*

Динамика бессознательного проявляется в образовании компромиссов*, обязанных своей внутренней устойчивостью "поддержке с обеих сторон".

Вот почему Фрейд различал два значения понятия бессознательного*: в "описательном" смысле бессознательное есть то, что находится вне сознания, включая и предсознание*; в "динамическом" смысле "оно обозначает не только любые скрытые представления, но прежде всего динамику мыслей, оторванных от сознания, несмотря на всю свою силу и действенность" (2).

(1) Freud (S.). Über Psychoanalyse, 1909. G.W., VIII, 25; S.E., XI, 25—26; франц., 138.

(2) Freud (S.). A Note on the Unconscious in Psycho-Analysis, 1912. S.E., XII, 262; G.W., VIII, 434; франц., 15—16.

ДОГЕНИТАЛЬНЫЙ

Нем.: Prägenital. — Франц.: prégénital. — Англ.: pregenital. — Исп.: pregenital. — Итал.: pregenitale. — Португ.: pregenital.

● Прилагательное, определяющее влечения, организации, фиксации

и т.д., связанные с тем периодом психосексуального развития, когда примат генитальной зоны еще не установился.

■ Введение этого термина в работе Фрейда "Предрасположенность к неврозу навязчивых состояний" (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913) совпадает с появлением мысли о некоей либидинальной *организации*, которая предшествует установлению примата генитальных органов. Как известно, Фрейд и раньше признавал наличие у ребенка сексуальной жизни, предшествующей генитальной стадии. Уже в письме Флиссу от 14.11.97(1) он говорил о некоторых сексуальных зонах, которые впоследствии оказываются заброшенными, а в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) описывал изначально анархичное функционирование негенитальных частичных влечений.

Прилагательное "догенитальный" используется очень широко. В современном психоаналитическом языке оно обозначает не только либидинальные влечения или виды организации, но также фиксации и регрессии к этим ранним способам психосексуального функционирования. Иногда в связи с подобными фиксациями говорят о догенитальных неврозах. Иногда это слово употребляется субстантивированно, обозначая определенный тип личности.

(1) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 244—249; англ.. 229—234; франц., 205—208.

ДОЭДИПОВ

Нем.: präoedipal. — Франц.: préœdipien. — Англ.: preœdipal. — Исп.: preedípico. — Итал.: preedipico. — Португ.: pré-edipiano.

● **Характеристика периода психосексуального развития, предшествующего установлению Эдипова комплекса; в этот период у детей обоих полов преобладает привязанность к матери.**

■ Этот термин появляется у Фрейда весьма поздно — когда, изучая особенности женской сексуальности, он подчеркивал важность, сложность и продолжительность первичного отношения между девочкой и матерью (1a). Через эту стадию вначале проходит и мальчик; однако у него эта стадия короче и беднее следствиями, к тому же она труднее отграничивается от эдиповской любви, поскольку объект при этом остается тем же самым.

С терминологической точки зрения, следует четко различать понятия "доэдиповский" и "догенитальный"*, которые часто путают.

Первое относится к межличностной ситуации (отсутствие "эдиповского треугольника"), второе — к тому или иному типу сексуальной активности. Конечно, развитие Эдипа в принципе приводит к установлению генитальной организации, однако лишь при нормативном подходе можно ожидать, что наступление генитальной стадии и окончательный, обусловленный Эдиповым комплексом выбор объекта совпадут во времени. Фактически, как показывает опыт, сексуальная активность возможна и вне полностью развившегося Эдипова комплекса, так что Эдиповский конфликт может разыгрываться и в догенитальных регистрах сексуальности.

Можно ли в строгом смысле слова говорить о доэдиповой *фазе*, где существуют лишь дуальные отношения между матерью и ребенком? Фрейд заметил эту трудность. Он считал, что даже тогда, когда преобладают отношения с матерью, отец присутствует в жизни ребенка как "опасный соперник". Согласно Фрейду, "...женщина приходит к нормальной, положительной Эдиповской ситуации лишь преодолевая предшествующую стадию, на которой преобладал отрицательный комплекс" (1b). Фрейд считал эту формулировку удачной, поскольку в ней сохраняется мысль об Эдиповской ситуации как о ядерном комплексе неврозов.

Сложность здесь в том, что перед нами открываются два возможных пути: либо мы подчеркиваем особенности дуального отношения, либо обнаруживаем проявления Эдипова комплекса уже на самых ранних стадиях, что, однако, мешает понять своеобразие доэдиповской фазы.

Первый путь избрала Рут Мак Брунсвик(2); она считала свою концепцию результатом влияния Фрейда и выражением его идей. С ее точки зрения:

1) отец присутствует в психологическом поле ребенка, но не воспринимается как соперник;

2) доэдиповская фаза имеет ряд особенностей, среди которых особенно важна противоположность между активностью и пассивностью.

Напротив, последователи М.Кляйн, изучавшие наиболее архаичные фантазмы, пришли к выводу, что отец вторгается в отношения ребенка к матери уже на самой ранней стадии : об этом свидетельствует прежде всего фантазм отцовского пениса, присутствующего в теле матери (см.: Родитель объединенный). При этом, однако, возникает вопрос: не свидетельствует ли наличие третьего термина (фаллос) в ранних отношениях матери и ребенка о том, что этот период есть не что иное, как "ранняя Эдиповская стадия"? Фактически отец в этот момент еще не представляет собой инстанции запрета (см.: Эдипов комплекс). В связи с кляйновской

концепцией Жак Лакан говорил о "доэдиповском треугольнике" как об отношении мать — ребенок — фаллос, трактуя этот последний термин как обозначение фантазматического объекта желания матери (3).

(1) Freud (S.). Über die weibliche Sexualität, 1931. — a) Cf. G.W., XIV, 515—537; S.E., XXI, 223—243.

(2) Cf. Mack Brunswick (R). The Preoedipal Phase of the Libido Developmet, 1940. In: The Psychoanalytis Reader, 231—253.

(3) Cf. Lacan (J). La relation d' objet et les structures freudiennes. Compte rendu de J.-B.Pontalis in Bul. Psycho., 1956—1957.

ЖЕЛАНИЕ

Нем.: Wunsch (иногда Begierde или Lust). — Франц.: désir. — Англ.: wish. — Исп.: deseo. — Итал.: desiderio. — Португ.: desejo.

● В фрейдовской динамике — один из полюсов защитного конфликта: бессознательное желание стремится осуществиться, опираясь, по законам первичного процесса, на знаки, связанные с первым опытом удовлетворения. На примере сновидений психоанализ показал, как желание запечатлевается в компромиссной форме симптомов.

■ Во всякой общей теории человека есть основополагающие понятия, которые невозможно определить; к ним, несомненно, относится и понятие желания в концепции Фрейда. Ограничимся здесь несколькими терминологическими соображениями.

1) Отметим прежде всего, что французское слово desir не совпадает по смыслу и употреблению ни с немецким словом Wunsch, ни с английским словом wish. Wunsch — это прежде всего пожелание, сформулированное желание, тогда как desir предполагает вожделение, притязание (эти значения передают в немецком языке Begierde или Lust).

2) Фрейдовское понимание Wunsch яснее всего проявляется в теории сновидений, что позволяет отличить его от ряда сходных с ним понятий.

В наиболее развернутом своем определении желание связано с опытом удовлетворения (см. этот термин), вследствие которого "мнесический образ восприятия оказывается связан с мнесическим следом возбуждения, порождаемого потребностью. Как только заново возникает эта потребность, установившаяся связь порождает психический импульс к перенагрузке мнесического образа восприятия и даже к вызову самого этого восприятия, т.е. к восстановлению ситуации первичного удовлетворения; это побуждение мы и называем желанием; возникновение этого восприятия и есть "выполнение желания" (1a). Такое определение требует нескольких пояснений:

а) Фрейд не отождествляет потребность и желание: потребность порождается внутренним напряжением и удовлетворяется (Befrie-

digung) специфическим действием* по нахождению нужного объекта (например, пищи). Что же касается желания, то оно неразрывно связано с "мнесическими следами": его выполнение (Erfüllung) предполагает галлюцинаторное воспроизведение восприятий, превратившихся в знаки удовлетворения этого желания (см.: Тождество восприятия). Это различие не всегда соблюдается Фрейдом; так, в некоторых текстах встречается составное слово Wunschbefriedigung.

б) Поиск объекта в реальности всецело направляется этим отношением к знакам. Именно цепочка знаков порождает фантазирование* как коррелят желания.

в) Фрейдовская концепция желания относится только к бессознательным желаниям, закрепленным с помощью устойчивых и унаследованных с детства знаков. Однако Фрейд не всегда использует понятие желания в том смысле, который подразумевается вышеприведенным определением; иногда он говорит, например, о желании спать, о предсознательных желаниях и даже порой считает результат конфликта компромиссом между "двумя исполнениями двух противонаправленных желаний, имеющих различные психические источники" (1b).

*

Жак Лакан попытался иначе понять фрейдовское открытие, сделав его основой именно желание и выдвинув это понятие на первый план в психоаналитической теории. При таком подходе Лакан вынужден был разграничить понятия, с которыми часто путают желание, а именно понятия потребности и запроса.

Потребность нацелена на особый объект и удовлетворяется этим объектом. Запрос формулируется и обращается к другому человеку; даже там, где он устремлен на объект, это не имеет особого значения, поскольку выраженный в слове запрос — это всегда, по сути, просьба о любви.

Желание рождается в расщелине между потребностью и запросом; оно несводимо к потребности, будучи в принципе не отношением к реальному объекту, независимому от субъекта, но отношением к фантазму; однако оно несводимо и к запросу, властно навязывающему себя независимо от языка и бессознательного другого человека и требующему абсолютного признания себя другим человеком (2).

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 571; S.E., V, 565—566; франц., 463. — b) G.W., II—III, 575; S.E., V, 569; франц., 466.

(2) Cf. Lacan (J.). Les formations de l' inconscient, 1957—1958. In: Bul.Psycho.

З

ЗАВИСТЬ К ПЕНИСУ

Нем.: Penisneid. — Франц.: envie du pénis. — Англ.: penis envy. — Исп.: envidia del pene. — Итал.: invidia del pene. — Португ.: inveja do pênis.

● Главный элемент женской сексуальности и пружина ее диалектики. Зависть к пенису возникает при обнаружении анатомического различия между полами: девочка чувствует себя ущемленной по сравнению с мальчиком и стремится также иметь пенис (комплекс кастрации); позже, во время Эдиповой стадии, эта зависть к пенису принимает две производные формы: желание иметь пенис внутри себя (чаще всего в форме желания иметь ребенка); желание наслаждаться пенисом в коитусе.

Зависть к пенису может принимать различные патологические или сублимированные формы.

■ Понятие зависти к пенису приобретало в теории Фрейда все большее значение по мере того, как уточнялось понятие женской сексуальности, которое поначалу выступало как слепок с сексуальности мальчика.

В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) речь шла преимущественно об эволюции сексуальности у мальчика; по крайней мере в первом издании речь вообще не идет о зависти к пенису. Первое упоминание об этом мы находим в 1908 г., в статье "О детских сексуальных теориях" (Über infantile Sexualtheorien); здесь Фрейд указывает на интерес девочки к пенису мальчика — интерес, "...побуждаемый завистью (Neid)[...]. Когда девочка говорит о своем желании: "мне хотелось бы быть мальчиком", мы знаем, какую нехватку призвано восполнить это желание" (1).

Понятие "зависть к пенису", по-видимому, уже существовало в психоанализе, когда Фрейд в 1914 г. (2) использовал его для обозначения некоторых проявлений комплекса кастрации у девочки.

В работе Фрейда "О смещении влечений, преимущественно в области анального эротизма" (Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917) значение этого понятия не ограничивается желанием девочки иметь такой же пенис, как у мальчика; оно

обозначает также различные варианты этого желания: желание иметь ребенка согласно символическому уравнению пенис — ребенок, желание обладать мужчиной как "придатком к пенису"(3).

Во фрейдовской концепции женской сексуальности (4) важное место уделяется зависти к пенису в психосексуальном развитии женственности, предполагающем перенос эрогенной зоны с клитора на влагалище и изменение объекта (доэдиповская привязанность к матери уступает место эдиповской любви к отцу). Главную роль во всех этих переменах играет на различных уровнях комплекс кастрации* и зависть к пенису. Это:

а) злоба на мать, которая не обеспечила девочку пенисом;

б) презрение к матери, которая также оказывается кастрированной;

в) отказ от фаллической активности (мастурбация клитора) и усугубление пассивности;

г) символическая тождественность пениса и ребенка.

"Желание (Wunsch) девочки, направленное на отца, поначалу основывается на желании обладать пенисом, который не был ей дан матерью и который она отныне желает получить от отца. Во всяком случае женственность пробуждается лишь тогда, когда желание иметь пенис уступает место желанию иметь ребенка, так как ребенок символически замещает пенис" (5а).

Фрейд неоднократно указывал на те черты женского характера (например, "комплекс маскулинности") и те невротические симптомы, которые свидетельствуют о зависти к пенису. Обычно под завистью к пенису подразумеваются именно эти остатки детства у взрослого человека, проявляющиеся в самых запутанных формах.

Наконец, в одной из последних своих работ Фрейд, который всегда подчеркивал, что зависть к пенису, несмотря на мнимые свидетельства противоположного, навсегда остается в бессознательном, утверждал, что она может даже оказаться не подвластной психоанализу(6).

*

Как мы видим, само выражение "зависть к пенису" остается неясным, что было подчеркнуто Джонсом, попытавшимся устранить эту неясность, разграничивая три его смысла:

" а) желание обладать пенисом — как правило, поглощая и сохраняя его внутри своего тела, а нередко превращая его в ребенка;

б) желание иметь пенис в области клитора [...];

в) желание взрослой женщины наслаждаться пенисом в коитусе" (7).

Все эти разграничения полезны, однако из сказанного вовсе не

следует, что эти три вида зависти к пенису совершенно чужды друг другу. Психоаналитическая концепция сексуальности стремится описать связи и пересечения между ними (α).

*

Целый ряд авторов (К.Хорни, Э.Дейч, Э.Джонс, М.Кляйн) оспаривали фрейдовское утверждение о том, что зависть к пенису — это первичная данность, а не вторичное образование, создаваемое или используемое для того, чтобы избежать более примитивных желаний. Не претендуя на охват всей этой важной дискуссии, отметим, что Фрейд опирался в своей концепции на мысль о ведущей роли фаллической функции для обоих полов (см.: **Фаллическая стадия; Фаллос**).

α) Подчас у Фрейда выражения "зависть к пенису" (Neid) и "желание иметь пенис" (Wunsch) употребляются как взаимозаменяемые (см., например, "Новая серия лекций по введению в психоанализ" [Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932]) (5b).

(1) Freud (S.). G.W., VII, 180; S.E., IX, 218.
(2) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914.G.W., X, 159; S.E., XIV, 92.
(3) Freud (S.). G.W., X, 405; S.E., XVII, 129.
(4) Ср. в особенности: Freud (S.). Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds, 1925. Über die weibliche Sexualität, 1931. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. — Mack Brunswick (R.). The Preoedipal Phase of the Libido Development, 1940. In: Psa.Read.
(5) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. — a) G.W., XV, 137; S.E., XXII, 128; франц., 175. — b) G.W., XVI, 97—98; S.E., XXII, 128—130; франц., 175—177.
(6) Cf. Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. G.W., XVI, 97—98; S.E., XXIII, 250—251; франц., 35—37.
(7) Jones (E.). The Phallic Phase, 1932. In: Papers on Psychoanalysis, Baillière, London, 5e éd., 1950, 469.

ЗАМЕЩЕНИЕ

Нем.: Erzatz. — Франц.: substitut. — Англ.: substitute. — Исп.: sustituto. — Итал.: sostituto, surrogato. — Португ.: substituto.

См.: Образование замещающее.

ЗАСТОЙ ЛИБИДИНАЛЬНЫЙ

Нем.: Libidostauung. — Франц.: stase libidinale. — Англ.: damming up of the libido. — Исп.: entascamiento de la libido. — Итал.: stasi della libido. — Португ.: estase da libido.

■ **Энергетический процесс, который, по Фрейду, может стать**

истоком невроза или психоза. Речь идет о либидо, которое не находит пути к разрядке и накапливается во внутрипсихических образованиях; такое накопление энергии приводит к образованию симптомов.

◘ Экономическое понятие либидинального застоя впервые появляется в теории актуальных неврозов*, изложенной Фрейдом в его первых сочинениях: он считает, что неврозы возникают из-за накопления (Aufhäufung) сексуального возбуждения, которое при отсутствии адекватного специфического действия* не может найти пути к разрядке.

В работе "О типах невротических заболеваний" (Über neurotische Erkrankungstypen, 1912) Фрейд трактует либидинальный застой очень широко и обнаруживает его в различных типах невротических заболеваний: "Все это различные пути, которые приводят к патологическому явлению в функционировании психики, а именно к либидинальному застою, с которым *Я* не может успешно справиться в одиночку" (1). В любом случае роль либидинального застоя в возникновении неврозов требует некоторых существенных пояснений:

1) Фрейд не считал либидинальный застой ***первичным*** фактором, обусловливающим возникновение любого невроза: он играет определяющую роль лишь в тех случаях, которые сходны с актуальным неврозом (reale Versagung, реальная фрустрация); в других же случаях он выступает как следствие психического конфликта.

2) Сам по себе застой не является патогенным. Он может порождать и нормальное поведение: сублимацию, преобразование напряжения в деятельность, приводящую к достижению искомого объекта.

Начиная с работы "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) понятие либидинального застоя распространяется и на механизм психозов: застой либидо рассматривается как нагрузка *Я*, при которой "...чрезмерное скопление нарциссического либидо становится невыносимым"(2). Так, ипохондрия, которая часто выступает как промежуточный этап в развитии шизофрении, как раз и свидетельствует об этом невыносимом скоплении нарциссического либидо; с точки зрения экономической, бред — это попытка перенести либидинальную энергию на вымышленный внешний мир.

(1) Freud (S.). G.W., VIII, 329—330; S.E., XII, 237.

(2) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917. G.W., XI, 436; S.E., XVI, 421; франц., 450.

ЗАЩИТА

Нем.: Abwehr. — Франц.: défense. — Англ.: defence. — Исп.: defensa. — Итал.: defesa. — Португ.: defesa.

○ Совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихологического индивида. Поскольку эта устойчивость воплощается в *Я*, которое всячески стремится ее сохранить, его можно считать ставкой и действующим лицом в этих процессах.

В целом речь идет о защите от внутреннего возбуждения (влечения) и особенно от представлений (воспоминаний, фантазий), причастных к этому влечению, а также о защите от ситуаций, порождающих такое возбуждение, которое нарушает душевное равновесие и, следовательно, неприятно для *Я*. Подразумевается также защита от неприятных аффектов, выступающих тогда как поводы или сигналы к защите.

Защитный процесс осуществляется механизмами защиты, в большей или меньшей мере интегрированными в *Я*.

Будучи отмечена и пронизана влечениями, тем, против чего она в конечном счете направлена, защита подчас становится навязчивой и проявляет себя (по крайней мере отчасти) бессознательным образом.

■ Возникновение собственно фрейдовской концепции психики, в отличие от взглядов его современников, было обусловлено выходом понятия защиты на первый план в истерии, а затем и вскоре в других видах психоневроза (см.: Истерия защиты). В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) обнаруживается вся сложность отношений между защитой и осуществляющим ее *Я*. Фактически *Я* — это личное "пространство", которое должно быть защищено от любого вторжения (например, от конфликтов между противонаправленными желаниями). *Я* — это также "группа представлений", противоречащих какому-то "несовместимому" с ними представлению, о чем свидетельствует чувство неудовольствия. Наконец, *Я* — это инстанция защиты (см.: *Я*). В тех трудах Фрейда, где развивается понятие психоневроза защиты, всегда подчеркивается именно этот момент несовместимости того или иного представления с *Я*; различные формы защиты суть не что иное, как различные способы обращения с этим представлением, особенно если речь идет об отделении этого представления от связанного с ним изначально аффекта. Кроме того, как известно, Фрейд очень рано начал противопоставлять психоневрозы защиты актуальным неврозам*, или, иначе, той группе неврозов, при которых внутреннее напряжение становится из-за отсутствия разрядки сексуального возбуж-

дения невыносимым и проявляется в виде различных соматических симптомов. Важно, что в случае актуальных неврозов Фрейд не говорит о защите, хотя при этом обнаруживаются особые способы охраны организма и делаются попытки восстановить его равновесие. Защита у Фрейда изначально отличалась от тех (общих) мер, которые принимает организм для устранения возрастающего напряжения.

Выявляя в зависимости от вида болезни различные способы защиты в тех случаях, когда клинический опыт (ср. "Исследования истерии") позволял восстановить различные этапы этого процесса (всплывание в памяти неприятных эмоций как побуждение к защите, группировка сопротивлений, распределение патогенного материала по различным уровням и пр.), Фрейд пытался также построить метапсихологическую теорию защиты. Эта теория с самого начала предполагала устойчивое разграничение между наплывом внешних возбуждений, от которых можно отгородиться заслоном (см.: Слой защиты от возбуждений), и внутренними возбуждениями, избавиться от которых вообще невозможно. Против этой внутренней агрессии — или, иначе говоря, против влечения — и направляются различные защитные механизмы. В "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) Фрейд ставит проблему защиты двояким образом:

1) ищет истоки так называемой "первичной защиты" в "опыте страдания" подобно тому, как прообразом желания и *Я* как сдерживающей силы был "опыт удовлетворения". Во всяком случае, в "Наброске" эта концепция не изложена с такой отчетливостью, как опыт удовлетворения (α).

2) Стремится отличать патологическую форму защиты от нормальной. Нормальная защита осуществляется при переживании вновь прежнего болезненного опыта; при этом *Я* с самого начала было призвано устранить неудовольствие посредством "побочных нагрузок": " Когда мнесический след вновь оказывается нагруженным, вновь возникает и чувство неудовольствия, однако ведь *Я* уже проложило свои пути, а по опыту известно, что повторно испытываемое неудовольствие меньше прежнего, покуда в конечном счете оно не сводится к раздражению, с которым *Я* в состоянии справиться" (1a).

В результате такой защиты *Я* удается уберечься от поглощения и пропитки первичным процессом, что обычно происходит при патологических защитах. Как известно, Фрейд считал, что патологическая защита возникает как последствие зрелища сексуальной сцены: в свое время это потребовало защиты, но в воспоминании вызвало прилив внутреннего возбуждения. "Внимание обычно обращается на восприятия, порождающие неудовольствие. В данном случае речь идет не о восприятии, но о мнесическом следе, который

неожиданно приводит к высвобождению неудовольствия, а *Я* узнает об этом слишком поздно" (1b). Это и объясняет, почему "... действия *Я* порождают следствия, которые мы, как правило, наблюдаем лишь в первичных процессах" (1c).

Возникновение патологической защиты обусловлено, таким образом, приливом внутреннего возбуждения, порождающего чувство неудовольствия при отсутствии необходимых защитных навыков. Следовательно, патологическая защита порождена не силой аффекта как такового, но особыми условиями, которых мы не видим ни в случае самого мучительного восприятия, ни в случае воспоминания о нем. Эти условия, по Фрейду, наличествуют лишь в сексуальной области (см.: Последействие; Соблазнение).

*

Несмотря на все разнообразие защит при истерии, неврозе навязчивых состояний, паранойе и пр. (см.: Защитные механизмы), двумя полюсами конфликта всегда оказываются *Я* и влечение. *Я* стремится защититься именно от внутренней угрозы. Хотя клинический опыт каждодневно подтверждает эту концепцию, она порождает теоретические проблемы, постоянно встававшие перед Фрейдом: как может разрядка влечений, которая, по определению, должна приносить удовольствие, восприниматься как неудовольствие или как угроза неудовольствия, порождая защитные действия. Психический аппарат расчленен на различные уровни, и потому удовольствие для одной психической системы может быть неудовольствием для другой (*Я*), однако подобное распределение ролей не объясняет, откуда берутся влечения и побуждения, несовместимые с *Я*. Фрейд отказывается от теоретического решения этого вопроса: он не считает, что защита вступает в действие, "...когда напряжение становится невыносимым, поскольку остается неудовлетворенным импульс влечений" (2). Так, голод, не ведущий к насыщению, не вытесняется; каковы бы ни были "средства защиты" организма от угрозы такого типа, речь здесь не идет о защите в психоаналитическом смысле. Ссылок на равновесие организма с внешней средой в качестве объяснения здесь недостаточно.

Какова главная опора защитных действий *Я*? Почему *Я* воспринимает как неудовольствие тот или иной импульс влечений? На этот основополагающий для психоанализа вопрос можно дать различные ответы, которые, впрочем, не обязательно исключают друг друга. Прежде всего обычно разграничиваются источники опасности, связанной с удовлетворением влечений: можно считать опасным для *Я* или своего рода внутренней агрессией само влечение,

а можно в конечном счете связать любую опасность с реальностью внешнего мира — и тогда влечение будет опасно в той мере, в какой его удовлетворение наносит реальный ущерб. Так, в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд вывел на первый план, особенно в связи с фобиями, "страх перед реальностью"* (Realangst), сочтя невротический страх перед влечениями вторичным.

Если подойти к проблеме с точки зрения той или иной концепции *Я*, ее решения будут различны в зависимости от того, что при этом выходит на первый план: действия *Я* во имя реальности, его роль представителя принципа реальности или же склонность *Я* к навязчивому синтезу? Быть может, *Я* выступает как некая форма, как внутрисубъектный ответ организма, управляемого принципом гомеостазиса? Наконец, с точки зрения динамики можно объяснить неудовольствие, связанное с влечениями, антагонизмом между влечениями и инстанциями *Я*, а также между двумя различными видами влечений, или, иначе, противонаправленными влечениями. Именно по этому пути пошел Фрейд в 1910—1915 гг., противопоставляя сексуальным влечениям влечения к самосохранению, или, иначе, влечения *Я*. Как известно, эта пара влечений была заменена в последней теории Фрейда антагонизмом между влечениями к жизни и влечениями к смерти, причем эта новая оппозиция еще меньше соответствовала игре сил в динамике конфликта*.

*

Само понятие защиты, особенно при неограниченном его использовании, чревато недоразумениями и требует уточнений. Оно обозначает одновременно и *защиту* чего-то, и *самозащиту*. Полезно разграничить различные параметры защиты, даже если они отчасти совпадают друг с другом: это *место* защиты — психическое пространство, которое оказывается под угрозой; *персонаж*, который осуществляет защитные действия; ее *цель*, например стремление сохранить или восстановить целостность и постоянство *Я* и избежать любого внешнего вторжения, которое причиняет субъекту неудовольствие; ее *мотивы* — то, что сигнализирует об угрозе и побуждает к защите (аффекты при этом сводятся к сигналам, к сигналу тревоги*); ее *механизмы*.

Наконец, разграничение между *защитой* в "стратегическом" смысле, присущем ей в психоанализе, и *запретом*, как он выступает, например, в Эдиповом комплексе, одновременно и подчеркивает разнородность этих двух уровней (психической структуры и структуры основоположных желаний и фантазмов), и оставляет открытой

проблему их сорасчленения как в теории, так и в практике психоаналитического лечения.

α) Акцент на "опыте страдания" в противоположность опыту удовлетворения изначально парадоксален: в самом деле, почему нейронный аппарат бесконечно, вплоть до галлюцинаций, повторяет мучительный опыт страдания и вызывает тем самым возрастание заряда, если его роль заключается как раз в том, чтобы не допускать нарастания напряжения? Этот парадокс проясняется, если обратиться к тем многочисленным местам в работах Фрейда, где речь идет о страдании как структуре и процессе. Дело в том, что физическая боль, связанная с вторжением в тело извне, с нарушением его границ, выступает как прообраз той внутренней агрессии против *Я*, которую несет в себе влечение. Тем самым под "опытом страдания" подразумевается не столько галлюцинаторное повторение действительно пережитого страдания, сколько возникновение — при новом переживании опыта, который вовсе не обязательно раньше был мучительным, — того "страдания", которое приносит *Я* страх.

(1) Freud (S.). a) Нем., 438; англ., 416; франц., 369. — b) Нем., 438; англ., 416; франц., 369. — c) Нем., 432; англ., 410; франц., 364.

(2) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 249; S.E., XIV, 147; франц., 69.

ЗОНА ИСТЕРОГЕННАЯ

Нем.: hysterogene Zone. — Франц.: zone hystérogène.— Англ.: hysterogenic zone. — Исп.: zona histerógena. — Итал.: zona histerogena. — Португ.: zona histerógena.

● Та или иная область тела, в которой сначала Шарко, а затем Фрейд обнаружили — в некоторых случаях конверсионной истерии — источник повышенной чувствительности; эта область, в которой пациент, по его словам, испытывает болезненные ощущения, оказывается при осмотре либидинально нагруженной, а ее возбуждение вызывает реакции, сходные с теми, что сопровождают сексуальное удовольствие и могут доходить даже до истерического припадка.

■ Шарко называл истерогенными зонами "[...]более или менее четко ограниченные участки тела, в которых надавливание или просто потирание вызывает более или менее быстро феномен *ауры*, за чем иногда следует, если продолжать эти действия, истерический припадок. Эти точки, или, скорее, эти области, обладают постоянно повышенной чувствительностью[...]. Уже начавшийся припадок нередко можно остановить энергичным надавливанием на эти точки" (1).

В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд заимствует у Шарко понятие истерогенной зоны, расширяя его значение: "Больной жалуется на боль в некоторых областях тела; когда врач в ходе осмотра надавливает или пощипывает эти места, это вызывает реакции [...], сходные с теми, которые возбуждает

сладострастная щекотка" (2a). Эти реакции Фрейд сравнивает с истерическим припадком, который, в свою очередь, выступает как "эквивалент коитуса" (3).

Истерогенная зона — это область тела, ставшая эрогенной. В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) Фрейд утверждает, что "эрогенные и истерогенные зоны обладают одними и теми же свойствами" (4). Фактически Фрейд показал (см.: Зона эрогенная), что любой участок тела может стать эрогенным, если на него сместятся свойства собственно эрогенной зоны. Этот процесс эрогенизации особенно широко представлен у истериков.

Условия возможности такого смещения определяются историей субъекта. Случай Элизабет фон Р., например, показывает нам, как строится эрогенная зона: "Я удивился, когда больная заявила, что знает, почему у нее всегда возникали боли в определенном месте правого бедра и были там особенно сильными. Как раз на это место ее отец каждое утро клал свою опухшую ногу, когда она меняла ему повязку. Это случалось, должно быть, не менее сотни раз, однако до сих пор она не видела тут никакой связи. Таким образом она объяснила то, что было мне непонятно,— как формируется атипичная истерогенная зона" (2b).

Как мы видим, понятие истерогенной зоны изменилось при переходе от Шарко к Фрейду: прежде всего Фрейд считал истерогенную зону местом сексуального возбуждения, а кроме того, он отказывался от жесткой локализации мест возбуждения, к которой стремился Шарко, поскольку, с его точки зрения, любой участок тела мог стать истерогенным.

(1) Charcot (J.-M.). Leçons sur les maladies du système nerveux, Lecrosnier et Babé, Paris, 1890, III, 88.

(2) Freud (S.). a) G.W., I, 198; S.E., II, 137; франц., 108. — b) G.W., I, 211—212; S.E., II, 148; франц., 117.

(3) Freud (S.). Allgemeines über den hysterischen Anfall, 1909. G.W., VII, 239; S.E., II, 148; франц., 117.

(4) Freud (S.). G.W., V, 83; S.E., VII, 184; франц., 78.

ЗОНА ЭРОГЕННАЯ

Нем.: erogene Zone. — Франц.: zone érogène. — Англ.: erotogenic zone. — Исп.: zona erógena. — Итал.: zona erogena. — Португ.: zona erógena.

● Всякое место кожного и слизистого покрова, где возможен сексуальный тип возбуждения. В более узком смысле — отдельные места, в которых это возбуждение связано с выполнением определенной функции : оральная, анальная, уретро-генитальная, сосцовая зоны.

■ Теория эрогенных зон, первый набросок которой содержался в письмах Фрейда В.Флиссу от 6.12.1896 и от 14.11.1897, была изложена в окончательном виде в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) (1a). В качестве эрогенной зоны здесь может выступать любая область кожного и слизистого покрова, причем впоследствии Фрейд распространил так называемое свойство эрогенности* на все внутренние органы (2): "Собственно говоря, эрогенная зона — это все тело" (3). Однако некоторые зоны кажутся "предопределенными" для выполнения этой функции. Так, например, при сосании оральная зона физиологически предназначена стать эрогенной; при сосании большого пальца возникает дополнительное сексуальное возбуждение и тем самым "вторичная эрогенная зона, хотя и менее значимая" (1b). Эрогенные зоны — это источники* частичных влечений (автоэротизм*). Они позволяют более или менее точно определить тип сексуальной цели*.

Хотя само существование и преобладание в человеческой сексуальности определенных телесных зон остается основополагающим фактом психоаналитического опыта, анатомо-физиологического истолкования здесь недостаточно. Необходимо также учесть, что уже в самом начале психосексуального развития человека эти зоны представляют собой особенно значимые области обмена с окружением, вызывая тем самым наибольшее внимание, заботу (а значит, и возбуждение) со стороны матери (4).

(1) Freud (S.). a) Cf. G.W., V, 83—85; S.E., VII, 183—184; франц., 76—78. — b) G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц., 75.

(2) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 150; S.E., XIV, 84.

(3) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 73; S.E., XXIII, 151; франц., 11.

(4) Cf. Laplanche (J.) et Pontalis (J.-B.). Fantasme originaire, fantasmes des origines, origines du fantasme. In: Les temps modernes 1964, n. 215, 1833—1868.

И

ИДЕАЛ-Я

Нем.: Ichideal. — Франц.: idéal du moi. — Англ.: ego ideal. — Исп.: ideal del yo. — Итал.: ideale dell' io. — Португ.: ideal do ego.

○ Понятие, введенное Фрейдом во второй теории психического аппарата, — инстанция личности, возникающая в результате совпадения двух моментов: нарциссизма (идеализация *Я*) и (само)отождествления с родителями (или их заместителями) и коллективными идеалами. *Идеал Я* **— это образец, которому стремится следовать субъект.**

■ В работах Фрейда трудно вычленить строгий смысл понятия *Идеал-Я*. Перемены в его значении связаны с разработкой понятия *Сверх-Я* и второй теории психического аппарата в целом. Так, в *Я и Оно* (Das Ich und das Es, 1923) *Идеал-Я* и *Сверх-Я* выступают как синонимы, а в других текстах роль идеала выполняет отдельная инстанция или же подструктура *Сверх-Я* (см. этот термин).

Понятие *Идеал-Я* впервые появляется в работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) для обозначения относительно независимого внутрипсихического образования, которое служит для *Я* точкой отсчета при оценке своих реальных достижений. Его возникновение связано с нарциссизмом: "То, что человек ставит перед собой в качестве идеала, есть лишь замена утраченного нарциссизма его детства, когда он видел идеал в себе самом" (1a). Это нарциссическое состояние, уподобляемое Фрейдом бреду величия, ребенок преодолевает прежде всего под воздействием родительской критики. Отметим, что эту критику, превратившуюся в особую психическую инстанцию цензуры и самонаблюдения, Фрейд последовательно отличает в своей работе о нарциссизме от *Идеал-Я*: ее роль — "...постоянное наблюдение за актуальным *Я* и соизмерение его с идеалом" (1b).

В "Психологии масс и анализе *Я*" (Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921) *Идеал-Я* выходит на первый план. Фрейд четко отличал его от *Я* и искал в нем объяснения таких явлений, как любовные чары, власть гипнотизера и подчинение вождю, при которых субъект ставит на место своего *Идеал-Я* другого человека.

Этот процесс лежит в основе построения группы. Действенность

коллективного идеала определяется совпадением индивидуальных *Идеал-Я*: "...несколько индивидов [...] поставили на место своего *Идеал-Я* один и тот же объект, вследствие чего произошло (само)отождествление их *Я*" (2а); с другой стороны, эти индивиды, отождествляя себя со своими родителями, учителями, воспитателями, обладают рядом коллективных идеалов: " Каждый индивид входит в различные группы, отождествляя себя с разными людьми и выстраивая свой *Идеал-Я* на основе различных прообразов" (2b).

В *Я* и *Оно*, где впервые появляется понятие *Сверх-Я*, оно выступает как синоним *Идеал-Я*: это некая единая инстанция, которая возникает вследствие (само)отождествления с родителями при угасании Эдипова комплекса и воплощает одновременно и запрет, и идеал. "Отношения *Сверх-Я* к *Я* предполагают не только предписание: "будь таким (как твой отец)", но и запрет: "ты не имеешь права быть таким (как твой отец)", "ты не можешь делать все то, что делает он, есть вещи, дозволенные лишь ему одному" (3).

В "Новых лекциях по введению в психоанализ" (Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932) вновь встает вопрос о разграничении этих двух понятий, причем *Сверх-Я* выступает как объемлющая структура, призванная выполнять три функции: "самонаблюдения, нравственного сознания и идеала" (4). Различие между двумя последними функциями можно пояснить фрейдовской трактовкой различий между чувством вины и чувством неполноценности. Оба эти чувства — результат напряженных отношений между *Я* и *Сверх-Я*, однако первое связано прежде всего с нравственным сознанием, а второе — с *Идеал-Я*, вызывающим скорее любовь, чем страх.

*

Психоаналитическая литература свидетельствует о том, что понятие *Сверх-Я* не устранило понятия *Идеал-Я*. Большинство авторов их различают.

По поводу *Идеал-Я* существует относительное согласие во взглядах; напротив, мнения разнятся по вопросу о его отношениях со *Сверх-Я* и с нравственным сознанием. Ситуация осложняется тем, что ряд авторов то следуют за Фрейдом (ср. "Новые лекции"), понимая *Сверх-Я* как целостную структуру, состоящую из отдельных подструктур, то осмысляют его как "голос сознания" с его запретами.

Нунберг, например, четко различает *Идеал-Я* и запрещающую инстанцию. В основе этого — различие побуждений, порождаемых ими в *Я*: "Если *Я* повинуется *Сверх-Я* из страха наказания, то *Оно* подчиняется *Идеал-Я* из чувства любви" (5), а также источников

(*Идеал-Я* формируется преимущественно по образу объектов любви, а *Сверх-Я* — по образу персонажей, вызывающих страх).

Хотя на описательном уровне это различие кажется хорошо обоснованным, последовательно провести его на метапсихологическом уровне гораздо труднее. Кроме того, ряд авторов, разделяющих позицию Фрейда (ср. "*Я* и *Оно*", особенно цитируемый выше отрывок), настаивают на взаимодействии этих двух аспектов: запрета и идеала. Так, Даньель Лагаш говорит о *Сверх-Я* — *Идеал-Я* как целостной системе отношений: "*Сверх-Я* подразумевает авторитет, а *Идеал-Я* — такое поведение, посредством которого субъект должен отвечать его требованиям" (6).

(1) Freud (S.). a) G.W., X, 161; S.E., XVI, 94. — b) G.W., X, 162; S.E., XVI, 95.

(2) Freud (S.). a) G.W., XIII, 128; S.E., XVIII, 116; франц., 130. — b) G.W., XIII, 144; S.E., XVIII, 129; франц., 145.

(3) Freud (S.). G.W., XIII, 262; S.E., XIX, 34; франц., 189.

(4) Freud (S). G.W., XV, 72; S.E., XXII, 66; франц., 94.

(5) Nunberg (H.). Allgemeine Neurosenlehre auf psychoanalytischer Grundlage, 1932. Франц. пер.: Principes de psychanalyse, Paris, P.U.F., 1957, 155.

(6) Lagache (D.). Psychanalyse et la structure de la personnalité. In: Psychanalyse, Paris, P.U.F., VI, 39.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ

Нем.: Idealisierung. — Франц.: idéalisation. — Англ.: idealisation. — Исп.: idealisación. — Итал.: idealizzazione. — Португ.: idealização.

● Психический процесс, посредством которого положительные качества и достоинства объекта преувеличиваются, а сам он трактуется как нечто совершенное. Самоотождествление с идеализированным объектом способствует образованию и развитию в личности так называемых идеальных инстанций (*Я* идеальное, *Идеал-Я*).

■ Фрейд столкнулся с процессом идеализации прежде всего в области любовных отношений (завышенная сексуальная оценка). Однако к определению идеализации он пришел позже — при разработке понятия нарциссизма*. Фрейд отличал идеализацию от сублимации*: "Сублимация — это процесс, затрагивающий объектное либидо; суть его в том, что влечение устремляется к иной цели [...], далекой от непосредственного сексуального удовлетворения. Идеализация — это процесс, при котором объект, не меняя своей природы, превозносится и возвеличивается в сознании субъекта. Идеализация возможна как в области *Я*-либидо, так и в области объектного либидо" (1).

Идеализация, особенно по отношению к родителям, — это

необходимый этап формирования в субъекте идеальных инстанций (см.: *Я идеальное*, *Идеал-Я*). Однако идеализация не тождественна *формированию идеалов* личности; она фактически может относиться и к внешнему объекту, как в случае идеализации объекта любви. Отметим, однако, что и в этом случае она ярко окрашена нарциссизмом: "Мы видим, что объект отождествляется с собственным *Я*, вследствие чего, например, влюбленный переносит на объект большую часть своего нарциссического либидо " (2).

*

Защитную роль идеализации подчеркивали многие авторы, особенно М.Кляйн. Она считала идеализацию объекта, по сути, защитой от деструктивных влечений, возникающей одновременно с окончательным *расщеплением* на "хороший" объект*, который идеализируется и наделяется всеми положительными качествами (например, материнская грудь как неисчерпаемый и доступный источник пищи), и "плохой" объект, чьи отрицательные качества (и прежде всего его роль врага, преследователя) также доведены до крайности (3).

(1) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, G.W., X, 161; S.E., XIV, 94.

(2) Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 124; S.E., XVIII. 112; франц.. 126.

(3) Ср., например: Klein (M.). Some theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant. In: Developments, 1952, 222.

ИЗВРАЩЕНИЕ

Нем.: Perversion. — Франц.: perversion. — Англ.: perversion. — Исп.: perversión. — Итал.: perversione. — Португ.: perversão.

● Отклонение от "нормального" сексуального акта, нацеленного на достижение оргазма в контакте с лицом противоположного пола посредством генитального проникновения.

Об извращениях говорят в следующих случаях: если оргазм достигается с иными сексуальными объектами (гомосексуальность, педофилия, скотоложество и пр.) или посредством других участков тела (например, анальный коитус); когда оргазм жестко подчинен определенным внешним условиям (фетишизм, трансвестизм, вуайеризм и эксгибиционизм, садомазохизм), которые могут сами по себе доставлять сексуальное удовольствие.

В более широком смысле слова извращением называется сово-

купность форм психосексуального поведения, которое сопровождает подобные аномалии при получении сексуального удовлетворения.

■ 1) Трудно определить понятие извращения, не соотнося его с нормой. До Фрейда (как, впрочем, и в наши дни) это понятие использовалось для обозначения "отклонений" от обычного осуществления инстинкта, или, иначе говоря, заранее предопределенного поведения, свойственного тому или иному виду и относительно устойчивого по способам осуществления и избираемым объектам.

Те авторы, которые допускают существование различных инстинктов, вынуждены сильно расширять область понятия извращения и увеличивать число его форм: это извращения "морального чувства" (преступность), "социальных инстинктов" (куначество), пищевого инстинкта (обжорство, запой) (1). В этом же смысле обычно говорят об извращениях в характере и поведении субъектов, отличающихся особенной жесткостью.

В психоанализе речь идет об извращениях лишь в связи с сексуальностью. Хотя Фрейд и признавал существование других влечений наряду с сексуальным, он не говорил в этой связи об извращениях. Описывая в области так называемых влечений к самосохранению (голод, например) расстройства питания, Фрейд не пользовался понятием извращения, хотя другие авторы говорили в этой связи об извращении пищевого инстинкта. По Фрейду, подобные расстройства связаны с воздействием сексуальности на пищеварительную функцию (либидинизация); можно сказать, что данная функция "извращена" сексуальностью.

2) Систематическое исследование сексуальных извращений было весьма распространено в то время, когда Фрейд занялся разработкой своей теории сексуальности. В "Сексуальной психопатологии" Краффт-Эбинга (Psychopathia sexualis, 1893), в "Исследованиях по психологии пола" X. Эллиса (Studies in the Psychology of Sex, 1897) описывались сексуальные извращения у взрослых. Оригинальность Фрейда заключалась в стремлении найти в самом факте извращения точку опоры для проблематизации традиционного определения сексуальности. Это определение исходит из того, что "... сексуальное влечение отсутствует у ребенка, возникает в пубертатный период в связи с процессом полового созревания и проявляется в форме непреодолимого влечения одного пола к другому; его цель — половой контакт или по крайней мере действия, ведущие к нему" (2а). Однако распространенность типично извращенных способов поведения и прежде всего устойчивость тенденций к извращению, лежащих в основе невротической симптоматики или же включенных в нормальный сексуальный акт в качестве " предварительного удовольствия", приводят Фрейда к мысли, что "... предрасположенность к извра-

щениям не есть нечто из ряда вон выходящее, но скорее момент так называемой нормальной конституции" (2b). Такое заключение подтверждает и объясняет существование детской сексуальности. Она подчинена игре частичных влечений*, тесно связана с разнообразием эрогенных зон и существует вплоть до установления генитальных функций в собственном смысле слова; ее можно назвать "полиморфно извращенной установкой". Извращения в сексуальности у взрослых — это сохранение или же возникновение вновь частичных влечений. Впоследствии Фрейд выделил в детской сексуальности различные стадии либидинальной организации* и эволюции в выборе объекта, что позволило уточнить это определение (фиксация на определенной стадии, на определенном типе выбора объекта): извращение — это регрессия* к прежней фиксации либидо.

3) Мы видим, что фрейдовская концепция сексуальности повлияла на само определение извращения. Так называемая нормальная сексуальность не есть нечто данное человеку от природы: "Преимущественный сексуальный интерес мужчины к женщине не есть нечто само собой разумеющееся — это проблема, которая нуждается в прояснении" (2c). Такое извращение, как, например, гомосексуальность, возникает поначалу как *вариант* сексуальной жизни: "Психоанализ решительно отказывается вычленять гомосексуалистов в отдельную группу, обладающую особыми признаками [...], и считает, что все люди способны выбрать, причем бессознательно, объект того же пола" (2c). Можно далее определить человеческую сексуальность как "извращенную" по самой своей сути, поскольку она никогда окончательно не отрывается от своих истоков, когда удовлетворение было связано не с особым видом поведения, но с "добавочным удовольствием" от поведения, направленного на удовлетворение других влечений (см.: Примыкание). Даже при обычном половом акте достаточно повышенного внимания к предварительному удовольствию, чтобы соскользнуть в извращение (2e).

4) Все это так, но факт остается фактом, что Фрейд и другие психоаналитики говорят о "нормальной" сексуальности. Даже если полиморфно извращенная установка целиком определяет детскую сексуальность, даже если в психосексуальном развитии каждого индивида много извращений, даже если вершина этого развития — генитальная организация — не "сама собой разумеется" и зависит не столько от душевного и телесного склада, сколько от личностной истории, тем не менее само понятие развития предполагает существование нормы.

Значит ли все это, что Фрейд возвращается к нормативной концепции сексуальности, которую он поначалу так уверенно отвергал в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhand-

lungen zur Sexualtheorie, 1905) — только теперь уже на генетической основе? Не считает ли он в конечном счете извращениями то, что всегда и считалось таковыми?

Прежде всего отметим, что норма — если она вообще существует у Фрейда — определяется вовсе не социальными установлениями, подобно тому как извращение не сводится к отклонению от основной тенденции социальной группы: гомосексуальность становится анормальной не потому, что ее осуждают, она не перестает быть извращением даже в тех обществах или социальных группах, где она широко распространена и считается допустимой.

Можно ли тогда сказать, что норма возникает одновременно с закреплением генитальной организации, способной отныне объединить сексуальность в нечто целостное и подчинить половому акту частичные формы сексуальной активности, которые выступают теперь лишь как подготовительные? Эта мысль ясно проведена в "Трех очерках", и Фрейд держался за нее даже тогда, когда открытие целого ряда догенитальных "организаций"* уменьшило разрыв между детской и взрослой сексуальностью: фактически "...[сексуальная] организация в ее окончательной форме складывается лишь на генитальной стадии" (3,α).

В любом случае уместен вопрос о том, что именно делает генитальную организацию нормой и объединяющим фактором в противоположность любым "частичным" влечениям? Многочисленные извращения, такие, как фетишизм, большинство форм гомосексуальности и даже инцест, фактически предполагают ведущее положение генитальной области. Не означает ли это, что норму нужно искать не в функционировании гениталий, а где-то еще? Напомним, что переход к завершенной генитальной организации, по Фрейду, свидетельствует о преодолении Эдипова комплекса, о принятии комплекса кастрации и вступлении в силу запрета инцеста. Впрочем, последние работы Фрейда об извращении показывают, что фетишизм связан с "отказом" от кастрации.

5) В своем известном высказывании Фрейд одновременно и связывает, и противопоставляет невроз и извращение: "Неврозы — это оборотная сторона извращений" (2g). Это высказывание часто приводится в прямо противоположной форме (извращение — это оборотная сторона невроза), что превращает перверсию в грубое, невытесненное проявление детской сексуальности. Однако исследования извращений у Фрейда и других психоаналитиков показывают, что речь идет о расстройствах, тончайшим образом дифференцированных. Фрейд часто противопоставляет их неврозам на том основании, что при извращениях не работает механизм вытеснения, всячески стремясь, однако, доказать, что здесь вступают в действие другие способы защиты. В его последних работах, особенно посвященных фетишизму (3b,4), внимание обращено на

сложную структуру защит: отказ* от реальности, расщепление* (Spaltung) *Я* и др.; эти механизмы весьма сходны с психотическими.

α [...].

(1) Cf. Bardenat (Ch.). Статья Perversions. In: Manuel alphabétique de psychiatrie, Porot (A.)., Paris, P.U.F., 1960.

(2) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) G.W., V, 33; S.E., VII, 135; франц., 17. — b) G.W., V, 71; S.E., VII, 171; франц., 61. — c) G.W., V, 44. n. 1; S.E., VII, 144, n.1; франц., 13. — d) G.W., V, 44, n.1; S.E., VII. 144. n.1; франц., 13. — e) Cf. G.W., V, 113—114; S.E., VII, 211—212; франц., 118—119. — f) G.W., V. 65 и 132; S.E., VII, 165 и 231; франц., 54 и 145.

(3) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 77; S.E., XXIII. 155; франц., 16. — b) Cf. G.W., XVII, 133—135; S.E., XXIII, 202—204; франц., 78—81.

(4) Freud (S.). Die Ichspaltung im Abwehrvorgang, 1938. G.W., XVII, 59—62; S.E., XXIII, 275—278.

ИЗМЕНЕНИЕ *Я*

Нем.: Ichveränderung. — Англ.: alteration of the ego. — Франц.: altération du moi. — Исп.: alteración del yo. — Итал.: modificazione dell'io. — Португ.: alteração do ego.

◘ Совокупность архаических ограничений и установок, сложившихся у *Я* на различных этапах развития защитного конфликта и оказывающих отрицательное воздействие на его способность к адаптации.

◘ Само выражение "изменение *Я*" встречается у Фрейда в самом начале и в самом конце его творческой деятельности — в двух весьма различных контекстах.

В "Дальнейших замечаниях о психоневрозе защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896) Фрейд говорил о паранойе, отличая бред как возврат вытесненного от вторичного (или истолковательского) бреда, называемого также "комбинаторным" или "ассимиляционным" бредом. Появление такого бреда свидетельствует о стремлении *Я* приспособиться к бредовой идее: итоговое бредовое состояние у параноика — это результат его попыток ослабить напряжение между первоначальной бредовой идеей и логическим функционированием мысли.

В "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und die unendliche Analyse, 1937) Фрейд подвергает последовательному рассмотрению "...то, что столь неопределенно называется "изменением *Я*"" (1a). Вслед за Анной Фрейд, опубликовавшей незадолго до того работу о механизмах защиты (1936), Фрейд показал, как эти механизмы, поначалу возникшие с целью отражения определенных внутренних опасностей, могут в итоге "фиксироваться в *Я*", стать "...устойчивыми реактивными проявлениями характера", которые вновь и вновь обнаруживаются в течение всей жизни субъекта, выступая — после исчезновения первоначальной угрозы (1b) —

как некие анахронические образования. Укоренение подобных защитных привычек приводит к разного рода "искажениям" (Verrenkungen) и "ограничениям" (Einschränkungen). В ходе терапевтической работы они приобретают особую живость и выступают как сопротивление против выявления сопротивлений.

Изменения *Я* напоминают цепочку поступков, которые, как это показали этологи применительно к инстинктивному поведению, могут совершаться как бы "в пустоте", т. е. при искусственном построении ситуаций, оправдывающих подобное поведение: *Я* "...вынуждено искать в реальности такие ситуации, которые могли бы заменить первоначальную ситуацию опасности" (1с). И здесь Фрейд, видимо, подразумевает нечто отличное от прямого воздействия защитного конфликта на *Я* (сам симптом может рассматриваться как изменение *Я*, как чужеродное тело, вторгшееся в *Я;* таким образом и реактивное образование служит изменению *Я*).

Но не один этот момент объединяет эти два текста, где Фрейд говорит об изменениях *Я*. В обоих этих случаях изменение *Я* рассматривается как нечто вторичное, не связанное прямо с конфликтом и со всем тем, что называется бессознательным. И в этом смысле изменение *Я* представляет особую сложность для лечения, поскольку прояснение конфликта слабо связано с необратимо записанными в *Я* модификациями: их можно сопоставить разве что с "поражением тканей организма" (2). Кроме того, ссылка на психоз, занимающая центральное место в первом тексте, присутствует также и во втором: *Я* любого человеческого существа "...в тех или иных своих моментах и в большей или меньшей мере близко к *Я* психотика" (1d).

(1) Freud (S.). a) G.W., XVI, 80; S.E. XXIII, 235; франц., 21. — b) G.W., XVI, 83; S.E. XXIII, 237; франц., 24. — c) G.W. XVI, 83; S.E. XXIII, 238; франц., 24. — d) G.W., XVI, 80; S.E. XXIII, 238; франц., 21.

(2) Cp. Nacht (S.). Causes et méchanismes des déformations névrotiques du moi, 1958. In: R.F.P., 2, 199—200.

ИЗОЛЯЦИЯ

Нем.: Isolieren или Isolierung. — Франц.: isolation. — Англ.: isolation. — Исп.: aislamiento. — Итал.: isolamento. — Португ.: isolamento.

● Механизм защиты, распространенный при неврозе навязчивости: изоляция какой-то мысли или поступка, разрыв их связей с другими мыслями или другими сторонами жизни субъекта. Среди приемов изоляции — остановки в процессе мышления, использование формул и ритуалов и — шире — вся совокупность приемов, позволяющих прервать временную последовательность мыслей или действий.

▫ Наиболее ясное описание изоляции мы находим у Фрейда в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) (1a), где она предстает как особый механизм, действующий при неврозе навязчивых состояний.

Некоторые больные защищаются от мысли, впечатления, действия, изолируя, выделяя их из контекста посредством паузы, во время которой "...ничего не должно происходить; во время которой они должны отказаться от восприятия, действия" (1b). Эту технику Фрейд считает магической; он связывает ее с обычной процедурой сосредоточения, при которой субъект запрещает своей мысли отвлекаться от объекта, находящегося в данный момент в центре его внимания.

Изоляция проявляется в навязчивых симптомах различного рода, прежде всего в процессе психоаналитического лечения, где роль свободных ассоциаций, направленных против изоляции, как раз в том и заключается, чтобы сделать ее заметной (есть люди, которые решительно отрывают психоанализ от жизни, отдельную связь мыслей — от психоаналитического сеанса в целом, отдельное представление — от его идейно-аффективного контекста и пр.).

В конечном счете Фрейд определяет тенденцию к изоляции как архаический способ защиты от влечения: "...телесный контакт служит непосредственной целью энергетической нагрузки объекта — как агрессивной, так и любовной" (1c).

С этой точки зрения, изоляция выступает как "...устранение самой возможности контакта, как запрет на прикосновение к данному предмету; подобно этому, когда невротик изолирует впечатление или действие, отделяя его паузой, он символически дает понять, что не допустит, чтобы относящиеся к нему мысли вступали в ассоциации с другими мыслями" (1d).

В этом отрывке из работы "Торможение, симптом, страх" изоляция, заметим, не сводится к определенному типу симптомов, но имеет более общее значение. Она сопоставима с вытеснением у истерика: травматический опыт, если он не вытеснен в бессознательное целиком, "..лишен аффекта, а его ассоциативные связи подавлены (unterdruckt) или порваны, так что он остается в изоляции и не включается в обычный мыслительный процесс" (1a). Процесс изоляции, наблюдающийся в симптомах невроза навязчивых состояний, лишь воспроизводит и усиливает эту внутреннюю расколотость.

Понятие изоляции в широком смысле присутствует уже в самых первых размышлениях Фрейда о защитных действиях как таковых. Так, в "Психоневрозах защиты" (Die Abwehrneurosen, 1894) защита при истерии, а также при фобиях и навязчивых состояниях рассматривается как вид изоляции: "... защита требует отделения мучительного представления от связанного с ним аффекта; что же

касается представления, то оно, в ослабленном и изолированном виде, продолжает оставаться в сознании" (2).

*

Иногда, к сожалению, понятие изоляции понимается в психоаналитическом языке довольно расплывчато.

Некоторые авторы путают изоляцию с теми процессами, которые связаны с ней или порождают ее, — смещением, нейтрализацией аффекта, или, иначе, психотической диссоциацией.

Иногда говорят об изоляции симптома у субъектов, которые переживают и представляют свои симптомы как нечто оторванное от окружения, чуждое. Речь здесь идет об особом способе бытия, который не обязательно опирается на механизм навязчивой изоляции. Отметим, что локализация конфликтов — это общее свойство симптомов, так что любой симптом может оказаться изолированным от жизни субъекта в целом.

С нашей точки зрения, имело бы смысл называть изоляцией лишь особый процесс защиты, который начинается с проявлений навязчивости и приводит к выработке последовательной, внутренне согласованной установки на разрыв ассоциативных связей мысли и действия, в особенности, с тем, что непосредственно предшествует или следует за ними во времени.

(1) Freud (S). a) G.W., XIV, 150—152; S.E., XX, 120—122; франц., 43—45. — b) G.W., XIV, 150; S.E., XX, 120; франц., 43. — c) G.W., XIV, 152; S.E., XX, 122; франц., 44. — d) G.W., XIV, 152; S.E., XX, 122; франц., 45. — e) G.W., XIV, 150; S.E., XX, 120; франц., 43.

(2) Freud (S.). G.W., I, 72; S.E., III, 58.

ИМАГО

Одно и то же латинское слово imago используется в различных языках.

● Бессознательный прообраз, избирательно направляющий восприятие одним субъектом другого; он вырабатывается на основе первых межличностных отношений (реальных или фантазматических) с семейным окружением.

■ Понятие "имаго" принадлежит Юнгу ("Метаморфозы и символы либидо" [Wandlungen und Symbole der Libido, 1911]), описавшего материнское, отцовское, братское имаго.

Имаго и комплекс — это сходные понятия; оба они относятся к одной и той же области: отношениям ребенка к его семейному и

социальному окружению. Однако понятие "комплекс" обозначает воздействие на субъект межличностной ситуации в целом; понятие "имаго" обозначает сохранение в воображаемом того или иного участника этой ситуации.

Часто имаго определяют как "бессознательное представление"; однако это не столько образ, сколько выработанная воображением схема, устойчивый стереотип восприятия субъектом другого человека. Таким образом, имаго может объективироваться не только в образах, но также и в чувствах и поступках. Кроме того, имаго не следует понимать как отображение реальности, хотя бы и искаженное; так, за имаго сурового отца вполне может стоять в действительности человек мягкого характера.

ИМПУЛЬС ВЛЕЧЕНИЯ

Нем.: Triebregung. — Франц.: motion pulsionnelle. — Англ.: instinctual impulse. — Исп.: impulso instintua. — Итал.: moto pulsionale или istintivo. — Португ.: moção impulsora или pulsional.

● У Фрейда — обозначение динамики влечения, или, иначе, влечения, проявляющегося через определенное внутреннее побуждение.

■ Понятие Triebregung впервые появляется во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915), однако сама эта мысль для Фрейда уже не была новой. Так, в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) он говорит об эндогенных возбуждениях (endogene Reize) именно в этой связи.

Между Triebregung и Trieb (влечение) почти нет разницы, и Фрейд часто употребляет эти термины как равнозначные. На основе всех имеющих отношение к делу текстов можно, однако, установить различие между ними: импульс влечения — это влечение в действии или влечение, взятое в тот момент, когда какое-то органическое изменение побуждает его к действию.

Импульс влечения располагается, по Фрейду, на том же самом уровне, что и влечение; если влечение осмысляется как нечто имеющее биологическое измерение и, следовательно, лежащее глубже разграничения между сознанием и бессознательным, то и об импульсе влечения можно сказать то же самое: "Когда мы [...] говорим о бессознательном или вытесненном импульсе влечения, не нужно пугаться неопределенности этих выражений. Мы имеем в виду лишь такой импульс влечения, при котором представление как репрезентатор влечения остается бессознательным, и ничего более" (1).

Помимо Triebregung Фрейд использует слово Regung и в других

составных словах, подразумевающих внутреннее движение, например Wunschregung (импульс влечения), Affektregung (импульс аффекта).

(1) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 276; S.E., XIV, 177; франц., 112.

ИНКОРПОРИРОВАНИЕ, ПОГЛОЩЕНИЕ

Нем.: Einverleibung. — Франц.: incorporation. — Англ.: incorporation. — Исп.: incorporación. — Итал.: incorporazione. — Португ.: incorporação.

● Процесс, посредством которого субъект в своих фантазиях поглощает объект и сохраняет его в себе. Поглощение есть основное объектное отношение и цель влечений на оральной стадии; будучи связано главным образом с полостью рта и пищеварительным трактом, оно может происходить также в других эрогенных областях и связываться с другими функциями. Это телесный прообраз интроекции* и самоотождествления*.

■ Фрейд вводит понятие инкорпорации в период разработки понятия оральной стадии (1915); это смещает внимание на отношение к объекту, тогда как поначалу, в первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), он описывал оральную активность лишь с точки зрения удовольствия от сосания.

В процессе инкорпорации соединяется сразу несколько целей влечения. В 1915 г. Фрейд в своей теории влечений противопоставлял сексуальные влечения влечениям *Я* и влечениям к самосохранению, подчеркивая взаимосвязь между двумя видами активности: сексуальной и пищевой. В последней фрейдовской теории влечений, основанной на противоложности влечений к жизни и влечений к смерти, подчеркнуто прежде всего единство либидо и агрессивности: " На стадии оральной организации либидо любовная власть над объектом совпадает с уничтожением объекта" (2). Эта мысль была в дальнейшем развита Абрахамом и М. Кляйн (см.: Стадия орально-садическая).

Фактически в понятии инкорпорации присутствует три смысловых момента: удовольствие от приятия объекта вовнутрь; разрушение объекта; присвоение качеств объекта при удержании его внутри себя. Именно этот последний момент превращает поглощение в прообраз интроекции и (само)отождествления.

Инкорпорация не ограничивается ни оральной активностью, ни оральной стадией, хотя оральность выступает как прообраз любого поглощения. Однако другие эрогенные зоны и другие функции

также могут быть ему опорой (впитывание через кожу, дыхание, зрение, слух). Возможно также поглощение через задний проход (когда ректальная полость уподобляется рту) и генитальное поглощение — в фантазме удерживания пениса внутри тела.

Абрахам, а вслед за ним и М.Кляйн, отмечали, что процессы поглощения или каннибализма* тоже могут быть частичными и тем самым иметь отношение к частичным объектам*.

(1) Cf. Freud (S.). Раздел 6, добавленный в 1915 г. G.W., V, 98; S.E., VII, 197; франц., 95.

(2) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 58; S.E., XVIII, 54.; франц., 62.

ИННЕРВАЦИЯ

Нем.: Innervation. — Франц.: innervation. — Англ.: innervation. — Исп.: inervación. — Итал.: innervazione. — Португ.: inervação.

● В ранних работах Фрейда — термин, обозначающий тот факт, что энергия способна передаваться той или иной части тела, порождая в ней моторные явления и ощущения.

Иннервация как физиологический феномен может возникать при обращении психической энергии в нервную энергию.

■ Понятие иннервации может вызвать у читателя Фрейда трудности. В наши дни оно, как правило, обозначает анатомический факт: путь нерва к какому-то органу. Однако Фрейд понимал под иннервацией физиологический процесс передачи энергии, чаще всего эфферентной, по всей длине нерва. Ср. его высказывание по поводу истерии: "...аффект, оторванный от представления, вызывает телесную иннервацию, а тем самым преобразование, конверсию возбуждения" (1).

(1) Freud (S.) и Breuer (J.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 288; S.E., II, 285; франц., 230.

ИНСТАНЦИЯ

Нем.: Instanz. — Франц.: instance. — Англ.: agency. — Исп.: instancia. — Итал.: istancia. — Португ.: instância.

● В рамках фрейдовской топики и динамики — та или иная подструктура психического аппарата. Например, инстанция цензуры (в первой топике), инстанция *Сверх-Я* (во второй топике).

■ При изложении своей концепции психического аппарата* Фрейд чаще всего называет его части или структуры "системами" или "инстанциями". Реже встречаются такие слова, как "организация" (Organisation), "образование" (Bildung), "область" (Provinz).

Первым было введено понятие *системы* (1); Фрейд имел в виду прежде всего психическую топику*, понимаемую как последовательный ряд устройств, через которые проходит возбуждение, подобно тому как свет проходит через различные "системы" в оптическом аппарате. Понятие инстанции было введено в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) как синоним системы (2a). Это понятие Фрейд употреблял и в последних своих работах (3).

Хотя эти понятия часто используются взаимозаменяемо, следует отметить, что "система" относится прежде всего к топике, а "инстанция" — и к топике, и к динамике. Например, когда Фрейд говорит о мнесических системах (2b), о системе восприятие — сознание, он не называет их инстанциями. Напротив, он часто говорит об инстанциях *Сверх-Я* и цензуры, которые осуществляют позитивное воздействие, а не просто являются проводниками возбуждения; в этом смысле *Сверх-Я* выступает как наследник "родительской инстанции" (4). Впрочем, само понятие инстанции было введено Фрейдом в "Толковании сновидений" по аналогии с судебной инстанцией или инстанцией власти, которые судят о том, что допустимо, а что недопустимо (2c).

В попытках сохранить эти тонкие концептуальные различия следует иметь в виду, что понятие системы лучше соответствует духу первой фрейдовской топики, а понятие инстанции — второй концепции психического аппарата — одновременно и динамической, и структуральной.

(1) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 373—466; англ., 348—445; франц., 307—396.

(2) Cf. Freud (S.). a) G.W., II—III, 542; S.E., V, 536—537; франц., 441. — b) G.W., II—III, 544; S.E., V, 539.; франц., 443. — c) G.W., II—III, 147—150; S.E., IV, 141—145; франц., 109—111.

(3) Ср., например: Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 67, 83; S.E., XXIII, 145, 161; франц., 3, 24.

(4) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 68, 70; S.E., XXII, 62—64; франц., 88—91.

ИНСТИНКТ

Нем.: Instinkt. — Франц.: instinct. — Англ.: instinct. — Исп.: instinto. — Итал.: istinto. — Португ.: instinto.

● **А) В общераспространенном смысле слова — унаследованная**

схема поведения, присущая определенному виду животных; она почти не меняется от индивида к индивиду, постепенно развертывается во времени, устойчива к потрясениям и как бы подчинена заранее заданной цели.

Б) Термин, который используется некоторыми психоаналитиками для перевода фрейдовского Trieb, хотя при более последовательном употреблении терминов ему соответствовало бы скорее французское слово pulsion (влечение*).

■ Фрейдовская концепция влечения (Trieb) как побуждающей силы, не предопределяющей жестко ни форму поведения, ни тип объекта, приносящего удовлетворение, отлична от теорий инстинкта, как традиционных, так и современных, опирающихся на новейшие исследования (ср. понятие паттерна, или схемы поведения, внутренних механизмов "запуска" поведения, особых стимулов-сигналов и пр.). Значение понятия "инстинкт" весьма отлично от фрейдовского понятия "влечения".

Впрочем, Фрейд нередко употреблял термин Instinkt и в традиционном смысле (см. определение А), говоря о "животном инстинкте", об "инстинктивном осознании опасности" (1) и пр.

Более того, задумываясь о том, "...существуют ли в человеке унаследованные психические образования, подобные инстинкту у животных" (2), Фрейд усматривал аналог инстинктам вовсе не во влечениях, а в "унаследованных филогенетических схемах" (3), представленных первофантазмами (например, первосцена, кастрация) (см.: Первофантазии, первофантазмы).

Как мы видим, Фрейд использовал два различных термина, даже если их противопоставление и не играло четко определенной роли в его теории. В психоаналитической литературе это терминологическое противопоставление соблюдалось далеко не всегда. Выбор термина instinct в качестве английского и французского эквивалента для немецкого Trieb — это не рядовая переводческая неточность: он порождает путаницу между фрейдовской теорией влечений и психологическими концепциями инстинкта у животных, а тем самым приводит к утрате оригинального момента фрейдовской концепции, связанного с утверждением относительной неопределенности побуждающей силы, случайности объекта*, а также изменчивости целей* влечения.

(1) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 201; S.E., XX, 168; франц., 97—98.

(2) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 294; S.E., XIV, 195; франц., 144.

(3) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 156; S.E., XVII, 120—121; франц., 419—420.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ

Нем.: Intellektualisierung. — Франц.: intellectualisation. — Англ.: intellectualization. — Исп.: intelectualisación. — Итал.: intellettualizzazione. — Португ.: intelectualização.

● Процесс, посредством которого субъект стремится выразить в дискурсивном виде свои конфликты и эмоции, чтобы овладеть ими.

Этот термин чаще всего употребляется в отрицательном смысле: он обозначает главным образом преобладание в психоаналитическом курсе абстрактного умствования над переживанием и признанием аффектов и фантазий.

■ Термин "интеллектуализация" у Фрейда не встречается, а в психоаналитической литературе в целом это понятие не получило сколько-нибудь существенного теоретического развития. Одна из наиболее ясных его трактовок принадлежит Анне Фрейд; она трактовала интеллектуализацию у подростка как защитный механизм, доводящий до крайности тот нормальный процесс, в ходе которого *Я* стремится "овладеть влечениями, связывая их с теми или иными мыслями и сознательно играя ими..."; по Анне Фрейд, интеллектуализация — это "... одно из наиболее всеобщих, древних и необходимых достижений человеческого *Я* " (1).

Этот термин чаще всего обозначает сопротивление процессу лечения. Это сопротивление может быть более или менее явным, но всегда оказывается способом уклониться от выполнения основного правила.

Так, один пациент излагает свои проблемы лишь в общих рациональных категориях (например, столкнувшись с выбором в любви, он принимается рассуждать о сравнительных достоинствах брака и свободной любви). Другой пациент, толкуя о своей истории, характере, конфликтах, сразу же представляет их в виде связной конструкции, иногда даже выраженной в языке психоанализа (например, он уходит в разговоры о "сопротивлении властям" вместо обсуждения своих отношений с отцом). Наиболее тонкая форма интеллектуализации сходна с процессами, описанными К.Абрахамом в 1919 г. в работе "Об особой форме невротического сопротивления психоаналитической методике" (Über eine besondere Form des neurotischen Widerstandes gegen die psychoanalytische Methodik). Так, некоторые пациенты "хорошо работают" во время психоанализа: следуя основному правилу, они рассказывают о своих воспоминаниях, снах и даже эмоциональных переживаниях. Однако при этом возникает впечатление, будто все происходит по заранее заготовленной программе: они стремятся быть образцовыми пациентами и строят истолкования самостоятельно, избегая тем

самым любого вторжения в собственное бессознательное, любого вмешательства психоаналитика, воспринимаемого как угроза извне.

Термин "интеллектуализация" требует следующих пояснений:

1) судя по нашему последнему примеру, не всегда легко отделить сопротивление от необходимого и плодотворного этапа, связанного с поиском формы выражения и принятием уже сделанных открытий, уже предложенных истолкований (см.: Проработка).

2) Термин "интеллектуализация" соотнесен со взятым из психологии "способностей" противопоставлением между интеллектуальным и аффективным. Отказ от интеллектуализации может привести к преувеличению роли "аффективных переживаний" в психоанализе, к путанице между психоаналитическим и катартическим методом. Фенихель показывает четкую противоположность этих двух способов сопротивления: "В одном случае пациент всегда разумен и отказывается иметь дело с особой логикой эмоций; [...] в другом случае пациент непрестанно погружается в смутный мир эмоций, не будучи в состоянии от них освободиться [...]" (2).

*

Интеллектуализацию можно сопоставить с другими механизмами, описанными в психоанализе, и прежде всего с рационализацией*. Одна из главных целей интеллектуализации — отстранение от аффектов, их нейтрализация. Рационализация предполагает иное — она не требует избегать аффектов, но приписывает им скорее "вероятностные", нежели истинные, побуждения, дает им рациональные или идеальные обоснования (например, садистское поведение во время войны может обосновываться ситуацией борьбы, любовью к родине и пр.).

(1) Freud (A.). Das Ich und die Abwehrmechanismen, Imago Publishing, London, 1936. Нем., 127; франц., Paris, P.U.F., 147.

(2) Fenichel (C.). The psychoanalytic Theory of Neurosis, Norton, N. Y., 1945. Англ., 28; франц., Paris, P.U.F., 32.

ИНТЕРЕС или Я-ИНТЕРЕС

Нем.: Interesse, Ichinteresse. — Франц.: intérêt, intérêt du moi. — Англ.: interest, ego interest. — Исп.: interés (del yo). — Итал.: interesse (dell' io). — Португ.: interêsse (do ego).

● В рамках первого дуализма влечений у Фрейда термин, обозначающий энергию влечений к самосохранению в противоположность либидо или энергии сексуальных влечений.

■ Этот особый смысл слова "интерес" выявляется во фрейдовских работах 1911—1914 гг. Как известно, либидо* — это энергетическая нагрузка сексуальных влечений; параллельно ей существует, по Фрейду, также энергетическая нагрузка влечений к самосохранению.

В некоторых случаях слово "интерес" — в широком смысле, близком к обыденному, — охватывает оба эти вида энергетической нагрузки. Так, параноик устраняет "... не только либидинальную нагрузку, но и вообще какой-либо собственный интерес, а тем самым и нагрузки, порождаемые *Я*" (1). В противоположность мнению Юнга (α), который не видит смысла в различении либидо и "психического интереса как такового", Фрейд всячески подчеркивал значение этой оппозиции, называя "интересом" лишь такие нагрузки, которые связаны с влечениями к самосохранению и с влечениями *Я* (2) (см.: Эгоизм).

Пример такого своеобразного использования этого понятия читатель найдет в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1917) (3).

α) Согласно Юнгу, понятие "интерес" было введено Клапаредом как синоним понятия либидо (4).

(1) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia, 1911. G.W., VIII, 307, n.3; S.E., XII, 70, n.2; франц., 314, n. 3.

(2) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 145—147; S.E., XIV, 79—81.

(3) Cf. Freud (S.). G.W., XI, 430. S.E., XIV, 414; франц., 444.

(4) Jung (C.G.). Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie. Jahrbuch psa. Forsch., V, 1913, pp. 337 sqq.

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ

Нем.: Verinnerlichung. — Франц.: intériorisation. — Англ.: internalization. — Исп.: interiorisación. — Итал.: interiorizzazione. — Португ.: interiorização.

● А) Термин, обычно используемый как синоним интроекции*.

Б) В более узком смысле слова — процесс, посредством которого межличностные отношения преобразуются во внутриличностные (интериоризация конфликта, запрета и пр.).

■ Это понятие часто используется в психоанализе. Обычно (ср. у последователей М. Кляйн) оно осмысляется в духе понятия интроекции, т. е. фантазматического перехода от *объекта* — "хорошего" или "плохого", цельного или частичного — внутрь субъекта.

В более узком смысле говорят об интериоризации применительно к *отношениям*: когда, например, властные отношения между отцом и ребенком трактуются как интериоризация отношений

Сверх-Я к *Я*. Этот процесс предполагает структурное расчленение психики, позволяющее переживать эти отношения и конфликты на внутрипсихическом уровне. Интериоризация, таким образом, соотносима с фрейдовскими топиками, особенно со второй теорией психического аппарата.

С целью терминологической точности мы различаем в нашем определении смысл А и смысл Б. На самом же деле они тесно связаны: можно, например, сказать, что в период угасания Эдипова комплекса субъект интроецирует отцовское имаго и интериоризирует конфликт с отцом, связанный с борьбой за власть.

ИНТРОВЕРСИЯ

Нем.: Introversion. — Франц.: introversion. — Англ.: introversion. — Исп.: introversión. — Итал.: introversione. — Португ.: introversão.

● Термин введен Юнгом и в общем означает отрешение либидо от внешних объектов и обращение его на внутренний мир субъекта.

■ Понятие интроверсии впервые появляется у Юнга в 1910 г. в работе "О конфликтах детской души" (Über Konflikte der kindlichen Seele). Мы находим его и в последующих текстах, особенно в "Метаморфозах и символах либидо" (Wandlungen und Symbole der Libido, 1913). Впоследствии это понятие вошло в моду в постюнгианских типологиях (противопоставление интровертивного и экстравертивного типа).

Фрейд пользовался понятием интроверсии, но возражал против его расширенного употребления.

Для Фрейда интроверсия — это изъятие либидо из воображаемых объектов или фантазмов; в этом смысле интроверсия — это момент формирования невротических симптомов, следующий за фрустрацией и способный привести к регрессии. Либидо "...отклоняется от реальности, потерявшей для индивида значение из-за постоянной фрустрации, и поворачивается к жизни воображения, где оно создает новые структуры желания и одушевляет следы прежних, забытых структур" (1).

В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд критиковал то (с его точки зрения, слишком широкое) использование термина "интроверсия", которое привело Юнга к пониманию психоза как невроза интроверсии. Фрейд противопоставлял понятие (вторичного) нарциссизма или переноса либидо на *Я* понятию интроверсии как переносу либидо на фантазмы и трактовал психоз как нарциссический невроз*.

(1) Freud (S.). Über neurotische Erkrankungstypen (1912). G.W., VIII, 323—324; S.E., XII, 232.

ИНТРОЕКЦИЯ

Нем.: Introjektion. — Франц.: introjection. — Англ.: introjection. — Исп.: introyección. — Итал.: introezione. — Португ.: introjeção.

● Процесс, выявляемый в ходе психоаналитического исследования: субъект в процессе фантазирования переходит "извне" "внутрь" объектов и качеств, присущих этим объектам.

Интроекция близка поглощению, инкорпорации, как своему телесному прообразу, однако в отличие от инкорпорации она не всегда соблюдает телесные границы субъекта (интроекция в *Я*, в идеальное *Я* и т.д.).

Интроекция связана с (само)отождествлением.

■ Термин "интроекция" был введен Ш. Ференци по контрасту с "проекцией". В "Интроекции и трансфере" (Introjektion und Übertragung, 1909) он писал: "Если параноик выносит неприятные побуждения за пределы своего *Я*, то невротик, напротив, включает в *Я* как можно большую часть внешнего мира, превращая его в объект бессознательного фантазирования. По контрасту с проекцией этот процесс можно назвать интроекцией" (1a). Из этой статьи, однако, нелегко извлечь строгое определение понятия интроекции, так как Ференци понимает его в широком смысле — как "страсть к трансферу", приводящую невротика к "ослаблению его свободно парящих аффектов путем расширения круга интересов" (1b). Он называет интроекцией тип поведения (главным образом у истериков), который вполне можно было бы назвать и проекцией.

Фрейд использует понятие интроекции, четко противопоставляя его проекции. Наиболее ясен в этом смысле текст "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915), где рассматривается происхождение противопоставления субъекта (*Я*) объекту (внешнему миру) в связи с противопоставлением удовольствия неудовольствию: "*Я*-удовольствие в чистом виде строится посредством интроекции всего того, что порождает удовольствие, и проекции вовне всего того, что приносит неудовольствие" (см.: *Я*-удовольствие, *Я*-реальность). Это противопоставление мы находим в "Отрицании" (Die Verneinung, 1925): "... изначальное *Я*-удовольствие стремится... интроецировать все хорошее и исторгнуть из себя все дурное" (2a).

Интроекция связана с оральной инкорпорацией. Эти два термина часто использовались Фрейдом и другими авторами как синонимичные. Фрейд считал, что противопоставление интроекция — проекция поначалу возникло на оральном уровне и лишь позднее приобрело более общее значение. Этот процесс "...находит свое

выражение на уровне самых древних оральных влечений: я хочу это съесть или я хочу это выплюнуть, или в более обобщенной форме: я хочу ввести в себя одно и исторгнуть из себя — другое" (2b).

Необходимо сохранить различие между поглощением и интроекцией, подразумеваемое в приведенном отрывке. В психоанализе прообраз всякого разграничения между внутренним и внешним — это граница тела; именно с этой телесной оболочкой явным образом связан процесс инкорпорации. Понятие интроекции имеет более широкий смысл: речь идет не только о том, что находится внутри тела, но и о том, что находится внутри психического аппарата, инстанции и пр. Именно в этом смысле можно говорить об интроекции *Я*, об *Идеал-Я* и пр.

Интроекция была впервые обнаружена Фрейдом при изучении меланхолии (3), а затем приобрела более общий смысл (4). Это понятие приводит к обновлению фрейдовской теории (само)отождествления*.

Сохраняя след своего телесного прообраза, интроекция выражается в фантазировании по поводу объектов, как частичных, так и цельных. Кроме того, это понятие играет важную роль у таких авторов, как Абрахам и особенно М.Кляйн, которые стремились описать фантазматические переходы между "хорошими" и "плохими" объектами (интроекция, проекция, новая интроекция). Эти авторы имели в виду прежде всего интроецированные *объекты*; представляется, что это понятие и в самом деле следует употреблять лишь в тех случаях, когда речь идет об объектах или их качествах. В строгом смысле слова нельзя говорить, как иногда случалось Фрейду, об "интроекции агрессивности" (3); в подобных случаях более уместно выражение "обращение на себя"*.

(1) Ferenczi (S.). In: First Contr., 1909. — a) 40. — b) 43.

(2) Freud (S.). a) G.W., XIV, 13; S.E., XIX, 237; франц., 175. — b) G.W., XIV, 13; S.E., XIX, 237; франц., 175.

(3) Cf. Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1917. G.W., X, 42—46; S.E., XIV, 243—258; франц., 189—222.

(4) Cf. Abraham (K.). Versuch einer Entwincklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse Seelischer Störungen, 1924. Франц., II, 272 sqq.

(5) Cf. Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930. G.W., XIV, 482; S.E., XXI, 123; франц., 58.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Нем.: Wunscherfüllung. — Франц.: — accomplissement de désir. — Англ.: wish-fulfillment. — Исп.: realisación de deseo. — Итал.: appagamento di desiderio. — Португ.: realização de desejo.

◘ Психологическое образование, в котором желание предстает в воображении как осуществленное. Продукты бессознательного (сон,

симптом и особенно фантазирование) — это скрытые исполнения желаний.

■ Здесь не место развивать психоаналитическую теорию сновидений, однако стоит напомнить, что лежащая в основе этой теории мысль о том, что *сон есть исполнение желаний*, стала предвестницей фрейдовского открытия (α). В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung,1900) Фрейд стремился показать универсальную значимость этого высказывания и доказать его истинность даже применительно к тем случаям, которые, видимо, его опровергают (сны о тревоге, наказании и пр.). В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) проблема повторяющихся снов о несчастных случаях при травматическом неврозе заставила Фрейда пересмотреть роль сна как способа исполнения желания и придать сновидениям более фундаментальную роль (см.: Навязчивое повторение, Связывание).

Аналогия между сновидением и симптомом возникает у Фрейда с самого начала; он говорил о ней в работе 1895 г. (2a), а в "Толковании сновидений" уже вполне осознавал ее значение. Вот, например, строки, адресованные Флиссу: "Моя последняя идея остается в силе и, кажется, может иметь более широкое применение. Исполнениями желаний оказываются не только сновидения, но также истерические припадки. То, что верно в отношении истерических симптомов, сохраняет силу и для любых фактов, связанных с неврозом, что я давно уже установил (β) относительно острого бреда" (2b).

Заметим, что мысль о сне как исполнении желания Фрейд выражает в подчеркнуто субстантивной форме — посредством таких, например, речевых оборотов: "в скрытом содержании данного сновидения заключены два исполнения желаний" и пр. В результате само это выражение — "исполнение желаний" — приобретает дополнительный смысл: оно обозначает не только определенную функцию сновидения, но и его внутреннюю структуру, способность соединяться с другими структурами. В этом смысле "исполнение желаний" становится практически синонимом "фантазирования".

А это, в свою очередь, означает, что никакое бессознательное образование не может, строго говоря, быть выполнением *одного* желания, поскольку каждое желание — это уже результат конфликта и компромисса: "Истерический симптом возникает там, где два исполнения противоположных желаний, порождаемых различными психическими системами, сливаются в некое единство" (3).

*

Англо-саксонское выражение "wishful thinking", как и французское "prendre ses desirs pour des realités", имеют отношение к исполнению желаний в психоаналитическом смысле, однако отождествлять их было бы неправильно. Фактически, говоря о wishful thinking, мы ставим акцент на реальности, которую субъект отказывается признавать, либо упуская тем самым из виду условия успешного выполнения своего желания, либо строя искаженный образ реальности и пр. Говоря об исполнении желания, мы подразумеваем прежде всего его исполнение в фантазиях; как правило, измерение реальности здесь вовсе отсутствует (ср. сновидения). Кроме того, выражение "wishful thinking" относится скорее к стремлениям, проектам, желаниям, понимание которых не обязательно требует обращения к бессознательному.

α) Ср., например, в письме Флиссу от 12.6.1900: "Не думаешь ли ты, что и вправду наступит день, когда на доме появится мраморная табличка с надписью: "В этом доме 24 июля 1895 г. "д-ру Зигмунду Фрейду" открылась тайна сновидения?".

β) Фрейд имеет здесь в виду концепцию, представленную в "Психоневрозах защиты" (Die Abwehrneurosen, 1894).

(1) Cf.Freud (S.). G.W., XIII, 31 sq.; S.E., XVIII, 31 sq.; франц., 35 sq.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Cf. нем., 419—420; англ. 397—398; франц., 352. — b) нем., 295—296; англ., 277; франц., 246.

(3) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 575; S.E., V, 569; франц., 466.

ИСПУГ

Нем.: Schreck. — Франц.: effroi. — Англ.: fright. — Исп.: susto. — Итал.: spavento. — Португ.: susto или pavor.

○ Реакция на ситуацию опасности или на сильные внешние возбуждения, которые застигают субъекта врасплох, когда он не в состоянии защититься от них или овладеть ими.

□ В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд предлагает следующее определение: "Испуг (Schreck), страх (Furcht), тревога (Angst) — все эти понятия ошибочно считать синонимичными, поскольку их отношение к опасности совершенно различно. Слово "тревога" обозначает состояние, для которого характерны ожидание опасности и подготовка к ней, даже если эта опасность неизвестна. Слово "страх" предполагает наличие определенного объекта, вызывающего страх. Что же касается слова "испуг", то оно означает состояние человека, который

попадает в опасную ситуацию без подготовки, так что главное здесь — именно эта неожиданность" (1a).

Различие между испугом и тревогой связано с тем, что в первом случае субъект не готов к опасности, тогда как "в самом состоянии тревоги есть нечто такое, что защищает от испуга" (1b). Именно поэтому Фрейд считает испуг определяющим фактором травматического невроза, называемого в некоторых случаях даже неврозом испуга (Schreckneurose) (см.: Травма; Травматический невроз).

Неудивительно, что понятие испуга играет важную роль как раз в тот период, когда складывается концепция травматического невроза. Уже в самых ранних теоретических разработках Брейера и Фрейда аффект испуга выступает как фактор, парализующий психическую жизнь, мешающий отреагированию, но зато способствующий созданию "отдельной группы психических явлений" (2a, 2b). С 1895—1897 гг., когда Фрейд разрабатывал первую теорию травмы и сексуального вытеснения, понятие неподготовленности субъекта стало играть важную роль как применительно к "сцене соблазнения", предшествующей наступлению половой зрелости, так и при воспоминании об этой сцене (см.: Последействие, Соблазнение). "Сексуальный испуг" (Sexualschreck) — это свидетельство вторжения сексуальности в жизнь субъекта.

Пожалуй, можно сказать, что значение слова "испуг" у Фрейда почти не изменялось, хотя после "По ту сторону принципа удовольствия" оно стало встречаться реже. Понятия тревоги и испуга здесь по-прежнему разграничены, однако отныне линия разграничения проходит внутри понятия Angst — между "автоматическим" страхом и сигналом тревоги* в ситуации активного ожидания (Erwartung), которое уже само по себе предохраняет от страха в собственном смысле слова: "Страх как изначальный ответ на ситуацию травматической беспомощности вновь возникает в опасной ситуации в виде сигнала тревоги" (3).

(1) Freud (S.). a) G.W., XIII, 10; S.E., XVIII, 12—13; франц., 12. — b) G.W., XIII, 10; S.E., XVIII, 12—13; франц., 12.

(2) Cf. Breuer (J.). и Freud (S.). Studien uber Hysterie, 1895. — a) G.W., I, 89—90; S.E., II, II; франц., 7. — b) Нем., 192; S.E.,II, 219—220; франц., 176.

(3) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 199—200; S.E., XX, 166—167; франц., 96.

ИСПЫТАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Нем.: Realitätsprüfung. — Франц.: épreuve de réalité. — Англ.: reality-testing. — Исп.: prueba de realidad. — Итал.: esame di realtà. — Португ.: prova de realidade.

○ Процесс, который, по мнению Фрейда, позволяет субъекту отличать внешние стимулы от внутренних и не смешивать то, что субъект реально ощущает, с тем, что он только представляет себе (это смешение лежит в основе галлюцинации).

◘ Понятие Realitätsprüfung появляется у Фрейда лишь в 1911 г. в работе "О двух принципах функционирования психики" (Formulierung über die zwei Principien des psychischen Geschehens), однако связанная с ним проблема ставилась уже в самых ранних теоретических работах Фрейда.

Одна из главных предпосылок "Наброска" 1895 г. заключается в том, что поначалу психический аппарат не имеет критерия для различения между *представлением* — энергетически нагруженным образом объекта, приносящего удовлетворение (см.: Опыт удовлетворения), и *восприятием* этого объекта. Конечно, восприятие (порождаемое, по Фрейду, особой нейронной системой) непосредственно связано с объектами внешней реальности и удостоверяется особыми "знаками реальности"; однако такие указания на реальность вполне могут быть вызваны и нагрузкой яркого, доходящего до галлюцинаций воспоминания. Для того чтобы знак реальности (называемый также знаком качества) мог послужить здесь надежным критерием, нужно, чтобы сформировавшееся *Я* было способно затормозить процесс нагрузки воспоминания или образа.

Как мы видим, на этом этапе фрейдовской мысли речь идет не об "испытании" реальности представления, но о способе внутреннего функционирования психического аппарата. В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) проблема ставится сходным образом: галлюцинаторное выполнение желаний, особенно в снах, выступает как результат "регрессии", при которой система восприятия нагружается внутренними возбуждениями.

Более последовательную трактовку этого вопроса мы находим лишь в "Метапсихологическом дополнении к теории сновидений" (Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917):

1) как можно верить в реальность сна или галлюцинации? Ссылки на регрессию дают лишь частичное объяснение, да и то если при этом предположить, что происходит сверхнагрузка не только мнесических образов, но и всей системы восприятие — сознание.

2) Испытание реальности требует особого устройства (Einrichtung), позволяющего разграничивать внешние возбуждения, способные к моторной разрядке, и внутренние возбуждения, которые не могут быть устранены таким путем. Это устройство приспособлено к системе сознания, господствующего над двигательными механизмами; Фрейд считает его "одним из главных установлений *Я*" (1a,α).

3) Испытание реальности невозможно при галлюцинаторных расстройствах и сновидениях; полное или частичное отключение от реальности предполагает разгрузку системы Сз, отныне открытой внутренним нагрузкам. "Возбуждения [...], устремляющиеся вспять, находят свободный доступ в систему Сз, выступая в ней как неоспоримая реальность" (1b).

Возникает впечатление, что в этом тексте двояко трактуется то, что, собственно, позволяет разграничивать восприятия и внутренние представления. С одной стороны, это "экономический" подход, объясняющий разницу между сном и бодрствованием различием в распределении нагрузок между психическими системами. С другой стороны, это эмпиристский подход, требующий для разграничения между восприятием и представлением изучения двигательных функций.

В одной из последних своих работ, "Очерке психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938), Фрейд вновь обращается к этому вопросу. Испытание реальности предполагает "особое устройство"; оно становится необходимым с того момента, когда внутренние процессы начинают воздействовать на сознание иными путями, отличными от количественных переходов от удовольствия к неудовольствию (2a). "Поскольку мнесические следы, ассоциируясь с обрывками речи, могут достичь такой же степени осознания, как и восприятия, возникает возможность путаницы, приводящей к неузнаванию реальности. *Я* защищается от этого, вводя в действие устройство по *испытанию реальности*... (2b).

В этом тексте Фрейд стремился не только описать испытание реальности, но и выявить его raison d'être.

*

Понятие испытания реальности широко используется в психоаналитической литературе. Иногда кажется, будто его смысл определен однозначно, однако на самом же деле оно остается неясным и запутанным. Стоит выделить и разграничить различные возникающие в этой связи проблемы.

I. Если строго придерживаться фрейдовской концепции, то:

1) речь об испытании реальности обычно заходит в связи с разграничением между галлюцинацией и восприятием.

2) Однако было бы ошибочным полагать, будто испытание реальности позволяет субъекту отличать галлюцинацию от восприятия. Никакое "испытание реальности" не способно опровергнуть галлюцинацию или сновидение. А потому даже в тех случаях, когда испытание реальности теоретически возможно, оно оказывается изначально неосуществимым: так, при галлюцинациях

отделить субъективное от объективного посредством двигательной системы практически невозможно.

3) Таким образом, Фрейд должен был определить условия, препятствующие возникновению галлюцинаторного состояния, или, иначе говоря, переходу от какого-то яркого образа к вере в его реальность. Однако в этом случае речь не может идти об "испытании", т.е. о какой-то задаче, которую нужно выполнить за определенное время, на основе проб и ошибок. Фрейд искал объяснения в совокупности условий, относящихся к области метапсихологии, экономии и особенно топики.

II. Чтобы выйти из этого тупика, следует увидеть во фрейдовской картине галлюцинаторного удовлетворения у младенца не объяснение галлюцинаций в том виде, как они встречаются в клинической практике, но общую гипотезу о процессе возникновения и формирования *Я* через различные способы противопоставления *Я* и *Не-Я*.

Если вслед за Фрейдом попытаться в общем представить себе этот процесс построения *Я* (см.: *Я*-удовольствие, *Я*-реальность), в нем можно вычленить три этапа. На первом этапе доступ к реальному миру не представляет никаких трудностей: "*Я*-реальность с самого начала разграничивает внутреннее и внешнее, пользуясь надежным объективным критерием" (3). На этой ранней стадии уравнение восприятие—реальность (внешний мир) (2с) остается в силе. "Поначалу само наличие представления выступает как гарантия стоящей за ним реальности" (4а), тогда как внутренние ощущения удовольствия и неудовольствия позволяют *Я* судить о количественных перепадах энергии влечений.

На втором этапе *Я*-удовольствия главное противопоставление разделяет не субъективное и объективное, но приятное и неприятное, причем *Я* отождествляется со всем тем, что приносит удовольствие, а *не-Я* — со всем неприятным. Фрейд не соотносит явным образом этот этап с этапом галлюцинаторного удовлетворения, однако, по-видимому, у нас есть основания для такого соотнесения, поскольку *Я*-удовольствие не имеет критерия, позволяющего судить о том, связано ли удовлетворение с внешним объектом или не связано.

На третьем этапе, названном "*Я*-реальность в его окончательной форме", возникает разграничение между "представленным" и "воспринятым". Испытание реальности позволяет установить это разграничение, способствуя построению *Я*, отличающего себя от внешней реальности посредством того самого движения, которое создает его как внутреннюю реальность. Так, в "Отрицании" (Die Verneinung, 1925) Фрейд описывал испытание реальности как основу суждения о существовании (суждения, утверждающего или же отрицающего соотнесенность представления с реальностью). Оно становится необходимым в силу того, что "...мысль способна вызы-

вать в сознании представление о воспринятом ранее объекте, который может и не присутствовать во внешней реальности в данный момент" (4b).

III. В понятии испытания реальности смешиваются две совершенно различные функции. Одна из них, главная, заключается в том, чтобы разграничить представленное и воспринятое и тем самым установить различия между внутренним и внешним миром. Другая заключается в том, чтобы сравнить объективно воспринятое и представленное и в результате *исправить* возможные искажения в представлении. Фрейд называет обе эти функции "испытанием реальности" (4c). Именно поэтому испытанием реальности оказывается у него не только моторное действие, единственно способное установить различие между внешним и внутренним (1c), но также (например, в случае скорби) ситуация, при которой субъект, столкнувшись с утратой любимого объекта, пытается изменить свой личный мир, свои планы и желания, сообразуясь с этой реальной утратой.

Однако Фрейд нигде не поясняет это различие. В наши дни путаница в содержании понятия "испытание реальности" сохранилась или даже усилилась. В самом деле, в реальности можно видеть критерий испытания или оценки реалистичности желаний или фантазий субъекта. В конечном счете это приводит к постепенному устранению из психоаналитического лечения "нереальных" содержаний внутреннего мира субъекта. Однако это означало бы утрату одного из главных принципов психоанализа: "... нельзя прилагать к вытесненным психическим образованиям мерку реальности, ибо это приведет к недооценке значения фантазий при образовании симптомов на том основании, что они не соответствуют реальности, или же к попыткам вывести невротическое чувство вины из какого-то другого источника на том основании, что доказать совершение реального преступления невозможно" (5). Подобно этому, такие выражения, как "реальность мысли" (Denkrealität), "психическая реальность"*, свидетельствуют о том, что структуры бессознательного не только наделены особой, самодостаточной реальностью, но и сами могут иметь для субъекта значение реальности (см.: Фантазия, фантазм).

α) Фрейд колебался в определении испытания реальности на уровне топики. Однажды он высказал интересное предположение о том, что испытание реальности, возможно, зависит от *Идеал-Я* (6).

(1) Freud (S.). a) G.W., X, 424; S.E., XIV, 233; франц., 184. — b) G.W., XIV, 235; франц., 186. — c) G.W., X, 423—424; S.E., XIV, 232; франц., 183.

(2) Freud (S.). a) G.W., XVII, 84; S.E., XXIII, 162; франц., 25. — b) G.W., XVII, 130; S.E., XXIII, 199; франц., 74—75. — c) G.W., XVII, 84; S.E., XXIII, 162; франц., 25.

(3) Freud (S). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 228; S.E., XIV, 136; франц., 58;

(4) Freud (S.). Die Verneinung, 1925. — a) G.W., XIV, 14; S.E., XIX, 237; франц.,

176. — b) G.W., XIV, 14; S.E., XIX, 237; франц., 176. — c) G.W., XIV, 14; S.E., XIX, 237; франц., 176.

(5) Freud (S.). Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911. G.W., VIII, 238; S.E., XII, 225.

(6) Ср., например, Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 126; S.E., XVIII, 114; франц., 128.

ИСТЕРИЯ

Нем.: Hysterie. — Франц.: hystérie. — Англ.: hysteria. — Исп.: histeria или histerismo. — Итал.: isteria или isterismo. — Португ.: histeria.

● Класс неврозов с весьма разнообразной клинической картиной. Две формы истерии с наиболее четкими симптомами — это, с одной стороны, конверсионная истерия, при которой психический конфликт символизируется в разнообразных клинических симптомах спазматического (например, эмоциональный криз с элементами "театральности") или более устойчивого характера (например, потеря болевой чувствительности, истерические параличи, ощущение "комка" в горле и пр.); с другой — истерия страха, при которой страх более или менее прочно связывается с тем или иным внешним объектом (фобии).

Фрейд раскрыл главные этиопатогенетические черты этого заболевания на примере конверсионной истерии, что позволило психоанализу объединить в рамках единой истерической структуры различные клинические картины, проявляющиеся — даже при отсутствии фобических симптомов и явных конверсий — в организации личности и способе ее существования.

Специфика истерии связана с преобладанием определенного типа (само)отождествления, определенных механизмов вытеснения (нередко явного), с обнажением Эдипова конфликта, который проявляет себя прежде всего в фаллическом и оральном регистрах либидо.

■ Понятие истерии очень древнее: оно восходит к Гиппократу. Его определение зависело от тех или иных эпизодов истории развития медицины. Мы советуем читателю обратиться к обширной литературе по этой проблеме (1,2a).

В конце XIX в., особенно под влиянием Шарко, проблема, которую ставит истерия перед медициной с господствовавшим в ней анатомо-клиническим методом, приобрела актуальность. В целом можно сказать, что решение этой проблемы искали в двух направлениях. Первый подход предполагал, что при отсутствии органического поражения симптомы истерии следует объяснять внушением, самовнушением и даже симуляцией (он обобщен и систематизирован Бабинским). Другой подход считал истерию столь

же "полноценной" болезнью, как и любая другая, столь же определенной и четкой в своей симптоматике, как, например, неврологические расстройства (работы Шарко). Путь, избранный Брейером и Фрейдом (а под другим углом зрения — также и Жане), позволил им преодолеть это противопоставление. Вслед за Шарко и под его влиянием, Фрейд считал истерию психической болезнью, требующей построения особой этиологической картины. Вместе с тем в определении "психического механизма" истерии Фрейд опирался на трактовку истерии как "болезни, вызванной представлением" (2b). Как известно, выявление психической этиологии истерии совпадает во времени с главными открытиями психоанализа (такими, как открытие бессознательного, роли фантазирования, защитного конфликта и вытеснения, (само) отождествления, трансфера и пр.).

Вслед за Фрейдом психоаналитики упорно считали истерический невроз и невроз навязчивых состояний двумя главными разновидностями неврозов (α), своеобразие которых вовсе не мешает им соединяться в той или иной конкретной клинической картине.

Существует еще один тип невроза с очевидными фобическими симптомами; Фрейд связывал его с истерической структурой и называл истерией страха (см.: Истерия страха).

α) Следует ли считать истерический *психоз* особой нозографической единицей? Эта проблема возникает при столкновении с галлюцинациями, как правило, зрительными, требующими участия субъекта в разыгрываемой драме. Фрейд, по крайней мере поначалу, признавал такую классификационную единицу (3), хотя многие случаи, описанные в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), представляются весьма проблематичными.

(1) Cf. in: Ey (H.). Encyclopédie médico-chirurgicale; Psychiatrie, 1955: Rosolato (G.), Introduction à l'étude de l'hysterie, 37335, A 10. — Zilboorg (G.). A History of Medical Psychology, Norton, N. Y., 1941.

(2) Cf. Janet (P.). L'état mental des hysteriques, Alcan, Paris, 1894. — a) Passim. — b) Первая часть, глава VI, 40-7.

(3) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Manuscript H. Нем., 118—124; англ., 109—115; франц., 98—102.

ИСТЕРИЯ ГИПНОИДНАЯ

Нем.: Hypnoidhysterie. — Франц.: hystérie hypnoïde. — Англ.: hypnoid hysteria. — Исп.: histeria hipnoide. — Итал.: isteria ipnoida. — Португ.: histeria hipnóide.

● Термин Брейера и Фрейда (1894—1895); форма истерии, источником которой считались гипноидные состояния: поскольку субъект не способен включать в себя и свою историю представления, возникшие во время этих состояний, они образуют в его психике

отдельную группу бессознательных явлений, способную порождать патогенные следствия.

◘ Теоретические разъяснения по поводу этого понятия читатель найдет в статье "Гипноидное состояние". Понятие гипноидной истерии не встречается в текстах, принадлежащих одному только Брейеру, из чего можно заключить, что это выражение принадлежит Фрейду. В самом деле, для Брейера всякая истерия является "гипноидной" по определению, поскольку она предполагает гипноидное состояние. Для Фрейда, напротив, гипноидная истерия — это лишь одна из разновидностей истерии, наряду с неотреагированной* истерией и особенно истерией защиты*; на основе этого разграничения Фрейд смог поначалу ограничить роль гипноидного состояния, а затем и вовсе отказаться от применения этого понятия к защитным ситуациям.

ИСТЕРИЯ ЗАЩИТЫ

Нем.: Abwehrhysterie. — Франц.: hystérie de défense. — Англ.: defence hysteria. — Исп.: histeria de defensa. — Итал.: isteria da difesa. — Португ.: histeria de defesa.

◘ Форма истерии, которую Фрейд в 1894—1895 гг. отличал от двух других ее форм: гипноидной и неотреагированной истерии.

Для нее характерна защита субъекта от представлений, способных порождать неприятные аффекты.

С того момента, как Фрейд обнаружил в любом виде истерии действие защитных механизмов, он перестал пользоваться термином "истерия защиты" в его особом смысле.

◘ В "Психоневрозах защиты" (Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894) Фрейд различает, с патогенетической точки зрения, три разновидности истерии — гипноидную истерию, неотреагированную истерию (истерию сдерживания) и истерию защиты, — считая своим личным вкладом выделение истерии защиты как прообраза психоневрозов защиты* (1).

Начиная с "Предварительного сообщения" (Vorläufige Mitteilung, 1893) невозможность отреагирования*, свойственная истерии, связывается Брейером и Фрейдом с двумя рядами условий: с одной стороны, особым состоянием субъекта в момент травмы (гипноидное состояние*); с другой стороны, обстоятельствами самой травмы* — будь то внешние условия или же преднамеренные (absichtlich) действия субъекта при защите от "болезненных" переживаний (2а). На первом этапе построения теории защита, сдерживание и гипноидное состояние выступают как этиологические факторы, способствующие возникновению

истерии. Когда речь идет о преобладании того или иного фактора, Фрейд (под влиянием Брейера) выводит на первый план гипноидное состояние и считает его "...основным проявлением этого невроза" (2b).

В "Психоневрозах защиты", как уже отмечалось, Фрейд сосредоточился на всей этой совокупности условий и вычленил три типа истерии, однако фактически его интересовала лишь истерия защиты.

"Исследования истерии" (Studien über Hysterie, 1895) — это третий этап в развитии фрейдовского подхода к проблеме; введенное ранее различие сохраняется здесь, по-видимому, лишь для того, чтобы, покончив с господством гипноидной истерии, вывести на первый план понятие защиты. Фрейд замечает: "Как ни странно, в собственной практике я никогда не сталкивался с настоящей гипноидной истерией. Все случаи в моей практике оказывались истерией защиты" (2c). Именно этим обусловлены, по-видимому, его сомнения насчет неотреагированной истерии как самостоятельной нозографической единицы, а также предположение о том, что "... в основе неотреагированной истерии лежит защита, которая и подталкивает весь этот процесс в сторону истерии" (2d).

Наконец, после "Исследований истерии" понятие истерии защиты исчезает совсем. Возникает впечатление, будто оно было введено лишь для того, чтобы выдвинуть на первый план понятие защиты и оттеснить на задний план понятие гипноидного состояния. Как только этот результат был достигнут, как только защита превратилась в главный момент истерии, а защитный конфликт — в прообраз всех других видов невроза, понятие истерии защиты потеряло raison d'être.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., I, 60—61; S.E., III, 45-47.

(2) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. — a) Cf. G.W., I, 89; S.E., II, 10—11; франц., 7. — b) Cf. G.W., I, 91; S.E., II, 12; франц., 8. — c) G.W., I, 289; S.E., II, 286; франц., 231. — d) G.W., I, 290; S.E., II, 286; франц., 231.

ИСТЕРИЯ КОНВЕРСИОННАЯ

Нем.: Konversionshysterie. — Франц.: hystérie de conversion. — Англ.: conversion hysteria. — Исп.: histeria de converción. — Итал.: isteria di conversione. — Португ.: histeria de conversão.

● Форма истерии, для которой характерно преобладание симптомов конверсии.

■ Это понятие не встречается в ранних работах Фрейда, где механизм конверсии* считается необходимой принадлежностью

истерии как таковой. Когда (применительно к случаю Маленького Ганса) Фрейд решил включить фобический синдром в истерию, назвав его "истерией страха"*, понятие конверсионной истерии стало обозначением одной из разновидностей истерии: " Существует чистая конверсионная истерия без каких-либо следов страха, но существует также обычная истерия страха, которая возникает при состояниях тревожности и фобиях вне каких-либо признаков конверсии" (1).

(1) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. G.W., VII, 349; S.E., X, 116. франц., 175.

ИСТЕРИЯ НЕОТРЕАГИРОВАННАЯ

Нем.: Retentionshysterie. — Франц.: hystérie de rétention. — Англ.: retention hysteria. — Исп.: histeria de retención. — Итал.: isteria da ritenzione. — Португ.: histeria de retenção.

● Брейер и Фрейд в 1894—1895 гг. отличают эту форму истерии от двух других ее форм: гипноидной и защитной.

Особенность ее возникновения заключается в том, что аффекты — прежде всего под действием неблагоприятных внешних обстоятельств — не получают отреагирования.

■ В "Психоневрозах защиты" (Die Abwehr-Neurosen, 1894) Фрейд вычленяет истерию сдерживания как особую форму истерии.

В "Предварительном сообщении" (Vorläufige Mitteilung, 1893) уже присутствует понятие (или термин) сдерживания, обозначающее совокупность условий, при которых в отличие от гипноидного состояния сама *природа* травмы не допускает отреагирования (либо в силу определенных социальных обстоятельств, либо вследствие защиты субъекта) (1a).

Понятие сдерживания, скорее описательное, нежели объяснительное, было обречено на исчезновение, как только при попытках объяснить это явление Фрейд столкнулся с защитой. Это видно из терапевтического опыта Фрейда в случае Розалии Х. (1b), по поводу которого он заметил: " В случае, который я считал типичной истерией сдерживания, рассчитывая на быстрый и легкий успех, мне не удалось достичь успеха, хотя работа и не была трудной. И потому я предположил — с осторожностью, подобающей неведению, — что в основе истерии сдерживания лежит защита, которая и подталкивает весь этот процесс в сторону истерии" (1c).

(1) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. — a) Cf. G.W., I, 89; S.E., II, 10; франц., 7. — b) G.W., I, 237—241; S.E., II, 169—173; франц., 135—138; — c) G.W., I, 289-290; S.E., II, 286; франц., 231.

ИСТЕРИЯ СТРАХА

Нем.: Angsthysterie. — Франц.: hystérie d' angoisse. — Англ.: anxiety hysteria. — Исп.: histeria de angustia. — Итал.: isteria d' angoscia. — Португ.: histeria de angústia.

● По Фрейду, разновидность невроза, основным симптомом которого является страх; по структуре сходна с конверсионной истерией.

■ Следуя этой гипотезе Фрейда, понятие истерии страха ввел в психоаналитическую литературу В. Штекель в работе "Невротические состояния страха и их лечение" (Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung, 1908).

Это терминологическое новшество обусловлено следующими причинами:

а) фобические симптомы встречаются при различных невротических и психотических расстройствах. Их можно наблюдать при неврозе навязчивых состояний, шизофрении, а также отчасти, как полагал Фрейд, и при неврозе страха*.

Вот почему по поводу Маленького Ганса Фрейд подчеркивал, что фобию не следует считать "особым патологическим процессом" (2а).

б) Существует, однако, такой вид невроза, при котором фобия выступает как главный симптом. Поначалу Фрейд не вычленял его в нечто обособленное, связывая фобии либо с неврозом навязчивых состояний, либо с неврозом страха как разновидностью актуального невроза (3). Анализ Маленького Ганса позволил ему выявить специфику фобического невроза и его структурное сходство с конверсионной истерией. В обоих случаях процесс вытеснения фактически приводил к расчленению аффекта и представления. Во всяком случае, Фрейд выявил здесь одно важное различие: при истерии страха "...либидо, отделенное от патогенного материала вследствие вытеснения, не подвергается *конверсии* [...] и непосредственно проявляется в виде страха" (2b). Образование фобических симптомов основано "... на работе психики, изначально стремящейся заново овладеть [...] высвободившимся страхом" (2c). "Истерия страха упорно развивается в сторону "фобии"" (2d).

Этот текст свидетельствует о том, что понятия истерии страха и фобического невроза нельзя считать полностью тождественными. Понятие истерии страха не столь описательно; оно подчеркивает основной механизм данного невроза, при котором возникновение тех или иных фобических объектов вторично по отношению к независимой, не связанной ни с каким конкретным объектом тревоге.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., VII, 467; S.E., 250—251.
(2) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. — a) G.W., VII,

349; S.E., X, 115; франц., 175. — b) G.W., VII, 349; S.E., X, 115; франц., 175. — c) G.W., VII, 350; S.E., X, 117; франц., 176. — e) G.W., VII, 350; S.E., X, 116; франц., 176,

(3) Cf. Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895. Die Abwehr-Neurosen, 1894. Obsessions et phobies. Leur méchanisme psychotique et leur étiologie, 1895.

ИСТЕРИЯ ТРАВМАТИЧЕСКАЯ

Нем.: traumatische Hysterie. — Франц.: hystérie traumatique — Англ.: traumatic hysteria. — Исп.: histeria traumática. — Итал.: isteria traumatica. — Португ.: histeria traumática.

● Тип истерии, описанный Шарко: определенные телесные симптомы (прежде всего параличи) возникают в данном случае по истечении латентного периода после физической травмы, которая сама по себе эти симптомы не объясняет.

■ В работах об истерии, написанных между 1880 и 1890 гг., Шарко исследовал некоторые виды истерических параличей, обусловленных сильными психическими травмами, при которых субъект ощущает угрозу собственной жизни, но не теряет сознания. С точки зрения неврологии объяснить параличи подобными травмами невозможно. Шарко отмечал, что после более или менее продолжительного "инкубационного периода" это вызывает процессы психической "обработки"*.

Применяя гипноз, Шарко экспериментально вызывал такие параличи, прибегая при этом к микротравмам или просто внушению. Тем самым ему удалось доказать, что подобные симптомы порождаются не физическим шоком, а связанными с ним представлениями, которые вновь всплывают в памяти при особых психических состояниях.

Фрейд отмечал взаимосвязь между этим объяснением и теми первоначальными объяснениями истерии, которые они выработали совместно с Брейером: "*Между травматическим параличом и обычной, нетравматической истерией существует полная аналогия.* Единственное различие между ними заключается в том, что в первом случае наблюдается воздействие сильной травмы, а во втором — редко можно выявить какое-то *одно* главное событие: речь идет скорее о *ряде* аффективных впечатлений[...]. Даже в случае сильного органического повреждения при травматической истерии главное воздействие оказывает не само это повреждение, но момент испуга, *психическая* травма" (1).

Как известно, в гипноидной истерии* присутствуют два элемента, ранее выявленных Шарко: это психическая травма* и особое

психическое состояние (гипноидное состояние*, аффект испуга*), во время которого случается травма.

(1) Freud (S.). Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene, 1893. Нем. In.: Wien. med. Presse, 34(4), 121—126; S.E., III, 30—31.

ИСТОЧНИК ВЛЕЧЕНИЯ

Нем.: Triebquelle. — Франц.: source de la pulsion. — Англ.: source of the instinct. — Исп.: fuente del instinto. — Итал.: fonte dell' istinto или della pulsione. — Португ.: fonte do impulso или da pulsão.

● Внутренний источник каждого конкретного влечения — место, в котором возникает возбуждение (эрогенная зона, орган, аппарат) или же соматический процесс в той или иной части тела, воспринимаемый как возбуждение.

■ Слово "источник" у Фрейда отличается от его обычного метафорического употребления. В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) Фрейд перечисляет под рубрикой "Источники детской сексуальности" весьма различные явления, которые в конечном счете можно разбить на две группы: возбуждение эрогенных зон различными раздражителями и "косвенные источники" — "механическое возбуждение", "работа мышц", "аффективные процессы", "умственная работа" (1). Источники второго типа не порождают конкретных частичных влечений, но способствуют усилению общего "сексуального возбуждения".

Поскольку в этой главе из "Трех очерков" Фрейд дает целый перечень внешних и внутренних факторов сексуального возбуждения, мысль о том, что влечение побуждается внутренней напряженностью, отходит на второй план. Эта мысль была высказана Фрейдом ранее — в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) (2): прилив внутренних возбуждений порождает напряжение, от которого избавиться невозможно, тогда как от внешних возбуждений, например, можно спастись бегством.

Во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) Фрейд последовательно проанализировал различные аспекты частичного влечения: его источник и силу, цель и объект. Эти различия сохраняют смысл применительно ко всем типам влечений, но прежде всего к сексуальным влечениям.

Смысл слова "источник" здесь тот же, что и в первой метапсихологической работе 1895 г.: это внутренний "органический источник" (Organquelle), "соматический источник" (somatische Quelle) (3a). В этот период Фрейд иногда называл "источником" сам орган как место возбуждения, однако в более строгом смысле слова

источник — это органический психохимический процесс, порождающий возбуждение, т.е., иначе говоря, это соматический, а не психический процесс. Об источнике можно сказать, что "...его возбуждение (Reiz) представлено в душевной жизни влечением" (3b). Этот соматический процесс недоступен психологии и чаще всего остается в тени, однако в каждом частичном влечении он принимает особую форму и определяет конкретную цель*.

Фрейд стремился определить источник каждого отдельного влечения: помимо эрогенных зон* как источников определенных влечений мышечная ткань порождает влечение к овладению*, а глаз — влечение к подсматриванию (Schautrieb) (3с).

*

В конечном счете понятие "источник" стало более четким и чуть ли не однозначным: своеобразие сексуальных влечений было в итоге сведено к своеобразию соответствующих органических процессов. Исходя из требований систематичности, нужно было бы выявить отдельный источник каждого влечения к самосохранению. Однако достичь такой терминологической строгости можно лишь ценой одностороннего подхода к теоретической проблеме происхождения сексуальных влечений. Так, в "Трех очерках" перечень "источников детской сексуальности" приводит к мысли, что сексуальное влечение есть следствие или побочный продукт (Nebenwirkung, Nebenprodukt) (1б) различных видов активности, не связанных с сексуальностью: это касается не только так называемых "косвенных" источников, но и эрогенных зон (за исключением генитальной), где сексуальное влечение (см.: Примыкание) находит поддержку в функциях самосохранения. Общее свойство всех этих "источников" в том, что они порождают сексуальное влечение не как продукт органической деятельности, но как дополнение к той или иной жизненно важной функции. Таким образом, первоначалом или, в широком смысле, "источником" сексуального влечения выступает жизненная функция как таковая (она и сама, в свою очередь, может иметь источник, силу, цель и объект).

Тем самым можно говорить об оральном, анальном и других либидо в зависимости от той или иной формы жизненной активности (например, на оральной стадии любовь предстает как желание съесть — быть съеденным).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 101—107; S.E., VII, 201—206; франц., 99—107. — b) Cf. G.W., V, 106, 134; S.E., VII, 204, 233; франц., 105, 148.

(2) Cf. Freud (S.). Нем., 402; англ. 379; франц., 336.

(3) Freud (S.). a) G.W., X, 216, 225; S.E., 123, 132; франц., 36, 53. — b) G.W., X, 215; S.E., XIV, 123; франц., 35—36; — c) G.W., X, 225; S.E., XIV, 132; франц.. 53.

К

КАННИБАЛИЧЕСКИЙ

Нем.: kannibalisch. — Франц.: cannibalique. — Англ.: cannibalistic. — Исп.: canibalístico. — Итал.: cannibalico. — Португ.: canibalesco.

● Этот термин обозначает объектные отношения и фантазии, связанные с оральной деятельностью, по аналогии с каннибализмом, распространенным у некоторых племен и народностей. Воображаемые способы и аспекты орального поглощения — это любовь, разрушение, сохранение в *Я,* присвоение качеств объекта. Иногда каннибалическую стадию отождествляют с оральной или даже орально-садической, или второй оральной стадией по Абрахаму.

■ Понятие каннибализма встречается уже в издании "Трех очерков по теории сексуальности" 1905 г. (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie), но раскрывается лишь в "Тотеме и табу" (Totem und Tabu, 1912—1913). По Фрейду, "первобытные народы" верят в то, что, "...поглощая части человеческого тела, мы тем самым присваиваем качества этого человека" (1а). Фрейдовская концепция "убийства отца" и "тотемической трапезы" придает этой мысли особое значение: "Однажды братья [...] собрались вместе, убили и съели отца, положив тем самым конец первобытной орде[...]. В акте поглощения они отождествили себя с отцом, причем каждый присвоил часть его силы" (1b).

Как ни относиться к антропологическим идеям Фрейда, само понятие каннибализма приобрело в психоаналитической психологии вполне определенное значение. В "Трех очерках" издания 1915 г. Фрейд ввел понятие оральной организации как стадии психосексуального развития, для которой характерен каннибализм. Иногда говорят, вслед за Фрейдом, о каннибализме как признаке оральной стадии. К.Абрахам, подразделяя оральную стадию на две фазы —доамбивалентного сосания и амбивалентного кусания — считает каннибалической лишь вторую фазу.

Понятие каннибализма подчеркивает некоторые признаки орального объекта: соединение* либидо с агрессивностью, поглощение и присвоение объекта и всех его качеств. Понятие каннибализма предполагает тесную связь между оральным объект-

ным отношением и первыми способами (само)отождествления (См.: Первичное отождествление).

(1) Freud (S.). a) G.W., IX, 101; S.E., XIII, 82; франц., 115. —b) G.W., IX, 171—178; S.E., XIII, 141—142; франц., 195—196.

КАТАРТИЧЕСКИЙ (МЕТОД)

Нем.: katartisches Heilverfahren или katartische Methode. — Франц.: cathartique (méthode-) — Англ.: cathartic therapy или cathartic method. — Исп.: terapia catártica или método catártico. — Итал.: metodo catartico. — Португ.: terapêutica или terapia catártica, método catártico.

● Психотерапевтический метод, при котором искомое лечебное воздействие — это "очищение" (катарсис), разрядка патогенных аффектов. Лечение позволяет субъекту припомнить и даже вновь пережить события, послужившие источником травмы, и отреагировать на них.

Исторически "катартический метод" был связан с тем периодом (1880—1895), когда психоаналитическая терапия постепенно освобождалась от использования гипноза.

■ "Катарсис" (греч.) — очищение, освобождение. Аристотель называл катарсисом воздействие трагедии на зрителя: "Трагедия есть подражание действию важному и законченному [...], совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей" (1).

Брейер и затем Фрейд называли катартическим методом адекватное отреагирование* на травму (2) и его результат. Согласно теории, разработанной в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), "зажатые" (eingeklemmt) аффекты, не нашедшие пути к разрядке, оказывают патогенное воздействие. Подытоживая впоследствии теорию катарсиса, Фрейд писал: "[...] истерический симптом возникает в ситуациях, когда психическая энергия, недоступная осознанной обработке, порождает телесную иннервацию (конверсия) [...]. Излечение достигается высвобождением отклонившегося от своего пути аффекта и его разрядкой, или, иначе, отреагированием" (3).

Поначалу катартический метод был тесно связан с гипнозом. Но вскоре Фрейд отказался от гипноза, способного подавлять симптомы прямым внушением; гипноз стал лишь средством воспоминания, которое вводит в поле сознания забытый, "вытесненный" субъектом (α) опыт, лежащий в основе симптомов. Эти вызванные вновь воспоминания переживаются субъектом как настоящая драма и дают ему возможность самовыражения, разрядки

аффектов, изначально связанных с травмирующим опытом, но подавленных.

Вскоре Фрейд полностью отказался от гипноза как такового, заменив его простым внушением (при помощи особого приема — надавливания рукой на лоб пациента), цель которого заключалась в том, чтобы убедить больного в том, что к нему придет патогенное воспоминание. В конечном счете Фрейд отказался и от внушения, прибегая лишь к свободным ассоциациям* больного. Внешне цель лечения — освобождение больного от симптомов, обеспечение нормальной разрядки аффектов — оставалась неизменной при использовании любых терапевтических приемов. Однако фактически, судя по главе "Психотерапия истерии" из "Исследований истерии", изменение приемов лечения сопровождалось концептуальными переменами — осмыслением сопротивлений*, трансфера*, усилением внимания к результатам обработки и проработки* психического материала. И в этом смысле катартический эффект, связанный с отреагированием, перестал быть главной пружиной лечения.

Однако катарсис остался важным элементом психоаналитической терапии, хотя его роль отныне была обусловлена спецификой конкретных психопатологических структур. С одной стороны, многие терапевтические подходы предполагают новое яркое переживание воспоминаний, сопровождающееся более или менее бурной разрядкой; с другой стороны, катартический эффект возникает при различного рода повторениях во время лечения, особенно в связи с трансфером. Кроме того, Брейер и Фрейд подчеркивали необходимость проработки и языковой символизации, приписывая катартическое значение языковому выражению: "... именно в языке человек находит действию замену, создающую возможность почти столь же эффективного *отреагирования* аффекта, [...] речь пациента предстает как адекватная ответная реакция, выражающая жалобу или мучительную тайну (исповедь)" (2b).

Помимо этих катартических эффектов, постоянно присутствующих в психоанализе, существуют особые виды психотерапии, нацеленные на катарсис; например, наркоанализ, применяемый прежде всего при травматическом неврозе, вызывает с помощью лекарств результаты, сходные с теми, что Брейер и Фрейд получали посредством гипноза; психодрама, по Морено, выступает как освобождение от внутренних конфликтов посредством актерской игры и пр.

α) Об изменениях отношения к гипнозу у Фрейда см., например, "Случай излечения посредством гипноза" (Ein Fall von hypnotischer Heilung, 1892—1893).

(1) Aristote. Poetique, 1449 b, 27.

(2) Cf. Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. — a) G.W., I, 87; S.E., II, 8; франц., 5. — b) G.W., I, 87; S.E., II, 8; франц., 5—6.

(3) Freud (S.). Psycho-Analysis, 1926. G.W., XIV, 300; S.E., XX, 263—264.

КВАНТ АФФЕКТА

Нем.: Affektbetrag. — Франц.: quantum d' affect. — Англ.: quota of affect. — Исп.: cuota или suma de afecto. — Итал.: importo или somma d' affetto. — Португ.: quota или soma de afeto.

◘ Количественная основа субъективно переживаемого аффекта, инвариантная при любых его преобразованиях (смещение, отрыв от представления, качественные изменения и пр.).

◘ Понятие кванта аффекта используется при изложении так называемой экономической* гипотезы Фрейда. При этом используются и другие понятия; так, количественный субстрат аффекта называется также "энергетической нагрузкой", "силой влечения" или, применительно к сексуальному влечению, "либидо". Чаще всего Фрейд говорит о кванте аффекта в тех случаях, когда речь идет о судьбе аффекта вне зависимости от представления: "Среди психических функций можно выделить какие-то единицы аффекта, порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться, разряжаться, распространяться по мнесическим следам представлений, как электрические заряды по поверхности тел" (1).

По Джонсу, "концепция независимого обособленного аффекта весьма отлична от старого представления об "аффективной окраске"" представления (2,α). Квант аффекта — понятие не описательное, а метапсихологическое: "Квант аффекта — это влечение, которое может отделяться от представления, находя количественное выражение в процессах, воспринимаемых нами как аффекты" (3). Однако у Фрейда встречается и менее строгое понимание аффекта и кванта аффекта, при котором их противопоставление — как качества и количества — стерто.

α) Заметим, что в написанной по-французски статье "Несколько соображений о сравнительном изучении двигательных параличей органического и истерического происхождения" (1893) Фрейд переводит Affektbetrag как "аффективная ценность".

(1) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 74; S.E., III, 60.
(2) Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, London, Hogarth Press, 1953. I, англ. 435; франц., Paris, P.U.F., 435..
(3) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 255; S.E., XIV, 152; франц., 79.

КЛОАКИ (ТЕОРИЯ)

Нем.: Kloakentheorie. — Франц.: cloacale (théorie). — Англ.: cloacal (или cloaca) theory. — Исп.: teoría cloacal. — Итал.: teoria cloacal. — Португ.: teoria cloacal.

◘ Детское сексуальное представление, не различающее влагалище и

анус: женщина обладает только одной полостью и одним отверстием, служащим и коитусу и рождению детей, — оно-то и смешивается с анусом.

◘ В статье "О детских сексуальных теориях" (Über infantile Sexualtheorien, 1908) Фрейд описал изобретаемую детьми "теорию клоаки", связанную с отказом детей обоего пола признать роль влагалища. Дети уверены, что "..ребенок выходит наружу, как экскременты, как фекалии [...]. Теория клоаки, подтверждающаяся на примере ряда животных, представляется ребенку единственно правдоподобной" (1). Представление о том, что внизу тела есть лишь одно отверстие — клоака, — предполагает также "клоакальную" картину коитуса (2).

Эта "теория", по Фрейду, возникает очень рано. Заметим, что она согласуется с рядом психоаналитических данных о развитии женской сексуальности: "Четкое разграничение между анальной и генитальной функциями, свойственное более позднему этапу, противоречит связям и сходствам между ними как с анатомической, так и с функциональной точки зрения. Гениталии соседствуют с клоакой и (у женщин) связаны с ней (3,α). По Фрейду, именно эта нерасчлененность порождает образ "влагалища как органа, производного от клоаки и призванного стать ведущей эрогенной зоной" (4).

α) Здесь Фрейд цитирует статью Лу Андреас Саломе "Анальное" и "сексуальное" ("Anal" und "Sexual", 1916).

(1) Freud (S.). G.W., VII, 181; S.E., IX, 219.
(2) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, III; S.E., XVII, 79; франц., 384—385.
(3) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 88, n.; S.E., VII, 187, n.; франц., 180, n. 54.
(4) Freud (S.). Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 452; S.E., XII, 325—326; франц. In: R.F.P., 1929, III, 3, 447.

КОМПЛЕКС

Нем.: Komplex. — Франц.: complexe. — Англ.: complex. — Исп.: complejo. — Итал.: complesso. — Португ.: complexo.

● Организованная совокупность аффективно нагруженных представлений и воспоминаний, частично или полностью бессознательных. Комплекс строится на основе межличностных отношений детской истории: он способен оказывать упорядочивающее воздействие на все уровни психики — эмоции, установки, приспособительное поведение.

■ В обыденном языке термин "комплекс" получил широкое распространение. Напротив, психоаналитики со временем отказались от него, за исключением разве что таких выражений, как "Эдипов комплекс" и "Комплекс кастрации".

Многие авторы, включая Фрейда, считают, что термин "комплекс" ввела в психоанализ Цюрихская психоаналитическая школа (Блейлер, Юнг). В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Брейер использует его при изложении взглядов Жане на истерию (α), или, иначе, в трактовке "...актуальных, действенных, но бессознательных" представлений: " Почти всегда речь идет о совокупностях представлений, о воспоминаниях, связанных с внешними событиями, и о цепочках мыслей самого субъекта. Бывает, что каждое отдельное представление в этом комплексе осознается, так что за рамками сознания остается лишь их сочетание" (1а).

Юнговские "опыты с ассоциациями" (2) должны были обеспечить этой гипотезе о существовании комплексов при истерии более широкую и одновременно экспериментально надежную основу. Впервые обращаясь к этой теме, Фрейд писал: "[...] реакция на слово-стимул не может быть лишь делом случая: она определяется в психике воспринимающего субъекта содержанием прежних представлений. "Комплексом" принято теперь называть содержание представлений, определяющих ответную реакцию на слово-стимул. Это воздействие проявляется либо в том, что слово-стимул непосредственно затрагивает комплекс, либо в его опосредованной связи с этим словом" (3).

Хотя Фрейд считал интересными опыты с ассоциациями, понятие комплекса он с самого начала воспринял сдержанно. Это "...слово удобно, а порой даже необходимо для единого описания психологических фактов. Никакой другой термин, введенный психоанализом для своих собственных нужд, не получил столь широкого распространения и столь превратного использования в ущерб более строгим понятиям"(4). Подобное суждение содержится в письме к Э.Джонсу (комплекс не является адекватным теоретическим понятием (5а)) и в письме к Ш.Ференци ("все это юнговская мифология комплексов"(5b)).

Итак, по Фрейду, понятие комплекса может использоваться для обнаружения и описания, — на основе разнородных и случайных элементов — "...определенных групп аффективно нагруженных мыслей и побуждений" (6), однако теоретического значения оно не имеет. Фактически Фрейд пользовался им очень редко — в отличие от многих других авторов, считавших себя психоаналитиками (β).

Причины такой осторожности Фрейда различны. Прежде всего он всегда сторонился попыток установить психологические типы

(например, комплекс неудачника), которые одновременно и скрывают единичность данного конкретного случая, и выдают констатацию проблемы за ее объяснение. Помимо того, понятие комплекса нередко смешивалось с понятием патогенного ядра, подлежащего устранению (γ), а в результате терялась из виду упорядочивающая роль комплексов (особенно Эдипова комплекса) в некоторые периоды становления человека.

*

Чтобы избежать этой путаницы, следует разграничить три главных значения термина "комплекс".

1) Первоначальный смысл: относительно устойчивая последовательность ассоциативных цепей (см.:Ассоциация). На этом уровне комплекс предстает как способ учета ассоциативного процесса во всем его своеобразии.

2) В более общем смысле: упорядоченная совокупность личностных черт (включая черты, наиболее характерные для данной личности) с акцентом на аффективные реакции. На этом уровне само существование комплексов обусловлено тем, что новые ситуации бессознательно сводятся к детским ситуациям, и тем самым поведение управляется скрытой и неизменной структурой. Однако такое применение данного понятия может привести к неоправданным обобщениям: окажется, что комплексов существует столько же, сколько психологических типов. Этот "уклон в психологизацию" поначалу вызвал настороженное отношение Фрейда, а потом и прямой его протест против понятия комплекса.

3) В более узком смысле слова, присущем таким выражениям, как "Эдипов комплекс", — Фрейд употреблял его постоянно, — это основополагающая структура межличностных отношений и способ, которым индивид определяет свое место внутри этой структуры (см.: Эдипов комплекс).

Термины фрейдовского языка, например "комплекс кастрации" и "отцовский комплекс*" (Vaterkomplex), или же такие реже встречающиеся выражения, как "материнский комплекс", "братский комплекс", "родительский комплекс", входят в эту же группу. При всех внешних различиях термины "отцовский", "материнский" и другие всякий раз указывают на тот или иной аспект эдиповской структуры — либо потому, что именно он преобладает у данного индивида, либо потому, что Фрейд выделяет его в ходе анализа. Так, он говорит об "отцовском комплексе", подчеркивая амбивалентное отношение к отцу. Комплекс кастрации, внешне стоящий несколько особняком, на самом деле полностью включен в проблематику Эдипова комплекса.

α) Относительно сужения поля сознания: "Большая часть невоспринятых чувственных впечатлений, а также не проникших в сознание представлений обычно угасает бесследно. Но иногда они соединяются, образуя комплексы [...]" (1b).

β) В "Психоаналитическом и психотехническом словаре" под редакцией Мариз Шуази (опубл. в журнале "Psyche") описано примерно 50 комплексов. Составители словаря "попытались дать как можно более полное описание комплексов, известных к данному моменту. Однако каждый день обнаруживаются все новые".

γ) Ср. в уже приведенном письме к Ференци: "Человек должен не бороться со своими комплексами, но приспосабливаться к ним: ведь именно они призваны управлять его поведением в мире" (5с).

(1) Breuer (J.). Theoretisches. In: Studien über Hysterie, 1895. — a) Нем., 187, n. 1; S.E., II, 214—215, n.2; франц., 171, n.1. — b) Нем., 202; S.E., XI, 231; франц., 186.

(2) Cf. Yung (C.G.). Diagnostische Assoziationsstudien, J.A. Barth, Leipzig, 1906.

(3) Freud (S.). Tatbestandsdiagnostik und Psychoanalyse, 1906. G.W., VII, 4; S.E., IX, 104; франц., 44—45.

(4) Freud (S.). Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, 1914. G.W., X, 68—69; S.E., XIV, 29—30; франц., 286.

(5) Jones (E.). Sigmund Freud, Life and Work, 1955. — a) Англ., II, 496; франц., 470. — b) Англ., II, 188; франц., 177. — c) Англ., II, 188; франц., 177.

(6) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. G.W., XI, 106—107; S.E., XV, 109; франц., 122—123.

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ

Нем.: Kastrationkomplex. — Франц.: complexe de castration. — Англ.: castration complex. — Исп.: complejo de castración. — Итал.: complesso di castrazione. — Португ.: complexo de castração.

● Комплекс, основанный на фантазме кастрации как ответе ребенка на загадку анатомического различия полов (присутствие или отсутствие пениса): это различие приписывается усечению пениса у девочки.

Структура комплекса кастрации и его следствия различны у мальчика и девочки. Мальчик боится кастрации как осуществления отцовской угрозы в ответ на свою сексуальную активность. Что же касается девочки, то она ощущает отсутствие пениса как несправедливость и потому склонна отрицать эту нехватку или же стремиться к ее возмещению.

Комплекс кастрации тесно связан с комплексом Эдипа, особенно в его функции нормирования и запрета.

■ Анализ Маленького Ганса сыграл решающую роль во фрейдовском открытии комплекса кастрации (α).

Комплекс кастрации был впервые описан в 1908 г. в связи с "детской сексуальной теорией", согласно которой пенис есть у всех людей, а потому анатомическое различие между полами можно объяснить лишь кастрацией. Хотя в этот период Фрейд прямо не

утверждал, что комплекс кастрации универсален, однако это, по-видимому, подразумевалось. Комплекс кастрации объясняется здесь главенством пениса для детей обоего пола, причем высказывается также мысль о его нарциссическом значении: "Уже в детстве пенис является ведущей эрогенной зоной и главным автоэротическим объектом, причем оценка его роли у мальчика вполне логично связана с невозможностью представить человека, подобного себе, но лишенного этого важного органа" (1).

С этого момента фантазм кастрации выражается посредством различных символов: так, объект, находящийся под угрозой, может быть смещен (ослепление Эдипа, вырывание зубов и пр.), само это действие может совершаться в иной форме, заменяться другого рода покушениями на телесную целостность (несчастные случаи, сифилис, хирургические операции), а также на целостность психики (безумие как следствие мастурбации), отец может предстать в образе предметов-заместителей (например, животные, вызывающие страх у субъектов, страдающих фобиями). Комплекс кастрации считался причиной целого ряда клинических проявлений (Зависть к пенису*, Табу девственности, Чувство неполноценности* и пр.); его воздействие обнаруживалось при любых душевных расстройствах, особенно при извращениях (гомосексуальность, фетишизм) (β). Однако лишь много позже Фрейд отвел комплексу кастрации важнейшее место в эволюции детской сексуальности применительно к обоим полам, показав его взаимодействие с Эдиповым комплексом, и выдвинул мысль о его всеобщем значении. Эти концептуальные разработки были сделаны в период открытия Фрейдом фаллической стадии*: "На этой стадии детской сексуальной организации существует лишь *мужское*, но не женское, и, стало быть, альтернатива такова: либо *мужской генитальный орган*, либо *кастрация*" (2). Единство комплекса кастрации у обоих полов немыслимо без этой единой основы: объект кастрации — фаллос — имеет общее значение и для девочки, и для мальчика, вызывая один и тот же вопрос — иметь или не иметь фаллос (см. этот термин). Комплекс кастрации неизменно обнаруживается в любом психоаналитическом курсе (3).

Другая теоретическая характеристика комплекса кастрации связана с его воздействием на *нарциссизм*: фаллос рассматривается ребенком как главная часть собственного образа, а потому любая угроза фаллосу подвергает опасности и сам этот образ; отсюда действенность связки между этими двумя элементами: господством фаллоса и раной, нанесенной нарциссизму ребенка.

Среди конкретных данных, связанных, по Фрейду, с возникновением комплекса кастрации у ребенка, важную роль играют два факта: во-первых, сама *констатация* ребенком анатомической разницы между полами, необходимая для появления комплекса

кастрации, и, во-вторых, *угроза* кастрации — реальная или же фантазматическая. В роли кастрирующего выступает для ребенка отец, как облеченный авторитетом персонаж, в котором воплощены в конечном счете все угрозы со стороны других людей. Для девочки ситуация не столь четко определена: она ощущает скорее нехватку пениса, не данного ей матерью, нежели собственно кастрацию, осуществленную отцом.

Соотношение Эдипова комплекса с комплексом кастрации различно для различных полов. Перед девочкой последний открывает путь поиска, приводящего к желанию отцовского пениса как моменту входа в Эдипову стадию. Для мальчика комплекс кастрации порождает запрет на мать как на объект желания и свидетельствует, напротив, о том, что комплекс Эдипа входит в свою завершающую стадию; страх кастрации открывает латентный период* и ускоряет образование *Сверх-Я** (4).

*

Психоаналитики постоянно сталкиваются в своей практике с комплексом кастрации. Как объяснить его почти обязательное присутствие у каждого человека, если реальные угрозы, на основе которых он порою возникает, имеют место далеко не всегда, скорее даже редко, и еще реже приводятся в исполнение? Кроме того, очевидно, что девочка вряд ли может серьезно опасаться утраты того, чего она и так лишена. Вследствие этой неясности психоаналитики стремились найти обоснование комплексу кастрации в иной реальности, нежели угроза кастрации. Эти теоретические разработки шли в различных направлениях.

Страх кастрации, очевидно, обусловлен переживанием травмы, в котором есть элемент утраты, разрыва с объектом: это периодическое отнятие груди в период кормления, это окончательное отлучение от груди, дефекация. Значимость этих событий подтверждается рядом символических замен, обнаруженных психоанализом: это частичные объекты*, от которых субъект оказывается отлученным: пенис, грудь, фекалии, новорожденный ребенок. В 1917 г. Фрейд посвятил чрезвычайно интересный текст эквивалентности замен пенис—фекалии—ребенок, судьбам связанных с этими заменами желаний, а также их сложным отношениям с комплексом кастрации и нарциссическими притязаниями: мальчик считает, что "пенис есть нечто такое, что можно отделить от тела, и строит аналогию между пенисом и фекалиями — той первой телесной субстанцией, с которой ребенок вынужден расставаться" (5).

Продолжая эту линию рассуждений, А.Штерке первым выделил

опыт сосания груди и отнятия от груди как прообраз кастрации: "...часть тела, аналогичная пенису, дается ребенку другим человеком, будто его собственная (с этим связано чувство удовольствия), но затем отбирается, вызывая неудовольствие ребенка" (6а). Эта *первичная кастрация*, которая повторяется при каждом кормлении и завершается полным отлучением от груди, выступает здесь как единственный реальный опыт, способный объяснить универсальность комплекса кастрации: утрата материнской груди — это предельный бессознательный смысл, постоянно всплывающий вместе с размышлениями, страхами, желаниями, образующими комплекс кастрации.

Ранк также сделал попытку обосновать комплекс кастрации изначально переживаемым реальным опытом. Он считал, что отрыв от матери при травме рождения и связанные с этим физические реакции служат прообразом любого последующего страха. Он пришел к выводу, что страх кастрации — это отклик, опосредованный длинным рядом подкрепляющих травму переживаний, на страх, испытанный при рождении.

Фрейд сдержанно относился к этим концепциям. Усматривая "корни" комплекса кастрации в различных формах орального и анального опыта, он продолжал считать, что *комплексом кастрации* "следует называть беспокойство по поводу утраты *пениса* и его последствия" (3b). По-видимому, Фрейд здесь заботился не только о терминологической строгости. Развернуто обсуждая концепцию Ранка в работе Торможение, симптом, страх" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926), Фрейд подчеркивал свой интерес к истокам страха кастрации и к самому понятию обособления, утраты нарциссически значимого объекта как во мла́денчестве, так и в различных формах последующего опыта (например, страх как нравственное чувство, осмысляемое как страх разрыва со *Сверх-Я*). Вместе с тем в этой обобщающей работе мы постоянно сталкиваемся со стремлением Фрейда отграничить свою позицию от ранковской и одновременно сделать комплекс кастрации в его прямом значении основой клинического опыта психоанализа.

Существуют, однако, и более глубокие причины отказа Фрейда от подобных подходов, противоречащих теоретическому смыслу его понятий. Возьмем, к примеру, понятие последействия*: оно несовместимо с попытками все дальше углубляться в раннее детство в поисках прообраза этого опыта. А вот другое понятие — первофантазм*; Фрейд использовал его при осмыслении кастрации. Обе части этого составного термина — знаки-указатели: "фантазм" указывает на то, что воздействия кастрации не связаны ни с ее реальным осуществлением, ни даже с явно сформулированной угрозой родителей; "перво" — на то, что кастрация — это один из моментов всей совокупности межличностных отношений, где возникает, упо-

рядочивается и обособляется человеческое желание, даже если страх кастрации возникает лишь на фаллической стадии и не играет ведущей роли в ряду форм опыта, порождающих страх. Фактически роль комплекса кастрации в психоанализе нельзя понять вне связи с главным и устойчивым тезисом Фрейда — тезисом об Эдипе как ядре и структурирующей силе человеческого опыта.

Если ограничиться случаем мальчика, парадокс фрейдовской теории комплекса кастрации будет выглядеть так: ребенок способен преодолеть Эдипову стадию и (само)отождествиться с отцом только если он прошел через кризис кастрации и столкнулся с запретом на использование пениса как орудия желания, направленного на мать. Комплекс кастрации следует понимать в связи с порядком культуры, где право на использование чего-либо всегда связано с запретом. В "угрозе кастрации", которая запечатлевает запрет инцеста, воплотилась функция Закона, устанавливающего человеческий порядок; в мифической форме мы видим это (см. "Тотем и Табу" [Totem und Tabu], 1912) в "теории" праотца, который, угрожая сыновьям кастрацией, присвоил себе исключительное право сексуального обладаниями самками в орде.

Именно потому, что комплекс кастрации является априорным условием упорядочения межличностного обмена сексуальными объектами, он может принимать в конкретном опыте различные формы, выражаться различными и одновременно взаимодополнительными способами, как в приводимых Штерке примерах, где соединяются субъект и Другой, утрата и приобретение:

1. я кастрирован (сексуально изуродован), я буду кастрирован.
2. Я получу (я желаю получить) пенис.
3. Другой человек кастрирован, он должен быть (будет) кастрирован.
4. Другой человек получит пенис (имеет пенис)" (6b).

α) В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) все места, связанные с кастрацией, были добавлены в 1911 г. и в последующих изданиях, за исключением ссылки (фактически ошибочной) на кастрацию Кроноса Зевсом.

β) При таком подходе можно построить психоаналитическую нозографию, опираясь на различные способы существования и преобразования комплекса кастрации, о чем свидетельствуют мысли Фрейда о неврозах (7), фетишизме и психозах, высказанные в конце его работы.

(1) Freud (S.). Über infantile Sexualtheorien, 1908. G.W., VII, 178; S.E., IX, 215-216.

(2) Freud (S.). Die infantile Genitalorganisation, 1923. G.W., XIII, 297; S.E., XIX, 145.

(3) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. — a) Cf. G.W., VII, 246, n.1, добавл. в 1923; S.E., X, 8, n. 2; франц., 95—96, n. — b) G.W., VII, XIII, 395; S.E., XIX, 173; франц., 394 sqq.

(4) Cf. Freud (S.). Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924. G.W., XIII, 395; S.E., XIX, 173; франц., 394 sqq.

(5) Freud (S.). Über Triebumsetzungen insbesondere der Analerotik, 1917. — G.W., X, 409; S.E., XVII, 133.
(6) Starcke (A.). The castration complex. In: I.J.P., 1921, II. — a) 182. — b) 180. S.E., XX, 101—110; франц., 19—29.
(7) Cf. Freud (S.). Hemmung, Syptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 129—139; S.E., XX, 101—110; франц., 19—29.

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Нем.: Minderwertigkeitskomplex. — Франц.: complexe d' infériorité. — Англ.: complex of inferiority. — Исп.: complejo de inferioridad. — Итал.: complesso d' inferiorità, — Португ.: complexo de inferioridade.

● Понятие адлеровской психологии: обозначает в общем совокупность установок, представлений или поступков, выражающих в более или менее замаскированном виде чувство неполноценности и связанные с ним реакции.

См.: Чувство неполноценности.

КОМПЛЕКС ОТЦОВСКИЙ

Нем.: Vaterkomplex. — Франц.: complexe paternel. — Англ.: father complex. — Исп.: complejo paterno. — Итал.: complesso paterno. — Португ.: complexo paterno.

● Понятие Фрейда, обозначающее один из главных аспектов Эдипова комплекса — амбивалентное отношение к отцу.

КОМПЛЕКС ЭДИПОВ

Нем.: Ödipuskomplex. — Франц.: complexe d' Œdipe. — Англ.: Oedipus complex. — Исп.: complejo de Edipo. — Итал.: complesso di Edipo. — Португ.: complexo de Édipo.

● Упорядоченная совокупность любовных и враждебных желаний ребенка, направленных на родителей. В своей так называемой *позитивной* форме этот комплекс развертывается так же, как история царя Эдипа, и предполагает желание смерти сопернику того же пола и сексуальное желание, направленное на родителя противоположного пола. В *негативной* форме, напротив, это любовь к родителю того же пола и ревнивая ненависть к родителю противоположного пола. В той или иной степени обе эти формы образуют Эдипов комплекс в его завершенном виде.

По Фрейду, Эдипов комплекс достигает своей высшей точки между тремя и пятью годами, в фаллической фазе; его угасание наблюдается при наступлении латентного периода. В пубертатный

период наблюдается возрождение Эдипова комплекса, который преодолевается тем или иным выбором объекта.

Эдипов комплекс — основа структурирования личности и формирования человеческих желаний.

Психоаналитики видят в нем опору всей психопатологии и стремятся выявить своеобразие его возникновения и его устранения для каждого вида патологии.

Психоаналитическая антропология занята поисками Эдипова треугольника как универсальной структуры в самых различных культурах, а вовсе не только там, где преобладает семья, основанная на брачных узах.

■ Хотя само выражение "Эдипов комплекс" появляется в работах Фрейда лишь в 1910 г. (1), из контекста ясно, что к этому времени оно уже использовалось в психоаналитической литературе (α). Это открытие было подготовлено длительным психоанализом пациентов (см.: Соблазнение) и сделано Фрейдом во время самоанализа, который привел его к признанию в себе любви к матери и смешанной с любовью ревности к отцу: 15 октября 1897 г. он писал Флиссу: "...становится понятно, почему "Царь Эдип" захватывает нас с такой силой [...]; греческий миф выявляет навязчивое состояние, которое признает, прослеживает в себе каждый человек" (2а).

Заметим, что уже при этом первом упоминании Эдипова комплекса Фрейд обращается к мифу, выходящему за рамки истории разнообразного индивидуального опыта. Он с самого начала подчеркивает универсальность Эдипа, впоследствии лишь усиливая этот тезис: "Всякое человеческое дитя сталкивается с задачей преодоления Эдипова комплекса..." (3).

Мы не будем здесь описывать путь к этому открытию и связанные с ним проблемы: его история совпадает с историей самого психоанализа; заметим, впрочем, что Фрейд нигде не дает последовательного изложения концепции Эдипова комплекса. Ограничимся здесь указанием на ряд проблем, связанных с местом, ролью и значением Эдипа в эволюции индивида.

I. Эдипов комплекс был впервые обнаружен в простой и позитивной форме (именно так он предстает и в мифе). Однако, как заметил Фрейд, это лишь "упрощение и схематизация" реального опыта во всей его сложности: "... для мальчика характерно не только амбивалентное отношение к отцу и выбор матери как объекта любви, но одновременно и свойственная девочке нежность к отцу и ревнивая враждебность по отношению к матери" (4). На самом деле между позитивной и негативной формами простирается ряд смешанных случаев, где эти две формы сосуществуют в диалектическом взаимодействии и где, стало быть, анализ призван

раскрыть различные позиции субъекта при разрешении Эдипова конфликта.

Эдипов комплекс, как подчеркивала Рут Мак Брунсвик, обозначает место ребенка в семейном треугольнике (5). Описание Эдипова комплекса в его развернутой форме позволило Фрейду объяснить амбивалентное отношение к отцу у мальчика через взаимодействие гетеросексуальных и гомосексуальных моментов, а не просто как ситуацию соперничества.

1) Первые разработки фрейдовской теории Эдипова комплекса строились на примере мальчика. Фрейд долгое время считал, что mutatis mutandis комплекс Эдипа может быть отнесен и к девочке. Однако это отвергается рядом обстоятельств:

а) во-первых, во фрейдовской статье о "генитальной организации либидо у ребенка" уже содержалась мысль о том, что на фаллической стадии, при достижении высшей точки развития Эдипова комплекса, для детей обоего пола существует лишь один значимый орган — фаллос* (6).

б) Во-вторых, возрастает роль доэдипова периода привязанности к матери. Доэдипова стадия очень четко представлена у девочки, поскольку для нее Эдипов комплекс означает перемену объекта любви, переход от матери к отцу (7а).

Продвигаясь далее в этих двух направлениях, психоаналитики стремились выявить специфику женского Эдипа.

2) Поначалу Фрейд не определял четко возраст, связанный с Эдиповым комплексом. В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) окончательный выбор объекта отнесен лишь к периоду половой зрелости, а детская сексуальность трактуется как по существу автоэротическая. При таком подходе Эдипов комплекс, впервые возникнув в детстве, выходит на передний план лишь в период половой зрелости и довольно быстро преодолевается. Нечеткость позиции Фрейда по этому вопросу заметна и в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in der Psychoanalyse), хотя к этому времени Фрейд уже признал, что ребенок, подобно взрослому, способен к выбору объекта (8).

В итоге, признав существование детской генитальной организации и фаллической стадии, Фрейд связал Эдипа именно с этой стадией, или, иначе, с периодом между тремя и пятью годами.

3) Как мы видим, Фрейд всегда признавал наличие в жизни индивида особого периода, предшествующего Эдипову комплексу. Те исследователи, которые разграничивают и даже противопоставляют *доэдипов* период Эдипову, идут еще дальше, подчеркивая роль сложного *отношения* между матерью и ребенком и прослеживая фиксацию на этом отношении в самых различных психопато-

логических структурах. Такой подход оспаривает известное утверждение, согласно которому Эдип — это "ядро неврозов".

Многие авторы считают, что существование дуального отношения, предшествующего Эдипову треугольнику, означает, что конфликты этого периода могут быть проанализированы без учета соперничества с третьим лицом.

Как известно, М. Кляйн и ее сторонники ставят акцент на самых ранних стадиях детства, не называя доэдиповской ни одну из стадий. Для сторонников Кляйн Эдипов комплекс связан с так называемой депрессивной установкой*, при которой ребенок вступает в отношения со взрослыми как с цельными персонажами (9).

По вопросу о доэдиповой *структуре* Фрейд всегда высказывался сдержанно: он далеко не сразу признал все значение первоначальной связи ребенка с матерью и удивлялся открытиям, связанным с доэдиповой стадией у девочек, которые были сделаны преимущественно женщинами-психоаналитиками (7b). Однако Фрейд полагал, что для объяснения этих фактов вовсе не обязательно прибегать к Эдипову комплексу (см.:Доэдипов).

II. Отказ Фрейда поставить эдиповские отношения на один уровень с доэдиповскими (со структурной или этиологической точки зрения) вполне согласуется с его представлением об особом значении Эдипова комплекса. По Фрейду, это находит обоснование в основных функциях Эдипова комплекса:

а) выбор объекта любви по достижении половой зрелости обусловлен не только энергетической нагруженностью объекта и всевозможными (само) отождествлениями, внутренне присущими Эдипову комплексу, но и запретом инцеста;

б) переход к генитальной стадии ни в коей мере не обеспечивается одной только биологической зрелостью. Генитальная организация предполагает установившееся господство фаллоса — недостижимое без разрешения Эдипова кризиса на пути (само)отождествления;

в) комплекс Эдипа воздействует на формирование личности и образование различных инстанций, особенно инстанции *Сверх-Я* и *Идеал-Я*.

Фрейд связывает эти структурирующие моменты в становлении личностной топики с угасанием Эдипова комплекса и вступлением в латентный* период. В этом процессе он видит не только вытеснение: "В идеальном случае этот период есть не что иное, как разрушение, подавление комплекса [...]. Если же *Я* смогло лишь вытеснить комплекс, он бессознательно сохраняется в *Оно* и впоследствии проявляет себя патогенными воздействиями" (10а). В приводимой здесь статье Фрейд обсуждает различные факторы, вызывающие угасание Эдипова комплекса. У мальчика именно отцовская "угроза кастрации" приводит в итоге к отказу от инцес-

туозного объекта, так что Эдипов комплекс устраняется быстро и решительно. У девочки отношение Эдипова комплекса к комплексу кастрации* совершенно иное: "... если у мальчика Эдипов комплекс подрывается комплексом кастрации, то у девочки, наоборот, комплекс кастрации создает саму возможность Эдипова комплекса и приводит к его возникновению" (11). У девочки "...отказ от пениса невозможен без возмещения ущерба. Девочка проходит путем символических замен от пениса до ребенка, так что высшей точкой Эдипова комплекса выступает ее давнее желание получить в подарок ребенка от своего отца, родить ему ребенка" (10b). Следовательно, в этом случае четко указать момент угасания Эдипова комплекса гораздо сложнее.

III. Это описание не позволяет в полной мере учесть *основополагающий* характер Эдипова комплекса у Фрейда, представленный (см. "Тотем и табу") в гипотезе об убийстве праотца как моменте рождения человечества. С исторической точки зрения эта гипотеза весьма проблематична: ее следует понимать прежде всего как мифическое выражение неизбежности для каждого человека быть "Эдипом в зародыше" (2b). Эдипов комплекс не сводится ни к какой реальной ситуации, ни к какому действительному влиянию родителей на ребенка. Его действенность обусловлена тем, что он вводит инстанцию запрета, преграждающую доступ к естественному удовлетворению желаний и связывает неразрывной связью желание и закон (этот момент подчеркивал Жак Лакан). При таком подходе возражения Малиновского, подхваченные так называемой "культуралистской школой", теряют свою остроту. Суть их сводится к тому, что в некоторых культурах, где отец не выполняет репрессивной функции, Эдипова комплекса не существует, а на его месте складывается ядерный комплекс, характерный для данной социальной структуры. Сталкиваясь с такими культурами, психоаналитики попытались выяснить, какие реальные лица, какие институты воплощают функцию запрета, в каких социальных механизмах складывается структура треугольника *ребенок — естественный объект его влечений — носитель закона.*

Такая структурная концепция Эдипа согласуется с тезисом Клода Леви-Стросса (см. "Элементарные структуры родства"), который видит в запрете инцеста всеобщий, необходимый и достаточный закон отделения "культуры" от "природы" (12).

Трактовка Эдипова комплекса как выхода за рамки любого индивидуального опыта, в котором он воплощается, находит опору в другом фрейдовском понятии — в понятии первофантазии*. Эти "филогенетически передаваемые" схемы упорядочивают воображаемую жизнь субъекта и выступают как варианты ситуации треугольника (соблазнение, первосцена, кастрация и пр.).

Сосредоточившись на отношениях в треугольнике, мы неизбеж-

но отводим важную роль в формировании Эдипова комплекса не только субъекту и его влечениям, но и другим полюсам отношения (бессознательные желания каждого из родителей, соблазнение*, отношения между родителями).

В структуре личности интериоризируются и сохраняются наряду с образом того или иного родителя именно эти различные типы отношений между всеми тремя полюсами треугольника.

α) Фрейд употребляет выражение Kernkomplex (ядерный комплекс) как аналог Эдипова комплекса. Оно впервые встречается в работе "О детских сексуальных теориях" (Über infantile Sexualtheorien, 1908). Согласно Д. Лагашу, в этом тексте рассматривается конфликт между детскими сексуальными поисками и вопросами, с одной стороны, а с другой — лживыми ответами взрослых.

(1) Cf. Freud (S.). Über einen besonderen Typen der Objektwahl beim Manne, 1910. — G.W., VIII, 73; S.E., XI, 171; франц., 7.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Нем., 238; англ., 223—224; франц., 198.

(3) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 127, n.2 (добавл. в 1920); S.E., VII, 226, n. 1; франц., 187, n.82.

(4) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 261; S.E., XIX, 33; франц., 187—188.

(5) Cf. Mack Brunswick (R.). The Preoedipal Phase of the Libido Development, 1940. In Psa. Read., 232.

(6) Cf. Freud (S.). Die infantile Genitalorganisation, 1923. G.W., XIII, 294—295; S.E., XIX, 142.

(7) Cf. Freud (S.). Über die weibliche Sexualität, 1931. — a) G.W., XIV, 517—537; S.E., XXI, 223—243. — b) G.W., XIV, 519; S.E., XXI, 226—227.

(8) Cf. Freud (S.). G.W., XI, 338; S.E., XVI, 326; франц., 351.

(9) Cf. Klein (M.). Some Theoretical Conclusions regarding the Emotinal Life of the Infant, 1952.In: Developments.

(10) Freud (S.). Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924. — a) G.W., XIII, 399; S.E., XIX, 177; франц., 397. — b) G.W., XIII, 401; S.E., XIX, 178—179; франц., 309.

(11) Freud (S.). Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds, 1925. G.W., XIV, 28; S.E., XIX, 256.

(12) Cf. Lévi-Strauss (C.). Les structures élémentaires de la parenté, Paris, P.U.F., 1949. Введение и гл. II. Passim.

(13) Cf. Freud (S.). G.W., VII, 176; S.E., IX, 213—214.

КОМПЛЕКС ЭЛЕКТРЫ

Нем.: Elektrakomplex. — Франц.: complexe d'Électre. — Англ.: Electra complex. — Исп.: complejo de Electra. — Итал.: complesso di Elettra. — Португ.: complexo de Electra.

◘ Понятие Юнга, обозначающее женский Эдипов комплекс: свидетельствует о симметричности отношений детей обоего пола к родителям.

◘ Юнг впервые использовал выражение "комплекс Электры" в своей

работе "Опыт описания психоаналитической теории" (Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie, 1913) (1). Фрейд сразу же заявил, что не видит смысла в таком выражении (2), а в статье о женской сексуальности высказался еще решительнее: женский Эдип не тождествен мужскому, "...только у мальчика складывается это определяющее всю его судьбу отношение между любовью к одному из родителей и ненавистью к другому как к сопернику" (3).

Различие в воздействии комплекса кастрации на детей разного пола, особое значение для девочки доэдиповской привязанности к матери, роль фаллоса для обоих полов — все это обосновывает отказ Фрейда от термина "комплекс Электры", предполагающего одинаковую позицию мальчика и девочки по отношению к родителям.

(1) Jung (C.G.). Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie. In: Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopatologische Forschungen, vol. V, 1913, p. 370.

(2) Freud (S.). Über die Psychologenese eines Falles von weiblicher Homosexualität, 1920. G.W., XII, 281, n.1; S.E., XVIII, 155, n.; франц., 138 n.

(3) Freud (S.). Über die weibliche Sexualität, 1931. G.W., XIV, 521; S.E., XXI, 229.

КОМПОНЕНТ ВЛЕЧЕНИЯ

Нем.: Triebkomponente. — Франц.: composante pulsionnelle. — Англ.: instinctual component. — Исп.: componente instintivo. — Итал.: componente di pulsione. — Португ.: componente impulsor(a) или pulsional.

См.: Влечение частичное.

КОНВЕРСИЯ

Нем.: Konversion. — Франц.: conversion. — Англ.: conversion. — Исп.: converción. — Итал.: conversione. — Португ.: conversão.

● Механизм образования симптомов при истерии, особенно при конверсионной истерии (см. этот термин).

Смещение психического конфликта и попытка разрешить его через различные симптомы — соматические, моторные (например, различного рода параличи) или чувственные (например, утрата чувствительности или локализованные боли).

Термин "конверсия" у Фрейда соотносится прежде всего с его ***экономической*** **концепцией: либидо, отделенное от вытесненного представления, преобразуется в нервную энергию — энергию иннервации. Но для симптомов конверсии характерно как раз** ***символическое*** **значение, или, иначе, телесное выражение вытесненных представлений.**

◘ Понятие конверсии было введено Фрейдом в психопатологию для учета трудно доступного осмыслению "прыжка из психики в соматическую иннервацию" (1). Эта мысль, которая отличалась новизной в конце XIX в., получила в дальнейшем, как известно, широкое распространение, особенно в связи с развитием психосоматических исследований. Тем более следует выделить в этом расширившемся поле то, что относится к собственно конверсии. К этому стремился и сам Фрейд, разграничивая истерические и соматические симптомы актуальных неврозов.

Понятие конверсии возникло уже в самых ранних исследованиях истерии у Фрейда (см. случай Эмми фон Н. в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) и в "Психоневрозах защиты" (Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894)). Это понятие имеет прежде всего экономический смысл: речь идет о преобразовании либидинальной энергии в соматическую иннервацию. Конверсия предполагает отделение либидо от представления в процессе вытеснения, а затем "перенос" этой либидинальной энергии в область телесного (2a).

Такое экономическое истолкование конверсии неразрывно связано у Фрейда с ее символическим истолкованием: вытесненные представления, искаженные механизмами сгущения и смещения, "говорят" через телесные симптомы. По Фрейду, символическое отношение симптома к его значению таково, что один и тот же симптом может выражать множество значений не только одновременно, но и последовательно: " Со временем одно из значений симптома или даже его основное значение может измениться [...]. Процесс возникновения подобного симптома столь запутан, перенос чисто психического возбуждения в область тела (его я и называю конверсией) настолько зависит от благоприятного стечения множества обстоятельств, соматическое укоренение, необходимое для конверсии, происходит столь не просто, что натиск бессознательного, подталкивающий возбуждения к разрядке, подчас заставляет удовлетвориться прежним способом такой разрядки" (4).

Что же касается причин, по которым образуются скорее конверсионные симптомы, нежели, скажем, симптомы фобии или навязчивости, то Фрейд здесь ссылается прежде всего на саму "способность к конверсии" (2b) — эта же мысль содержится и в выражении "соматическое укоренение"*: речь идет о врожденной или приобретенной предрасположенности данного субъекта к конверсии, а более конкретно — об использовании для этого определенного органа или аппарата. Этот вопрос заставляет также обратиться к проблемам "выбора невроза"* и своеобразия невротических структур.

Каково место конверсии с точки зрения нозографической?

1) В области *истерии*. Поначалу Фрейд считал конверсию механизмом, постоянно (хотя и в различной степени) присутству-

ющим в истерии. Дальнейшее изучение истерии привело к тому, что Фрейд включил в понятие истерии такие разновидности невроза, при которых конверсии не наблюдается (это прежде всего фобический синдром, или, иначе, истерия страха*), что, в свою очередь, позволило вычленить конверсионную истерию как таковую.

2) В более широкой области *неврозов*. Телесные симптомы, символически связанные с бессознательными фантазиями субъекта, были обнаружены не только при истерии, но и при других разновидностях невроза (ср. кишечные расстройства у Человека с волками). Нужно ли тогда считать конверсию главным механизмом образования симптомов, действующим, хотя и в разной степени, в различных видах невроза, или же следует по-прежнему видеть в ней особенность истерии, отыскивая в других видах расстройств "истерическое ядро" или же констатируя "смешанный невроз"? И ведь дело здесь не только в названиях: речь идет о структурной дифференциации неврозов, а не только о различиях в их симптоматике.

3) В области, называемой ныне *психосоматикой*. Не желая предвосхищать решение и поныне нерешенных вопросов, отметим современную тенденцию к отличению истерической конверсии от других процессов симптомообразования; слово "соматизация", к примеру, было подсказано именно этими процессами. Согласно этому подходу, симптом истерической конверсии имеет более тесную символическую связь с историей субъекта и хуже поддается вычленению в виде отдельной классификационной единицы (подобно раку желудка или гипертонии), к тому же он менее устойчив и пр. Хотя разграничить все эти явления на уровне клинического опыта во многих случаях вполне возможно, сделать это в теории по-прежнему очень нелегко.

(1) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwansneurose, 1909. G.W., VII, 382; S.E., X, 157; франц., 200.

(2) Cf. Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. — a) G.W., I, 63; S.E., III, 49. — b) G.W., I, 65; S.E., III, 50.

(3) Ср., например: Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 212; S.E., II, 148; франц., 117.

(4) Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. G.W., V,213; S.E., VII, 53; франц., 38.

КОНСТРУКЦИЯ

Нем.: Konstruktion. — Франц.: construction. — Англ.: construction. — Исп.: construcción. — Итал.: costruzione. — Португ.: costrução.

● Термин Фрейда для обозначения такого результата аналитической работы, который выходит за рамки истолкования и дальше отстоит

от исходного материала. Главная цель здесь — реконструкция некоторого периода детства субъекта как в реальных, так и в воображаемых его аспектах.

◘ Трудно, а быть может, и не нужно понимать конструкцию в том узком смысле слова, который придает ему Фрейд в статье "Конструкции в анализе" (Konstruktionen in der Analyse, 1937). Здесь Фрейд стремился прежде всего подчеркнуть трудности в достижении идеальной цели лечения, т. е. ясного и цельного воспоминания при полном устранении инфантильной амнезии*. Психоаналитик вынужден разрабатывать "конструкции", предлагая их пациенту, что в удачных случаях (если конструкция верна и сообщена пациенту в тот момент, когда он готов ее воспринять) может привести к всплыванию в памяти какого-то воспоминания или же отрывков вытесненных воспоминаний (1). Однако и при отсутствии такого результата конструкция для Фрейда имеет особую терапевтическую действенность: " Нередко бывает, что нам не удается заставить пациента вспомнить вытесненное. Но зато, если анализ проведен правильно, мы вызываем у него твердое убеждение в истинности конструкции — убеждение, имеющее такой же терапевтический результат, что и обнаружение вытесненного воспоминания" (2).

Чрезвычайно интересную идею конструкции нельзя свести к ее технической трактовке во фрейдовской статье 1937 г. В сочинениях Фрейда много указаний на то, что тема конструкции, особой организации психического материала присутствует здесь с самого начала, причем в различных смыслах. В период открытия бессознательного Фрейд видел в нем особого рода организацию, которую психоанализ призван перестроить. В речи пациента "вся масса пространственно расположенного патогенного материала оказывается как бы протянутой через узкую щель и приходит к осознанию уже разрезанной на отдельные полоски. Задача психотерапевта — восстановить на этой основе ранее существовавшую организацию. Любитель сравнений может представить себе здесь раскладывание пасьянса" (3).

В работе "Ребенка бьют" (Ein Kind wird geschlagen, 1919) Фрейд берется реконструировать фантазм в целом; некоторые первоначальные этапы по сути своей недоступны воспоминанию, однако внутренняя логика заставляет предполагать существование таких этапов и воссоздавать их.

В целом понятие конструкции не следует относить лишь к деятельности аналитика. Фрейдовская концепция фантазирования

предполагает, что и сами фантазии — это результат психической проработки, осуществляемой субъектом, что это конструкции, в чем-то опирающиеся на реальность, как об этом свидетельствуют детские сексуальные "теории". В конечном счете понятие конструкции поднимает во всем ее объеме проблему бессознательных структур и структурирования психики в ходе лечения.

(1) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XII, 103—104; S.E., XXIII, 178; франц., 46—47.

(2) Freud (S.). Konstruktionen in der Analyse, 1937. G.W., XIV, 53; S.E., XXIII, 265—266.

(3) Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie. In: Studien über Hysterie, 1895, G.W., I, 296; S.E., II, 291; франц., 236.

КОНТРТРАНСФЕР

Нем.: Gegenübertragung. — Франц.: contre-transfert. — Англ.: counter-transference. — Исп.: contratransferencia. — Итал.: controtransfert. — Португ.: contratransferência.

○ Совокупность бессознательных реакций аналитика на личность анализируемого и особенно на его трансфер.

◘ Фрейд говорит о так называемом контртрансфере лишь изредка. Он видит в нем результат "воздействия больного на бессознательные чувства врача" (1а) и подчеркивает, что "никакой аналитик не способен выйти за пределы того, что позволяют ему его собственные комплексы и внутренние сопротивления" (1b), а отсюда и необходимость для психоаналитика пройти личный анализ.

После Фрейда внимание психоаналитиков к понятию контртрансфера возросло, особенно в связи с более частой трактовкой лечения как межличностного взаимоотношения и распространением психоанализа на новые области (детский психоанализ, психозы), где бессознательные реакции психоаналитика могли проявляться ярче. Остановимся здесь лишь на двух моментах:

1) в определении понятия контртрансфера существуют большие различия: одни авторы называют контртрансфером все те личные качества психоаналитика, которые могут проявляться в лечении, другие же ограничивают контртрансфер бессознательными процессами, связанными в психоанализе с трансфером пациента*.

Д. Лагаш понимает контртрансфер в этом последнем смысле (реакция на трансфер другого человека), уточняя, что контртрансфер в этом смысле встречается не только у психоаналитика, но и у анализируемого. Тогда трансфер и контртрансфер не совпадают с процессами, протекающими в пациенте, с одной стороны, и психоаналитике — с другой. Рассматривая психоаналитическую

ситуацию в целом, имеет смысл разграничить применительно к каждому из двух ее участников моменты трансфера и моменты контртрансфера (2).

2) С точки зрения психоаналитической практики, можно выделить три подхода:

а) свести к минимуму контртрансферентные проявления посредством личного психоанализа — так, чтобы в итоге психоаналитическая ситуация, как своего рода отражающая поверхность, запечатлевала лишь трансфер пациента;

б) использовать контртрансфер в психоаналитической работе, не теряя контроля над ним и учитывая, вслед за Фрейдом, что "...в бессознательном каждого человека имеется инструмент, позволяющий истолковывать бессознательные проявления у других людей" (3) (см.: Внимание свободно парящее);

в) руководствоваться в процессе истолкования своими собственными контртрансферентными реакциями, которые нередко путают с переживаемыми эмоциями. Все это предполагает, что отзвуки "одного бессознательного в другом бессознательном" — это единственная подлинно психоаналитическая форма общения.

(1) Freud (S.). Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie, 1910. — a) G.W., VIII, 108; S.E., XI, 144—145; франц., 27. — b) G.W., VIII, 108; S.E., XI, 144—145; франц., 27.

(2) Cf.Lagache (D.). La méthode psychanalytique. In: Michaux (I.) et coll., Psychiatrie, 1036—1066, Paris, 1964.

(3) Freud (S.). Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 445; S.E., XII, 320; франц., 441.

КОНФЛИКТ ПСИХИЧЕСКИЙ

Нем.: psychischer Konflikt. — Франц.: conflit psychique. — Англ.: psychical conflict. — Исп.: conflicto psiquico. — Итал.: conflitto psichico. — Португ.: conflito psiquico.

● Психоаналитический конфликт — это противоположность противоречивых требований внутри субъекта. Конфликт может быть явным (например, конфликт между желанием и нравственным требованием или между двумя противоречивыми требованиями) или же скрытым. В последнем случае конфликт искаженно выражается в явном конфликте, прежде всего в симптомах, нарушениях поведения, в трудностях характера и пр. Психоанализ считает конфликт основой человеческого существа, причем в различных смыслах: это конфликт между желаниями и защитой, конфликт между различными системами или инстанциями, наконец, Эдипов конфликт, при котором происходит не только взаимное столкновение желаний, но также и их столкновение с запретом.

◘ Психоанализ с самого начала столкнулся с психическим конфликтом, который стал главным понятием теории неврозов. В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) ярко показано, что приближение в ходе лечения к патогенным воспоминаниям каждый раз усиливает сопротивление (см.: Сопротивление) пациента, или, иначе, его внутреннюю защиту от "неприемлемых" (unverträglich) представлений. Начиная с 1895—1896 гг. эти защитные механизмы выступают как главная причина возникновения истерии (см.: Истерия защиты), а также других "психоневрозов" (так называемых "психоневрозов защиты"). Невротический симптом оказывается результатом компромисса* между двумя группами представлений, действующими как противонаправленные силы, обе — весомые и давящие: "... описываемый здесь процесс — конфликт, вытеснение, замещение, приводящее к компромиссу, — вновь возникает в психоневротических симптомах" (1). В еще более широком смысле этот процесс проявляется в снах, ошибочных действиях, маскирующих воспоминаниях и пр.

Хотя конфликт как безусловная основа психоаналитического опыта вполне доступен клиническому описанию, построить его метапсихологическую теорию очень нелегко. На протяжении всего творчества Фрейда проблема предельного обоснования конфликта решалась по-разному. Прежде всего конфликт можно изучать на двух различных уровнях: на уровне топики* — это конфликт между системами и инстанциями, а на уровне экономики и динамики — конфликт между влечениями. Для Фрейда важнее второй тип объяснения, хотя сорасчленение этих двух уровней установить в общем не просто, поскольку та или иная психическая инстанция, принимающая участие в конфликте, не обязательно соответствует особому типу влечений.

В рамках первой метапсихологической теории конфликт предстает, с точки зрения топики, как противопоставление систем бессознательного и Предсознания-Сознания, разделенных цензурой*: это противопоставление соотносится с антитезой принципа удовольствия и принципа реальности, при которой принцип реальности стремится к господству над принципом удовольствия. В этот период две главные противоборствующие силы для Фрейда — это сексуальность* и инстанция вытеснения, представляющая, в частности, этические и эстетические побуждения личности. Поводом к вытеснению оказываются особые свойства сексуальных представлений, их несовместимость с *Я**, вызывающая его неудовольствие.

Лишь много позже Фрейд стал выяснять, какие влечения лежат в основе вытеснения. В психическом конфликте он обнаруживал дуализм сексуальных влечений* и влечений к самосохранению* (или, иначе, влечений *Я*). "... С психоаналитической точки зрения, приходится признать, что одни представления вступают в конфликт

с другими, более сильными представлениями (мы обобщенно обозначаем их понятием *Я*, которое, стало быть, строится по-разному в зависимости от ситуации) и, следовательно, подвергаются вытеснению. Откуда берется эта несовместимость между *Я* и некоторыми группами представлений — ведь она-то и порождает вытеснение? [...] Мы обнаружили роль влечений на уровне представлений: оказалось, что каждое влечение стремится к господству и опирается лишь на те представления, которые соответствуют его целям. Эти влечения не всегда друг с другом совместимы и подчас приводят к конфликту интересов. В противоположных представлениях часто выражается конфликт между различными влечениями..." (2). Очевидно, что даже на этом этапе фрейдовской мысли, когда выявляется соответствие между защитными механизмами *Я* и определенным типом влечений, главное противопоставление Голод-Любовь находит свое выражение в конфликте лишь через ряд посредствующих звеньев, трудно доступных выявлению.

Впоследствии, во второй топике, представлена развернутая модель личности, более близкая к конкретным конфликтам как между различными инстанциями, так и внутри той или иной инстанции (например, в структуре *Сверх-Я* — это конфликт между отцовским и материнским полюсами идентификации).

Новый фрейдовский дуализм — между влечениями к жизни* и влечениями к смерти* — был мощным противопоставлением, казалось бы, способным стать основой теории конфликтов. Однако мы и здесь далеки от подлинного соответствия между уровнем предельных начал (Эроса и влечения к смерти) и конкретной динамикой конфликта (см.: Влечения к смерти). Однако этот новый дуализм вносит изменения в понятие конфликта:

1) все яснее видно, что в основе различных инстанций лежат те или иные влечения (например, Фрейд говорит о садизме *Сверх-Я*), причем речь может идти не об одном, а о нескольких влечениях;

2) большинство конфликтных противопоставлений, выявленных Фрейдом в клиническом опыте, связано с влечениями к жизни: "...противоположность между влечениями к самосохранению и влечениями к сохранению рода, а также противоположность любви и вражды — обе включены внутрь Эроса" (3а);

3) что касается влечения к смерти, то оно подчас трактуется Фрейдом не столько как одна из конфликтующих сил, сколько как сам его принцип конфликта — это вражда (neikos), противопоставленная уже у Эмпедокла — любви (filia).

Именно на этом пути Фрейд уточняет "тенденцию к конфликту" — это переменно действующий фактор, наличие которого превращает присущую человеку бисексуальность в конфликт непримиримых требований, а отсутствие — позволяет установить

равновесие между гомосексуальными и гетеросексуальными тенденциями.

Сходным образом можно истолковать понятие соединения влечений у Фрейда. Оно обозначает не только различные пропорции при соединении сексуальности с агрессивностью, поскольку влечение к смерти и само по себе может привести к разъединению (см.: Соединение — Разъединение влечений).

*

При общем взгляде на развитие представлений о конфликте у Фрейда нас поражает, с одной стороны, постоянное стремление Фрейда свести конфликт в конечном счете к неразрешимому дуализму двух противонаправленных мифических начал; с другой стороны, то, что одним из полюсов конфликта всегда оказывается сексуальность*, а другой полюс может меняться (*"Я"*, "влечения *Я*", "влечения к смерти"). Начиная с самых ранних своих работ (см.:Соблазнение) вплоть до "Очерка психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938) Фрейд настаивал на внутренней связи между сексуальностью и конфликтом. Конечно, можно придумать абстрактную теоретическую модель этой взаимосвязи, применимую к "любому требованию влечений", однако "наблюдение неизменно свидетельствует о том, что патогенные возбуждения проистекают из частичных сексуальных влечений" (3b). Каково итоговое теоретическое обоснование ведущей роли сексуальности в конфликте? Эта проблема не получила у Фрейда своего разрешения, хотя на различных этапах творчества он указывал на те или иные черты человеческой сексуальности, свидетельствующие о том, что "слабое место организации *Я* — это его отношение к сексуальной функции" (3c).

Углубленное рассмотрение проблемы психического конфликта неизбежно привело психоанализ к ядру субъективных конфликтов — Эдипову комплексу*. В нем конфликт, еще не успевший стать защитным, уже записан на досубъектном уровне как диалектическая и изначальная связь желания и запрета.

Эдипов комплекс как неоспоримый и фундаментальный факт, формирующий все внутрипсихическое поле ребенка, лежит в основе различных проявлений защитного конфликта (например, отношения *Я* к *Сверх-Я*). Более того, если считать Эдипов комплекс структурой, в которой субъект призван найти свое место, то конфликт в нем присутствует изначально, еще до всякой игры

влечений и защит, в которой строится защитный конфликт, свойственный каждому индивиду.

(1) Freud (S.). Über Deckerinnerungen, 1899. G.W., I, 537; S.E., III, 308.

(2) Freud (S.). Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung, 1910. G.W., VIII, 97; S.E., XI, 213.

(3) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8. — b) G.W., XVII, 112; S.E., XXIII, 186; франц., 55—56. — c) G.W., XVII, 113; S.E., XXIII, 186; франц., 57.

Л

ЛАТЕНТНЫЙ (ПЕРИОД)

Нем.: Latenzperiode или Latenzzeit, иногда Aufschubsperiode. — Франц.: latence (période de —). — Англ.: latency period. — Исп.: período de latencia. — Итал.: periodo di latenza. — Португ.: período de latência.

● Период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости; время остановки в эволюции сексуальности. Его признаки: ослабление половой активности, десексуализация объектных отношений и чувств (особенно преобладание нежности над сексуальными желаниями), появление таких чувств, как стыд и отвращение, возникновение нравственных и эстетических стремлений. Согласно психоаналитической теории, начало латентного периода — угасание Эдипова комплекса; при этом усиливается вытеснение, что приводит к полному отсутствию воспоминаний о первых годах жизни, объектные нагрузки уступают место (само) отождествлению с родителями, развиваются сублимации.

■ Первый подступ к осмыслению латентного периода (α) нам дает биология: это затишье между двумя волнами либидинального "натиска" (Drang) (β). При таком подходе никакого психологического объяснения этого особого периода не требуется: его можно описать через его следствия, как это делается, например, в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) (1a).

Такую позицию занимает и Фрейд, связывая латентный период с угасанием Эдипова комплекса: "Эдипов комплекс должен исчезнуть, когда наступает момент его угасания, подобно тому как молочные зубы должны выпасть, когда начинают расти коренные" (2a). Однако если "натиск" пубертатности в конце латентного периода — это неоспоримый факт, то биологический фактор, определяющий начало этого периода, менее очевиден. По Фрейду, у нас нет оснований "требовать полной согласованности между анатомической зрелостью и психическим развитием" (1b).

Именно поэтому Фрейд был вынужден для объяснения угасания Эдипова комплекса сослаться на его "внутреннюю невозможность" (2b) — на несоответствие между эдиповской структурой и

биологической незрелостью: "... недостижимость ожидаемого удовлетворения, постоянная фрустрированность ребенка принуждают маленького влюбленного отказаться от своего безнадежного стремления" (2с).

Таким образом, понять наступление латентного периода можно лишь в связи с эволюцией Эдипова комплекса и его угасанием у обоих полов (см.: Эдипов комплекс; Комплекс кастрации).

Кроме того, различные социальные институты, действующие заодно со *Сверх-Я,* способствуют сокрытию сексуальности и "могут приводить к полному прекращению сексуальной жизни в тех социальных организмах, которые включили в свою программу полное подавление детской сексуальности. В большинстве первобытных обществ этого не происходит" (3).

Заметим, что Фрейд говорит о латентном *периоде*, а не о стадии*. По-видимому, это можно понять так: хотя в течение латентного периода возможны те или иные сексуальные проявления, из этого, строго говоря, не следует , что при этом возникает какая-то новая сексуальная *организация.*

α) Фрейд утверждает, что заимствовал этот термин у В. Флисса.

β) Первое упоминание о периодах жизни (Lebensalter) или о переходных периодах (Übergangszeiten), "во время которых прежде всего и совершается вытеснение", мы находим в его письме к Флиссу от 30 мая 1896 г. (4).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 77—80; S.E., VII, 176—179; франц., 69—72. — b) G.W., V, 77, n. 2, добавл. в 1920; S.E., VII, 222—223, n.; франц., 178, n. 43.

(2) Freud (S.). Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924. — a) G.W., XIII, 395; S.E., XIX, 173; франц., 394. — b) G.W., XIII, 395; S.E., 173; франц., 394. — c) G.W., XIII, 395; S.E., XIX, 173; франц., 394.

(3) Freud (S.). Selbstdastellung, 1925. G.W., XIV, 64, n. 2, добавл. в 1935; S.E., XX, 37, n. 1; франц., сноска не переведена.

ЛИБИДО

● Энергия, которую Фрейд считает подосновой всех преобразований сексуального влечения в том, что касается его объекта (смещение энергетических нагрузок), его цели (например, сублимация) и источника сексуального возбуждения (разнообразие эрогенных зон).

У Юнга понятие "либидо" используется в расширенном смысле и означает "психическую энергию" как таковую, присутствующую во всем, что "устремляется к чему-либо"(лат. impetus).

■ Слово "либидо" означает по-латыни "желание". Фрейд утверждает, что заимствовал его у А.Молля (Untersuchungen über die Libido sexualis, vol.I, 1898). Оно многократно встречается в письмах и

рукописях, посланных Флиссу, — впервые в Рукописи Е, написанной, по-видимому, в июне 1894 г.

Дать удовлетворительное определение либидо нелегко не только потому, что теория либидо развивалась параллельно с различными этапами теории влечений, но и потому, что само это понятие далеко не однозначно (α). Во всяком случае, Фрейд всегда подчеркивал две особенности влечений:

1) с точки зрения качественной, либидо, вопреки желанию Юнга, нельзя свести к психической энергии как таковой. Если эта энергия и может быть "десексуализирована", особенно при нарциссических нагрузках, то это лишь вторичный процесс, связанный с отказом от собственно сексуальной цели.

Кроме того, либидо у Фрейда — это вовсе не все поле влечений целиком. Поначалу оно противопоставлялось влечениям к самосохранению*. Но когда в конечном счете вся область влечений предстала у Фрейда как либидинальная по своей природе, тогда противопоставление сместилось, превратившись в противопоставление между влечениями либидо и влечениями к смерти. Юнговский монизм был чужд Фрейду, постоянно подчеркивавшему сексуальный характер влечения.

2) Либидо упрочивается как понятие *количественное:* оно "...позволяет измерять процессы и преобразования сексуального возбуждения" (1a). "Его возникновение, его возрастание и убывание, распределение и перемещение позволяют нам объяснять психосексуальные явления" (1b).

Обе эти характеристики подчеркиваются в нижеследующем определении Фрейда: "Слово "либидо" взято из теории аффектов. Оно обозначает количественную (хотя в данный момент и недоступную измерению) сторону энергии влечений, связанных с тем, что понимается под словом "любовь"" (2).

Поскольку сексуальное влечение расположено на границе между телесным и психическим, либидо есть не что иное, как его психический аспект, или, иначе, "динамическое проявление сексуального влечения в душевной жизни" (3). В первых сочинениях Фрейда о неврозе страха* (1896) понятие "либидо" обозначало энергию, отличную от соматического сексуального возбуждения: нехватка психического либидо приводит к возрастанию напряжения на соматическом уровне и непосредственно, без всякой психической обработки, порождает симптомы. При "отсутствии некоторых психических условий" (4) внутреннее сексуальное возбуждение выходит из-под контроля; возникающее при этом напряжение не может плодотворно использоваться психикой и между психическим и соматическим возникает разрыв, порождающий состояние тревоги.

В первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei

Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) либидо, которое относится к любви так же, как голод к пищевому инстинкту, предстает как нечто подобное сексуальному желанию, нацеленному на удовлетворение, и позволяет проследить различные его превращения: правда, при этом речь идет лишь об объектном либидо, которое сосредоточивается, фиксируется на объектах или же оставляет их, переходя с одного объекта на другой.

Поскольку сексуальное влечение осуществляет давление, Фрейд определяет либидо как энергию этого влечения. Именно этот количественный аспект преобладает и в более поздней "теории либидо" с ее опорой на понятия нарциссизма и *Я*-либидо.

Понятие *Я*-либидо легло в основу обобщенной картины либидинальной экономии, которая включила в себя всю область взаимодействий между нагрузками и противонагрузками, приглушив тем самым субъективный смысл понятия "либидо"; Фрейд и сам считал, что теория либидо стала при этом отвлеченной и умозрительной. Быть может, вводя в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) понятие Эроса* как основы влечений к жизни, как стремления организмов сохранять целостность живой субстанции и создавать новые единства, Фрейд стремился восстановить в этом биологическом мифе то субъективное, качественное измерение, которое поначалу было присуще понятию (либидо).

α) Наиболее четкое изложение теории либидо в ее развитии мы находим в статье Libidotheorie (1922) и в главе XXVI "Лекций по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917).

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) Отрывок, добавленный в 1915, G.W., V, 118; S.E., VII, 217; франц., 125. — b) G.W., V, 118; S.E., VII, 217; франц., 126.

(2) Freud (S). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 98; S.E., XVIII, 90; франц., 100.

(3) Freud (S.). "Psychoanalyse" и "Libidotheorie", 1922., G.W., XIII, 220; S.E., XVIII, 244.

(4) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 101; англ. 91; франц., 83.

ЛИБИДО НАРЦИССИЧЕСКОЕ

Нем.: narzisstische Libido. — Франц.: libido narcissique. — Англ.: narcissistic libido. — Исп.: libido narcissta. — Итал.: libido narcisista. — Португ.: libido narcísica.

См.: *Я*-либидо — объектное либидо.

М

МАЗОХИЗМ

Нем.: Masochismus. — Франц.: masochisme. — Англ.: masochism. — Исп.: masoquismo. — Итал.: masochismo. — Португ.: masoquismo.

● Сексуальное извращение, при котором удовлетворение связано со страданием и унижением субъекта.

Для Фрейда мазохизм — не только извращение, описанное сексологами, но нечто большее: с одной стороны, он усматривает элементы мазохизма в самых различных видах сексуального поведения, а его зачатки — в детской сексуальности, с другой — исследует производные формы мазохизма, прежде всего "нравственный мазохизм", при котором субъект под влиянием бессознательного чувства вины стремится занять позицию жертвы, прямо не связанную с сексуальным удовольствием.

■ Крафт-Эббинг первым развернуто описал сексуальное извращение, которое он назвал словом, производным от имени Захер-Мазоха. "Здесь упомянуты все клинические проявления: физическая боль от уколов, ударов палкой или плетью; моральное унижение — рабское подчинение женщине, "необходимо" сопровождающееся телесным наказанием. Крафт-Эббинг обратил также внимание на роль, которую играют при этом мазохистские фантазии. Кроме того, он подчеркивал отношение мазохизма к садизму как к своей противоположности, усматривая в мазохизме как таковом патологическое разрастание женских психических элементов, болезненное усиление некоторых свойств женской души" (1a).

О тесной связи мазохизма с садизмом и о роли этой пары противоположностей в душевной жизни человека (как ее трактовал Фрейд) читатель узнает из статьи "Садомазохизм". Здесь мы представим лишь некоторые понятийные разграничения, введенные Фрейдом и, как правило, принятые в психоанализе.

В работе "Экономическая проблема мазохизма" (Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924) Фрейд различал три формы мазохизма: эрогенный, женский и моральный. Понятие морального мазохизма определить несложно (см. статьи: Потребность в наказании; Чувство вины; *Сверх-Я*; Невроз неудачи; Реакция тера-

певтическая отрицательная), а вот два других понятия могут вызвать недоразумения.

1) Обычно выражение "эрогенный мазохизм" обозначает мазохистское сексуальное извращение (1b). Хотя такое обозначение и представляется вполне уместным (мазохист-извращенец ищет *эротического* возбуждения в боли), оно вряд ли соответствует фрейдовскому пониманию этого выражения. Ведь у него речь шла не о какой-то определенной клинической форме мазохизма, но скорее об основном условии данной разновидности извращения, характерном и для морального мазохизма, а именно о связи между сексуальным удовольствием и болью.

2) Возникает естественное стремление понять "женский мазохизм" как "мазохизм женщины". Фрейд, несомненно, видел в этом "выражение женской сущности", однако в рамках его теории бисексуальности женский мазохизм — это скорее свойство любого человека. Фрейд говорил о женском мазохизме, описывая сущность мазохистского извращения у мужчин: "Если изучить те случаи, в которых мазохистские фантазии представлены в наиболее развернутой форме, нетрудно обнаружить, что они ставят субъекта в типично женские ситуации..." (2).

*

Два других весьма распространенных понятия — это ***первичный мазохизм*** и ***вторичный мазохизм.***

Первичным мазохизмом Фрейд называл такое состояние, при котором влечение к смерти по-прежнему направлено на самого субъекта, будучи при этом связано или даже слито с либидо. Этот вид мазохизма называется первичным, поскольку ему не предшествует этап агрессивности, обращенной на внешний объект, и поскольку он противопоставлен вторичному мазохизму, или, иначе, обращению садизма на себя (в добавление к первичному мазохизму).

Мысль о том, что мазохизм не сводится к обращению садизма на себя, возникла у Фрейда вместе с мыслью о влечении к смерти*.

(1) Nacht (S.). Le masochisme. In.: R.F.P., 1938, X, n. 2. — a) 177. — b) 193.
(2) Freud (S.). G.W., XIII, 374; S.E., XIX, 162; франц., 215.

МАТЕРИАЛ

Нем.: Material. — Франц.: matériel. — Англ.: material. — Исп.: material. — Итал.: materiale. — Португ.: material.

○ Термин, часто используемый в психоанализе для обозначения слов и поступков пациента в их совокупности как сырья для последующих истолкований и конструкций.

■ Понятие материала вместе с понятиями истолкования* и конструкции* обозначают обработку первичных данных, поставляемых пациентом.

Фрейд нередко сравнивал работу психоаналитика с работой археолога, восстанавливающего на основе обломков, найденных при раскопках, разрушенное здание, или же с работой геолога, изучающего различные слои почвы (материал — это и есть "глубоко" залегающий — во временно́м или же структуральном смысле — слой).

В процессе психоанализа Фрейду нередко приходилось (ср. "Конструкции в анализе" — [Konstruktionen in der Analyse], 1937) различать сам материал и его обработку. Однако такое разграничение не могло быть четким, поскольку:

1) в психоаналитической практике невозможно последовательно отделить стадию получения материала от стадии его обработки, ибо на деле мы постоянно сталкиваемся лишь с их взаимодействием. При этом в результате психоанализа иногда возникает новый материал (воспоминания, фантазмы);

2) добычу материала и его обработку невозможно разграничить и как функции соответственно пациента и психоаналитика. Так, пациент может участвовать в истолковании материала, сводя различные трактовки в единое целое (см.: Проработка), и пр.

Таким образом, с понятием материала связана важная сторона в функционировании бессознательного и его продуктов, а именно их чужеродность субъекту сознания. При этом не столь важно, видит ли в них субъект нечто изначально чуждое и потому образующее *материал* или же лишь постепенно (в ходе психоаналитической практики, с применением основного правила*) замечает в своем поведении неконтролируемые симптомные поступки, несводимые к осознаваемым побуждениям и потому поставляющие *материал* для дальнейшего анализа.

Это расплывчатое понимание материала обретает свой смысл во фрейдовской трактовке бессознательного с присущим ей реализмом: так, Фрейд считает возможным говорить о существовании бессознательных "содержаний", патогенного бессознательного материала (1).

(1) Cf. Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. G.W., VII, 356; S.E., X, 123; франц., 181.

МАТЕРИНСТВО КАК ПРИЕМ

Нем.: Bemuttern или mütterliches Betreuen. — Франц.: maternage. — Англ.: mothering. — Исп.: maternalisación. — Итал.: maternage. — Португ.: maternagem.

○ Психотерапевтический прием лечения психозов, прежде всего шизофрении, направленный на установление между врачом и пациентом такого отношения (одновременно и реального, и символического), которое напоминало бы отношения между "хорошей матерью" и ребенком.

◘ Материнство как прием основано на определенной концепции психоза: считается, что психоз возникает вследствие первичных оральных фрустраций во младенчестве в связи с недостатком материнской заботы.

В широком смысле слова материнство подразумевает "все виды ухода за ребенком в атмосфере активной, внимательной и постоянной нежности, связанной с самопожертвованием и характерной для подлинного материнского чувства" (1a); однако чаще это понятие обозначает лишь особый психотерапевтический прием.

Его роль прежде всего восстановительная: необходимо возместить нанесенный психике пациента ущерб, обеспечить ему те реальные удовлетворения, которых он был лишен в отношениях с матерью, а для этого нужно понять основные потребности пациента. Как подчеркивает Ракамье (1b), нужно выяснить, какие потребности лежат в основе психотических защит, и выделить среди них первоочередные ("основные" или "базовые"), отвечая на них иначе, чем того требуют традиции психоаналитического истолкования.

Как именно нужно ответить на эти потребности? Мнения авторов, работавших в рамках этого подхода за последние двадцать лет (среди них Г.Швинг, Дж.Розен, М.-А.Сешеэ), различны. Здесь нет возможности описывать все приемы и идеи, связанные с "материнством". Ограничимся лишь двумя замечаниями:

1) речь вовсе не идет о восстановлении отношений типа мать—младенец во всей их реальности;

2) материнство, как подчеркивают многие авторы, требует от врача не только материнского отношения, но и подлинного эмоционального участия: "Материнское отношение возникает при встрече пациента, который испытывает глубокую, страстную, жизненно важную потребность в пассивном удовлетворении, и врача, способного понимать пациента и идти ему навстречу подобно матери, возвращающейся к покинутому малышу" (1c).

Наконец, концепция материнства должна стать частью более широкой программы психотерапевтического воздействия, включающей также реальное удовлетворение, символический дар и истолкование.

(1) Racamier (P.-C.). Psychothérapie psychanalytique des psychoses. In: La psychanalyse d'aujourd' hui, Paris, P.U.F., 1956. — a) II, 599. — b) II, 601—62. — c) II, 601.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ

Нем.: Metapsychologie. — Франц.: métapsychologie. — Англ.: metapsychology. — Исп.: metapsicología. — Итал.: metapsicologia. — Португ.: metapsicologia.

◘ Термин, которым Фрейд обозначает теоретические аспекты основанной им психологии. Метапсихология разрабатывает совокупность концептуальных моделей, более или менее удаленных от опыта, например изобретает идею психического аппарата, подрасчлененного на несколько инстанций, теорию влечений, концепцию процесса вытеснения и т.д.

Метапсихология включает три плана рассмотрения явлений: динамику, топику и экономику.

◘ Термин "метапсихология" иногда встречается в письмах Фрейда В. Флиссу. Это слово выражает своеобразие фрейдовской попытки построения психологии, ведущей, в отличие от традиционных психологий сознания, "по ту сторону сознания" (1a). Нельзя не отметить аналогию между терминами "метапсихология" и "метафизика" — у Фрейда, по-видимому, преднамеренную. Ведь о своем философском призвании он писал: "Я надеюсь, что ты со вниманием отнесешься к некоторым метапсихологическим проблемам [...]. В молодости я стремился лишь к философскому познанию, и теперь я могу, переходя от медицины к психологии, приблизиться к этой цели" (1b).

Однако размышления Фрейда об отношениях между метафизикой и метапсихологией выходят за рамки простого сходства, поскольку метапсихология, например, определяется как научная попытка перестроить "метафизические" конструкции. Фрейд видел в этих конструкциях (подобно суевериям или паранояльному бреду) проекцию на внешний мир того, что на самом деле присуще бессознательному: "... большая часть мифологической картины мира, вплоть до самых современных религий, есть не что иное, как *проекция психологии на внешний мир*. Неясное осознание (или, иначе, эндопсихическое восприятие) психических факторов и бессознательных процессов отображается [...] в построении *сверхчувственной реальности*, которую наука призвана преобразовать в *психологию бессознательного* [...]. Можно было бы попытаться перестроить *метафизику* в *метапсихологию*" (2).

Впоследствии Фрейд вновь обратился к термину "метапсихология", стремясь дать ему точное определение: "Я называю *метапсихологическим* представлением (Darstellung) [...] описание психического процесса в его *динамических, топических и экономических* отношениях" (3,α). Должны ли мы считать метапсихологическими все теоретические исследования, где

используются понятия и гипотезы, относящиеся к этим трем регистрам? Или, быть может, следует называть метапсихологическими те основополагающие тексты, в которых разрабатываются или объясняются главные гипотезы психоаналитической психологии — ее "принципы" (Prinzipien), "основные понятия" (Grundbegriffe), теоретические "модели" (Darstellungen, Fiktionen, Vorbilder)? У Фрейда есть несколько метапсихологических текстов, которые вехами размечают все его творчество; прежде всего это "Набросок научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895), глава VII из "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychisches Geschehens, 1911), "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), *"Я* и *Оно"* (Das Ich und das Es, 1923), "Очерк психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938). Наконец, в 1915 г. Фрейд задумал и отчасти написал "Подготовительные материалы к метапсихологии" (Zur Vorbereitung einer Metapsychologie), стремясь "...прояснить и углубить теоретические гипотезы, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы" (4, β).

α) Фрейдовскую топику, динамику и экономику Хартманн, Крис и Левенштейн дополнили *генетикой* (см.: Стадия), а Давид Рапапорт — *адаптацией*.

β) Пять из задуманных статей были написаны, а семь других, очевидно, были написаны, но затем уничтожены.

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Письмо от 10.3.98: нем., 262; англ., 246; франц., 218. — b) Письмо от 2.4.96; нем., 173; англ., 162; франц., 143—144.

(2) Freud (S.). Zur Psychologie des Alltagsleben, 1901. G.W., IV, 287—288; S.E., VI, 258—259: франц., 298—299.

(3) Freud (S). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 281; S.E., XIV, 181; франц., 121.

(4) Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1915. G.W., X, 412, n. 1; S.E., XIV, 222, n.1; франц., 162, n.1.

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Нем.: Abwehrmechanismen. — Франц.: mechanismes de défence. — Англ.: mechanisms of defence. — Исп.: mecanismos de defensa. — Итал.: meccanismi di difesa. — Португ.: mecanismos de defesa.

○ Различные типы операций, характерные для психологической защиты. Основные механизмы различаются по типу возникающего душевного расстройства, по зависимости от той или иной генетической стадии, по степени обработки защитного конфликта и пр.

Принято считать, что защитными действиями руководит *Я*,

однако, с теоретической точки зрения, неясно, всегда ли включение защитных механизмов требует опоры на сформировавшееся *Я*.

■ Поначалу понятие механизма обозначало у Фрейда особые сцепления психических явлений, способные стать объектом наблюдения и научного исследования — ср. подзаголовок "Предварительного сообщения" (Vorläufige Mitteilung, 1893) Брейера и Фрейда — "О психическом механизме истерических явлений" (Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene).

В период, связанный с разработкой понятия защиты как основы истерических явлений (см.: Истерия защиты), Фрейд пытался одновременно уточнить роль защиты в других психоневротических расстройствах: "...различные невротические расстройства обусловлены действиями *Я*, его стремлением освободиться от [своей] несовместимости [с тем или иным представлением]" (1).

В "Дальнейших замечаниях о психоневрозах защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896) Фрейд разграничивает механизмы истерической конверсии, навязчивого замещения, параноидной проекции.

Понятие "механизм" периодически возникает на протяжении всего творчества Фрейда. Например, в метапсихологических сочинениях 1915 г. понятие "защитного механизма" употребляется в двух различных смыслах: оно обозначает либо всю *совокупность* защитных процессов, свойственных тому или иному неврозу (2), либо использование *той или иной* "судьбы влечения" (например, вытеснения, обращения на себя, обращения в свою противоположность (3)) с целью защиты.

В "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) "возрождение старого понятия защиты" (4a) обосновывается у Фрейда ссылкой на необходимость более широкого понятия, включающего в себя наряду с вытеснением и другие "методы защиты". При этом подчеркивается возможность установления "тесной внутренней связи между отдельными формами защиты и определенными видами расстройств" и высказывается предположение о том, что "..психический аппарат — еще до четкого разграничения между *Я* и *Оно*, до образования *Сверх-Я* — уже использует методы защиты, отличные от тех, что свойственны более высоким стадиям организации" (4b).

Хотя сам Фрейд, по-видимому, недооценивал наличие подобных мыслей в своих ранних сочинениях, несомненно, что после 1926 г. изучение защитных механизмов стало важной темой психоаналитического исследования, особенно в работах Анны Фрейд. На конкретных примерах она показала разнообразие, сложность, пределы применения защитных механизмов, подчеркивая, что для защиты могут использоваться весьма различные виды действий

(фантазирование, интеллектуальная деятельность), что защита может направляться не только против влечений, но и против всего того, что вызывает тревогу (эмоции, некоторые особые ситуации, требования *Сверх-Я* и пр.). Не претендуя на исчерпывающий и систематический подход, Анна Фрейд перечисляет следующие защитные механизмы: вытеснение*, регрессия*, реактивное образование*, изоляция*, отмена некогда бывшего*, проекция*, интроекция*, обращение на себя*, обращение в свою противоположность*, сублимация*.

Существуют и другие приемы защиты. В этой связи Анна Фрейд называла также отрицание посредством фантазирования, идеализацию*, идентификацию с агрессором* и пр. М. Кляйн описывала в качестве простейших видов защиты расщепление объекта*, проективное (само)отождествление*, отказ от психической реальности, претензию на всевластие над объектами и пр.

*

Более широкое употребление понятия защитного механизма порождает ряд проблем. Можно ли назвать операциональным понятие, которое объединяет столь различные действия, как, скажем, рационализация*, основанная на сложных интеллектуальных механизмах, и обращение на себя* в качестве "судьбы" влечения, которое называют одним и тем же словом, и собственно навязчивое поведение (например, отмена некогда бывшего), и поиск средств "отработки", допускающий некоторые виды сублимации (см.: Механизмы отработки)?

Говоря о "механизмах защиты *Я*", многие авторы обращают внимание на важные различия: "Наряду с такими приемами, как изоляция, отмена некогда бывшего, мы находим здесь и процессы, связанные с влечениями, такие, как регрессия, обращение в свою противоположность, обращение на себя" (5а). Но тогда необходимо показать, что один и тот же процесс развертывается на разных уровнях: например, интроекция, которая поначалу выступает как особое отношение влечения к своему объекту, находит свой телесный прообраз в инкорпорации и может *вторично* использоваться *Я* в процессе защиты (ср. маниакальная защита).

Нельзя упустить из виду и другое важнейшее теоретическое разграничение — то, что выделяет вытеснение среди всех других видов защиты. Фрейд неустанно подчеркивал эту особенность и даже утверждал, что вытеснение есть лишь разновидность защиты (6). И дело здесь, по мнению Анны Фрейд, не в том, что вытесение — это, по сути, постоянная противонагрузка, "наиболее эффективный и одновременно наиболее опасный механизм защиты",

но в том, что именно вытеснение создает бессознательное как таковое (см.: Вытеснение).

Было бы неверно, положив в основу теории понятие защиты *Я*, противопоставить ему требования чистого влечения, принципиально чуждого всякой диалектике: "Если бы не давление *Я* или представляемых им внешних сил с их требованиями, судьба всех влечений сводилась бы лишь к одному — к удовлетворению" (5b).

При таком подходе влечение оказалось бы всецело положительной силой, лишенной каких-либо следов запрета. Но разве *механизмы* первичного процесса — смещение, сгущение и пр., — предполагающие упорядоченную игру влечений, не противоречат такому пониманию?

(1) Breuer (J.) и Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 181; S.E., II, 122; франц., 96.

(2) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 283; S.E., XIV, 184; франц., 126.

(3) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 249—250; S.E., XIV, 147; франц., 70.

(4) Freud (S.). a) G.W., XIV, 197; S.E., XX, 164; фр., 93. — b) G.W., XIV, 197; S.E., XX, 164; франц., 93—94.

(5) Freud (A.). Das Ich und die Abwehrmechanismen, 1936. Франц.: Le moi et les mécanismes de défense, Paris, P.U.F., 1949. — a) 44—45. — b) 38—39.

(6) Ср., например: Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. G.W., XIV, 80; S.E., XXIII, 235; франц., 32.

МЕХАНИЗМЫ ОТРАБОТКИ

Нем.: Abarbeitungsmechanismen. — Франц.: méchanismes de dégagement. — Англ.: working-off mechanisms. — Исп.: mecanismos de desprendimiento. — Итал.: — meccanismi di disimpregno. — Португ.: mecanismos de desimpedimento.

○ Понятие, введенное Э. Бибрингом (1943) и подхваченное Д. Лагашем (1956) в работе над психоаналитической теорией *Я*; оно должно объяснять разрешение защитного конфликта, особенно при лечении. Д.Лагаш противопоставляет механизмы отработки механизмам защиты: цель одних — срочное ослабление внутренних напряжений сообразно с принципом удовольствия — неудовольствия, цель других — реализация имеющихся возможностей, хотя бы и ценой большего напряжения. Это противопоставление связано с тем, что механизмы защиты (или понуждения к защите) бессознательны и действуют автоматически, они подчинены первичному процессу и направлены к единству восприятия, тогда как механизмы отработки подчиняются принципу тождества мыслей и позволяют субъекту постепенно освобождаться от отчуждающих повторений и (само)отождествлений.

□ В свете своей концепции навязчивого повторения* Э. Бибринг

предложил назвать некоторые механизмы *Я*, отличные от механизмов защиты, механизмами *отработки*. Согласно Бибрингу, повторение болезненного опыта под контролем *Я* постепенно приводит к уменьшению боли или привыканию к ней: "Присущие *Я* механизмы отработки не направлены ни на разрядку [отреагирование], ни на обезвреживание напряжений [защитные механизмы]; их цель — постепенное устранение напряжений путем изменения породивших их внутренних условий" (1). Далее Бибринг описывает различные способы отработки, такие, как обособление либидо (при работе скорби*), привыкание к ситуации, порождающей тревогу, и пр.

Вслед за Бибрингом Лагаш подчеркивал неоправданность расширенного понимания защитного механизма одновременно как автоматической бессознательной навязчивости, которую психоанализ стремится устранить, и как действий, направленных на устранение этой навязчивости ("удачная защита").

Лагаш включил понятие механизма отработки в контекст противопоставления сознания и *Я*: сознание (*Я*-субъект) способно (само)отождествляться с *Я*-объектом, отчуждаться в нем (нарциссизм) или, напротив, объективировать *Я* и тем самым освобождаться от него (2).

Лагаш использует понятие отработки в своем целостном подходе к структуре личности. Он перечисляет различные формы процесса отработки в психоаналитической терапии: " ...это переход от повторения поступка к воспоминанию — в мысли и слове; это переход от (само)отождествления, при котором субъект не может отделить себя от пережитого опыта, к объективации, позволяющей ему отстраниться от пережитого; переход от диссоциации к интеграции; отрыв от воображаемого объекта и в итоге перемена объекта; привыкание к ситуациям страха как замена тревожного ожидания травматической, порождающей фантазмы ситуацией; это замена контроля — торможением, опыта — подчинением. Во всех этих примерах защитные действия теряют свою силу, уступая место отработке" (3а).

Таким образом, можно отличить защитные действия *Я*, направленные против влечений *Оно*, от осуществляемой *Я* отработки собственных защитных действий. Приписывание *Я* прямо противоположных функций может быть оправдано лишь тем, что им обеим свойственны выбор и отказ (3b).

(1) Bibring (Ed.). The Conception of the Repetition Compulsion, 1943. In: Psychoanalitic Quaterly, XII, n.4.

(2) Cl. Lagache (D.). Fascination de la conscience par le Moi, 1957. In: Psychanalyse, Paris, P.U.F., vol. 3, 33—46.

(3) Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité, 1958. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., vol. 6. — a) 34. — b) Cf. 34.

МУЖЕСТВЕННОСТЬ—ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Нем.: Männlichkeit—Weiblichkeit. — Франц.: masculinité—féminité. — Англ.: masculinity—femininity. — Исп.: masculinidad — feminidad. — Итал.: mascolinità — femminilità. — Португ.: masculinidade — feminidade.

○ Обычное противоставление, которое понимается в психоанализе сложнее и тоньше, чем обычно полагают: способ, которым человеческий субъект определяет свое отношение к биологическому полу, — это более или менее случайный результат конфликтного процесса.

□ Фрейд подчеркивал, что понятия "мужское" и "женское" многозначны. Во-первых, они имеют *биологическое* значение: субъект обладает теми или иными первичными сексуальными признаками, и в данном случае эти понятия определены четко, хотя, как показал психоанализ, этих биологических признаков недостаточно для понимания психосексуального поведения. Во-вторых, они имеют *социологическое* значение, различное в зависимости от тех реальных и символических ролей, которые выполняются мужчиной и женщиной в данной цивилизации. В-третьих, они имеют *психосексуальное* значение, неизбежно связанное с предыдущими, особенно с социальным. Иными словами, эти понятия весьма проблематичны, и к ним нужно подходить с осторожностью. Например, женщина, профессия которой требует таких качеств, как независимость, сила характера, инициативность и пр., вовсе не обязательно более "мужеподобна", чем другие женщины. Решающее значение при оценке поведения с точки зрения мужественности—женственности имеют те глубинные фантазмы, которые может обнаружить лишь психоаналитическое исследование.

Согласно самому понятию "бисексуальности"*, независимо от того, ищем ли мы его биологическую основу или истолковываем в терминах (само)отождествлений или ролей в Эдиповом треугольнике, любой человек всегда представляет собой более или менее гармоничный, более или менее удачный синтез мужских и женских черт.

Наконец, с точки зрения индивидуального развития, как показывает психоанализ, противопоставление мужское—женское не сразу дается ребенку: ему предшествуют стадии, где преобладают противоположности активный—пассивный (см.: Активность—Пассивность), а затем фаллический—кастрированный, столь важные для детей обоего пола (см.: Фаза фаллическая).

При таком подходе Фрейд говорит, например, о наступлении женственности лишь после того, как девочка выполнит, хотя бы отчасти, двоякую задачу — перемены главной эрогенной зоны

(переход от клитора к влагалищу) и перемены объекта любви (переход от любви к матери к любви к отцу) (1).

(1) Ср., в особенности: Freud (S.). Die Weiblichkeit. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, глава XXXIII; S.E., XXII, глава XXXIII; франц., глава XXXIII.

МЫСЛИ СНОВИДНЫЕ (СКРЫТЫЕ)

Нем.: (latente) Traumgedanken. — Франц.: pensées (latentes) du rêve. — Англ.: (latent) dream-thoughts. — Исп.: pensamientos (latentes) del sueño. — Итал.: pensieri (latenti) del sogno. — Португ.: pensamientos (latentos) do sonho.

См.: Содержание скрытое.

НАВЯЗЧИВОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Нем.: Wiederholungszwang. — Франц.: compulsion de répétition. — Англ.: compulsion to repeat или repetition compulsion. — Исп.: compulsion a la repetición — Итал.: coazione a ripetere. — Португ.: compulsão à repetição.

● А) На уровне конкретной психопатологии неконтролируемый бессознательный процесс, при котором субъект сам ставит себя в затруднительное положение, забыв о том, что он повторяет свой прежний опыт, более того — будучи совершенно убежден, что его поведение полностью обусловлено настоящим моментом.

Б) Фрейд теоретически осмысляет навязчивое повторение как самостоятельный феномен, несводимый в конечном счете к динамике конфликтов с характерным для нее взаимодействием принципа удовольствия и принципа реальности: это явление связано с общей природой влечений и их устойчивостью.

■ Понятие навязчивого повторения лежит в основе работы "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), где Фрейд пересматривает главные понятия своей теории. В этот решающий момент данное понятие столь глубоко пронизывает творчество Фрейда, что вычленить его строгое значение и очертить связанную с ним проблематику весьма не просто: оно слито воедино с колебаниями, тупиками и даже противоречиями поисков Фрейда. И это одна из причин, по которым обсуждение навязчивого повторения в психоаналитической литературе не приносит ясных ответов и непрестанно возобновляется. В эти обсуждения неизбежно вовлекаются такие важнейшие понятия Фрейда, как принцип удовольствия*, влечение*, влечение к смерти*, связывание*.

*

Очевидно, что психоанализ столкнулся с *феноменом* повторения с самого начала. В частности, существуют повторяющиеся симптомы (например, навязчивые ритуалы — особые цепочки действий при неврозах навязчивых состояний), а кроме того возникновение любого симптома обусловлено, с психоаналитической точки зрения,

как раз повторением, в более или менее замаскированном виде, некоторых моментов прежнего конфликта (именно в этом смысле Фрейд в самом начале своей работы называет симптомы мнесическими символами*). В общем вытесненное стремится "вернуться" в настоящее — в форме снов, симптомов, отыгрываний*: "...все, что осталось непонятым, неизбежно возвращается, подобно неприкаянному духу, который обретает покой лишь тогда, когда тайна разгадана и колдовские чары более не властвуют над душой" (1).

В психоаналитической практике трансферентные явления свидетельствуют о настойчивом стремлении вытесненного конфликта к актуализации в отношениях пациента к психоаналитику. Более глубокое осознание роли этих явлений и порождаемых ими проблем психоаналитической техники заставило Фрейда расширить теоретическую модель лечения, дополнив воспоминание как главный момент психоаналитической терапии повторением при трансфере и проработкой* (см.:Трансфер). Выводя на первый план в "По ту сторону принципа удовольствия" понятие навязчивого повторения (оно впервые появляется в "Воспоминании, повторении, проработке" (Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914)), Фрейд связал в некое единство ряд уже обнаруженных фактов и выявил другие факты, в которых повторение выходит на первый план в клиническом аспекте (например, невроз судьбы* и травматический невроз*). Эти явления, как считал Фрейд, требуют дальнейшего теоретического анализа. Однако, поскольку повторялись прежде всего неприятные явления, это мешало найти ту субъективную инстанцию, которая могла бы найти удовлетворение в подобных повторах. Речь, безусловно, шла о навязчивых поступках, в чем можно видеть признак бессознательного, однако понять, какое именно вытесненное желание при этом выполняется, хотя бы и в форме компромисса, было очень трудно.

*

Фрейдовские размышления в первых главах "По ту сторону принципа удовольствия" не приводят к отказу от основной гипотезы, согласно которой даже страдание — при появлении симптома, например, — содержит в себе исполнение желания. Более того, именно в этом тексте Фрейда содержится такая мысль: все, что неприятно одной части психического аппарата, может быть приятно другой. Однако при этом многое остается непонятным. Эти проблемы подытожил Д.Лагаш: существует ли, наряду с настоятельным воспроизводством потребностей, какая-то иная и более фундаментальная потребность к повторению? Хотя Фрейд и признавал, что

навязчивое повторение никогда не встречается в чистом виде, что оно всегда связано с воздействием побуждений, подчиняющихся принципу удовольствия*, он тем не менее придавал этому понятию все большее значение — вплоть до самых последних своих работ (2,3). В "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд трактовал навязчивое повторение как выражение самой сути повторения, свойственного бессознательному, как "...притягательное воздействие бессознательных прообразов на вытесненные влечения" (4).

*

Хотя навязчивое повторение неприятного и даже мучительного опыта выступает как неопровержимый психоаналитический факт, согласия в теоретических объяснениях этого факта не существует. При этом обсуждаются главным образом два вопроса:

1) какова роль навязчивого повторения? Свидетельствует ли оно о попытках *Я* справиться с чрезмерными напряжениями, отреагировать на них? Повторяющиеся сновидения как последствие психической травмы, по-видимому, подтверждают это предположение. Можно ли считать, что повторение в конечном счете связано с каким-то "демоническим" элементом, который присутствует в каждом влечении, с побуждением к полной и абсолютной разрядке, проявляющимся во влечении к смерти*?

2) Далее, прав ли Фрейд, полагая, что навязчивое повторение подрывает ведущую роль принципа удовольствия? Противоречия в утверждениях самого Фрейда, разнообразие ответов на этот вопрос в психоанализе можно, как нам кажется, прояснить, если обсудить те неясности, которые содержатся в самих понятиях принципа удовольствия*, принципа постоянства*, связывания* и пр. Если, к примеру, считать, что принцип удовольствия подчинен влечениям к смерти (5), то даже в самой заостренной своей форме навязчивое повторение уже не окажется "по ту сторону принципа удовольствия".

Эти два вопроса тесно связаны: ответ на один из них предполагает определенный ответ на другой. При этом возможны различные решения: начиная от трактовки навязчивого повторения как абсолютно оригинального явления и кончая попытками свести его к уже известным механизмам и функциям.

Эдвард Бибринг предлагает подход, опосредующий эти крайние решения. Он считает целесообразным различать *тенденцию к повторению,* свойственную *Оно* (побуждение к повторению), и *тенденцию к восстановлению*, свойственную *Я*. Первая действительно находится "по ту сторону принципа удовольствия", поскольку повторение опыта может быть как неприятным, так и приятным,

однако здесь не идет речь о принципе, противоположном принципу удовольствия. Тенденция к восстановлению направлена на воссоздание — различными средствами — ситуации, предшествующей травме: сам феномен повторения при этом используется на благо *Я*. В этой связи Бибринг предлагает различать механизмы защиты, при которых *Я* остается во власти навязчивого повторения, а внутреннее напряжение не находит разрядки, процессы отреагирования*, предполагающие немедленную или же отсроченную разрядку возбуждения, и, наконец, так называемые механизмы отработки*, направленные на "постепенную разрядку напряжения путем изменения порождающих его внутренних условий" (6).

(1) Freud (S.). Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909. — G.W., VII, 355; S.E., X, 122; франц., 180.

(2) Cf. Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. Passim.

(3) Cf. Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. Passim.

(4) Freud (S.). G.W., XIV, 192; S.E., XX, 159; франц., 88.

(5) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 69; S.E., XVIII, 63; франц., 74.

(6) Bibring (E.). The conception of the repetition compulsion, 1943. In: Psychoanalytic Quaterly, XII, 486—519.

НАВЯЗЧИВОСТЬ, НАВЯЗЧИВЫЙ

Нем.: Zwang, Zwangs-. — Франц.: compulsion, compulsionnel. — Англ.: compulsion, compulsive. — Исп.: compulsion, compulsivo. — Итал.: coazione, coattivo. — Португ.: compulsão, compulsivo.

◘ В клинике — тип поведения, к осуществлению которого субъекта подталкивает внутренняя необходимость. Одержимость какой-то одной мыслью, действием, защитной операцией или сложная цепочка поступков считаются навязчивыми, когда их неосуществление приводит к возрастанию тревоги.

◘ 1) У Фрейда слово Zwang обозначало внутреннее принуждение. Чаще всего оно характеризовало невроз навязчивых состояний: субъект чувствует, что эта сила принуждает его действовать и мыслить определенным образом, и борется с ней.

Иногда, когда речь не идет о неврозе навязчивых состояний, этот момент отсутствует: субъект, по крайней мере осознанно, не протестует против действий, к которым побуждают его некие бессознательные прообразы. Так обстоит дело, скажем, в тех случаях, которые Фрейд называет Wiederholungszwang (навязчивое повторение*) и Schicksalzwang (роковое понуждение) (см.: Невроз судьбы).

Для Фрейда Zwang — в общем и глубоком смысле, выходящем

за рамки клиники невроза навязчивых состояний, — это сама основа влечений: " В бессознательном психическом преобладает *навязчивое повторение*, связанное с влечениями и, по-видимому, обусловленное их глубинной природой; эта сила одерживает верх над принципом удовольствия, заставляя видеть в некоторых аспектах психической жизни нечто демоническое..." (1).

Это основополагающее значение Zwang, близкое к *фатуму*, вновь обнаруживается при разборе мифа об Эдипе; в "Очерке психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938) Фрейд даже применяет это понятие к словам оракула: "...приказ (Zwang) оракула, который снимает с героя его вину, признанная неизбежность судьбы, которая обрекает всех сыновей пережить Эдипов комплекс" (2, α).

2) Во французском языке слова "навязчивость", "навязчивый" (compulsion, compulsionnel) происходят от того же самого латинского корня, что и compulsif: то, что толкает, понуждает. Они и были выбраны для передачи немецкого слова Zwang. Однако, в клинической практике используется французское слово obsession: оно обозначает навязчивые мысли, "осаждающие" субъекта. Итак, в некоторых случаях немецкое слово Zwang передается как obsession (так, Zwangsneurose передается как "невроз навязчивых состояний"; Zwangsvorstellung — как "навязчивое представление"...). Напротив, применительно к поведению говорят о навязчивости (compulsion), о навязчивом действии (Zwangshandlung), о навязчивом повторении.

Заметим, что французское слово compulsion ("навязчивость", "принуждение") — того же корня, что и pulsion (влечение*) и impulsion (побуждение), и это этимологическое родство хорошо вписывается во фрейдовское понятие Zwang. Однако слова "принуждение" и "побуждение" употребляются по-разному. Impulsion предполагает внезапное и навязчивое побуждение к совершению того или иного действия — обычно вне (рационального) контроля и под властью эмоций; здесь нет ни борьбы, ни уловок, ни построенного по определенному фантазматическому сценарию навязчивого повторения.

α) Ср. следующий отрывок из письма В.Флиссу от 15.10.97: "Греческая легенда подчеркивает Zwang, признанный всеми, ибо каждый заметил его в самом себе" (3).

(1) Freud (S.). Das Unheimliche, 1919. G.W., XII, 251; S.E., XVII, 238; франц., 191.

(2) Freud (S.). G.W., XVII, 119; S.E., XXIII, 192; франц., 63.

(3) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 238; англ., 223; франц., 198.

НАГРУЗКА

Нем.: Besetzung. — Франц.: investissement. — Англ.: cathexis. — Исп.: carga. — Итал.: carica или investimento. — Португ.: carga или investimento.

◘ Экономическое понятие: приложение некоторой психической энергии к представлению или группе представлений, к части тела, к предмету и пр.

◘ На французский язык принято переводить Besetzung как "investissement" (иногда — "occupation"). По этому поводу необходимо отметить следующее. Немецкий глагол besetzen имеет много значений, среди которых — занятие места или в военном смысле — оккупация города, страны (франц. occuper). По-французски слово investissement означает, с одной стороны, в языке военного дела, факт окружения, оцепления (а вовсе не занятия) места, а в финансовом языке — вложение капитала в предприятие (именно этот последний смысл теперь преобладает в обыденном языковом сознании). Таким образом, немецкий и французский термины не вполне соответствуют друг другу: французский термин побуждает к сопоставлению "экономики" во фрейдовском смысле с тем, о чем идет речь в собственно экономической науке.

*

Термин Besetzung употреблялся Фрейдом постоянно, хотя его значение и роль менялись на различных этапах фрейдовской мысли.

Он появился в 1895 г. в "Исследованиях истерии" [Studien über Hysterie] и в "Наброске научной психологии" [Entwurf einer Psychologie], однако такие близкие ему понятия, как "сумма возбуждения", "аффективная ценность ", употреблялись и раньше (1893,1894). Так, в предисловии к работе Бернгейма "Внушение и его терапевтическое применение" (Die Suggestion und ihre Heilwirkung, 1888—1889) Фрейд говорил о перемещении очагов возбудимости в нервной системе (Verschiebungen von Erregbarkeit im Nervensystem). Эта гипотеза имеет одновременно и клинические, и теоретические истоки.

С клинической точки зрения, лечение неврозов, особенно истерии, привело Фрейда к мысли о фундаментальном различии между "представлениями" и "квантом аффекта"* как нагрузкой этих представлений. Именно поэтому воспоминание о важном событии в истории пациента может восприниматься безразлично, а неприятный или даже мучительный опыт может связываться с вполне нейтральным событием, а вовсе не с тем, которое изначально

породило неудовольствие (смещение, "ложная связь"). В "Очерках об истерии" Фрейд описывал процесс лечения как процесс восстановления связи между различными представлениями, а тем самым и восстановления отношения между воспоминанием о событии-травме и аффектом — процесс, в результате которого происходит аффективная разрядка (отреагирование). Вместе с тем исчезновение соматических симптомов при истерии совпадает с выявлением вытесненного аффективного опыта, и потому можно предположить, что возникновение симптома связано с превращением психической энергии в "энергию иннервации".

Все эти факты, в особенности связанные с конверсией*, основаны на принципе сохранения нервной энергии, способной принимать различные формы. Эта концепция последовательно проводится в "Наброске научной психологии", где функционирование нервного аппарата представлено через энергетические изменения внутри нейронной системы. В этом тексте слово Besetzung обозначает как действие, связанное с нагрузкой или зарядом нейрона (или системы нейронов), так и его результат, т. е. величину этой энергетической нагрузки, в особенности — покоящейся энергии (1).

В дальнейшем Фрейд отказался от неврологических схем, связав понятие энергетической нагрузки с действием "психического аппарата"*. Так, в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) показано распределение энергетической нагрузки между различными психическими системами. Так, система бессознательного основана на разрядке накопившегося возбуждения; система предсознания нацелена на торможение этого процесса, недопущение непосредственной разрядки и предполагает вложение небольших количеств энергии в деятельность мысли, направленной на изучение внешнего мира: "... я утверждаю, что в целях эффективности вторая система удерживает большую часть энергетической нагрузки в состоянии покоя и динамически использует лишь малую ее часть" (2a) (см.: Энергия свободная — Энергия связанная).

Во всяком случае, очевидно, что пересмотр тезисов "Наброска научной психологии" вовсе не означает, что Фрейд полностью отказался от понятия нервной энергии. "При серьезном подходе к этому вопросу, — отмечает Фрейд, — следовало бы искать физические аналогии, пролагая путь представлению движения как процесса возбуждения нейронов" (2b).

Разработка понятия влечения дает ответ на вопрос, не решенный в рамках экономических представлений "Толкования сновидений": энергетическая нагрузка есть не что иное, как энергия влечений, которая порождается внутренними источниками и постоянно побуждает психику к преобразованиям. Именно поэтому "либидинальная нагрузка" — это не что иное, как нагруженность

энергией сексуальных влечений. Во второй теории психического аппарата источником всех нагрузок становится *Оно* — полюс влечений в личности. Из этого источника черпают энергию все другие психические инстанции.

*

Понятие нагрузки, как, впрочем, и большинство других экономических понятий, составляет часть концептуального аппарата Фрейда, но не получает строгой теоретической разработки.

Это относится и к тем понятиям, которые были заимствованы "молодым Фрейдом" у повлиявших на него нейрофизиологов (Брюкке, Мейнерт и пр.). Отсюда — затруднения читателя, который ищет у Фрейда ответа на ряд вопросов:

1) в самом употреблении понятия нагрузки есть двусмысленность, которая не устраняется психоаналитической теорией. Чаще всего оно имеет метафорический смысл, обозначая аналогию между работой психики и функционированием нервного аппарата, рассматриваемым с энергетической точки зрения.

Когда речь идет о нагрузке *представления*, психологические операции определяются в языке, упорно порождающем аналогию между физическим механизмом и психической нагруженностью (нагрузка нейрона или, например, энграммы). Напротив, когда речь идет о нагрузке *объекта* в противоположность нагрузке представления, понятие психического аппарата как закрытой системы, построенной по аналогии с нервной системой, уже не может служить нам опорой. Так, можно говорить о заряде представления, о том, что его судьба зависит от изменения этого заряда, тогда как нагрузка реального объекта, имеющего независимое существование, не может иметь такого "реалистического" смысла. Неясность обнаруживается и в таком понятии, как "интроверсия" (переход от нагрузки реального объекта к нагрузке воображаемого, внутрипсихического объекта): помыслить идею сохранения энергии при таком переносе довольно трудно.

Некоторым психоаналитикам кажется, что использование таких понятий, как "нагрузка", дает им, хотя бы в принципе, объективную гарантию связи между динамической психологией и нейрофизиологией. В самом деле, говоря о "нагрузке органа", "нагрузке перцептивного аппарата", мы думаем, будто этот нейрофизиологический язык обеспечивает переход от психоаналитических теорий к нейрофизиологическим. На самом же деле речь идет здесь не о переходе, а всего лишь о переносе нейрофизиологической теории на другую область.

2) Другая сложность возникает при попытках связать понятие нагрузки с понятиями фрейдовской топики. С одной стороны, считается, что любая энергетическая нагрузка порождается вле-

чениями; с другой стороны, однако, говорят о том, что каждая психическая система имеет свою особую нагрузку. Эта трудность проявляется особенно ярко в случае так называемой бессознательной нагрузки. В самом деле, если считать, что эта нагрузка имеет либидинальную природу, она предстанет как сила, подталкивающая нагруженные энергией представления к осознанию и движению. Правда, Фрейд нередко говорит о бессознательной нагрузке как о связующей силе, присущей системе бессознательного и способной притягивать к нему представления: особенно велика роль этой силы в процессе вытеснения. Возникает впечатление, что термин "нагрузка" обозначает разнородные понятия (3).

3) Можно ли ограничить понятие нагрузки у Фрейда областью экономики? У Фрейда оно означает положительную нагрузку объекта или представления. Однако разве это понятие не имеет более широкого смысла на уровне описания и клинического опыта? В личном мире субъекта вещи и представления обладают *значениями*, упорядочивающими все поле восприятия и поведения. С одной стороны, эти значения могут быть столь различными, что даже помыслить возможность их взаимозаменяемости невозможно. С другой стороны, оказывается, что некоторые объекты, обладающие для субъекта значениями, оказываются носителями не положительной, а отрицательной нагрузки: например, объект страха (фобический объект) вовсе не лишен нагрузки — напротив, он сильно "нагружен" как то-чего-следует-избегать.

Иногда возникает желание отказаться от этого "экономического" языка и перевести фрейдовское понятие нагрузки в план феноменологии с ее излюбленными понятиями — интенциональности, объекта-ценности и пр. К тому же научный язык Фрейда подчас подкрепляет такую точку зрения. Например, в написанной по-французски статье "Некоторые соображения к сравнительному изучению двигательных параличей органического и истерического происхождения" (1893) Фрейд использует в качестве взаимозаменяемых такие выражения, как "квант аффекта" (Affektbetrag) и "аффективная ценность" (4). В других текстах "нагрузки" — это не столько определенные количества доступной измерению либидинальной энергии, сколько качественно различные аффективные побуждения: например, для младенца, лишенного матери, мать несет нагрузку его "томительного влечения" (Sehnsuchtbesetzung) (5).

*

Каковы бы ни были трудности, связанные с понятием нагрузки, психоаналитикам вряд ли можно без него обойтись при осмыслении клинических данных и оценке динамики анализа. Некоторые расстройства связаны с особым распределением энергии субъекта

применительно к объектам и к самому себе. Вследствие этого, например, состояние скорби приводит к явному оскудению отношений субъекта с внешним миром, что, в свою очередь, объясняется сверхнагрузкой утраченного объекта, как если бы между различными нагрузками внешних или воображаемых объектов, собственного тела, *Я* и т. д. существовало подлинное энергетическое равновесие.

(1) Cf. Freud (S.). Нем., 382; англ. 358—359; франц., 318.

(2) Freud (S.). a) G.W., II—III, 605; S.E., V, 599; франц., 489. — b) G.W., II—III, 605; S.E., V, 599; франц., 489.

(3) Более подробное исследование этого вопроса см. в: Laplanche (J.) et Leclaire (S.). L'inconscient. In: Les Temps Modernes, 1961, n. 183, глава II.

(4) Cf. Freud (S.). G.W., I, 54; S.E., I, 171.

(5) Cf. Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 205; S.E., XX, 171; франц., 100.

НАРАСТАНИЕ СТРАХА

Нем.: Angstentwicklung. — Франц.: développement d'angoisse. — Англ.: generating (или generation of) anxiety.— Исп.: desarollo de angustia. — Итал.: sviluppo d'angoscia. — Португ.: desenvolvimento de angústia.

О У Фрейда: процесс нарастания страха в индивиде.

◘ Это описательное выражение неоднократно встречается у Фрейда, преимущественно в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917) и в "Торможении, симптоме и страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926).

Его смысл определен теорией страха, в которой разграничиваются травматическая ситуация, при которой тревога овладевает человеком (страх автоматический), и сигнал тревоги, призванный предупредить возникновение страха. Если сигнал оказался неэффективным, происходит "нарастание тревоги", или переход от тревоги к страху.

НАРЦИССИЗМ

Нем.: Narzissmus. — Франц.: narcissisme. — Англ.: narcissism. — Исп.: narcisismo. — Итал.: narcisismo. — Португ.: narcisismo.

О Согласно мифу о Нарциссе, любовь к собственному образу.

◘ 1) Термин "нарциссизм" (α) впервые появляется у Фрейда в 1910 г. для обозначения гомосексуального выбора объекта: гомосексу-

алисты "...видят сексуальный объект в самих себе; они исходят из нарциссической установки и ищут похожих на себя молодых людей, которых они могли бы любить так же, как мать любила их" (1a).

Открытие нарциссизма заставляет Фрейда предположить — в случае Шребера (1911) — существование особой *стадии* сексуального развития, промежуточной между автоэротизмом и объектной любовью. "Субъект начинает видеть [объект любви] в самом себе, в своем теле" (2), что позволяет впервые свести сексуальные влечения воедино. Ту же точку зрения мы находим и в "Тотеме и табу" (Totem und Tabu,1913).

2) Мы видим, что Фрейд пользовался понятием нарциссизма еще до того, как посвятил ему отдельное исследование (К введению в нарциссизм (Zur Einführung des Narzissmus, 1914)). В этом тексте понятие нарциссизма вводится в психоаналитическую теорию в целом, прежде всего в область либидинальных влечений. В самом деле, при психозе ("нарциссическом неврозе"*) либидо способно к перенагрузке *Я* при разгрузке объекта; а это предполагает, что "...по сути, нагрузка *Я* при этом сохраняется и относится к объектным нагрузкам так же, как тело живой протоплазмы — к выпускаемым ею ложноножкам" (3a). Опираясь на принцип сохранения либидинальной энергии, Фрейд устанавливает равновесие между *Я*-либидо (*Я*, нагруженным либидо) и "объектным либидо": "Чем больше поглощает одно, тем сильнее истощается другое" (3b). "*Я* следует рассматривать как большой резервуар, откуда либидо устремляется к объектам, — всегда готовый вновь поглотить либидо, отливающее от объектов" (4).

В рамках энергетической концепции, признающей постоянство либидинальных нагрузок *Я*, наше определение нарциссизма представляет его не как стадию развития, но как застой либидо, не преодолимый никакой нагрузкой объектов.

3) Этот процесс разгрузки объекта и востребования либидо субъектом уже был описан К.Абрахамом в 1908 г. на примере раннего слабоумия: "Психосексуальная характеристика раннего слабоумия — это возврат пациента к автоэротизму [...]. Больной переносит на себя как на единственный сексуальный объект все то количество либидо, которое нормальный человек распределяет между окружающими его одушевленными и неодушевленными предметами" (5). Фрейд разделяет эти идеи Абрахама: "...они приняты психоанализом и стали основой нашего отношения к психозам" (6), добавляя (и это добавление позволяет уточнить суть нарциссизма в сравнении с автоэротизмом*), что *Я* поначалу не представляет собой единства и что для создания целостного *Я* требуется "дополнительное психическое действие" (3c).

Если мы стремимся сохранить различие между тем состоянием, при котором сексуальные влечения удовлетворяются беспорядочно

и независимо друг от друга, и нарциссизмом, при котором объектом любви становится *Я* как целое, приходится предположить, что формирование *Я* начинается уже в период детского нарциссизма.

По этому вопросу в психоаналитической теории не существует единой точки зрения. Можно предположить, что *Я* складывается одновременно и параллельно со становлением схемы тела, причем формирование такого единства ускоряется, если собственнное *Я* субъекта складывается по образу другого человека. Тогда нарциссизм — это страстная любовь объекта к этому образу. Жак Лакан обнаружил соответствие между начальным моментом в формировании *Я* и исходным нарциссическим опытом, так называемой стадией зеркала* (7). С этой точки зрения, определяющей *Я* через его самоотождествление с образом другого человека, нарциссизм, даже "первичный", не есть состояние, лишенное интерсубъективного отношения, но, напротив, интериоризация такого отношения. Такова фрейдовская трактовка нарциссизма в "Скорби и меланхолии" (Trauer und Melancholie, 1916), где речь идет о "нарциссическом (само)отождествлении" с объектом (8).

Однако во второй теории психического аппарата мы уже не встречаем у Фрейда этих идей. На их место встает противопоставление первичного (необъектного) нарциссического состояния объектным отношениям. Это изначальное состояние, или первичный нарциссизм, отличается полным отсутствием отношения к окружению, слитностью *Я* и *Оно* : его прообразом служит внутриутробная жизнь, более или менее точно отображаемая в снах (9).

Идея более позднего нарциссизма, связанного с формированием *Я* через (само)отождествление с другими людьми, не исчезает, однако это состояние называется уже не "первичным", а "вторичным" нарциссизмом (10a). "Нарциссизм *Я* — это вторичный нарциссизм, извлеченный из отношения к объектам" (10b).

Эти глубокие изменения во взглядах Фрейда происходят одновременно с введением понятия *Оно** как отдельной инстанции, из которой путем дифференциации возникают другие инстанции, с пересмотром понятия *Я**, при котором акцент ставится не только на его порождение в результате ряда (само)отождествлений, но и на его особую приспособительную функцию, наконец, со стиранием различий между автоэротизмом* и нарциссизмом. Если понять эти идеи буквально, мы столкнемся с тем, что противоречит опыту, — с утверждением, будто восприятия новорожденного лишены окна во внешний мир, и тем самым с наивной идеалистической апорией, осложненной моментом "биологизма": а как тогда перейти от самозамкнутой монады к постепенному признанию объекта?

α) Уже в самом начале работы "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus,1914) Фрейд утверждал, что понятие нарциссизма было заимствовано им

у П.Неке (1899), который усматривал в нем особую разновидность извращения. В примечании, добавленном в 1920 г. к "Трем очеркам по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie), Фрейд утверждал иное — а именно, что термин "нарциссизм" был введен X. Эллисом (1b). Фактически слово Narzissmus встречается у Неке в его комментариях к концепции Эллиса, который первым в работе "Психологическое исследование автоэротизма" (Autoerotism, a psychological Study, 1898) описал определенный вид извращенного поведения, соотнеся его с мифом о Нарциссе.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905.— a) G.W., V, 44, n.1; S.E., VIII, 145, n.1; франц., 167—168, n. 13—b) Cf. G.W., V, 119, n. 3; S.E., VII, 218, n. 3; франц., 184, n. 75.

(2) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia, 1911. G.W., VIII, 296—297; S.E., XII, 60—61; франц., 349—350.

(3) Freud (S.). a) G.W., X, 141; S.E. XIV, 75—76. —b) G.W., X, 141; S.E., XIV, 75—76. —c) G.W., X, 142; S.E., XIV, 77.

(4) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 231; S.E., XVIII, 257.

(5) Abraham (K.). Les différences psychosexuelles entre l'hystérie et la démence précoce, 1908. франц., I, 36—47.

(6) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. G.W., XI, 430; S.E., XVI, 415; франц., 444.

(7) Cf. Lacan (F.). Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je, R.F.P., 1949, XIII, 4, 449—455.

(8) Cf. Freud (S.). G.W., X, 435—437; S.E, XIV, 249—251; франц. 202—205.

(9) Cf. Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 146; S.E., XVIII, 130—131; франц., 146—147.

(10) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. —a) G.W., XIII, 258, n.; S.E., XIX, 30; франц., 185, n. 1. —b) G.W., XIII, 275; S.E., XIX, 46; франц., 203.

НАРЦИССИЗМ ПЕРВИЧНЫЙ, НАРЦИССИЗМ ВТОРИЧНЫЙ

Нем.: primärer Narzissmus, sekundärer Narzissmus. — Франц.: narcissisme primaire, narcissisme secondaire. — Англ.: primary narcissism, secondary narcissism. — Исп.: narcisismo primario, narcisismo secundario. — Итал.: narcisismo primario, narcisismo secondario. — Португ.: narcisismo primário, narcisismo secundário.

◘ Первичный нарциссизм — это ранний период детства, когда либидо ребенка обращено полностью на себя. Вторичный нарциссизм — это изъятие либидо из объектных нагрузок и обращение его вновь на *Я*.

◘ В психоаналитической литературе (даже если взять работы одного Фрейда) эти понятия употребляются в различных значениях, что не позволяет дать точные их определения.

1) Выражение "вторичный нарциссизм" вызывает меньше сложностей, нежели выражение "первичный нарциссизм". В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд называет первичным нарциссизмом состояния, подобные шизо-

френическому нарциссизму, что, в свою очередь, заставляет нас считать нарциссизм, вновь обращающийся к объектным нагрузкам, вторичным, производным от первичного нарциссизма, замутненного множеством различных воздействий (1). Для Фрейда вторичный нарциссизм — это не только состояние крайней регрессии, но одновременно и устойчивая структура субъекта: а) на уровне "экономики" объектные нагрузки не уничтожают *Я*-нагрузок: между двумя типами нагрузок существует подлинное энергетическое равновесие; б) на уровне топики *Идеал-Я* выступает как устойчивое нарциссическое образование.

2) Понятие первичного нарциссизма имеет совершенно различные значения у разных авторов. Речь идет о некоей гипотетической стадии в развитии детского либидо, а споры связаны со сложностью определения ее временны́х границ (правда, для некоторых авторов и само существование такой стадии проблематично).

У Фрейда первичный нарциссизм — это фактически первоначальный нарциссизм ребенка, который — до выбора внешних объектов — обращает любовь на себя самого. Этому состоянию свойственна вера ребенка во всевластие мыслей (2).

Вопрос о времени возникновения такого состояния не был решен у Фрейда однозначно. Судя по текстам 1910—1915 гг.(3) эта фаза располагается где-то между первичным автоэротизмом и объектной любовью и возникает одновременно с *Я* как первой формой единства субъекта. Впоследствии, при разработке второй топики, Фрейд склонялся к мысли, что первичный нарциссизм — это первый этап жизни, предшествующий возникновению *Я* и строящийся по образцу внутриутробной жизни (4). Тем самым различие между автоэротизмом* и нарциссизмом стирается. С точки зрения топики, не очень понятно, что же собственно при таком понимании нарциссизма определяет его энергетическую нагрузку.

В современном психоанализе преобладает именно такое понимание первичного нарциссизма, что ограничивает смысл и область споров: независимо от того, принимается или отвергается само понятие первичного нарциссизма, это выражение всегда и непременно означает "необъектное" или по крайней мере "недифференцированное" состояние, предшествующее расщеплению на субъект и внешний мир.

Такое понимание нарциссизма сталкивается с двоякого рода возражениями:

— на уровне терминологическом такая трактовка теряет из виду образ самого себя, зрительное отношение, предполагаемое этимологией слова "нарциссизм". Кроме того, вряд ли правомерно описывать "безобъектную" стадию как "первичный нарциссизм";

— на уровне фактов существование такой стадии весьма проблематично; ряд авторов полагают, что объектное отношение, или "первичная объектная любовь" (5), существует уже у младенца, что заставляет считать мифом само понятие первичного нарциссизма как первой безобъектной стадии жизни во внеутробном состоянии. По М. Кляйн, объектные отношения устанавливаются изначально, и потому говорить о нарциссической стадии в целом неправомерно: существуют лишь особые нарциссические "состояния", связанные с обращением либидо на интериоризированные объекты.

На основе этой критики можно, по-видимому, лучше понять ход мысли Фрейда, который, заимствовав понятие нарциссизма у Х.Эллиса (применявшего это понятие в случаях патологии), расширил его до обозначения необходимой стадии развития, ведущего от анархического, автоэротического функционирования частичных влечений к выбору объекта. Вряд ли у нас есть основания отказаться от трактовки "первичного нарциссизма" как ранней стадии или решающего момента, в который одновременно появляются и первый набросок *Я** и его либидинальная нагрузка, причем это не означает ни первичности нарциссического состояния человека, ни исключения каких-либо объектных нагрузок в случае преобладания любви к самому себе (см.:Нарциссизм).

(1) Freud (S.). G.W., X, 140; S.E., XIV, 75.

(2) Cf. Freud (S.). Totem und Tabu, 1912. Passim.

(3) Cf. Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia — Dementia Paranoides, 1911. Totem und Tabu, 1912. Zur Einführung des Narzissmus, 1914.

(4) Cf. Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. G.W., XI, 431—432; S.E., XVI, 415—416; франц., 444—445.

(5) Cf. Balint (M.). Early developmental states of the Ego. Primary object. love 937. In: Primary love and Psychoanalytic technique, London, Hogarth Press, 1952, 103—108.

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА (ПРАВИЛО)

Нем.: Abstinenz (Grundsatz der-). — Франц.: abstinence (règle d'-). — Англ.: abstinence (rule of-). — Исп.: abstinencia (regla de-). — Итал.: abstinenza (regola di-). — Португ.: abstinencia (regra de-).

○ Правило в психоаналитической практике, согласно которому лечение должно проводиться так, чтобы пациент имел как можно меньше возможности подменять симптомы удовлетворениями. Это правило предписывает психоаналитику отказываться от удовлетворения требований пациента и от разыгрывания тех ролей, которые пациент ему навязывает. В отдельных случаях и на определенных этапах лечения это правило выражается в запретах на повторяющиеся

действия субъекта, затрудняющие припоминание и обработку психического материала.

◘ Обоснование этого правила связано прежде всего с "экономическим" порядком. Задача психоаналитика — сделать так; чтобы высвобожденная анализом либидинальная энергия не превратились тут же в нагрузку внешних объектов: она должна быть наиболее полно использована на благо самой психоаналитической ситуации, где либидинальная энергия связана с трансфером, а любая другая разрядка, кроме словесной, запрещена.

С точки зрения динамики, в основе лечения лежит порожденное фрустрацией страдание, которое может уменьшаться при замене симптомов действиями, приносящими удовлетворение. А потому, чтобы избежать застоя в лечении, важно поддерживать или даже заново восстанавливать ситуацию фрустрации.

Понятие невмешательства неявным образом связано с самой сутью психоаналитического метода, который опирается на истолкование, а не на удовлетворение либидинальных запросов пациента. Неудивительно, что Фрейд в 1915 г. прямо ставит вопрос о невмешательстве в связи с проблемами трансферентной любви: "Я считаю необходимым следовать правилу, согласно которому нужно сохранять потребности и желания больных как силы, побуждающие к работе и переменам, и не давать им никаких замещающих удовлетворений" (1).

Именно у Ференци технические вопросы, связанные с соблюдением правила невмешательства, вышли в психоаналитических дискуссиях на первый план. В некоторых случаях Ференци считал нужным принимать меры, не позволяющие пациентам получать замещающие удовлетворения как во время психоаналитического сеанса, так и вне его. В своей заключительной речи на Будапештском конгрессе (1918) Фрейд в принципе одобрил эти меры и дал им теоретическое обоснование: "Хотя это и кажется жестокостью, мы не должны допускать, чтобы страдание больного исчезло преждевременно [...]. В тех случаях, когда устранение симптомов, потерявших свое значение, привело к уменьшению страдания, мы обязаны возродить его вновь и в другом месте — в виде ощутимой и болезненной нехватки" (2).

Для прояснения и поныне актуальных споров вокруг понятия невмешательства необходимо четко разграничить, с одной стороны, правило невмешательства, которому обязан подчиняться психоаналитик вследствие своей нейтральной позиции, и с другой — активные меры, побуждающие пациента самостоятельно поддерживать состояние невмешательства. Это вмешательство простирается от настойчивых повторных истолкований, которые становятся приказами, до прямых запретов. Эти запреты обычно не предполагают полного отказа от сексуальных отношений: они на-

правлены лишь против некоторых особых форм сексуальной активности (извращения) или против некоторых повторяющихся действий, которые парализуют психоаналитическую работу. Большинство психоаналитиков сдержанно относится к подобному вмешательству, опасаясь превратиться в инстанцию власти и подавления.

(1) Freud (S.). Bemerkungen über die Übertragungsliebe, 1915. G.W., XII, 188; S.E.,XVII,163; франц., 122—123.

(2) Freud (S.). Wege der psychoanalytischen Therapie, 1918. G.W., XII, 199; S.E., XVII, 163.

НЕВРАСТЕНИЯ

Нем.: Neurasthenie. — Франц.: neurasthénie. — Англ.: neurasthenia. — Исп.: neurastenia. — Итал.: nevrastenia. — Португ.: neurastenia.

● Душевное расстройство, описанное американским врачом Джорджем Бэрдом (1839-1883): в его клиническую картину входят физическая усталость "нервного" происхождения и ее разнообразные симптомы.

Фрейд одним из первых подчеркнул слишком широкое клиническое применение этого синдрома и необходимость его частичной замены другими классификационными единицами. Он не считал неврастению самостоятельной разновидностью невроза; ведь ее признаки очень разнообразны: это впечатление физической усталости, головные боли, несварение желудка, запоры, спинно-мозговые парестезии, ослабление половой активности. Фрейд причислял ее к актуальным неврозам, наряду с неврозом страха, и видел ее источник в неспособности половых функций обеспечить должную разрядку либидинальной напряженности (мастурбация).

■ Этимологически — слабость нервов: понятие, введенное Дж. Бэрдом. В работах этого автора (1) перечисляются клинические признаки неврастении.

Фрейд интересовался неврастенией прежде всего в начальный период творчества, что привело его к более детальной классификации актуальных неврозов (см. этот термин) (2,3). Однако специфику этого невроза (4) он подчеркивал и в дальнейшем.

(1) Cf. Beard (G.). American nervousness, its causes and consequences, N. Y., 1881. Sexual neurastenia (nervous exhaustion), its hygiene, causes, symptoms and treatment, N. Y., 1884.

(2) Cf. Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895.

(3) Cf. Freud (S.). Die Sexualität in der Ätiologie der Neurosen, 1898.

(4) Ср., в особенности: Freud (S). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917, глава XXIV.

НЕВРОЗ

Нем.: Neurose. — Франц.: névrose. — Англ.: neurosis. — Исп.: neurosis. — Итал.: nevrosi. — Португ.: neurose.

○ Душевное расстройство психогенного происхождения; его симптомы в символической форме выражают психический конфликт, имевший место в ранней истории субъекта, и представляют собой компромисс между желанием и защитой.

Область использования понятия невроза исторически менялась: в наши дни этим термином — в чистом виде, без каких либо уточнений — могут быть названы преимущественно такие душевные расстройства, как невроз навязчивых состояний, истерия и фобические неврозы. Таким образом, с нозографической точки зрения, разграничиваются неврозы, психозы, извращения, психосоматические расстройства, а вот статус так называемых "актуальных неврозов", "травматических неврозов", "неврозов характера" остается проблематичным.

□ Термин "невроз" был введен шотландским врачом Уильямом Калленом в медицинском трактате, опубликованном в 1777 г. (First Lines of the Practice of Physics). Вторая часть этого труда озаглавлена "Невроз, или нервные болезни"; речь в ней идет не только о душевных расстройствах (vesaniae), но также о диспепсии, учащенном сердцебиении, коликах, ипохондрии и истерии.

В XIX в. было принято считать неврозами расстройства, обладающие следующими признаками:

а) это расстройства, связанные с тем или иным органом или местом в организме (отсюда такие выражения, как "невроз пищеварения", "невроз сердца", "невроз желудка" и пр.); в случае истерии или ипохондрии такая локализация расстройства лишь предполагалась (матка, пищеварительный тракт);

б) это функциональные расстройства; они не предполагают "ни воспаления, ни повреждения" соответствующего органа;

в) это расстройства нервной системы.

По-видимому, чтобы понять невроз, как его представляли себе в XIX в., следует привлечь современные понятия психосоматического расстройства, или органного невроза. В нозографическом смысле это понятие объединяет те расстройства, которые ныне распределяются по трем областям; это *неврозы* (например, истерия), *психосоматические расстройства* (неврастения, расстройства пищеварения), *неврологические* заболевания (эпилепсия, болезнь Паркинсона).

В конце XIX в. значение понятия "невроз" изменилось, причем по-разному в разных странах, что требует обширных исторических

разысканий. Правда, большинство авторов в этот период, по-видимому, осознавали, что понятие "невроз" объединяет весьма разнородные расстройства (α).

Заболевания, позволяющие предполагать органическое повреждение нервной системы (эпилепсия, болезнь Паркинсона, хорея), были постепенно выделены в особую группу.

По другую сторону подвижной границы, отделяющей неврозы от душевных расстройств, в группу неврозов были включены такие клинические картины (навязчивые состояния, фобии), которые зачислялись большинством авторов в разряд "психозов", "форм сумасшествия", "видов бреда".

Позиция Пьера Жане дает представление о том, к какому результату привели все эти перемены во Франции к концу XIX в.; по сути, Жане вычленяет две крупные категории неврозов: истерию и психастению (последняя в основном соответствует тому, что Фрейд называл неврозом навязчивых состояний).

Какова позиция Фрейда в этот период (1895—1900)? Представляется, что германоязычная психиатрическая культура предоставляла в его распоряжение сравнительно хорошо очерченное, с клинической точки зрения, разграничение между психозом и неврозом. Если оставить в стороне редкие случаи разнобоя в терминологии, Фрейд обозначал этими терминами именно те расстройства, которые так называются и поныне.

Однако главной заботой Фрейда было не столько разграничить невроз и психоз, сколько выявить психогенный механизм всех подобных расстройств. В результате его классификация нацелена прежде всего на расчленение актуальных неврозов*, при которых заболевание возникает из-за соматического расстройства сексуальности, и психоневрозов*, при которых основную роль играет психический конфликт. В эту группу, т.е. в группу "психоневрозов защиты"*, включаются как неврозы (например, истерия), так и психозы, иногда называемые "психозами защиты" (например, паранойя) (2,3).

На этом пути Фрейд попытался в дальнейшем укрепить позиции нарциссического психоневроза* (или просто невроза) — понятие обозначает то, что в современной ему психиатрии называлось психозом. Однако в итоге он вернулся к обычной системе психиатрической классификации и стал называть нарциссическим неврозом лишь маниакально-депрессивные состояния (4).

Отметим, наконец, что Фрейд с самого начала проводил четкое различие между неврозами и извращениями*.

В таблице, приведенной ниже, подытожено распространение понятия невроза в психоаналитической нозографии:

<table>
<tr><td rowspan="2">1915</td><td rowspan="2">Актуальные неврозы</td><td colspan="4">Психоневрозы</td></tr>
<tr><td colspan="2">трансферентные</td><td colspan="2">нарциссические</td></tr>
<tr><td>1924</td><td>Актуальные неврозы</td><td>Неврозы</td><td colspan="2">Нарциссические неврозы</td><td>Психозы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Современная классификация</td><td rowspan="2">Психосомати-ческие расстройства</td><td rowspan="2">Неврозы</td><td colspan="3">Психозы</td></tr>
<tr><td colspan="2">маниакально-депрессивные состояния</td><td>паранойя шизофрения</td></tr>
</table>

Несмотря на то, что различные авторы по-разному подрасчленяют группу неврозов (например, фобия может выступать как разновидность истерии или как специфическое расстройство), все же в наши дни достигнуто значительное согласие по поводу клинической классификации невротических синдромов. Выявление так называемых "пограничных случаев"* современными клиницистами свидетельствует о том, что невроз, по крайней мере в принципе, стал четко очерченной категорией. Кроме того, психоанализ чаще всего использует те клинические разграничения, с которыми согласно большинство психиатрических школ.

Как подойти к "пониманию" невроза? Теоретически говоря, здесь возможны два пути, либо через симптоматологию, что требует установления признаков, отличающих симптомы невроза от симптомов психоза и извращений, либо через исследование структур.

Фактически большинство определений, данных психиатрами (в том случае, если им вообще удается выйти за рамки различий степени "более серьезные" — "менее серьезные" расстройства), колеблются между этими подходами. Вот, например, определение невроза из недавно опубликованного учебника: "Клиническая картина невроза характеризуется:

а) *невротическими симптомами*. Это расстройства поведения, чувств или мышления, свидетельствующие о защите от страха; по отношению к внутреннему конфликту субъекта все эти проявления суть компромиссы, из которых невротик извлекает определенную выгоду (вторичная выгода от невроза);

б) *невротическим характером Я*. Это означает неспособность к идентификации и установлению хороших отношений с другими людьми, а также собственного внутреннего равновесия" (5).

*

Задача определения и истолкования понятия невроза во всей специфике его клинических признаков рискует стать неразрешимой, сливаясь с задачами самой психоаналитической теории как теории невротического конфликта и различных способов его проявления.

Вряд ли можно считать надежным расчленение между психозом, извращениями и неврозом. Вот почему уязвимо широкое определение невроза, отчасти включающее также извращения и психозы.

α) Аксенфельд, например, пишет: "Категория неврозов основана на отрицательных признаках: она возникла в тот момент, когда патанатомия, призванная объяснить болезни органическими изменениями, столкнулась с такими болезнями, причины которых были ей непонятны" (6).

(1) Barras. Traité sur les gastralgies et les enteralgies, ou maladies nerveuses de l'estomac et de l'intestin, Paris, Bruxelles, 1829.

(2) Cf. Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 74; S.E., III, 60.

(3) Cf. Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896. G.W., I. 392; S.E.,III, 174.

(4) Cf. Freud (S.). Neurose und Psychose, 1924. G.W., XIII, 390; S.E., XIX, 152.

(5) Ey (H.), Bernard (P.) et Brisset (Ch.). Manuel de psychiatrie, Masson, Paris, 1963.

(6) Axenfeld (A.). Traité des névroses, Germer Baillière et Cte, 2e éd., 1883, 14.

НЕВРОЗ АКТУАЛЬНЫЙ

Нем.: Aktualneurose. — Франц.: névrose actuelle. — Англ.: actual neurosis. — Исп.: neurosis actual. — Итал.: nevrosi attuali. — Португ.: nevrose atual.

○ Разновидность невроза, выделяемая Фрейдом в группе психоневрозов:

а) причину актуальных неврозов следует искать в настоящем, а не в детских конфликтах;

б) их симптомы — прямое следствие отсутствия или недостаточности сексуального удовольствия, а не символическое и сверхдетерминированное выражение этих конфликтов.

Поначалу Фрейд включил в актуальные неврозы лишь невроз страха и неврастению, а затем предложил считать неврозом также ипохондрию.

□ Понятие актуального невроза появилось у Фрейда в 1898 г.; оно относилось к неврозу страха и неврастении (1a). Однако мысль об отличии этих расстройств от других видов невроза возникла у

Фрейда гораздо раньше — в результате исследования этиологии неврозов, о чем свидетельствует переписка с Флиссом (2) и публикации 1894—1896 (3).

1) Противопоставление актуальных неврозов психоневрозам основано на этиологических и патогенетических признаках: причина обоих видов невроза связана с сексуальными расстройствами, однако при актуальных неврозах ее следует искать в "расстройствах сексуальной жизни в данный момент", а не в "важных событиях прошлого" (4). Таким образом, само слово "актуальный" связано здесь с временной "актуальностью" (1b). Помимо того, причины возникновения данного невроза соматические, а не психические: "Источник возбуждения, фактор, ускоряющий появление недуга, находится в данном случае в области соматики, а при истерии и неврозе навязчивых состояний — в психике" (5). При неврозе страха причиной болезни становится отсутствие разрядки сексуального возбуждения, а при неврастении — неполнота удовлетворения (например, мастурбации).

Наконец, механизм образования симптомов в случае актуального невроза соматический (например, непосредственное преобразование возбуждения в тревожность), а не символический. Слово "актуальный" означает здесь отсутствие опосредования, характерного для образования симптомов при психоневрозах (смещение, сгущение и пр.).

С точки зрения терапевтической, актуальные неврозы, по-видимому, не подлежат психоаналитическому лечению, поскольку их симптомы не имеют значения, которое можно было бы прояснить (6).

Фрейд никогда не пересматривал свои взгляды на специфику актуальных неврозов. Он настаивал, что в данном случае симптомообразование объясняется на химическом уровне (интоксикация органов, связанных с сексуальностью, продуктами метаболизма) (7).

2) Между психоневрозами и актуальными неврозами существует, однако, не только противоположность: Фрейд неоднократно пытался установить почленные соотношения между неврастенией и неврозом страха, с одной стороны, и различными видами трансферентного невроза — с другой. Вводя впоследствии ипохондрию как третий вид актуального невроза (8), Фрейд сопоставлял ее с парафренией или нарциссическими психоневрозами (шизофренией и паранойей). Основанием для этих соотнесений были не только структурные аналогии, но и тот факт, что "... симптом актуального невроза нередко выступает как ядро психоневротического симптома и как стадия, предшествующая его появлению" (9). Мысль о том, что психоневроз порождается фрустрацией, приводящей к либидинальному застою, фактически подчеркивает наличие этих актуальных обстоятельств (10).

*

В наши дни понятие актуального невроза близко к исчезновению: ведь даже если актуальные обстоятельства подталкивают к болезни и ускоряют ее возникновение, все равно в симптомах всегда символически выражаются прежние конфликты. В этой связи мысль об актуальных конфликтах и симптомах, сохраняя свое значение, требует ряда пояснений.

1) В психоаналитической практике проводится различие между вновь ожившими детскими конфликтами и конфликтами, обусловленными прежде всего актуальной ситуацией: наличие острого актуального конфликта нередко оказывается препятствием для психоаналитического лечения.

2) В любой разновидности психоневрозов, наряду с доступными прояснению симптомами, существует также ряд более или менее важных симптомов, сходных с теми, что наблюдались Фрейдом при актуальных неврозах, — ничем не обоснованная усталость, боли неясного происхождения и пр. Поскольку защитный конфликт мешает осуществлению бессознательного желания, возможно, что в основе ряда неспецифических симптомов лежат именно неудовлетворенные либидинальные побуждения.

3) При таком подходе оказывается, что фрейдовские "актуальные" симптомы чаще всего имеют соматический характер, так что старое понятие актуального невроза ведет прямо к современным концепциям психосоматических расстройств.

4) Заметим, наконец, что в теории Фрейда рассматриваются лишь неудовлетворенные сексуальные влечения. Чтобы понять, как возникают симптомы актуального невроза и психосоматические симптомы, необходимо учесть подавление агрессивности.

(1) Cf. Freud (S.). Die Sexualität in der Ätiologie der Neurosen, 1898. — a) G.W., I, 509; S.E., III, 279. — b) G.W., I, 496—497; S.E., III, 267—268.

(2) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., manuscript B, 8-2-93, 76—82; manuscript E, 98—103; англ., manuscript B, 66—72; manuscript E, 88—94; франц., manuscript B, 88—94; manuscript E, 80—85.

(3) Ср., например: Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie. In: Studien über Hysterie, 1895. Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1894. L'hérédité et l'étiologie des névroses, 1896.

(4) Freud (S.). L' hérédité et l' létiologie des névroses, 1896. G.W., I, 414; S.E., III, 149; франц., 165.

(5) Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1894. G.W., I, 341; S.E., III, 114.

(6) Cf. Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie. In: Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 259; S.E., II, 261; франц., 210.

(7) Ср., например: Freud (S.). Zur Einleitung der Onaniediskussion. Schlusswort der Onaniediskussion, 1912. G. W., VIII, 337; S.E., XII, 248. Vorlesungen zur Einführung in

die Psychoanalyse, 1916—1917. G.W., XI, 400—404. S.E., XVI, 385—389; франц., 413—417.

(8) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 149-151; S.E., XIV, 82—85.

(9) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916-1917. G.W., XI, 405; S.E., XVI, 390; франц., 418.

(10) Cf. Freud (S.). Über neurotische Erkrankungstypen, 1912. G.W., VIII, 322—330; S.E., 231—238.

НЕВРОЗ (ИЛИ СИНДРОМ) НЕУДАЧИ

Нем.: Misserfolgsneurose. — Франц.: névrose (ou syndrome) d'échec. — Англ.: failure-neurosis. — Исп.: neurosis de fracaso. — Итал.: nevrosi di scacco. — Португ.: neurose de fraccaso.

○ Выражение Рене Лафорга, имеющее весьма широкий смысл: психологический склад у целого ряда субъектов — от тех, кто считает себя виновником собственного несчастья, до тех, кто не в состоянии выносить обладания как раз тем, чего они, казалось бы, страстно желают.

◘ Говоря о неврозе неудачи, психоаналитики имеют в виду неудачу как следствие невротической неуравновешенности, а вовсе не неудачу как условие возникновения невроза (когда нарушение поведения выступает как реакция на реальную неудачу).

Понятие невроза неудачи связано с именем Рене Лафорга, посвятившего немало работ роли *Сверх-Я*, механизму самонаказания и психопатологии неудачи (1). Лафорг выявил в эмоциональной и социальной жизни индивидов и групп людей (семья, класс, этническая группа) целый ряд синдромов неудачи и попытался обнаружить их общую основу в действиях *Сверх-Я*.

Психоаналитики используют термин "невроз неудачи" скорее в описательном, нежели в нозографическом, классификационном смысле.

В общем неудача — это цена невроза: ведь невротический симптом ограничивает возможности субъекта и отчасти блокирует его энергию. Однако о неврозе неудачи имеет смысл говорить в тех случаях, когда неудача не является лишь следствием симптома (как в случае пациента с фобиями, чья способность к передвижению ограничена собственными страхами), но порождает симптом и потому требует особого объяснения.

В работе "Некоторые типы характеров из психоаналитической практики" (Einige Charaktertypen aus des Psychoanalytischen Arbeit, 1916) Фрейд обратил внимание на особый тип людей, которые

"терпят неудачу в самый момент успеха", однако он трактовал эту проблему более узко, нежели Лафорг:

а) речь идет о субъектах, которые не выносят успеха в каком-то конкретном деле, очевидно, в связи с их бессознательными желаниями;

б) в случае таких субъектов возникает следующий парадокс: внешняя фрустрация* не является сама по себе патогенной, однако невыносимость самой возможности удовлетворения желания влечет за собой "внутреннюю фрустрацию", при которой субъект отказывает себе в таком удовлетворении (2);

в) Фрейд не видит в самом этом механизме ни невроза, ни синдрома: скорее это один из способов порождения невроза, первый его симптом.

В "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzip, 1920) Фрейд связал некоторые типы невротической неудачи с навязчивым повторением, особенно в том, что он называет роковым понуждением судьбы (см.: Невроз судьбы).

(1) Cf. Laforgue (R.). Psychopathologie de l'échec, Paris, Payot, 1939.
(2) Cf. Freud (S.). G.W., X, 372; S.E., XIV, 317—318; франц., 115.

НЕВРОЗ НАВЯЗЧИВЫХ СОСТОЯНИЙ

Нем.: Zwangsneurose. — Франц.: névrose obsessionnelle. — Англ.: obsessional neurosis. — Исп.: neurosis obsesiva. — Итал.: nevrosi ossesiva. — Португ.: neurose obsessiva.

● Класс неврозов, выявленных Фрейдом: одна из главных категорий в клинике психоанализа.

В наиболее типичной своей форме этот психический конфликт выражается в так называемых навязчивых симптомах* (навязчивые идеи, понуждение к нежелаемым действиям, борьба с этими мыслями и наклонностями, заклинательные обряды) и в таком способе мысли, при котором господствует пережевывание одного и того же сомнения, раскаяния и пр., а в результате возникает торможение мыслей и действий.

Фрейд последовательно выявил этиопатогеническую специфику невроза навязчивости — с точки зрения его механизмов (смещение* аффекта на представления, более или менее удаленные от первичного конфликта, изоляция*, отмена некогда бывшего*), с точки зрения влечений (амбивалентность, фиксация на анальной стадии*, регрессия*); наконец, с точки зрения топики (садомазохистское отношение, интериоризированное в форме напряженных отношений между *Я* и чрезмерно строгим *Сверх-Я*). Выявление динамики невроза

навязчивых состояний, а также анального характера реактивных образований*, лежащих в его основе, позволяет построить такую клиническую картину этого невроза, в которой симптомы в собственном смысле слова на первый взгляд и не заметны.

◘ Прежде всего отметим, что невроз навязчивых состояний — ныне общепринятая категория — был открыт Фрейдом в 1894—1895 гг.: "Случилось так, что моя работа началась с нозографического открытия. Мне довелось выявить, наряду с истерией, невроз навязчивых состояний (Zwangsneurose) как отдельную разновидность расстройства, хотя большинство авторов считают навязчивые состояния синдромами умственного вырождения или же путают их с неврастенией" (1a). Поначалу Фрейд исследовал психологический механизм навязчивых представлений (Zwangsvorstellungen) (2), а затем сгруппировал и представил в виде отдельного психоневротического расстройства (3,1b) различные уже описанные ранее симптомы (чувства, мысли, навязчивые поступки), которые были включены в совершенно различные нозографические рамки (ср."вырождение" у Маньяна, "эмотивная конституция" у Дюпре, "неврастения" у Бэрда и пр.). Вслед за Фрейдом Жане описал под именем психастении невроз, похожий на то, что Фрейд называл неврозом навязчивых состояний, но дал ему другое объяснение. Для Жане главной причиной возникновения тяжелого навязчивого состояния было переживание какой-либо нехватки, слабость психического синтеза, психическая астения, тогда как для Фрейда сомнения и торможения — это не причины, а следствия конфликта, одновременно и мобилизующего, и блокирующего энергию субъекта (4).

Впоследствии мысль о своеобразии невроза навязчивых состояний укрепилась в психоаналитической теории.

В ходе развития психоанализа на первый план вышла скорее сама структура невроза навязчивых состояний, нежели его отдельные симптомы; с точки зрения терминологической, это ставит под вопрос описательную ценность этого понятия.

Прежде всего отметим, что выражение névrose obsessionnelle не тождественно немецкому Zwangsneurose, поскольку словом Zwang могут обозначаться не только навязчивые мысли (Zwangsvorstellungen), но также действия (Zwangshandlungen) и аффекты (Zwangsaffekte) (см.: Навязчивость (α)). Кроме того, понятие névrose obsessionnelle направляет внимание скорее на симптомы (что действительно важно), а не на структуру. Нередко говорят о структуре, характере, болезни *навязчивых состояний* при отсутствии явных признаков обсессивности. Впрочем, в наши дни "обсессивным"

(obsédé) обычно называют лишь больного с характерными признаками навязчивости.

α) Сам Фрейд переводит Zwangsneurose как "névrose des obsessions" (1c) или же "d'obsessions" (1d).

(1) Freud (S.). L' hérédité et l' étiologie des névroses, 1896. — a) G.W., I, 411; S.E., III, 146. — b) Cf. G.W., I, 407—422; S.E.. III, 143—156. — c) G.W., I, 411; S.E., III, 146. — d) G.W., I, 420; S.E., III, 155.

(2) Cf. Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 59—74; S.E., III, 45—68.

(3) Cf. Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuro psychosen, 1896. G.W., I, 377—403; S.E., III, 162—185.

(4) Cf. Janet (P.). Les obsessions et la psychasthénie, 1903.

НЕВРОЗ НАРЦИССИЧЕСКИЙ

Нем.: narzisstische Neurose. — Франц.: névrose narcissique. — Англ.: narcissistic neurosis. — Исп.: neurosis narcisista. — Итал.: nevrosi narcisistica. — Португ.: neurose narcisica.

● Это понятие ныне выходит из употребления в психиатрии и психоанализе. В сочинениях Фрейда оно обозначало душевное расстройство, проявляющееся, в противоположность неврозам трансфера*, в обращении либидо на себя .

■ Понятие нарциссического невроза возникло у Фрейда в связи с применением психоаналитических понятий к психозам и выявлением нарциссизма (1). Фрейд часто пользуется этим понятием, противопоставляя его понятию трансферентного невроза. Это противопоставление затрагивает одновременно и область практики (трудность или невозможность либидинального трансфера), и область теории (возврат либидо в *Я*). Итак, в подобных структурах преобладает нарциссическое отношение. И в этом смысле Фрейд считает тождественными нарциссические неврозы и психозы, или, иначе, парафрении*.

В дальнейшем, особенно в статье "Невроз и психоз" (Neurose und Psychose, 1924), Фрейд применяет понятие нарциссического невроза лишь к расстройствам меланхолического типа, четко отличая их тем самым как от трансферентных неврозов, так и от психозов (2).

В наши дни это понятие постепенно выходит из употребления.

(1) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 138—170; S.E., XIV, 73—102.

(2) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 390; S.E., XIX, 151—152.

НЕВРОЗ ПОКИНУТОСТИ

Нем.: Verlassenheitsneurose. — Франц.: névrose d'abandon. — Англ.: abandonment neurosis. — Исп.: neurosis de abandono. — Итал.: nevrosi d'abbandono. — Португ.: neurose de abandono.

○ Термин, введенный швейцарскими психоаналитиками (Шарль Одье, Жермена Ге) для обозначения клинической картины, в которой преобладают страх покинутости и потребность в защите. Этот невроз возникает в доэдиповский период и вовсе не обязательно обусловлен реальной покинутостью ребенка в детстве.

□ В своей работе "Невроз покинутости" (1) Жермена Ге настаивает на выделении этой разновидности невроза, выходящей за рамки традиционных классификаций болезней (α).

В симптомах "покинутости" на первый взгляд, нет ничего особенного: все та же тревожность, агрессивность, мазохизм, потеря чувства собственной ценности; однако эти симптомы связаны не с обычными конфликтами, выявляемыми в психоанализе (особенно эдиповскими конфликтами), а с чувством глубинной аффективной незащищенности.

Безграничная потребность в любви проявляется подчас в настолько различных формах, что узнать ее вообще невозможно, и означает поиск утраченного чувства безопасности, прообразом которого выступает первоначальное слияние ребенка с матерью. Эта потребность не обязательно вызвана реальной покинутостью ребенка (последствия этого изучались, например, Шпитцем; см.: Госпитализм, Анаклитическая депрессия); скорее ее причина — в аффективной установке матери, воспринимаемой ребенком как отказ от любви (ср. феномен "ложного присутствия" матери). По Ж.Ге, важен также врожденный душевный и телесный склад (аффективная "булимия", нетерпимость к фрустрациям, потеря нейровегетативного равновесия).

Ж.Ге считает, что "покинутые" больные никогда не входят в Эдипову стадию, поскольку Эдип кажется им слишком сильной угрозой собственной безопасности; в целом же невроз покинутости связан с такими "потрясениями *Я*", которые подчас можно обнаружить лишь в процессе психоанализа.

Заметим, что слово "покинутый" нередко используется в описательном смысле даже теми авторами, которые не разделяют взглядов Ж.Ге на возникновение этого невроза и его место среди других неврозов.

α) В частной беседе Ж.Ге заметила, что следовало бы говорить скорее о *синдроме*, нежели о неврозе, покинутости.

(1) Guex (G.). Paris, P.U.F., 1950.

НЕВРОЗ СЕМЕЙНЫЙ

Нем.: Familienneurose. — Франц.: névrose familiale. — Англ.: family neurosis. — Исп.: neurosis familial. — Итал.: nevrosi familiare. — Португ.: neurose familial.

○ Взаимодополнительность и взаимообусловленность индивидуальных неврозов в семье, а также патогенное воздействие, которое может оказывать на детей семья, в особенности структура родительских отношений.

■ Понятие семейного невроза используется главным образом французскими психоаналитиками, последователями Рене Лафорга (1). Впрочем, по их мнению, семейный невроз не является самостоятельной классификационной единицей.

В этом понятии, лишенном внутренней цельности, соединен ряд открытий психоанализа: главная роль идентификации с родителями в развитии субъекта, Эдипов комплекс как ядро формирования невроза, значимость отношений между родителями в процессе формирования Эдипова комплекса и пр. Рене Лафорг, в частности, настаивал на патогенном воздействии родительских пар, отношения в которых основаны на невротической взаимодополнительности (как в случае садомазохистской пары).

Однако понятие семейного невроза подчеркивает не столько значение окружения, сколько роль каждого члена семьи в установлении сети бессознательных взаимоотношений (нередко называемых "семейной констелляцией"). Это понятие важно прежде всего при психотерапевтическом подходе к детям, для которых эта "констелляция" есть нечто заранее заданное. С практической точки зрения, это помогает психотерапевту не только непосредственно влиять на семейное окружение ребенка, но также иногда объяснять семейным неврозом саму просьбу родителей о его лечении (в подобных случаях ребенок выступает как "симптом" собственных родителей).

По Р.Лафоргу, понятие семейного невроза вытекает из фрейдовской трактовки *Сверх-Я*: "*Сверх-Я* ребенка строится не по образу родителей, но по образу их *Сверх-Я*; будучи наполнено теми же самыми содержаниями, оно становится представителем традиции и носителем ценностных суждений, передающихся из поколения в поколение" (2).

В современном психоанализе понятие семейного невроза не употребляется. Подчеркивая взаимодополнительность ролей различных субъектов в бессознательном поле, оно, однако, порождает недооценку собственных фантазий субъекта и неоправданно выводит на первый план манипуляторские тенденции, порождаемые определенной семейной ситуацией, как якобы определяющий фактор возникновения невроза.

(1) Cf. Laforgue (R.). A propos de la frigidité de la femme. In: R.F.P., 1935, VIII, 2, 217—226. La névrose familiale. In.: R.F.P., 1936, IX, 3, 327—355.

(2) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 73; S.E., XXII, 67; франц., 94—95.

НЕВРОЗ СМЕШАННЫЙ

Нем.: gemischte Neurose. — Франц.: névrose mixte. — Англ.: mixed neurosis. — Исп.: neurosis mixta. — Итал.: nevrosi mixta. — Португ.: neurose mista.

● По Фрейду, форма невроза, для которой характерно сосуществование симптоматики неврозов различного происхождения.

■ Это понятие встречается у Фрейда преимущественно в ранних работах (1), где указывается, что психоневротические симптомы возникают одновременно с актуальными симптомами, а также соединяются симптомы нескольких разновидностей психоневроза.

Речь идет не только о сложной клинической картине. По Фрейду, при смешанных неврозах можно, хотя бы в идеале, связать появление симптомов каждого вида с действием особого механизма: "Каждый раз, сталкиваясь со смешанным неврозом, можно выявить в нем элементы совершенно различного происхождения" (2).

Чистые неврозы встречаются редко: этот факт общепризнан в психоаналитической клинике. Истерические признаки лежат в основе любого невроза навязчивых состояний (3), а ядро актуальных симптомов присутствует в любом психоневрозе (см.: Невроз актуальный). Так называемые "пограничные случаи", или, иначе, расстройства, в которых имеются и невротические, и психотические компоненты, свидетельствуют о внутренних пересечениях психопатологических структур.

Однако понятие смешанного невроза не должно приводить к отказу от всех нозографических классификаций (4). Напротив, оно предполагает, что в каждом сложном клиническом случае можно вычленить проявления различных структур или механизмов.

(1) Ср., например: Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895. — Breuer (J.) et Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie, 1895, в особенности G.W., I, 256; S.E., II, 259; франц., 208.

(2) Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895. G.W., I, 339; S.E., III, 113.

(3) Ср., например: Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 107; S.E., XVII, 75; франц., 381; а также Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 143; S.E., XX, 113; франц., 33—34.

(4) Ср., например: Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. G.W., XI, 405; S.E., XVI, 390; франц., 417—418.

НЕВРОЗ СТРАХА

Нем.: Angstneurose. — Франц.: névrose d'angoisse. — Англ.: anxiety neurosis. — Исп.: neurosis de angustia. — Итал.: nevrosi d'angoscia. — Португ.: neurose de angústia.

○ Этот тип болезни Фрейд отличает от следующих:

а) от неврастении — симптомами страха (постоянное ожидание будущих опасностей, приступы страха или их соматические проявления);

б) от истерии — происхождением: невроз страха — это актуальный невроз*, связанный с накоплением сексуального возбуждения, которое прямо, без какого-либо психологического опосредования, преобразуется в симптом.

□ Проблема возникновения страха в связи с сексуальным возбуждением и либидо занимала Фрейда с 1893 г., судя по его переписке с Флиссом. Этот вопрос последовательно рассматривался Фрейдом в статье "Об основаниях отделения от неврастении особого комплекса симптомов под названием "невроз страха"" (Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1895).

Фрейд вычленил внутри неврастенического синдрома расстройство, основанное на симптомах страха и тревоги. На фоне "общей возбудимости" выделяются: хроническая тревожность или тревожное ожидание, способное связываться с каким угодно представлением и опираться на него; приступы ничем не обоснованного страха (например, ночные страхи), которые сопровождаются или замещаются различными соматическими явлениями (головокружение, нарушения дыхания, сердечной деятельности, потливость и пр.); фобические симптомы, при которых связь аффекта с представлением скрывает символическую подмену вытесненного представления.

Фрейд связывает возникновение невроза страха с особыми этиологическими факторами, основанными на: а) накоплении сексуального напряжения; б) отсутствии или же недостаточности психической проработки соматического сексуального возбуждения, способного преобразовываться в "психическое либидо" (см.: Либидо), лишь в связи с уже сложившимися группами сексуальных представлений. Когда сексуальное возбуждение лишено такого контроля, оно непосредственно переходит на соматический уровень и превращается в страх (α).

Фрейд связывал эту недостаточность психической проработки либо с "... недостаточным развитием психических аспектов сексуальности, с попыткой ее подавления, с ее упадком, либо с обычным разрывом между физической и психической сексуальностью" (1а).

Он пытался показать роль всех этих механизмов в различных формах психических расстройств, страхе девственности, в страхе, порождаемом сексуальным воздержанием, coitus interruptus и пр.

Фрейд обратил внимание на общность симптомов, а также отчасти на общие механизмы невроза страха и истерии: в обоих случаях "...происходит своего рода "конверсия"[...]; однако при истерии психическое возбуждение устремляется по ложному пути, выражась исключительно в соматике, а при неврозе страха, напротив, *физическое* напряжение не имеет доступа в психику и остается в области тела. Эти два процесса часто путают" (1b).

Хотя Фрейд, как мы видели, указывал на психический элемент как одно из условий возникновения невроза страха и подчеркивал родство этого невроза с истерией и даже возможность их объединения в некий "смешанный невроз", он тем не менее всегда настаивал на своеобразии невроза страха как разновидности актуального невроза.

Современные психоаналитики не принимают безоговорочно понятие актуального невроза*, однако клиническая картина невроза страха (напомним, что именно Фрейд отделил его от неврастении) сохраняет в клинике свое классификационное значение: это невроз, отличающийся высокой степенью тревожности, отсутствием явного объекта страха и ярко выраженным воздействием актуальных факторов.

В этом смысле невроз страха четко отличается от *истерии страха** или от такого фобического невроза, при котором тревога сосредоточена на объекте-заместителе.

α) Проблема страха не впервые встает перед Фрейдом. Он отмечает, что представление об актуальной соматической причине страха возникло у него при пересмотре ранее выдвинутой чисто психогенной теории истерии. Ср. его замечание о случае Эммы в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895): "Когда я писал все это [т.е.в 1889 г.], то был склонен считать, что все истерические симптомы порождаются психикой. Теперь же [в 1895 г.] я бы скорее назвал предрасположенность к неврозу страха у этой женщины, воздерживающейся от сексуальных контактов, — невротической [слово "невротический" здесь понимается в своем изначальном смысле: связанный с нарушением функционирования нервной системы]" (2).

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887-1902. — a) Нем., 103; англ., 93; франц., 84. — b) Нем., 104; англ., 94; франц., 85.
(2) Freud (S.). G.W., I, 118; S.E., II, 65; франц., 50.

НЕВРОЗ СУДЬБЫ

Нем.: Schicksalsneurose. — Франц.: névrose de destinée. — Англ.: fate neurosis. — Исп.: neurosis de destino. — Итал.: nevrosi di destino. — Португ.: neurose de destino.

◘ Форма существования субъекта с периодическим возвратом одних

и тех же цепочек событий, обычно несчастливых, которые имеют вид рокового стечения внешних обстоятельств, но с психоаналитической точки зрения обусловливаются механизмами бессознательного и особенно навязчивым повторением.

◘ В конце главы III "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) (1) Фрейд приводит в качестве примера повторения у таких пациентов, относительно которых можно подумать, "[...] что их преследует судьба, что их жизнью управляют дьявольские силы" (неблагодарность, предательство друзей и пр.). Заметим, впрочем, что он говорил в этом случае о принудительности судьбы (Schicksalzwang), а не о неврозе судьбы. Укоренился, однако, именно второй термин — по-видимому, из-за распространения психоаналитического подхода на так называемые асимптотические неврозы (неврозы характера*, неудачи* и пр.). Как бы то ни было, понятие невроза судьбы имеет лишь описательное, а не нозографическое значение.

Идею невроза судьбы можно понять в широком смысле: ход жизни любого человека "...заранее предопределен самим субъектом". Однако при таких обобщениях это понятие теряет даже описательную ценность и означает все повторяющееся или просто устойчивое в поведении человека.

Однако, вслед за Фрейдом, можно придать понятию "невроз судьбы" более строгий смысл, позволяющий отличить его, в частности, от невроза характера. Судя по приводимым у Фрейда примерам, он прибегает к понятию "роковое понуждение" для обозначения весьма своеобразного опыта:

а) речь идет о поступках, которые повторяются, несмотря на то что они неприятны субъекту;

б) они развертываются по неизменному сценарию — в виде последовательности событий, случившихся на протяжении долгого времени;

в) они имеют вид рокового стечения внешних обстоятельств, по отношению к которым субъект, причем небезосновательно, чувствует себя жертвой (например, одна женщина три раза выходила замуж, трижды сталкивалась с болезнью своих мужей и трижды ухаживала за ними вплоть до самой их смерти).

В подобных случаях повторяются отдельные сцепления событий. При неврозе судьбы субъект лишен доступа к своему бессознательному желанию, приходящему как бы извне (отсюда, по Фрейду, "демонический" характер этих событий). При неврозе характера, напротив, речь идет о навязчивом повторении защитных механизмов и поведенческих схем, при котором сохраняется некая жесткая форма (черты характера).

(1) Freud (S.). G.W., XIII, 20—21; S.E., XVIII, 21—22; франц., 22—23.

НЕВРОЗ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ

Нем.. traumatische Neurose. — Франц : névrose traumatique. — Англ.: traumatic neurosis. — Исп.: neurosis traumática. — Итал.: nevrosi traumatica. — Португ.: neurose traumática.

◘ Разновидность невроза, при которой симптом появляется после эмоционального шока в ситуации непосредственной смертельной опасности. В момент шока субъект испытывает пароксический страх, который может вызвать беспокойство, оцепенение или умственное смятение. Дальнейшее развитие невроза обычно наблюдается после некоторого перерыва и проявляется двояко:

а) травма высвобождает, обнажает ранее существовавшую невротическую структуру;

б) травма включается в само содержание симптома (повторяющееся переживание травмы, повторные кошмары, нарушение сна и пр.) — все это представляет собой повторяющуюся попытку "связать" и отрегировать травму; такая "фиксация на травме" сопровождается общим торможением деятельности субъекта.

Именно эту последнюю клиническую картину Фрейд и психоаналитики обычно называют травматическим неврозом.

■ Понятие травматического невроза было введено еще до открытия психоанализа (α) и поныне используется в психиатрии в различных смыслах — из-за неясности самого понятия травмы и разнородности обусловленных этим теоретических подходов.

Понятие травмы предполагает прежде всего телесные повреждения; оно обозначает "... повреждения, внезапно нанесенные (организму) острыми предметами, чья проникающая способность превышает сопротивление соответствующих тканей или органов" (1); травмы подрасчленяются на раны и контузии (или закрытые раны), в зависимости от того, наблюдается ли при этом нарушение кожного покрова.

В нейропсихиатрии слово "травма" имеет два значения:

1) в хирургии говорят о травме центральной нервной системы, причем ее последствия простираются от явных поражений нервной ткани до предполагаемых микроскопических повреждений (например, "сотрясение мозга");

2) в метафорическом смысле психическая травма — это любое резкое потрясение психики индивида. Большинство ситуаций, порождающих травматические неврозы (несчастные случаи, военные схватки, взрывы и пр.), ставит перед психиатрами практическую проблему диагностики (можно ли говорить о повреждении в неврологическом смысле?) и дает вследствие различий в теоретических взглядах исследователей некоторую свободу в оценке причин трав-

мы. В крайних случаях картину травматических неврозов включают в рамки "черепно-мозговых травм" (2) (см.: Травма психическая).

*

Если ограничиться травмой в ее психоаналитическом понимании, травматический невроз предстанет в двух различных планах.

I. В связи с тем, что Фрейд называет "дополнительными рядами"*, следует рассмотреть два фактора: предрасположенность к травме и саму травму, — которые варьируют, находясь в обратно пропорциональном отношении друг к другу. Мы сталкиваемся с целым рядом явлений — от незначительных событий, приводящих к расстройству из-за недостаточной устойчивости субъекта (при любом или при каком-то определенном типе возбуждения), до случаев, при которых объективно важное событие внезапно нарушает внутреннее равновесие субъекта.

По этому поводу необходимо сделать несколько замечаний:

1) понятие травмы становится тогда чисто относительным;

2) проблема предрасположенности к травме фактически отождествляется с оценкой роли актуальных факторов и предшествующего конфликта (см.: Невроз актуальный);

3) в тех случаях, когда речь идет о сильной травме как источнике симптомов, психоаналитики стремятся найти в истории субъекта невротические конфликты, лишь усиленные травмой. Эта позиция подтверждается сходством травматических расстройств (война, несчастный случай и пр.) с расстройствами, возникающими при классическом неврозе трансфера;

4) особый интерес в этом смысле представляют случаи, когда внешнее событие приводит к осуществлению вытесненного субъектом желания, к "драматизации" бессознательного фантазма. В этих случаях возникающий невроз сходен с травматическими неврозами, пережевыванием одних и тех же мыслей, повторяющимися снами и пр. (3);

5) при таком подходе можно связать возникновение травматического события с особой невротической предрасположенностью субъекта. Есть люди, которые, страшась травматических ситуаций, бессознательно ищут их. Согласно Фенихелю, они повторяют детскую травму, стремясь к ее отреагированию: "*Я* желает повторения (травмы), чтобы разрешить болезненное напряжение, однако это повторение приносит страдание [...]. Больной оказывается в порочном круге. Ему не удается овладеть травмой посредством повторений, поскольку каждая новая попытка приносит с собой новый травматический опыт" (4а). В этих субъектах, называемых

"травматофилами", Фенихель видит типичный случай "соединения травматического невроза с психоневрозом" (4b). Отметим, кстати, что К.Абрахам, придумавший само слово "травматофилия", связывал детские сексуальные травмы с травматофилической предрасположенностью субъекта (5).

II. Мы видим, что психоаналитическое исследование приводит к проблематизации травматического невроза: определяющая роль самого травматического события при этом подвергается сомнению, ибо, с одной стороны, подчеркивается соотнесенность травмы с (порогом) выносливости субъекта, а с другой — опыт травмы включается в историю и психическую организацию субъекта со всей их спецификой. С этой точки зрения, понятие травматического невроза — это лишь первое и чисто описательное приближение к проблеме, которая требует более глубокого анализа.

Не следует ли нам, однако, предусмотреть особое место в классификации болезней для таких неврозов, которые возникают преимущественно именно под влиянием сильной травмы, — ведь механизмы и симптомы таких неврозов относительно своеобразны по сравнению с механизмами и симптомами психоневрозов?

По-видимому, именно этой позиции придерживается Фрейд, прежде всего в "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips,1920): "Картина симптомов при травматическом неврозе напоминает картину истерии богатством сходных двигательных симптомов, но, как правило, включает больше очевидных признаков субъективного страдания (и в этом ее сходство с ипохондрией и меланхолией), а также ослабления и общего нарушения психических функций" (6a). Говоря о травматическом неврозе, Фрейд настаивал на телесном "потрясении" (Erschütterung) организма, вызывающем прилив возбуждения и одновременно на психическом (Schreck — испуг) характере травмы (7). Именно в этом испуге — "...состоянии, при котором субъект попадает в опасную ситуацию, не будучи к ней подготовлен" (6b), — Фрейд видит определяющий фактор травматического невроза.

На такой внезапный и угрожающий его психической целостности прилив возбуждений субъект не может ответить ни соответствующей разрядкой, ни психической обработкой. Пытаясь овладеть травматической ситуацией, субъект навязчиво ее повторяет, особенно в снах (β) (см.: Навязчивое повторение, Связывание).

Тем не менее Фрейд не преминул отметить общие свойства травматических неврозов и неврозов трансфера (8). Судя по нижеследующему отрывку из "Очерка психоанализа" (Abriss der Psychanalyse,1938), Фрейд оставил открытым вопрос о своеобразии травматических неврозов: " Возможно, что так называемые травматические неврозы (вызванные сильным испугом или сильным соматическим шоком при различного рода катастрофах) представ-

ляют собой исключение: во всяком случае, до сих пор их отношения с событиями детства не входили в круг наших исследований" (9).

α) Оно было введено Оппенхаймом (ср.:Encyclopédie médico-chirurgicale: Psychiatrie, 37520 C10, p. 6).

β) "Сны при травматических неврозах отличаются бесконечным повторением катастрофы, от чего больной каждый раз в ужасе просыпается" (6с).

(1) Forgue (E.). Précis de pathologie externe, 1948, I, 220, 11e éd., Masson, Paris.

(2) По этому поводу см.: Ey (H.). Encyclopédie médico-chirurgicale: neurologie, article "Traumatismes cranio-cérébraux", n. 17585, 1955.

(3) См., например, Lagache (D.). Deuil pathologie, 1957. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., II, 45—74.

(4) Fenichel (O.). The Psychoanalytic Theory of Neurosis, 1945. Франц.: La théorie psuchanalytique des névroses, Paris, P.U.F., 19653 — a) 649—651. — b) chap. XXI.

(5) Cf. Abraham (K.). Das Erleiden sexueller Traumen als Form infantiler Sexualbetätigung, 1907. Франц.; I, 24—35.

(6) Freud (S.). a) G.W., XIII, 9; S.E., XVIII, 12; франц., 7. — b) G.W., XIII, 10; S.E., XVIII, 12; франц., 8. — c) G.W., XIII, 10; S.E., XVIII, 13; франц., 8.

(7) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 103; S.E., VII, 202; франц., 101.

(8) Cf. Freud (S.). Einleitung zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen, 1919. G.W., XII, 321 sqq.; S.E., XVII, 207 sqq.

(9) Freud (S.). G.W., XVII, 111; S.E., XXIII, 184; франц., 54.

НЕВРОЗ ТРАНСФЕРЕНТНЫЙ

Нем.: Übertragungsneurose. — Франц.: névrose de transfert. — Англ.: transference neurosis. — Исп.: neurosis de transferencia. — Итал.: nevrosi di transfert. — Португ.: neurose de transferência.

● А) По Фрейду, психоневрозы*, отличные от нарциссических неврозов* (истерия страха*, истерия конверсионная*, невроз навязчивых состояний*). В отличие от нарциссических неврозов они характеризуются постоянной смещенностью либидо на реальные или воображаемые предметы, незамкнутостью его на *Я*. Поэтому они легче поддаются психоаналитическому лечению, в ходе которого обычно переходят в трансферентный невроз в значении Б.

Б) В теории психоаналитической терапии — искусственный невроз, объединяющий различные проявления трансфера. Он формируется в отношениях с психоаналитиком и представляет собой новую форму клинического невроза, прояснение которого приводит к открытию детского невроза.

■ А) Термин " трансферентный невроз" в смысле А был введен Юнгом и противопоставлен "психозу" (1), при котором либидо подвергается "интроверсии" (Юнг), превращается в нагрузку *Я* (Абрахам (2), Фрейд (3)), что уменьшает способность пациентов к

переносу своего либидо на объекты и, следовательно, не позволяет лечить их методами, основанными на трансфере. Первым объектом психоаналитического лечения стали расстройства, при которых способность к такому переносу, или трансферу, сохраняется, — потому они и называются трансферентными неврозами.

Согласно фрейдовской классификации (ср., например, "Лекции по введению к психоанализ" [Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916-1917]), трансферентные и нарциссические неврозы противопоставлены друг другу внутри общей группы психоневрозов. В свою очередь, психоневрозы, при которых симптомы предстают как символическое выражение психического конфликта, противопоставляются актуальным неврозам*, механизм которых, по сути, соматический.

Хотя различие между двумя разновидностями психоневроза сохраняет свою силу, их нельзя разграничить по принципу простого наличия или отсутствия трансфера. В наши дни признают, что отсутствие явных признаков трансфера при психоневрозах чаще всего выступает как своеобразный способ трансфера, свойственного психотикам, — причем достаточно сильного.

Б) Именно в "Воспоминании, повторении и проработке" (Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914) Фрейд ввел понятие трансферентного невроза (в смысле Б) одновременно с мыслью о том, что трансфер есть не что иное, как *повторение* детских конфликтов пациента. "Если пациент соблюдает условия психоаналитического лечения, нам, как правило, удается придать всем симптомам болезни новое значение, связанное с трансфером, замещая обычный невроз трансферентным неврозом, от которого можно излечиться в результате особой терапевтической работы" (4а).

Судя по этому отрывку, различие между трансферентными реакциями и неврозом трансфера в собственном смысле слова заключается в том, что при трансферентном неврозе патологическое поведение пациента полностью сосредоточено на его отношениях с аналитиком. По этому поводу можно сказать, что, с одной стороны, трансферентный невроз позволяет соотнести между собой различные поначалу неопределенные реакции (например, по Гловеру, "плавающий трансфер"), а с другой — он придает всей совокупности симптомов и патологических поступков пациента новую функцию, связывая их с аналитической ситуацией. Фрейд считал возникновение трансферентного невроза положительным моментом в динамике лечения: "Этому новому состоянию присущи все признаки болезни, но болезнь эта искусственная и доступная нашему вмешательству" (4b).

При таком подходе идеальная модель лечения — это преобразование клинического невроза в трансферентный невроз, прояс-

нение которого, в свою очередь, приводит к открытию детского невроза (α).

В любом случае необходимо отметить, что впоследствии, выявив роль навязчивого повторения, Фрейд предложил менее одностороннюю концепцию трансферентного невроза, подчеркивая опасность его бесконтрольного развития. "Врач всячески стремится ограничить область трансферентного невроза, заставить больного вспомнить как можно больше [психических] содержаний при как можно меньшем числе повторений [...]. Как правило, обойтись без этого этапа лечения невозможно. Врач обязан предоставить больному возможность вновь пережить забытый момент его жизни, однако он должен одновременно бдительно следить за тем, чтобы больной сохранял контроль над ситуацией, понимая, что то, что кажется ему реальностью, на деле есть лишь обновленное отражение забытого прошлого" (5).

α) В докладе Ш.Радо "Экономический принцип в психоаналитической технике" (The Economic Principle in Psychoanalytic Technique) (6) на Зальцбургском конгрессе (1924), посвященном теории лечения, "терапевтический невроз" был включен в число других приемов, предшествовавших психоанализу (гипноз и катарсис) и отличных от него; однако лишь в психоаналитической ситуации трансферентный невроз может быть проанализирован и устранен.

(1) Cf. Jung (C.G.). Über die Psychologie der Dementia praecox, Halle, 1907. Wandlungen und Symbole der Libido, Jahrbuch Psa.-Forsch., 1911, 1912.

(2) Cf. Abraham (K.). Les différences psychosexuelles entre l'hystérie et la démence précoce. Франц., I, 36-47.

(3) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914.

(4) Freud (S.). a) G.W., X, 134—135; S.E., XII, 154; франц., 113. — b) G.W., X, 135; S.E., XII, 154; франц., 114.

(5) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 17; S.E., XVIII, 19; франц., 19.

(6) Cf. Rado (S.). In: I.J.P., 1925, VI, 35—44.

НЕВРОЗ ФОБИЧЕСКИЙ

Нем.: phobische Neurose. — Франц.: névrose phobique. — Англ.: phobic neurosis. — Исп.: neurosis fóbica. — Итал.: nevrosi del carattere. — Португ.: neurose fóbica.

См.: Истерия страха.

НЕВРОЗ ХАРАКТЕРА

Нем.: Charakterneurose. — Франц.: névrose de caractère. — Англ.: charakter neurosis. — Исп.: neurosis de carácter. — Итал.: nevrosi del carattere. — Португ.:neurose de caráter.

○ Тип невроза, при котором защитный конфликт выражается не в доступных наблюдению симптомах, но в определенных чертах характера, способах поведения, т.е. в патологической организации личности в целом.

◘ О неврозе характера часто говорят в современном психоанализе, не давая ему, однако, четкого определения.

Это понятие остается недостаточно определенным, видимо, потому, что оно порождает ряд классификационных (можно ли вычленить особый невроз характера?), психологических (каковы источник, основа, роль того, что в психологии называют характером?), а также технических (каково место так называемых "характерологических" защит в анализе?) проблем.

Первые наброски этого понятия мы находим в работах психоаналитиков различных направлений:

1) в исследованиях различных черт или типов характера, особенно в связи с либидинальным развитием (1);

2) в теоретических и практических представлениях В.Райха о "панцире характера" и необходимости (особенно в случаях, не поддающихся традиционному анализу) выявлять и истолковывать защитные установки вне зависимости от словесно выраженных содержаний (2).

Даже если ограничиться чисто классификационным подходом, который необходимо предполагается самим понятием "невроз характера", сразу же возникнет путаница различных смыслов:

1) это выражение нередко понимается нестрого — как характеристика общей невротической картины, позволяющей, по крайней мере поначалу, выявить даже не симптомы, но лишь такие способы поведения, которые вызывают повторяющиеся или же постоянные трудности в отношении субъекта с окружением.

2) В психоаналитически ориентированном изучении характеров принято соотносить различные их типы либо с основными психоневротическими расстройствами (характеры обсессивные, фобические, параноидные и пр.), либо с различными стадиями либидинального развития (оральной, анальной, уретральной, фалло-нарциссической, генитальной, причем их нередко объединяют в две основные и противопоставленные друг другу группы: генитальный характер — догенитальный характер). С этой точки зрения, можно говорить о неврозе характера, имея в виду

любой, по видимости бессимптомный, невроз, при котором патология обнаруживается на уровне типов характера.

Продвигаясь дальше и прибегая, как теперь это все чаще делается, к понятию структуры, мы стремимся преодолеть противопоставление между симптомным и бессимптомным неврозом и обращаем главное внимание не столько на проявления конфликта (симптомы, черты характера), сколько на способы организации желания и защиты (α).

3) Обычно тот или иной склад характера объясняют механизмами сублимации* и реактивных образований*. Реактивные образования позволяют "избежать вторичных вытеснений, вызывая устойчивое изменение в личности" (3). Если в характере преобладают реактивные образования, он сам оказывается защитой индивида не только от влечений, но и от симптомов.

В описательном смысле защита на уровне характера отлична от симптома именно своей интегрированностью в *Я*: непризнанием патологичности той или иной черты характера, рационализациями, превращением защиты, поначалу направленной против той или иной конкретной опасности, в общий механизм поведения. В этом смысле невроз характера — это широко распространенная форма невроза навязчивых состояний, при которой преобладают реактивные образования, а вот симптомы (навязчивость, принудительность поведения) встречаются случайно и поодиночке.

4) Наконец, в противоположность такому полиморфизму "невротических характеров" неврозом характера иногда называют совершенно особую психопатологическую структуру. Именно в этом смысле Анри Соге использует "...понятие "невроз характера" в тех случаях, когда *Я* столь сильно пропитано патологией, что общая организация психики напоминает предпсихотическую структуру" (5).

Такой подход продолжает исследования ряда психоаналитиков (Александер, Ференци, Гловер), помещавших аномалии характера где-то между невротическими симптомами и психотическими расстройствами (6).

α) При структурном подходе к психике имеет смысл четко разграничить понятия структуры и характера. По Д.Лагашу, характер — это проекция междусистемных и внутрисистемных отношений на систему *Я*. И тогда особая черта характера, которая предстает как внутренняя личностная установка, окажется результатом преобладания той или иной психической инстанции (например, *Идеал-Я*).

(1) Ср., в особенности: Freud (S.). Charakter und Analerotic, 1908. Einige Charaktertypen aus der Psychoanalytischen Arbeit, 1915. Über libidinose Typen, 1931. — Abraham (K.). Erganzung zur Lehre vom Analcharakter, 1921. Beitrage der Oralerotik zur Charakterbildung, 1924. Zur Charakterbildung auf der "genitalen" Entwicklungsstufe, 1924. — Glover (E.). Notes on oral charakter-formation, 1925.

(2) Cf. Reich (W.). Charakteranalyse, Berlin, 1933. Англ. пер. Noonday Press, N. Y., 1949.

(3) Fenichel (O.). The psychoanalytic Theory of Neurosis, 1945. Франц., La théorie psychoanalytic des névroses. Paris, P.U.F., 1953, 187.

(4) Cf. Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. G.W., XIV, 190; S.E., XX, 157—158; франц., 85—86.

(5) Ey (H.). Encyclopédie médico-chirurgicale: Psychiatrie, 1955. 37320 A 20, 1.

(6) Ср., в особенности: Glover (E.). The neurotic Charakter, I.J.P., VII, 1926.

НЕЖНОСТЬ

Нем.: Zärtlichkeit. — Франц.: tendresse. — Англ.: tenderness. — Исп.: ternura. — Итал.: tenerezza. — Португ.: ternura.

● У Фрейда этот термин, в противоположность "чувственности" (нем. Sinnlichkeit), обозначает такое отношение к другому человеку, которое сохраняет или же воспроизводит первичное любовное отношение ребенка: сексуальное удовольствие выступает здесь не самостоятельно, а лишь опираясь на удовлетворение влечений к самосохранению.

■ Анализируя особый тип любовного поведения ("О наиболее распространенных способах принижения любовной жизни" [Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens, 1912]), Фрейд пришел к разграничению "потока чувственности" и "потока нежности", — поскольку две эти составляющие разграничивались в клинической практике (см.: Любовь генитальная).

Фрейда интересовали не столько проявления нежности, сколько ее происхождение. Оно связано с детским выбором первичного объекта, с любовью к человеку, который заботится о нем, кормит его. Эта любовь с самого начала предполагает и эротические моменты, однако поначалу они слиты с удовлетворением от еды и ухода за телом (см.: Примыкание).

Однако уже в детстве "чувственность" или собственно сексуальность возникает в связи с отделением эротического удовольствия от того объекта, к которому влекут ребенка жизненные потребности, с возникновением автоэротического удовольствия (см.: Сексуальность).

Во время латентного периода направленность на сексуальные цели ослабляется вытеснением, а "поток нежности", следовательно, усиливается. Под натиском влечений в пубертатный период "мощный сексуальный поток отныне безошибочно выбирает свою цель". И лишь постепенно сексуальные объекты снова начинают "вызывать нежность, ранее направлявшуюся на другие объекты" (1).

(1) Freud (S.). G.W., VIII, 80—81; S.E., XI, 181; франц., 12.

НЕЙТРАЛЬНОСТЬ

Нем.: Neutralität. — Франц.: neutralité. — Англ.: neutrality. — Исп.:neutralidad. — Итал.: neutralità. — Португ.: neutralidade.

● Одна из установок психоаналитика в процессе лечения — обязанность сохранять нейтральное отношение к религиозным, нравственным и социальным ценностям, не руководствоваться в лечении какими бы то ни было идеалами, воздерживаться от советов.

◘ Поскольку психоаналитическая техника требовала отказа от методов внушения, предполагающих осознанное влияние врача на пациента, она должна была опираться на принцип нейтральности. В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) мы находим один из этапов этой эволюции. В конце этой работы Фрейд пишет о деятельности врача следующее: "Он действует, по мере своих возможностей, как просветитель (Aufklärer) там, где невежество породило страх, как учитель, рисующий более свободную и возвышенную картину мира, как духовный наставник, чье неустанное участие и внимание дают отпущение грехов раскаявшемуся грешнику" (1).

В "Советах врачу относительно психоаналитического лечения" (Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung, 1912) дается наиболее ясное представление о том, что такое нейтральность. Фрейд критикует здесь "терапевтическое высокомерие" и "педагогическое высокомерие"и считает недопустимым "требовать чего-либо от пациента, например сосредоточиться на своих воспоминаниях, осмыслить какой-то период своей жизни и пр." (2d). Психоаналитик, подобно хирургу, должен иметь лишь одну цель: "...сделать все возможное, чтобы операция прошла благополучно" (2b).

Во "Введении в терапию" (Zur Einleitung der Behandlung, 1913) Фрейд установил зависимость между трансфером и нейтральностью аналитика: "Можно испортить первый же успех, если с самого начала не занять позицию благожелательного сочувствия, пуститься в морализаторство или же начать выдавать себя за представителя или уполномоченного какой-то партии. [...]" (3). Идея нейтральности запечатлена еще ярче в следующем отрывке из "Путей психоаналитической терапии" (Wege der psychoanalytischen Therapie, 1918), направленном против сторонников Юнга: "Мы решительно отказываемся считать пациента человеком, который просит нашей помощи и вверяет нам свою судьбу. Мы не стремимся ни решать за него, как он должен жить, ни вдалбливать ему наши идеалы, ни создавать его, словно Господь Бог, по нашему образу и подобию" (4).

Заметим, что само выражение "благожелательная нейтральность", заимствованное из дипломатического языка и ставшее общепризнанной характеристикой психоаналитической установки,

у Фрейда не встречается. Требование нейтральности тесно связано с ходом лечения: это, так сказать, необходимость технического порядка, которая не предполагает и не гарантирует высшей "объективности" того, кто практикует ремесло психоаналитика (5). Свойство нейтральности определяет не психоаналитика как реального человека, но скорее его роль: тот, кто строит истолкования и служит опорой трансферу, обязан быть нейтральным, или, иначе говоря, не вмешиваться в процесс психоанализа в качестве психосоциального индивида; нейтральность — это скорее идеал, некое предельное требование.

Хотя все эти рекомендации, связанные с нейтральностью, выполняются не всегда, они обычно не оспариваются психоаналитиками. Однако даже психоаналитики традиционной ориентации могут столкнуться с такими особыми случаями (например, с детскими страхами, психозами, некоторыми разновидностями извращений), при которых абсолютная нейтральность вовсе не желательна.

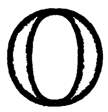
(1) Freud (S.).Zur Psychotherapie der Hysterie. In: Studien über Hysterie, 1895. G.W.,I, 285; S.E., II, 282; франц., 228.

(2) Freud (S.). a) G.W., VIII, 386; S.E., XII, 119; франц., 70—71. b) G.W., VIII, 381; S.E., XII, 115; франц., 65.

(3) Freud (S.). G.W., VIII, 474; S.E., XII, 140; франц., 100.

(4) Freud (S.). G.W., XII, 190; S.E., XVII, 164; франц.,137—138.

(5) По этому поводу интересные мысли высказаны в работе: Glover (Ed.). The Technique of Psychoanalysis, 1955. Франц. пер. : Technique de la psychanalyse, Paris, P.U.F., 1958, 197.

ОБРАБОТКА ВТОРИЧНАЯ

Нем.: sekundäre Bearbeitung. — Франц.: élaboration secondaire. — Англ.: secondary revision (или elaboration). — Исп.: elaboración secundaria. — Итал.: elaborazione secondaria. — Португ.: elaboração secundária.

◘ Переделка сновидения с целью представить его в виде более или менее связного и понятного сценария.

◘ Устранить явную абсурдность и бессвязность сна, заполнить пробелы, частично или полностью переделать (путем отбора или добавления) его составные части, создать нечто вроде сновидения наяву (Tagstraum) — вот в чем, по Фрейду, заключается суть вторичной обработки, или, иначе, "установки на понятность" (Rücksicht auf Verständlichkeit).

Как ясно уже из самой структуры понятия Bearbeitung, речь идет о втором этапе работы (Arbeit) сновидения: об обработке продуктов, полученных в результате действия других механизмов (смещение, сгущение, образное выражение). Однако Фрейд не считает вторичную обработку последействием: напротив, "...она осуществляется незамедлительно, путем вывода и отбора, на основе всего материала сновидных мыслей" (1). Именно потому в этой работе широко используются уже сложившиеся сновидения (см.: Фантазия, фантазм).

Поскольку вторичная обработка есть следствие цензуры (которая, подчеркивает Фрейд, может играть не только отрицательную роль, например, требуя дополнений), она осуществляется главным образом в состоянии, близком к бодрствованию, особенно когда пациент рассказывает о своем сне. Однако фактически она может сопутствовать любому моменту сновидения.

В "Тотеме и табу" (Totem und Tabu, 1912) Фрейд сопоставил вторичную обработку с формированием некоторых мыслительных систем: "Нам присуща мыслительная функция, требующая единства, связи и понятности от любого материала восприятия или мысли, которым она овладевает; если же ей по каким-то причинам не удается уловить верные связи, она не останавливается перед построением ложных. Примерами построенных таким образом систем служат не только сновидения, но также фобии, навязчивые

мысли, некоторые формы бреда. Такое системостроительство очевиднее всего присутствует при параноидном бреде, где оно преобладает в общей картине болезни, однако оно возникает и при других формах психоневрозов. Во всех этих случаях можно показать, как психический материал *перераспределяется* в виду новой цели, причем это действие часто оказывается насильственным, даже если с точки зрения системы оно представляется вполне понятным" (2). В этом смысле вторичная обработка подобна рационализации*.

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 503; S.E., V, 499; франц., 371.

(2) Freud (S.). G.W., IX, 117; S.E., XIII, 95; франц., 133.

ОБРАБОТКА ПСИХИЧЕСКАЯ

Нем.: psychische Verarbeitung (или Bearbeitung, или Ausarbeitung, или Aufarbeitung). — Франц.: élaboration psychique. — Англ.: psychical working over или out. — Исп.: elaboración psiquica. — Итал.: elaborazione psichica. — Португ.: elaboração psiquica.

○ А) Термин Фрейда для обозначения работы психического аппарата по управлению возбуждениями, когда их избыток может привести к возникновению патологий. Цель этой работы — объединить психические возбуждения, установив между ними ассоциативные связи.

Б) Французский термин élaboration нередко используется переводчиками как эквивалент немецкого Durcharbeiten или английского working through. В этом случае мы предпочитаем термин perlaboration (переработка*).

◘ Arbeit (работа) — составная часть многих фрейдовских выражений: Traumarbeit (работа сновидения), Trauerarbeit (работа скорби), Durcharbeiten (проработка), а также различных слов — Verarbeitung, Bearbeitung, Ausarbeitung, Aufarbeitung, переводимых на русский язык как "обработка". Новизна такого использования понятия «работа» — в его применении к внутрипсихическим операциям. Кое-что проясняет здесь фрейдовское понятие психического аппарата*, который преобразует и передает получаемую энергию, и понятие влечения как "количества необходимой психической работы" (1).

В самом широком смысле психическая обработка может также означать совокупность действий, совершаемых этим аппаратом. Однако Фрейд понимает ее более узко: психическая обработка — это преобразование определенного количества энергии, которое

позволяет управлять ею путем ее развертывания или же связывания*.

Фрейд и Брейер заимствовали это понятие у Шарко, который говорил, в связи с истерией, об определенной стадии психической обработки, приводящей от травмы к появлению симптомов (2). Включив это понятие в свою теорию истерии, Фрейд и Брейер ввели его тем самым в иной контекст, связали с иной трактовкой возникновения болезни и ее лечения. Обычно травматические последствия события устраняются либо отреагированием*, либо коррекцией, путем включения "в более широкую сеть ассоциаций" (3). В случае истерии (см.: Истерия гипноидная, Истерия защиты) различные факторы препятствуют такому устранению последствий травмы; например, ассоциативной психической обработки (Verarbeitung) при этом не происходит и воспоминание о травме остается "отдельной группой психических явлений". Действенность лечения заключается в установлении ассоциативных связей, позволяющих постепенно устранить последствия травмы (см.: Катарсис).

Понятие обработки используется и в теории актуальных неврозов: отсутствие психической обработки соматического сексуального напряжения приводит к прямому преобразованию этого напряжения в симптомы. Этот механизм похож на механизм истерии (4), однако недостаток обработки здесь проявляется ярче: "...сексуальное напряжение порождает страх во всех тех случаях, когда оно достаточно сильно, и при отсутствии психической обработки прямо преобразуется в аффект" (5).

В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд развивает мысль о том, что отсутствие или недостаточность психической обработки порождает либидинальный застой*, а в конечном счете вызывает невроз или психоз.

*

Сопоставляя различные случаи фрейдовского использования понятия психической обработки в теории истерии и в теории актуальных неврозов, мы можем вычленить два главных аспекта: 1) преобразование физических величин в психические; 2) установление ассоциативных связей на основе этого преобразования.

Подобное разграничение фактически подразумевается и в работе "К введению в нарциссизм". Фрейд считал актуальный невроз основой любого психоневроза, исходя из наличия двух последовательных стадий: либидинального застоя и психической обработки.

Таким образом, психическая обработка — это пограничное понятие между экономическим и символическим уровнями теории Фрейда. О дискуссиях по этим вопросам см.: Связывание (Bindung).

Заметим, наконец, что обработка и проработка, безусловно, сходны, поскольку работа психоаналитика аналогична спонтанному функционированию психического аппарата.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 67; S.E., VII, 168; франц., 56.

(2) Cf. Charcot (J.-M.). Leçons du mardi à la Salpêtrière, 1888, Paris, I, 99.

(3) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 87; S.E., II, 9; франц., 6.

(4) Cf. Freud (S.). Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen, 1894. G.W., I, 336, 342; S.E., III, 109, 115.

(5) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 103; англ., 93; франц., 84.

ОБРАЗНОСТИ УЧЕТ

Нем.: Rücksicht auf Darstellbarkeit. — Франц.: figurabilité (prise en considération de la-). — Англ.: considerations of representability. — Исп.: consideración a la representabilidad. — Итал.: riguardo per la raffigurabilità. — Португ.: consideração à representabilidade или figurabilidade.

○ Требование, предъявляемое к сновидным мыслям: они подвергаются отбору и преобразованиям, которые обеспечивают их представленность в качестве образов, прежде всего зрительных.

◘ В сновидениях используется система выражения со своими законами. Все значения и даже абстрактные мысли должны выражаться в образах. По Фрейду, речь, слова не имеют в этом смысле никаких преимуществ: в снах они представлены как означающие элементы, а не как носители смыслов, присущих им в обычном языке.

Отсюда вытекает два следствия:

1) "Среди всех ответвлений главных сновидных мыслей выбираются те, которые могут быть представлены в образах" (1а). Логические связи между сновидными мыслями устраняются или замещаются особыми способами выражения, описанными Фрейдом в "Толковании сновидений" (Traumdeutung, 1900) (гл.VI, часть в) "Средства изображения в сновидениях").

2) Все происходящие смещения направлены в сторону образных подмен. Так, смещение выражений (Ausdrucksverschiebung) приводит к использованию конкретного слова как посредника между абстрактным понятием и чувственным образом (например, сдвиг понятия "аристократ" на "занимающий высокое место" может быть образно представлен "высокой башней").

Этот принцип работы сновидения обусловлен "регрессией"* — одновременно топической, формальной и временной. Имея в виду

временной аспект, Фрейд настаивал на поляризующей роли детских сцен, связанных со зрительными образами, в психической обработке сновидных образов: "...преобразование мыслей в зрительные образы может возникать вследствие *притяжения:* иначе говоря, зрительное воспоминание, стремящееся вновь обрести жизненную актуальность, притягивает мысли, отрезанные от сознания и борющиеся за самовыражение. Согласно этой концепции, сон есть *замена детской сцены, которая переносится в настоящее и вследствие этого подвергается изменению"* (1b).

(1) Freud (S.). a) G.W., II—III, 349; S.E., V, 344; франц., 256. — b) G.W., II—III, 551—552; S.E., V, 546; франц., 449.

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАМЕЩАЮЩЕЕ

Нем.: Ersatzbildung. — Франц.: formation substitutive. — Англ.: substitutive formation. — Исп.: formación sustituta. — Итал.: formazione sostitutiva. — Португ.: formação substitutiva.

◘ Симптомы или образования (ошибочные действия, черты характера и пр.), которые замещают бессознательные содержания.

Эти подмены следует понимать двояко: в экономическом смысле речь идет о замещении бессознательного желания симптомом как источнике удовлетворения; в символическом смысле речь идет о замене одного бессознательного содержания другими бессознательными содержаниями сообразно с той или иной цепочкой ассоциаций.

◘ Когда Фрейд в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) вновь поставил во всем ее объеме проблему образования невротических симптомов, он уподобил их образованиям, "подменившим влечения под воздействием защиты" (1). Эта мысль для Фрейда не нова: она встречается уже в самых первых его сочинениях, например в "Психоневрозе защиты" (Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894) (2), где используется понятие замены (Surrogat).

В чем заключается эта подмена? С точки зрения экономической теории либидо, это замена удовольствия, связанного с ослаблением напряжения, чем-то иным. Однако полностью объяснить эту подмену в количественных понятиях невозможно; в самом деле, как показывает психоанализ, между симптомом и тем, что, собственно, им замещается, существуют ассоциативные связи. Подмена — это символическое замещение, формирующее, путем смещения и сгущения, симптом во всей его неповторимости.

Понятие "замещающее образование" следует связать с

понятиями "компромиссное образование"* и "реактивное образование"*. Будучи проявлением защитного конфликта, всякий симптом есть компромисс. При поиске удовлетворения симптом выступает как замещающее образование, а в реактивных образованиях, напротив, одерживает верх процесс защиты.

(1) Freud (S.). G.W., XIV, 176; S.E., XX, 145; франц., 70.
(2) Cf. Freud (S.). G.W., I, 68; S.E., III, 54.

ОБРАЗОВАНИЕ КОМПРОМИССНОЕ

Нем.: Kompromissbildung. — Франц.: formation de compromis. — Англ.: compromise-formation. — Исп.: transactión или formación transaccional. — Итал.: formazione di compromesso. — Португ.: transação или formação de compromisso.

○ Форма, в которой вытесненное получает — через симптом, сновидение, другие проявления бессознательного — доступ к сознанию; при этом механизмы защиты искажают вытесненные представления до неузнаваемости. При образовании одного и того же компромисса могут одновременно выполняться и бессознательные желания, и требования защиты.

□ Изучая механизм невроза навязчивости, Фрейд обнаружил, что симптомы несут на себе отпечаток породившего их защитного конфликта*. В "Дальнейших замечаниях о психоневрозах защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896) Фрейд отмечал, что вытесненное воспоминание вновь всплывает (в искаженной форме) в навязчивых представлениях, в виде "компромиссов между вытесненными и вытесняющими представлениями" (1).

Идея компромисса была вскоре распространена на все симптомы, на сновидения, на все проявления бессознательного. Развитие этой мысли мы находим в главе XXIII "Лекций по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917). Фрейд подчеркивает, что невротические симптомы — это "результат конфликта [...]. Две разъединившиеся силы воссоединяются в симптоме и как бы примиряются в компромиссе симптомообразования. Именно это и объясняет способность симптома к сопротивлению: ведь он пользуется поддержкой с двух сторон" (2a).

Можно ли считать, что любой симптом — это компромисс? Эта мысль, конечно, привлекательна. Однако в клиническом опыте встречаются случаи, когда либо защита, либо желание явно преобладают, так что кажется, по крайней мере поначалу, что речь идет о защитах, ни в коей мере не затронутых тем, против чего они направлены, или, напротив, о таком возврате вытесненного, при

котором желание выражается без каких-либо компромиссов. Подобные случаи — это крайние полюса на шкале компромиссов, образованной дополнительными рядами*: "...цель симптомов — либо сексуальное удовлетворение, либо защита от него; в общем положительный момент (исполнение желания) преобладает в истерии, а отрицательный момент (аскеза) — в неврозе навязчивости".

(1) Freud (S.). G.W., I,387; S.E., III, 170.
(2) Freud (S.). a) G.W., XI, 373; S.E., XV—XVI, 358—359; франц., 386. — b) G.W., XI, 311; S.E., XV—XVI, 301; франц., 324—325.

ОБРАЗОВАНИЕ РЕАКТИВНОЕ

Нем.: Reaktionsbildung. — Франц.: formation réactionnelle. — Англ.: reaction-formation. — Исп.: formación reactiva. — Итал.: formazione reattiva. — Португ.: formação reattiva или de reação.

● Психологическая установка или привычка, представляющие собой нечто противоположное вытесненному желанию, реакцию на него (например, стыд в противоположность эксгибиционистским наклонностям).

■ Уже в самых первых описаниях невроза навязчивости Фрейд выявил особый психический механизм, роль которого заключается в борьбе с мучительным представлением и подмене его "первичным симптомом защиты" или же "противосимптомом". Симптомы такого рода — щепетильность, стыдливость, недоверие к себе — противоречат детской сексуальной активности субъекта в период так называемого "инфантильного иммрализма". Речь в данном случае идет об "успешной защите", поскольку внутренние моменты конфликта, сексуальные представления, а также связанные с ними самоупреки — все это исключено из сознания, уступив место доведенным до крайности моральным добродетелям (1).

Впоследствии, при изучении клинической картины невроза навязчивости, психоанализ лишь подтвердил значение подобных защит, одно название которых ("реактивные") подчеркивает их прямую противоположность исполнению желания как с точки зрения значения, так и с точки зрения экономики и динамики.

При неврозе навязчивости реактивные образования воплощаются в тех или иных чертах характера, изменениях *Я*. Возникающие при этом системы защиты скрывают специфику представлений или фантазмов, участвующих в конфликте: так, субъект проявляет жалость к живым существам *вообще*, бессознательно направляя свою агрессивность против тех или иных конкретных людей. Реактивное образование — это постоянная противонагрузка. "Субъект, у кото-

рого сложились реактивные образования, не испытывает потребности в защите от возможной угрозы влечений; структуры его личности уже претерпели определенные изменения и теперь функционируют так, как если бы эта опасность существовала всегда; он постоянно готов к опасности, когда бы она ни возникла" (2). Реактивные образования особенно очевидны в "анальном характере" (см.: Невроз характера).

Механизм реактивных образований встречается не только при неврозах навязчивости, но и при истерии. Однако, "в отличие от реактивных образований, при неврозе навязчивости, при истерии эти образования не воплощаются в чертах характера и затрагивают лишь отдельные аспекты поведения. Например, женщина-истеричка, которая с подчеркнутой нежностью обращается со своими детьми, в глубине души их ненавидя, не становится от этого ни более способной любить, чем другие женщины, ни более нежной к другим детям" (3а).

Само это выражение — "реактивное *образование*" — предполагает сопоставление его с другими способами образования симптома*: образованием замещений* и образованием компромиссов*. В теории разграничить их несложно: при образовании компромисса исполнение вытесненного желания всегда сосуществует с защитным действием (ср. невроз навязчивых состояний), а при реактивном образовании отчетливо виден лишь момент борьбы с влечением (она может, например, проявляться в виде преувеличенного стремления к чистоте, маскирующего анальный эротизм). Однако все это лишь абстрактные *модели* данного механизма, а фактически же в каждом конкретном реактивном образовании проявляется влечение, от которого субъект пытается защититься. С одной стороны, влечение внезапно вторгается в деятельность субъекта в разные моменты и в разных областях: именно очевидные промахи — по контрасту с жесткостью установок данного субъекта — позволяют приписать той или иной черте его личности значение симптома. С другой стороны, крайние формы упражнений в добродетели в какой-то мере удовлетворяют прямо противоположное влечение, проникающее в конечном счете и в систему защиты. Разве домохозяйка, одержимая чистотой, не сосредоточена целиком на пыли и грязи? Разве юрист, который с крайней придирчивостью блюдет равенство людей перед законом, не проявляет тем самым безразличие к реальным проблемам защиты тех, кто обратился к нему за помощью, и не потакает — под маской добродетели — своим садистским наклонностям?..

Углубляясь в проблему, мы замечаем связь между влечением и реактивным образованием как явным выражением конфликта (основанного на амбивалентности чувств) между двумя противонаправленными импульсами влечений: "...одно из этих чувств (обычно дружеское) при этом чрезвычайно усиливается, а другое — исчезает совсем" (3b). Таким образом, реактивное образование — это способ, каким *Я* использует амбивалентность* чувств, свойственную влечениям.

*

Можно ли применять это понятие за рамками явной патологии? В "Трех очерках по теории сексуальности" (1905), где Фрейд ввел это понятие, речь шла о роли реактивных образований, формирующихся у каждого человека в течение долгого латентного периода: "...сексуальные возбуждения порождают противонаправленные силы (реактивные импульсы), которые, в целях эффективного подавления неудовольствия [связанного с сексуальной деятельностью], устанавливают психические преграды — отвращение, стыд, мораль" (4a). Тем самым Фрейд подчеркивал роль реактивных образований, наряду с сублимацией, в становлении человеческих характеров и добродетелей (4b). Вводя понятие *Сверх-Я**, Фрейд отмечал, что в его возникновении важную роль играет механизм реактивных образований (5).

(1) Cf. Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896. G.W., I, 386—387; S.E., III, 169—170. — Ср. также: Aus den Angängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 159—60; англ., 148—50; франц., 132—3.

(2) Fenichel (O.). The Psychoanalytic Theory of Neurosis, Norton, N. Y., 1945. Англ., 151; франц., P.U.F., 1953, 187.

(3) Freud (S.). Hemmung, Symptom und Angst, 1926. — a) G.W., XIV, 190; S.E., XX, 158; франц., 86. — b) G.W., XIV, 130; S.E., XX, 102; франц., 20.

(4) Freud (S.). a) G.W., V, 79; S.E., VII, 178; франц., 71. — b) Cf. G.W., V, 140—1; S.E., VII, 238—239; франц., 156—157.

(5) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. Cf. G.W., XIII, 262—263; S.E., XIX, 34—35; франц., 189—90.

ОБРАЗОВАНИЕ СИМПТОМА

Нем.: Symptombildung. — Франц.: formation de symptôme. — Англ.: symptom-formation. — Исп.: formación de sintoma. — Итал.: formazione di sintomo. — Португ.: formação de sintoma.

○ Термин, обозначающий психоневротический симптом как результат особого процесса, особой психической обработки.

◘ Это понятие встречается у Фрейда повсюду, подчеркивая мысль о том, что образование психоневротических симптомов — это особый момент в возникновении невроза. По-видимому, Фрейд поначалу сомневался в том, стоит ли считать его отдельным этапом, отличным от защиты, однако в конечном счете он уподобил образование симптома возврату вытесненного и счел его особым процессом, поскольку факторы, определяющие своеобразие симптома, относительно независимы от сил, участвующих в защитном конфликте: "Можно ли считать, что механизм образования симптомов тот же, что и механизм вытеснения? Более вероятно, что они различны и что подмены и симптомы не порождаются вытеснением: они выступают скорее как знаки *возврата вытесненного* и обусловлены совсем другими процессами" (1) (см.: Возврат вытесненного; Выбор невроза).

Образование симптома в широком смысле слова охватывает не только процесс возврата вытесненного в форме "образования замещений"* или "образования компромиссов"*, но также и "реактивные образования" (2).

Отметим в этой связи, что немецкое слово Bildung (образование) обозначает у Фрейда как процесс, так и его результат.

(1) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 256—257; S.E., XIV, 154; франц., 82—83.

(2) Ср., например: Freud (S.). On Psycho-Analysis, 1911. S.E., XII, 208.

ОБРАЩЕНИЕ (ВЛЕЧЕНИЯ) В СВОЮ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Нем.: Verkehrung ins Gegenteil. — Франц.: Renversement (d'une pulsion) dans le contraire. — Англ.: reversal into the opposite. — Исп.: transformación en lo contrario. — Итал.: conversione nell'opposto. — Португ.: interversão do impulso или da pulsão.

○ Процесс, при котором цель влечения преобразуется в свою противоположность, а пассивность сменяется активностью.

◘ Во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) Фрейд упоминает обращение в свою противоположность и *обращение на себя* среди других "судеб влечений", наряду с вытеснением и сублимацией. Он подчеркивает, что эти процессы (один сосредоточен прежде всего на цели, другой — на объекте), по сути, столь тесно связаны друг с другом (это видно на двух главных примерах: садизма — мазохизма и вуайеризма — эксгибиционизма), что рассматривать их порознь невозможно.

Обращение садизма в мазохизм предполагает одновременно

переход от активности к пассивности и перемену ролей между тем, кто доставляет другому страдания, и тем, кто сам страдает. Этот процесс может остановиться на полпути, когда происходит обращение на себя (изменение объекта), но действие при этом становится не пассивным, но лишь возвратным (принести страдание самому себе). При мазохизме в его окончательной форме осуществляется переход к пассивности, "..чужой человек становится новым объектом, призванным (в связи с переменой цели влечения) принять на себя роль субъекта" (1а). Подобное преобразование немыслимо без деятельности воображения: именно в воображении происходит перенос влечения на другого субъекта.

Оба эти процесса могут, конечно, осуществляться и в противоположном направлении — как преобразование пассивности в активность, обращение не на себя, а на другого: "...принципиальной разницы между устремлением влечения от объекта к *Я* или от *Я* к объекту нет" (2).

Возникает вопрос: нельзя ли назвать возврат либидо от внешнего объекта к *Я* (*Я*-либидо*, или нарциссическое либидо) "возвратом к себе"? Фрейд, заметим, предпочитал в данном случае говорить об "устремлении либидо на (или в) *Я*".

Наряду с обращением активности в пассивность как переменой способа или "формы" деятельности, Фрейд рассматривал также преобразование "содержания" — "материальное" превращение любви в ненависть. Однако он считал возможным говорить здесь об обращении лишь в чисто описательном смысле, поскольку, по сути, понять любовь и ненависть как различные судьбы одного и того же влечения невозможно. Как в первой (1b), так и во второй (3) теории влечений Фрейд возводит их к разным источникам.

Анна Фрейд рассматривала обращение в свою противоположность и обращение на себя наряду с другими механизмами защиты и считала эти защитные процессы самыми древними (4). (См.: (Само)отождествление с агрессором). В некоторых фрейдовских текстах можно найти доводы в пользу этого мнения.

•

(1) Freud (S.). a) G.W., X, 220; S.E., XIV, 127; франц., 44. — b) Cf. G.W., X, 225 sqq.; S.E.,XIV, 133 sq; франц., 53 sq. — c) Cf. G.W., X, 219; S.E., XIV, 126—127; франц., 42—43.

(2) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 59; S.E., XVIII, 54; франц., 63.

(3) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 59; S.E., XVIII, 54; франц., 63.

(4) CF. Freud (A.). Das Ich und die Abwehrmechanismen, 1936. Нем., 41; франц., Paris, P.U.F., 1949, 45.

ОБРАЩЕНИЕ НА СЕБЯ

Нем.: Wendung gegen die eigene Person. — Франц.: retournement sur la personne propre. — Англ.: turning round upon the subject's own self. — Исп.: vueltta en contra del sujeto. — Итал.: riflessione sulla propria persona. — Португ.: volta contra si mesmo.

○ Процесс, при котором желание, направленное на внешний объект, обращается на себя.

См.: Обращение в свою противоположность.

ОБЪЕКТ

Нем.: Objekt. — Франц.: objet. — Англ.: object. — Исп.: objeto. — Итал.: oggeto. — Португ.: objeto.

○ Понятие объекта рассматривается в психоанализе с трех основных точек зрения:

А) В связи с влечением: ведь именно в объекте или посредством объекта влечение может достичь своей цели или удовлетворения. Это может быть человек в целом или частичный объект, объект реальный или фантазматический.

Б) В связи с любовью (или ненавистью): речь здесь идет об отношении к личности в целом, к какой-то инстанции *Я* или же к объекту в целом (личность, сущность, идеал и пр.) (соответствующим прилагательным здесь будет «объектный»).

В) При традиционном использовании в философии или психологии познания — в связи с воспринимающим и познающим субъектом: объект есть то, что имеет устойчивые и постоянные признаки, которые в принципе могут быть восприняты всем сообществом субъектов независимо от их индивидуальных желаний и мнений (соответствующее прилагательное «объективный»).

□ В психоаналитических трудах термин "объект" встречается также в различных сочетаниях, таких, как "выбор объекта"*, "любовь к объекту"*, "утрата объекта"*, "объектное отношение"* и пр., которые могут вызвать затруднения у читателя-непрофессионала. Объект понимается здесь близко к тому, как он трактуется в языке литературы "объект моей страсти", "объект моей ненависти" и пр. В данном случае слово "объект" не предполагает понятия вещи как неодушевленного, доступного любым манипуляциям предмета, который обычно противопоставлен понятиям одушевленного существа или личности.

I. Все эти смыслы понятия «объект» в психоанализе опираются

на фрейдовскую концепцию влечения. Анализируя понятие влечения, Фрейд проводит различие между его объектом и целью*: "Введем два термина. Назовем сексуальным объектом лицо, обладающее сексуальной привлекательностью, а сексуальной целью — действие, к которому подталкивает влечение" (1). Это противопоставление навсегда сохранилось у Фрейда; оно явно присутствует у него и в самом развернутом определении влечения: "... объект влечения есть то, в чем или посредством чего влечение может достичь своей цели" (2a); однако объект определяется и как возможное средство удовлетворения: "Это наиболее переменчивый аспект влечения, связанный с ним не изначально, но лишь впоследствии — благодаря его способности обеспечивать удовлетворение" (2b). Этот опорный тезис Фрейда о случайности объекта вовсе не означал, что влечение может удовлетвориться любым объектом: речь шла лишь о том, что объект влечения, подчас весьма своеобразный, определяется индивидуальной историей конкретного субъекта, особенно историей его детства. Объект есть тот момент влечения, который менее всего обусловлен врожденным телесным и душевным складом субъекта.

Подобный подход вызвал ряд возражений. Суть проблемы подытожил Фэрберн [Fairbairn] (3): чего, собственно, ищет либидо — удовольствия (pleasure-seeking) или объект (object-seeking)? Для Фрейда несомненно, что либидо, даже изначально нацеленное на конкретный объект (см.: Опыт удовлетворения), есть прежде всего нечто, направленное на удовлетворение и на скорейшее ослабление напряжения, — теми способами, которые доступны той или иной эрогенной зоне. Однако мысль о взаимосвязи между природой и "судьбой" целей и объектов влечения (она подчеркнута в самом понятии объектного отношения) вовсе не чужда Фрейду (о дискуссиях по этому вопросу см.: Объектное отношение).

Фрейдовское понятие объекта влечений было выдвинуто в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) на основе анализа сексуальных влечений. Что же представляет собой — в рамках первого фрейдовского дуализма — объект других влечений, особенно влечений к самосохранению? Этот объект (например, пища) конечно же более жестко обусловлен непосредственными жизненными потребностями.

Однако различие между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению не должно приводить к слишком резкому противопоставлению их объектов: в одном случае условного, в другом — детерминированного биологическими факторами. По Фрейду, сексуальные влечения поначалу примыкали к влечениям, направленным на самосохранение: именно они указывали сексуальным влечениям путь к объекту.

Понятие примыкания* дает ключ к разгадке запутанной проб-

лемы объекта влечений. Возьмем, к примеру, оральную стадию: на языке влечений к самосохранению объект здесь — пища; на языке орального влечения — то, что поглощает, инкорпорирует, включая и все то, что привносится в этот процесс воображением. Психоанализ оральных фантазмов показывает, что деятельность поглощения может относиться и к любым другим объектам, не связанным с пищей, и в этом суть "орального объектного отношения".

II. Понятие объекта в психоанализе следует связывать не только с влечением — если оно вообще может быть схвачено в чистом виде. Это понятие обозначает также все то, что служит объектом притяжения, объектом любви, — обычно конкретное лицо. Лишь психоаналитическое исследование позволяет нам обнаружить — за пределами общего отношения *Я* к объектам любви — игру влечений во всем их многообразии, изменчивости, фантазматичности. При анализе понятия сексуальности и влечения проблема связи между объектом влечения и объектом любви в явной форме у Фрейда не возникала. Да иначе и быть не могло, поскольку в первом издании "Трех очерков" (1905) главным было противопоставление между детской и постпубертатной сексуальностью. Детская сексуальность выступала, по сути, как автоэротическая*, поскольку на этой стадии фрейдовской мысли внимание почти не уделялось отношению сексуальности к объекту, отличному от собственного тела (хотя бы в воображении). Тем самым влечение у ребенка оказывается *частичным* скорее по способу удовлетворения (локальное удовольствие*), нежели по типу объекта, на который оно направлено. Лишь в период половой зрелости происходит *выбор объекта*. Прообразы и первые наброски этого этапа относятся к детскому периоду, однако оказывается, что лишь теперь человеческая сексуальность объединена в нечто цельное и направлена на другого человека.

Как известно, в период между 1904 и 1924 г. противопоставление между детским автоэротизмом и постпубертатным выбором объекта постепенно сглаживается. Описание различных догенитальных стадий либидинального развития показало различия в способах "объектного отношения". Двусмысленность понятия автоэротизма (ведь его можно было понять так, что субъект поначалу вовсе отказывает в существовании любому внешнему объекту — реальному или фантазматическому) развеивается. Влечения, взаимодействие которых лежит в основе автоэротизма, называются частичными потому, что их удовлетворение связано не только с отдельной эрогенной зоной, но и с так называемыми *частичными объектами**. Между этими объектами устанавливаются отношения символической равнозначности, показанные Фрейдом в работе "О смещении влечений, особенно в области анального эротизма" (Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917), а также отно-

шения взаимодействия и обмена, в силу которых влечения претерпевают ряд превращений. Проблематика частичных объектов разрушает все то общее, что было присуще относительно цельному и нерасчлененному понятию сексуального объекта на ранних стадиях фрейдовской мысли. При этом возникает потребность отделить объект влечения в собственном смысле слова от объекта любви. Первый определяется главным образом своей способностью удовлетворять данное влечение. Речь может идти о человеке, что, однако, не обязательно, поскольку к получению удовольствия способен тот или иной участок тела. Тем самым подчеркивается условность объекта, его подчиненность удовольствию. Что же касается объекта любви, то он вводит в действие, наряду с ненавистью, еще одну пару понятий: "...понятия любви и ненависти должны обозначать не отношения влечений к их объектам, но лишь отношения целостного *Я* к объектам" (2c). С точки зрения терминологической, здесь важно отметить следующее: хотя Фрейд выявил специфику отношения к частичным объектам, он тем не менее называл "выбором объекта" лишь отношения человека в целом к объектам любви, выступающим также как целостные субъекты.

Это противопоставление между частичным объектом (объект влечения и особенно догенитальный объект) и целостным объектом (объект любви и особенно генитальный объект) свидетельствует о том, что в психогенетической перспективе психосексуальное развитие субъекта предстает как переход с одной стадии на другую посредством постепенного подчинения частичных влечений генитальной организации. С этой точки зрения, генитальная стадия требует усиленного внимания к объекту во всем разнообразии и богатстве его качеств, во всей его независимости. Объект любви — это не просто место, куда устремляются влечения, не просто нечто предназначенное к поглощению.

Несмотря на всю важность разграничения между частичным объектом и объектом любви, оно не обязывает нас именно к такой трактовке проблемы. С одной стороны, частичный объект можно считать одним из неустранимых и неуничтожимых полюсов сексуального влечения. С другой стороны, как показывает психоаналитическое исследование, целостный объект не представляет собой чего-то окончательно сложившегося, более того — он никогда полностью не освобождается от моментов нарциссизма: его склад определен не столько более или менее удачным синтезом различных частичных влечений, сколько их соединением в форме, созданной по образу *Я* (α).

В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) нелегко определить собственный статус объекта любви: с одной стороны, перед нами выбор объекта по примыканию*, при котором сексуальность стушевывается в пользу функции самосо-

хранения, с другой — нарциссический выбор объекта* по образу *Я*, вклинивающегося где-то между "матерью-кормилицей", "отцом-защитником" и тем, "каков я есмь, каким я был и каким я хотел бы быть".

III. Наконец, психоаналитическая теория обращается к понятию объекта и в его традиционном философском смысле, т. е. в паре с воспринимающим и познающим субъектом. Конечно, при этом возникает проблема отношения между объектом в таком понимании и сексуальным объектом. Помыслить становление объекта влечений и тем более построить генитальный объект любви во всей его полноте, независимости, цельности невозможно, если не связывать этот процесс с постепенным становлением объекта восприятия: "объектное" и "объективное" взаимосвязаны. Делалось немало попыток согласовать психоаналитические представления о возникновении объектного отношения с данными генетической психологии познания и даже построить "психоаналитическую теорию познания" (о подходе Фрейда к этому вопросу см.: *Я*-удовольствие — *Я*-реальность, Испытание реальности).

α) Нарциссизм превращает *Я* в *объект* любви, а при нарциссическом выборе объекта *Я* становится прообразом объекта любви. Однако, излагая эту теорию, Фрейд одновременно формулирует ставшее ныне общепринятым разграничение между *Я*-либидо и объектным либидо*, причем в этом выражении *объект* понимается в узком смысле слова — как внешний объект.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 34; S.E., VII, 135—136; франц., 18.

(2) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) G.W., X, 215; S.E., XIV, 122; франц., 35. — b) G.W., X, 215; S.E., XIV, 122; франц., 35. — c) G.W., X, 229; S.E., XIV, 137; франц., 61.

(3) Cf. Fairbairn (W.R.D.) A Revised Psychopathology of the Psychoses and Psychoneuroses, 1941, I.J.P., XXII, 250—279.

ОБЪЕКТ ПЕРЕХОДНЫЙ

Нем.: Übergangsobjekt. — Франц.: objet transitionnel. — Англ.: transitional object. — Исп.: objeto transicional . — Итал.: oggeto transizionale. — Португ.: objeto transicional.

○ Понятие Д.У.Уинникота, обозначающее материальный объект, имеющий для младенца особую ценность; это могут быть, например, угол одеяла или пеленка, которые он сосет в момент засыпания.

По Уинникоту, обращение к объектам этого типа — явление нормальное: оно позволяет ребенку осуществить переход от первоначального орального отношения к матери к "подлинному объектному отношению".

□ Основу идеи переходного объекта мы находим в статье Уинникота

"Переходные объекты и переходные явления" (Transitional Objects and Transitional Phenomena, 1953).

1) С клинической точки зрения, автор выявляет и описывает часто наблюдаемое у детей особое поведение, называя его отношением к переходному объекту.

У детей в возрасте от 4 до 12 месяцев нередко наблюдается особая привязанность к какому-нибудь предмету — шерстяной тряпке, углу одеяла или перины и пр.: он сосет их, прижимает к себе, не может обойтись без них в момент засыпания. Эти "переходные объекты" надолго сохраняют свою ценность, теряя ее лишь постепенно, и могут появиться вновь в период депрессии.

Уинникот включает в ту же группу явлений некоторые жесты и виды поведения (особенно оральные — лепет, например), называя их переходными явлениями.

2) С генетической точки зрения, переходный объект возникает в период между "сосанием пальца и плюшевым мишкой" (1a). Будучи "почти неотделимой частью самого ребенка" (1b) и отличаясь тем самым от будущей игрушки, этот объект впервые делает возможным "обладание тем, что не есть я сам" (not-me posession).

С либидинальной точки зрения, речь идет о деятельности орального типа, хотя статус объекта при этом меняется. Первый период оральной деятельности (сосание груди) характеризуется, по Уинникоту, "первичным творчеством": "...Движимый любовью или скорее потребностью [...], младенец вновь и вновь воссоздает материнскую грудь. Реальная материнская грудь всегда находится в том месте и в то время, где и когда ребенок готов ее придумать" (1c). Впоследствии в действие вступает испытание реальности*. А в промежутке, где-то на полдороге между субъективным и объективным, размещается отношение к переходному объекту: " С нашей точки зрения, объект появляется извне; для ребенка это не так. Однако объект не появляется и изнутри — ведь он не галлюцинация" (1d).

3) Переходный объект — это момент подступа к восприятию объекта, строго отграниченного от субъекта, и к "собственно объектному отношению"; однако его роль не упраздняется с развитием индивида. "Переходный объект и переходные явления изначально дают человеку нечто такое, что навсегда сохраняет для него значение, они открывают перед ним нейтральное поле опыта" (1e). По Уинникоту, переходные объекты и явления относятся к области *иллюзии*: "Эта промежуточная область опыта не принадлежит ни внутреннему миру человека, ни внешней реальности, общей для многих людей, образуя важнейшую часть детского опыта. Этот опыт обусловливает в дальнейшем интенсивность переживаний, связанных с искусствами, религией, жизнью воображения, научным творчеством" (1f).

(1) Winnicott (D.W.). Англ.In: I.J.P., XXIV, 2; франц. In: La psychanalyse, V, Paris,

P.U.F., 1959. — a) Англ., 92; франц., 30. — c) Англ., 95; франц., 36. — d) Англ., 91; франц., 27. — e) Англ., 95; франц., 37—38. — f) Англ., 97; франц., 41.

ОБЪЕКТ ЧАСТИЧНЫЙ

Нем.: Partialobjekt. — Франц.: objet partiel — Англ.: part-object. — Исп.: objeto parcial. — Итал.: oggeto parziale. — Португ.: objeto parcial.

◘ Объекты частичных влечений, при которых личность в целом не становится объектом любви. Речь идет главным образом о частях тела — реальных или воображаемых (грудь, испражнения, пенис) — и об их символических заменах. Даже личность в целом может (само)отождествляться или быть отождествляемой с частичным объектом.

◘ Понятие, введенное последователями М.Кляйн и приобретшее ведущую роль в психоанализе объектных отношений.

Однако мысль о том, что объектом влечений не обязательно является личность в целом, присутствует уже у Фрейда. Конечно, говоря о выборе объекта, о любви к объекту, Фрейд обычно имел в виду целостную личность, однако при изучении частичных влечений он подразумевал и частичные объекты (грудь, пища, фекалии и пр.) (1). Кроме того, Фрейд установил ряды эквивалентов и соотношений между различными частичными объектами (ребенок — пенис — фекалии — деньги — подарок) прежде всего в статье "О смещении влечений, особенно в области анального эротизма (Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917). Он также объясняет, как женщина переходит от желания обладать пенисом к желанию обладать мужчиной, сохраняя возможность «временной регрессии от мужчины к пенису как объекту желания» (2). На уровне симптомов о фиксации сексуального влечения на частичном объекте свидетельствует фетишизм: как известно, Фрейд видел в фетише замену материнского пениса (3).

Что же касается весьма распространенной ныне идеи тождества человека в целом с частичным объектом, преимущественно фаллосом (4,5), то она встречается уже у Фрейда (см.:Фаллос).

У К. Абрахама противопоставление частичное — цельное в развитии объектных отношений выходит на первый план. Его подход, направленный на изучение явлений в их возникновении и развитии, выявляет соответствие между изменением объекта и изменением либидинальных целей на разных этапах психосексуального развития (6). Частичная любовь к объекту представляет собой один из этапов в "развитии любви к объекту".

Работы М. Кляйн продолжают путь, намеченный Абрахамом. Именно на основе частичного объекта она перестраивает понимание всего мира детских фантазмов. Не пытаясь здесь дать

обобщенное изложение этой теории, отметим лишь основные пары противопоставлений в кляйновской диалектике детских фантазмов: это хороший объект — плохой объект*; интроекция* — проекция; частичный — цельный (см. эти термины, а также: Установка параноидная, Установка депрессивная).

Отметим, однако, что и у Абрахама развитие объектного отношения — это не просто переход от частичного к целостному, но нечто более сложное. Например, стадии любви к частичному объекту предшествует особый тип отношений, предполагающий полное поглощение объекта.

Частичный объект (Абрахам, заметим, этим термином не пользуется) также вовлечен в процесс поглощения.

У М. Кляйн слово "объект" в выражении "частичный объект" нагружено всеми его психоаналитическими значениями: частичный объект (грудь или какая-то другая часть тела) наделяется в процессе фантазирования свойствами человека в целом (преследователя, утешителя, благодетеля и пр.).

Наконец, по мнению последователей Кляйн, отношение к частичным объектам не только зависит от определенного этапа психосексуального развития (ср. период, когда возникает параноидная установка), но и продолжает, уже раз установившись, играть важную роль в отношении к целостным объектам. На этом настаивает и Жак Лакан. Однако у него генетический аспект проблемы частичного объекта отходит на задний план. Лакан отводил частичному объекту особое место в *топике* желания (7).

(1) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 98—101; S.E., VII, 197—206; франц., 94—107.

(2) Freud (S.). G.W., X, 406; S.E., XVII, 130.

(3) Cf. Freud (S.). Fetischismus, 1927. G.W., XIV, 310—317; S.E., XXI, 152—157.

(4) Cf. Fenichel (O.). Die symbolische Gleichung: Mädchen=Phallus, 1936. Нем. In: Internat. Zeit. fur Psychoanalyse, XXII, 299—314. Англ. In: Collected Papers, Routledge and Kegan, London, 1955, 3—18.

(5) Cf. Lewin (B.). The body as phallus, 1933, In: The Psychoanalytic Quarterly.

(6) Cf. Abraham (K.). Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, II. Teil: Anfänge und Entwicklung der Objektliebe, 1924. Франц., II, 298—313.

(7) Ср. особенно: Lacan (J.). Le désir et son interprétation, 1960, compte rendu de J,.-B. Pontalis. In: Bul. Psycho., XIII.

ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Нем.: Objektbeziehung. — Франц.: relation d'objet. — Англ.: object-relationship или object-relation. — Исп.: relación de objeto или objetal. — Итал.: relazione oggetale. — Португ.: relação de objeto или objetal.

● В современном психоанализе — отношение субъекта к миру как

сложный и цельный итог определенной организации личности, как результат определенного восприятия объектов, в той или иной мере связанного с фантазированием, и выбираемых способов защиты.

Можно говорить об объектных отношениях применительно к тому или иному субъекту, к тем или иным стадиям развития (например, объектные отношения орального типа) или к психопатологическим явлениям (например, объектное отношение меланхолического типа).

◘ Понятие "объектное отношение" изредка встречается у Фрейда (1), и потому нельзя считать, будто Фрейду оно неизвестно, но можно с уверенностью сказать, что частью его концептуального аппарата оно не является.

В 30-е годы роль понятия объектного отношения в психоаналитической литературе возрастает: в наши дни оно служит основой многих теорий. Как неоднократно подчеркивал Д. Лагаш, этот сдвиг затрагивает всю историю идей, а не один только психоанализ: речь идет о том, чтобы изучать не организм сам по себе, но его взаимодействия со средой (2). М.Балинт утверждал, что между совокупностью приемов психоанализа, основанных на общении, на межличностных отношениях, и его теорией, по-прежнему остающейся, по Рикману, "психологией индивидуального организма", существует разрыв. Согласно Балинту, который уже в 1935 г. требовал уделять больше внимания становлению объектных отношений, все термины и понятия психоанализа, за исключением понятий объекта и объектного отношения относятся к отдельному изолированному индивиду (3). В русле того же подхода Р.Шпитц отметил, что, за исключением отрывка из "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), где обсуждаются взаимоотношения между матерью и ребенком, Фрейд всегда рассматривает либидинальный объект лишь с точки зрения субъекта (нагрузки, выбор объекта и т.д.) (4).

Возрастание роли понятия "объектное отношение" привело к значительным переменам в области психоаналитической клиники, техники и генетики. Здесь мы не сможем подвести даже краткие итоги происшедших изменений. Ограничимся уточнением значения терминов, а также попыткой определить, хотя бы в общих чертах, чем отличается современное употребление понятия "объектное отношение" от его фрейдовского применения.

I. Само выражение "объектное отношение" может сбить с толку читателя, не знакомого с психоаналитическими текстами. Слово "объект" здесь следует понимать особым образом — так, как оно понимается в психоанализе (ср. такие выражения, как "выбор объекта", "любовь к объекту"; впрочем, как мы увидим далее, предлог "к", отрывающий субъект от объекта, здесь не подходит).

Человек, на которого направлены влечения, рассматривается здесь как объект, и в этом нет ничего уничижительного: это не означает отрицания его субъектных качеств.

"Отношение" здесь понимается скорее как взаимозависимость, т. е. речь идет не только о том, как субъект строит свои объекты, но и о том, как эти объекты формируют его деятельность. Концепция М.Кляйн и ее сторонников усиливают эту мысль: объекты (проецируемые, интроецируемые) в буквальном смысле воздействуют на субъекта как его преследователи, благодетели и т.п. (см.: "Хороший" объект, "плохой" объект).

Говоря об "объектном отношении", а не об отношении к объекту, мы стремимся подчеркнуть этот момент взаимодействия. В противном случае окажется, что объект или объекты существуют еще до того, как субъект вступает с ними в отношения, или же что субъект существует до того, как начинают существовать объекты.

II. Как соотносится теория Фрейда с современным понятием объектного отношения?

Анализируя понятие влечения, Фрейд, как известно, выделял его отдельные моменты — *источник, объект и цель, источник* — это та область или орган, в котором возникает сексуальное возбуждение. При этом Фрейд подчеркивал значение источника влечения, называя различные стадии либидинальной эволюции именем преобладающей в данный момент развития эрогенной зоны. Что же касается *цели* и *объекта*, то их разграничение сохранилось на протяжении всего творчества Фрейда. Так, в "Трех очерках" он исследовал отклонения от цели (например, садизм) и отклонения от объекта (например, гомосексуальность), а во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) отличал преобразования влечений в связи с изменением цели от соответствующих преобразований в связи с изменением объекта.

В основе этого различия — представление о том, что цель влечений обусловлена определенным типом частичного влечения и в конечном счете его телесным источником. Например, инкорпорация, поглощение — это способ поведения, обусловленный оральным влечением, которое может смещаться (со рта на другие части тела), превращаться в свою противоположность (пожирать — быть пожираемым), подвергаться сублимации и т.д., однако его пластичность небезгранична. Что же касается объекта, то тут Фрейд нередко подчеркивает его случайность, причем в двух взаимодополняющих смыслах:

а) в первом случае от объекта требуется лишь быть средством удовлетворения желания. В этом смысле такие объекты относительно взаимозаменяемы: например, на оральной стадии значимость любого объекта определяется тем, можно ли его съесть;

б) во втором случае, однако, история субъекта приводит к столь

сильной индивидуализации объекта, что лишь один-единственный объект или его замена, обладающая качествами оригинала, могут принести удовлетворение.

Таким образом, становится понятно, как Фрейд может одновременно утверждать, что объект есть "самый переменчивый момент влечения" (5a) и что "... найти объект собственно говоря, значит: найти его заново" (6).

Разграничения между источником, объектом и целью, которые определяют для Фрейда общие рамки мыслительной работы, становятся более гибкими, когда речь идет о жизни влечений.

Когда мы говорим, что на определенном этапе общее отношение человека к объектам обусловлено особенностями функционирования какого-либо органа тела (например, рта), что означает, что данное отношение (поглощение) становится прообразом всех других видов деятельности субъекта —телесных или иных, которые отныне могут приобретать оральное значение. Между объектом и целью также существуют многообразные отношения. Изменения цели влечений обусловлены диалектикой, в которой объект играет важную роль; в особенности при садомазохизме и вуайеризме — эксгибиционизме: "...обращение субъекта на себя [изменение объекта] и перемена отношения с активного на пассивное [изменение цели] соединяются или сливаются" (5b). Сублимация* — еще один пример такой соотнесенности между объектом и целью.

Наконец, Фрейду удалось связать типы характера с типами отношения к объекту (7) и показать в своих клинических работах, каким образом одна и та же проблематика может раскрываться во внешне различных видах деятельности одного и того же индивида.

III. А теперь спросим себя: что нового дают постфрейдовские концепции объектного отношения? Ответить на этот вопрос нелегко, так как эти концепции весьма различны и их обобщение было бы натяжкой. Ограничимся здесь следующими замечаниями по этому поводу.

1) Хотя понятие объектного отношения в наши дни используется, казалось бы, независимо от фрейдовской теории влечений, оно все же предполагает некоторые внутренние изменения и в самой этой теории.

Источник влечения — если понимать его как органический субстрат — явно отходит на задний план; напротив, его значение прообраза, признаваемое уже Фрейдом, усиливается. Следовательно, сексуальное удовлетворение в определенной эрогенной зоне перестает быть целью: само это понятие уничтожается понятием отношения. Например, при "оральном объектном отношении" основной интерес вызывают различные перипетии поглощения, а также те пути и способы, посредством которых оно приобретает

особый смысл и становится главным стимулом к фантазированию среди всех других возможных отношений субъекта к миру. Что же касается объекта, то многие современные аналитики не признают ни его многообразия в связи с искомым удовлетворением, ни его единственности — в связи с его включением в индивидуальную историю субъекта: они скорее склонны строить концепции *типичного* объекта для каждого вида отношений (ср. оральный, анальный и другие объекты).

2) Поиск типического на этом не заканчивается. По сути, в объектном отношении этого типа представлена не только жизнь влечений, но и соответствующие механизмы защиты, степень развития *Я*, его структура и т.д., поскольку все это также характеризует данное объектное отношение (α). Таким образом, понятие объектного отношения есть одновременно и нечто объемлющее («холистское») и нечто типическое в эволюции личности.

Кстати, термин "стадия" все чаще заменяется теперь понятием объектного отношения. Такой сдвиг свидетельствует о том, что в любом субъекте соединяются или чередуются различные типы объектного отношения. Напротив, говорить о сосуществовании различных *этапов* было бы нелогично.

3) Поскольку понятие объектного отношения, по определению, выделяет те отношения, из которых сплетается жизнь субъекта, то возникает опасность увидеть существенное лишь в реальных отношениях субъекта с его окружением. Психоаналитик обязан отказаться от этой ложной трактовки: ведь он должен изучать объектное отношение прежде всего на уровне фантазий, хотя, конечно, и фантазии могут менять наше восприятие реальности и направленные на нее действия.

α) Конечно, Фрейд признавал и другие линии эволюции, помимо этапов либидинального развития, однако, по сути, он никогда не изучал их соотношения или, скорее, допускал возможность несогласованности между ними (см.: Стадия).

(1) Ср., например: Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1917. G.W., X, 435; S.E., XIV, 249; франц., 202.

(2) Cf. Lagache (D.). La psychanalyse. Évolution, tendances et problèmes actuels. In: Cahiers d'actualuté et de synthèse de l'Encyclopédie française permanente. Supplément au vol.VIII, 23—34.

(3) Cf. Balint (M.). Critical Notes on the Theory of the Pregenital Organisations of the Libido, 1935. Passim. А также: Changing Therapeutical Aims and Technigues in: Psycho-Analysis, 1949. In: Primary Love and psychoanalytic technique, London, Hogarth Press, 1952.

(4) Cf. Spitz (R.A.). La première année de la vie de l'enfant. — Genèse des premières relations objectales, Paris, P.U.F., 1958.

(5) Freud (S.). a) G.W., X, 215; S.E., XIV, 122; франц., 35. — b) G.W., X, 220; S.E., XIV, 127; франц., 44.

(6) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 123; S.E., VII, 222; франц., 132.

(7) Ср., например: Freud (S.). Charakter und Analerotik, 1908. G.W., VII, 203—209; S.E., IX, 169—75.

ОНО

Нем.: Es. — Франц.: ça. — Англ.:id. — Исп.: ello. — Итал.: es. — Португ.: id.

◘ Одна из трех инстанций, выделяемых Фрейдом в его второй теории психического аппарата. ***Оно*** **— это полюс влечений в личности; его содержания, связанные с психическим выражением влечений, бессознательны: они являются, с одной стороны, врожденными и наследуемыми, с другой — вытесненными и приобретенными.**

С точки зрения экономики, ***Оно*** **— это первичный резервуар психической энергии; с точки зрения динамики,** ***Оно*** **находится в конфликте с** ***Я*** **и** ***Сверх-Я,*** **которые, с точки зрения генетической, возникают, отпочковываясь из него.**

◘ Это понятие используется Фрейдом в "*Я* и *Оно*" (α) (Das Ich und das Es,1923). Фрейд заимствовал его у Георга Гроддека (β) и ссылался на Ницше, который видел в *Оно* "...все, что есть в человеческом существе безличного и, так сказать, природно-необходимого" (1a).

Само слово *«Оно»* привлекало внимание Фрейда как иллюстрация мысли Гроддека: «...то, что мы называем нашим *Я*, ведет себя в жизни совершенно пассивно, а зато внутри нас живут неизвестные и неподвластные нам силы» (1b, γ); это видно из обычных выражений пациентов: "это было сильнее меня" или "это внезапно пришло мне в голову" и пр. (2).

Слово *Оно* появляется при пересмотре фрейдовской топики* в 1920—1923 гг. Позиция *Оно* во второй топике примерно соответствует бессознательному* (Бсз) в первой, однако здесь есть и ряд различий.

1) Если оставить в стороне ряд филогенетически приобретаемых схем и содержаний, бессознательное из первой топики совпадает с "вытесненным".

В "*Я* и *Оно*" (глава I), напротив, Фрейд подчеркивает, что *вытесняющая инстанция (Я)* и его защитные действия тоже большей частью бессознательны. Следовательно, понятие *Оно* отныне обозначает те самые содержания, которые ранее обозначались понятием Бсз, хотя и не все бессознательное психическое целиком.

2) Переосмысление теории влечений и развитие понятия *Я* потребовали нового различения. Невротический конфликт поначалу определялся через противопоставление сексуальных влечений влечениям *Я*, причем именно последние были главной силой, побуждающей к защите (см.: Конфликт). С 1920—1923 гг. группа влечений *Я* потеряла свою независимую роль и была включена в более широкое противопоставление — влечения к жизни — влечения к смерти. Тем самым *Я* перестало определяться особым типом

энергии влечений, а новая инстанция *Оно* предстала как изначальное вместилище двух типов влечений.

Короче говоря, та инстанция, против которой направлена защита, определяется уже не как полюс бессознательного, но как полюс влечений в личности.

Именно в этом смысле *Оно* выступает как "большой резервуар" либидо (δ) и шире — энергии влечений (1c, 1d). Используемая *Я* энергия черпается из этого общего источника и используется прежде всего в виде "десексуализованной и сублимированной" энергии.

3) Границы между этой новой инстанцией и другими инстанциями, а также областью биологии определяются иначе, причем в целом менее строго, чем в первой топике:

а) граница с *Я* проведена менее четко, чем бывшая граница между Бсз и Псз — Сз, представленная цензурой: "*Я* не отделено четко от *Оно* и соединяется с ним изнутри. Однако вытесненное также сливается с *Оно*, будучи его частью. Вытесненное отделяется от *Я* лишь вследствие связанных с вытеснением сопротивлений и может общаться с *Я* через *Оно*" (1e). Это совпадение *Оно* с инстанцией вытеснения связано у Фрейда прежде всего с представлением о возникновении этой инстанции, а именно: *Я* — это "...часть *Оно,* изменившаяся в результате прямого воздействия внешнего мира, проникающего внутрь через систему ''восприятие — сознание''" (1f);

б) точно так же и *Сверх-Я* нельзя считать вполне самостоятельной инстанцией: бóльшая его часть бессознательна и "погружена в *Оно*" (3a);

в) наконец, граница между *Оно* и биологическим субстратом влечения менее ясна, чем его граница с бессознательным и с источником влечения: дальняя граница *Оно* "открыта телесным воздействиям" (3b). Мысль о "записи" влечения, удостоверяемой самим понятием "репрезентатора", явно не отвергается, но и не подтверждается вновь.

4) Следует ли считать *Оно* особым *способом организации* или своего рода внутренней структурой? Фрейд считал, что *Оно* — это "хаос": "но наполняется энергией, получая ее из влечений, но лишено организации и не порождает единой воли..." (3c). Оно определяется чисто отрицательными признаками — как то, что противостоит способу организации, свойственному *Я*.

Однако Фрейд переносит на *Оно* большинство признаков, определявших в первой топике систему бессознательного: этот особый способ организации характеризуется воздействием первичного процесса, структурой, основанной на комплексах, многоуровневым наслоением разновременно возникших влечений и пр. Подобно этому, и новое противопоставление влечений к жизни* и влечений к смерти* показывает, что влечения образуют диалектические

оппозиции. Отсутствие внутренней организации в *Оно*, однако, лишь относительно: речь идет об отсутствии отношений, свойственных *Я*. Это отсутствие организации выражается прежде всего в том, что "противонаправленные влечения существуют бок-о-бок, не упраздняя и не ослабляя друг друга" (3d). Как подчеркивал Д. Лагаш, более всего характерно для *Оно* отсутствие единого субъекта, обозначаемое у Фрейда местоимением среднего рода (4).

5) В конечном счете лучше всего помогает понять переход от бессознательного первой топики к *Оно* второй топики различие обстоятельств и условий их возникновения.

Бессознательное происходит из вытесненного, которое в обоих смыслах — историческом и мифическом — вводит в психику радикальный разрыв между системами бессознательного и предсознательного — сознания.

Введение второй топики лишает этот момент разделения инстанций основополагающего характера. Происхождение различных инстанций рассматривается скорее как постепенно нарастающее расчленение, как возникновение различных систем. Отсюда — забота Фрейда о преемственности на том пути, который ведет от биологической потребности к *Оно* и от *Оно* к *Я*, а также к *Сверх-Я*. Именно в этом смысле новая фрейдовская концепция психического аппарата столь легко (во всяком случае, легче, чем первая) допускает "биологические" и "натуралистические" истолкования.

α) [...].

β). Гроддек — немецкий врач, близкий к психоаналитическим кругам; он написал ряд работ, вдохновленных идеями Фрейда, прежде всего это "Книга об *Оно*" (Das Buch vom Es: psychoanalytische Briefe an eine Freundin, 1923).

γ) Гроддек так описывал свое понимание *Оно*: "Я считаю, что человек одушевлен Неизвестным, чудесной силой, управляющей одновременно и его поступками, и событиями его жизни. Высказывание "я живу" верно лишь в условном смысле, оно выражает лишь малую и поверхностную часть фундаментального принципа: "В человеке живет *Оно*"" (5).

δ) Читатель узнает много полезного об этом из комментариев составителей Standard Edition (S.E.,XIX,63—66).

(1) Freud (S.). a) G.W., XIII, 251, n. 2; S.E., XIX, 23, n.3; франц., 177, n.2. — b) G.W., XIII, 251; S.E., XIX, 23; франц.,177. — c) Cf. G.W., XIII, 258, n.; S.E., XIX, 30, n.1; франц., 185, n.1. — d) Cf. G.W., XIII, 275; S.E., XIX, 46; франц., 202. — e) G.W., XIII, 251—252; S.E., XIX, 24; франц., 178. — f) G.W., XIII, 252; S.E., XIX, 25; франц., 179.

(2).Freud (S.). Die Frage der Laienanalyse, 1926. G.W., XIV, 222; S.E., XX, 195; франц., 140.

(3) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. — a) G.W., XV, 85; S.E., XXII, 79; франц., 109. — b) G.W., XV, 80; S.E., XXII, 73—74; франц., 103. — c) G.W., XV, 80; S.E., XXII, 73—74; франц., 103. — d) G.W., XV, 80; S.E., XXII, 73—74; франц., 103.

(4) Cf. Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité. In: La Psychanalyse, P.U.F., 1961, VI, 21.

(5) Groddeck (G.). Das Buch vom Es, 1923. Нем., 10—11; франц., 20.

ОПЫТ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Нем.: Befriedigungserlebnis. — Франц.: expérience de satisfaction. — Англ.: experience of satisfaction. Исп.: vivencia de satisfacción. — Итал.: esperienza di soddifacimento. — Португ.: vivência de satisfação.

● Согласно гипотезе Фрейда, первоначальный опыт внешнего вмешательства, снимающий у младенца внутреннее напряжение, порожденное потребностью. Вследствие этого образ объекта, приносящего удовлетворение, приобретает в ходе развития субъекта особое значение. Этот образ может быть энергетически нагружен и при отсутствии реального объекта (галлюцинаторное удовлетворение желаний). В дальнейшем он продолжает направлять поиск объекта, приносящего удовлетворение.

■ Опыт удовлетворения не относится к числу обычных психоаналитических понятий, однако представляется, что попытки определить его могут прояснить для нас некоторые устоявшиеся, фундаментальные идеи Фрейда. Этот опыт описан и проанализирован Фрейдом в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895); о нем неоднократно идет речь в главе VII "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900).

Опыт удовлетворения связан с "состоянием беспомощности"* (Hilflosigkeit), изначально присущим человеку (1a). Организм не способен на специфическое действие*, которое могло бы подавить напряжения, связанные с притоком внутреннего возбуждения, — для этого нужна помощь другого человека (например, того, кто его кормит).

Помимо этого непосредственного результата, опыт удовлетворения порождает целый ряд следствий.

1) Отныне удовлетворение связывается с образом определенного объекта, а также с моторным образом рефлекторного движения, приведшего к разрядке. Когда вновь возникает состояние напряжения, образ объекта вновь оказывается энергетически нагруженным: "Поначалу это оживление, или, иначе, желание, порождает нечто аналогичное восприятию, а именно, галлюцинацию. Если вслед за этим возникает рефлекторное действие, это неизбежно порождает разочарование" (1b).

На более ранней стадии субъект еще не в состоянии осознать

отсутствие реального объекта. Образ, несущий слишком большую энергетическую нагрузку, порождает тот же самый "знак реальности", что и восприятие.

2) Весь этот опыт в целом — опыт реального и галлюцинаторного удовлетворения — составляет основу желания. Источником желания выступает поиск реального удовлетворения, хотя оно строится по образу обычной галлюцинации.

3) Образование *Я* сглаживает эту первую неудачу субъекта в связи с его неспособностью отличить галлюцинацию от восприятия. Свойственная *Я* функция торможения не допускает слишком сильной перенагрузки образа объекта, приносящего удовлетворение.

В "Толковании сновидений" Фрейд описывает опыт удовлетворения и его следствия сходным образом, вводя, однако, два новых понятия: тождество восприятия* и тождество мысли*. Он считает, что субъект всегда ищет — на прямых (галлюцинация) или окольных (действие, направляемое мыслью) путях — нечто тождественное "тому восприятию, которое было некогда связано с удовлетворением потребности" (2).

В последующих текстах он больше не говорит об опыте удовлетворения, по-прежнему опираясь, однако, на те предпосылки, которые лежат в основе этого понятия. По этому вопросу читателю стоит обратиться к работам "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911) и "Отрицание" (Die Verneinung, 1925). В "Отрицании" Фрейд еще раз подчеркивает неустранимость изначального опыта удовлетворения и его решающую роль при последующем поиске объектов: "...условием испытания реальности выступает опыт утраты объектов, ранее приносивших реальное удовлетворение" (3).

Опыт реального или же галлюцинаторного удовлетворения — это важнейшее фрейдовское понятие, соединяющее удовлетворение потребности с *исполнением желания** (см.: Желание; Фантазия, фантазм).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 82; S.E., VII, 181—182; франц., 74. — b) G.W., V, 82; S.E., VII, 182; франц., 75. — c) G.W., V, 86; S.E., VII, 185; франц., 79. — d) Cf.G.W., V, 123—130 и n. 1, p. 123 (добавлена в 1915); S.E., VII, 222—230 и n. 1, p.22; франц., 132—140 и n. 77, p.185. — e) G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц., 76. — f) G.W., V, 123; S.E., VII, 222; франц., 132.

(2) Freud (S.). Beitrage zur Psychologie des Liebeslebens, 1910. G.W., VIII, 80; S.E., XI, 180—181; франц., 12.

(3) Freud (S.). Die Verneinung, 1925. G.W., XIV, 14; S.E., XIX, 238; франц., 176.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИБИДО

Нем.: Organisation der Libido. — Франц.: organisation de la Libido. — Англ.: organization of the libido. — Исп.: organización de la libido. — Итал.: organizzazione della libido. — Португ.: organisação da libido.

○ Соотнесенность частичных влечений, отличающихся преобладанием той или иной эрогенной зоны и особым способом объектного отношения. Временна́я последовательность форм организации либидо определяет стадии психосексуального развития у детей.

■ Изменение взглядов Фрейда на организацию либидо вкратце сводится к следующему: в первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) оральная и анальная активность представлены как первоначальные виды сексуальной деятельности, однако об их организации речь не идет; ребенок выходит из стадии господства анархических частичных влечений лишь после того, как укрепляется господство генитальной области. Главная тема "Трех очерков" — доказательство существования сексуальной функции, выходящей за рамки гениталий: однако лишь генитальная функция способна *организовывать* сексуальную функцию. Обобщая изменения, связанные с процессом полового созревания, Фрейд пишет в 1905 г.: "До этого момента сексуальное влечение было преимущественно автоэротичным; отныне оно обретает сексуальный объект. Ранее оно опиралось на различные влечения и отдельные эрогенные зоны, связанные — порознь и независимо друг от друга — с поиском удовольствия как единственной сексуальной целью. Отныне возникает новая сексуальная цель и все частичные влечения начинают объединяться в попытках ее достижения, а различные эрогенные зоны подчиняются господству генитальной зоны" (1а). Заметим, что в этот период Фрейд не говорил о догенитальной организации и что в конечном счете именно открытие сексуального объекта позволило соотнести различные влечения между собой.

Именно в объекте Фрейд затем обнаруживал особый способ организации сексуальности, промежуточный между неорганизованным состоянием влечений (автоэротизм) и окончательным выбором объекта (нарциссизм*). Объектом становится *Я** как целостность.

Понятие догенитальной организации было введено Фрейдом лишь в статье 1913 г. "Предрасположенность к неврозу навязчивости" (Die Disposition zur Zwangsneurose); различные влечения объединяются здесь под властью сексуальной активности, связанной с определенной эрогенной зоной. Поначалу Фрейд описывал анальную организацию (1913, цит. статья), затем оральную организацию («Три очерка» в издании 1915 г.) (1b), наконец,

фаллическую организацию («Генитальная организация у ребенка» (Die infantile Genitalorganisation, 1923)), заявив после этого, что "...лишь применительно к четвертой, генитальной, стадии можно говорить об организации в полном смысле слова" (2).

Стремясь определить догенитальные способы организации сексуальности, Фрейд следовал двумя различными и не вполне согласованными путями. Согласно первому подходу, организующую роль выполняет именно *объект*: путь от автоэротизма к гетеросексуальному объекту проходит стадии нарциссизма и гомосексуального выбора объекта. Согласно второму подходу, каждая организация предполагает *особый вид сексуальной активности*, обусловленный той или иной эрогенной зоной. Но как понять в этом случае ведущее положение той или иной эрогенной зоны и соответствующего ей вида активности?

При оральной организации можно объяснить ее ведущее положение особой ролью отношения к окружению. Но как быть с последующими видами организации, при которых сохраняются и подчиненные виды активности? Что означает, к примеру, ведущее положение анальной активности? Оно не может означать ни приостановку оральной активности, ни даже ее оттеснения на задний план: дело в том, что оральная активность включается в организацию анального типа, так что взаимодействия орального уровня насыщаются значениями, связанными с анальной активностью.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) G.W., V,108; S.E., VII, 207; франц., 111. — b) Cf. G.W., V, 98; S.E., VII, 198; франц., 95.

(2) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 77; S.E., XXIII, 155; франц., 16.

ОСТАТКИ ДНЕВНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Нем.: Tagesreste. — Франц.: restes diurnes. — Англ.: day's residues. — Исп.: restos diurnos. — Итал.: resti diurni. — Португ.: restos diurnos.

● В психоаналитической теории сна — те впечатления предшествующего дня, которые обнаруживаются в рассказе о сновидении и в свободных ассоциациях сновидца, будучи более или менее тесно связаны с бессознательными желаниями, исполняемыми во сне. Целый ряд промежуточных звеньев опосредует два крайних случая. В первом случае тот или иной "остаток дня" представляется мотивированным, по крайней мере поначалу, какой-то заботой или желанием предыдущего дня; во втором — остатки дня кажутся несущественными, выбранными лишь в силу их ассоциативной связи с желанием, проявившимся во сне.

■ Согласно традиционной точке зрения, подробно обсуждаемой в главе I "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), большинство снов основано на жизненных впечатлениях предыдущего дня. Однако, как отмечает ряд авторов, воспроизводимые во сне обрывки дневных впечатлений не всегда представляют собой нечто важное или интересное; напротив, они касаются, на первый взгляд, несущественных подробностей.

Фрейд использует все эти факты, придавая им новое значение; он включает их в свою теорию, где сон выступает как исполнение бессознательного желания. По Фрейду, природа и функции остатков дневных впечатлений лучше всего выявляются в связи с основным тезисом, согласно которому энергия сновидения проистекает из бессознательного желания.

Во сне могут вновь возникнуть — как правило, в смещенном и символическом виде — желания и заботы, поглощавшие субъекта днем. Остатки дневных впечатлений, как и любые сновидные мысли*, подчиняются механизмам работы сновидения. Знаменитая фрейдовская метафора представляет остатки дневных впечатлений как "организатора" и побуждающую силу сновидения (аналогичную роль могут играть во сне и телесные впечатления). Однако и в этом случае содержание сновидения может быть объяснено только вмешательством бессознательного желания, обусловившего определенную силу влечений (Triebkraft), или «капитал». "*Я думаю, что сознательное желание порождает сновидение лишь в том случае, если оно способно возбудить связанное с ним и усиливающее его бессознательное желание*" (1а).

В принципе отношение между остатками дневных впечатлений и бессознательным желанием может вообще не опосредоваться никакими действительными заботами, и тогда эти остатки выступают лишь как элементы, знаки бессознательного желания. В таком случае произвольность их выбора всего очевиднее. Какова же тогда их роль? Ее можно определить так:

а) при выборе тех или иных элементов во сне работает цензура. Однако под покровом кажущейся незначимости впечатлений могут выражаться вытесненные содержания;

б) остатки дневных впечатлений легче согласуются с бессознательным желанием, нежели воспоминания, сопряженные с определенными интересами и уже включенные в развитые комплексы ассоциаций;

в) с точки зрения Фрейда, их достоинство — актуальность: чтобы показать присутствие во сне свежего материала, он прибегает к понятию "трансфер"*: "Участвуя в образовании сновидений, остатки дневных впечатлений [...] не только заимствуют нечто у Бсз, а именно силу влечения, подвластную вытесненному желанию, но и дают бессознательному нечто необходимое, например зацепку

для установления трансфера" (1b). Эта роль актуального опыта подкрепляется тем фактом, что во сне мы чаще всего сталкиваемся с остатками впечатлений непосредственно предшествующего дня.

(1) Freud (S.). a) G.W., II—III, 558; S.E., V, 553; франц., 454. — b) G.W., II—III, 569; S.E., V, 564; франц., 462.

ОСУЖДЕНИЕ

Нем.: Verurteilung или Urteilsverwerfung. — Франц.: jugement de condamnation. — Англ.: judgement of condemnation. — Исп.: juicio de condenación. — Итал.: rifiuto da parte del giudizio; condamna. — Португ.: julgamento de condenação.

○ Операция или установка, при которой субъект, осознавая свое желание, в принципе запрещает себе его исполнение — в соответствии с моральными причинами или общепринятыми нормами. Фрейд видел в этом способ защиты, более проработанный и утонченный, чем вытеснение. Д.Лагаш предлагал считать это процессом "высвобождения" ***Я,*** **который осуществляется в курсе психоаналитического лечения.**

□ Фрейд неоднократно употреблял термины Verurteilung и Urteilsverwerfung как синонимы (1a). Он включал осуждение в общий перечень защит (от простейших и до самых сложных), куда входят рефлекс защиты посредством бегства (внешняя опасность), вытеснение (внутренняя опасность), осуждение (1b). Каково отношение осуждения к вытеснению? Подчас кажется, что цели их одинаковы: осуждение выступает как "...наилучшее средство от влечения" (1c). Иногда осуждение оказывается удачной заменой вытеснения: "В прошлом индивид, слабый и несовершенный, мог лишь вытеснять влечение как нечто бесполезное. Теперь, когда он стал взрослым и сильным, он способен, ничем не рискуя, справиться с тем, что кажется ему опасным" (2).

Именно эту положительную сторону осуждения Фрейд подчеркивал в конце "Анализа фобии пятилетнего мальчика" (Analyse der Phobie eines fünfjähriges Knaben, 1909), где речь идет о возможных следствиях осознания Маленьким Гансом своих эдиповских, инцестуозных и агрессивных желаний. Психоанализ не подтолкнул Ганса к непосредственному исполнению желаний, "...заменив процесс вытеснения, самопроизвольный и бурный, умеренным и продуманным контролем высших психических инстанций. Словом, *анализ заменяет вытеснение осуждением*" (3).

Осуждение представляется Фрейду тем более ценным, что оно связано на этом этапе жизни Ганса со структурирующей функцией *запрещения* инцеста и вступлением в латентный период.

Как бы то ни было, осуждение остается для Фрейда одной из разновидностей отрицания*, сохраняя на себе мету прежнего вытеснения: "Осуждение — это интеллектуальная замена вытеснения: содержащееся в нем отрицание несет на себе мету вытеснения, свидетельство о своем происхождении, как, например, Made in Germany" (4a). По Фрейду, осуждение выражает внутреннее противоречие всякого суждения: оно "...становится возможно лишь благодаря символу отрицания, позволяющего мысли хотя бы в какой-то мере освободиться от последствий вытеснения, а тем самым и от навязчивости принципа удовольствия" (4b). При этом суждение, в особенности отрицательное, играет также защитную роль: "...отрицание следует за выталкиванием из сознания" (4b).

*

Д. Лагаш считал, что исследование осуждения могло бы прояснить внутреннюю сложность фрейдовского понятия защиты, четче показав различие между навязчивой защитой и механизмами отработки*, посредством которых выражается осуждение. Маленький Ганс стремился стать взрослым, полагая, что его пенис вырастет, "если его посадить в землю", и это — действие конкретных механизмов, посредством которых *Я* освобождается от эдиповского конфликта и от страха кастрации. Д. Лагаш видел во всем этом один из результатов психоаналитической терапии, связанный с отсрочкой удовлетворения, изменением целей и объектов, учетом тех возможностей, которые реальность предоставляет субъекту, взаимодействием различных ценностей, совместимостью различных требований субъекта.

(1) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) Cf. G.W., X, 248; S.E., XIV, 246; франц., 67. — b) G.W., X, 248; S.E., XIV, 246; франц., 67. — c) G.W., X, 248; S.E., XIV, 246; франц., 67.

(2) Freud (S.). Über Psychoanalyse, 1910. G.W., VIII, 58; S.E., XI, 53; франц., 175.

(3) Freud (S.). G.W., VII, 375; S.E., X, 145; франц., 196.

(4) Freud (S.). Die Verneinung, 1925. — a) G.W., XIV, 12; S.E., XIX, 236; франц., 175. — b) G.W., XIV, 15; S.E., XIX, 239; франц., 177. — c) G.W., XIV, 15; S.E., XIX, 239; франц., 177.

ОТВЕРЖЕНИЕ

Нем.: Verwerfung. — Франц.: forclusion. — Англ.: repudiation или foreclosure. — Исп.: repudio. — Итал.: reiezione. — Португ.: rejeição или repúdio.

● Термин [речь идет о его французском варианте. — *Прим. пер.*] Жака Лакана: особый механизм порождения психоза. Отвержение

изначально отбрасывает за пределы символического* мира субъекта важное означающее (например, фаллос как означающее комплекса кастрации). Отвержение отличается от вытеснения двояким образом:

1) отвергнутые означающие не входят в бессознательное субъекта;

2) они не могут возникнуть "изнутри", но лишь в недрах реального, особенно при галлюцинаторных феноменах.

◘ Рассуждая о фрейдовском использовании понятия Verwerfung применительно к психозам, Жак Лакан предложил в качестве его французского эквивалента понятие forclusion.

Поскольку Лакан считал себя в этом вопросе последователем Фрейда, это потребовало двоякого рода уточнений относительно фрейдовских терминов, относящихся к психотической защите и ее пониманию.

I. Изучение фрейдовской терминологии по всем текстам позволяет сделать следующие выводы:

1) Фрейд использовал понятие Verwerfung в различных смыслах, которые можно ориентировочно свести к трем:

а) в достаточно широком смысле слова Verwerfung — это "отказ", который может осуществляться, например, в виде вытеснения (1);

б) далее, это отвержение в форме осознанного осуждения. В этой роли Фрейд чаще всего употребляет составное слово Urteilsverwerfung как синоним Verurteilung (суждение, содержащее осуждение*);

в) тот смысл, в котором понимает это слово Лакан, находит подтверждение в других текстах. Так, в "Психоневрозах защиты" (Die Abwehrneurosen, 1894) Фрейд писал по поводу психоза: "Существует более энергичный и действенный способ защиты — когда *Я* отвергает (verwirft) мучительное представление и связанный с ним аффект и ведет себя так, будто этого представления никогда и не возникало" (2а).

Выдвигая на первый план понятие отвержения, Лакан чаще всего опирается на «Человека с волками»: при этом слова verwerfen, Verwerfung встречаются по нескольку раз. Наиболее яркий в этом смысле отрывок — тот, где Фрейд говорит о сосуществовании в субъекте различных установок по отношению к кастрации: "...третья тенденция, наиболее древняя и глубокая, — это отвержение (verworfen) кастрации без какого-либо суждения о ее реальности: кастрация при этом присутствует лишь подспудно. В другом тексте я рассказал о галлюцинации, которая была у этого пациента в пятилетнем возрасте..." (3а).

2) У Фрейда встречаются другие, отличные от Verwerfung, понятия, смысл которых обосновывает их связь с понятием отвержения (forclusion):

Ablehnen (избегать, отклонять) (5b);
Aufheben (подавлять, упразднять) (4a);
Verleugnen (отрицать).

Итак, хотя понятие Verwerfung и не совпадает с понятием "forclusion", у Фрейда есть другие понятия для обозначения того, что как раз и стремился выявить Лакан.

II. Помимо этих чисто терминологических соображений, можно показать, что введение Лаканом термина "отвержение" следует в русле фрейдовского подхода с *постоянно присущим ему требованием* — определить механизм защиты, свойственный психозу. Применительно к этой проблеме выбор терминов у Фрейда подчас может вводить в заблуждение, особенно когда речь идет о "вытеснении" при психозе. Эту неясность подчеркивал и сам Фрейд: "...мы не знаем наверное, имеет ли так называемый процесс вытеснения в психозах что-либо общее с вытеснением при неврозах трансфера" (5).

1) Эта линия размышлений о психозе пронизывала все творчество Фрейда. В первых фрейдовских текстах, где обсуждался механизм проекции при психозе, он предстает как прямое отбрасывание во внешний мир, а не как вторичный возврат вытесненного в бессознательное. Позднее, предложив трактовку проекции как побочного момента невротического вытеснения, Фрейд вынужден был признать, что так понимаемая проекция для психоза несущественна: "Говорить, что подавленное (unterdrückt) внутри ощущение проецируется вовне, не вполне точно; мы видим скорее, что речь идет о выходе наружу того, что было устранено (Das Aufgehobene) внутри" (4b) (см.: Проекция).

Такие понятия, как "разгрузка реальности" (4c), "утрата реальности" (6), также обозначают *первичный* механизм отрыва и отбрасывания вовне невыносимого "восприятия".

Наконец, в своих последних работах Фрейд опирался на понятие Verleugnung или "отказ от реальности" (см. этот термин). Изучая его главным образом на примере фетишизма, Фрейд, однако, считал, что подобное извращение присуще также и психозу (7 и 8a). Этот отказ — общий ответ ребенка, фетишиста, психотика на "реальность" отсутствия пениса у женщины — есть отвержение самого "восприятия" и a fortiori отказ выводить из него такие следствия, как "детская сексуальная теория" кастрации. В 1938 г. Фрейд противопоставил два способа защиты: "выталкивание требований влечения из внутреннего мира" и "отрицание части внешнего мира" (8b). Уже в 1894 г. он описывал психотическую защиту почти в тех же самых понятиях: " *Я* отталкивает невыносимое представление, неразрывно связанное с чем-то в реальности, и тем самым целиком или частично отстраняется от реальности" (2b).

2) Каким образом можно в итоге осмыслить такое "вытеснение"

во внешний мир, диаметрально противоположное невротическому подавлению? Чаще всего Фрейд описывал его в экономических терминах, таких, как разгрузка восприятия, нарциссическое изъятие либидо, которое устраняет любой "интерес"*, не связанный с либидо. Иногда Фрейд приходил к тому, что можно было бы назвать изъятием значения, отказом от придания восприятию смысла. Впрочем, эти две трактовки, по Фрейду, не исключают друг друга: изъятие нагрузки (Besetzung) есть тем самым и отмена значения (Bedeutung) (9).

III. Понятие отвержения продолжает эту линию фрейдовских размышлений, но уже в рамках лакановской теории "символического"*. Лакан опирался главным образом на тексты Фрейда о «Человеке с волками», где было показано, что те или иные моменты восприятия первосцены получают свое истолкование и осмысление лишь в результате "последействия"*. При первом своем травматическом опыте полуторагодовалый малыш еще не мог построить теорию кастрации на основе такого факта, как отсутствие пениса у матери: " Он отверг (verwarf) [кастрацию] и остался на точке зрения анального коитуса [...]. Это не предполагало никакого суждения о том, имела ли место кастрация, — будто ее просто не существовало" (3с).

В ряде фрейдовских текстов вопрос о том, что именно отвергается (verworfen) или же не признается (verleugnet) в тот момент, когда ребенок отказывается признать кастрацию, остается нерешенным. Если это кастрация как таковая (3d), то речь идет, по сути, об отвержении теоретического истолкования, а не просто о восприятии. Если же отвергается "отсутствие пениса" у женщины, вряд ли можно говорить об отрицании "восприятия", поскольку *отсутствие* может восприниматься как факт лишь будучи связано с возможностью *присутствия*.

Лакановский подход позволил решить эти проблемы. Опираясь на текст Фрейда "Отрицание" (Die Verneinung, 1925), Лакан определил отвержение через "первичный процесс" (10), предполагающий два взаимодополнительных действия: Einbeziehung ins Ich (приятие внутрь) и Ausstossung aus dem Ich (выталкивание вовне). Первое действие Лакан называет также "символизацией" или "первичным" полаганием (Bejahung). Второе действие "...строит область реального как такового, существующую и за пределами символизации". Отвержение заключается тогда в отказе от символизации того, что ей подлежит (кастрация): это — "символическое упразднение". Отсюда лакановская характеристика галлюцинации (передающая на его языке суть приведенного выше отрывка из Фрейда): "...то, что было отвергнуто в символическом, вновь появляется в реальном".

Впоследствии, в статье "О вопросе, предваряющем любое воз-

можное лечение психоза" (11), Жак Лакан развил понятие отвержения с помощью лингвистических представлений.

(1) Ср., например: Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 128; S.E., VII, 227; франц., 137.

(2) Freud (S.). a) G.W., I, 72; S.E., III, 58. — b) G.W., I, 73; S.E., III, 59.

(3) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. — a) G.W., XII, 117; S.E., XVII, 85; франц., 389. — b) Cf. G.W., XII, 49; S.E., XVII, 25; франц., 339. — c) G.W., XII, 117; S.E., XVII, 85; франц., 389. — d) Cf. G.W., XII, 117; S.E., XVII, 85; франц., 389.

(4) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia, 1911. — a) Cf. G.W., VIII, 308; S.E., XII, 71; франц., 315. — b) G.W., VIII, 308; S.E., XII, 71; франц., 315. — c) G.W., VIII, 307; S.E., XII, 70; франц., 314.

(5) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 31; S.E., XIV, 203; франц., 159.

(6) Cf. Freud (S.). Der Realitätsverlust bei Neurose und Psychose, 1924. G.W., XIII, 363—368; S.E., XIX, 183—187.

(7) Ср., например: Freud (S.). Fetischismus, 1927. G.W., XIV, 310—317; S.E., XXI, 152—157.

(8) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) Cf. G.W., XVII, 132 sqq.; S.E., XXIII, 201 sqq.; франц., 77 sqq. — b) G.W., XVII, 135; S.E., XXIII, 204; франц., 80—81.

(9) Freud (S.). Neurose und Psychose, 1924. G.W., XIII, 389; S.E., XIX, 150—151.

(10) Lacan (J.). Réponse au commentaire de Jean Hyppolite sur la "Verneinung" de Freud. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., I, 46.

(11) Lacan (J.). In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., IV, 1—50.

ОТКАЗ (ОТ РЕАЛЬНОСТИ)

Нем.: Verleugnung. — Франц.: déni de la réalité. — Англ.: disavowal (или denial). — Исп.: renegación. — Итал.: diniego. — Португ.: recusa.

● Термин Фрейда, обозначающий специфику такого способа защиты, при котором субъект отказывается признать реальность травмирующего восприятия, прежде всего отсутствия пениса у женщин. Посредством этого механизма Фрейд стремился понять фетишизм и психозы.

■ Начиная с 1924 г. Фрейд стал использовать слово Verleugnung в особом смысле. Между 1924 и 1938 гг. он часто говорил о процессах, обозначаемых этим термином (наиболее подробно — в "Очерке психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938)). Вряд ли можно сказать, что он разработал теорию отказа от реальности или же что он строго разграничил ряд сходных процессов, однако в его работах это понятие употреблялось достаточно последовательно.

Впервые Фрейд описал Verleugnung в связи с кастрацией. Столкнувшись с отсутствием пениса у девочки, дети "...отказываются признать (leugnen) эту нехватку, уверяют, будто видят этот орган..." (1). Лишь постепенно они научаются видеть в отсутствии пениса результат кастрации.

В работе "Некоторые психические следствия анатомического различия между полами" (Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds, 1925) отказ от реальности приписывается как девочке, так и мальчику, причем Фрейд видит здесь сходство с механизмом психоза: "...может начаться процесс, который я бы предложил назвать процессом "отказа" (Verleugnung) от реальности; в психической жизни ребенка он встречается довольно часто и не представляет опасности, а вот у взрослого может стать началом психоза» (2). В отказе от *внешней реальности* Фрейд видит первую стадию психоза, противопоставляя ее вытеснению: невротик начинает с вытеснения требований *Оно*, а психотик — с отказа от реальности (3).

Начиная с 1927 г. Фрейд разрабатывал понятие отказа только на примере фетишизма. В работе, посвященной этому извращению («Фетишизм» [Fetischismus], 1927), фетишизм трактуется как закрепление двойственной инфантильной установки, предполагающей одновременно и отказ, и признание женской кастрации. В трактовке этого явления у Фрейда пока еще много неясного: он пытается понять сосуществование несовместимого, обращаясь к процессу вытеснения и образования компромисса между противонаправленными силами и показывая, что такое сосуществование приводит к настоящему расщеплению* (Spaltung, Zwiespältigkeit), раздвоению субъекта.

В последующих работах («Расщепление *Я* в процессе защиты» [Die Ichspaltung im Abwehrvorgang], 1938; «Очерк психоанализа» [Abriss der Psychoanalyse], 1938) понятие отказа (от реальности) проясняется через понятие расщепления *Я*. Две фетишистские установки в этой связи — отказ от восприятия нехватки пениса у женщины и одновременно признание этой нехватки со всеми вытекающими отсюда последствиями (в частности, страхом) — "...сосуществуют в течение всей жизни независимо друг от друга. Именно это и можно назвать расщеплением *Я*" (4).

Это расщепление следует отграничить от сходных следствий невротического вытеснения.

1) Речь идет о сосуществовании двух различных типов защиты *Я*, а не о конфликте между *Я* и *Оно*.

2) Один из защитных механизмов *Я* направлен на внешнюю реальность и представляет собой отказ от ее восприятия.

Фрейд постоянно интересовался источниками защиты от внешней реальности, а потому отказ от реальности представал в его работах все более четко. Этот интерес проявлялся главным образом в его первом подходе к проекции (см. этот термин), в понятии разгрузки и утраты реальности при психозе и пр. В этом исследовательском контексте играло свою роль и понятие отказа от реальности. Предвосхищение этого понятия мы находим уже в некоторых местах "Человека с волками": "В итоге в нем совместились две противонаправленные тенденции: одна тенденция заставляла в

ужасе отшатнуться от мысли о кастрации, а другая требовала принять ее, утешаясь женственностью как заменой. Третья тенденция, самая древняя и самая глубокая, — отвержение (verworfen hatte) кастрации до и независимо от вопроса о ее реальности — также могла в любой момент вступить в действие" (5). В этих строках уже присутствует мысль о расщеплении личности на различные независимые "потоки", о первичной защите как решительном отказе от реальности, соотнесенном с проблемой реальности кастрации.

Именно этот последний момент позволяет лучше понять фрейдовское понятие отказа (от реальности), одновременно развивая и обновляя эту проблематику. Коль скоро кастрация служит прообразом и, быть может, даже источником других видов отказа от реальности, возникает вопрос о том, как Фрейд понимал "реальность" кастрации или ее восприятие. Если речь идет об отказе признать "отсутствие пениса" у женщины, трудно говорить о восприятии реальности, поскольку отсутствие как таковое восприниматься не может: оно становится реальностью лишь в связи с возможностью присутствия. Если отвергается сама кастрация, то отказ отнесен не к восприятию (кастрация как таковая восприниматься не может), но к теории, объясняющей факты («детская сексуальная теория»). Вспомним, что Фрейд постоянно связывал комплекс кастрации или страх кастрации не просто с восприятием реальности, но скорее с совпадением двух обстоятельств: открытием анатомического различия между полами и с угрозой кастрации со стороны отца (см.: Комплекс кастрации). В итоге возникает вопрос: не является ли отказ, чьи реальные следствия столь очевидны, скорее *основополагающим* моментом человеческой реальности, нежели проблематичным "фактом восприятия" (см. также: Отвержение)?

(1) Freud (S.). Die infantile Genitalorganisation , 1923. G.W., XIII, 296. S.E., XIX, 143—144.

(2) Freud (S.). G.W., XIV, 24; S.E., XIX, 253.

(3) Cf. Freud (S.). Der Realitätsverlust bei Neurose und Psychose, 1924. G.W., XIII, 364—365; S.E., XIX, 184—185.

(4) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — G.W., XVII, 134; S.E., XXIII, 203; франц., 79.

(5) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 171; S.E., XVII, 85; франц., 389.

ОТМЕНА (НЕКОГДА БЫВШЕГО)

Нем.: Ungeschehenmachen. — Франц.: annulation (-rétroactive). — Англ.: undoing (what has been done). — Исп.: anulación retroactiva. — Итал.: rendere non accaduto или annulamento retroattivo. — Португ.: anulação retroactiva.

○ Психологический механизм такого поведения, при котором субъект делает вид, будто его прежние мысли, слова, жесты, поступки вовсе не имели места: для этого он ведет себя прямо противоположным образом.

Этот "магический" способ поведения характерен, в частности, для невроза навязчивых состояний.

□ Эта процедура была кратко описана Фрейдом в "Человеке с крысами", где он исследовал "...навязчивые действия, совершавшиеся в два этапа, причем так, что второй этап как бы уничтожает первый. [...] Их подлинное значение связано с конфликтом между двумя противонаправленными, но почти равными по силе побуждениями; по моему опыту, это всегда противоположность между любовью и ненавистью" (1a).

В "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд называл этот процесс Ungeschehenmachen [буквально: сделать небывшим] и видел в нем, как и в изоляции, форму защиты, характерную для невроза навязчивых состояний, описывая ее как магический ритуал: в частности, он показывал, как она проявляется в поведении пациентов с навязчивостями (2a).

Анна Фрейд включила эту процедуру в число защитных механизмов *Я* (3); обычно именно ее в первую очередь описывают в психоаналитической литературе.

Заметим, что уничтожение некогда бывшего может осуществляться различными способами. Например, тот или иной поступок может уничтожаться прямо противоположным (так, "Человек с крысами" вновь кладет на дорогу камень, который он сам поначалу убрал, чтобы экипаж его подруги на него не наехал); один и тот же поступок может принимать — сознательно или бессознательно — прямо противоположные значения; сам акт уничтожения может быть искажен тем действием, которое должно быть устранено. Вот пример Фенихеля (4b), иллюстрирующий эти две последние возможности: человек, купивший газету, упрекает себя в мотовстве; он хочет возместить трату, потребовав деньги назад, но не осмеливается это сделать; он думает, что ему станет легче, если он купит другую газету, однако обнаруживает, что газетный киоск уже закрыт; тогда, достав нужную сумму денег, он бросает деньги на землю. Такие последовательности действий Фрейд называл "двухэтапными" симптомами: "За тем или иным действием, реализующим какое-то побуждение, немедленно следует другое действие, которое прекращает первое действие или даже осуществляет нечто ему противоположное" (2b).

Если рассматривать уничтожение некогда бывшего как один из защитных механизмов *Я*, возникает вопрос: можно ли считать "второй этап" лишь результатом защиты? Множество клинических

примеров опровергают прямолинейный ответ на этот вопрос. Фактически динамика влечений играет свою роль на обоих этапах, в особенности в форме амбивалентности* любовь — ненависть; подчас именно на втором этапе выявляется победа того или иного влечения. В примере Фенихеля симптом в целом складывается из совокупности действий.

Заметим, впрочем, что Фрейд (по крайней мере в тот период, когда защитные механизмы *Я* еще не были выдвинуты на первый план) говорил о защитных действиях лишь применительно к вторичным рационализациям, скрывающим реально действующие механизмы (1b).

Наконец, здесь можно выявить два подхода, которые, впрочем, противопоставляются лишь как два уровня истолкования или два уровня психического конфликта*. Первый подход подчеркивает конфликт между различными влечениями, сводящийся в конечном счете к амбивалентности любви и ненависти, а второй — конфликт между различными влечениями *Я*, которое может опираться на влечение, противоположное тому, что служит его защите.

*

Возникает вопрос, не свойствен ли этот механизм вполне распространенному нормальному поведению, при котором человек может отказаться от своих слов, восполнить нанесенный ущерб, оправдать того, кого ранее осуждал, ослабить значение мысли, высказывания или поступка предвосхищающим отрицанием (например, "не подумайте, что...") и пр.?

Однако во всех этих случаях речь идет об ослаблении или уничтожении значения, ценности или последствий какого-то поступка. Уничтожение бывшего (в патологическом смысле слова) направлено на саму *реальность* того поступка, который решительно устраняется, как если бы время было обратимо.

Подобное разграничение, конечно, несколько упрощенно: ведь субъект может опираться на прямо противоположные значения, даже в попытках устранить задним числом свой собственный поступок. Клинические данные свидетельствуют, однако, о том, что обсессивный больной не удовлетворяется работой по разгрузке* или противонагрузке*. Он стремится к невозможному — к устранению самого прошлого события (Geschehen) как такового.

(1) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. — a) G.W., VII, 414; S.E., X, 192; франц., 224. — b) Cf. G.W., VII, 414; S.E., X, 192; франц., 224.

(2) Freud (S.). a) Cf. G.W., XIV, 149—150; S.E., XX, 119—120; франц., 41—42. — b) G.W., XIV, 142; S.E., XX, 113; франц., 33.

(3) Cf. Freud (A.). Das Ich und die Abwehrmechanismen, 1936, ed. Imago, London, 1946, 36; Paris, P.U.F., 1949, 38—39.

(4) Ср., например: Fenichel (O.). The psychoanalytic Theory of Neurosis, Norton, N. Y., 1945, éd. fr., P.U.F., 1953. — a) Англ., 153—155; франц., 189—192. — b) Англ., 154; франц., 190—191.

ОТРЕАГИРОВАНИЕ

Нем.: Abreagieren. — Франц.: abréaction. — Англ.: abreaction. — Исп.: abreacción. — Итал.: abreazione. — Португ.: ab-reação.

◘ Эмоциональная разрядка и освобождение от аффекта*, связанного с воспоминанием о травмирующем событии, вследствие которого это воспоминание не становится патогенным или перестает им быть. Может быть искусственно вызвано в ходе психотерапии, особенно под гипнозом, и тогда оно приводит к катарсису*. Отреагирование может возникать и само собой, спустя более или менее долгое время после первоначальной травмы.

◘ Понятие отреагирования можно осмыслить лишь в рамках фрейдовской теории возникновения истерических симптомов, представленной в работе "О психическом механизме истерических феноменов" (Über psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene, 1893) (1a, α). Устойчивость аффекта, связанного с тем или иным воспоминанием, зависит от многих обстоятельств, главным образом от непосредственной реакции субъекта на данное событие. Эта *реакция* может быть спонтанной или осознанной и простираться от слез до мщения. Если эта реакция достаточно сильна, большая часть аффекта, связанного с событием, исчезает. Если же реакция подавлена (unterdrückt), аффект, связанный с воспоминанием, сохраняется.

Таким образом, отреагирование — это нормальный путь, на котором субъект освобождается от слишком сильного аффекта*. Однако, чтобы вызвать катарсис, эта реакция должна быть "адекватной".

Отреагирование может быть спонтанным, непосредственным ответом на событие, вследствие которого аффект ослабевает и воспоминание не приводит к патологии. Отреагирование может быть и вторичным, возникая под воздействием катартической психотерапии, позволяющей больному вспомнить и объективировать в слове травматическое событие и тем самым освободиться от того аффекта, который делал его патогенным. В 1895 г. Фрейд писал: "Человек находит замену действию в языке, и благодаря этой замене аффект может быть *отреагирован* почти столь же эффективно" (1b).

Сильное отреагирование — это не единственный способ, каким субъект может избавиться от воспоминания о травмирующем событии: воспоминание может быть включено в ассоциативный ряд, позволяющий исправить событие, поставить его на место. В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд иногда называл отреагированием процесс воспоминания, а также психическую обработку, позволяющую вновь пережить тот же самый аффект при воспоминании об изначально породивших его событиях (1c).

При отсутствии отреагирования представления, ставшие источником невротических симптомов, продолжают храниться в бессознательном в отрыве от обычного хода мыслей: "Представления, ставшие патогенными, сохраняют свою действенность, поскольку они не подверглись отреагированию и потому не могут включаться в свободные ассоциации" (1d).

Брейер и Фрейд стремились обнаружить условия, при которых субъект не способен к отреагированию. Некоторые из них связаны не столько с самим событием, сколько с психическим состоянием субъекта по поводу данного события — испугом, самогипнозом, гипноидным состоянием*; другие — с внешними (как правило, социальными) условиями, заставляющими субъекта сдерживать свои реакции; третьи — с событиями, о которых "..больной хотел бы забыть, затормозив, подавив, вытеснив их из сознания" (1e). Соответственно этим трем типам условий выявляются три типа истерии: гипноидная истерия*, неотреагированная истерия* и истерия защиты*. Однако вскоре после публикации "Исследований истерии" Фрейд отказался от вычленения первых двух типов истерии.

*

Отреагирование как условие психотерапевтической эффективности выходит на первый план в тот период деятельности Фрейда, который связан с катартическим методом. Однако понятие отреагирования сохраняется в концепции психоаналитической терапии в связи с конкретными фактами (присутствие в каждом психоаналитическом сеансе — в различной степени в зависимости от типа заболевания — эмоциональной разрядки), а также глубинной необходимостью учета не только *воспоминания*, но и *повторения*. Такие понятия, как трансфер*, проработка*, отыгрывание*, так или иначе предполагают теорию отреагирования и одновременно более сложную концепцию лечения, нежели просто устранение травмирующего аффекта.

α) Неологизм "abreagieren", по-видимому, был придуман Брейером и Фрейдом на основе глагола reagieren в переходном значении и приставки -ab, означающей, в частности, временную дистанцию, удаление, ослабление, подавление и пр.

(1) Breuer (J.). и Freud (S.). a) Cf. G.W., I, 81—89; S.E., II, 3—10; франц., 1—7. — b) G.W., I, 87; S.E., II, 8; франц., 5—6. — c) G.W., I, 223—224; S.E., II, 158; франц., 125. — d) G.W., I, 90; S.E., II, 11; франц., 8. — e) G.W., I, 89; S.E., II, 10; франц., 7.

ОТРИЦАНИЕ, ОТКАЗ

Нем.: Verneinung. — Франц.: (de)négation. — Англ.: negation. — Исп.: negación. — Итал.: negazione. — Португ.: negação.

○ Процедура, посредством которой субъект выражает одно из своих ранее вытесненных желаний, мыслей, чувств, продолжая искать от него защиты и отрицая, что это его собственное желание, мысль, чувство.

◘ Это понятие требует прежде всего некоторых терминологических пояснений.

1) В обыденном сознании носителя того или иного языка различные способы отрицания разграничены далеко не всегда, тем более не существует однозначных соответствий между выражениями отрицания в различных языках.

В немецком языке слово Verneinung обозначает не только отрицание в логическом или грамматическом смысле (глаголов neinen или beneinen не существует), но также отрицание или отказ в психологическом смысле слова (отказ от ранее сделанного мной или приписываемого мне утверждения, например: нет, я этого не говорил, я этого не думал). Слово verleugnen (или leugnen) близко к verneinen в этом втором смысле, оно означает: не признавать, отказываться, опровергать, отрекаться.

Во французском языке следует разграничивать négation как отрицание в грамматическом или логическом смысле и dénégation или déni как опровержение или отказ.

2) Фрейдовское употребление этого термина подтверждает важность разграничения смыслов verneinen и verleugnen. В своих последних работах Фрейд, как правило, обозначал словом Verleugnen отказ воспринимать внешние события. Учитывая специфику смысла фрейдовского Verleugnung, составители Standard Edition приняли решение переводить его как disavowal (1). В качестве французского варианта мы предлагаем déni (см. этот термин).

Что же касается перевода фрейдовского Verneinung, то здесь читатель, знакомый лишь с переводами, неизбежно потеряет игру смыслов отрицание — отказ. Быть может, именно на этой смысло-

вой неопределенности держится все богатство значений во фрейдовской статье об отрицании (Verneinung). При переводе мы не можем каждый раз делать точный выбор между "отрицанием" и "отказом".

Иногда у Фрейда встречается немецкий термин латинского происхождения Negation (2).

*

Фрейд выявил различные способы действий, связанных с отрицанием и отказом, в своем психотерапевтическом опыте. У пациентов-истериков он обнаружил особую форму сопротивления: "...чем глубже продвигается анализ, тем труднее пациенту признать возникающие при этом воспоминания, так что в непосредственной близости от ядра этих воспоминаний пациент принимается отрицать их в тот самый момент, когда они уже всплывают в памяти" (3). "Человек с крысами" — это хороший пример отрицания; в детстве он решил, что добьется любви знакомой девочки, если с ним случится какое-нибудь несчастье: "...ему пришла в голову мысль, что таким несчастьем могла бы стать смерть его отца. Решительно отвергнув эту мысль, он, однако, еще и поныне защищается от самого предположения, что таким путем он выразил свое "желание"; для него все это лишь "мыслительная ассоциация". Я спросил его, — пишет Фрейд: если все это вовсе не было вашим желанием, то почему вы немедленно бросаетесь его опровергать? — Так все дело в его содержании, в самой мысли о смерти моего отца» (4a). В ходе дальнейшего анализа выяснилось, что у пациента действительно было агрессивное желание, направленное на отца, так что "...первоначальное отрицание означало не отказ, а подтверждение, поначалу — косвенное" (4b).

Мысль о том, что осознание вытесненного часто выражается в процессе лечения через отрицание, составляет исходный момент фрейдовской статьи 1925 г. "Нет более сильного доказательства существования бессознательного, чем возражение пациента: "Я этого не думал" или "Я (никогда) так не думал"" (5a).

Отрицание сохраняет свой утвердительный смысл и тогда, когда оно направлено против предложенного аналитиком истолкования. Отсюда одно принципиальное возражение, на которое обратил внимание Фрейд. Так, в "Конструкциях в анализе" (Konstruktionen in der Analyse, 1937) Фрейд ставит вопрос: не означает ли это, что аналитик всегда оказывается прав? "Если пациент соглашается с нами, значит истолкование аналитика верно, а если возражает — это лишь знак сопротивления, свидетельствующий о том, что мы опять правы" (6a). Фрейд отвечает на это критическое замечание

уклончиво, побуждая аналитика искать подтверждения своему истолкованию в целостном контексте терапевтической ситуации и ее развитии (6b). Однако отрицание, по Фрейду, — это указание на тот момент, когда (в психоаналитической ситуации или за ее пределами) начинает всплывать бессознательная мысль или желание.

В "Отрицании" (Die Verneinung, 1925) Фрейд дал этому явлению четкое метапсихологическое объяснение, развивая три взаимосвязанных утверждения:

1) "отрицание это средство осознания вытесненного" [...];

2) "устраняется лишь одно следствие процесса вытеснения, а именно то, что содержание представления не имело доступа в сознание. Однако признание интеллектуального аспекта вытесненного никак не затрагивает самую его суть»;

3) "посредством символа отрицания мысль освобождается от ограничений, связанных с вытеснением..." (5b).

Это утверждение показывает, что для Фрейда отрицание, с которым имеет дело психоанализ, и отрицание в логико-лингвистическом смысле («символ отрицания») имеют общий источник; и это — основное положение его статьи.

(1) Cf. S.E., XIX, 143 n.

(2) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 285; S.E., XIV, 186; франц., 130.

(3) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 293; S.E., II, 289; франц., 234.

(4) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. — a) G.W., VII, 402; S.E., X, 178—179; франц., 214—215. — b) G.W., VII, 406, n.; S.E., X, 183, n.2; франц., 218, n. 1.

(5) Freud (S.). Die Verneinung, 1925. — a) G.W., XIV, 15; S.E., XIX, 239; франц., 177. — b) G.W., XIV, 12—13; S.E., XIX, 236; франц., 175.

(6) Freud (S.). a) G.W., XVI, 43; S.E., XXIII, 257. — b) CF. G.W., XVI, 49—52; S.E., XXIII, 262—265.

ОТРОСТОК БЕССОЗНАТЕ́ЛЬНОГО

Нем.: Abkömmling des Unbewussten. — Франц.: rejeton de l'inconcient. — Англ.: derivative of the unconscious. — Исп.: derivado del inconsciente. — Итал.: derivato del' inconscio. — Португ.: derivado или ramificação do inconsciente.

○ Термин, часто употребляемый Фрейдом в его динамической концепции бессознательного: бессознательное прорастает в сознание и действие и приносит плоды, мало похожие на себя самого. Эти порождения вытесненного, в свою очередь, требуют новых защитных мер.

□ Это выражение встречается прежде всего в метапсихологических

текстах 1915 г. Оно не обозначает какой-то конкретный определенный продукт бессознательного, но охватывает, например, симптомы, ассоциации, возникающие в ходе лечения (1a), фантазии (2).

Термин "отросток вытесненного представления" (1b) или просто "отросток вытесненного" (1c) связан с теорией двухэтапного вытеснения. То, что было вытеснено на первом этапе (первовытеснение*), стремится вновь вернуться в сознание, прорасти в него и потому подвергается второму вытеснению (или вытеснению в последействии).

Слово "отросток" подчеркивает важную черту бессознательного — его активность и давление на сознание.

(1) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) Cf. G.W., X, 251—252; S.E., XIV, 149—150; франц., 73—74. — b) G.W., X, 250; S.E., XIV, 148; франц., 71—72. — c) G.W., X, 251; S.E., XIV, 149; франц., 73.

(2) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 289; S.E., XIV, 190—191; франц., 137.

ОТЫГРЫВАНИЕ

Нем.: Agieren. — Франц.: mise en acte. — Англ.: acting out. — Исп.: actuar. — Итал.: agire. — Португ.: agir.

○ По Фрейду, ситуация, при которой субъект, находящийся во власти своих желаний и бессознательных фантазмов, переживает их в данный момент тем более сильно и живо, что он не осознает их источника и повторяемости.

◘ Фрейд неоднократно использовал термин Agieren (латинского происхождения) как глагол и как существительное. Этот термин не часто встречается в немецком языке. Когда речь идет о действии, о деянии, немецкий язык использует скорее термины die Tat, tun, die Wirkung и пр. Фрейд использует слово Agieren в переходном значении, так же как и Abreagieren (см.: Отреагирование): речь идет об "отыгрывании" влечений, фантазмов, желаний и пр.

Agieren почти всегда соотносится с erinnern (вспоминать): это два противоположных способа перенесения прошлого в будущее.

Фрейд столкнулся с этой противоположностью прежде всего в психоаналитической терапии, так что чаще всего он называет "отыгрыванием" повторение при трансфере: пациент "...отыгрывает [agiert] [...], а не рассказывает нам..." (1), однако "отыгрывание" выходит за рамки психоаналитического трансфера: " Мы должны, таким образом, быть готовы к навязчивым повторениям у пациента: он подменяет этим необходимость воспоминания не только в своем личном отношении к врачу, но также и в любом другом отношении, а также в деятельности, на которой он сосредоточен в данный

период жизни, — когда, например, в процессе психоаналитического лечения он выбирает объект любви, берет на себя выполнение определенной задачи или начинает какое-то дело" (2).

Слово Agieren, как, впрочем, и "отыгрывание", содержит в себе неясный момент, присущий концепции Фрейда в целом: оно не позволяет различить *актуализацию* в самом трансфере и обращение к *моторному действию*, вовсе не обязательно обусловленное трансфером (см.: Трансфер, Acting out). Так, не совсем понятно, почему Фрейд, изучая повторение при трансфере, так настаивал на метапсихологической концепции моторности, выдвинутой в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900): "...трансфер, а также психозы показывают нам, что [бессознательные желания] стремятся перейти из предсознания в сознание, чтобы управлять всей двигательной системой" (3).

(1) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 101; S.E., XXIII, 176; франц., 44.
(2) Freud (S.). Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914. G.W., X, 130; S.E., XII, 151; франц., 109.
(3) Freud (S.). G.W., II—III, 573; S.E., V, 567; франц., 465.

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПРОМАХИ

Нем.: Fehlleistung. — Франц.: acte manqué. — Англ.: parapraxis. — Исп.: acto fallido. — Итал.: atto mancato. — Португ.: ato falho или perturbado.

○ Действия, при которых вместо желаемого результата достигается другой. Так называют не простые обмолвки, промахи или провалы в памяти, а лишь действия, в которых субъект обычно способен достичь успеха, а неуспех склонен связывать с собственной невнимательностью или же считать делом случая.

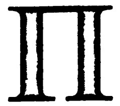
Фрейд показал, что неудачи как симптомы являются формой компромисса* между сознательным и вытесненным намерением субъекта.

□ По поводу теории ошибочных действий мы советуем читателю обратиться к "Психопатологии обыденной жизни" Фрейда (Zur Psychopathologie des Alltagslebens, 1901): из этой работы ясно, что промахи в каком-то смысле представляют собой как раз не ошибочные, а удавшиеся действия, поскольку в них, порой вполне очевидным образом, исполняется бессознательное желание.

Немецкое слово Fehlleistung (буквально — ошибочное действие) означает у Фрейда не только собственно действия в собственном смысле слова, но и любые промахи, будь то речевые оговорки или сбои в функционировании психики.

В немецком слове приставка "ver-" представляет общий знаменатель любых неудачных действий: ср. das Vergessen (забывание), das Versprechen (оговорка), das Verlesen (очитка), das Verschreiben (описка), das Vergreifen (упущение), das Verlieren (потеря) и т.д.

Заметим, что поначалу Фрейд не обозначал все эти маргинальные явления повседневной жизни одним словом и не объединял их в отдельную группу. Это понятие было рождено самой его теорией. Составители Standard Edition отмечают, что для обозначения этого понятия по-английски им пришлось самим придумать слово parapraxis. Французское выражение acte manqué, использованное при переводе "Психологии повседневной жизни", получило широкое распространение, но в нынешней психоаналитической практике во Франции оно обозначает лишь часть всей области Fehlleistung, а именно действия в собственном смысле слова.

ПАРА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Нем.: Gegensatzpaar. — Франц.: couple d'opposés. — Англ.: pair of opposites. — Исп.: par antitético. — Итал.: coppia d'opposti. — Португ.: par antitético.

◘ Термин, которым Фрейд часто обозначал наиболее важные, опорные оппозиции как на уровне психологии и психопатологии (например, садизм — мазохизм, вуайеризм — эксгибиционизм), так и на уровне метапсихологии (например, влечения к жизни — влечения к смерти).

◘ Это понятие появляется в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), где Фрейд стремится подчеркнуть фундаментальный характер некоторых извращений: "Мы утверждаем, что некоторые склонности к извращению предстают в виде *пар противоположностей*, что [...] имеет большое теоретическое значение" (1a). Так. изучение садизма, например, показывает, что преобладание садистских тенденций вызывает одновременно и мазохистское удовольствие; подобно этому, образуют пару вуайеризм и эксгибиционизм как активная и пассивная формы одного и того же частичного влечения*. Эти пары противоположностей, особенно заметные при извращениях, регулярно встречаются и в психоанализе неврозов (1b).

За всеми этими клиническими данными понятие пары противоположностей вырисовывается как постоянный элемент фрейдовской мысли, поскольку этот глубинный дуализм позволяет в конечном счете осмыслить сущность конфликта.

В какой бы форме ни проявлялся этот дуализм в различные периоды развития фрейдовского учения, мы постоянно сталкиваемся с такими понятиями, как «пара противоположностей», «противоположность» (Gegensätzlichkeit), «полярность» (Polarität) (2). Понятие пары противоположностей встречается не только на описательном уровне, но и на различных уровнях теоретического осмысления — в трех оппозициях, определяющих последовательность либидинальных установок субъекта (активный — пассивный, фаллический — кастрированный и мужской — женский), в понятии амбивалентности*, в паре понятий удовольствие — неудо-

вольствие и на более глубоком уровне — в дуализме влечений (любовь и голод, влечения к жизни и влечения к смерти).

Заметим, что эти парные понятия относятся к одному уровню, но несводимы друг к другу; они не порождают друг друга по диалектическому принципу, скорее эта пара противоположностей лежит в основе любого конфликта и выступает как движущая сила любой диалектики.

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 59; S.E., VII, 160; франц., 46. — b) Cf. G.W., V, 66—67; S.E., VII, 166—167; франц., 54—55.

(2) Cf. Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 226; S.E., XIV, 133; франц., 55 sqq.

ПАРАНОИДНЫЙ (прил.)

Нем.: paranoid. — Франц.: paranoïde. — Англ.: paranoid. — Исп.: paranoide. — Итал.: paranoide. — Португ.: paranóide.

См.: Установка параноидная и комментарий к статье "Паранойя".

ПАРАНОЙЯ

Нем.: Paranoia. — Франц.: paranoïa. — Англ.: paranoia. — Исп.: paranoia. — Итал.: paranoia. — Португ.: paranóia.

○ Хронический психоз, черты которого — более или менее систематический бред, увлечение интерпретаторством, сохранение умственных способностей; постепенного ухудшения психического состояния обычно не наблюдается.

Фрейд относит к паранойе не только бред преследования, но также эротоманию, бред ревности и манию величия.

□ "Паранойя" (греч.) — "безумие", расстройство разума. В психиатрии оно используется с давних времен. Запутанная история этого понятия излагается во многих пособиях по психиатрии, к которым мы и отсылаем читателя (1). Как известно, в немецкой психиатрии XIX в. понятие паранойи относилось ко всей совокупности бредовых состояний. В XX в. его смысл был уточнен, а область применения ограничена — прежде всего под влиянием Крепелина. Однако еще и в наши дни между различными школами сохраняются различия в применении этой нозологической категории.

Как представляется, психоанализ не оказал прямого воздействия на эволюцию этого понятия, однако он повлиял на нее косвенно,

внеся — через Блейлера — свой вклад в определение смежного с ним понятия шизофрении.

Читателю полезно будет проследить за тем, как фрейдовское понимание паранойи включилось в историческое развитие этого понятия. В переписке с В. Флиссом и в первых своих опубликованных работах Фрейд придерживался докрепелиновского подхода и представлял паранойю как весьма широкую клиническую категорию, в которую входит бо́льшая часть хронических бредовых состояний. В своих работах, опубликованных после 1911 г., Фрейд поддержал крепелиновское разграничение между паранойей и ранним слабоумием (dementia precox): " Я считаю подход Крепелина обоснованным: он взял многие признаки того, что раньше называлось паранойей, и, связав их с кататонией и другими формами [болезни], образовал новую клиническую единицу» (2а). Как известно, Крепелин признавал, наряду с гебефренической и кататонической формами раннего слабоумия, существование особой параноидной формы, для которой характерен бред, правда, мало систематизированный, сопровождающийся утратой эмоциональности и прогрессирующий до полного слабоумия. Приняв эту терминологию, Фрейд вынужден был изменить в одном из ранних своих сочинений диагноз «хроническая паранойя» на "параноидное слабоумие" (3).

Вслед за Крепелином, Фрейд никогда не относил состояния систематизированного бреда к раннему слабоумию, считая их паранойей: в эту рубрику входили, таким образом, не только бред преследования, но и эротомания, бред ревности и бред величия. Его подход четко отличен от позиции Блейлера, который включал паранойю в группу шизофрений, усматривая в них обеих одно и то же исходное нарушение — "диссоциацию" (4) (см.: Шизофрения). Этот подход и поныне преобладает в американских психиатрических школах, ориентированных на психоанализ.

В подходе Фрейда есть свои тонкости. Хотя он неоднократно стремился разграничить паранойю и шизофрению по способам фиксаций и свойствам механизмов, но тем не менее вынужден был признать, что "... параноидные и шизофренические симптомы могут соединяться в самых разных пропорциях" (2b), и предлагал генетический подход к объяснению этих сложных структур. Если взять за точку отсчета введенное Крепелином различие, позиция Фрейда окажется противоположной позиции Блейлера. Крепелин четко различал паранойю, с одной стороны, и параноидную форму раннего слабоумия — с другой; Блейлер считал паранойю разновидностью раннего слабоумия или же включал ее в группу шизофрений; что касается Фрейда, тот он был вполне готов ввести так называемые параноидные формы раннего слабоумия в состав

паранойи, преимущественно потому, что для него "систематичность" бреда не была надежным критерием паранойи. Судя по анализу случая Шребера (ср. заглавие этой работы), Фрейд, по сути, трактовал этот случай "параноидного слабоумия" как "паранойю".

Мы не будем здесь излагать фрейдовскую теорию паранойи. Укажем лишь, что паранойя выступает в психоанализе — независимо от тех или иных конкретных разновидностей бреда — как защита от гомосексуальности (2c,5,6). Само наличие этого механизма при состояниях параноидного бреда Фрейд считал главным основанием для диагноза паранойи, даже если бред был несистематизированным.

Подход М.Кляйн, хотя и на других основаниях, близок этому фрейдовскому поиску общего основания параноидной шизофрении и паранойи: он дает свое объяснение двусмысленности термина "параноидная установка*". По М.Кляйн, "параноидная установка" строится на фантазме преследования со стороны "плохих" частичных объектов, причем этот фантазм обнаруживается как при параноидных, так и при паранояльных бредовых состояниях.

(1) Ср., например: Ey (H.). Groupe des psychoses schizophréniques et des psychoses délirantes chroniques, 37281 A 10, 1955. — Ey (H.) et Pujol (R.). Groupe des délires chroniques: III. Les grands types de personnalités délirantes, 1955, 37299 C 10 (обе эти статьи см. в: Ey, Encyclopédie médico-chirurgicale, Psychiatrie). — Porot (A.). Manuel alphabétique de psychiatrie (статья "Паранойя"), Paris, P.U.F., 1960.

(2) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. — a) G.W., VIII, 312; S.E., XII, 75; франц., 318. — b) G.W., VIII, 314; S.E., XII, 77; франц., 320. — c) Cf. G.W., VIII, 295—302; S.E., XII, 59—65; франц., 304—310.

(3) Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896. G.W., I, 392; n.; S.E., III, 174 n.

(4) Bleuler (E.). Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenien, Leipzig und Wien, 1911. Passim.

(5) Cf.Freud (S.). Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia, 1915. G.W., X, 234—246; S.E., XIV, 263—72; франц. In: R.F.P., 1935, VIII, 2—11.

(6) Cf. Freud (S.). Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität, 1922. G.W., XIII, 192—204; S.E., XVIII, 225—230; франц. In: R.F.P., 1932, V, 393—398.

ПАРАФРЕНИЯ

Нем.: Paraphrenie. — Франц.: paraphrénie. — Англ.: paraphrenia. — Исп.: parafrenia. — Итал.: parafrenia. — Португ.: parafrenia.

○ А) Термин Крепелина, обозначающий хронические бредовые психозы, которые, подобно паранойе, не сопровождаются снижением умственных способностей и не приводят к слабоумию, но, подобно

шизофрении, изобилуют плохо систематизированными бредами, основанными на галлюцинациях и выдумках.

Б) Термин Фрейда, обозначающий либо шизофрению («парафрения в узком смысле слова»), либо шизофрению и паранойю вместе взятые.

В наши дни общепринятым является крепелиновское значение термина.

◘ Крепелин предложил термин "парафрения" раньше Фрейда (между 1900 и 1907 гг.). Его нозологическая концепция парафрении, ныне ставшая общепринятой, излагается во многих книгах по психиатрии.

Фрейд использовал это понятие совершенно иначе. Он предпочитал терминам "раннее слабоумие" и "шизофрения"* термин "парафрения", строившийся на иных допущениях относительно основного механизма болезни, хотя сходство терминов "парафрения" и "паранойя" подчеркивало сходство самих этих расстройств (1).

Во "Введении в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд вновь обратился к термину "парафрения" в более широком его значении (паранойя и шизофрения вместе взятые), продолжая, однако, называть шизофрению "парафренией в собственном смысле слова" (eigentliche Paraphrenie) (2).

Вскоре, видимо вследствие успеха блейлеровского термина "шизофрения", Фрейд отказался от этого терминологического новшества.

(1) Cf. Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. G.W., VIII, 312—313; S.E., XII, 75; франц., 319.

(2) Cf. Freud (S.). G.W., X, 138—170; S.E., XIV, 73—102.

ПЕРВОВЫТЕСНЕНИЕ

Нем.: Urverdrängung. — Франц.: refoulement originaire. — Англ.: primal repression. — Исп.: represión primitiva или originaria. — Итал.: rimozione originaria или primaria. — Португ.: recalque (или recalcamento) primitivo или originário.

○ По Фрейду, первый этап вытеснения. В результате этого процесса возникает определенное количество бессознательных представлений, или "первовытесненное". Возникшие таким образом бессознательные ядра участвуют затем в процессе вытеснения в собственном смысле слова, притягивая к себе подлежащие вытеснению содержания, тогда как вышестоящие инстанции, напротив, отталкивают их.

◘ Мы предпочли переводить на русский язык немецкую приставку "Ur" корневым элементом "перво-": он же встречается и в других фрейдовских терминах, например Urphantasie (первофантазия, первофантазм*), Urszene (первосцена*).

Хотя понятие первовытеснения далеко от ясности, оно выступает как одна из важнейших составных частей фрейдовской теории вытеснения и постоянно встречается у Фрейда начиная со случая Шребера. О наличии первовытеснения можно судить прежде всего по его последствиям. По Фрейду, представление не может быть вытеснено, если оно не подвергается одновременно двоякого рода воздействиям: отталкиванию со стороны вышестоящих инстанций и притяжению со стороны уже погрузившихся в бессознательное содержаний. Все это, однако, не позволяет объяснить наличие в бессознательном таких образований, которые не были объектом притягивающего воздействия других образований: отсюда та роль, которая приписывается "первовытеснению" в отличие от собственно вытеснения или вытеснения в последействии (Nachdrängen). В 1926 г. Фрейд заявил, что наши знания о первовытеснении очень ограниченны (1а). Из фрейдовских гипотез можно, однако, сделать несколько выводов (α).

1) Между первоначальным вытеснением и фиксацией* существуют тесные отношения. В исследовании случая Шребера первая стадия вытеснения описывается как фиксация (2). Если в этом тексте фиксация рассматривается как "задержка развития", то в других случаях этот термин имеет менее узкий генетический смысл и обозначает не только фиксацию на определенной либидинальной стадии, но также фиксацию влечения на представлении и "запись" (Niederschrift) этого представления в бессознательном: " У нас есть основания предполагать существование первовытеснения как первой стадии вытеснения, заключающейся в том, что психический репрезентатор (представление как репрезентатор влечения) не получает доступа в сознание. Это и порождает фиксацию: данный репрезентатор остается неизменным, а влечение сохраняет свою связь с ним" (3).

2) Хотя первовытеснение лежит в основе первых бессознательных образований, его механизм невозможно объяснить ни нагрузкой* бессознательного, ни разгрузкой* системы предсознание — сознание, но лишь противонагрузкой*. "Именно [противонагрузка] есть та постоянная растрата, которая происходит при первовытеснении, обеспечивая его постоянство. Противонагрузка — это единственный механизм первоначального вытеснения: при вытеснении в собственном смысле слова (или, иначе, вытеснении в последействии) к нему добавляется также разгрузка предсознания" (4).

3) Природа этой противонагрузки остается неясной. По Фрейду,

маловероятно, чтобы она была связана со *Сверх-Я,* которое формируется позже первовытеснения. Быть может, ее истоки следует искать в очень сильных архаических переживаниях. "Весьма вероятно, что непосредственными побуждающими причинами первовытеснений были такие количественные факторы, как слишком большой напор возбуждений или прорыв защиты от возбуждений (Reizschutz)" (1b).

α) Попытка истолковать понятие первоначального вытеснения содержится в работе Ж.Лапланша и С.Леклера "Бессознательное" (Les temps Modernes, 1961, XVII, n. 183).

(1) Freud (S). Hemmung, Symptom und Angst, 1926.— a) Cf. G.W., XIV, 121; S.F., XX, 94; франц., 10.— b) G.W., XIV, 121; S.E., XX, 94; франц., 10.

(2) Cf. Freud (S.). Psychoanalytishe Bemerkungen über einen autobigraphisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. G.W., VIII, 303—304; S.E., XII, 67; франц., 311.

(3) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 250; S.E., XIV, 148; франц., 71.

(4) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 280; S.E., XIV, 181; франц., 120.

ПЕРВОСЦЕНА

Нем.: Urszene. — Франц.: scène originaire. — Англ.: primal scene. — Исп.: escena primitiva или originaria или protoescena — Итал.: scena originaria или primaria. — Португ.: cena primitiva или originária или protoscena.

◘ Сцена сексуальных отношений между родителями, наблюдаемая или воображаемая ребенком на основе каких-то признаков. Обычно ребенок истолковывает эту сцену как акт насилия со стороны отца.

◘ Термин Urszenen (первоначальные или первичные сцены) впервые появляется во фрейдовской рукописи, датированной 1897 г. (1) для обозначения травматического детского опыта, построенного в виде отдельных сценариев или сцен (см.: Фантазия, фантазм); в этот период Фрейд еще не придавал особого значения сценам с родительским коитусом.

В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) речь не идет о первосцене как таковой, хотя Фрейд подчеркивал, что зрелище родительского коитуса порождает у ребенка чувство страха: "Я нашел объяснение этому страху: он связан с сексуальным возбуждением; ребенок не способен ни совладать с ним, ни понять его и, конечно, пытается самоустраниться из сцены, в которой участвуют его родители" (2).

Психоаналитический опыт заставил Фрейда придать большее значение сцене, где ребенок выступает как свидетель сексуальных отношений между родителями: эта сцена "редко отсутствует в

запаснике бессознательных фантазмов, она всегда присутствует у невротиков и, быть может, у всех детей вообще" (3). Сцена эта входит в набор так называемых "первофантазий" (Urphantasien). Зрелище родительского коитуса описано Фрейдом и названо "первосценой" лишь в "Человеке с волками" (Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918). Изучая этот случай, Фрейд выявил различные аспекты первосцены: ребенок видит в коитусе агрессию со стороны отца при отношениях садомазохистского типа; он испытывает одновременно и сексуальное возбуждение, и страх кастрации и истолковывает эту сцену в духе детской сексуальной теории как анальный коитус.

По мнению Рут Мак Брунсвик, "...детское понимание родительского коитуса и интерес ребенка к нему основаны на его собственном доэдиповском опыте телесных отношений с матерью и связанных с ним желаний" (4).

Следует ли видеть в первосцене воспоминание о действительно пережитом событии или чистую фантазию ребенка? Этот вопрос стал предметом собственных размышлений Фрейда, его споров с Юнгом; он неоднократно возникал по поводу «Человека с волками». Ответы Фрейда на этот вопрос, при всем их разнообразии, располагаются где-то между двумя крайними полюсами. В первой редакции "Человека с волками"(1914) Фрейд стремился доказать реальность первосцены и подчеркивал, что ее понимание и истолкование у ребенка обусловливается механизмом последействия* (nachträglich). С другой стороны, он подчеркивал в первосцене все то, что обусловливалось ретроспективным фантазированием (Zurückphantasieren), утверждая, однако, что реальность (звуки, шумы, коитус у животных и т.д.) дает здесь по крайней мере ключ к разгадке (5).

Помимо участия в спорах о реальных и воображаемых элементах первосцены, Фрейд — прежде всего в противоположность Юнгу — настаивал на том, что эта сцена, в онтогенетическом и филогенетическом смысле, принадлежит прошлому индивида — как событие, возможно мифическое, но *всегда уже* присутствовавшее в человеческой психике до того, как механизмы последействия наделили его значением.

(1) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 210; англ., 197; франц., 174.

(2) Freud (S.). G.W., II—III, 591; S.E., V, 585; франц., 478.

(3) Freud (S.). Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia, 1915. G.W., X, 242; S.E., XIV, 269; франц., 8.

(4) Mack Brunswick (R.). The Preœdipal Phase of the Libido Development, 1940. In: The Psycho-Analytic Reader, 1950, 247.

(5) Cf. Freud (S.). G.W., XII, 137, n.; S.E., XVII, 103, n.; франц., 404, n.

ПЕРВОФАНТАЗИИ, ПЕРВОФАНТАЗМЫ

Нем.: Urphantasien. — Франц.: fantasmes originaires. — Англ.: primal phantasies. — Исп.: protofantasías. — Итал.: fantasmi (или fantasie) originari(e), primari(e). — Португ.: protofantasias, или fantasias primitivas, или originárias.

○ Типичные фантастические структуры (внутриутробная жизнь, первосцена, кастрация, соблазнение), которые, с точки зрения психоанализа, организуют всю жизнь воображения независимо от личного опыта субъектов; универсальность этих фантазий объясняется, по Фрейду, тем фактом, что они образуют филогенетически передаваемое наследие.

◘ Термин Urphantasien появился у Фрейда в 1915 г.: "Я называю такие фантазии — половой акт между родителями, соблазнение, кастрацию и пр. — первофантазиями" (1). Эти первофантазии встречаются очень часто, хотя указать в каждом конкретном случае на события, действительно пережитые индивидом, невозможно. Следовательно, считает Фрейд, лишь филогенетическое объяснение может раскрыть их право на реальность, показывая, например, что кастрация действительно осуществлялась отцом в незапамятном прошлом человечества. "Возможно, что все фантазии, о которых нам ныне рассказывают при анализе[...], некогда, в первоначальный период существования человеческой семьи, были реальностью, что фантазии ребенка лишь заполняют пробелы в индивидуальной истине посредством доисторической истины" (2). Иначе говоря, то, что в предыстории было фактической реальностью, превратилось в психическую реальность*.

Понять, что именно Фрейд имеет в виду под первофантазиями, нелегко, если рассматривать их в отдельности: это понятие возникло в результате долгих споров о тех изначальных факторах, которые психоанализ должен выявить в истоках невроза и шире — в фантазиях каждого индивида.

Поначалу Фрейд принялся искать реальные архаические события, способные стать конечным обоснованием невротических симптомов. Те реальные травмирующие события, память о которых подвергалась обработке и маскировалась фантазиями, он называл «первосценами» (Unszenen). Одна из этих сцен предстала в психоанализе как "первосцена" (Urszene): это зрелище родительского коитуса, при котором как бы присутствовал ребенок (см.: Первосцена). Обратим внимание на то, что эти изначальные события называются именно *сценами*: Фрейд сразу же попытался выявить среди них определенное число типичных сценариев (3).

Здесь не место прослеживать всю линию развития фрейдовской мысли, устремившейся от реалистической концепции "первосцен"

к понятию "первофантазии": одновременно с этим происходила разработка фантазирования как психоаналитического понятия. Было бы упрощением полагать, будто Фрейд просто-напросто отказался от своей первой концепции, объяснявшей происхождение неврозов детскими травмами, в пользу теории, где фантазия — предшественница симптома — не свидетельствует ни о какой другой реальности, кроме воображаемой жизни влечений, главные тенденции которой биологически предопределены. С самого начала психоанализ наделяет мир фантазий внутренней связностью, упорядоченностью и действенностью, и все эти смыслы присутствуют в понятии "психическая реальность".

В 1907—1909 гг. Фрейд много работал над проблемой фантазии и в полной мере осознал его бессознательную действенность. Стало ясно, например, что именно фантазии лежат в основе истерических приступов, которые, в свою очередь, выступают как их символическое выражение. Фрейд стремился выявить типические последовательности событий, воображаемые сценарии (семейный роман*) или теоретические конструкции (детские сексуальные теории), посредством которых невротик, а быть может и "любое человеческое дитя", стремится разгадать главные загадки своего существования.

Заслуживает внимания тот факт, что полное признание фантазии независимой, доступной исследованию, внутренне связной реальностью не закрыло от Фрейда проблемы происхождения такой фантазии. Самым ярким подтверждением этого стал анализ "Человека с волками". Здесь Фрейд стремился восстановить реальность зрелища родительского коитуса во всех его мельчайших подробностях. И когда его рассуждения были поколеблены Юнгом, считавшим подобные сцены лишь ретроспективными фантазиями взрослого человека, Фрейд тем не менее настаивал, что в восприятии ребенка было нечто такое, что предопределило именно такой путь фантазирования, а главное — ввел само понятие первофантазии. В этом понятии воссоединились два требования: первое — выявить то, что можно было бы назвать краеугольным камнем события (причем, если окажется, что это событие из-за множества последующих отражений и преломлений потеряло в истории индивида четкость, нужно будет подняться выше к истокам истории человеческого рода), второе — обосновать структуру фантазии чем-то отличным от этого события. Иногда эти требования приводили Фрейда к мысли о том, что досубъектные структуры важнее индивидуального опыта: "Когда опыт не укладывается в унаследованную схему, воображение его перекраивает [...]. Но как раз такие случаи и убеждают нас в независимом существовании этой схемы. Нередко мы видим, как схема одерживает верх над индивидуальным опытом:

например, в нашем случае [Человек с волками] отец мальчика воплощает угрозу кастрации и утраты детской сексуальности, несмотря на то что в других отношениях перед нами здесь Эдипов комплекс наизнанку. Противоречия между опытом и схемой дают огромный материал, связанный с детскими конфликтами" (4).

При рассмотрении тем, связанных с первофантазиями (первосцена*, кастрация*, соблазнение*), нас поражает их общий признак — все они связаны с первоначалами. Подобно коллективным мифам, они призваны дать общее представление, а также "решение" главных проблем, стоящих перед ребенком. Какая бы реальность ни возникала перед субъектом, требуя объяснения или "теории", эти фантазии драматизируют ее, доводят ее до изначального момента, до исходной точки истории. Так, в "первосцене" образно представлено возникновение субъекта, в фантазии соблазнения — возникновение сексуальности, в фантазии кастрации — происхождение различий между полами.

Заметим, наконец, что понятие первофантазии занимает центральное место в психоаналитическом опыте и теории. Какие бы сомнения ни вызывала у нас теория генетического наследования фантазий, по-видимому (α), нет оснований отвергать мысль о существовании особых структур, несводимых к случайностям индивидуального опыта.

α) В статье "Первофантазм, фантазм первоначала, первоначало фантазма" мы предложили (5) свое истолкование фрейдовского понятия первофантазии. Необходимо сопоставить всеобщность этих структур со всеобщностью Эдипова комплекса в его фрейдовском понимании: "Содержание сексуальной жизни ребенка определяется преобладанием автоэротических сексуальных побуждений, следами объектной любви и построением того, что можно было бы назвать *ядерным комплексом невроза* [...]. Единообразное содержание сексуальной жизни детей и устойчивость тех тенденций, которые впоследствии ее изменяют, позволяют объяснить постоянство детских фантазий независимо от роли реального жизненного опыта. Для ядерного комплекса детских фантазий характерно представление об отце как сексуальном противнике, вторгающемся в автоэротическую сексуальную деятельность, причем реальность в немалой степени подтверждает это представление" (6).

(1) Freud (S.). Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia, 1915. G.W., X, 242; S.E., XIV, 269; франц., 8.

(2) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917. G.W., XI, 386; S.E., XVI, 371; франц., 399.

(3) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, Manuscript M, 1897. Нем., 215—219; англ., 202—205; франц., 179—182.

(4) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 155; S.E., XVII, 119—120; франц., 48—49.

(5) Cf. Laplanche (J.). и Pontalis (J.-B.). In: Les Temps modernes, 1964, n. 215, p. 1833—1868.

(6) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. G.W., VII, 428, n.; S.E., X, 207—208, n.; франц., 234 n.

ПЛАСТИЧНОСТЬ ЛИБИДО

Нем.: Plasticität der Libido. — Франц.: plasticité de la libido. — Англ.: plasticity of the libido. — Исп.: plasticidad de la libido.— Итал.: plasticità della libido. — Португ.: plasticidade da libido.

◘ Способность либидо более или менее легко менять свой объект и способ удовлетворения.

◘ Пластичность (или свободная подвижность, freie Bewegung) — это свойство, противоположное *вязкости**. Читателю стоит обратить внимание на наши пояснения к термину "вязкость", который встречается у Фрейда чаще, чем термин "пластичность". Выражение "пластичность либидо" иллюстрирует важную для психоанализа мысль о том, что отношение либидо к его объектам* относительно неопределенно и всегда может изменяться.

То же относится и к пластичности целей*: неудовлетворение того или иного частичного влечения компенсируется удовлетворением какого-то другого влечения или же сублимацией. Сексуальные влечения "...могут взаимозаменяться, взаимоусиливаться; когда реальность не допускает удовлетворения одного из них, это может компенсироваться удовлетворением другого. Они похожи на сеть таких сообщающихся каналов, в которых вода свободно поступает из одного в другой [...]" (1).

Пластичность может меняться с возрастом и зависит от индивидуальной истории и пр. Она имеет важное значение для прогнозирования психоаналитического лечения, поскольку способность к исцелению, согласно Фрейду, зависит от способности к изменению либидинальных нагрузок.

(1) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917. G.W., XI, 358; S.E., XVI, 345; франц., 371.

ПОВТОРЕНИЕ

Нем.: Wiederholung. — Франц.: répétition. — Англ.: repetition. — Исп.: repetición. — Итал.: ripetizione. — Португ.: repeticão.

См.: Навязчивое повторение.

ПОГРАНИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Нем.: Grenzfall. — Франц.: cas-limite. — Англ.: borderline case. — Исп.: caso limítrofe. — Итал.: caso limite. — Португ.: caso limítrofe.

◘ Термин для обозначения психопатологических расстройств,

занимающих промежуточное положение между неврозом и психозом, прежде всего скрытой шизофрении с симптомами невротического поведения.

◘ Понятие пограничного случая не имеет четкого классификационного значения. Различия в его использовании свидетельствуют о том, что эта область лишена ясных очертаний. В зависимости от подхода в это понятие включали психопатию, извращения, преступное поведение, сложные случаи невроза характера. Однако чаще всего это понятие обозначает шизофрению с невротическими симптомами.

Распространение психоанализа сыграло свою роль в выявлении "пограничных случаев". Психоанализ помог обнаружить психотическую структуру даже в тех случаях, которые раньше рассматривались как чисто невротические расстройства. В теории обычно считается, что в этих случаях невротические симптомы выполняют роль защиты от психоза.

ПОДАВЛЕНИЕ

Нем.: Unterdrückung. — Франц.: répression. — Англ.: suppressiyon. — Исп.: supreción. — Итал.: repressione. — Португ.: supressão.

● А) В широком смысле слова — психическая операция, направленная на устранение из сознания неприятного или неуместного содержания идеи, аффекта и т.д. В этом смысле вытеснение выступает как особый вид подавления.

Б) В более узком смысле слова — некоторые операции в смысле А, отличные от вытеснения:

а) либо осознанностью действия, в силу чего подавленное содержание становится лишь предсознательным, а не бессознательным;

б) либо, в случае подавления аффекта, отсутствием переноса в бессознательное, но лишь его торможением, приостановкой.

В) В некоторых текстах, переведенных с английского, по ошибке отождествляется с вытеснением (Verdrängung).

◘ Хотя термин "подавление" часто используется в психоанализе, его значение четко не определено.

[...]

Подавление в смысле А иногда встречается у Фрейда, например, в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905)(1), однако таких случаев очень немного. Заметим, что этот смысл не распространяется на всю совокупность

"защитных механизмов", поскольку некоторые из них не предполагают вывода того или иного содержания за пределы сознания (ср. отмена некогда бывшего*).

Чаще всего начиная с "Толкования сновидений"(1900)(2) слово "подавление" имеет смысл, обозначенный в Б, особенно в Ба. Здесь подавление противопоставляется, прежде всего на уровне топики, вытеснению*. При вытеснении бессознательными оказываются сама вытесняющая инстанция *(Я)*, ее действие и результат. Подавление, напротив, выступает как механизм работы сознания на уровне "второй цензуры", расположенной, по Фрейду, между сознанием и предсознанием; речь идет об исключении какого-то психического содержания из области сознания, а вовсе не о его переносе из одной системы (предсознание — сознание) в другую (бессознательное). С точки зрения динамики, ведущую роль в подавлении играют этические мотивы.

Подавление нужно отличать от осуждения* (Verurteilung), при котором выталкивание психических содержаний за пределы сознания возможно, но не необходимо.

Наконец, слово "подавление" в смысле Бб используется прежде всего во фрейдовской теории вытеснения для обозначения судьбы аффекта. У Фрейда вытеснению подвергается лишь представление как репрезентатор влечения*; что же касается аффекта, то он не способен стать бессознательным: он либо преобразуется в другой аффект, либо подавляется, так что "от него не остается и следа"(3), причем "все, что соответствует ему [в бессознательной системе], остается лишь неразвившимся зародышем [...]" (4).

(1) Cf. Freud (S.). G.W., V, 71 и 77; S.E., VII, 172—176; франц., 61—62 и 69.

(2) Freud (S.). G.W., II—III, 611—612, сноска; S.E., V, 606, сноска; франц., 494, сноска.

(3) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 255—256; S.E., XIV, 153; франц., 81.

(4) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 277. S.E., XIV, 178; франц., 115.

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, ПОДСОЗНАНИЕ

Нем.: Unterbewusste, Unterbewusstsein. — Франц.: subconscient или subconscience. — Англ.: subconscious, subconsciousness. — Исп.: subconsciente, subconsciencia. — Итал.: subconscio. — Португ.: subconsciente, subconsciência.

○ Психологический термин, обозначающий то, что слабо осознается, ибо лежит за порогом актуального сознания или вообще ему недоступно. В своих ранних сочинениях Фрейд употреблял этот термин как синоним бессознательного, но вскоре отказался от него во избежание двусмысленностей.

◘ Тексты, в которых "молодой Фрейд" использовал термин "подсознательное" (довольно распространенный в психологии и психопатологии конца XIX в., особенно в связи с явлениями "раздвоения личности"), встречаются редко (α). Это понятие употребляется в статье, опубликованной Фрейдом по-французски "Некоторые соображения к сравнительному изучению двигательных параличей органического и истерического происхождения"(1893), и в отрывке из "Исследований истерии" (Studien über Hysterie, 1895) (1, β). Судя по контексту, Фрейд в этот период не проводил различия между "подсознательным" и тем, что уже встречалось под именем бессознательного.

Вскоре термин "подсознательное" выходит из употребления, а его использование подвергается критике. "Нам следует избегать, — пишет Фрейд в «Толковании сновидений» (Die Traumdeutung,1900), — разграничения между сверхсознанием и подсознанием, столь распространенного в современной литературе о психоневрозах, поскольку это разграничение предполагает равнозначность психики и сознания» (2).

Эта критика повторяется неоднократно, резче всего — в отрывке из "Вопроса о непрофессиональном анализе" (Die Frage der Laienanalyse,1926): «Когда говорят о подсознании, неясно, имеется ли в виду подсознание как один из уровней топики — душевные содержания, лежащие ниже уровня сознания,— или же подсознание в качественном смысле — другое сознание или подземное сознание» (3, γ).

Фрейд отвергает понятие "подсознание", предполагающее, как ему кажется, "второе сознание", качественно совместимое, хотя бы отчасти, с сознательными явлениями. По Фрейду, лишь понятие бессознательного, несущее в себе отрицание, способно выразить одновременно разрыв между двумя областями психики на уровне топики и качественное различие между происходящими в них процессами (δ). Наиболее сильный довод против понятия второго сознания определяется своеобразием психоаналитического исследования: "Часть процессов обладает рядом особенностей, которые представляются нам чуждыми, невероятными и прямо противоположны известным нам свойствам сознания" (4).

α) Понятие подсознательного занимает ведущее место в концепции Пьера Жане. Именно против Жане, по-видимому, направлена критика понятия подсознания у Фрейда, хотя в ней вряд ли можно видеть убедительное опровержение концепции Жане. Различие между понятием "подсознательное" у Жане и понятием "бессознательное" у Фрейда основано не столько на признаке отнесенности к сознанию, сколько на понимании природы процессов, порождающих "расщепление" психики.

β) Чаще всего он принадлежит Брейеру.

γ) Неопределенность термина "подсознательное", отчасти связанная с его приставкой, обнаруживается и в определении из Словаря философских терминов

Лаланда, где одновременно предложены две трактовки: "слабо осознанный" и «не осознающий себя".

δ) Впрочем, некоторые авторы, заявляющие о своей приверженности психоанализу, предпочитают понятие подсознательного понятию бессознательного.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., I, 54, 122, n.; S.E., I, в особенности: II, 69, n.; франц., 53, n.

(2) Freud (S.). G.W., II—III, 620; S.E., V, 615; франц., 500.

(3) Freud (S.). G.W., XIV, 225; S.E., XX, 198; франц., 144.

(4) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 269; S.E., XIV, 170; франц., 100—101.

ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ

Нем..: Nachträglichkeit (subst.), nachträglich (adj. и adv.). — Франц.: après-coup (subst.m., adj.и adv.). — Англ. — differed action, differed (adj.). — Исп.: posterioridad, posterior, posteriormente. — Итал.: posteriore (прил.), posteriormente (нареч.). — Порт.: posterioridade, posterior, posteriormente.

◘ Термин Фрейда, связанный с его представлениями о психическом времени и причинности: формы опыта, впечатления, мнесические следы*, — все это со временем перестраивается в зависимости от нового опыта на новой ступени развития. Тогда эти формы могут приобретать новый смысл и новую психическую действенность.

◘ Фрейд употребляет термин nachträglich постоянно и последовательно, нередко выделяя его курсивом. Уже очень рано у Фрейда встречается и субстантивная форма Nachträglichkeit. Все это свидетельствует о том, что, хотя Фрейд не дает ни определения, ни общей теории последействия, понятие последействия было частью его концептуального аппарата. Значение этого понятия подчеркнул Жак Лакан, и в этом его заслуга. К сожалению, из-за отсутствия единого эквивалента этого термина проследить его использование в английских и французских переводах Фрейда невозможно.

Не пытаясь построить теорию последействия, постараемся здесь вкратце очертить смысл и место этого понятия в контексте фрейдовской трактовки психического времени и причинности.

1) Прежде всего это понятие исключает такие упрощенные истолкования, которые сводят психоаналитическое понимание истории субъекта к линейному детерминизму воздействий прошлого на настоящее. Психоанализ нередко упрекали в том, что он сводит всю совокупность человеческих желаний и поступков к прошлому, к детству, причем полагали, что эта тенденция усилилась с развитием психоанализа: устремляясь все глубже в прошлое, психоаналитики приходят в итоге к утверждению, что вся человеческая

судьба определяется уже в самые первые месяцы жизни и чуть ли не во чреве матери...

Фрейд с самого начала указывал, что субъект перерабатывает прошлые события в последействии и что именно эта переделка сообщает им смысл, действенность или даже патогенную силу. 6.12.1896 Фрейд писал В.Флиссу: "... сейчас я разрабатываю гипотезу, согласно которой наш психический механизм складывался послойно: материал, образующий мнесические следы, время от времени, в зависимости от обстоятельств, подвергался *перестройке и перезаписи*" (1а).

2) Эта мысль может привести к точке зрения, согласно которой все постигаемые психоанализом явления во многом обусловлены ретроспективной иллюзией. Именно это имел в виду Юнг, говоря о ретроспективном фантазировании (Zürückphantasieren): по Юнгу, взрослый человек истолковывает прошлое в фантазиях, представляющих собою не что иное, как символическое выражение его нынешних проблем. При таком подходе переистолкование выступает для субъекта как способ укрыться от насущных "запросов реальности" в воображаемом прошлом.

Существуют подходы, связывающие последействие с концепцией временности, которая вышла на передний план в философии и была подхвачена различными направлениями экзистенциального психоанализа: сознание строит свое прошлое, постоянно перекраивая его смысл в соответствии со своим "проектом".

*

Фрейдовская концепция последействия представляется гораздо более строгой. Для нее характерны следующие моменты:

1) механизму последействия подчиняется обычно не переживаемый опыт как таковой, но скорее то в этом опыте, что в момент переживания не могло быть полностью включено в значимый контекст. Прообразом такого переживания выступает травмирующее событие.

2) Механизм последействия может начать функционировать под влиянием новых событий или ситуаций, а также в связи с наступлением биологической зрелости, позволяющей субъекту, переработав свой прежний опыт, добраться до новых смыслов.

3) Последействию весьма способствует неравномерность развития человеческой сексуальности.

Все это можно проиллюстрировать многими примерами использования слова nachträglich у Фрейда. Особенно наглядными представляются нам два текста.

В "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) Фрейд, изучая вытеснение при истерии, ставит вопрос: почему вытеснение затрагивает прежде всего именно сексуальность? На конкретном примере он показывает, что вытеснение предполагает два события, четко отделенные друг от друга во времени. Первое — это сексуальная сцена (взрослый — соблазнитель), которая в тот момент не имела для ребенка сексуального значения. Второе событие кое в чем сходно с первым, хотя это сходство, быть может, и поверхностно. На этот раз, уже достигнув половой зрелости, субъект способен испытать сексуальные эмоции, которые он отныне будет сознательно связывать со вторым событием, тогда как на самом деле они вызваны воспоминанием о первом событии. В подобных случаях *Я* не способно применить обычные средства защиты (например, отстранение через отвлечение внимания) от неприятного сексуального аффекта: "Внимание направляется на восприятия, поскольку обычно именно они служат поводом для выражения неудовольствия. Однако в данном случае не восприятие, а мнесический след позволяет неудовольствию проявиться, а *Я* обнаруживает это слишком поздно" (1b). И потому *Я* прибегает к вытеснению, или, иначе, к "патологическому способу защиты", действуя по логике первичного процесса.

Мы видим, что вытеснение связывается здесь с "запаздыванием зрелости", которое, по Фрейду, характерно для человеческой сексуальности: "В психике каждого подростка есть мнесические следы, которые он может осмыслить лишь с появлением собственных сексуальных ощущений" (1c). "*Позднее наступление зрелости делает возможной "посмертную" реализацию первичных процессов*" (1d).

С этой точки зрения, лишь вторая сцена придает первой патогенный смысл: "Вытесненное воспоминание становится травмой лишь в *последействии*" (1d). Таким образом, понятие последействия тесно связано с ранними фрейдовскими формулировками понятия защиты*, а именно с теорией соблазнения*.

На это можно возразить, что открытие детской сексуальности, сделанное Фрейдом в более поздний период, лишает эту концепцию смысла. Наилучший ответ на эту критику дается в изложении случая «Человека с волками», где речь многократно идет о последействии, хотя отныне этот период смещен на первые годы жизни ребенка. Последействие лежит в основе фрейдовского анализа патогенного сновидения и его отношения к первосцене*: «Человек с волками» понял смысл коитуса "...лишь тогда, когда увидел этот сон, т. е. в 4 года, а вовсе не тогда, когда он наблюдал эту сцену. Впечатления полуторагодовалого ребенка могли быть им осознаны лишь в последействии, когда он увидел сон, благодаря [новому этапу развития] сексуальному возбуждению и своим сексуальным поискам" (2a). В истории этого детского невроза, как показывает

Фрейд, сон привел к фобии: "... благодаря сну зрелище коитуса приобрело последейственность" (2b).

В 1917 г. Фрейд добавил к описаниям «Человека с волками» два пространных размышления, показывающих, что юнговская теория ретроспективного фантазирования не оставила его равнодушным. Он признал, что, поскольку первосцена есть итог психоаналитической реконструкции, она вполне может быть придумана субъектом, настаивая при этом, что впечатления должны давать ребенку хоть какие-то указания на нее (ср. спаривание собак). Однако еще важнее вот что: в тот самый момент, когда Фрейд, казалось бы, уже совсем готов был отказаться от поиска опоры в реальности, на поверку столь шаткой, он выдвинул новое понятие — «первофантазии» как структурная основа фантазий, выходящих за пределы индивидуального переживания и воображения» (см.: Первофантазии, первофантазмы).

*

Таким образом, фрейдовская концепция последействия не может быть сведена к понятию "отсроченного действия", если понимать под этим временной промежуток между возбуждением и ответом, обусловленный постепенным накоплением опыта. Однако именно к такому истолкованию подталкивает нас принятый в Standard Edition перевод последействия как deferred action. Издатели Standard Edition приводят (2d) отрывок из "Исследования истерии" (1895), где Фрейд говорит — в связи с так называемой неотреагированной истерией — об "устранении приобретенных травм в последействии" (3a). В данном случае последействие можно понять как отсроченную разрядку, однако нельзя не заметить, что Фрейд говорит здесь скорее о подлинной обработке, о "работе памяти", которая не сводится к простой разрядке накопленного напряжения, но представляет собой сложный комплекс психологических операций: "Она [больная] каждый день ежедневно перебирала в уме каждое впечатление, плакала над ними, утешалась — и все для собственного развлечения" (3b). Как нам кажется, предпочтительнее было бы скорее пояснить понятие отреагирования понятием последействия, нежели наоборот — сводить последействие к узко "экономической" теории отреагирования.

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Нем., 185; англ., 173; франц., 129; b) Нем., 438; англ., 416; франц., 369. — c) Нем.: 435; англ., 413; франц., 367. — d) Нем., 438; англ., 416; франц., 369. — e) Нем., 435; англ., 413; франц., 366.

(2) Freud (S.). Aus der Geschichte einer Neurose, 1918 (1914). — a) G.W., XII, 64,

n. 4; S.E., XVII, 37—38, n.6; франц., 350, n. 3. — b) Cf. G.W., XII, 144; S.E., XVII, 109; франц., 409. — c) G.W., XII, 72 n.; S.E., XVII, 45 n.; франц., 356 n.

(3) Freud (S.). a) G.W., I, 229; S.E., II, 162; франц., 129. — b) G.W., I, 229; S.E., II, 162; франц., 129.

ПОТРЕБНОСТЬ В НАКАЗАНИИ

Нем.: Strafbedürfnis. — Франц.: besoin de punition. — Англ.: need for punishment. — Исп.: necesidad de castigo. — Итал.: bisogno di punizione. — Португ.: necessidade de castigo или do punição.

● Обнаруженная Фрейдом внутренняя потребность, лежащая в основе поведения некоторых субъектов; в ходе психоанализа оказалось, что они стремятся к наказанию и унижению, находя в этих ситуациях удовольствие (моральный мазохизм). Все своеобразие этого поведения в конечном счете объясняется влечением к смерти.

■ Явления, связанные с самонаказанием, рано вызвали интерес у Фрейда: среди таких явлений — *сны* о наказании, которые напоминали долг, выплачиваемый цензуре за выполнение желания (1), и в особенности симптомы *невроза навязчивых состояний*. Уже в самых первых своих подходах к этому душевному расстройству Фрейд обратил внимание на феномен самоупреков; затем в "Замечаниях об одном случае невроза навязчивости" (Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909) — на поведение, связанное с самонаказанием. Симптомы и связанные с ними страдания превращают больного неврозом навязчивых состояний в своего собственного палача.

Клиника меланхолии показывает, что навязчивые побуждения к самонаказанию могут приводить и к самоубийству. Вкладом Фрейда и психоанализа в целом в рассмотрение этой проблемы стала мысль о том, что именно потребность в самонаказании позволяет объяснить такие поступки, в которых наказание, видимо, выступает как нежелательное последствие *агрессивных и преступных действий* (2). В этом смысле можно говорить о "преступлениях самонаказания", хотя, конечно, это не единственная причина данного весьма сложного явления.

Наконец, психоаналитическая практика заставила Фрейда внимательнее присмотреться к тому, что он называл отрицательной терапевтической реакцией*: психоаналитику кажется, будто он сталкивается с "...силой, противодействующей исцелению и стремящейся во что бы то ни стало держаться за болезнь и страдание" (3a).

Более глубокое исследование — уже в рамках второй теории

психического аппарата — метапсихологических проблем, связанных с этими явлениями, дальнейшее изучение садомазохизма, наконец, введение понятия "влечение к смерти" — все это потребовало от Фрейда более тонкого разграничения видов поведения, связанных с самонаказанием.

1) Сам Фрейд сдержанно относился к тому, что касалось *бессознательного чувства вины**. В этом смысле понятие "потребности в наказании" представлялось ему более уместным (4а).

2) В плане топики Фрейд объяснял поведение, связанное с самонаказанием, напряженностью отношений между *Я* и чрезмерно строгим *Сверх-Я*.

3) Понятие "потребность в наказании" подчеркивало существование неустранимой силы, побуждающей некоторых субъектов к страданию, и одновременно парадокс, связанный с тем, что именно в страдании они находят удовлетворение. Фрейд различал в этой связи два случая: некоторые индивиды производят впечатление людей, на которых "чрезмерно давит нравственное сознание, хотя сами они этой сверхморали и не осознают, причем более глубокое исследование показывает различие между таким бессознательным продолжением морали и моральным мазохизмом. В первом случае усиливается садизм *Сверх-Я*, а *Я* ему подчиняется; во втором случае, напротив, усиливается мазохизм *Я*, требующий наказания от *Сверх-Я* или от внешних инстанций родительской власти" (4b). Как видим, садизм *Сверх-Я* и мазохизм *Я* нельзя считать лишь симметричными выражениями одной и той же напряженности отношений.

4) Следуя этой линии рассуждений, Фрейд в "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und die unendliche Analyse, 1937) выдвинул гипотезу, согласно которой конфликт между *Сверх-Я* и *Я* не позволяет полностью осмыслить потребность в наказании как выражение влечения к смерти. Хотя одна частица влечения к смерти оказывается "психически связанной *Сверх-Я*", другие его частицы «в свободной или связанной форме могут осуществлять свою работу где-то еще» (3b).

(1) Cf. Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 476—480; 563—566; S.E., V, 473—476; 557—560; франц., 352—355, 458—459 и сноска.

(2) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 282; S.E., XIX, 52; франц., 210.

(3) Freud (S.). Die endliche und die unendliche Analyse, 1937. — a) G.W., XVI, 88; S.E., XXIII, 241; франц., 28. b) G.W., XVI, 88; S.E., XXIII, 242—243; франц., 28.

(4) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. — a) Cf. G.W., XIII, 378—379; S.E., XIX, 166; франц., 218—219. — b) G.W., XIII, 381; S.E., XIX, 168—169; франц., 221.

ПРАВИЛО ОСНОВНОЕ

Нем.: Grundregel — Франц.: règle fondamentale. — Англ.: fundamental rule. — Исп.: regla fundamental. — Итал.: regola fondamentale. — Португ.: regra fundamental.

● Правило, организующее аналитическую ситуацию: пациента просят говорить все, что он думает и чувствует, ничего не выбирая и ничего не опуская из того, что приходит ему в голову, даже если ему кажется, что сообщать это неприятно, смешно, неуместно.

■ Основное правило кладет в основу психоаналитического лечения принцип свободных ассоциаций*. Фрейд часто возвращался мыслью к тому пути, который привел его от гипноза к внушению и далее — к установлению этого правила. Он старался "побуждать больных, даже негипнабельных, рассказывать о своих ассоциациях, чтобы через этот материал найти доступ к тому, о чем пациент забыл или же от чего он пытался защититься. Позже он заметил, что понуждения даже не требовалось, поскольку у пациента почти всегда само собой возникало много идей (Einfälle), которых он без того не высказывал и даже не допускал в свое сознание в силу некоторого внутреннего протеста. При этом предполагалось [...], что все, что приходило в голову паценту (alles, was dem Patienten einfiele) по какому-то поводу, должно было быть внутренне связано с этим поводом; отсюда приемы обучения пациента полному отказу от критических установок и использованию этих идей (Einfälle) для обнаружения искомых взаимосвязей" (1).

Здесь нужно особо отметить фрейдовский термин Einfall (буквально — то, что приходит на ум или в голову; переводится нами как "идея" за неимением лучшего термина), который следует отличать от термина Assoziation. А именно термин "ассоциация" относится к элементам, образующим цепочку, будь то цепочка логических рассуждений или же ассоциаций, называемых свободными, хотя они ничуть не менее детерминированы. Einfall — это все те идеи, которые приходят в голову субъекту в ходе психоаналитических сеансов, даже если лежащие в их основе ассоциативные связи не видны и даже если они субъективно кажутся не связанными с контекстом.

Цель основного правила — не в том, чтобы дать волю первичному процессу в его первозданном виде и открыть непосредственный доступ к бессознательным ассоциативным цепочкам. Это правило лишь способствует возникновению такого типа общения, при котором детерминизм бессознательного становится более доступным через выявление новых связей и значащих пробелов в речи.

Правило свободных ассоциаций стало для Фрейда "основным" не сразу. Так, в работе «Über Psychoanalyse» (1909) Фрейд называет

три пути к бессознательному, по-видимому, равноценные. Это разработка идей субъекта с помощью основного правила (Hauptregel), истолкование сновидений и истолкование ошибочных действий (2). Здесь это правило призвано способствовать обнаружению продуктов бессознательного на значимом материале любого рода.

*

Основное правило влечет за собой ряд следствий.

1) Субъект, которого просят следовать этому правилу, подчиняясь ему чем дальше, тем больше, стремится выговаривать и только выговаривать все то, что приходит ему в голову: его эмоции, телесные ощущения, мысли, воспоминания — все проходит через язык. Вследствие применения этого правила целая область человеческой деятельности обнаруживается acting out.

2) Соблюдение этого правила выявляет тот способ, которым порождаются цепочки ассоциаций и "узловые точки" их пересечения.

3) Это правило, как уже нередко отмечалось, раскрывает нам многое через те трудности, с которыми сталкивается субъект, пытаясь следовать ему: это могут быть как сознательные умолчания, так и бессознательные сопротивления правилу посредством самого этого правила, т.е. в ходе его применения (некоторые пациенты, например, систематически говорят всякую ерунду или же стараются довести правило до абсурда) (α).

Далее следует подчеркнуть, что основное правило — это не просто исследовательский прием: оно структурирует психоаналитическое отношение в целом. Именно в этом смысле оно и может именоваться основным, хотя вовсе не оно одно участвует в создании аналитической ситуации: определяющую роль играют и другие условия, особенно нейтральность* аналитика. Основное правило (подчеркивает Лакан) способствует созданию между аналитиком и анализируемым интерсубъективного отношения в виде языковой связи (3). "Выговаривать все" — это не просто один из многих методов подступа к бессознательному, которым при случае можно пожертвовать (как в гипнозе, нарко-анализе и др.). Оно призвано выявить в речи анализируемого запрос, обращенный к другому человеку. Совместно с правилом невмешательства, которому следует аналитик, основное правило призвано подвести субъекта к формулировке его запросов самыми разными способами, которые подчас получают для него значение языка (см.: Регрессия).

α) Очевидно, что основное правило психоанализа заключается вовсе не в том,

чтобы требовать от субъекта систематически бессвязных речей, а лишь в том, чтобы связность не была критерием отбора.

(1) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 214; S.E., XVIII. 238.

(2) Freud (S.). G.W., VIII, 31; S.E., XI, 33; франц., 147.

(3) Ср., в особенности: Lacan (J.). La direction de la cure et les principes de son pouvoir, доклад на Международном конгрессе в Руамоне в 1958. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., 1961, VI, 149—206.

ПРЕДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, ПРЕДСОЗНАНИЕ

Нем.: Das Vorbewusste, vorbewusst. — Франц.: préconscient. — Англ.: preconscious. — Исп.: preconsciente. — Итал.: preconscio. — Португ.: preconsciente.

● А) В первой топике Фрейда: а) как существительное — система психического аппарата, четко отличная от системы бессознательного (Бсз); б) как прилагательное — оно определяет содержания и действия этой предсознательной системы (Псз). Эти содержания и действия не входят в актуальное поле сознания и поэтому являются бессознательными в "описательном" смысле слова (см.: Бессознательное, Б), но отличаются от содержаний системы бессознательного, поскольку остаются доступными сознанию (например, неактуализированные знания и воспоминания).

С метапсихологической точки зрения, система предсознания управляется вторичным процессом. Она отделена от системы бессознательного цензурой*, которая допускает бессознательные содержания и процессы в предсознание лишь в преобразованном виде.

Б) Во второй фрейдовской топике термин "предсознательное" употребляется только как прилагательное для обозначения того, что ускользает от актуального сознания, но не является бессознательным в узком смысле слова. С точки зрения систематики, этот термин определяет содержания и процессы, относящиеся преимущественно к *Я*, а также к *Сверх-Я*.

■ Разграничение между предсознательным и бессознательным имеет для Фрейда важнейшее значение. Для обозначения самой возможности бессознательного психического как такового он опирался на бесспорные проявления душевной жизни, выходящие за пределы актуального сознания (1а). Если понимать бессознательное в том смысле, который Фрейд называет "описательным", — как то, что находится за пределами сознания, — то граница между предсознательным и бессознательным стирается. Следовательно, это разграничение следует понимать прежде всего в топическом (или систематическом), а также динамическом смысле.

Это разграничение было установлено Фрейдом в ранний период — в процессе разработки метапсихологии (2a). Согласно концепции, изложенной в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), предсознательное расположено между бессознательным и сознанием; от бессознательного оно отделено цензурой, не допускающей бессознательные содержания в предсознание и в сознание, а доступ к сознанию и двигательным реакциям контролируется самим предсознательным. В этом смысле можно связать сознание с предсознанием: так, Фрейд говорил о системе Предсознание-Сознание (Псз-Сз). Однако в других местах из "Толкования сновидений" Фрейд резко разграничивал предсознание и систему так называемого восприятия-сознания: эта двусмысленность связана с тем, что сознание, как впоследствии оказалось, плохо поддается структурному анализу (см.: Сознание) (1b).

Переход от предсознания к сознанию обусловлен, по Фрейду, действием "второй цензуры"; она отлична от цензуры в собственном смысле слова (или цензуры между бессознательным и предсознательным) тем, что не столько искажает, сколько отбирает: ее роль, по сути, заключается в том, чтобы преградить тревожным мыслям доступ в сознание. Тем самым она позволяет вниманию сосредоточиваться на том или ином объекте.

Предсознательное отличается от бессознательного формой энергии ("связанная" энергия) и типом процесса (вторичный процесс). Однако это разграничение не абсолютно: если некоторые бессознательные содержания (например, фантазии), как подчеркивал Фрейд, изменяются под воздействием вторичного процесса, то и элементы предсознательного могут подчиняться первичному процессу (остатки дневных впечатлений в сновидении). В более общем смысле изучение предсознательного и его защитных функций свидетельствует о воздействии принципа удовольствия и о влиянии первичного процесса.

Фрейд всегда объяснял различие между Бсз и Псз тем фактом, что предсознательные представления соотнесены со словесным языком, со "словесными представлениями"*.

Помимо того, весьма тесно связаны между собой предсознательное и *Я*. Не случайно, что, впервые вводя понятие предсознательного, Фрейд уподобил его "нашему официальному *Я*" (2b). А когда позднее, во второй топике, он иначе определил *Я*, предсознательное органично вошло в него, хотя в целом эти инстанции и не уподоблялись друг другу — ведь часть *Я* оставалась бессознательной. Наконец, и в новоявленной инстанции *Сверх-Я* можно отчасти обнаружить предсознательное.

*

Каково место предсознательного в переживаниях субъекта и, в частности, в опыте психоаналитического лечения? Чаще всего здесь приводят в пример воспоминания, которые непосредственно не осознаются, но могут быть оживлены в памяти. В более общем смысле предсознательное есть то, что неявно и неосознанно присутствует в психике; именно это имеет в виду Фрейд, "описательно" определяя предсознательное как бессознательное, но доступное осознанию, тогда как собственно бессознательное навсегда остается оторванным от сознания.

В работе "Бессознательное" (Das Unbewusste, 1915) Фрейд определял предсознательное как "осознанное знание" (bewusste Kenntnis) (1b); причем здесь важен сам выбор терминов, подчеркивающих отличие от бессознательного: "знание" предполагает нечто познанное в субъекте и в его личностном мире; "осознанное" указывает на то, что даже неосознанные содержания и процессы связаны с сознанием в топическом смысле.

Динамическое подтверждение этого топического разграничения происходит во время лечения и проявляется прежде всего в том факте, на который указывает Д.Лагаш: если признание предсознательных содержаний может привести к *умолчаниям*, которые требуется устранить ходом свободных ассоциаций, то признание бессознательных элементов сталкивается со столь же бессознательными *сопротивлениями*, которые требуется постепенно истолковывать и преодолевать в анализе (хотя, конечно, и умолчания нередко основываются на сопротивлениях).

α) Выбор этого слова нельзя назвать удачным. Фактически выявить различия между предсознательным и бессознательным можно и на описательном уровне, не прибегая к разграничениям на уровне топики. Выражение "бессознательное в описательном смысле" обозначает всю совокупность психических содержаний и процессов, которым присущ лишь один общий признак — неосознанность.

(1) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) G.W., X, 264—265; S.E., XIV, 166—167; франц., 92—93. — b) G.W., X, 291; S.E., XIV, 192; франц., 139. — c) G.W., X, 265; S.E., XIV, 167; франц., 94.

(2) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902, письмо от 6.12.1896. — a) Нем., 185; англ., 173; франц., 153. — b) Нем., 186; англ., 174; франц., 155.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Нем.: Vorstellung. — Франц.: représentation. — Англ.: idea or presentation. — Исп.: representación. — Итал.: rappresentazione. — Португ.: representação.

○ Классический термин философии и психологии: "То, что человек представляет, то, что образует конкретное содержание мыслительного акта", "в особенности воспроизводство прежних восприятий" (1). Фрейд противополагает представление и аффект*; у каждого из этих двух видов психических явлений — своя судьба.

◘ Термин Vorstellung по традиции входит в Словарь немецкой классической философии. Поначалу Фрейд понимал его вполне традиционно, а использовал — необычно (α). Нижеследующие соображения поясняют, в чем именно состоит это своеобразие.

1) Первые теоретические модели психоневрозов основаны на различении «кванта аффекта»* и представления. При неврозе навязчивости квант аффекта смещается с патогенного представления, связанного с травмирующим событием, на другое представление, которое кажется субъекту малозначимым. При истерии квант аффекта преобразуется в соматическую энергию, а вытесненное представление символизируется той или иной областью тела и телесной активности. Этот тезис, согласно которому разделение аффекта и представления лежит в основе вытеснения, заставляет по-разному описывать их судьбу и особенно связанные с ними процессы: так, представление подвергается "вытеснению", а аффект — "подавлению".

2) Когда Фрейд говорил о "бессознательных представлениях", он отдавал себе отчет в парадоксальности совмещения этих двух терминов. И потому в этом выражении традиционный философский смысл термина Vorstellung, а именно акт субъективного представления объекта сознанием отходит на задний план. По Фрейду, представление определяется объектом, но вписывается в "мнесические системы".

3) Как известно, память для Фрейда — это не простое вместилище образов в строго эмпирическом смысле слова, но скорее совокупность мнесических систем; он расчленяет воспоминание на различные ассоциативные ряды и в конечном счете обозначает термином "мнесический след"* не столько "слабое впечатление", сохраняющее сходство с объектом, сколько знак, который постоянно соотнесен с другими знаками, но не связан с тем или иным чувственным качеством. И потому у нас есть основания связывать фрейдовское Vorstellung с лингвистическим понятием означающего.

4) Здесь уместно вспомнить о том, что Фрейд разграничивал два уровня представлений: "словесные представления"* и "предметные представления"*. При этом в основу кладется различие, которому Фрейд приписывал важнейшее значение в своей топике : предметные представления, характеризующие систему бессознательного, теснее связаны с предметами, а потому в случае "первичных галлюцинаций", например, представление об отсутствующем предмете

становится для ребенка равнозначным непосредственно воспринимаемому и энергетически нагруженному предмету (см.: «Опыт удовлетворения»).

И потому, когда Фрейд (ср. его первые описания психоаналитической терапии в 1894—1896 гг.) стремился обнаружить в конце ассоциативных цепочек "патогенные бессознательные представления", конечной целью его поиска выступала та точка, где объект и его следы неразрывны, а означаемое неотделимо от означающего.

5) Хотя различие между мнесическим следом и представлением как его нагрузкой всегда неявно присутствовало у Фрейда, оно нигде четко не определялось (4). Причина этого, конечно, в том, что Фрейду трудно было помыслить *чистый* мнесический *след*, т. е. такое представление, которое было бы полностью лишено нагрузки как в системе сознания, так и системе бессознательного.

α) Многие авторы полагают, что на Фрейда, возможно, повлияла концепция "механики представлений" (Vorstellungsmechanik) Гербарта. Как указывает О.Андерссон, "гербартианство было ведущим психологическим подходом в тот период, когда формировались научные взгляды Фрейда "(5).

(1) Lalande (A.). Vocabulaire technique et critique de la philosophie, Paris, P.U.F., 1951.

(2) Cf. Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. Passim.

(3) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 300; S.E., XIV, 201—202; франц., 155—156.

(4) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 247; S.E., XIX, 20; франц., 173.

(5) Andersson (O.). Studies in the Prehistory of Psychoanalysis, Svenska Bokförlaget, Norstedts, 1962, 224.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ [-ТОР] [ВЛЕЧЕНИЯ]

Нем.: Vorstellungsrepräsentanz или -tant. — Франц.: Représentant-représentation. — Англ.: ideational representative. — Исп.: representante ideativo. — Итал.: rappresentanza data da una rappresentazione. — Португ.: representante ideativo.

◘ Представление или группа представлений, на которых фиксируется влечение в ходе истории субъекта и посредством которых это влечение вписывается в его психику.

◘ Французское выражение "représentant-représentation" двусмысленно, поскольку немецкое слово, составленное из двух разных существительных, переводится здесь двумя однокоренными словами. К сожалению, избежать этой двусмысленности и найти точный перевод фрейдовского термина, по-видимому, невозможно.

"Репрезентатор" — это перевод немецкого термина латинского происхождения Repräsentanz (β), который означает "представительство" (γ). Vorstellung — это философский термин, для которого традиционный русский эквивалент — «представление». Vorstellungsrepräsentanz означает то, что репрезентирует влечения в области представления (δ). Этот смысл мы и пытались передать термином "представление как репрезентатор".

Понятие "представление как репрезентатор" встречается в тех текстах Фрейда, где он определяет отношение соматического к психическому как отношение влечения к тому, что его представляет. Это понятие определяется и используется прежде всего в работах 1915 г. по метапсихологии [Die Verdrängung, Das Unbewusste], причем оно яснее всего выступает у Фрейда при разработке теории вытеснения.

Напомним, что влечение в той мере, в какой оно является соматическим, не подлежит прямому вытеснению в бессознательное. Вытесняются лишь психические репрезентаторы влечения или представления как репрезентаторы влечения.

Фактически Фрейд четко различает в психической репрезентации влечения два элемента, представление и аффект, и указывает на различие их судеб: лишь первый элемент (представление как репрезентатор) может без всяких изменений войти в систему бессознательного (об этом различии см.: Репрезентатор психический; Аффект; Вытеснение).

Что значит представление как репрезентатор? Фрейд нигде не дает ясного определения этого понятия. О значении термина "репрезентатор" и об отношении "представительства" между репрезентатором и влечением см. нашу статью "Репрезентатор психический". О термине "представление", означающем мыслительный элемент в противоположность аффективному элементу, можно прочитать в статьях "Представление" (Vorstellung), "Представление предметное" (Sachvorstellung или Dingvorstellung) и "Представление словесное" (Wortvorstellung).

В своей теории бессознательного, изложенной в статье 1915 г., Фрейд трактовал представления-репрезентаторы не только как "содержания" бессознательного, но и как самое основу его организации. Фактически фиксация влечения на отдельном репрезентаторе и становление бессознательного происходят в едином процессе первовытеснения*: "У нас есть основания предположить наличие *первовытеснения*, или, иначе, первого этапа вытеснения, на котором психический репрезентатор влечения получает доступ в сознание. Это вызывает *фиксацию*: отныне данный репрезентатор остается неизменным, а влечение сохраняет свою связь с ним" (1a).

В приведенном отрывке понятие "фиксация"* связано одновре-

менно с двумя различными идеями: той, что лежит в основе генетического подхода, предполагающего фиксацию влечения на определенной стадии или объекте, и той, что требует записи влечения в бессознательном. Эта последняя мысль (или образ) появляется у Фрейда не впервые. Она присутствует уже в письмах Флиссу, где изложена одна из первых схем психического аппарата, использующая многослойные записи знаков (Niederschriften) (2), и вновь встречается в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), особенно там, где обсуждается гипотеза об изменении записи представления при переходе из одной системы в другую (3).

Эта аналогия между отношением влечения к своему репрезентатору и знаковой записью (или, в терминах лингвистики, означающим) позволяет прояснить природу представления как репрезентатора.

α) См. сноску α к статье "Репрезентатор влечения".

β) Обычный немецкий термин der Repräsentant редко встречается у Фрейда, который предпочитает форму die Repräsentanz, теснее связанную с латынью и более абстрактную.

γ) "X — мой репрезентатор".

δ) Перевод Vorstellungsrepräsentanz как "репрезентация представления" был бы грубым искажением фрейдовской мысли: представление есть то, что репрезентирует влечение, а не то, что, в свою очередь, чем-то репрезентируется. Из текстов Фрейда это ясно видно (1b,4).

(1) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) G.W., X, 250; S.E., XIV, 148; франц., 71. — b) Cf. G.W., X, 255; S.E., XIV, 152—153; франц., 80—81.

(2) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Письмо от 6.12.96: нем., 185—186; англ., 173; франц., 153.

(3) Cf. Freud (s.). G.W., II—III, 615; S.E., V, 610; франц., 496.

(4) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 275—276; S.E., XIV, 177; франц., 112.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЕ, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВЕСНОЕ

Нем.: Sachvorstellung (или Dingvorstellung), Wortvorstellung. — Франц.: représentation de chose, représentation de mot. — Англ.: thing presentation, word presentation. — Исп.: representación de cosa, representación de palabra. — Итал.: rappresentazione di cosa, rappresentazione di parola. — Португ.: representação de coisa, representação de palavra.

● Метапсихологические термины Фрейда для различения двух типов "представлений": одно, преимущественно зрительное, исходит из предмета; другое, преимущественно слуховое, — из слова. Во фрейдовской метапсихологии это различие важно потому, что оно намечает связь между предметным и словесным представлением, характерную для системы "Предсознание-Сознание" в отличие от

системы "бессознательное", которая охватывает лишь предметные представления.

◘ Относительно различий между термином "представление" и термином "мнесический след", иногда используемыми как синонимы, см. соответствующие статьи.

Разграничение между предметными и словесными представлениями впервые встречается в ранних работах Фрейда об афазии.

Мысль о предметном представлении возникает у Фрейда очень рано, как, впрочем, и тесно связанное с нею понятие "мнесические следы" (или следы в различных системах запоминания). В работе "О понятии афазии. Критическое исследование" (Zur Auffassung der Aphasien. Eine kritische Studie, 1891) мы встречаем термин "объектное представление", а в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) — понятие "предметное представление" (1). Одно из наиболее строгих определений этого понятия у Фрейда следующее: "Предметное представление — это нагрузка: если не самих мнесических образов предмета, то по крайней мере [...] производных от них мнесических следов" (2a). Это определение требует двух пояснений:

1) представление перенагружает и оживляет мнесический след, который сам по себе есть лишь запись события.

2) Предметное представление не следует понимать как мыслительный аналог предмета в его целостности: предмет присутствует в различных системах или ассоциативных комплексах, но каждый раз лишь какой-то одной своей гранью.

Словесные представления — это часть пути, связывающего осознание с вербализацией. Так, уже в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie,1895) содержится мысль о том, что ассоциация между словесным и мнесическим образом может обладать качествами, присущими сознанию. Фрейд никогда не расставался с этой мыслью; она лежит в основе его понимания перехода от первичного процесса ко вторичному*, от тождества восприятия* к тождеству мысли. Она вновь встречается в работе "Бессознательное" (Das Unbewusste, 1915), причем при этом подчеркивается ее значение в системе сознание — бессознательное: "В сознательном представлении есть как предметное, так и словесное представление, а в бессознательном представлении — только предметное представление" (2b).

Особый статус словесного представления не позволяет свести его к преобладанию слухового [восприятия] над зрительным. Речь здесь идет не только о различных механизмах чувственного восприятия. Фрейд показал, что при шизофрении словесные представления превращаются в предметные по законам первичного

процесса. Это характерно для сновидений, когда некоторые фразы, услышанные в состоянии бодрствования, подвергаются, подобно предметным представлениям, смещению и сгущению: "Там, где словесные представления всплывают среди остатков дневных впечатлений — именно как частицы свежих впечатлений, а не как выражения мысли, — там они как бы и сами становятся предметными представлениями" (3). Таким образом, предметные представления и словесные представления — это не просто два вида "мнесических следов": различие между ними имеет в рамках фрейдовской топики существенное значение.

Какова структура взаимодействий между словесными представлениями и теми дословесными означающими, которые изначально выступают как предметные представления? Каково отношение тех и других к восприятию? При каких условиях они возникают в форме галлюцинации? На чем в конечном счете основан особый статус лингвистических, словесно выраженных символов? Фрейд неустанно стремился дать ответ на эти вопросы (4).

(1) Cf. Freud (S.). G.W., II—III, 302; S.E., IV, 296; франц., 222.

(2) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) G.W., X, 300; S.E., XIV, 201; франц., 155—156. — b) G.W., X, 300; S.E., XIV, 201; франц., 156.

(3) Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917. G.W., X, 418—419; S.E., XIV, 228; франц., 174.

(4) Ср., в особенности: Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 443; англ., 421; франц., 375. — Die Traumdeutung, 1900, глава о "Регрессии". — Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917. Passim. — Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 247 sqq.; S.E., XIX, 20 sqq.; франц., 173 sqq.

ПРИМЫКАНИЕ

Нем.: Anlehnung. — Франц.: étayage — Англ.: anaclisis. — Исп.: apoyo или anáclisis. — Итал.: appoggio или anaclisi. — Португ.: anaclísia или apoio.

● Термин, которым Фрейд обозначает первоначальное отношение сексуальных влечений к функциям самосохранения: сексуальные влечения приобретают независимость лишь позже, примыкая к тем или иным жизненным функциям, которые являются их органическим источником, определяют их цель и объект. Следовательно, можно говорить о примыкании, когда, например, субъект опирается на объект влечений к самосохранению при выборе объекта любви. Именно это Фрейд и называл выбором объекта по принципу примыкания.

◘ В том, что касается перевода немецкого Anlehnung как "примыкание", см. статью "Анаклитический".

Идея примыкания — это важнейший момент фрейдовской кон-

цепции сексуальности. Она присутствует уже в первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), а впоследствии лишь упрочивается.

В 1905 г. в своей первой теоретической разработке понятия влечения Фрейд описывает тесное отношение между сексуальным влечением и некоторыми телесными функциями. Это отношение особенно очевидно в оральной активности грудных младенцев: при удовольствии от сосания "... удовлетворение в определенной эрогенной зоне поначалу было связано с удовлетворением потребности в пище" (1а). Определенная телесная функция обеспечивает сексуальности ее источник или эрогенную зону; она незамедлительно указывает на ее объект — грудь; наконец, она обеспечивает добавочное удовольствие, несводимое к простому насыщению: "...вскоре потребность в повторении сексуального удовлетворения отделяется от потребности в пище" (1b). Сексуальность приобретает самостоятельность лишь на следующей ступени, а после отказа от внешнего объекта она становится автоэротической (см.: Автоэротизм).

Примыкание осуществляется и в случае других частичных влечений: "Анальная зона, подобно губной, самим своим расположением приспособлена для того, чтобы обеспечить примыкание сексуальности к другим телесным функциям" (1с).

Уже в 1905 г. в главе "Поиск объекта" из "Трех очерков" Фрейд описывает выбор объекта в точности так же, как позднее будет описан так называемый "выбор объекта по примыканию" (1d).

В текстах 1912—1914 гг., где Фрейд вывел на первый план противопоставление между сексуальными влечениями* и влечениями к самосохранению*, понятие примыкания сохраняется; оно обозначает изначальное отношение между двумя важнейшими типами влечений: "Сексуальные влечения находят свои первые объекты, примыкая к тому, что имеет ценность с точки зрения влечений *Я*, а первые сексуальные удовлетворения примыкают к телесным функциям, связанным с поддержанием жизни" (2).

Введенное Фрейдом в 1914 г. противопоставление между двумя типами выбора объекта не вносит изменений в само понятие примыкания, но лишь ограничивает область выбора объекта по примыканию, противополагая ему другой тип выбора объекта — нарциссический*.

Наконец, в 1915 г. в третьем издании "Трех очерков" Фрейд ввел ряд взаимодополнений, подчеркивая значимость понятия Anlehnung. Он утверждал, в частности, что одна из "трех важнейших характеристик" детской сексуальности — это как раз "примыкание к одной из важнейших телесных функций" (1е).

*

По-видимому, понятие примыкания и поныне не вполне выявлено в текстах Фрейда; как правило, оно присутствует (да и то без четкого определения) лишь в концепции выбора объекта, однако считается опорным моментом всей теории влечений.

Его важнейшая роль — в том, чтобы одновременно и связать и противопоставить сексуальные влечения и влечения к самосохранению.

1) Сама мысль о том, что источник и объект сексуальных влечений изначально определяются влечениями к самосохранению, предполагает, что эти два вида влечений, по сути, различны. Влечения к самосохранению обусловлены соматикой, и объект их четко определен с самого начала; напротив, сексуальные влечения обусловлены такого рода удовлетворением, которое поначалу выступает лишь как побочная выгода (Lustnebengewinn) от инстинктов самосохранения. Это существенное различие выражается у Фрейда в устойчивом использовании — применительно к влечениям самосохранения — таких понятий, как "функция" и "потребность". В этой связи возникает вопрос: не стоит ли назвать "влечения к самосохранению" *потребностями*, чтобы тем самым четче отличить их от сексуальных влечений?

2) Понятие примыкания помогает не только прояснить возникновение сексуальности, но и уточнить ее место во фрейдовской теории. Фрейду часто ставили в вину *пансексуализм,* и он отвечал на этот упрек, указывая на устойчивый дуализм влечений; концепция примыкания позволила тоньше сформулировать эти возражения. В известном смысле сексуальность повсеместна: она порождается самим функционированием тела, а также, как указывал Фрейд в "Трех очерках", и другой (например, мыслительной) деятельностью. Однако она приобретает самостоятельность лишь впоследствии и редко оказывается совершенно независимой.

3. Часто обсуждаемая в психоанализе проблема — существует ли некая "первичная любовь к объекту" или же ребенок поначалу находится в автоэротическом или нарциссическом* состоянии — решается у Фрейда более тонко, чем обычно полагают. Удовлетворение сексуальных влечений остается автоэротическим, покуда само их развитие не приводит к выбору объекта. Влечения к самосохранению изначально связаны с объектом, но, поскольку сексуальность примыкает к ним, сексуальные влечения тоже оказываются связаны с объектом, так что, лишь отделяясь от влечений к самосохранению, сексуальность приобретает самостоятельность.

"Когда поначалу сексуальное удовлетворение еще связано с поглощением пищи, сексуальное влечение находит свой сексуальный объект вне собственного тела, в материнской груди. Лишь позднее сексуальное влечение теряет свой объект, становясь, как правило, автоэротическим [...]. Найти объект, собственно говоря, значит найти его заново" (1f).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 82; S.E., VII, 181—182; франц., 74. — b) G.W., V, 82; S.E., VII, 182; франц., 75. — c) G.W., V, 86; S.E.. VII, 185; франц., 79. — d) Cf. G.W., V, 123—130 и n. 1, p. 123 (добавл. в 1915); S.E., VII, 222—230 и n. 1, p. 22; франц., 132—140 и n. 77, p. 185. — e) G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц.. 76. — f) G.W., V, 123; S.E., VII, 222; франц., 132.

(2) Freud (S.). Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens, 1910. G.W., VIII, 80; S.E., XI, 180—181: франц., 12.

ПРИНЦИП ИНЕРЦИИ (НЕЙРОННОЙ)

Нем.: Prinzip der Neuronentragheit. — Франц.: principe d'inertie (neuronique). — Англ.: principle of neuronic inertia. — Исп.: principio de inercia neurónica. — Итал.: principio dell'inerzia neuronica. — Португ.: princípio de inércia neurônica.

● Принцип функционирования нейронной системы, гипотетически выдвинутый Фрейдом в "Наброске научной психологии" (1895): нейроны стремятся полностью избавиться от получаемой ими энергии.

■ Принцип инерции как принцип функционирования так называемой нейронной системы был выдвинут Фрейдом в "Наброске научной психологии". В последующих метапсихологических текстах Фрейд уже не пользовался этим выражением. Понятие принципа инерции относится к периоду разработки фрейдовской концепции психического аппарата. Как известно, в "Наброске" Фрейд описывал нейронную систему с помощью двух главных понятий: нейрона и количества. Количества энергии перемещаются в системе, выбирая на развилках нейронов свой путь — в зависимости от сопротивления («препятствия для контактов») или, напротив, проложенного пути (см.: Пролагание пути*) — от одного элемента к другому. Существует очевидная аналогия между этим нейрофизиологическим описанием и последующими описаниями психического аппарата, также вводящими в действие два элемента: цепочки или системы представлений и психическую энергию.

Старое понятие принципа инерции может помочь в уточнении смысла фундаментальных "экономических" принципов, управляющих функционированием психического аппарата.

*

Смысл инерции в физике заключается в том, что "точка, которая не подвергается воздействию механической силы или чего-либо иного, бесконечно сохраняет скорость, постоянную по величине и направлению (включая и те случаи, когда эта скорость равна нулю, и, следовательно, тело находится в состоянии покоя)" (1).

1) Фрейдовский принцип инерции применительно к нейронной системе в известной мере аналогичен физическому принципу инерции. Он формулируется так: "Нейроны стремятся полностью освободиться от энергии" (2).

Образцом такого функционирования может быть определенная концепция рефлекса, согласно которой все количество возбуждения, получаемого нейронами в рефлекторной дуге, полностью разряжается на моторно-двигательном полюсе. В общем нейронный аппарат у Фрейда функционирует так, чтобы не только разряжать уже возникшие возбуждения, но и избегать всего того, что может их вызвать. К внутренним возбуждениям принцип инерции применим лишь в измененном виде; так, для разрядки необходимо специфическое действие*, которое, в свою очередь, предполагает определенный запас энергии.

2) Отношение между фрейдовским пониманием принципа инерции и его применением в физике достаточно свободное:

а) инерция в физике — это свойство движущихся тел, а у Фрейда это не свойство подвижных элементов, переносящих возбуждение, но активная тенденция *системы*, внутри которой перемещаются кванты энергии;

б) в физике принцип инерции — это всеобщий закон, лежащий в основе всех рассматриваемых явлений, он обнаруживается, вопреки поверхностному наблюдению, даже в тех случаях, которые, казалось бы, ему противоречат. Например, движение ракеты, видимо, прекращается само по себе, однако с точки зрения физики эта остановка обусловлена сопротивлением воздуха, так что, если отвлечься от этого случайного обстоятельства, закон инерции остается в силе. Напротив, при переносе закона инерции в область психофизиологии принцип инерции уже не определяет естественный порядок вещей, будучи ограничен другим способом функционирования. Фактически образование групп нейронов с постоянным зарядом предполагает действие определенного закона — закона постоянства*, препятствующего свободному распространению энергии. Лишь посредством вывода, заранее предполагающего некоторую целесообразность, можно утверждать, как это делает Фрейд, что принцип инерции включает использование накопленной энергии для достижения собственных целей;

в) другим примером перехода от механического к целесообразному служит осуществляемый Фрейдом вывод тенденции к уклонению от всех источников возбуждения из общего принципа разрядки возбуждения.

3) Как мы видим, для сохранения хотя бы некоторой биологической обоснованности Фрейду пришлось сразу же ввести в трактовку принципы инерции важные изменения. В самом деле, как может выжить функционирующий таким образом организм? Как он вообще может *существовать*, если само понятие организма предполагает устойчивое различие между энергетическим уровнем организма и его окружения?

*

Однако противоречия во фрейдовском понимании принципа нейронной инерции не отменяют, по нашему мнению, его основной интуиции, связанной с самим открытием бессознательного. В своем клиническом опыте Фрейд находит аналог свободному распространению энергии в нейронах, поскольку для первичного процесса*, например, характерно свободное перемещение смыслов.

И потому принцип Нирваны*, который появляется в работах Фрейда позже, в "поворотные" 20-е годы, может рассматриваться как новое утверждение — в решающий момент развития фрейдовской мысли — глубинной интуиции, лежавшей в основе его понимания принципа инерции.

(1) Lalande (A.). Vocabulaire technique et critique de la philosophie. Paris, P.U.F., 1951.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1895. Нем., 380; англ., 356; франц., 316.

ПРИНЦИП НИРВАНЫ

Нем.: Nirwanaprinzip. — Франц.: principe de nirvana. — Англ.: Nirvana principle. — Исп.: principio de nirvana. — Итал.: principio del Nirvana. — Португ.: principio de nirvana.

○ Термин Барбары Лоу, который используется Фрейдом для обозначения тенденции психического аппарата к полному устранению или по крайней мере к предельно возможному уменьшению внутреннего или внешнего возбуждения.

◘ Слово "Нирвана", распространившееся на Западе благодаря Шопенгауэру, взято из буддистской религии, где оно означает "уга-

сание" человеческого желания, стирание индивидуальности в коллективной душе, состояние спокойствия и совершенного счастья.

В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzip, 1920) Фрейд, вслед за английским психоаналитиком Барбарой Лоу, формулирует принцип Нирваны следующим образом: это "...тенденция к ослаблению, постоянству, подавлению внутреннего напряжения, связанного с возбуждением" (1). Точно так же Фрейд определяет в этом тексте принцип постоянства, в связи с чем возникает двусмысленность: тенденция к сохранению постоянного энергетического уровня отождествляется с тенденцией к полному уничтожению возбуждения (см.: Принцип постоянства).

Существенно, что Фрейд вводит понятие Нирваны в его философском значении в той работе, где он далеко продвигается по пути умозрения; в индуистском или шопенгауэровском понятии Нирваны Фрейд находит соответствие принципу влечения к смерти*. Это соответствие подчеркивается в работе "Экономическая проблема мазохизма" (Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924): "Принцип Нирваны выражает ту же направленность, что и влечение к смерти" (2). И в этом смысле принцип Нирваны означает нечто большее, нежели ... закон постоянства или гомеостазиса: это глубинная направленность на полное устранение возбуждения, которая у Фрейда ранее называлась «принципом инерции"*.

Вместе с тем понятие Нирваны означает опорную связь между удовольствием и самоустранением — связь, навсегда оставшуюся для Фрейда проблемой (см.:Принцип удовольствия).

(1) Freud (S.). G.W., XIII, 60; S.E., XVIII, 51; франц., 59.
(2) Freud (S.). G.W., XIII, 373; S.E., 160; франц., 213.

ПРИНЦИП ПОСТОЯНСТВА

Нем.: Konstanzprinzip. — Франц.: principe de constance. — Англ.: principle of constance. — Исп.: principio de constancia. — Итал.: principio di costanza. — Португ.: princípio de constência.

● Выдвинутый Фрейдом принцип, согласно которому психический аппарат стремится поддерживать имеющееся в нем количество возбуждения на возможно более низком и устойчивом уровне. Постоянство достигается, с одной стороны, разрядкой уже имеющейся энергии, с другой — избеганием всего того, что могло бы усилить возбуждение и вызвать защитную реакцию.

■ Принцип постоянства — это основа экономической теории Фрейда. Он присутствует у Фрейда с самого начала, будучи скрытой предпосылкой функционирования психического аппарата, стремя-

щегося поддержать постоянный уровень внутреннего возбуждения. В случае внешних возбуждений это достигается посредством особых механизмов, позволяющих избегать этих возбуждений. В случае увеличения внутреннего напряжения это достигается посредством механизмов защиты и разрядки (отреагирования). Различные проявления психической жизни суть не что иное, как более или менее удачные попытки сохранить или восстановить это постоянство.

Принцип постоянства тесно связан с принципом удовольствия, поскольку неудовольствие, с точки зрения экономической,— это субъективное восприятие возрастающего напряжения, а удовольствие — восприятие убывающего напряжения. Однако отношения между субъективными ощущениями удовольствия и неудовольствия и лежащими в их основе экономическими процессами, по Фрейду, весьма сложны: например, возрастание напряжения иногда может вызывать чувство удовольствия. Из этого следует, что принцип постоянства не тождествен принципу удовольствия (см.: Принцип удовольствия).

*

Положив в основу психологии закон постоянства, Фрейд и Брейер следовали широко распространенному в научных кругах конца XIX в. требованию, согласно которому психология и психофизиология, как и любая другая наука, подчиняются общим принципам физики. Как предшественники Фрейда (например, Фехнер, придававший своему "принципу устойчивости" универсальное значение) (1), так и его современники неоднократно пытались обнаружить в психофизиологии закон постоянства.

Однако, как отмечал и сам Фрейд, простота понятия постоянства — это лишь видимость, поскольку "под ним можно понимать совершенно различные вещи"(2а).

В психологии, заимствовавшей идею постоянства из физики, принцип постоянства понимается в весьма различных смыслах:

1) некоторые авторы ограничиваются применением в психологии принципа сохранения энергии, согласно которому количество энергии в замкнутой системе остается постоянным. При таком подходе психические факты зависят от наличия психической или нервной энергии, количество которой остается неизменным при различных ее преобразованиях и перемещениях. Этот закон обосновывает саму возможность перевода психологических фактов на язык энергетики. Отметим, что данный принцип, лежащий в основе экономической теории психоанализа, относится к иному уровню, нежели тот фундаментальный принцип, который у Фрейда называется принципом постоянства.

2) Принцип постоянства иногда понимается как нечто сходное со вторым законом термодинамики: различия энергетического уровня внутри замкнутой системы стремятся к равновесию как к идеальному конечному состоянию. Фехнеровский "принцип устойчивости" весьма близок ему по смыслу. Однако при подобных сопоставлениях нужно четко определить, о чем собственно идет речь, применим ли этот закон к психическому аппарату или же к заключенной в нем энергии, к цельной системе психика — организм или же к системе организм — окружающая среда? В зависимости от конкретных случаев само понятие тенденции к энергетическому равновесию может иметь прямо противоположную направленность. Если это предположение верно, внутренняя энергия организма оказывается сводимой к неорганическому состоянию (см.: Принцип Нирваны).

3) Наконец, принцип постоянства может пониматься в смысле саморегуляции: функционирование той или иной психической системы направлено на сохранение постоянства различий между собственным энергетическим уровнем и энергетическим уровнем окружения. Принцип постоянства утверждает тогда существование относительно замкнутых систем (будь то психика или же организм в целом), стремящихся сохранить или восстановить своеобразие своего облика и своего энергетического уровня при всех своих обменах с окружающей средой. И потому есть смысл сопоставить понятие постоянства с понятием гомеостазиса у физиолога Кэннона (α).

*

Из-за такого разнообразия значений точно определить, как Фрейд понимал принцип постоянства, нелегко. Фактически его формулировки (которыми, впрочем, и сам он не был доволен (3a)) нередко двусмысленны и даже противоречивы: "...психика имеет тенденцию к поддержанию возможно более низкого или хотя бы постоянного уровня возбуждения" (3b). Именно с этой тенденцией Фрейд связывает "...ослабление, сохранение, подавление внутреннего напряжения" (3c). Иначе говоря, тенденцию к полному устранению внутренней энергии системы вряд ли можно уподобить тенденции живых организмов к сохранению постоянного (пусть даже высокого) энергетического уровня при взаимодействии с окружением. По сути, эта вторая тенденция может выражаться как в стремлении к возбуждению, так и в стремлении к разрядке.

Противоречия, неточности, смысловые сдвиги в высказываниях Фрейда по этому поводу можно понять, только если выявить — четче, чем это сделано у Фрейда, — тот опыт и те теоретические

задачи, которые лежат в основе всех его попыток определить смысл закона постоянства в психоанализе.

Принцип постоянства — это часть теоретической концепции, совместно разработанной Брейером и Фрейдом в 1892—1895 гг. для объяснения феномена истерии: симптомы связываются ими с недостатком отреагирования, а опора лечения ищется в адекватной разрядке аффектов. Однако, сопоставив две теоретические работы, написанные этими авторами порознь, мы замечаем, что сходство между ними лишь внешнее, что их подходы весьма различны.

В теоретическом разделе "Исследований по истерии" (Theoretisches. In: Studien über Hysterie,1895) Брейер рассматривал условия функционирования центральной нервной системы как относительно независимой системы в организме. Он видел в ней два типа энергии. С одной стороны, это потенциальная энергия или же "внутримозговое тоническое напряжение", с другой — кинетическая энергия, функционирующая в психическом аппарате. Принцип постоянства управляет именно тоническим возбуждением: "В организме существует тенденция к поддержанию постоянного уровня внутримозгового возбуждения" (4). Здесь следует отметить три важных момента:

1) закон постоянства рассматривается как закон оптимального уровня возбуждения. Существует благоприятный для организма энергетический уровень, который должен быть восстановлен посредством разрядки, если уровень возбуждения повышается, но также и посредством подзарядки (особенно во сне), если этот уровень слишком понижается.

2) Постоянству могут угрожать либо однообразное состояние общего возбуждения (например, состояние напряженного ожидания), либо неравномерность распределения возбуждения в психике (*аффекты*).

3) Поддержание или восстановление оптимального уровня возбуждения необходимо для свободного обращения кинетической энергии. Беспрепятственное функционирование мышления, нормальный процесс ассоциации идей означают, что психическая саморегулировка не нарушена.

Фрейд в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) также исследовал условия функционирования нейронного аппарата. Однако на первый план у него выходит не принцип постоянства (поддержание определенного энергетического уровня), но принцип нейронной инерции*, согласно которому нейроны стремятся полностью освободиться от какого бы то ни было воз-

буждения. Вводя затем тенденцию к поддержанию постоянства энергии, Фрейд трактовал ее как "вторичную функцию, затребованную самой жизнью", или, иначе, как видоизмененный принцип инерции: "Нейронная система вынуждена отказаться от своей изначальной тенденции к инерции, к достижению нулевого энергетического уровня. Для обеспечения специфического действия она должна иметь определенный энергетический запас. Однако способ осуществления всего этого оказывается продолжением первой тенденции, лишь слегка видоизмененной усилием, направленным на сохранение предельно низкого энергетического уровня и защиту от его возрастания, или, иначе, на поддержание его постоянства" (2b). По Фрейду, принцип инерции управляет первичными функциями психического аппарата, обращением в нем свободной энергии. Закон постоянства, даже если он и не формулируется как независимый принцип, соотнесен со вторичными процессами, в которых связанная энергия поддерживается на определенном уровне.

Теперь становится очевидно, что хотя внешне Брейер и Фрейд используют одни и те же понятия, их теоретические модели совершенно различны. Мысль Брейера развивается в сторону биологии и предвосхищает современные идеи гомеостазиса и саморегулирующихся систем (β). Напротив, идеи Фрейда кажутся с точки зрения наук о жизни ложными: ведь он стремится *дедуктивно вывести* функционирование живого организма со всеми его приспособительными навыками, с его энергетическим постоянством из принципа, отрицающего любое устойчивое различие уровней.

Это различие между Брейером и Фрейдом (впрочем, нигде явно не сформулированное (γ)) имеет важное значение. Ведь действие принципа инерции — это особый процесс, обнаруженный Фрейдом благодаря сделанному им незадолго до этого открытию бессознательного. Это первичный процесс*, описанный в "Наброске научной психологии" на примерах сновидений и симптомов, особенно истерических. Для первичных процессов характерно беспрепятственное распространение, или "свободное перемещение", энергии (2c). На уровне психологического анализа обнаруживается, что при этом одно представление может полностью замещаться другим, заимствуя все его качества и самое силу его воздействия: "*истерик*, который плачет из-за А, и не подозревает, что виной тому — ассоциация между А и В, причем В, быть может, и не играет никакой роли в его психической жизни. Символ здесь полностью подменил собою *вещи*" (2d). Этот сдвиг значения с одного представления на другое, клинический опыт, свидетельствующий о силе воздействия замещающих представлений, естественным образом объясняются у Фрейда "экономикой" принципа инерции. Свободные сдвиги смыс-

ла и полная разрядка психической энергии для Фрейда одно и то же, при том что этот процесс совершенно противоположен сохранению энергетического постоянства.

Конечно, и в "Наброске" речь идет о принципе постоянства, но лишь как о силе, противодействующей полной разрядке и тормозящей ее. Задача связывания психической энергии и поддержания ее на предельно высоком уровне возлагается на *Я*, которое способно выполнять эту функцию, поскольку и само оно является совокупностью представлений или нейронов с постоянным уровнем энергетической нагрузки (см.: *Я*).

Таким образом, родство между первичным и вторичным процессами не означает, что в общем процессе развития жизни одно следовало за другим или что в истории живого организма принцип инерции сменился принципом постоянства: это лишь родство двух разных психических процессов, двух принципов функционирования психики (δ).

Напомним, что на различии этих принципов построена глава VII из "Толкования сновидений" (die Traumdeutung, 1900). Здесь Фрейд выдвинул предположение о том, что "...в основе работы психического аппарата лежит тенденция к предотвращению накопления возбуждений и, насколько возможно, к избеганию возбуждений" (5a). Этот принцип с характерным для него "свободным перемещением количеств возбуждения" Фрейд называл "принципом неудовольствия". Он лежит в основе функционирования бессознательного. Система Предсознание-Сознание функционирует иначе — "посредством энергетических нагрузок она вызывает *торможение* этого (свободного) потока, преобразует нагрузки в потенциальную энергию и повышает ее уровень» (5b). В дальнейшем противоположность двух систем функционирования психики связывается у Фрейда с противопоставлением принципа удовольствия* принципу реальности*. Ради понятийной ясности следует, однако, сохранить различие между тенденцией к понижению — вплоть до нуля — уровня возбуждения и тенденцией к поддержанию постоянного уровня возбуждения: очевидно, что принцип удовольствия соотнесен с первой тенденцией, а принцип реальности — со второй.

*

Лишь в 1920 г. в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips) Фрейд четко сформулировал "принцип постоянства". В этой связи следует особо отметить следующие моменты:

1) принцип постоянства выступает как экономическое обоснование принципа удовольствия (3d);

2) В определениях этого принципа сохраняется двусмысленность: тенденция к ослаблению напряжения и тенденция к поддержанию постоянного энергетического уровня выступают как тождественные.

3) Вместе с тем тенденция к полному устранению возбуждения (или принцип Нирваны*) считается основной, а другие принципы выступают как ее разновидности.

4) Хотя Фрейд видел "в душевной жизни, а быть может, и в нервной системе в целом" (3е) лишь одну тенденцию (какие бы причудливые формы она ни принимала), на уровне влечений он ввел фундаментальный и неустранимый дуализм влечений к смерти*, или к полному устранению напряжений, и влечений к жизни*, или сохранению и созданию живых организмов, что предполагает более высокий уровень энергетического напряжения. Этот дуализм влечений многие авторы считают дуализмом *принципов*: он раскрывается в последовательности главных фрейдовских противопоставлений, таких, как свободная энергия — связанная энергия*, высвобождение — связывание* (Entbindung-Bindung), первичный процесс — вторичный процесс* (см.: Влечение к смерти).

Фрейду не удалось обнаружить антитезу, которая соответствовала бы вышеперечисленным противоположностям на уровне психической экономики. В "Наброске научной психологии" разграничиваются принцип инерции и принцип постоянства, однако в дальнейшем это разграничение не внесло ясности в общую путаницу вокруг принципа постоянства.

α) В своей книге "Мудрость тела" (Wisdom of the body, 1932) У.Б.Кэннон называет *гомеостазисом* физиологические процессы, посредством которых тело стремится сохранить постоянство состава крови (при кровообращении). Эти процессы были описаны применительно к различным составляющим крови, таким, как вода, соль, сахар, белки, жир, кальций, кислород, ионы водорода (кислотно-щелочное равновесие), а также применительно к температуре крови. Этот список параметров можно было бы расширить, включив в него также минералы, гормоны, витамины и пр.

Таким образом, идея гомеостазиса опирается на динамическое равновесие в живом организме, а вовсе не на сохранение наименьшего уровня напряжения.

β) Как известно, Брейер работал вместе с нейрофизиологом Герингом над одной из важнейших саморегулирующихся систем в организме — дыханием.

γ) О трудностях в выработке общего для обоих авторов подхода к принципу постоянства свидетельствует ряд определений в разделе "Первоначальное сообщение" из "Исследований истерии".

В "Теории истерического припадка" (Zur Theorie des hysterisches Anfalles, 1892) — рукописи, посланной Брейеру, а также в письме Брейеру от 29.06.1892 (6) Фрейд говорит о тенденции к "сохранению постоянства" "порций возбуждения" в нервной системе.

В докладе Фрейда, сделанном через 10 дней после публикации Communication preliminaire (Wiener medizinische Presse, 1893, n. 4, заглавие то же), Фрейд говорил лишь о тенденции к "понижению уровня возбуждения" (7).

Наконец, принцип постоянства не выдвигается и в окончательном варианте Communication preliminaire, представленном в "Исследованиях истерии".

б) Проблемы, с которыми сталкиваются здесь Брейер и Фрейд, становятся яснее при разграничении уровней:

1) уровень *организма*, где господствуют механизмы гомеостасиса и правит один лишь принцип постоянства. Этот принцип имеет значение не только для организма в целом, но и для отдельной его части — нервной системы, не способной функционировать без сохранения и восстановления постоянства условий. Именно это имел в виду Брейер, говоря о постоянстве тонического внутримозгового возбуждения.

2) Уровень психики как объект фрейдовских исследований. Его можно далее подрасчленить на:

а) бессознательные процессы, предполагающие в итоге бесконечное скольжение значений, или, на языке энергетики, совершенно свободное перетекание возбуждений;

б) вторичный процесс в системе Предсознание-Сознание, предполагающей связывание энергии посредством *Я* или "формы", способной сохранять и восстанавливать свои границы и энергетический уровень.

В целом оказывается, что Брейер и Фрейд имеют в виду различные реальности: Брейер ставит вопрос о нейрофизиологических условиях нормального функционирования психики, а Фрейд — вопрос о том, что ограничивает и упорядочивает первичные процессы в человеческой психике.

Однако у Фрейда как в "Наброске", так и в более поздних работах, например "По ту сторону принципа удовольствия", сохраняется неясность: выводится ли вторичный психический процесс из первичного дедуктивным путем или мифически рождается как постоянная органическая форма, которая стремится утвердиться в жизни, отталкиваясь от неорганического состояния.

Эту фундаментальную двусмысленность фрейдовской мысли можно понять, видимо, лишь трактуя *Я* как особую "форму", Gestalt, построенный по образу организма, или как воплощенную метафору организма.

(1) Cf. Fechner (G.T.). Einige Ideen zur Schöpfung- und Entwicklungsgeschichte der Organismen, Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1873.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Нем., 148; англ., 137; франц., 122. — b) Нем., 381; англ., 358; франц., 317. — c) Нем., 425; англ., 404; франц., 358. — d) Нем., 429; англ., 407; франц., 361.

(3) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. — a) G.W., XIII, 68; S.E., XVII, 62; франц., 73. — b) G.W., XIII, 5; S.E., XVIII, 9; франц., 7. — c) G.W., XIII, 60; S.E., XVIII, 55—56; франц., 64.

(4) Breuer (J.). Нем., 171; S.E., II, 197; франц., 156.

(5) Freud (S.). a) G.W., II—III, 604; S.E., V, 598; франц., 488. — b) G.W., II—III, 605; S.E., V, 599; франц., 489.

(6) Cf. Freud (S.). G.W., XVII, 12; S.E., I, 147.

(7) Freud (S.). S.E., III, 36.

ПРИНЦИП РЕАЛЬНОСТИ

Нем.: Realitätsprinzip. — Франц.: principe de réalité. — Англ.: principle of reality. — Исп.: principio de realidad. — Итал.: principio di realtà. — Португ.: principio de realidade.

○ Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Он образует пару с принципом удовольствия и видоизменяет его действие: как только принцип реальности утверждает свое господство, поиск прямых и непосредственных

удовлетворений прекращается, удовлетворение ищется на обходных путях, а достижение результата может отсрочиваться в зависимости от внешних условий.

С точки зрения энергетики, принцип реальности предполагает преобразование свободной энергии в связанную*; с точки зрения топики, он характеризует главным образом систему Предсознание-Сознание; с точки зрения динамики, принцип реальности воздействует на определенный тип энергии влечений, подвластных *Я* (см.: Влечения *Я*).

■ Это понятие появляется в 1911 г. в "Двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychisches Geschehens), хотя подспудно оно присутствовало уже в ранних метапсихологических разработках Фрейда. Принцип реальности возникает, по Фрейду, позже принципа удовольствия и в связи с ним. Поначалу младенец стремится к непосредственной галлюцинаторной разрядке напряжений, связанных с влечениями (см.: Опыт удовлетворения): "...лишь постоянная неудача, отсутствие ожидаемого удовлетворения, разочарование приводят к отказу от попыток удовлетворения посредством галлюцинации. Волей-неволей психический аппарат вынужден научиться представлять себе реальное положение вещей во внешнем мире и производить в нем реальные изменения. Для этого в действие вводится новый принцип психической деятельности: психическое представление перестает подстраиваться под то, что приятно, и начинает соответствовать тому, что реально, даже если оно и неприятно" (1a). Принцип реальности как регулятивный принцип функционирования психики возникает вследствие изменения принципа удовольствия, прежде царившего безраздельно, и в результате ряда приспособительных изменений в психике, таких, как развитие функций сознания (внимание, суждение, память); замена двигательной разрядки действием, направленным на преобразование реальности; появление мысли как "испытания", при котором происходит перемещение небольших нагрузок и преобразование свободной энергии*, беспрепятственно перетекающей от представления к представлению, в связанную энергию* (см.: Тождество восприятия — Тождество мысли). Переход от принципа удовольствия к принципу реальности не уничтожает первого принципа. Если принцип реальности обеспечивает реальное удовлетворение, то принцип удовольствия сохраняет свое господство в одной из областей психической деятельности, где по-прежнему властвуют фантазии и законы первичных процессов*, т. е. в области бессознательного*.

Этот общий подход был разработан Фрейдом в рамках так называемой "генетической психологии" (1b). Он подчеркивал, что

эта общая схема в разной мере применима к развитию сексуальных влечений и влечений к самосохранению*. Так, влечения к самосохранению постепенно все более подчиняются принципу реальности, тогда как сексуальные влечения "обучаются" лишь с опозданием, да и то не полностью. В результате сексуальные влечения навсегда остаются во власти принципа удовольствия, а влечения к самосохранению довольно быстро научаются представлять в психике требования реальности. С этой точки зрения, психический конфликт между *Я* и вытесненными содержаниями психики укореняется на уровне дуализма влечений, связанного, в свою очередь, с дуализмом принципов.

Несмотря на свою очевидную простоту, эта концепция порождает трудности, которые заметил и подчеркнул сам Фрейд.

1) Мысль о том, что сексуальные влечения и влечения к самосохранению развиваются одинаково, представляется неверной. Неясно, как определить тот первоначальный момент, когда влечения к самосохранению подчинялись одному лишь принципу удовольствия: разве, по Фрейду, они не были сразу же нацелены на реальный объект удовлетворения желаний, отличаясь этим от сексуальных влечений? (2). Вместе с тем тесная связь между сексуальностью* и фантазированием* делает весьма сомнительной саму мысль о постепенном постижении реальности, как это показывает, впрочем, и психоаналитическая практика.

В самом деле, что заставляет ребенка искать реальный объект, если он способен вволю удовлетворяться собственными галлюцинациями? Эту трудность можно разрешить так: сексуальное влечение возникло на основе влечения к самосохранению — путем примыкания* и одновременно обособления. В общем, функции самосохранения вводят в действие такие способы поведения и восприятия, которые, пусть и неумело, направлены на реальный объект, способный к адекватному удовлетворению потребностей (грудь, пища). Сексуальное влечение рождается на обочине процесса, связанного с выполнением этой естественной функции; оно приобретает самостоятельность, отделяясь и от этой функции, и от объекта, воспроизводя удовольствие автоэротически* и особым образом организуя избранные представления в фантазмы. С этой точки зрения, связь между двумя типами влечений и двумя принципами — это не вторичное приобретение: связь между самосохранением и реальностью прочна изначально, а возникновение сексуальности совпадает с появлением фантазмов и галлюцинаторным осуществлением желания.

2) Фрейдовская идея насчет некоего вымышленного изначального состояния, при котором человек сперва всецело предается *нарциссическим** удовольствиям, а затем неизвестно каким путем

выходит навстречу реальности, подвергалась критике. Такую картину опровергают и собственные утверждения Фрейда: ведь доступ к реальности существует, по крайней мере в отдельных областях (например, в области восприятия), изначально. Нельзя ли связать это противоречие с тем, что в области психоаналитического исследования проблема реальности ставится иначе, чем, например, в психологии, изучающей поведение ребенка? По-видимому, то, что Фрейд необоснованно считает значимым для развития субъекта в целом, на самом деле относится только к области бессознательного желания, изначально далекой от реальности. Фрейд искал предпосылки доступа к "окончательной форме любви к объекту" в эволюции человеческой сексуальности — на пути, структурированном Эдиповым комплексом*. Без ссылок на эту Эдипову диалектику и на связанные с нею (само)отождествления* нельзя понять значение принципа реальности и его способность изменять направление сексуального желания (см.: Объект).

3) Фрейд приписывал важное значение понятию "испытание реальности"*, хотя и не дал связного теоретического объяснения этого процесса и не уточнил своего отношения к принципу реальности. Фактически это понятие используется в рамках двух совершенно различных подходов: с одной стороны, это генетическая теория обучения реальности, испытания влечения реальностью (методом проб и ошибок); с другой стороны, квази-трансцендентальная теория становления объекта в ряду антитез: внутреннее — внешнее, приятное — неприятное, интроекция — проекция (см.: Испытание реальности, *Я*-удовольствие, *Я*-реальность).

4) В своей второй топике Фрейд трактует *Я* как результат отделения от *Оно* при прямом контакте с внешней реальностью, и потому *Я* становится инстанцией, обязанной обеспечивать ведущее положение принципа реальности. *Я* "...внедряет — между требованиями влечений и действиями, направленными на удовлетворение, — работу мысли, которая, понимая настоящий момент и используя прошлый опыт, стремится с помощью испытаний предугадать результат предпринимаемых действий. Тем самым *Я* удается определить, стоит ли предпринять или же отсрочить попытку удовлетворения, не нужно ли просто-напросто счесть требования влечений опасными и подавить их (*принцип* реальности)"(3). В этом утверждении виден размах стремлений Фрейда подчинить приспособительные функции индивида — *Я* (см.: *Я*, Комментарий VI). Такая трактовка вызывает возражения двоякого рода. С одной стороны, неясно, можно ли передоверить обучение требованиям реальности такой психической инстанции, которая и сама в своем возникновении и функционировании отмечена следом (само)отож-

действлений и конфликтов. С другой стороны, разве понятие реальности в самом психоанализе не было полностью обновлено такими важнейшими открытиями, как Эдипов комплекс или развитие либидинального объекта? То, что в психоанализе понимается под "доступом к реальности", не сводится к способности отделить ирреальное от реального или же испытать фантазмы и бессознательные желания, столкнув их с единовластными законами внешнего мира.

(1) Freud (S.). a) G.W., VIII, 231—232; S.E., XII, 219. — b) G.W., VIII. 235; S.E., XII, 223.

(2) Cf. Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 227, n.; S.E., XIV, 134—135; франц., 57.

(3) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 129; S.E., XXIII, 199; франц., 74.

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ

Нем.: Lustprinzip. — Франц.: principe de plaisir. — Англ.: pleasure principle. — Исп.: principio de placer. — Итал.: principio di piacere. — Португ.: principio de prazer.

● Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Цель психической деятельности в целом — избежать неудовольствия и достигнуть удовольствия. Поскольку неудовольствие связано с возрастанием количества возбуждения, а удовольствие — с его ослаблением, постольку принцип удовольствия — это экономический принцип.

■ Мысль о том, что удовольствие — регулятивный принцип функционирования психики, принадлежит не Фрейду. Фехнер, чьи идеи, как известно, сильно повлияли на Фрейда, выдвинул "принцип удовольствия от действия" (1a). В отличие от обычных гедонистических учений, он имел в виду не удовольствие как цель человеческого действия, а обусловленность наших поступков *в данный момент* удовольствием или неудовольствием от представления о совершаемом действии или его последствиях. Фехнер отмечал также, что эти побуждения могут и не улавливаться сознанием: "Вполне естественно, что если наши побуждения скрыты в бессознательном, то это относится также к удовольствию и неудовольствию" (1b, α).

Эта актуальность побуждений лежит и в центре фрейдовской концепции: психический аппарат* стремится избегать неприятного напряжения или устранять его. Стоит отметить, что поначалу этот принцип именовался "принципом неудовольствия" (2a): побуждением к действию служит испытываемое в данный момент неудо-

вольствие, а вовсе не перспектива будущего удовольствия. Речь идет о механизме "автоматического" регулирования (2b).

*

Идея принципа удовольствия почти не изменялась на протяжении всего творчества Фрейда. А вот место этого принципа среди других теоретических положений было для Фрейда проблемой, и он предложил несколько вариантов ее решения.

Первая сложность, которая чувствуется уже в самой формулировке этого принципа, связана с определением удовольствия и неудовольствия. Размышляя о строении психического аппарата, Фрейд настаивал на том, что система Предсознание-Сознание чувствительна к любому качественному различию впечатлений от внешнего мира, но что изнутри она воспринимает лишь нарастание и ослабление напряжения, которые на шкале удовольствие — неудовольствие выражаются целой гаммой качеств (2с) (β). Можем ли мы удовлетвориться чисто экономическим определением удовольствия и неудовольствия, считая их качественным выражением количественных изменений? Каково точное соотношение между этими двумя моментами: качественным и количественным? В итоге Фрейд осознал сложность, с которой он столкнулся в поисках простого ответа на этот вопрос. Поначалу он ставил знак равенства между удовольствием и ослаблением напряжения, между неудовольствием и его возрастанием, но вскоре это отношение перестало быть для него простым и очевидным: "... обратим внимание на то, что гипотеза эта страдает неопределенностью, поскольку нам не удалось определить суть отношений между удовольствием и неудовольствием через изменение силы психических возбуждений. Ясно одно: эти отношения могут быть весьма различными и уж в любом случае не могут быть простыми" (3).

Что же касается действующего здесь механизма, то у Фрейда мы находим несколько подходов к этой проблеме. В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд призывал различать неудовольствие и чувство напряжения, поскольку существуют и приятные напряжения: "Не следует ли соотнести чувство напряжения с абсолютной величиной нагрузки, а подчас и с ее уровнем, тогда как шкала удовольствие — неудовольствие укажет нам на изменение нагрузки в единицу времени" (4а). В следующей его работе во внимание принимался также и временной фактор, ритм этого процесса, причем вновь подчеркивается качественный аспект удовольствия (5а).

Несмотря на все сложности, связанные с поиском эквивалентов между количественными и качественными аспектами удовольствия

и неудовольствия, очевиден интерес психоаналитической теории к экономическому истолкованию этих состояний, позволяющий определить основу как бессознательных инстанций личности, так и ее сознательных сторон. Говорить о бессознательном удовольствии, связанном с явно болезненным симптомом, вряд ли имеет смысл с психологической точки зрения. Фрейд исходит из психического аппарата и происходящих в нем энергетических изменений. Тем самым в его распоряжении оказывается модель, позволяющая ему рассматривать каждую подструктуру как управляемую тем же самым принципом, что и психический аппарат в целом. Он оставляет в стороне трудный вопрос об определении для каждой из этих подструктур путей и случаев возрастания напряжения как причины чувства неудовольствия. Однако эта проблема прямо ставится — применительно к *Я* — в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst,1926) (концепция сигнала тревоги* как побуждения к защите).

Другая проблема, связанная с предыдущей, — это проблема отношения между *удовольствием* и *постоянством*. В самом деле, даже если согласиться с существованием экономического, количественного аспекта удовольствия, вопрос остается открытым: обусловлено ли то, что Фрейд называет удовольствием, постоянством энергетического уровня или сведением напряжений к минимуму? Подчас кажется, что, уподобляя принцип удовольствия принципу постоянства, Фрейд выбирал первый подход. Однако, если учесть все теоретические утверждения Фрейда, особенно в "Наброске научной психологии"(Entwurf einer Psychologie, 1895) и в "По ту сторону принципа удовольствия", нельзя не заметить, что принцип удовольствия скорее противоположен сохранению постоянного энергетического уровня, независимо от того, идет ли речь о свободной энергии, об энергии связанной* или же о поднятой самим Фрейдом проблеме: не находится ли принцип удовольствия во власти влечения к смерти? (4b,5b). Подробнее эта проблема обсуждается в статье "Принцип постоянства".

Спорный вопрос психоанализа — что же собственно находится "по ту сторону принципа удовольствия" — не может быть осмысленно поставлен, покуда не выявлена проблематика, требующая ввода таких понятий, как удовольствие, постоянство, связывание, полное устранение напряжений. Фактически Фрейд вводит принципы или силы влечения, выходящие за рамки принципа удовольствия, лишь тогда, когда принцип удовольствия в его трактовке сближается с принципом постоянства. Если же принцип

удовольствия толковался как полное устранение напряжения (принцип Нирваны), то тогда Фрейд подчеркивает основополагающее значение принципа удовольствия (см. особенно: Влечение к смерти).

*

Принцип удовольствия возникает в психоаналитической теории, как правило, вместе с принципом реальности. Так, выявляя два принципа функционирования психики, Фрейд исходит прежде всего именно из этих двух опорных моментов. Поначалу влечения стремятся лишь к разрядке, к удовлетворению кратчайшим возможным путем. Постепенно они постигают природу реальности, ибо лишь этот процесс "обучения" помогает им, несмотря на все окольные пути и отсрочки, достичь желаемого удовлетворения. По этой несколько упрощенной картине можно судить о том, как проблема отношения между удовольствием и реальностью обусловлена пониманием удовольствия в психоанализе. Если под удовольствием понимать удовлетворение потребности (образец здесь — удовлетворение влечений к самосохранению), тогда противопоставление принципа удовольствия принципу реальности не дает ничего существенно нового, особенно если признать, что живой организм обладает естественным равновесием и установками, в силу которых удовольствие, подчиненное, правда, адаптативным функциям, становится направляющим принципом жизни. Однако психоанализ придает принципу удовольствия решающее значение в ином контексте — в связи с такими процессами (опыт удовлетворения) и явлениями (сновидение), "нереалистичность" которых очевидна. И тогда эти два принципа предстают как полностью антагонистичные: выполнение бессознательного желания (Wuncherfüllung) отвечает иным требованиям и соответствует иным законам, нежели удовлетворение (Befriedugung) жизненных потребностей (см.: Влечения к самосохранению).

α) Интересно, что в трактовке Фехнера "принцип удовольствия" не был явным образом связан с "принципом устойчивости". Что касается Фрейда, то он ссылался лишь на второй принцип.

β) Это упрощенная картина. Фактически Фрейд не мог не задумываться над целым рядом явлений "качественного" порядка, не выводимых из непосредственных внешних восприятий: это внутренняя речь, воспоминания-образы, сны и галлюцинации. Он считал, что качества всегда обусловлены актуальным возбуждением системы восприятия. Трудности такого подхода, оставляющего (между внутренней речью и галлюцинацией) слишком мало места для того, что, вслед за Сартром, называют "воображаемым", особенно очевидны в "Метапсихологическом дополнении к учению о сновидениях" (Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1915) (см. также: След мнесический).

(1) Fechner. Über das Lustprinzip des Handels. In: Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik, Halle, 1848. — a) 1—30 и 163—194. — b) 11.

(2) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 605; S.E., V, 600; франц., 490. — b) G.W., II—III, 580; S E., V, 574; франц., 470. — c) Cf. G.W., II—III, 621; S.E., V, 616; франц., 501.

(3) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 214; S.E., XIV, 120—121; франц.,32—33.

(4) Freud (S.). a) G.W., XIII, 69; S.E., XVIII, 63; франц., 74. — b) G.W., XIII, 69; S.E.. XVIII, 63; франц., 74.

(5) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. — a) G.W., XIII, 372—373: S.E., XIX, 160—161; франц., 212. — b) G.W., XIII, 372; S.E., XIX, 160; франц.. 212.

ПРОЕКЦИЯ

Нем.: Projektion. — Франц.: projection. — Англ.: projection. — Исп.: proyecci-on. — Итал.: proiezione. — Португ.: projeção.

● А) В широком смысле слова — смещение неврологического или психологического явления вовне, переход либо от центра к периферии, либо от субъекта к объекту. Эта процедура может пониматься по-разному (см. комментарий).

Б) В собственно психоаналитическом смысле — операция выделения и локализации в другом лице или вещи тех качеств, чувств, желаний — короче, тех "объектов", которые субъект не признает или отвергает в самом себе. Речь здесь идет об очень древнем по происхождению механизме защиты, который обнаруживается, в частности, при паранойе, но также и при "нормальном" мышлении (суеверия).

■ I. Слово "проекция" широко используется в наши дни как в психологии, так и в психоанализе. Оно используется в различных и, как часто отмечают, нечетко разграниченных значениях. Стоит, по-видимому, охарактеризовать различные трактовки понятия "проекция" — сначала на уровне семантики.

а) В *неврологии* слово "проекция" употребляется в смысле, производном от геометрического, где оно означает соответствие каждой точки фигуры в пространстве каждой точке фигуры на чертеже. В этом смысле тот или иной участок мозга представляет собой проекцию определенного (рецепторного или эффекторного) участка телесного аппарата: соответствие между тем и другим устанавливается по особым законам — либо между отдельными точками, либо между отдельными структурами, причем оно может осуществляться и в центробежном, и в центростремительном направлении.

б) Второе значение производно от первого, но затрагивает лишь

движение от центра к периферии. На языке психофизиологии, например, говорят о том, что обонятельные ощущения локализуются в органе-рецепторе благодаря проекции. Именно в этом смысле Фрейд говорит об "ощущении щекотки как о таком возбуждении *центральной* нервной системы, которое проецируется на периферическую эрогенную зону" (1). В этом же смысле можно, вслед за Г.Б. и А.С. Инглиш, определять "эксцентрическую" проекцию как "локализацию чувственных данных в том месте пространства, где находится воздействующий объект, а не в той точке тела, где возникает ощущение" (2а).

В *психологии* проекцией называются следующие процессы:

в) субъект воспринимает окружающий мир и отвечает на возбуждения сообразно со своими интересами, способностями, привычками, длительными или мимолетными аффективными состояниями, ожиданиями, желаниями и пр. Подобная соотнесенность внутреннего и внешнего мира (Innenwelt и Umwelt) — это одно из открытий современной биологии и психологии, сделанное прежде всего под воздействием гештальтпсихологии. Это открытие подтверждается на всех уровнях поведения: животное выборочно реагирует в поле своего восприятия на некоторые особые стимулы, управляющие его поведением; деловой человек рассматривает все предметы с точки зрения купли-продажи ("профессиональная деформация восприятия"); человек в хорошем настроении склонен видеть мир "сквозь розовые очки" и пр. Однако существенные структуры и характеристики личности могут обнаружиться и в его явном поведении. Этот факт лежит в основе так называемых проективных методов: детский рисунок раскрывает личность ребенка; при некоторых стандартных тестах, например при проективных тестах в собственном смысле слова (ср. тесты Роршаха — Т.А.Т. — thematic apperception test, тест тематической апперцепции), субъект сталкивается со слабоструктурированными ситуациями и неясными стимулами, что позволяет "... определять, по особым правилам расшифровки и в соответствии с особенностями материала и заданного вида творческой деятельности, определенные черты характера испытуемого, равно как и организацию его поведения и его эмоциональной жизни" (3).

г) Субъект показывает самим своим отношением, что он уподобляет одного человека другому: говорят, например, что он "проецирует" образ отца на своего начальника. В таком случае слово "проекция" — это малоудачное обозначение психоаналитического открытия, называемого "трансфером".

д) Субъект отождествляет себя с другими людьми или, напротив, отождествляет других людей, одушевленные или неодушевленные существа с самим собой. Как известно, читатель может проецировать на себя героя романа и наоборот: в своих "Баснях"

Лафонтен, например, проецировал антропоморфные чувства и рассуждения на животных. Подобный процесс уместнее было бы счесть "(само)отождествлением" в психоаналитическом смысле.

е) Субъект приписывает другим людям побуждения, желания и пр., которых он не замечает в самом себе: так, расист проецирует на тех людей, которых он ненавидит, свои собственные недостатки и склонности. Этот феномен, названный у Г.Б. и А.С.Инглиш "отчуждающей проекцией" (disowning projection) (2b), наиболее сходен с проекцией у Фрейда.

II. Фрейд говорил о проекции применительно к различным явлениям нормальной психологии и патопсихологии:

1) проекция была поначалу обнаружена в паранойе. Фрейд посвятил этому психическому расстройству два небольших текста, написанных в 1895—1896 гг. (4a), а также главу III из "Дальнейших соображений о психоневрозах защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896). В этих работах проекция предстает как первичная защита, связанная с неправильным использованием обычного психического механизма, например, вынесением вовне источника неудовольствия. Параноик проецирует вовне мучительные представления, а они возвращаются к нему в виде самоупреков: "... действительные содержания остаются теми же самыми, меняется лишь их место внутри общего целого" (4b).

В дальнейшем, размышляя о паранойе, Фрейд каждый раз (особенно в случае Шребера) говорил и о проекции. Однако в данном случае проекция понимается ограниченно: она представляет собой лишь часть параноидного защитного механизма и присутствует не во всех видах паранойи (5a).

2) В 1915 г. Фрейд описывал *фобическую* организацию психики как настоящую "проекцию" влечения, ощущаемого как нечто опасное, на реальность: " *Я* ведет себя так, словно опасность нарастания тревожного страха обусловлена не динамикой влечений, а внешним восприятием, и, стало быть, можно реагировать на эту внешнюю опасность попытками бегства, фобическим уклонением от «опасности» (6).

3) Фрейд видел тот же механизм в так называемой "проективной ревности", которую он отличал как от "нормальной" ревности, так и от параноидного бреда ревности (7). Субъект защищается от собственных желаний неверности, вменяя неверность в вину супругу; тем самым он переносит внимание с собственного бессознательного на бессознательное другого человека, подчас достигая глубокого понимания этого человека одновременно с полным непониманием самого себя. И потому иногда невозможно (и всегда безрезультатно) опровергать проекцию как ошибку восприятия.

4) Фрейд неоднократно подчеркивал *нормальность* проективного механизма. И потому он видел проекцию в предрассудках, мифах,

анимизме: "Неясное осознание (так сказать, эндопсихическое восприятие) психических факторов и отношений в бессознательном выражается [...] в построении *сверхъестественной реальности*, которая должна быть вновь преобразована наукой в *психологию бессознательного*" (8).

5) Наконец, лишь в редких случаях Фрейд говорил о проекции применительно к психоаналитической ситуации. Например, он никогда не называл трансфер в целом проекцией: словом "проекция" он обозначал лишь один момент трансфера — когда субъект приписывает аналитику те слова и мысли, которые, по сути, принадлежат ему самому (например: "Вы подумаете, что .., но у меня нет такого намерения") (9а).

Из этого перечня видно, что обнаруживая проекцию в различных областях, Фрейд понимал ее достаточно узко. Проекция всегда выступает как защита, как приписывание другому — человеку или вещи — качеств, чувств, желаний, которые субъект отрицает или просто не замечает в самом себе. На примере анимизма видно, что Фрейд не считал проекцию простым уподоблением другого самому себе. Анимистские верования нередко объясняли неспособностью первобытных людей помыслить природу иначе как по образу человека; то же относится и к мифологии: нередко утверждают, что древние "проецировали" на природу человеческие качества и страсти. По Фрейду — в этом и состоит его вклад в решение проблемы — такое уподобление опирается на *отказ признать нечто*: демоны и духи воплощают не что иное, как дурные человеческие желания.

III. В большинстве случаев, говоря о проекции, Фрейд не рассматривал проблему в целом. В описании случая Шребера он объясняет это так: "... понимание проекции предполагает исследование более общей психологической проблемы, которое нам придется отложить до другого случая, а вместе с нею — изучение образования параноидных симптомов как таковых" (5b). Даже если такое исследование и было проведено, оно никогда не было опубликовано. При этом Фрейд неоднократно высказывал свои соображения о метапсихологии проекции. Попробуем обобщить здесь элементы его теории и возникающие в ней проблемы:

1) общую основу механизма проекции мы обнаруживаем во фрейдовской трактовке влечения. Как известно, Фрейд считал, что в организме возможны два вида возбуждений, порождающих напряжение: те, от которых можно уберечься и защититься, и те, которых невозможно избежать, поскольку необходимого механизма (или слоя*) защиты не существует, — и это первый критерий различения между внутренним и внешним. Проекция выступает, таким образом, как первоначальное средство защиты от внутренних возбуждений, которые могут быть слишком сильными и потому

неприятными, и тогда субъект проецирует их вовне, чтобы уклониться (фобическое избегание), защититься от них. Возникает "...побуждение видеть в них не внутреннее, а внешнее воздействие, так как в последнем случае можно ввести в действие особый слой защиты от возбуждения. Так и возникает проекция" (10). У этого решения есть, однако, свой изъян: отныне субъект вынужден безраздельно верить в нечто, подчиненное законам реального мира (4с).

2) Фрейд считал, что проекция (вместе с интроекцией*) играет важную роль в возникновении противоположности между субъектом *(Я)* и внешним миром. Субъект "...принимает в себя или, по Ференци, "интроецирует" те объекты, которые служат источниками удовольствия; он отторгает все то, что становится внутренним источником неудовольствия (механизм проекции)" (11). Этот процесс интроекции — проекции выражается "в языке орального влечения" (9b) как противоположность присвоения — отторжения. Именно этот этап Фрейд считал периодом "*Я*-удовольствия в чистом виде" (см.: *Я*-удовольствие, *Я*-реальность). Авторы, которых интересовал временной аспект фрейдовской концепции, ставили вопрос: предполагает ли проекция — интроекция уже существующее различение внутреннего и внешнего или же сама создает его? Анна Фрейд писала: "Мы полагаем, что интроекция и проекция возникают вслед за обособлением *Я* от внешнего мира" (12). Она спорила по этому вопросу с М. Кляйн, у которой на первом плане была диалектика интроекции — проекции "хороших" и "плохих" объектов* как основа дальнейшего различения внутреннего и внешнего.

IV. Таким образом, Фрейд указал на тот механизм, в котором он видел метапсихологическую пружину проекции. Однако такое понимание породило ряд проблем, не нашедших ясного ответа в его работах.

1) Первая трудность связана с вопросом о том, что́ именно проецируется, выносится вовне. Нередко Фрейд описывал проекцию как деформацию нормального процесса, побуждающего нас искать *причину* наших аффектов во внешнем мире: именно так выглядит проекция при фобиях. Напротив, в исследованиях паранойи — скажем, в случае Шребера — ссылки на причины предстают как апостериорные обоснования проекции: "... высказывание "я его ненавижу" преобразуется посредством проекции в другое высказывание: "он меня ненавидит" (он меня преследует), что дает мне право его ненавидеть" (5с). В этом случае проецируется, выносится вовне *аффект* ненависти (или, иначе говоря, само влечение). Наконец, в таких метапсихологических текстах, как "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) и

"Отрицание" (Die Verneinung, 1925), проецируется "плохое", то, что составляет объект ненависти. Такая трактовка близка "реалистическому" пониманию проекции у М.Кляйн: с ее точки зрения, проекции подвергается "плохой" (фантазматический) объект, причем возникает впечатление, будто не воплощенное в каком-либо *объекте* влечение или аффект вообще невозможно отвергнуть.

2) Вторая важнейшая трудность возникает в связи с фрейдовской концепцией паранойи. Дело в том, что, обсуждая общие защитные механизмы, действующие при этом психическом расстройстве, Фрейд по-разному определял место проекции. В своих первых текстах он трактовал проекцию при паранойе как первичный защитный механизм, по сути своей противоположный вытеснению при неврозе навязчивости. При этом неврозе первичная защита представляет собой вытеснение в бессознательное всей совокупности патогенных воспоминаний и замещение их "первичным симптомом защиты" — недоверием самому себе. При паранойе же первичная защита действует иначе: вытеснение здесь также имеет место, однако оно направлено во внешний мир, а первичный симптом защиты выступает как недоверие другим людям. Состояние бреда выглядит тогда как неудачная защита и "возврат" того, что было вытеснено вовне (4d).

В случае Шребера проекция возникает иначе, сопровождая процесс "образования симптома"*. Этот подход сближает механизм возникновения паранойи с механизмом возникновения неврозов: поначалу невыносимое чувство (гомосексуальная любовь) вытесняется внутрь, в бессознательное, преобразуясь в свою противоположность, а затем оно проецируется во внешний мир; в данном случае проекция выступает как способ возврата того, что было вытеснено в бессознательное.

Это различие в понимании механизма паранойи позволяет вычленить два смысла проекции:

а) смысл, сходный с пониманием проекции в кинематографии: субъект выносит вовне образ того, что бессознательно существует в нем самом. Здесь проекция определяется как особый способ непонимания, нежелания знать, парадоксальным образом предполагающий понимание в других именно того, что субъект отказывается видеть в себе;

б) обозначение квазиреального процесса отторжения: субъект выбрасывает вовне то, чего не хочет иметь, и затем вновь обнаруживает выброшенное во внешнем мире. В данном случае проекция выступает не как "нежелание знать", но как "нежелание быть".

При первом подходе проекция сводится к иллюзии, при втором — укореняется в месте первоначального раздвоения на субъект и внешний мир (см.: Отвержение).

Этот второй подход отчасти присутствует и в изучении случая

Шребера: "Неверно думать, будто подавленное внутреннее чувство проецируется вовне, скорее то, что устранено (aufgehobene) внутри, вновь приходит извне" (5d). В этом отрывке Фрейд, по сути, называет проекцией вышеописанное "нежелание знать", уточняя, правда, что ссылок на проекцию недостаточно для понимания психоза.

3) Еще одна сложность касается фрейдовской теории галлюцинации и сновидения как разновидностей проекции. Если Фрейд прав и вовне проецируется именно неприятное, то как понять проекцию исполненного желания? Фрейд предложил такой ответ на этот вопрос: даже если в сновидении удовлетворяется приятное желание, сон при этом не перестает выполнять свою первичную функцию защиты, устраняя любые помехи этому удовлетворению: "...на месте внутреннего побуждения, всецело поглощающего сновидца, воцаряется внешний опыт, запрос которого спящий отвергает. Таким образом, сновидение, помимо прочего, выступает как проекция внутреннего процесса" (13).

V. 1) Несмотря на все эти сложности, смысл проекции, как мы видим, показан у Фрейда достаточно четко. Всякий раз речь идет о выбросе вовне, об отказе принять нечто в себя или быть чем-то. Представляется, что этот смысл, связанный с отказом, выбросом, отсутствовал в дофрейдовском использовании слова "проекция" — об этом свидетельствует, например, такое высказывание Ренана: "Ребенок проецирует на все вещи то чудо, которое он носит в самом себе".Такое употребление слова "проекция" встречается и в послефрейдовскую эпоху, порождая ряд трудностей, связанных с этим понятием, в психологии, а иногда и в психоанализе (α).

2) Наши попытки сохранить фрейдовское понимание проекции не означают отрицания всех тех трудностей, о которых речь шла выше (см. I). К тому же психоанализ показывает, что проекция, как отказ от понимания и выброс вовне, имеет место во всех этих разнородных процессах.

Ведь уже проекция как перенос на какой-то определенный орган тела неясного, разлитого напряжения и страдания, позволяет фиксировать его, даже при отказе от понимания его подлинного источника (см. выше: I, б).

Кроме того, несложно показать, что при проективных тестах (см. выше: I, в) речь идет не только об упорядочении внешних раздражителей сообразно со складом личности: рассматривая и истолковывая предъявляемые ему картинки, субъект, конечно же, проецирует вовне не только то, что он есть, но и то, чем он отказывается быть. Возникает даже вопрос: не побуждает ли сам проективный метод к вынесению "плохого" вовне?

Отметим также, что психоаналитики не уподобляют трансфер проекции (см. выше: I, г); признавая, однако, что механизм

проекции играет свою роль в трансфере. Например, считается, что проекция собственного *Сверх-Я* на аналитика облегчает для субъекта мучительную ситуацию внутренней борьбы.

Наконец, весьма запутанными представляются отношения между (само)отождествлением и проекцией — отчасти из-за нечеткости в определении этих понятий. Подчас такие выражения, как "истерик *проецирует себя*" или "истерик *отождествляет себя*" с каким-то персонажем, используют как синонимичные. Возникающая при этом путаница столь велика, что Ференци, например, умудрялся говорить в подобных случаях даже об интроекции. Не углубляясь сейчас в вопрос о сорасчленении понятий и механизмов (само)отождествления и проекции, заметим, что термин "проекция" в подобных случаях вообще неуместен, так как здесь отсутствуют необходимые для проекции в психоаналитическом смысле условия — расчленение внутреннего мира личности и отбрасывание на другого человека отторгаемой части самого себя.

α) Эту путаницу может прояснить один забавный случай. Во время дискуссии философов двух различных направлений один из участников спрашивает: "Разве наши позиции не тождественны?". "Надеюсь, что нет", — отвечает член другой группы. В обычном психологическом смысле слова мы видим "проекцию" у первого участника; с точки зрения Фрейда, проекцию осуществляет как раз второй участник, решительно отвергая мысли собеседника, что может свидетельствовать лишь о том, что он боится обнаружить эти мысли у самого себя.

(1) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 85; S.E., VII, 184; франц., 78.

(2) English (H.B.) and English (A.C.). A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms, 1958. — a) Статья "Projection-Eccentric". — b) Статья "Projection", 3.

(3) Anzieu (D.). Les méthodes projectives, Paris, P.U.F., 1960, 2—3.

(4) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. — a) Нем., 118—124 и 163—164; англ., 109—115 и 152—154; франц., 98—102 и 135—136. — d) Cf. Нем., 118—124 и 163—164; англ., 109—115 и 152—154; франц., 98—102 и 135—136.

(5) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia, 1911. — a) Cf. G.W., VIII, 302—303; S.E., XII, 66; франц., 311. — b) G.W., VIII, 303; S.E., XII, 66; франц., 311. — c) G.W., VIII, 299; S.E., XII, 63; франц., 308. — d) G.W., VIII, 508; S.E., XII, 71; франц., 315.

(6) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 283; S.E., XIV, 184; франц., 126.

(7) Cf. Freud (S.). Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität, 1922. G.W., XIII, 195—198; S.E., XVIII, 223—225; франц. In: R.F.P., 1932, V, 3, 391—393.

(8) Freud (S.). Zur Psychopathologie des Alltagslebens, 1901. G.W., IV, 287—288; S.E., VI, 158—159; франц., 299.

(9) Ср., например: Freud (S.). Die Verneinung, 1925. — a) G.W., XIV, 11; S.E., XIX, 253; франц., 174. — b) G.W., XIV, 13; S.E., XIX, 237; франц., 175.

(10) Freud (S.). Jenseits des Listprinzips, 1920. G.W., XIII, 29; S.E., XVII, 29; франц., 32.

(11) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 228; S.E., XIV, 136; франц., 58.

(12) Freud (A.). Das Ich und die Abwehrmechanismen, 1936. Франц., Le moi et les mécanismes de défence, Paris, P.U.F., 1949, 47.

(13) Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917. G.W., X, 414; S.E., XIV, 223; франц., 165.

ПРОЛАГАНИЕ ПУТИ

Нем.: Bahnung.— Франц.: frayage.— Англ.: facilitation.— Исп.: facilitación. — Итал.: facilitazione. — Португ.: facilitação.

● Термин, который связан у Фрейда с неврологической моделью функционирования психического аппарата (1895). При переходе от одного нейрона к другому возбуждение должно справиться с сопротивлением. Поскольку при этом сопротивление постоянно ослабевает, можно говорить о пролагании пути: возбуждение предпочитает уже протоpенный путь нерасчищенному.

■ Понятие пролагания пути занимает главное место в описании функционирования "нейронного аппарата", данного Фрейдом в его "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895). Как указывает Э.Джонс, это понятие играло важную роль в опубликованной годом раньше книге Экснера "Набросок физиологического объяснения психических явлений" (Entwurf zu einer physiologischen Erklärung der psychischen Erscheinungen, 1894) (1). В своих метапсихологических сочинениях Фрейд не отказывался полностью от этого понятия, но и не использовал его. В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), где Фрейд вновь обратился к физиологической модели, вновь возникло и понятие пролагания пути (2).

(1) Cf. Jones (E). Sigmund Freud: Life and Work, 1933, англ., 417. Франц., 417—418.

(2) Cf. Freud (S). G.W., XIII, 26. S.E., XVIII, 26; франц., 29.

ПРОРАБОТКА

Нем.: Durcharbeitung или Durcharbeiten. — Франц.: perlaboration. — Англ.: working-through. — Исп.: trabajo elaborativo. — Итал.: elaborazione — Португ.: perlaboração.

● Процесс, посредством которого анализ вбирает в себя истолкование и преодолевает порождаемые им сопротивления. В данном случае речь идет о такой психической работе, посредством которой субъект принимает некоторые вытесненные содержания и освобождается от власти механизмов повторения. Проработка постоянно происходит во время лечения, однако на некоторых стадиях, когда лечение

застопоривается, а сопротивление, несмотря на все истолкования, сохраняет силу, она играет особенно важную роль.

С точки зрения психоаналитической техники, проработке способствуют истолкования аналитика, из которых явствует, что обсуждаемые значения вновь обнаруживаются в иных контекстах.

◘ [...] Мысль о том, что пациент осуществляет во время лечения определенную работу, встречается уже в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895); Фрейд даже использует при этом сами термины durcharbeiten и Durcharbeitung, пока еще не приобретшие четкого смысла (1).

Они получают определенный смысл лишь в статье "Воспоминание, повторение и проработка" (Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914), само заглавие которой свидетельствует о том, что проработка в лечении столь же важна, как припоминание вытесненного и повторение при трансфере. Фактически смысл, который Фрейд придает здесь понятию "проработка", остается не вполне ясным. Однако некоторые его аспекты выявляются в этом тексте достаточно четко:

а) проработка относится к сопротивлениям;

б) как правило, проработка следует за истолкованием сопротивления, даже если это истолкование представляется безрезультатным; после нее может скрыто совершаться позитивная работа, ведущая к успеху в лечении;

в) она позволяет вместо отказа или же от чисто интеллектуального принятия вытесненных влечений, "питающих сопротивление", перейти к убежденности, основанной на живом их переживании (Erleben) (2a). В этом смысле субъект совершает проработку, "даже уходя в сопротивление" (2b).

Фрейд не пытается связать понятие проработки с понятиями воспоминания и повторения. По-видимому, для него проработка выступала как третий термин, соединяющий два других; по сути, проработка — это, конечно, повторение, но измененное истолкованием и потому способное помочь субъекту освободиться от повторений. Учитывая в проработке этот момент живого переживания и ее разрешающую способность, Фрейд видел в ней аналог отреагированию при лечении гипнозом.

В "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд проследил на уровне топики различие между сопротивлениями *Оно* и сопротивлениями *Я*, что позволило ему устранить ряд неясностей предыдущего текста: вытеснение не устраняется путем преодоления сопротивлений *Я*; для этого нужно также "... преодолеть силу, принуждающую к повторению, или, иначе, притяжение бессознательных прообразов, воздействующих на вытесненные влечения"(3). Потому-то проработка и необходима:

она выступает как процесс, способный прекратить настойчивую повторяемость бессознательных образований, ставя их в связь с личностью субъекта в целом.

*

В текстах Фрейда, на которые мы ссылались выше, проработка, безусловно, трактуется как работа, осуществляемая пациентом. Те авторы, которые настаивали на необходимости проработки в послефрейдовские времена, неизменно подчеркивали роль аналитика в этом процессе. М. Кляйн, например, писала: "Наш повседневный опыт постоянно подчеркивает необходимость проработки: так, иногда встречаются пациенты, имевшие на какой-то стадии лечения инсайт, но на следующих же сеансах отказавшиеся от него и даже как бы забывшие о нем. Наши выводы из анализируемого материала, по-разному выступающего в различных контекстах, и последовательное его истолкование помогают пациенту достигнуть долговременного инсайта".

(1) Cf. Freud (S.). G.W., I, 292, 295; S.E., II, 288, 291; франц., 235.
(2) Freud (S.). a) G.W., X, 136; S.E., XII, 155; франц., 115. — b) G.W., X, 135; S.E., XII, 155; франц., 114.
(3) Freud (S.). G.W., XIV, 192; S.E., XX, 159; франц., 88.
(4) Klein (M.). Narrative of a Child Analysis, Hogarth Press, London, 1961, 12.

ПРОТИВОНАГРУЗКА

Нем.: Gegenbezetzung. — Франц.: contre-investissement. — Англ.: anticathexis. — Исп.: contracarga. — Итал.: controcarica или controinvestimento.— Португ.: contracarga или contra investimento.

○ Экономический процесс, в котором Фрейд видит опору для многообразных защитных действий *Я*. Этот процесс предполагает осуществляемую *Я* нагрузку представлений, систем представлений, установок и т.д., способных препятствовать доступу бессознательных представлений и желаний в сознание и действие.

Этим термином может также обозначаться более или менее устойчивый результат этого процесса.

□ Понятие противонагрузки употреблялось Фрейдом преимущественно в рамках "экономической" теории вытеснения. Подлежащие вытеснению представления, постоянно нагруженные влечениями и непрестанно стремящиеся прорваться в сознание, могут удерживаться в бессознательном лишь силой, неустанно действую-

щей в противоположном направлении. В общем вытеснение предполагает два взаимообусловленных экономических процесса:

1) осуществляемое системой Псз снятие нагрузки, ранее связанной с тем или иным неприятным представлением (разгрузка);

2) противонагрузка энергией, высвобожденной в результате предыдущей операции.

И здесь возникает вопрос об объекте противонагрузки. Заметим, что в результате противонагрузки представление удерживается в системе, снабжающей влечения энергией. Это нагрузка какого-то элемента в системе Предсознание-Сознание, не позволяющая вытесненному представлению занять его место. Противонагруженные элементы различны по своей природе: это может быть отросток* бессознательного представления (подмены, например, животные, которые в фобиях приковывают к себе внимание, обеспечивая устойчивое вытеснение бессознательного желания и связанных с ним фантазий) или же нечто, прямо ему противоположное (ср. реактивные образования — скажем, повышенное внимание матери к детям, за которым скрываются ее агрессивные желания, или же забота о чистоте, свидетельствующая лишь о борьбе с анальными тенденциями).

Противонагруженным может оказаться не только представление, но и ситуация, поступок, черта характера и пр., — в любом случае цель противонагрузки в том, чтобы как можно дольше сохранить вытеснение. И в этом смысле понятие противонагрузки обозначает экономический аспект динамического понятия защиты *Я*, позволяя учесть устойчивость симптома, поддерживаемого, по выражению Фрейда, "одновременно с двух сторон". Неустранимости бессознательного желания противопоставлена относительная прочность защитных механизмов *Я*, предполагающих постоянные энергетические затраты.

Понятие противонагрузки относится не только к пограничной области между бессознательным и предсознательным. Фрейд впервые ввел понятие противонагрузки в свою теории вытеснения* (1), однако противонагрузка обнаруживается и в различных защитных механизмах, таких, как изоляция, ретроспективная ликвидация, защита со стороны реальности и пр. При подобных защитных действиях, а также в механизмах внимания и аналитического мышления противонагрузка осуществляется также внутри самой системы Предсознание-Сознание.

Фрейд обращается к понятию противонагрузки также при изучении связи организма со своим окружением (например, при учете защитных реакций на внешнее поступление энергии, прорывающей слой защиты от возбуждений*,— боль, травма). Организм вводит в действие внутреннюю энергию за счет ослабления других видов деятельности, чтобы построить внутреннюю преграду, не

пропускающую внутрь внешние возбуждения или хотя бы ослабляющую их натиск (2).

(1) Cf. Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 610; S.E., V, 604—605; франц., 493.

(2) Ср., например.: Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 30—31; S.E., XVIII, 30—31; франц., 33—34.

ПРОЦЕСС ПЕРВИЧНЫЙ, ПРОЦЕСС ВТОРИЧНЫЙ

Нем.: Primärvorgang, Sekundärvorgang. — Франц.: processus primaire, processus secondaire. — Англ.: primary process, secondary process. — Исп.: proceso primario, proceso secondario. — Итал.: processo primario, processo secondario.— Португ.: processo primário, processo secondário.

○ Два способа функционирования психического аппарата, выделенные Фрейдом. Главные их различия:

а) с точки зрения топики: первичный процесс — принадлежность бессознательного, вторичный процесс — системы "Предсознание-Сознание";

б) с точки зрения энергетики и динамики: в ходе первичного процесса психическая энергия течет свободно, переливаясь из представления в представление посредством механизмов смещения и сгущения; при этом она стремится до отказа нагрузить представления, связанные с тем опытом удовлетворения, который порождает желание как таковое (первичная галлюцинация). А в случае вторичного процесса энергия "связана" с самого начала, поток ее подконтролен, представления устойчиво нагружены, удовлетворение отложено, открывая дорогу мысленной проверке и сопоставлению различных способов удовлетворения.

Противоположность между первичным и вторичным процессами соответствует противоположности между принципом удовольствия и принципом реальности.

□ Фрейдовское разграничение между первичным и вторичным процессами относится к тому же периоду, что и открытие бессознательных процессов, будучи его первым теоретическим выражением. Оно присутствует в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895), получает дальнейшее развитие в главе VII "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) и в дальнейшем остается неизменной опорой фрейдовской мысли.

Исследование симптомообразования и анализ сновидений приводят Фрейда к признанию особого типа функционирования психики, управляемого законами, отличными от тех, что лежат в основе мыслительных процессов как традиционного объекта психологического наблюдения. Для этого способа функ-

ционирования психики, особенно ярко проявляющегося в снах, характерно не отсутствие смысла, как утверждала традиционная психология, но скорее непрерывное его скольжение. При этом действуют механизмы смещения*, посредством которых представление, даже, казалось бы, несущественное, может приобрести большую психологическую ценность, значение и силу, изначально приписываемую другому представлению, и механизмы сгущения*, посредством которых в одном-единственном представлении совпадают все значения, образуемые пересекающимися ассоциативными цепочками. Еще один способ функционирования бессознательного связан со сверхдетерминацией* симптома.

Особенности сновидения привели Фрейда к мысли о том, что цель бессознательного процесса — как можно скорее привести к тождеству восприятия* путем галлюцинаторного воспроизводства тех представлений, особая значимость которых обусловлена первоначальным опытом удовлетворения*.

Контрастны такого рода функционированию психики вторичные процессы или такие традиционно изучаемые психологией функции, как бодрствующая мысль, внимание, суждение, рассуждение, контролируемое действие. Вторичный процесс нацелен на обретение тождества мысли*: "Мысль должна интересоваться связью между представлениями, не пасуя перед их силой" (1). С этой точки зрения вторичный процесс представляет собой изменение первичного процесса. Его управляющая роль становится возможной благодаря возникновению *Я*, способного прежде всего тормозить первичный процесс (см.: *Я*). Однако не все процессы с участием *Я* можно описать как вторичные процессы. Фрейд сразу же обратил внимание на то, что *Я* может оказаться во власти первичного процесса, особенно при патологических способах защиты. Связь защиты с первичными процессами клинически выражается в навязчивости, а экономически — в стремлении к полной, непосредственной и быстрейшей разрядке энергии (α): "Нагрузка желания вплоть до галлюцинаторного состояния, высокая степень неудовольствия и, стало быть, полнота обращаемых против этого защит — все это мы называем *первичными психическими процессами*; напротив, процессы, обеспечивающие должную нагрузку *Я* в более мягких формах, мы называем *вторичными психическими процессами*" (2а).

Противоположность между первичным и вторичным процессами соответствует противоположности между двумя видами психической энергии: свободной* и связанной*, а также противоположности принципа удовольствия и принципа реальности*.

*

Слова "первичный" и "вторичный" предполагают временной или генетический смысл. Эти смыслы усиливаются у Фрейда во второй теории психического аппарата, где *Я* выступает как результат постепенного обособления от *Оно**.

Эти понятийные моменты присутствуют уже в первой теоретической модели Фрейда. В "Наброске", например, эти два процесса трактуются не только как соответствия двум различным способам функционирования представлений, но также двум *этапам* развития и специализации нейронного аппарата и даже эволюции всего организма. Так, Фрейд различает "первичную функцию", когда весь организм или отдельная его часть — нейронная система — функционирует по модели "рефлекторной дуги", т. е. путем незамедлительной и полной разгрузки внутреннего органического возбуждения, и "вторичную функцию" — бегство от внешних возбуждений и одновременно накопление энергии для специфического действия, единственно способного положить конец внутреннему напряжению: "...все функции нервной системы могут быть поняты либо с точки зрения первичной функции, либо с точки зрения вторичной функции, порождаемой жизненной потребностью (Not des Lebens)" (2b). Фрейд не мог не стремиться к соблюдению важнейших научных требований, вписав свое открытие первичного и вторичного психических процессов в рамки биологических идей, предполагавших различные типы ответа организма на прилив возбуждений. Однако в результате этих усилий формулировались идеи, которые трудно было бы защищать доводами биологии. Один из примеров здесь — рефлекторная дуга, призванная передать на полюс моторики все то количество возбуждения, какое было получено организмом на полюсе чувственного восприятия. А вот еще один, более глубокий пример: речь идет о представлении, согласно которому организм проходит в своем развитии этап полной разгрузки получаемой им энергии; парадоксальное следствие этой гипотезы в том, что лишь «жизненная потребность» сделала возможным возникновение живого существа (см.: Принцип постоянства).

Однако даже там, где Фрейд, казалось бы, ближе всего подходит к биологическим моделям, он вовсе не отождествляет первичную и вторичную "функции" организма с первичным и вторичным процессами, в которых он видит два способа функционирования психики, или системы ψ(2с).

α) В "Наброске научной психологии" Фрейд называет первичный процесс также "полным" (voll) процессом.

(1) Freud (S.). G.W., II—III, 607—608; S.E., V, 602; франц., 491.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1895. — a) Нем., 411; англ., 388; франц., 344. — b) Нем., 381; англ., 358; франц., 317. — c) Cf. Нем., 409—411; англ., 386—389; франц., 342—344.

ПСИХОАНАЛИЗ

Нем.: Psychoanalyse. — Франц.: psychanalyse — Англ.: psycho-analysis. — Исп.: psicoanálisis. — Итал.: psicoanalisi или psicanalisi. — Португ.: psicanálise.

● Наука, начало которой положил Фрейд, различавший в ней три уровня:

А) Метод исследования, опирающийся в основном на выявление бессознательного значения слов, поступков и продуктов воображения (сны, фантазии, бреды) данного субъекта. В основе метода лежат прежде всего свободные ассоциации* субъекта, обеспечивающие надежность истолкования*. Психоаналитическое истолкование может охватывать такие продукты человеческой деятельности, на которые свободные ассоциации не распространяются.

Б) Психотерапевтический метод, опирающийся на это исследование; он пользуется контролируемым истолкованием сопротивления*, трансфера* и желания*. В этом смысле психоанализ значит то же, что лечение психоанализом (ср., например, "прописать психоанализ").

В) Совокупность теорий психологии и психопатологии, в которых систематизированы данные, полученные психоаналитическим методом исследования и лечения.

■ В своей первой статье "Психоневрозы защиты" (Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894) Фрейд говорил об анализе, об анализе психики, психологическом анализе, гипнотическом анализе. Лишь позднее, в статье об этиологии неврозов, опубликованной на французском языке (2), он ввел термин «психоанализ». По-немецки термин Psychoanalyse впервые встречается в 1896 г. в "Дальнейших замечаниях о психоневрозах защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen) (3). Употребление термина "психоанализ" знаменует собой отказ от катарсиса* под гипнозом и от внушения и использование материала*, полученного посредством свободных ассоциаций.

У Фрейда много определений психоанализа. Одно из наиболее четких определений содержится в начале энциклопедической статьи, опубликованной в 1922 г.:

"Психоанализом называются:

1) способ исследования психических процессов, иначе недоступных.

2) Метод лечения невротических расстройств, основанный на этом исследовании.

3) Ряд возникших в результате этого психологических концепций, постепенно развивающихся и складывающихся в новую научную дисциплину" (4).

Это определение, данное Фрейдом в начале статьи, — более подробный вариант определения из того же самого текста.

Для обоснования выбора самого термина "психоанализ" лучше всего дать слово его изобретателю и первооткрывателю: "Мы назвали психоанализом работу, посредством которой мы возвращаем в сознание больного вытесненные психические содержания. Почему мы говорим об "анализе", т. е. о расщеплении, разложении, — по аналогии с работой химика с веществами, которые он находит в природе и приносит в свою лабораторию? Да потому что эта аналогия, по сути, вполне обоснована. Симптомы и различные патологические явления у пациента, как и вообще все психические действия, имеют весьма сложную природу, причем составляющие их элементы — это в конечном счете побуждения, влечения. Однако пациент ничего или почти ничего не знает об этих исходных побуждениях. Мы учим пациента понимать весьма сложный состав психических образований, приводя симптомы к лежащим в их основе побуждениям и влечениям и показывая больному в его симптомах дотоле не признанные им мотивы и влечения, подобно тому, как химик выделяет основное вещество или химический элемент из состава соли, в которой он, будучи соединен с другими веществами, становится неузнаваемым. Мы также показываем больному — в тех психических явлениях, которые считаются патологическими,— что он не вполне осознает их мотивы, что их породили другие влечения и побуждения, оставшиеся ему неведомыми.

Мы также объяснили сексуальные побуждения человека, расчленяя их на составные части; истолковывая сны, мы не обращаем внимания на сон как целое, но предпочитаем побуждать больного к построению ассоциаций на основе отдельных его элементов.

Обоснованность этого сопоставления между медицинской деятельностью психоанализа и работой химика подсказывает нам новое направление терапии [...]. Нам говорят: за анализом психики больного должен следовать синтез. Вслед за этим высказывалось опасение, что больной получает слишком много анализа и недостаточно синтеза и что, следовательно, следует перенести центр тяжести в психотерапии именно на синтез, на восстановление того, что было разрушено при расчленении живой ткани.

[...] Сравнение с химическим анализом ограничено, поскольку в душевной жизни мы сталкиваемся с тенденциями, необходимо направленными к объединению и сочленению. Если нам удается

расчленить симптом, высвободить влечение из общей совокупности отношений, оно не остается оторванным от других и тут же вступает в новые отношения.

Так и в субъекте, проходящем психоанализ, психосинтез осуществляется без нашего вмешательства, спонтанно и неизбежно" (5).

Перечень отрывков, где Фрейд излагает сущность психоанализа, см. в Standard Edition (6).

Мода на психоанализ привела к тому, что многие авторы стали называть этим словом деятельность, которая по своему содержанию, методам и результатам лишь поверхностно связана с психоанализом в собственном смысле слова.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., I, 59—74; S.E., III, 45—68.

(2) Cf. Freud (S.). L' hérédité et l'étiologie des névroses, 1896. G.W., I, 407—422; S.E., III, 143— 156.

(3) Cf. Freud (S.). G.W., I, 379, 383; S.E., III, 162, 165—166.

(4) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie". 1923. G.W., XII, 184—186; S.E., XVII, 159—161; франц., 132—134.

(5) Freud (S.). Wege der psychoanalytischen Therapie, 1918. G.W., XII, 184—186; S.E., XVII, 159—161; франц., 132—134.

(6) S.E., XI, 56.

ПСИХОАНАЛИЗ ДИКИЙ (НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ)

Нем.: wilde Psychoanályse. — Франц.: psychanalyse sauvage. — Англ.: wild analysis. — Исп.: psicoanalisis silvestre. — Итал.: psicoanalisi selvaggia. — Португ.: psicanálise selvagem, или inculta.

● В широком смысле слова — действие неопытных или дилетантствующих психоаналитиков, которые пользуются психоаналитическими понятиями (часто неправильно осмысленными) для истолкования симптомов, снов, слов, поступков и пр. В узком смысле слова — истолкование, не учитывающее конкретную ситуацию психоаналитического процесса, его реальную динамику и своеобразие и направленное прямо на вытесненные содержания без учета сопротивлений и трансфера.

■ В статье, посвященной дикому психоанализу (Über "wilde" Psychoanalyse, 1910), Фрейд считает его определяющим признаком — невежество: речь идет о враче, который делает ошибки научного характера (т.е. связанные с пониманием природы сексуальности, вытеснения, тревожного страха), а также методические: "Нельзя обрушивать на пациента во время первой же консультации разгаданные врачом секреты" (1а). Таким образом, можно сказать, что все те, кто "имеет какое-то представление об открытиях психо-

анализа", но не получил необходимой теоретической и практической подготовки (α), практикуют дикий психоанализ.

Однако фрейдовская критика дикого психоанализа этим не ограничивается: она простирается иногда и на случаи, когда диагноз поставлен верно и содержания бессознательного истолковываются в основном правильно. "Нам давно уже пришлось отказаться от мысли, что больной страдает от собственного невежества и что устранение этого невежества — когда мы рассказываем больному о причинных связях между его болезнью и его жизнью — уже само по себе обеспечивает излечение. Патогенным фактором оказывается не незнание как таковое, но тот факт, что это незнание основано на некогда его породивших и по-прежнему его питающих *внутренних сопротивлениях*. Рассказывая больным об их бессознательном, мы тем самым лишь неизбежно обостряем их конфликты и усиливаем их страдания" (1b). Вот почему подобные откровения требуют, чтобы трансфер был уже прочно установлен, а вытесненные содержания — близки к осознанию. В противном случае возникает тревожный страх, не контролируемый аналитиком. В этом смысле, подчеркивал Фрейд, психоанализ, который изначально был недостаточно отграничен от гипноза и катарсиса, может и поныне считаться "диким".

Однако было бы неоправданной претензией считать дикий психоанализ делом рук неумелых психоаналитиков или перевернутой страницей истории психоанализа — тем, от чего мы-то уж во всяком случае избавлены. По сути, говоря о диком психоанализе, Фрейд подвергает критике не столько невежество, сколько особую установку аналитика, использующего свою "науку" как обоснование своей власти. В одной из статей, где Фрейд, не употребляя этого выражения, по сути, ставит проблему "дикого психоанализа", приводятся слова Гамлета: "Неужели вы думаете, будто на мне легче играть, чем на флейте?" (2). В этой связи очевидно также, что анализ защит или же трансфера можно проводить столь же диким образом, как и анализ психических содержаний.

Ференци определял дикий анализ как "навязчивое анализирование", которое может проявляться и в самой психоаналитической ситуации, и за ее пределами; он противопоставлял ему *гибкость* как необходимое отличие всякого анализа, не замкнутого в жестких структурах, построенных по заранее заданному плану (3). Гловер говорил, что аналитик, поспешно хватающийся за ту или иную оговорку, выделяющий какой-то один сон или даже отдельную его часть, "ищет непрочного всевластия" (4).

Развивая далее эти мысли, мы обнаруживаем в "диком психоанализе" — не важно, "ученом" или невежественном — сопротивление аналитика тому конкретному анализу, в который он вовлечен, — сопротивление, которое может привести его к непониманию речи пациента и к навязыванию готовых истолкований.

α) 1910 год, когда была написана эта статья, отмечен также созданием Международной психоаналитической ассоциации.

(1) Freud (S.). a) G.W., VIII, 124; S.E., XI, 226; франц., p. 41. — b) G.W., VIII, 123; S.E., XI, 225; франц., p. 40.

(2) Freud (S.). Über Psychotherapie, 1904. G.W., V, 19; S.E., VII, 262; франц., p. 15.

(3) Ferenczi (S.). The elasticity of Psycho-Analytic Technique (1928). In: Further Contributions, p., 97.

(4) Glover (E.). Technique of Psycho-Analysis (1955), Paris, P.U.F., 1958, франц., p. 8.

ПСИХОАНАЛИЗ КОНТРОЛИРУЕМЫЙ

Нем.: Kontrollanalyse. — Франц.: psychanalyse controlée (или sous controle). — Англ.: control или supervisory или supervised analysis. — Исп.: análisis de control или supervisión — Итал.: analisi di controllo или sotto controllo. — Португ.: análise sob contrôle или supervisão.

◘ Курс психоанализа, проводимый с целью обучения; в процессе его будущий психоаналитик периодически отчитывается перед опытным психоаналитиком, который помогает ему понять содержание и направление лечения и осознать собственный контртрансфер. Главная цель этого способа обучения в том, чтобы дать обучающемуся почувствовать, в чем заключается особенность психоаналитического вмешательства в сравнении с другими психотерапевтическими приемами (внушение, советы, указания, разъяснения, поддержка и т.д.).

◘ Практика контролируемого психоанализа была введена около 1920 г. (1) и постепенно превратилась в главный момент технической подготовки психоаналитика и непременное условие его готовности к собственной практике. В наши дни различные психоаналитические общества считают, что будущий психоаналитик может предпринять контролируемый психоанализ (их обычно бывает не менее двух) лишь тогда, когда его собственный дидактический анализ* протекает достаточно успешно (α).

α) В контроле можно видеть два аспекта: Kontrollanalyse и Analysenkontrolle. Первый означает анализ контртрансфера у будущего психоаналика по отношению к его пациенту, второй — руководство его анализом пациента.

(1) Ср. отчет М.Эйтингона о Берлинской психоаналитической поликлинике, представленный на Международном психоаналитическом конгрессе в 1922 г.; In: I.J.P.,1923,4, 254—269.

ПСИХОЗ

Нем.: Psychose — Франц.: psychose. — Англ.: psychosis. — Исп.: psicosis. — Итал.: psicosi. — Португ.: psicose.

○ 1) В психиатрической клинике понятие психоза иногда понимается настолько широко, что оно покрывает всю гамму душевных расстройств, как явно органогенетических (например, общий паралич), так и неясных по происхождению (например, шизофрения).

2) В психоанализе поначалу не ставилась задача классификации всех душевных расстройств, известных в психиатрии; внимание обращалось на те расстройства, которые были наиболее доступны аналитическому вмешательству; внутри этой области, более узкой, чем область психиатрии, главными стали различия между извращениями*, неврозами* и психозами.

В группе психозов психоанализ стремился вычленить различные структуры: это паранойя (сюда включаются в общем и состояния бреда) и шизофрения, с одной стороны; меланхолия и мании — с другой. По сути, психоаналитическая теория видит общий признак психозов именно в первичном нарушении либидинального отношения к реальности, причем большинство явных симптомов (в особенности бредовые конструкции) выступают как вторичные признаки восстановления объектной связи.

□ Понятие, возникшее в XIX в. в результате эволюции, приведшей к вычленению самостоятельной области душевных расстройств, отличной как от мозговых и нервных заболеваний, или болезней тела, так и от того, что тысячелетняя философская традиция считала "болезнями души" — заблуждения и греха (α).

В течение всего XIX в. понятие психоза использовалось прежде всего в германоязычной психиатрической литературе, где оно обозначало душевные расстройства в целом, такие, как безумие, помешательство, не предполагая, впрочем, психогенетической теории возникновения безумия. И лишь в конце XIX в. складывается пара противоположных и взаимоисключающих понятий: "невроз" и "психоз". Эти два понятия развивались в различных контекстах. Группа неврозов постепенно объединила ряд расстройств, считавшихся нервными заболеваниями: они могли порождаться либо повреждением того или иного органа, либо, при отсутствии повреждения, нарушением функционирования нервной системы (невроз сердца, невроз пищеварительной системы и пр.), либо выражаться определенными неврологическими признаками без явного органического поражения и без температуры (хорея, эпилепсия, неврологические проявления истерии). В целом эта группа больных, прибегавших к услугам врача, не помещалась в приюты для душевнобольных; при этом, заметим, само понятие невроза предполагало вполне определенную этиологическую направленность классификации (речь шла о функциональных заболеваниях нервов).

Напротив, в область психоза зачислялись в этот период те

заболевания, которые выражались преимущественно через психологическую симптоматику, попадая тем самым в область компетенции психиатров, что, впрочем, вовсе не означало, что причиной психозов не могли быть расстройства нервной системы.

*

Четкое разграничение между психозом и неврозом мы находим в ранних работах Фрейда и в его переписке с Флиссом. Так, в рукописи Н от 24.01.1894, предлагая общую классификацию психопатологических защит, Фрейд называет психозами галлюцинаторное помрачение сознания, паранойю и истерический психоз (в отличие от истерического невроза). В двух текстах, посвященных психоневрозам защиты, он считает границу между психозом и неврозом уже установленной и говорит, например, о "защитных психозах" (1).

Одной из главных забот Фрейда в этот период было определение понятия защиты и изучение различных защитных механизмов при тех или иных расстройствах. С нозографической точки зрения, линия водораздела проходит между психоневрозами (защиты)* и актуальными неврозами*. Впоследствии, сохранив это разграничение, Фрейд подчеркнул необходимость внутренней дифференциации в группе психоневрозов, что привело его к установлению новой разграничительной линии между неврозом и психозом (об изменениях во фрейдовской классификации см., в частности: Невроз, Нарциссический невроз).

*

В наши дни в клинической практике психиатрии существует, несмотря на все разнообразие школ, значительная степень согласия относительно разграничения областей психоза и невроза; об этом можно судить, например, по "Медико-хирургической энциклопедии" (см.: Психиатрия), изданной Анри Эем. Определить роль психоанализа в установлении этих нозологических категорий довольно сложно, поскольку его история, после Блейлера и Цюрихской школы, была тесно связана с развитием психиатрической мысли в целом.

Что же касается *понимания* психоза, то его психиатрические определения представляются более интуитивными, нежели систематичными, поскольку в них перемешаны разнопорядковые признаки. Так, в современных определениях психоза сосуществуют такие критерии, как неспособность к социальной адаптации (проб-

лема госпитализации), большая или меньшая "серьезность" симптома, расстройство способности к общению, отсутствие осознания болезни, потеря контакта с реальностью, «неумопостигаемость» (Ясперс) душевных расстройств, действие органических или психогенетических механизмов болезни, более или менее глубокие и необратимые изменения в *Я*.

Поскольку заслуга введения самой оппозиции невроза и психоза в значительной мере принадлежит психоанализу, выработка связного и упорядоченного определения психоза не может быть отдана на откуп психиатрическим школам. Определение психоза не было главной заботой Фрейда, однако соответствующие попытки делались им неоднократно, устремляясь в следующих направлениях:

1) в своих первых работах Фрейд стремился показать на примере некоторых видов психоза конфликт, связанный с защитой от сексуальности, роль которой в образовании невротических симптомов только что была обнаружена. Вместе с тем Фрейд стремился выявить особые механизмы, которые *сразу же начинают действовать в отношениях субъекта с внешним миром*; это, например, механизм "выброса" (verwerfen) из сознания — в случае галлюцинаторного помешательства (2) (см.: Отвержение) или же первичная проекция "самоупреков" на внешний мир (3) (см.: Проекция).

2) Между 1911 и 1914 гг. Фрейд вновь поставил этот вопрос — на этот раз в рамках первой теории психического аппарата и влечений (см. анализ случая Шребера; к введению в нарциссизм). Он подошел к проблеме с точки зрения отношений между либидинальными нагрузками и объектными нагрузками влечений *Я* («интерес»). На этом пути стал возможным более подробный и гибкий учет клинических данных, показавший, что "утрата реальности" не всегда и не безоговорочно отличает психозы.

3) Во второй теории психического аппарата на первое место в противопоставлении невроза и психоза выходит проблема промежуточного положения *Я* между *Оно* и реальностью. Если при неврозе *Я*, подчиняясь требованиям реальности (и *Сверх-Я*), вытесняет влечения, то при психозе происходит прежде всего разрыв между *Я* и реальностью, в результате чего *Я* оказывается во власти *Оно*, а затем возникает состояние бреда, при котором *Я* строит новую реальность в соответствии с желаниями *Оно*. В данном случае все влечения сосредоточиваются вокруг полюса защитного конфликта (*Оно*), а реальность начинает играть подлинно независимую роль, становясь едва ли не отдельной инстанцией психического аппарата. Разграничение между либидинальной нагрузкой и интересом *Я*, некогда игравшим роль посредника, обеспечивая в психическом аппарате приспособление к реальности, уходит на задний план.

4) Сам Фрейд вовсе не считал эту упрощенную схему, в которой нередко видели воплощение фрейдовской теории психоза, удовлет-

ворительной (4). В заключительный период своего творчества он вновь начал поиск особого механизма отказа от реальности или, скорее, реальности особого типа — кастрации*; в результате важную роль приобрело понятие отказа* [от реальности] (см.этот термин).

α) Согласно таким авторам, как Р.А.Хантер и И.Макалпин (5), термин "психоз" был введен в 1845 г. Фейхтерлебеном в его "Учебнике медицинской психологии" (Lehrbuch der ärztlichen Seelenkunde). С его точки зрения, психозы — это психические расстройства (Seelenkrankheit), а неврозы — это заболевания нервной системы, далеко не всегда выражающиеся через симптомы психоза: "Каждый психоз — это вместе с тем и невроз, поскольку без участия нервов явных изменений в области психического не происходит, однако из этого не следует, что всякий невроз с необходимостью является психозом".

(1) Freud (S.). G.W., I, 74 и I., 392—393; S.E., III, 60 и 174—175.

(2) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 72—74; S.E., III, 58—61.

(3) Freud (S.). Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896. G.W., I, 392—403; S.E., III, 174—185.

(4) Freud (S.). Fetischismus, 1927. Ср., в особенности: G.W., XIV, 315; S.E., XXI, 155—156.

(5) Cf. Hunter (R.A.) и Macalpine (I.). In: D.P. Schreber, введение в Memoirs of my nervous illness, Dawson and Sons, London, 1955, p. 16.

ПСИХОНЕВРОЗ

Нем.: Neuropsychose. — Франц.: psychonévrose. — Англ.: psychoneurosis или neuro-psychosis. — Исп.: psiconeurosis. — Итал.: psiconevrosi. — Португ.: psiconevrose.

● Термин Фрейда, обозначающий, в противоположность актуальным неврозам, душевные расстройства, при которых симптомы выступают как символическое выражение детских конфликтов, иначе говоря — это трансферентные неврозы* и нарциссические неврозы*.

■ Это понятие появилось у Фрейда очень рано — уже в статье "Психоневрозы защиты" (Die Abwehr-Neurosen, 1894), где, как указано в подзаголовке, нам предлагается "психологическая теория приобретенной истерии, различных фобий и навязчивых состояний, а также некоторых видов галлюцинаторного психоза".

Говоря о психоневрозе, Фрейд подчеркивал психогенез этой разновидности душевных расстройств. По сути, психоневроз противостоит у Фрейда актуальным неврозам*, как явствует из таких работ, как "Наследственность и этиология неврозов" (1896) и "Роль сексуальности в этиологии неврозов" (Die Sexualität in der Ätiologie der Neurosen, 1898). Это противопоставление содержится и в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917).

Понятие психоневроза не тождественно понятию невроза*: с одной стороны, оно не охватывает актуальные неврозы, с другой — включает нарциссические неврозы, которые Фрейд, в традициях современной ему психиатрии, с тех пор лишь укрепившихся, называл также психозами.

Впрочем, и в обычном психиатрическом использовании этого понятия сохраняется некоторая двусмысленность, поскольку корень "психо" подчас воспринимается как указание на психоз. Иногда говорят о психоневрозе, ошибочно приписывая заболеванию особую серьезность, органический характер и пр.

ПСИХОНЕВРОЗ ЗАЩИТЫ

Нем.: Abwehr-Neuropsychose. — Франц.: psychonévrose de défence. — Англ.: defence neuro-psychosis. — Исп.: psiconeurosis de defensa. — Итал.: psiconevrosi da difesa. — Португ.: psiconeurose de defesa.

◘ Термин, который Фрейд использовал в 1894—1896 гг. для обозначения ряда психоневротических расстройств (истерия, фобия, навязчивость, некоторые психозы), подчеркивая в них роль защитных конфликтов, обнаруженных при истерии.

Когда мысль о том, что в любом виде психоневроза защита играет существенную роль, становится общепринятой, термин "психоневроз защиты" теряет эвристическую ценность и уступает место термину «психоневроз».

◘ Это понятие было введено в статье 1894 г. "Психоневрозы защиты" (Die Abwehr-Neuropsychosen), где Фрейд стремился выявить особую роль защиты при истерии, раскрыв ее затем в фобиях, навязчивых состояниях и галлюцинаторных психозах. На этом этапе Фрейд не пытался обобщить понятие защиты, отнеся его к истерии в целом (см.: Истерия защиты), а позже ко всем психоневрозам. В самом деле, в статье 1896 г. "Дальнейшие соображения о психоневрозах защиты" (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen) Фрейд уже считал установленным фактом, что защита — это "ядро психического механизма в этих неврозах" (1).

(1) Freud (S.). G.W., I, 379—380. S.E., III, 162.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Нем.: Psychotherapie. — Франц.: psychothérapie. — Англ.: psychotherapy. — Исп.: psicoterapia. — Итал.: psicoterapia. — Португ.: psicoterapia.

◘ А) В широком смысле слова, любой метод лечения психических

или телесных расстройств, использующий психологические приемы и прежде всего отношение между врачом и больным: гипноз, внушение, психологическое переобучение, убеждение и пр.; в этом смысле психоанализ — это одна из форм психотерапии.

Б) В более узком смысле слова, психоанализ нередко противопоставляется различным формам психотерапии, причем по многим основаниям, среди которых прежде всего ведущее положение в психоанализе истолкования бессознательного конфликта и анализ трансфера, приводящий к его устранению.

В) Выражение "аналитическая психотерапия" обозначает форму психотерапии, основанную на теоретических и технических принципах психоанализа, которая, однако, не выполняет условий психоаналитического лечения в строгом смысле слова.

Р

РАБОТА СКОРБИ

Нем.: Trauerarbeit. — Франц.: travail du deuil. — Англ.: work of mourning. — Исп.: trabajo del duelo. — Итал.: lavoro del lutto (или del cordoglio). — Португ.: trabalho или labor do luto.

● Внутрипсихический процесс, наступающий вслед за утратой объекта привязанности; в ходе этого процесса субъекту удается постепенно отстраниться от своего объекта.

■ Выражение "работа скорби", ставшее нынче общепринятым, впервые появилось у Фрейда в "Скорби и меланхолии" (Trauer und melancolie, 1915). Уже и само по себе оно свидетельствовало о том новом подходе к пониманию психических явлений, которое дает психоанализ. Там, где раньше видели постепенное и как бы само собой происходящее ослабление страдания, Фрейд увидел конечный результат целостного внутреннего процесса, предполагающего деятельность субъекта, которая, как показывает клиника патологических видов скорби, не всегда приводит к успеху.

Понятие работы скорби близко по смыслу понятию психической обработки* или связывания травмирующих впечатлений в психике. Уже в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд обращает внимание на то, что в случае скорби психическая обработка принимает особую форму: "Вскоре после смерти больного в ней [речь идет об истеричке, наблюдаемой Фрейдом] началась работа, вызывающая воочию сцены болезни и смерти [...] Всякий день она заново переживает каждое впечатление, оплакивает их, утешается и все — для собственного развлечения" (1).

О внутрипсихической работе скорби свидетельствует, по Фрейду, отсутствие интереса к внешнему миру и одновременно утрата объекта: вся энергия субъекта отдана скорби и воспоминаниям, покуда, наконец, "*Я*, столкнувшись с вопросом о том, желает ли оно разделить судьбу утраченного объекта, не убеждается с помощью всевозможных нарциссических удовлетворений, примиряющих с жизнью, в необходимости порвать свою связь с утраченным объектом" (2a). Однако прежде чем произойдет такое отстранение и станут возможными новые нагрузки, психика должна выполнить свою задачу: "Каждое воспоминание, каждое ожидание,

связывающие либидо с объектом, должны быть выявлены и сверхнагружены, чтобы либидо могло отделиться от них" (2b). В этом смысле можно сказать, что работа скорби заключается в том, чтобы "убить смерть" (3а).

Фрейд выявил шкалу различий между нормальной скорбью, патологическими разновидностями скорби (когда субъект считает себя виновным в смерти близкого человека, отрицает смерть, ощущает воздействие покойного и его власть над собой, полагает, что болен той же болезнью, которая привела близкого человека к смерти и т.д.) и меланхолией. В общем, по Фрейду, этот амбивалентный конфликт выходит на первый план при патологической форме скорби, а при меланхолии делается еще и следующий шаг: *Я* начинает отождествлять себя с утраченным объектом.

Послефрейдовский психоанализ стремился прояснить феномен нормальной скорби на основе ее патологических форм, связанных с депрессией и меланхолией, а также маниакальными состояниями, подчеркивая как раз значение этой амбивалентности* и роль агрессивности по отношению к покойному, позволяющей отстраниться от него.

Эти данные психопатологии были плодотворно сопоставлены с данными культурной антропологии относительно скорби и сопровождающих ее коллективных верований и ритуалов в различных примитивных обществах (3, 4b).

(1) Freud (S.). G.W., I, 229; S.E., II, 162; франц., 129.

(2) Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1915. — a) G.W., X, 442—443; S.E., XIV, 255; франц., 215. — b) G.W., X, 430; S.E., XIV, 245; франц., 193.

(3) Lagache (D.). Le travail du deuil, 1938. In: R.F.P., X, 4. — a) 695. — b) Cf. 695.

(4) Cf. Hertz (R.). Contributions à une étude de la représentation collective de la mort. In: Mélanges de sociologie religieuse et de folklore, Paris, Alcan, 1928.

РАБОТА СНОВИДЕНИЯ

Нем.:Traumarbeit. — Франц.: travail du rêve. — Англ.: dream-work. — Исп.: trabajo del sueño. — Итал.: lavoro del sogno. — Португ.: trabalho или labor do sogno.

◘ Совокупность действий, преобразующих материал сновидения (телесные раздражения, остатки дневных впечатлений*, сновидные мысли*) в сновидение как таковое. Деформация* сновидения есть результат этой работы.

◘ В конце главы IV "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд писал: "Работа психики по созданию сновидения подразделяется на две части: производство сновидных мыслей и их преобразование в [явное] содержание сновидения" (1а). Именно вторая операция и представляет собой собственно работу

сновидения, в которой Фрейд выявил четыре механизма: Verdichtung (сгущение*), Verschiebung (смещение*), Rücksicht auf Darstellbarkeit (учет образности*), sekundare Bearbeitung (вторичная обработка*).

Об этой работе Фрейд высказал два взаимодополнительных предположения:

1) она не носит творческого характера и ограничивается преобразованием наличного материала;

2) однако именно эта работа, а не скрытое содержание, определяет *сущность сновидения.*

Эта мысль о нетворческом характере сновидения предполагает, например, что "... *все то в снах, что кажется явным результатом суждения [расчеты, рассуждения], нужно рассматривать не как интеллектуальный прием в работе скорби, но как нечто принадлежащее самому материалу сновидных мыслей"* (1b). Они становятся материалом для работы сновидения, которая требует "... связать воедино все источники сновидения" (1c).

На втором утверждении — сон — это работа, совершаемая во сне, — Фрейд особенно настаивал в "Замечаниях к теории и практике толкования сновидений" (Bemerkungen zur Theorie und Praxis der Traumdeutung, 1923) (2), предупреждая психоаналитиков об опасности чрезмерного почтения к "таинственному бессознательному". Та же мысль проводится и в многочисленных добавлениях к "Толкованию сновидений", где содержится призыв к концептуальной дисциплине. Например: "Раньше сновидения путали с их явным содержанием. А теперь не стоит путать их со скрытыми мыслями" (1d).

(1) Freud (S.). a) G.W., II—III, 510; S.E., V, 506; франц., 377. — b) G.W., II—III, 447; S.E., V, 445; франц., 329. — c) G.W., II—III, 185; S.E., IV, 179; франц., 137. — d) G.W., II—III, 585, n. 1; S.E., V, 579, n.1; франц., 473, n.1.

(2) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 304; S.E., XIX, 111—112.

РАЗГРУЗКА

Нем.: Entziehung (или Abziehung) der Besetzung, Unbesentztheit. — Франц.: désinvestissement. — Англ.: withdrawal of cathexis. — Исп.: retiro или ausencia de carga psíquica. — Итал.: sottrazione di carica или disinvestimento. — Португ.: retraimento de carga psíquica или desinvestimento.

● Снятие нагрузки, ранее прилагавшейся к какому-то представлению, к группе представлений, к предмету, инстанции и т.п.

Состояние подобного представления вследствие такого изъятия или изначального отсутствия нагрузки.

◘ Изъятие нагрузки* выступает в психоанализе как экономическая основа различных психических процессов, особенно вытеснения*. По Фрейду, главное в вытеснении — это отделение кванта аффекта от представления. В своем описании вытеснения Фрейд показывает вытеснение "в последействии": представления, ранее допущенные в систему Предсознание-Сознание и получившие в ней свою нагрузку, теряют свой энергетический заряд. Высвобождаемая тем самым энергия может использоваться при нагрузке защитных систем (реактивное образование*), становящихся объектами противонагрузки* (1).

Подобно этому, при нарциссических состояниях нагрузка *Я* увеличивается пропорционально разгрузке объектов (2).

(1) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 279—280; S.E., XIV, 180—181; франц., 118—121.

(2) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. Passim. G.W., X, 138—170; S.E., XIV. 73—102.

РАЗРЯДКА

Нем.: Abfuhr. — Франц.: décharge. — Англ.: discharge. — Исп.: descarga. — Итал.: scarica или deflusso. — Португ.: descarga.

○ Экономический термин, которым Фрейд обозначает — в рамках своих физикалистских представлений о психическом аппарате — выброс энергии, которую порождают в психическом аппарате внутренние или внешние возбуждения. Эта разрядка может быть полной или частичной.

◘ Советуем читателю обратиться, во-первых, к статьям о различных принципах, управляющих функционированием психического аппарата (см.: Принцип постоянства, Принцип инерции, Принцип удовольствия), а во-вторых, к статьям о патогенной роли расстройств, связанных с разрядкой (см.: Невроз актуальный; Застой либидинальный).

РАСЩЕПЛЕНИЕ ОБЪЕКТА

Нем.: Objektspaltung. — Франц.: clivage de l'objet. — Англ.: splitting of the object. — Исп.: escisión del objeto. — Итал.: scissione dell' oggetto. — Португ.: clivagem do objeto.

○ По М.Кляйн, простейшая форма защиты от страха: объекты эротических и разрушительных влечений расщепляются на "хорошие" и "плохие" и обособляются в последующей игре проекций и интро-

екций. Расщепление объекта особенно важно при параноидно-шизоидной установке, когда оно направлено на частичные объекты. При депрессивной установке оно направлено на цельный объект.

Расщепление объектов сопровождается параллельным расщеплением *Я* на "хорошее" и "плохое". По М.Кляйн, *Я* образуется преимущественно путем интроекции объектов.

◘ Относительно понятия расщепления (Spaltung) см. наш комментарий к статье "Расщепление *Я*". Идеи М.Кляйн по этому поводу основаны на некоторых мыслях Фрейда об истоках субъектно-объектного отношения (см.: Объект, *Я*-удовольствие, *Я*-реальность). О вкладе М.Кляйн в разработку этой темы см. статьи: "Хороший" объект, "Плохой" объект; Установка параноидная; Установка депрессивная.

РАСЩЕПЛЕНИЕ *Я*

Нем.: Ichspaltung. — Франц.: clivage du moi. — Англ.: splitting of the ego. — Исп.: escisión del yo. — Итал.: scissione dell' io. — Португ.: clivagem do ego.

○ Термин Фрейда для обозначения своеобразного явления при фетишизме и психозах: внутри *Я* сосуществуют две психические установки по отношению к внешней реальности, противоречащей влечениям: первая учитывает реальность, вторая — игнорирует ее, выдвигая на первый план желания. Эти установки сосуществуют, не оказывая друг на друга никакого воздействия.

◘ I. Термин Spaltung (расщепление) применяется в психоанализе и в психиатрии издавна и по-разному. Многие авторы, включая Фрейда, понимали его так: каждый человек находится в разладе с самим собой. В работах по психопатологии конца XIX в. (особенно по истерии и гипнозу) часто встречаются такие понятия, как "раздвоение личности", "раздвоенное сознание", "диссоциация психических явлений" и пр.

У Брейера и Фрейда такие выражения, как "расщепление сознания" (Bewusstseinsspaltung), "расщепление содержания сознания", "расщепление психики" и другие, обозначали одну и ту же реальность: на основе чередования раздвоенных личностей или сознаний в некоторых случаях истерии или гипнотического воздействия Жане, Брейер и Фрейд пришли к мысли о существовании двух групп психических явлений или двух личностей, которые могут ничего не знать друг о друге. "После прекрасных работ П.Жане, Й.Брейера и других стало общепризнанным, что комплекс истерических симптомов служит обоснованием гипотезы о расщеплении сознания и

формировании отдельных групп психических явлений. Менее четки позиции по вопросу о происхождении расщепления сознания и о его роли в общей структуре истерического невроза" (1). Именно на основе этого различия мнений и возникло фрейдовское понятие бессознательного, обособившегося от области сознания в результате вытеснения. Эта концепция была противоположна взглядам Жане, исходившего из "слабости психического синтеза", причем Фрейд довольно быстро отказался от брейеровских понятий "гипноидное состояние"* и "гипноидная истерия"*.

Для Фрейда расщепление — результат конфликта; это понятие имеет для него описательное, а не объяснительное значение. Напротив, оно само порождает вопрос: как и почему сознательный субъект оказался оторванным от какой-то части своих представлений?

Пересматривая историю того периода, когда было сделано открытие бессознательного, Фрейд уверенно пользовался понятием Spaltung и близкими ему терминами, обозначающими фундаментальный факт — внутреннюю расчлененность психики. Однако в собственных исследованиях Фрейда понятие Spaltung встречается лишь изредка и не становится понятийным орудием. Фрейд обозначал этим термином прежде всего расчлененность психического аппарата на системы (бессознательное и Предсознание-Сознание) и на инстанции (*Оно, Я* и *Сверх-Я*), а также раздвоение *Я* на наблюдателя и наблюдаемое.

*

Как известно, Блейлер обозначал термином Spaltung основной симптом ряда расстройств, обобщенно называемых им шизофренией* (α). Слово Spaltung у Блейлера не только обозначало наблюдаемый факт, но и предполагало определенную гипотезу о функционировании психики (см.: Шизофрения).

Поражает сходство между объяснением расщепления при шизофрении у Блейлера и у Жане: оба они видели в расщеплении психики на отдельные совокупности ассоциаций вторичную внутрипсихическую перегруппировку, обусловленную слабостью первичных ассоциаций.

Фрейд, возражая против гипотезы Блейлера, подверг критике его понятие шизофрении; в самом конце жизни он вновь обратился к понятию расщепления, но уже с совершенно иных позиций.

II. Понятие расщепления разрабатывалось Фрейдом преимущественно в статьях "Фетишизм" (Fetischismus, 1927), "Расщепление *Я* в процессе защиты" (Die Ichspaltung im Abwehrvorgang, 1938) и в "Очерке психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse, 1938) в связи с

размышлениями о психозе и фетишизме. По Фрейду, эти расстройства затрагивают главным образом отношения *Я* к "реальности". Их изучение позволило Фрейду выявить — чем дальше, чем четче — особые механизмы отказа от реальности* (Verleugnung), прообразом которого выступает отказ от кастрации.

Однако этот отказ сам по себе не позволяет должным образом осмыслить данные клинического наблюдения над психозами и фетишизмом. В самом деле, замечает Фрейд: "Проблема психоза была бы ясной и простой, если бы *Я* могло полностью отделиться от реальности, однако это случается крайне редко, а быть может, и никогда не случается" (2a). Во всех разновидностях психоза присутствуют две психические установки: "...одна из них, нормальная, предполагает учет реальности, другая под воздействием влечений отрывает *Я* от реальности" (2b). Именно эта вторая установка приводит к порождению бредовой реальности. В случае фетишизма Фрейд вновь обнаружил — применительно к вопросу о "реальности" кастрации — сосуществование внутри *Я* двух взаимно-противоречивых установок: " С одной стороны, [фетишисты] отказываются признавать то, что они воспринимают, а именно отсутствие пениса в женских половых органах", причем этот отказ выражается в создании фетиша — подмены пениса; однако, "...с другой стороны, они признают отсутствие пениса у женщины и делают из этого соответствующие выводы. Обе эти установки сосуществуют в течение всей жизни, не оказывая друг на друга никакого воздействия. Именно это и можно назвать расщеплением *Я*" (2c).

Итак, расщепление является не столько защитой *Я*, сколько способом сосуществования двух защитных механизмов: один из них предполагает защиту от реальности (отказ), а другой — от влечений, причем именно второй может приводить к образованию невротических симптомов (например, фобического симптома).

Вводя понятие расщепления *Я*, Фрейд поставил вопрос: следует ли рассматривать эту мысль "как нечто издавна известное и самоподразумеваемое или же как нечто новое и удивительное"? (3). Ведь сосуществование внутри одного и того же субъекта "...двух противоположных и независимых друг от друга психических установок" (2d) — это одно из основных положений психоаналитической теории личности. Однако, описывая скорее расщепление *Я* (внутрисистемное расщепление), нежели расщепление *между различными инстанциями* (между *Я* и *Оно)*, Фрейд стремился выявить процесс, отличный от вытеснения и возврата вытесненного. Одной из особенностей этого процесса является запрет на компромиссы между основными установками и одновременно сохранение их обеих без какого-либо диалектического опосредования.

Небезынтересно отметить, что Фрейд построил концепцию

расщепления *Я* именно в области психоза (где Блейлер также говорит о Spaltung'е, хотя и с совершенно других позиций). Мы сочли полезным представить здесь эту концепцию, хотя многие психоаналитики ее и не разделяют: ее достоинство в том, что она позволяет вычленить типическое явление, хотя и не дает его удовлетворительного теоретического объяснения.

α) Французские психиатры обычно называют шизофренический Spaltung "диссоциацией".

(1) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 60; S.E., III, 45—46.
(2) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 1432; S.E., XXIII, 201; франц., 77. — b) G.W., XVII, 133; S.E., XXIII, 202; франц., 78. — c) G.W., XVII, 134; S.E., XXIII, 203; франц., 79. — d) G.W., XVII, 134; S.E., XXIII, 204; франц., 80.
(3) Freud (S.). Die Ichspaltung im Abwehrvorgang, 1938. G.W., XVII, 59; S.E., XXIII, 275.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Нем.: Rationalisierung. — Франц.: rationalisation. — Англ.: rationalization. — Исп.: racionalización. — Итал.: razionalizzazione. — Португ.: racionalisação.

● Процедура, посредством которой субъект стремится дать логически связное и морально приемлемое объяснение той или иной установки, поступка, идеи, чувства и пр., подлинные мотивы которых остаются в тени. Так, может идти речь о рационализации симптома, навязчивой защиты, той или иной реакции. Состояние бреда тоже характеризуется рационализацией, приводящей к более или менее отчетливо выраженному системостроительству.

■ Этот термин был введен в повседневную психоаналитическую практику Э.Джонсом в статье "Рационализация в повседневной жизни" (Rationalization in everyday life, 1908).

Рационализация — это весьма обычный прием, распространенный в очень широкой области — от различных видов бреда до нормального мышления. Поскольку любое поведение допускает рациональное объяснение, подчас нелегко бывает решить, верно ли это объяснение. В частности, при психоаналитическом лечении обнаруживаются все промежуточные стадии между двумя крайностями. В некоторых случаях бывает несложно доказать пациенту искусственность приводимых им мотивов и убедить его отказаться от них. В других же случаях рациональные мотивировки оказываются весьма прочно обоснованными (психоаналитикам хорошо известны случаи, при которых сопротивления маскируются "ссылкой на факты"), однако и тут оказывается полезно "заключить их в

скобки", чтобы обнаружить бессознательные удовлетворения или защиты, которые наслаиваются на эти мотивировки.

Примеры первого типа встречаются при рационализациях симптомов, невротических или перверсных (так, мужская гомосексуальность объясняется интеллектуальным и эстетическим превосходством мужчин), навязчивых защит (особые ритуалы, связанные с принятием пищи, объясняются, например, требованиями гигиены).

Гораздо труднее показать субъекту роль рационализаций на примере черт характера или поведения, тесно связанных с *Я*.

Обычно рационализация не считается защитным механизмом, несмотря на свою неявную защитную функцию. Дело в том, что она нацелена не прямо на осуществление влечений, но скорее на вторичную маскировку различных элементов защитного конфликта. Таким образом, и защиты, и сопротивления анализу, и реакции разного рода сами, в свою очередь, могут стать предметом рационализации. Рационализация находит себе прочную опору в готовых идеологических схемах, общепринятой морали, религиях, политических убеждениях и т.д., причем во всех этих случаях *Сверх-Я* усиливает защиты *Я*.

Рационализацию можно сравнить с вторичной обработкой*, которая строит из образов сновидений связный сценарий.

Именно в этом ограниченном смысле Фрейд считает возможным использовать рационализацию для объяснения бреда. С точки зрения Фрейда, рационализация не может порождать тематику бреда (1): это мнение противоположно традиционным представлениям, согласно которым мегаломания — это рационализация бреда преследования («я, должно быть, великая личность, раз меня преследуют столь влиятельные люди»).

Понятие "интеллектуализация" близко по смыслу рационализации; однако их следует разграничивать.

(1) Cf. Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides). G.W., VIII, 248; S.E., XII, 48—49; франц., 296.

РЕАКЦИЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ

Нем.: negative therapeutische Reaktion. — Франц.: réaction thérapeutique négative.— Англ.: negative therapeutic reaction. — Исп.: reacción terapéutica negativa. — Итал.: reazione terapeutica negativa. — Португ.: reacão terapêutica negativa.

● В некоторых видах психоаналитического лечения — трудно преодолимое сопротивление излечению: каждый раз, когда в анализе можно было бы ожидать улучшения, возникает ухудшение; создается

впечатление, что некоторые люди предпочитают страдание излечению. Фрейд связывал с этим феноменом «бессознательное чувство вины», присущее некоторым видам мазохизма.

◘ Наиболее полное описание и анализ отрицательной терапевтической реакции Фрейд дает в "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923). У некоторых пациентов "всякое частичное разрешение конфликтов, которое должно было бы привести (и у других пациентов действительно приводит) к улучшению состояния или хотя бы к временному исчезновению симптомов, сразу же вызывает усиление страдания: в итоге лечение приводит не к улучшению, а к ухудшению" (1a).

Еще и раньше, например в "Воспоминании, повторении и проработке" (Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten,1914), Фрейд обратил внимание на проблему "ухудшения в ходе лечения"(2). Увеличение числа симптомов может объясняться возвратом вытесненного*, вследствие более мягкого отношения к неврозу или желанием пациента доказать психоаналитику, что лечение опасно.

В работе "Из истории детского невроза" (Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918) Фрейд также говорил об "отрицательных реакциях": «При каждом решительном прояснении симптома пациент [Человек с волками] старался тут же свести это на нет усугублением симптома» (3), однако теоретическое объяснение этого явления было предложено лишь в "*Я* и *Оно*". Следует отграничить отрицательную терапевтическую реакцию от других типов сопротивления, к которым обычно прибегают для объяснения: это вязкость* либидо (из-за которой субъекту особенно трудно бывает отказаться от своих фиксаций), негативный трансфер, желание пациента доказать свое превосходство над психоаналитиком, "нарциссическая недоступность некоторых сложных случаев" и даже выгода* от болезни. Для Фрейда речь шла об *извращенной* реакции, при которой пациент на каждом этапе анализа предпочитает страдание излечению. В этом Фрейд видел выражение бессознательного чувства вины, которое очень трудно выявить: "...это бессознательное чувство вины молчит в больном, он не называет себя виноватым, он чувствует себя не виновным, а больным" (1b).

Фрейд вновь вернулся к этому вопросу в "Экономической проблеме мазохизма" (Das ökonomische Problem des masochismus, 1924): выгода от болезни, если об этом можно говорить в связи с отрицательной терапевтической реакцией, заключается в том, что мазохист находит удовлетворение в страдании и стремится сохранить "некоторое количество страдания" любой ценой (4).

Можно ли видеть в отрицательной терапевтической реакции следствие сопротивления, осуществляемого *Сверх-Я*? По-видимому, Фрейд именно так и считал — по крайней мере в тех

случаях, когда к чувству страдания примешивалось нечто "...*привнесенное извне*, т. е. результат (само)отождествления с другим человеком, который ранее был объектом эротической нагрузки" (1c). Когда в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst,1926) Фрейд говорил о сопротивлении *Сверх-Я*, он имел в виду именно отрицательную терапевтическую реакцию.

Тем не менее с самого начала Фрейд заметил здесь воздействие чего-то несводимого к *Сверх-Я* и вторичному мазохизму. Эта мысль четче всего выражена в "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und die unendliche Analyse,1937), где отрицательная терапевтическая реакция непосредственно связывается с влечением к смерти (см. этот термин). Следствия этого влечения невозможно полностью свести к конфликту между *Я* и *Сверх-Я* (чувство вины, потребность в наказании); это лишь "так сказать, психически связанная и доступная познанию часть *Сверх-Я*; другие частицы той же силы также могут где-то действовать — в свободной или связанной форме" (6). Если подчас невозможно ни преодолеть отрицательную терапевтическую реакцию, ни адекватно истолковать ее, причина этого в том, что в конечном счете она обусловлена неустранимым влечением к смерти.

Таким образом, выражение "отрицательная терапевтическая реакция" обозначает, по крайней мере у Фрейда, особое клиническое явление, при котором сопротивление излечению невозможно объяснить посредством привычных понятий. Парадоксальность этого явления, несводимого к хитросплетениям игры принципа удовольствия, была одной из причин, приведших Фрейда к гипотезе о первичном мазохизме (см.: Мазохизм).

Однако психоаналитики нередко пользуются выражением "отрицательная терапевтическая реакция" в более описательном и менее строгом смысле, обозначая им любую форму упорного сопротивления лечению.

(1) Freud (S.). a) G.W., XIII, 278; S.E., XIX, 49; франц., 206—207. — b) G.W., XIII, 279; S.E., XIX, 50; франц., 207. — c) G.W., XIII, 279, n.; S.E., XII, 50, n.; франц., 207, n.

(2) Freud (S.). G.W., X, 131—132; S.E., XII, 152; франц., 111.

(3) Freud (S.). G.W., XII, 100; S.E., XVII, 69; франц., 376.

(4) Freud (S.). G.W., XIII, 379; S.E., XIX, 166; франц., 219.

(5) Cf. Freud (S.). G.W., XIV, 193; S.E., XX, 160; франц., 89.

(6) Freud (S.). G.W., XIV, 88; S.E., XXIII, 242—243; франц., 28.

РЕАЛЬНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАЯ

Нем.: psychische Realität. — Франц.: réalité psychique. — Англ.: psychical reality. — Исп.: realidad psiquica. — Итал.: realtà psichica. — Португ.: realidade psiquica.

● Термин Фрейда, обозначающий в психике субъекта то, что обладает

такой же связностью и сопротивляемостью, как и материальная действительность; таковы преимущественно бессознательные желания и связанные с ними фантазии.

◘ Психическая реальность для Фрейда — это не просто область психологии, упорядоченная как особого рода реальность и доступная научному исследованию: речь идет обо всем том, что представляется реальностью психике субъекта.

Идея психической реальности возникает в истории психоанализа вместе с отказом от теории соблазнения* и патогенной роли реальных детских травм или по крайней мере одновременно с ослаблением их значения. Даже фантазии, не основанные на реальных событиях, могут приводить к патогенным для субъекта последствиям, которые Фрейд поначалу связывал с "воспоминаниями": "Эти фантазии обладают *психической* реальностью, которая противоположна *материальной* реальности; в мире *неврозов именно психическая реальность играет главную роль*" (1a).

Отношение между фантазией и событиями, которые могли стать его основой, требует теоретического объяснения (см.: Фантазия, фантазм), однако, замечает Фрейд, "вплоть до настоящего момента мы так и не можем сказать, судя по последствиям и результатам, какие события жизни ребенка порождены фантазиями, а какие — реальностью"(1b). Таким образом, психоаналитическое лечение исходит из предпосылки, что невротические симптомы основаны по меньшей мере на психической реальности и что в этом смысле невротик "..хотя бы в каком-то смысле должен быть прав"(2). Фрейд неоднократно подчеркивал, что даже те аффекты, которые кажутся совершенно немотивированными (например, чувство вины при неврозе навязчивости), на самом деле находят опору в психической реальности.

В общей форме невроз и тем более психоз характеризуются преобладанием психической реальности в жизни субъекта.

Идея психической реальности связана с фрейдовской гипотезой о бессознательных процессах, которые не только не позволяют дать отчет о внешней реальности, но замещают ее реальностью психической (3). В строгом смысле слова выражение "психическая реальность" обозначает бессознательное желание и связанные с ним фантазии. По поводу анализа сновидений Фрейд ставит вопрос: следует ли признать реальность бессознательных желаний? "Конечно, в отношении проходных мыслей или мыслей-связок ответ будет отрицательным. Однако относительно бессознательных желаний в собственном смысле слова приходится признать, что *психическая реальность* — это особая форма существования, которую не следует путать с *материальной* реальностью" (4, α).

α) По вопросу об истории понятия психической реальности и связанных с ним проблемах мы позволим себе рекомендовать читателю работу Ж.Лапланша и Ж.-Б.Понталиса "Первофантазм, фантазм первоначала, первоначало фантазма" в "Les temps modernes", 1964, avril n. 215.

(1) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. — a) G.W., XI, 383; S.E., XVI, 368; франц., 396. — b) G.W., XI, 370; франц., 398.

(2) Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1915. G.W., X, 432; S.E., XIV, 246; франц., 196.

(3) Cf. Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 432; S.E., XIV, 246; франц., 196.

(4) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 625; S.E., V, 620; франц., 504.

РЕГРЕССИЯ

Нем.: Regression. — Франц.: régression. — Англ.: regression. — Исп.: regresión. — Итал.: regressione. — Португ.: regressão.

● Если представить психический процесс как движение или развитие, то регрессией называется возврат от уже достигнутой точки к одной из предыдущих.

С точки зрения топики, по Фрейду, регрессия осуществляется в ходе смены психических систем, через которые обычно возбуждение движется в определенном направлении.

С точки зрения времени, регрессия предполагает определенную генетическую последовательность и обозначает возврат субъекта к уже пройденным этапам развития (либидинальные стадии, объектные отношения, (само)отождествления и пр.).

С точки зрения формальной, это переход к менее сложным, менее структурно упорядоченным и менее расчлененным способам выражения и поведения.

■ Регрессия — это понятие, которое часто используется в психоанализе и современной психологии; обычно оно означает возврат к предыдущим формам развития мысли, объектных отношений, структуры поведения.

Поначалу Фрейд не интересовался возникновением регрессии. Впрочем, "регрессировать" — значит идти вспять, возвращаться назад, что можно себе представить как в логическом и пространственном, так и во временно́м смысле.

В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung,1900) Фрейд ввел понятие регрессии для объяснения сущности сна: сновидные мысли предстают прежде всего в форме чувственных образов, которые преследуют субъекта почти как галлюцинация. Для объяснения этого феномена требуется подойти к нему с точки зрения

топики*, чтобы психический аппарат имел вид ориентированной последовательности систем. В состоянии бодрствования возбуждения проходят сквозь эти системы, двигаясь вперед (т.е. от восприятия к движениям), тогда как во время сна мысли не способны разряжаться в движении и устремляются вспять, к системе восприятия (1a). Таким образом, вводя понятие "регрессия", Фрейд понимал его прежде всего как понятие *топики* (α).

Временное значение регрессии, поначалу неявное, стало усиливаться в концепции Фрейда одновременно с выявлением новых моментов в психосексуальном развитии индивида.

В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) термин "регрессия" не встречается, однако здесь мы уже видим указания на возможность возврата либидо на обходные пути удовлетворения (2a) и к прежним его объектам (2b). Заметим в этой связи, что те места текста, где речь идет о регрессии, были добавлены лишь в 1915 г. По сути, и сам Фрейд признавал, что мысль о регрессии либидо к предыдущему способу организации возникла лишь в более поздний период (3a). В самом деле, для выработки понятия временной регрессии потребовалось (в 1910—1912 г.) прояснить последовательность *стадий* детского психосексуального развития. В "Предрасположенности к неврозу навязчивости" (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913), например, Фрейд противопоставлял те случаи, когда "...сексуальная организация, предрасположенная к неврозу навязчивости, раз возникнув, сохраняется до конца", и те случаи, когда "она поначалу замещается организацией более высокого уровня, а затем приходит в регрессивное движение — вниз от этой стадии" (4).

Таким образом, судя по отрывку, добавленному к "Толкованию сновидений" в 1914 г., Фрейду пришлось провести в понятии регрессии внутренние разграничения: «Мы различаем регрессию трех видов: а) *топическую*, обусловленную функционированием психического аппарата; б) *временную*, при которой вновь вступают в действие прежние способы психической организации; в) *формальную*, заменяющую обычные способы выражения и образного представления более примитивными. Эти три формы регрессии в основе своей едины, поскольку более давнее во времени оказывается одновременно и более простым по форме, располагаясь в психической топике вблизи восприятия» (1b).

Топическая регрессия особенно ярко проявляет себя в сновидениях, где она осуществляется до конца. Однако ее можно обнаружить и в патологических процессах, где она распространяется не столь широко (галлюцинация), или в нормальных процессах, где она идет не столь далеко (память).

Понятие *формальной* регрессии реже использовалось Фрейдом, хотя оно охватывает многие явления, при которых происходит возврат от вторичных процессов к первичным (переход от тождества мысли* к функционированию сообразно с принципом тождества восприятия*). Здесь напрашивается сравнение того, что Фрейд называл формальной регрессией, с нейрофизиологическим "разложением" (поведения, сознания и т.д.) джексоновского типа. Предполагаемый при этом порядок связан не с последовательностью этапов развития индивида, но скорее с иерархией функций и структур.

В рамках *временной* регрессии Фрейд различает несколько линий: регрессию по отношению к объекту, регрессию по отношению к либидинальной стадии и регрессию по отношению к эволюции *Я* (3b).

Все эти различия связаны не только с заботой о строгости классификации. Дело в том, что в некоторых нормальных или патологических структурах различные типы регрессии не совпадают друг с другом; Фрейд отмечал, например, что "...при истерии систематически наблюдается регрессия либидо к первичным сексуальным объектам инцестуозного типа, хотя регрессии к предыдущим стадиям сексуальной организации при этом не происходит" (3с).

Фрейд настаивал на том, что прошлое ребенка — индивида, а тем самым и всего человечества — навсегда остается в нас: "Первичные состояния всегда могут возникнуть вновь. Первичная психика в собственном смысле слова неуничтожима" (5). Фрейд повторяет эту мысль о возврате к прошлому применительно к самым различным областям — психопатологии, сновидениям, истории культуры, биологии и пр. На обновление прошлого в настоящем указывает также и понятие *навязчивого повторения*. Для выражения этой мысли Фрейд использует не только термин Regression, но и смежные по смыслу термины — Rückbildung, Rückwendung, Rückgreifen и т.д.

Понятие регрессии прежде всего описательное, как считал и сам Фрейд. И потому его недостаточно для понимания того, каким именно образом субъект осуществляет возврат к прошлому. Некоторые разительные психопатологические состояния подталкивают нас к реалистическому пониманию регрессии: иногда говорят, что шизофреник становится грудным младенцем, кататоник возвращается в зародышевое состояние и т.д. Однако, когда применительно к человеку, страдающему неврозом навязчивости, говорят о ре-

грессии к анальной стадии, это понимается не так, как в предыдущих примерах. В еще более ограниченном смысле можно говорить о регрессии при трансфере, когда речь идет о поведении субъекта в целом.

Хотя все эти фрейдовские разграничения и не позволяют дать понятию регрессии строгое теоретическое обоснование, они по крайней мере запрещают нам мыслить ее как нечто всеобъемлющее. В результате мы видим, что понятие регрессии связано с понятием фиксации, вовсе не сводимым к закреплению поведенческих схем. Если понимать фиксацию как "запись" (см.: Фиксация; Представление как репрезентатор влечения), регрессия может быть истолкована как повторный ввод в действие того, что уже было "записано". Тогда, скажем, "оральную регрессию" (в особенности при прохождении психоанализа) стоило бы понимать так: в своих высказываниях и установках субъект заново открывает то. что Фрейд некогда называл "языком орального влечения"(6).

α) Мысль о "регрессивном" (rückläufige) возбуждении психического аппарата при галлюцинации и сновидениях, которую мы находим у Брейера, начиная с "Исследований истерии" (Studien über Hysterie, 1895) (7) и у Фрейда, начиная с "Наброска научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) (8), была достаточно широко распространена среди авторов, изучавших галлюцинации в XIX в.

(1) Freud (S.). a) G.W., II—III, 538—555; S.E., V. 533—549; франц., 438—452. — b) G.W., II—III, 554; S.E., V, 548; франц., 451.

(2) Cf.Freud (S.). a) G.W., V, 69—70; S.E., VII, 70—71; франц., 58—60. — b) G.W., V, 129; S.E., VII, 228; франц., 139.

(3) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917. — a) Cf. G.W., XI, 355—357; S.E., XVI, 343—344; франц., 369—370. — b) Cf. G.W., XI, 353—357 и 370—371; S.E., XVI, 340—344 и 357; франц., 367—370 и 384. — c) G.W., XI, 355; S.E., XVI, 343; франц., 369.

(4) Freud (S.). G.W., VIII, 448; S.E., XII, 322; франц., 443.

(5) Freud (S.). Zeitgemässes über Krieg und Tod, 1915. G.W., X, 337; S.E., XIV, 286; франц., 232.

(6) Freud (S.). Die Verneinung, 1925. G.W., XIV, 13; S.E., XIX, 237; франц., 175.

(7) Cf. Breuer (J.) и Freud (S.). Нем., 164—165; S.E., II, 188—189; франц., 150.

(8) Cf. Freud (S.). Нем., 423; англ., 401; франц., 355.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (-ТОР) ВЛЕЧЕНИЯ (α)

Нем.: Triebrepräsentanz (или Triebrepräsentant). — Франц.: Représentant de la pulsion. — Англ.: instinctual representative. — Исп.: representación или representante del instinto. — Итал.: rappresentanza или rappresentante della pusione. — Португ.: representante do impulso или pulsional (da pulsão).

● Термин Фрейда, обозначающий элементы или процессы, в которых выражается влечение. Этот термин либо синонимичен представлению как репрезентатору влечения*, либо имеет более широкое значение, включая также аффекты.

◘ Как правило, Фрейд уподобляет понятия "репрезентатор влечения", "представление как репрезентатор влечения". В его описании этапов вытеснения судьба представления как репрезентатора рассматривается обособленно, покуда не возникает необходимость учесть "другую сторону психического репрезентатора", а именно квант аффекта* (Affektbetrag), или, иначе, "влечение, отделенное от представления и находящее адекватное своей силе выражение в процессах, которые ощущаются нами как аффекты" (1a).

Таким образом, наряду с представлением мы обнаруживаем в репрезентаторе количественный или аффективный фактор. Однако Фрейд не пользуется термином "аффект как репрезентатор [влечения]", хотя его вполне можно было бы построить по аналогии с термином "представление как репрезентатор" [влечения].

Судьба аффективного фактора тем не менее чрезвычайно важна при вытеснении, "...единственный мотив и цель которого — избегать неудовольствия. Следовательно, судьба кванта аффекта в репрезентаторе гораздо важнее судьбы представления" (1b).

Впрочем, эта «судьба» может быть весьма различной: аффект может сохраняться и затем смещаться на другое представление; он может преобразовываться в другой аффект, главным образом в страх, или же подавляться (1c,2a). Это подавление* не является вытеснением в бессознательное (как это происходит с представлениями), а потому говорить о бессознательном аффекте неправомерно. Тому, что можно было бы так назвать, фактически соответствует в системе Бсз "... лишь неразвившийся зародыш" (2b).

Строго говоря, лишь на уровне Псз-Сз, или, иначе, на уровне *Я*, можно считать, что влечение представлено аффектом.

α) В целях ясности, мы посвящаем три отдельные статьи — «Репрезентатор влечения», «Психический репрезентатор» и «Представление как репрезентатор» терминам, значение которых во фрейдовских текстах во многом совпадает, вплоть до взаимозаменяемости. Эти три статьи посвящены одному и тому же понятию, рассматриваемому с различных точек зрения.

В данной статье мы соответственно напоминаем о тех функциях, которыми Фрейд наделяет представление и аффект как репрезентаторов влечения. Во второй статье речь идет прежде всего о репрезентаторе соматического в психическом. В статье "представление как репрезентатор" показано, что именно представление (Vorstellung) выполняет роль репрезентации влечения.

К тому же кругу проблем относятся и статьи "Представление", "Предметные представления — словесные представления".

(1) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) G.W., X, 255; S.E., XIV, 152; франц., 79—80. — b) G.W., X, 256; S.E., XIV, 153; франц., 81. — c) Cf.G.W., X, 255—256; S.E., XIV, 153; франц., 81.

(2) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) Cf. G.W., X, 276—277; S.E., XIV, 178; франц., 114. — b) G.W., X, 277; S.E., XIV, 178; франц., 115.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (-ТОР) ПСИХИЧЕСКАЯ (ИЙ) (α)

Нем.: psychische Repräsentanz или psychischer Repräsentant. — Франц.: représentant psychique. — Англ.: psychical representative. — Исп.: representante psíquico. — Итал.: rappresentanza psichica. — Португ.: representante psíquico.

◘ В теории влечений Фрейда — психическое выражение эндосоматических возбуждений.

◘ Этот термин невозможно понять без ссылки на влечение, которое у Фрейда находится на границе между соматическим и психическим. С точки зрения соматической, источник влечения — это органические явления, создающие внутренние напряжения, от которых субъект не в состоянии избавиться; однако по своей цели и объектам "судьба" влечения (Triebschicksal), по сути, определяется областью психического.

Именно эта пограничная ситуация, несомненно, обусловливает обращение Фрейда к понятию репрезентатора или представителя соматического в психическом. Однако эта идея представительства формулируется двумя различными способами.

Иногда само влечение оказывается чем-то вроде "... психического репрезентатора возбуждений, которые возникают в глубине тела и достигают души" (1,2); иногда влечение уподобляется процессу телесного возбуждения, и тогда его представляют в психике двоякого рода "репрезентаторы влечения": представление как репрезентатор* и квант аффекта* (3).

В противоположность составителям Standard Edition нам вовсе не кажется, что взгляды Фрейда по этому вопросу как-то существенно менялись: мы встречаем в одном и том же 1915 г. обе формулировки. Мнение о том, что в последних своих работах Фрейд стал склоняться ко второй точке зрения, представляется нам неверным, ибо в работе "Очерк психоанализа" [Abriss der Psychanalyse, 1938] мы обнаруживаем скорее первую точку зрения. Должны ли мы, вслед за составителями Standard Edition, устранить это противоречие, обратившись к далекому от ясности понятию влечения как границы между соматическим и психическим (4)? Возможно, однако в любом случае мысль Фрейда по этому поводу следует уточнить.

1) Хотя эти две точки зрения, на первый взгляд, противоречат друг другу, между ними есть и нечто общее: это мысль о том, что в *отношении* между соматическим и психическим нет ни параллелизма, ни причинной зависимости — скорее оно похоже на отношение между уполномоченным и уполномочивающим (β).

Это отношение часто присутствует во фрейдовских высказываниях, причем внешние различия между ними чисто словесные, а

именно: соматическое изменение обозначается в одном случае термином "влечение" (Trieb), в другом — термином "возбуждение" (Reiz), а психический репрезентатор называется в одном случае "представление как репрезентатор», а в другом — «влечение».

2) Однако между этими обозначениями все же существует различие. То решение, согласно которому влечение (соматическое) имеет представительство в психике, кажется нам одновременно и более строгим (поскольку оно не ограничивается общим указанием на то, что соматическое *выражается* в психическом), и более последовательным (поскольку идея *записи представлений* неразрывно связана с фрейдовской концепцией бессознательного*).

α) См. α) в статье "Репрезентатор влечения".

β) Как известно, в подобном случае "полномочный представитель власти" вступает в новую систему отношений, которая порой может заставить его изменить свою цель и уклониться от выполнения данных ему ранее поручений.

(1) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 214; S.E., XIV, 122; франц., 33.

(2) Та же формулировка дается в: Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. G.W., VIII, 311;S.E., XII, 73—74; франц., 317—318.; Freud (S.). Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905 (добавл. в 1915). G.W., XVII, 70; S.E., XXIII, 148; франц., 7.

(3) Cf. Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. G.W., X, 254—255; S.E., XIV, 152; франц., 79.

(4) S.E., XIV, 113.

РОДИТЕЛЬ(И) ОБЪЕДИНЕННЫЙ(Е)

Нем.: vereinigte Eltern. — Франц.: parent(s) combiné(s). — Англ.: combined parents, combined parent-figure. — Исп.: pareja combinada, imago de la pareja combinada. — Итал.: figura parentale combinata.— Португ.: pais unificados, imago de pais unificados.

● Термин М.Кляйн: детская фантастическая теория сексуальности, представляющая родителей в непрерывном сексуальном контакте — в матери присутствует пенис отца или весь отец целиком, в отце присутствует грудь матери или вся мать целиком; оба родителя нераздельно слиты в коитусе.

Эти фантазмы очень архаичны и порождают сильные страхи.

■ "Объединенный родитель" — это неотъемлемый элемент кляйновской концепции Эдипова комплекса (1): "Речь идет об объяснении сексуальности на очень ранней стадии развития ребенка: считается, что если во время коитуса мать содержит в себе пенис отца, то в итоге женщина, обладающая пенисом, представляет обоих родителей, слитых воедино" (2а).

Фантазм "женщина с пенисом" нельзя назвать открытием

М.Кляйн: уже в 1908 г. Фрейд упоминает о нем в работе "О детских сексуальных теориях" (Über infantile Sexualtheorien) (3). Правда, для Фрейда этот фантазм включен в такую детскую сексуальную теорию, которая не признает ни различия полов, ни женской кастрации. В работе "Детский психоанализ" (Die Psychoanalyse des Kindes, 1932) М.Кляйн иначе объясняет происхождение этого фантазма; она выводит его из самых ранних детских фантазий: из окрашенной садизмом первосцены*, из представления о материнской интериоризации* отцовского пениса, из представления о материнском теле как о вместилище "хороших"* и особенно "плохих" объектов*. "Фантазм отцовского пениса, заключенного внутри матери, порождает у ребенка другой фантазм — "женщины с пенисом". Сексуальная теория фаллической матери, обладающей собственным женским пенисом, обусловлена первоначальными страхами, впоследствии перенесенными в измененном виде на другой объект: речь идет о страхе перед телом матери как вместилищем множества опасных пенисов и перед угрозой сексуальных отношений между родителями. "Женщина с пенисом" — это, по-видимому, женщина с отцовским пенисом" (2b). Фантазм "объединенного родителя", связанный с архаичным детским садизмом, играет важную роль в порождении страхов.

В одной из своих более поздних статей М. Кляйн объясняет "объединенного родителя" глубинной установкой ребенка: "Приписывание родителям состояний орального, анального и генитального взаимоудовлетворения свидетельствует о силе эмоций и активности ребенка в раннем возрасте" (4).

(1) Cf. Klein (M.). Early Stages of the Œdipus Conflict, 1928. In: Contributions, 202—214.

(2) Klein (M.). Die Psychoanalyse des Kindes, 1932. Франц.: La psychoanalyse des enfants, Paris, P.U.F., 1959. — a) 77—88. — b) 256—257.

(3) Cf. Freud (S.). G.W., VII, 171—188; S.E., IX, 209—226. Passim.

(4) Klein (M.). The Emotional Life of the Infant, 1952. In: Developments, 219.

РЯДЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ

Нем.: Ergänzungsreihe. — Франц.: série complémentaire. — Англ.: complemental series. — Исп.: serie complementaria. — Итал.: serie complementare. — Португ.: série complementar.

О Этот термин Фрейд использует для такого объяснения этиологии неврозов, когда выбор между экзогенными и эндогенными факторами становится ненужным. В самом деле, эти факторы взаимодополнительны — чем сильнее одни, тем слабее другие, так что можно представить себе таблицу их обратно пропорциональной сочетае-

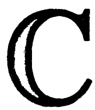
мости, при том что в чистом виде они занимают место на противоположных концах этой таблицы.

◘ Мысль о дополнительных рядах была яснее всего выражена Фрейдом в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916 — 1917), прежде всего в связи с возникновением невроза (1a). В самом деле, с точки зрения этиологической, невозможно сделать выбор между эндогенной фиксацией и экзогенной фрустрацией как факторами невроза, так как они связаны друг с другом обратно пропорциональным отношением: для возникновения невроза достаточно малейшей травмы при сильной фиксации и vice versa.

Фиксация, в свою очередь, может подразделяться на два взаимодополнительных фактора: наследственную предрасположенность и детские переживания (1b). Понятие дополнительных рядов позволяет определить своеобразие каждого случая в зависимости от того, какую роль играют в нем наследственные факторы, детские фиксации и более поздние травмы.

Понятие дополнительных рядов было нужно Фрейду прежде всего для того, чтобы объяснить этиологию невроза, но его можно использовать и в других областях, где также действуют различные факторы, связанные обратно пропорциональной зависимостью.

(1) Cf. Freud (S.). a) G.W., XI, 359 — 360; S.E., XVI, 346 — 347; — b) G.W., XI, 376; S.E., XVI, 362, франц., 388 — 389.

САДИЗМ

Нем.: Sadismus. — Франц.: sadisme. — Англ.: sadism. — Исп.: sadismo. — Итал.: sadismo. — Португ.: sadismo.

● Сексуальное извращение, при котором удовлетворение сопряжено со страданиями и унижением другого человека.

Психоанализ понимает садизм весьма широко, выходя за рамки извращения, описанного сексологами, обнаруживая его многочисленные скрытые проявления, прежде всего в детстве, и тем самым превращая его в важный элемент жизни влечений.

■ Описание различных форм и степеней садического извращения читатель найдет в работах сексологов, в особенности Крафт-Эббинга и Х. Эллиса (α).

С точки зрения терминологической, отметим, что Фрейд называет садизмом (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) или "садизмом в собственном смысле слова" (1) такую сексуальность, которая связана с насилием по отношению к другому человеку.

Однако в более широком смысле слова он иногда называет садизмом насилие, не связанное с сексуальным удовлетворением (2) (см.: Влечение к овладению; Агрессивность; Садомазохизм). Такое понимание термина широко распространилось в психоанализе, хотя Фрейд подчеркивал его нестрогость и возможную путаницу между садизмом и агрессивностью. Эта тенденция особенно ярко дает о себе знать в работах М. Кляйн и ее последователей.

α) Именно Крафт-Эббинг предложил назвать этот вид извращения садизмом, ссылаясь на сочинения маркиза де Сада.

(1) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus. 1924. G.W., XIII, 376; S.E., XIX, 163; франц., 216.

(2) Ср., например: Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 221; S.E., XIV, 128; франц., 46.

САДИЗМ — МАЗОХИЗМ, САДОМАЗОХИЗМ

Нем.: Sadismus — Masochismus, Sadomasochismus. — Франц.: sadisme — masochisme, sado-masochisme. — Англ.: sadism-masochism, sado-masochism. — Исп.: sadismo — masoquismo, sado-masoquismo. — Итал.: sadismo — masochismo, sado-masochismo. — Португ.: sadismo — masoquismo, sado-masoquismo.

● Выражение, которое подчеркивает симметрию и взаимодополнительность двух разновидностей извращения — садизма и мазохизма, а также представляет их как пару противоположностей, имеющую фундаментальное значение как в процессе развития, так и в конкретных проявлениях жизни влечений.

Именно в этом смысле термин "садомазохизм", обозначающий в сексологии смешанные формы обоих извращений, был заимствован психоанализом — во Франции прежде всего Д. Лагашем: этот термин подчеркивает взаимодействие обеих позиций как в межличностных конфликтах (господство — подчинение), так и в структуре личности (самонаказание).

■ В статьях о мазохизме и садизме обсуждаются основные терминологические вопросы; в данной же статье рассматривается лишь пара противоположностей садизм — мазохизм, а также отношение между этими двумя полюсами и его роль с точки зрения психоанализа.

Мысль о взаимосвязи между садизмом и мазохизмом как разновидностями извращения выдвинул уже Крафт-Эббинг. Фрейд впервые обратился к ней в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), представляя садизм и мазохизм как разновидности одного и того же извращения, которое в различной форме (активной или же пассивной) и степени встречается у каждого индивида: "Садист — это всегда в то же время и мазохист, причем преобладание активной или же пассивной стороны этого извращения позволяет определить господствующую форму сексуальной активности" (1a).

В ходе дальнейшего развития идей Фрейда и психоаналитической мысли внимание все больше сосредоточивалось на двух моментах:

1) эти два термина столь тесно взаимосвязаны, что невозможно изучать порознь ни их возникновение, ни конкретные проявления садизма и мазохизма.

2) Значение этой пары противоположностей выходит далеко за пределы извращений: "Садизм и мазохизм занимают особое место среди других извращений, поскольку активность и пассивность, лежащие в их основе,— это всеобщие свойства сексуальной жизни" (1b).

*

Мысли Фрейда о возникновении садизма и мазохизма менялись в зависимости от пересмотра теории влечений. По поводу первой теории (она находит свое законченное выражение во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915)) обычно говорится, что садизм возникает раньше мазохизма и что

мазохизм — это садизм, обращенный на себя. Фактически садизм понимается здесь как агрессия, направленная на другого человека, не учитывающая его страданий и не связанная с сексуальным удовольствием. "Как показывает психоанализ, причинение боли другому вовсе не составляет изначальной цели влечения. Ребенок-садист не отдает себе отчета в том, что он причиняет боль, и делает это непреднамеренно"(2a). То, что Фрейд называет в данном случае садизмом, свидетельствует скорее о влечении к овладению*.

Мазохизм — это не только обращение* на себя, но и одновременно превращение активности в пассивность. Лишь в связи с мазохизмом динамика влечений приобретает сексуальный смысл, и причинение страданий становится ее сутью: "... чувство боли, а также другие ощущения неудовольствия вызывают сексуальное возбуждение, порождая приятное состояние, ради которого субъект готов вытерпеть даже неудовольствие от боли" (2b). Фрейд вычленил два этапа такого обращения на себя: на первом субъект причиняет страдание самому себе, что особенно ярко проявляется при неврозе навязчивых состояний; на втором, или собственно мазохистском, этапе субъект ищет боли, причиняемой другим человеком. Иначе говоря, прежде чем перейти в страдательный залог, глагол «причинять» боль принимает возвратную форму (2c). Наконец, садизм в собственно сексуальном смысле слова предполагает новое преобразование мазохистской позиции.

В этих двух последовательных превращениях Фрейд подчеркивал роль (само)отождествления с другим в процессе фантазирования при мазохистской позиции: "... пассивное *Я* ставит себя в своих фантазиях на свое прежнее место, которое отныне отдано постороннему человеку" (2d). Подобно этому, "причинение боли другим людям позволяет садисту мазохистски наслаждаться ею, (само)отождествляясь с жертвой" (2f, α).

Любопытно, что сексуальность появляется в этом процессе одновременно с интерсубъективностью и фантазированием.

Хотя позднее Фрейд, сравнивая этот этап с последующим, утверждал, что вывел мазохизм из садизма, не допуская никакого первичного мазохизма, мы видим, однако, что если понимать мазохизм в собственном (т. е. сексуальном) смысле слова, тогда именно мазохизм окажется первичным и определяющим.

Вводя понятие влечения к смерти, Фрейд как раз и утверждал существование так называемого первичного мазохизма. Он полагал, что на первой, мифической, стадии влечение к смерти целиком обращено на самого субъекта, однако это покамест не был первичный мазохизм в его фрейдовском понимании. Задачей либидо является обращение влечения к смерти главным образом на внешний мир: "Часть этого влечения подчинена сексуальному влечению и играет важную роль в его удовлетворении. Это садизм

в собственном смысле слова. Другая его часть не присутствует в такой экстериоризации: она остается внутри организма и посредством сексуального возбуждения достигает либидинальной связанности. Это и есть первичный, или эрогенный, мазохизм" (3a).

Если не углубляться в терминологические неувязки, вполне осознаваемые и самим Фрейдом (3b), то окажется, что первичное состояние — с направленным на самого индивида влечением к смерти — не соответствует ни мазохистской, ни садистской позиции.

Связывая себя с либидо, влечение к смерти единым махом расщепляется на садизм и мазохизм. Кстати, садизм и сам в свою очередь может обернуться против субъекта, "в виде вторичного мазохизма, добавленного к первичному" (3c).

Фрейд описал роль садизма и мазохизма на различных стадиях детской либидинальной организации. Прежде всего Фрейд усматривает их действие на анально-садической*, но также и на других стадиях (см.: Стадия орально-садическая; Каннибализм; Соединение — Разъединение). Как известно, Фрейд считал пару противоположностей активность — пассивность*, которая воплощается прежде всего в противоположности садизма и мазохизма, одним из главных полюсов сексуальной жизни субъекта: она разветвляется далее на фаллическое — кастрированное, мужское — женское.

Фрейд открыл и внутрисубъектную роль садизма — мазохизма: она проявляется главным образом в диалектике противопоставления между садистским *Сверх-Я* и мазохистским *Я* (3,4).

Фрейд обратил внимание на взаимодействие садизма и мазохизма не только в явных извращениях; он отметил взаимообратимость этих позиций в фантазиях и во внутрисубъектных конфликтах. Вслед за Фрейдом Д.Лагаш видел в *садомазохизме* стержень межсубъектных отношений. Психический конфликт и главная его разновидность — Эдипов конфликт — это конфликт запросов (см.: Конфликт): "Позиция запрашивающего — это потенциально позиция преследуемого — преследующего, поскольку сам запрос необходимо предполагает садомазохистские отношения типа господство — подчинение, которые скрыто присутствуют при любом вмешательстве инстанции власти" (5).

α) О структуре взаимодействий между садизмом и мазохизмом см."Ребенка бьют" (Ein Kind wird geschlagen, 1914).

β) О роли понятия "садомазохизм" в концепции Д.Лагаша см. в тексте, упомянутом в (5).

(1) Freud (S.). a) G.W., V, 59; S.E., VII, 159. — b) Добавл. в 1915 г.: G.W., V, 58; S.E., VII, 159; франц., 45.

(2) Freud (S.). a) G.W., X, 221; S.E., XIV, 128; франц., 46. — b) G.W., X, 221; S.E., XIV, 128; франц., 46. — c) Cf. G.W., X, 221; S.E., XIV, 128; франц., 129; франц., 46.

(3) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. a) G.W., XIII, 376; S.E., XIX, 163 — 164; франц., 216. — b) Cf. G.W., XIII, 377; S.E., XIX, 164; франц., 217. — c) G.W., XIII, 377; S.E., XIX, 164; франц., 217. — d) Cf. Passim.

(4) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. Глава V: G.W., XIII, 277 — 289; S.E., XIX, 48 — 59; франц., 205 — 218.

(5) Lagache (D.). Situation de l'agressivité. In: Bull. Psycho., XIV, 1, 1960. 99 — 112.

САМОАНАЛИЗ

Нем.: Selbstanalyse. — Франц.: auto-analyse. — Англ.: self-analysis. — Исп.: auto-análisis. — Итал.: autoanalisi. — Португ.: auto-análise.

● Более или менее последовательное изучение себя посредством некоторых психоаналитических приемов: свободных ассоциаций, анализа снов, толкования поступков и т.д.

■ У Фрейда нет отдельной работы о самоанализе, однако он часто говорил об этом, в особенности применительно к собственному опыту. "Вскоре я понял необходимость самоанализа и провел его на материале снов, обративших меня к событиям детства; я и теперь считаю, что такой анализ может быть достаточен для хорошего сновидца, психика которого не слишком анормальна" (1). Подобный метод представлялся Фрейду основополагающим: " Когда меня спрашивают, как можно стать психоаналитиком, я отвечаю: анализируя свои собственные сны" (2).

Однако во многих местах Фрейд сдержанно высказывается о самоанализе. Во время собственного анализа он писал Флиссу: "Мой самоанализ до сих пор стоит на месте, и теперь я понял, почему. Потому что единственное средство самоанализа — знания, приобретенные объективно, как будто я — это другой человек. Подлинный самоанализ невозможен, иначе и болезни бы не существовало" (3). Впоследствии Фрейд дает самоанализу гораздо более низкую оценку, чем собственно анализу: " Поначалу мы учимся психоанализу на самих себе, изучая себя [...], однако на этом пути мы сталкиваемся с препятствиями. Серьезно продвинуться вперед можно лишь с помощью опытного психоаналитика" (4).

Фрейд сдержанно относился к самоанализу, опасаясь подмены

им психоанализа в собственном смысле слова. Обычно считается, что самоанализ — это особая форма сопротивления психоанализу, связанная с потаканием нарциссизму и устранением главной пружины лечения — трансфера (5). Однако у некоторых авторов, рекомендующих самоанализ, например у Карен Хорни, он выступает как дополнение к [основному] лечению, как его подготовка или продолжение. Особенность фрейдовского самоанализа, однако, в том, что он был одним из источников будущего психоанализа, а вовсе не приложением уже существующего знания.

В том, что касается психоаналитиков, целесообразно, по-видимому, чтобы исследование их бессознательного продолжалось. Фрейд говорил об этом уже в 1910 г. по поводу контртрансфера*: "(...) ни один психоаналитик не может продвинуться далее, чем ему позволят собственные комплексы и внутренние сопротивления. Вот почему он должен начать свою деятельность с самоанализа (α) и продолжать его уже в процессе работы с пациентами. Тот, кто этого не делает, должен сразу же отказаться от мысли о психоаналитическом лечении больных" (6). Требование дидактического анализа* не устраняет необходимости самоанализа, "бесконечно" продолжающего процесс, начатый дидактическим анализом (β).

α) [...].

β) Последовательное изучение этой проблемы см. в работе: Anzieu D. L' autoanalyse, Presses Universitaires de France, Paris, 1959.

(1) Freud (S.). Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, 1914. G.W., X, 59; S.E., XIV, 20; франц., 278.

(2) Freud (S.). Über Psychoanalyse, 1909. G.W., VIII, 32; S.E., XI, 33; франц., 147.

(3) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. Нем., 249; англ., 234; франц., 207.

(4) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916 — 1917. G.W., XI, 12; S.E., XV, 19; франц., 30.

(5) Cf. Abraham (K.). Über eine besondere Form des neurotischen Widerstandes gegen die psychoanalytischen Methodik, 1919. Фр., 11, 839.

(6) Freud (S.). Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie, 1910. G.W., VIII, 108; S.E., XI, 145; франц., 27.

(САМО)ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Нем.: Identifizierung. — Франц.: identification. — Англ.: identification. — Исп.: identificación. — Итал.: identificazione. — Португ.: identificação.

● Психологический процесс, посредством которого субъект присваивает себе свойства, качества, атрибуты другого человека и преобразует себя — целиком или частично — по его образу. Построение и обособление личности осуществляется посредством (само)отождествлений.

■ 1) Понятие (само)отождествления принадлежит как обыденному, так и философскому языку, и потому было бы полезно прежде всего уточнить его смысл и место в психоаналитическом словаре.

Существительное "отождествление" может быть понято двояким образом: либо в переходном смысле, как в глаголе "отождествлять", либо в возвратном смысле, как в глаголе "самоотождествляться". Это различие учтено в определениях данного понятия в словаре Лаланда:

А) "Отождествление, т. е. установление тождества либо путем учета признаков (например, "опознание преступника"), либо путем определения сущности, а значит и принадлежности предмета определенному классу [...], либо путем сопоставления одной группы фактов с другими [...]".

Б) "Действие (само)отождествления одного индивида с другим или двух индивидов друг с другом (в мыслях или на деле, целиком или с ограничениями)" (1).

Фрейд использует оба эти значения. Отождествление как процесс, при котором частичное подобие превращается в полную замену одного образа другим, характеризует, с точки зрения Фрейда, работу сновидения (2а). Это и есть смысл А по Лаланду, хотя отождествление в данном случае не имеет узкопознавательного значения: это активный процесс замены частичного тождества или скрытого сходства полным тождеством.

В психоанализе, однако, это понятие прежде всего означает "(само)отождествление с чем-то".

2) Отождествление во втором смысле, т. е. (само)отождествление, подразумевается в целом ряде общераспространенных психологических понятий, таких, как подражание, вчувствование (Einfühlung), симпатия, психологическая заразительность, проекция и пр.

Ради ясности предлагалось вычленить в зависимости от направленности процесса, гетеропатическое (Шелер), или центростремительное (Валлон), отождествление, при котором субъект отождествляет себя с другим человеком, и идеопатическое, или центробежное, отождествление, при котором субъект отождествляет другого человека с собой. Наконец, в тех случаях, когда проявляются обе эти тенденции, возникает более сложная форма отождествления, которой обычно приписывают особую роль в образовании инстанции "мы".

*

Со временем понятие (само)отождествления заняло в работах Фрейда ведущее положение: оно стало обозначать не один из психологических механизмов наряду с другими, но сам процесс

образования человеческой субъективности. Этот процесс был связан поначалу с выходом на первый план Эдипова комплекса и всех его упорядочивающих последствий, а позже с теоретическими реконструкциями во второй теории психического аппарата, где различные инстанции, отделившиеся от *Оно*, выступают во всем своем своеобразии как следствия ряда отождествлений.

Однако Фрейд говорил о (само)отождествлении уже в самый ранний период, преимущественно в связи с истерическими симптомами. Факты, связанные с подражанием, с психической заразительностью, были известны издавна, однако Фрейд сделал шаг вперед, объясняя эти явления существованием общего для всех людей бессознательного: "...(само)отождествление — это не просто подражание, но присвоение, основанное на очевидном единстве происхождения; оно выражает сходство явлений через их общность на уровне бессознательного" (2b). Эта общность проявляется на уровне фантазмов; так, пациентка, страдающая агорафобией, бессознательно отождествляет себя с "уличной девкой", причем симптом проявляется в защите от такого (само)отождествления и выражаемого им сексуального желания (3а). Наконец, Фрейд уже очень рано подметил возможность сосуществования в одном субъекте различных (само)отождествлений: "... сам факт (само)отождествления, пожалуй, предоставляет нам возможность понять *буквально* это выражение — множественное воплощение психических личностей"' (3b).

Впоследствии ряд теоретических нововведений позволил уточнить понятие (само)отождествления.

1) В 1912-1915 гг. («Тотем и табу» [Totem und Tabu], «Скорбь и меланхолия» [Trauer und Melancholie]) появилось само понятие орального поглощения. Фрейд показал прежде всего роль орального поглощения при меланхолии, когда субъект (само)отождествляется с утраченным объектом, возвращаясь в своем развитии к более ранним объектным отношениям, характерным для оральной стадии (см.: Инкорпорация; Каннибалический).

2) Было выявлено также понятие нарциссизма*. В работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд говорил о диалектике взаимосвязей между нарциссическим выбором объекта* (объект выбирается по собственному образу и подобию) и (само)отождествлением (субъект или какая-то из его инстанций строится по образу объектов, формировавшихся на более ранних стадиях — родителей, близких и т.д.):

3) Воздействия Эдипова комплекса* на внутреннюю структуру субъекта были описаны в терминах (само)отождествления: нагрузки

родительских персонажей устраняются и заменяются (само)отождествлениями (4).

В обобщенном описании Эдипова комплекса Фрейд показал, что эти (само)отождествления образуют сложную структуру, поскольку отец и мать выступают одновременно и как объекты любви, и как объекты соперничества. Возможно, впрочем, что амбивалентное отношение к объекту характерно для любого (само)отождествления.

4) Вторая теория психического аппарата обогатила понятие (само)отождествления и одновременно привела к возрастанию его роли. Отныне различные личностные инстанции описываются уже не как самостоятельные системы, в которых хранятся образы, воспоминания, психические "содержания", но как совокупности разнородных остатков прежних объектных отношений.

Такое развитие понятия (само)отождествления не привело ни самого Фрейда, ни психоаналитический подход в целом к систематизации различных способов (само)отождествления. По сути, Фрейд и сам был недоволен своей трактовкой этой проблемы (5а). Наиболее развернуто она излагается в главе VII "Психологии масс и анализа *Я*" (Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921). В этой работе Фрейд вычленил три способа (само)отождествления:

а) первичная форма аффективной связи с объектом. Речь здесь идет о доэдиповском (само)отождествлении, изначально связанном с амбивалентным каннибалическим отношением (см.: Первичное (само)отождествление);

б) регрессивная замена прежнего выбора объекта;

в) даже если другой человек не несет сексуальной нагрузки, субъект все равно может с ним (само)отождествляться, если у них есть нечто общее (например, желание быть любимым): в результате такого смещения происходит (само)отождествление по какому-нибудь другому признаку (истерическое (само)отождествление).

В ряде случаев, считал Фрейд, (само)отождествление относится не к объекту в целом, а к "одному-единственному признаку" этого объекта (6).

Наконец, изучение гипноза, любовной страсти и психологии масс приводит к противопоставлению (само)отождествления, связанного со становлением или обогащением личности, тому процессу, при котором та или иная инстанция личности замещается объектом (например, при подмене *Идеал-Я* членов единого сообщества образом вождя). В подобных случаях именно такая "подмена" становится условием взаимоотождествления индивидов. Здесь мы воочию видим весь порядок различий между центростремительным, центробежным и взаимным (само)отождествлением, о которых речь шла выше.

*

Понятие (само)отождествления следует отличать от таких близких понятий, как "инкорпорация (поглощение)"*, «интроекция»*, «интериоризация»*.

Инкорпорация и интроекция — это прообразы (само)отождествления или по крайней мере некоторых его разновидностей: психический процесс переживается и символизируется при этом в качестве телесного процесса (внутрь-себя-приятие, поглощение, сохранение в организме и пр.).

Разграничить (само)отождествление и интериоризацию сложнее, поскольку картина меняется в зависимости от теоретического осмысления *того, чему* уподобляется субъект. Различие подходов связано с тем, что (само)отождествление подразумевает *объекты*: людей ("уподобление моего *Я* чужому *Я*") (5b) или же какие-то их качества, частичные объекты, тогда как интериоризация выступает как межсубъектное *отношение*. Остается выяснить, какой из этих двух процессов первичен. Заметим, что (само)отождествление субъекта А с субъектом В обычно бывает не полным, но лишь частичным: *Я* (само)отождествляюсь с моим начальником не целиком, но лишь отчасти — в связи с той его чертой, которая важна в моем садомазохистском отношении к нему. Однако (само)отождествление навсегда сохраняет признаки изначальных прообразов: инкорпорация относится к *вещам*, отношение воплощается в объекте; объект, на который было направлено агрессивное отношение ребенка, становится в конечном счете «плохим» объектом, который подлежит поглощению. При этом вся совокупность (само)отождествлений субъекта складывается в связную систему отношений. Например, такая (личностная) инстанция, как *Сверх-Я*, обнаруживает различные, разнородные, конфликтные требования, а *Идеал-Я* складывается в результате (само)отождествлений с различными культурными идеалами, которые не всегда согласованы друг с другом.

(1) Lalande (A.). Vocabulaire technique et critique de la philosophie, Paris, P.U.F., 1951.

(2) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) Cf. G.W., II — III, 324 — 325; S.E., IV, 319 — 320; франц., 238. — b) G.W., II — III, 155 — 156; S.E., IV, 150; франц., 115.

(3) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. — a) Cf. Нем., 193 — 194; англ., 181 — 182; франц., 160 — 161. — b) Нем., 211; англ., 199; франц., 176.

(4) Ср., в частности: Freud (S.). Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924. G.W., XIII, 395 — 402; S.E., XIX, 171 — 179.

(5) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse,

1932. — a) Cf. G.W., XV, 70; S.E., XXIII, 63; франц., 90. — b) Cf. G.W., XV, 69; S.E., XXIII, 63; франц., 89.

(6) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 117; S.E., XVIII, 107; франц., 119.

(САМО)ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПЕРВИЧНОЕ

Нем.: primäre Identifizierung. — Франц.: identification primaire. — Англ.: primary identification. — Исп.: identificación primaria. — Итал.: identificazione primaria. — Португ.: identificação primária.

● Самый первый способ построения субъекта по образу другого; ему не предшествуют никакие объектные отношения, в которых объект представал бы как нечто независимое. Первичное (само)отождествление тесно связано с актом поглощения через рот.

■ Понятие первичного (само)отождествления, ныне прочно вошедшее в язык психоанализа, используется по-разному в зависимости от понимания самых ранних стадий существования индивида.

Первичное (само)отождествление противоположно налагающимся на него вторичным (само)отождествлениям не только потому, что оно произошло раньше, но также и потому, что оно не зависит от объектного отношения в собственном смысле слова и выступает как "...изначальная форма аффективной связи с объектом" (1a). "Поначалу, на оральной стадии развития индивида, объектная нагрузка и (само)отождествление неразрывно слиты друг с другом" (2a).

Этот способ связи ребенка с другим человеком был описан как первичное отношение к *матери*, возникающее еще до сколько-нибудь четкого разграничения между *Я* и alter ego. Это отношение обусловлено процессом поглощения, инкорпорации. Однако уподобить первичное (само)отождествление некоему начисто лишенному внутренних различий и объектов состоянию было бы сложно.

Интересно, что Фрейд, лишь изредка пользовавшийся выражением "первичное (само)отождествление" (2b), называл так (само)отождествление с *отцом* в "личной предыстории", когда отец воспринимался мальчиком как идеал или прообраз (Vorbild). Речь здесь идет о "прямом и непосредственном (само)отождествлении, предшествующем любой объектной нагрузке" (2b — 1b).

(1) Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. — a) G.W., XIII, 118; S.E., XVIII, 107; франц., 120. — b) Cf. G.W., XIII, 115 sqq;. S.E., XVIII, 105 sqq.; франц., 117 sqq.

(2) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. — a) G.W., XIII, 257; S.E., XIX, 29; франц., 183. — b) G.W., XIII, 259; S.E., XIX, 31; франц., 185.

(САМО)ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПРОЕКТИВНОЕ

Нем.: Projektionsidentifizierung. — Франц.: identification projective. — Англ.: projective identification. — Исп.: identificación proyectiva. — Итал.: identificazione proiettiva. — Португ.: identificação projetiva.

◘ Термин, введенный М.Кляйн для обозначения механизма образования фантазмов, при котором субъект помещает себя — целиком или частично — внутрь объекта для нанесения ему вреда, обладания или контроля за ним.

◘ Понятие проективного (само)отождествления использовалось у М. Кляйн в совершенно особом смысле, не имеющем ничего общего с тем, что на первый взгляд предполагается при соединении этих двух слов, а именно, приписыванием другому человеку каких-то собственных черт или даже общего сходства с собой.

В "Детском психоанализе" (Die Psychoanalyse des Kindes, 1932) М.Кляйн описывала фантазмы, связанные с нападением на материнское тело изнутри, с садистским вторжением в него (1). Лишь позднее (1946) она ввела понятие проективного (само)отождествления для обозначения "особой формы самоидентификации, прообразом которой выступает агрессивное объектное отношение" (2a).

Этот механизм, тесно связанный с параноидно-шизоидной установкой*, заключается в фантазматическом проникновении в материнское тело не только частичных "плохих" объектов и отщепившихся частей самого себя, но и всего субъекта целиком, с тем чтобы мучить мать и властвовать над ее телом изнутри. Этот фантазм лежит в основе тревожных страхов — заключения и преследования внутри тела матери. Напротив, проективное (само)отождествление может порождать ощущение, что интроекция — это "...насильственное вторжение внутрь — в наказание за слишком сильную проекцию" (2b). Другая опасность заключается в обеднении и ослаблении: в результате проективного (само)отождествления *Я* теряет "хорошие" части самого себя, вследствие чего такие инстанции, как *Идеал-Я*, могут оказаться вне субъекта (2c).

М. Кляйн и Дж. Ривьер усматривают связанные с проективным (само)отождествлением фантазмы в таких патологических состояниях, как деперсонализация и клаустрофобия.

Проективное (само)отождествление выступает, таким образом, как разновидность проекции*. Когда М.Кляйн говорит в данном случае о (само)отождествлении, она имеет в виду проекцию самости, субъективности [self]. У М. Кляйн и ее последователей выражение "проективное (само)отождествление" означает примерно то же, что

в психоанализе означает "проекция": это отбрасывание вовне "плохого" — того, что лишено права быть внутри субъекта.

Такой подход оставляет в стороне проблему разграничения разновидностей (само)отождествления*, а именно тех случаев, когда субъект уподобляет себя другому, и тех случаев, когда он уподобляет другого себе. Объединяя случаи второго типа понятием проективного (само)отождествления, мы тем самым обедняем психоаналитическое понятие проекции. И потому следовало бы предпочесть противопоставление центробежного и центростремительного самоотождествления.

(1) Klein (M.) См., например, во франц. переводе: Paris, P.U.F, 1959, 145.
(2) Klein (M.). Notes on some schizoid mechanisms. In.: Developments, 1952. — a) 300. — b) 304. — c) 4.301.

(САМО)ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С АГРЕССОРОМ

Нем.: Identifizierung mit dem Angreifer. — Франц.: identification à l'agresseur. — Англ.: identification with the agressor. — Исп.: identificación con el agresor. — Итал.: identificazione con l'aggressore. — Португ.: identificação ao agressor.

● Механизм защиты, выделенный и описанный Анной Фрейд (1936). При столкновении с внешней опасностью (как правило, критикой со стороны авторитета) субъект самоотождествляется с агрессором — приписывая себе сам акт агрессии, подражая физическому или моральному облику агрессора или заимствуя некоторые символы его власти. По Анне Фрейд, этот механизм преобладает на стадии, предшествующей образованию *Сверх-Я,* когда агрессия направлена вовне и пока еще не может обращаться — в виде самокритики — на самого субъекта.

■ Мы не находим этого выражения в работах Фрейда, однако считается, что именно Фрейд описал этот механизм — прежде всего в детских играх — в главе III "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920).

Ш. Ференци использует это выражение в особом смысле: речь идет о сексуальной агрессии взрослых, живущих в мире страсти и вины, против ребенка, который считается невинным (см.: Соблазнение). Поведение жертвы трактуется как результат страха и полного подчинения воле агрессора; происходящее при этом личностное изменение предполагает "...интроекцию чувства вины, присущего взрослому" (1).

Анна Фрейд обнаруживает (само)отождествление с агрессором в различных ситуациях, таких, например, как физическая агрессия, критика и пр., полагая, что (само)отождествление происходит либо до, либо после устрашающей агрессии. Наблюдаемое при этом поведение есть результат оборачивания ролей: жертва представляет себя агрессором.

Авторы, приписывающие этому механизму важную роль в развитии личности, по-разному оценивают его роль, особенно в построении *Сверх-Я*. По Анне Фрейд, на первой стадии все агрессивные отношения оказываются перевернутыми: агрессор подвергается интроекции, а жертва (объект нападения, критики, носитель чувства вины) проецируется вовне. Лишь на второй стадии агрессия обращается внутрь и вся совокупность связанных с нею отношений интериоризируется.

Д. Лагаш считал, что (само)отождествление с агрессором происходит в самом начале формирования *Я* идеального*; при конфликте детских и взрослых запросов или побуждений субъект (само)отождествляется со всевластным взрослым, что порождает искаженное восприятие другого человека, его подчинение, его устранение (2).

Р. Шпитц в "Отрицании и утверждении" (No and Yes, 1957) широко пользовался понятием (само)отождествления с агрессором. Для него оборачивание агрессии против агрессора — это основной механизм при выработке способности сказать "нет" (словом или жестом) на 15-м месяце жизни.

*

Каково место (само)отождествления с агрессором в психоаналитической теории в целом, идет ли речь об особом механизме или о важном моменте обычного (само)отождествления? В частности, как оно связано с тем, что обычно называют (само)отождествлением с соперником в Эдиповской ситуации? Авторы, признающие важную роль механизма (само)отождествления, не задают этих вопросов. В известных нам случаях этот механизм, как правило, помещается в рамки не трехсторонних, а двусторонних отношений, в основе которых, настаивал Д. Лагаш, лежат отношения садомазохистского типа.

(1) Ferenczi (S.). Sprachverwirrung zwischen den Erwachsenen und dem Kind, 1932 — 1933. Англ. In: Final Contributions, 162. Франц. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., vol. VI, 248.

(2) Lagache (D.). Pouvoir et personne. In: L'évolution psychiatrique, 1962, I, III-9.

СВЕРХДЕТЕРМИНАЦИЯ (ИЛИ МНОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ)

Нем.: Überdeterminierung (или mehrfache Determinierung). — Франц.: surdétermination (или détermination multiple). — Англ.: overdetermination (или multiple determination). — Исп.: superdeterminación. — Итал.: sovradeterminazione. — Португ.: superdeterminação (или determinação múltipla).

◘ Способ, которым различные порождения бессознательного — симптомы, сны и пр. — возводятся к некоторой совокупности детерминирующих факторов. Термин может употребляться в двух смыслах:

а) порождение бессознательного есть результат многих причин, из которых ни одна сама по себе не достаточна;

б) порождения бессознательного содержат в себе разнородные бессознательные элементы, которые могут выстроиться в различные значимые цепочки, обладающие каждая собственной связностью на данном уровне истолкования. Этот второй смысл наиболее употребителен.

◘ Как бы ни отличались друг от друга эти два смысла сверхдетерминации, между ними можно найти связующие звенья.

В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie,1895) они сосуществуют друг с другом. Иногда (1a) истерический симптом оказывается сверхдетерминированным потому, что он обусловлен одновременно и врожденной предрасположенностью, и множеством травмирующих событий: одного из этих факторов было бы недостаточно для порождения и сохранения симптома; вот почему катартический метод, никак не затрагивающий врожденную предрасположенность к истерии, успешно устраняет симптом благодаря воспоминанию и отреагированию травмы. В другом отрывке из той же работы Фрейд склонялся скорее ко второму смыслу понятия: цепочки ассоциаций, связывающих симптом с "патологическим ядром", образуют "совокупности разветвленных, а иногда и сходящихся в одной точке линий"(1b).

Сверхдетерминированность ярче всего обнаруживается при изучении сновидений. Фактически, как показывает анализ, "... каждый элемент явного содержания сна *сверхдетерминирован*, или многократно представлен, скрытыми сновидными мыслями" (2a). Сверхдетерминация — это, по сути, работа сгущения*. Она выражается не только на уровне отдельных элементов сна; сон в целом также может оказаться сверхдетерминированным: "Результаты сгущения могут быть весьма значительными. Подчас оно позволяет соединить в явном [содержании] сна два совершенно различных ряда скрытых мыслей, так что бывают такие, по видимости, удовлетворительные истолкования снов, при которых

мы даже не замечаем возможности другого, надстраивающегося над ними истолкования" (3a) (см.: Сверхинтерпретация).

Отметим, однако, что сверхдетерминация вовсе не предполагает бесконечного числа истолкований того или иного сна. Фрейд сравнивал сны с некоторыми архаическими языками, в которых слова или предложения могли иметь различные истолкования (3b); в этих языках двусмысленность устранялась контекстом, интонацией или какими-то дополнительными знаками. В сновидениях устранить неопределенность труднее, однако различие истолкований доступно научному изучению.

Сверхдетерминация не предполагает независимого или параллельного существования различных значений одного и того же феномена. Судя по анализу ассоциаций, различные цепочки значений пересекаются не только в одной, "центральной" точке [point nodal]: в симптомах заметны следы взаимодействия и *компромисса* различных значений. При изучении истерического симптома Фрейд показал, что "он развивается лишь тогда, когда выполнение двух противоположных желаний, возникающих внутри двух различных психических систем, совмещается в одном выражении" (2b).

Что здесь осталось от нашего первого определения сверхдетерминации? Рассматриваемое нами явление представляет собой итог, результат; сверхдетерминация — это положительное качество, а не просто отсутствие единого, исчерпывающего значения. Ж. Лакан подчеркивал, что сверхдетерминация — это общий признак всех образований бессознательного: "Для Фрейда наличие симптома (невротического или какого-либо иного) в психоаналитической психопатологии необходимо предполагало [...] сверхдетерминацию, обусловленную двойственностью значения: она призвана символизировать и сам давно угасший конфликт, и кроме того его роль в нынешнем, *не менее символическом* конфликте [...]" (4). Это обусловлено тем, что симптом (в широком смысле слова) "структурирован как язык" и, следовательно, основан, по сути, на скольжениях и взаимоналожениях смыслов: подобно тому, как слово не может сводиться к сигналу, так симптом не может быть однозначным выражением одного-единственного бессознательного содержания.

(1) Freud (S.). a) Cf. G.W., I, 216; S.E., II, 262 — 263; франц., 211 и 169 — 270. — b) G.W., I, 293—294; S.E., II, 289; франц., 234.

(2) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II — III, 289; S.E., IV, 283; франц., 212. — b) G.W., II — III, 575; S.E., V, 569; франц., 466.

(3) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916 — 1917. — a) G.W., XI, 176; S.E., XV, 173; франц., 191. — b) Cf. G.W., XI, 234 — 239; S.E., XV, 228 — 233; франц., 249 — 254.

(4) Lacan (J.). Fonction et champ de la parole et du langage en psychoanalyse. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., 1956, I, 114.

СВЕРХИСТОЛКОВАНИЕ

Нем.: Überdeutung.- Франц.: surinterpretation. — Англ.: over-interpretation. — Исп.: superinterpretación. — Итал.: sovrinterpretazione. — Португ.: superinterpretação.

● Термин, использовавшийся Фрейдом применительно к снам: толкование, которое надстраивается над первичной интерпретацией, и без того достаточно полной и связной. Сверхистолкование порождается главным образом сверхдетерминацией.

■ В ряде мест "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) поставлен вопрос: может ли истолкование сновидений в принципе быть исчерпывающим? "Как я уже говорил, никогда нельзя быть уверенным в полноте истолкования сновидения. Даже если наша трактовка кажется удовлетворительной и исчерпывающей, всегда сохраняется возможность другого толкования сновидения" (1a).

Фрейд говорил о сверхистолковании во всех тех случаях, когда к уже имеющемуся истолкованию (вполне связному и осмысленному) добавляется новое, причем он прибегает к понятию сверхистолкования в весьма различных контекстах.

В основе сверхистолкования лежит взаимоналожение различных слоев значений. Во фрейдовских текстах мы сталкиваемся с различными способами осмысления такой многослойности.

Так, можно говорить о сверхистолковании в широком и несколько поверхностном смысле слова: новые ассоциации приводят к расширению материала и оправдывают установление аналитиком новых связей. Сверхистолкование непосредственно связано здесь с расширением материала.

В другом, более строгом, смысле слова сверхинтерпретация связана с проблемой значения: это более "глубокое" истолкование. Фактически интерпретация строится на различных уровнях — от прямых высказываний и поступков субъекта до его бессознательных фантазий.

Возможность и даже необходимость истолкования сновидений определяется механизмами его порождения и прежде всего сгущением*: один-единственный образ может быть связан с длинным рядом "бессознательных сцеплений мысли". Далее, следует признать, что один и тот же сон может быть выражением многих желаний. "Сны часто представляются *многозначными*. В них не только могут соединяться исполнения различных желаний — одного за другим: один смысл, исполнение одного желания может наслаиваться на другие, покуда мы не придем к исполнению раннего детского желания" (1b).

Возникает вопрос: не является ли это последнее желание конечной точкой, дальше которой идти невозможно, или, иначе,

пределом истолкования? По-видимому, именно ее Фрейд называет "сердцевиной сновидения": "Даже в прекрасно истолкованных сновидениях неизбежно приходится оставить что-то в тени, поскольку в ходе истолкования мы замечаем, что в какой-то детали сосредоточен целый клубок сновидных мыслей, которые не поддаются распутыванию и не вносят ничего нового в содержание сновидения. Это и есть *сердцевина* сновидения — то место, в котором оно соприкасается с неведомым. Сновидные мысли, раскрываемые в ходе истолкования, неизбежно остаются оборванными, разветвляясь в сложных хитросплетениях нашего душевного мира. В точке наиболее плотного пересечения этих нитей возникает сновидное желание — словно гриб на грибнице" (1с).

(1) Freud (S.). a) G.W., II — III, 285; S.E., IV, 279; франц., 208; — b) G.W., II — III, 224; S.E., IV, 214; франц., 166; — c) G.W., II — III, 530; S.E., V, 525; франц., 433.

СВЕРХНАГРУЗКА

Нем.: Überbesetzung. — Франц.: surinvestissement. — Англ.: hypercathexis. — Исп.: sobrecarga. — Итал.: superinvestimento. — Португ.: sobrecarga или superinvestimento.

● Дополнительная нагрузка уже нагруженного представления, восприятия и пр. В рамках фрейдовской теории сознания это понятие относится прежде всего к процессам, связанным с вниманием.

■ "Экономический" термин "сверхнагрузка" не уточняет ни объекта, ни источника той дополнительной нагрузки*, о которой идет речь. Можно, например, говорить о сверхнагрузке бессознательного представления, если на него направлен новый заряд энергии влечений; Фрейд называет сверхнагрузкой также нарциссический перенос либидо с его прежнего места на *Я*, столь характерный для шизофрении.

В любом случае понятие "сверхнагрузка" чаще всего вводится и используется для придания экономического основы "особой психической функции" (1), а именно вниманию, теорию которого Фрейд разрабатывает прежде всего в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895). В этом тексте он излагает "биологическое правило", которому подчинено *Я* при сосредоточенном внимании, следующим образом: "Как только реальность обнаруживает себя, нагрузка присутствующего в данный момент восприятия непременно должна превратиться в сверхнагрузку" (2) (см.: Сознание).

Кроме того, Фрейд называл сверхнагрузкой подготовку к опасности, позволяющую избежать травмы или ослабить ее воздействие:

"Для исхода большинства травм важнее всего различие между психическими системами, не подготовленными и подготовленными к этому сверхнагрузкой" (3).

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II — III, 599; S.E., V, 593; франц., 485.

(2) Freud (S.). Нем., 451; англ., 429; франц., 382.

(3) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 32; S.E., XVIII, 31; франц., 35.

СВЕРХ-*Я*

Нем.: Über-Ich. — Франц.: surmoi (или sur-moi). — Англ.: super-ego. — Исп.: superyó. — Итал.: super-io. — Португ.: superego.

● Одна из инстанций личности во второй фрейдовской теории психического аппарата: по отношению к *Я Сверх-Я* играет роль судьи или цензора. *Сверх-Я,* по Фрейду, ответственно за нравственное сознание, самонаблюдение и формирование идеалов.

Обычно *Сверх-Я* трактуют как наследника Эдипова комплекса; оно образуется в результате интериоризации родительских требований и запретов.

Некоторые психоаналитики относят формирование *Сверх-Я* к ранним доэдиповским стадиям (М. Кляйн) или по крайней мере ищут предшественников *Сверх-Я* в очень ранних психических механизмах и формах поведения (например, Гловер, Шпитц).

■ Термин *Сверх-Я* был введен Фрейдом в "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923) (α). Обозначаемая им критическая функция представляет инстанцию, которая обособилась от *Я*, но, по-видимому, властвует над ним, судя по состоянию патологической скорби и меланхолии, когда субъект становится объектом критики и упреков: "Мы видим, как одна часть *Я* противополагается другой, подвергая ее критике и превращая в объект" (1).

Понятие *Сверх-Я* относится ко второй фрейдовской топике. Однако еще до ее вычленения психоаналитическая клиника и теория уже признавали (например, в понятии цензуры* сновидения) особую роль в психическом конфликте той инстанции, которая запрещает осознание желаний. Более того, Фрейд изначально признавал (и это отличает его концепцию от традиционных представлений о нравственном сознании), что эта цензура может действовать бессознательно. Он отмечал также, что при неврозе навязчивых состояний самоупреки не всегда осознанны: "Субъект, страдающий от принуждений и запретов, ведет себя так, словно он испытывает *чувство вины*, которое можно назвать безотчетным или

неосознанным, несмотря на очевидное противоречие в терминах" (2).

Однако именно изучение бреда преследования, меланхолии и патологической скорби привело Фрейда к вычленению в личности одной части *Я*, направленной против другой — *Сверх-Я*, играющего для субъекта роль образца и судьи. Впервые Фрейд выявил эту инстанцию в 1914 — 1915 г., обнаружив в ней две подструктуры: собственно *Идеал-Я* и критическую инстанцию (см.: *Идеал-Я*).

Понятие *Сверх-Я* в широком и общем смысле слова (ср. "*Я* и *Оно*", где, напомним, этот *термин* используется впервые) обозначает и запрет, и идеал. При сохранении *Идеал-Я* в виде отдельной подструктуры *Сверх-Я* становится воплощением одновременно и закона, и запрета на его нарушение.

По Фрейду, *формирование Сверх-Я* связано с угасанием Эдипова комплекса*: отказываясь от исполнения запретных желаний, ребенок преобразует нагрузку родительских персонажей в (само)отождествление с родителями и интериоризует запрет.

При этом Фрейд подчеркивал различие между мальчиком и девочкой: у мальчика комплекс Эдипа неизбежно сталкивается с угрозой кастрации, вследствие чего возникает "строгое *Сверх-Я*" (3a). У девочки, напротив, "...комплекс кастрации не только не устраняет Эдипова комплекса, но напротив, подготавливает его появление [...]. Эдипов комплекс у девочки сохраняется надолго и затем устраняется, хотя и не полностью. При таких условиях страдает процесс образования *Сверх-Я*: оно не достигает той мощи и той независимости, которых требует его роль в культуре" (3b).

Таким образом, именно отказ от любовных и враждебных эдиповских желаний лежит в основе формирования *Сверх-Я*, которое, по Фрейду, впоследствии обогащается также социальными и культурными требованиями (образование, религия, мораль). Впрочем, еще и до формирования *Сверх-Я* в традиционном смысле слова уже возникают либо ранние формы *Сверх-Я*, либо непосредственно приводящие к нему стадии. Так, ряд авторов считают, что интериоризация запретов происходит гораздо раньше угасания Эдипова комплекса: в частности, раньше усваиваются некоторые педагогические требования и среди них, как отметил Ференци в 1925 г., определенные требования к работе сфинктера [Zur Psychoanalyse von Sexualgewohnheiten]. Для последователей М.Кляйн *Сверх-Я* существует уже на оральной стадии: оно складывается в результате интроекции "хороших" и "плохих" объектов, причем жестокость его объясняется детским садизмом, наиболее сильно

развитым именно в этот период (4). Другие авторы, не признающие доэдипова *Сверх-Я*, тем не менее показывают, что формирование *Сверх-Я* начинается очень рано. Р.Шпитц, например, вычленял три главные предпосылки этого процесса: навязанные извне физические действия, овладение жестикуляцией через (само)отождествление с другими людьми и, что всего важнее, идентификация с агрессором (5).

*

Довольно трудно определить, какую роль играют в образовании *Сверх-Я* *Идеал-Я**, *Я* идеальное* и просто *Я**.

"Установление *Сверх-Я* может рассматриваться как случай успешного (само)отождествления с родительской инстанцией",— пишет Фрейд в "Новых лекциях по введению в психоанализ" (Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932) (3c). Выражение "родительская инстанция" означает, что механизм образования *Сверх-Я* не следует понимать как (само)отождествление с конкретными лицами. Вот одно из разъяснений этой мысли: *Сверх-Я* ребенка складывается не по образу родителей, но по образу *Сверх-Я* родителей: оно наполнено теми содержаниями, традициями и ценностными суждениями, которые передаются из поколения в поколение (3d).

Чаще всего антропоморфизм второй фрейдовской топики подвергался критике именно в связи со *Сверх-Я*. Однако Д.Лагаш, напротив, считал заслугой психоанализа выделение роли антропоморфизма в возникновении и функционировании психики с ее "анимистическими вкраплениями" (6). Клинический опыт психоанализа показывает, что *Сверх-Я* действует в "реалистической" манере и как независимая инстанция («плохой» внутренний объект, "грубый голос"(β) и т.д.). Вслед за Фрейдом ряд авторов подчеркивали, что *Сверх-Я* весьма далеко отстоит от действительных запретов и наставлений родителей и воспитателей, так что "строгое" *Сверх-Я* может даже противоречить их установкам.

α) Французский термин для *Сверх-Я* — surmoi или sur-moi. Иногда, особенно в многочисленных работах Р.Лафорга по этому вопросу, встречается и термин Superego.

β) По Фрейду, *Сверх-Я* включает в себя главным образом словесные представления, а его содержание определяется звуковыми восприятиями, наставлениями, чтением и пр. (7).

(1) Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1917. G.W., X, 433; S.E., XIV, 247; франц., 199.

(2) Freud (S.). Zwangshandlungen und Religionsübungen, 1907. G.W., VII, 135; S.E., IX, 123; франц., 172 — 173.

(3) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. — a) G.W., XV, 138; S.E., XXII [ошибка в оригинале], 129; франц., 177. — b) G.W., XV, 138; S.E., XXII, 129; франц., 177. — c) Cf. G.W., XV, 70: S.E., XXII, 63 — 64; франц., 90. — d) G.W., XV, 73; S.E.; XXII, 67; франц., 94 — 95.

(4) Cf. Klein (M.). The Early development of Conscience in the Child, 1933. In: Contributions. Passim.

(5) Cf. Spitz (R.). On the genesis of superego components. In: Psa. Study of the Child, 1958, XIII, 375 — 404.

(6) Cf. Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité. In: La Psychanalyse, Paris, P.U.F., 1961, vol. VI, 12 — 13.

(7) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923, G.W., XIII, 282; S.E., XIX, 52 — 53; франц., 210 — 211.

СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ (МЕТОД ИЛИ ПРАВИЛО)

Нем.: freie Assoziation. — Франц.: libre association (méthode ou règle de-). — Англ.: free association. — Исп.: associación libre. — Итал.: libera associazione. — Португ.: associação livre.

● Высказывание всех, без разбора, мыслей, которые приходят в голову — либо отправляясь от какого-то слова, числа, образа сновидения, представления, либо самопроизвольно.

■ Прием свободных ассоциаций — это опора всей психоаналитической техники. Точно указать дату этого открытия невозможно; Фрейд шел к нему постепенно — между 1892 и 1898 гг. — и различными путями.

1) Судя по "Исследованиям истерии" (Studien über Hysterie, 1895), метод свободных ассоциаций возник на основе доаналитических методов исследования бессознательного, исходивших из внушения и сосредоточенности пациента на данном представлении; настойчивый поиск патогенного элемента уступает у пациента место спонтанному выражению. В "Исследованиях истерии" показана и роль пациентов в этом открытии (α).

2) Одновременно с этим Фрейд использовал прием свободных ассоциаций в собственном анализе, особенно в анализе снов: именно отрывок сна становился исходной точкой для образования ассоциативных цепочек, ведущих к сновидным мыслям.

3) В опытах Цюрихской школы (1) перерабатывались, уже с психоаналитической точки зрения, опыты, ранее проводившиеся школой Вундта. Сторонники Вундта изучали характер и темп реакций (их различия в зависимости от субъективного состояния) на слова-стимулы. Юнг обнаружил, что ассоциации определяются "...всей совокупностью представлений, связанных с определенным эмоционально окрашенным событием" (2), назвал эту целостность *комплексом**.

В работе "К истории психоаналитического движения" (Zur Ge-

schichte der psychoanalytischen Bewegung, 1914) Фрейд подчеркнул значение этих опытов "для быстрой экспериментальной проверки утверждений психоанализа и для прямого показа в обучении таких связей, которые мог бы продемонстрировать только психоаналитик" (3).

4) Пожалуй, здесь стоит назвать еще один источник, упомянутый Фрейдом в заметке "О предыстории психоаналитической техники" (Zur Vorgeschichte der analytischen Technik, 1920): писатель Людвиг Берне, которого Фрейд читал в юности, рекомендовал тем, кто хочет "стать оригинальным писателем за три дня", записывать все, что приходит в голову, устраняя воздействие самоцензуры на интеллектуальное творчество (4).

Слово "свободные" в сочетании "свободные ассоциации" требует следующих пояснений:

1) даже в тех случаях, когда отправной точкой свободных ассоциаций является слово-индуктор (опыты Цюрихской школы) или какой-то отрывок сновидения (метод Фрейда в "Толковании сновидений" [Die Traumdeutung, 1900]), развертывание ассоциаций остается "свободным", поскольку оно запрещает подталкивание ассоциаций в определенном направлении или же их отбор.

2) Эта "свобода" увеличивается, если такой отправной точки нет. Именно в этом смысле говорят о правиле свободных ассоциаций как об основном правиле* психоанализа.

3) Фактически свободу здесь нельзя понимать как неопределенность: правило свободных ассоциаций нацелено прежде всего на устранение осознанного отбора мыслей или, на языке первой фрейдовской топики, на выведение из строя *второй цензуры* (цензуры между сознанием и предсознанием). Вместе с тем оно выявляет бессознательные защиты, свидетельствующие о воздействии *первой цензуры* (между предсознательным и бессознательным).

В конечном счете метод свободных ассоциаций предназначен для выявления в бессознательном определенного порядка: "Когда осознанные целепредставления* (Zielvorstellungen) устранены, динамика представлений направляется скрытыми целепредставлениями" (5).

α) Ср. прежде всего рассказ Фрейда о своей пациентке Эмми фон Н.: в ответ на настойчивые попытки Фрейда обнаружить источник симптома она ответила, что "...не следует допытываться, откуда взялось то и это; лучше дать ей рассказать ему все, что ей хочется" (6а). По поводу этой же пациентки Фрейд заметил: "Она, по-видимому, восприняла мой метод[...] То, что она мне говорит [...], далеко не так спонтанно, как кажется; в ее словах воспроизводятся, причем достаточно верно, ее

воспоминания, а также новые впечатления, которые повлияли на нее за время после нашей последней встречи, а они возникают — подчас совершенно неожиданно — на основе тех патогенных воспоминаний, от которых она самопроизвольно освободилась в результате словесной разрядки" (6b).

(1) Cf. Jung (C.G.). Diagnostische Assoziationsstudien, 1906.
(2) Jung (C.G.) и Ricklin (F.). Diagnostische Assoziationsstudien, I Beitrag: Experimentelle Untersuchungen über Assoziationen Gesunder, 1904. N. p. 57.
(3) Freud (S.). G.W., X, 67; S.E., XIV, 28; франц., 285.
(4) Freud (S.). G.W., XII, 311; S.E., XVIII, 265.
(5) Freud (S.). G.W., II — III, 536; S.E., V, 531; франц., 437.
(6) Freud (S.).Studien über Hysterie, 1895. — a) G.W., I, 116; S.E., II, 63; франц., 48. — b) G.W., I, 108; S.E., II, 56; франц., 42.

СВЯЗЫВАНИЕ, СВЯЗАННОСТЬ

Нем.: Bindung. — Франц.: liaison. — Англ.: binding. — Исп.: ligazón — Итал.: legame. — Португ.: ligação.

○ Термин, которым Фрейд обобщенно обозначает (в различных областях — биологии, психологии и пр.) операцию, которая направлена на ограничение свободного движения возбуждений, на связывание представлений друг с другом, на создание и сохранение относительно устойчивых форм.

◘ Хотя понятие связывания соотнесено с противопоставлением свободной и связанной энергии, его смысл не ограничивается этой экономической стороной дела: это часто встречающееся у Фрейда понятие отвечает как конкретным потребностям психоаналитической техники, так и устойчивым теоретическим задачам. Не пытаясь перечислить здесь все ситуации его использования, мы покажем здесь его значение на трех этапах развития фрейдовской метапсихологии, где оно играет важнейшую роль.

I. В "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) Bindung — это прежде всего переход энергии нейронного аппарата из свободного состояния в связанное или же ее пребывание в связанном состоянии. По Фрейду, это требует наличия целой массы взаимосвязанных нейронов и пролагания путей* между ними, или, иначе, образования *Я*: "*Я* — это масса таких нейронов, сохраняющих свою энергетическую нагрузку и потому находящихся в связанном состоянии, что может быть лишь результатом их взаимодействия" (1a).

Эта масса сама оказывает воздействие на другие процессы, вызывая торможение или связывание. Размышляя о судьбах воспоминаний, связанных с мучительным опытом (Schmerzerlebnisse), — воспоминаний, "...порождающих одновременно и аффект, и чувство неудовольствия", Фрейд называл их "неукрощенными" (Un-

gebändigt): "Если мысль упирается в один из таких *еще не укрощенных мнесических образов"*, всплывают их качественные признаки и чувственные ощущения, нередко неудовольствие, побуждение к разрядке — словом, все то, что в совокупности своей определяет своеобразие возникающего при этом аффекта, и ход мысли тем самым прерывается". Для "укрощения" подобного воспоминания необходимо, чтобы установилось "...определенное отношение к *Я* или к его нагрузкам ..."; необходима "...сильная и устойчивая связь, порождаемая *Я*, с тем чтобы уже продолженный путь, ведущий к неудовольствию, был чем-то уравновешен" (1b).

Здесь следует подчеркнуть две мысли:

1) условием энергетического связывания выступает установление отношений, пролагание путей совместно с уже нагруженной и цельной системой; речь идет о "...включении в *Я* новых нейронов" (1c).

2) В "Наброске" при Bindung постоянно присутствует противоположный ему полюс — Entbindung (буквально — "развязывание"); это понятие обозначает пусковой механизм внезапного высвобождения энергии, например энергии мышц или желез, так что результирующая энергия, доступная количественным измерениям, намного превышает первоначальную энергию, порождаемую этим процессом. Это понятие употребляется преимущественно в следующих формах: Unlustentbindung (высвобождение неудовольствия), Lustentbindung (высвобождение удовольствия), Sexualentbindung (высвобождение сексуального возбуждения), Affektentbindung (высвобождение аффекта), а в других текстах также Angstentbindung (высвобождение страха). Во всех этих случаях имеется в виду внезапное появление свободной энергии, неумолимо тяготеющей к разрядке.

В рамках экономических представлений сходство всех этих понятий не может не удивлять нас. И в самом деле, обозначая одним и тем же словом и высвобождение удовольствия, и высвобождение неудовольствия, мы вступаем в противоречие с мыслью о том, что удовольствие и неудовольствие — это два противонаправленных процесса (хотя бы и относящиеся к одной и той же энергии: ее ослабление в первом случае и возрастание — во втором); однако если бы мы решили считать удовольствие и неудовольствие двумя качественно различными видами энергии, это противоречило бы фрейдовской гипотезе.

Противопоставление Entbindung — Bindung представляется весьма полезным для разрешения этой трудности. В противоположность связанному состоянию *Я* всякое высвобождение первичного процесса (не важно, увеличивающего или уменьшающего *абсолютный* уровень напряжения) несет в себе угрозу нарушения устойчивости *Я*. У Фрейда именно высвобождение

сексуального возбуждения приводит к нарушению связующей функции *Я* (см.: Последействие, Соблазнение).

II. В "По ту сторону прицпипа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) проблема связывания не только выходит на первый план в размышлениях Фрейда, но и выглядит гораздо сложнее. Фрейд применяет здесь понятие связывания, изучая повторение травмы как прообраза повторения любого неприятного опыта. При этом он вновь обратился к идеям "Наброска": лишь сильно нагруженная психическая система способна к связыванию потока энергии. На примере травмы как обширного нарушения границ *Я* можно лучше понять эту способность к связыванию, причем как раз в тот момент, когда она оказывается под угрозой. В результате взаимодействие между принципом удовольствия и первичным процессом предстает в неожиданном свете. Обычно связывание выступает как воздействие *Я* на первичный процесс и тем самым как торможение, вызванное вторичным процессом и принципом реальности. В данном случае Фрейд ставит вопрос иначе: не требует ли подчас [само] господство принципа реальности "...овладения возбуждением, его связывания, причем выполнение этой задачи во всей ее значимости не противопоставлено принципу удовольствия: оно осуществляется независимо от этого принципа и даже почти не требует его учета" (2).

Однако даже если это связывание в итоге осуществляется на благо *Я*, Фрейд тем не менее признавал и его собственную роль как основы навязчивых повторов, свидетельствующих, в свою очередь, о наличии влечения. Остается открытым вопрос о двух разновидностях связывания: одна, издавна признанная, соотнесена с понятием *Я*, другая более близка к законам, которые управляют бессознательным желанием и упорядочивают фантазии, или, иначе, к законам первичного процесса: свободная энергия в психоанализе — это не мощная разрядка возбуждений, но обмен энергией, распространяющейся по цепям представлений вследствие ассоциативных связей между ними.

III. Наконец, в последней теории влечений связывание становится главным признаком влечений к жизни в противоположность влечениям к смерти: "Эрос — это связь; цель его — создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы" (3).

В последнем изложении фрейдовской теории инстанция *Я* и подвластная ей энергия влечений располагаются на стороне влечений к жизни: эта энергия "по-прежнему выполняет главную задачу Эроса — объединение и связывание — и тем самым помогает установлению единств или содействует стремлению к единству, характерному для *Я*" (4).

*

Таким образом, психоаналитическая проблематика связывания может быть развита в трех подсказанных смыслом данного понятия направлениях: это мысль об отношении между несколькими терминами, связанными ассоциативной цепью (Verbindung); это мысль о внутренне цельной совокупности, о форме, определяемой границами, рубежами (ср. англ. слово boundary, корень которого — bind), наконец, мысль о фиксации в определенном месте некоторого количества энергии, теряющего в результате свою способность к свободному перемещению.

(1) Freud (S.). a) Нем., 447; англ., 425; франц., 379. — b) Нем., 459; англ., 438; франц., 390. — c) Нем., 448; англ. 426; франц., 379.

(2) Freud (S.). G.W., XIII, 36; S.E., XVIII, 35; франц., 40.

(3) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8.

(4) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 274; S.E., XIX, 45; франц., 202.

СГУЩЕНИЕ

Нем.: Verdichtung. — Франц.: condensation. — Англ.: condensatión. — Исп.: condensacion. — Итал.: condensazione. — Португ.: condensação.

● Один из главных способов функционирования психических процессов: единое представление воссоединяет в себе несколько ассоциативных цепей и образуется на их пересечении. С точки зрения экономики, сгущение предполагает нагрузку энергией, связанной с различными ассоциативными цепями, суммирование различных ее потоков в едином представлении.

Сгущение наблюдается в симптомах и в более общем смысле — в различных образованиях бессознательного. Наиболее ярко оно проявляется в сновидении.

Сгущение выражается, в частности, в том, что явный рассказ есть лишь краткий перевод его скрытого содержания. Однако сгущение — это не краткая сводка: если каждый явный элемент определяется множеством скрытых значений, значит каждое скрытое значение выражается посредством различных элементов, а кроме того, явные элементы по-разному представляют те значения, из которых они образуются, и не приводят их к общему знаменателю, что характерно для понятия.

■ Сгущение было впервые описано Фрейдом в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) как один из главных

механизмов "работы сновидения"*. Оно может осуществляться по-разному: иногда из многого сохраняется лишь один элемент (тема, персонаж и пр.), многократно встречающийся в различных сновидных мыслях ("ядро"); иногда различные элементы складываются во внутренне разнородную совокупность (например, персонаж, составленный из черт разных людей); иногда соединение различных образов может приводить к затушевыванию различий и усилению общих черт (1).

Хотя механизм сгущения исследовался на материале снов, он действует не только в снах. В "Психопатологии обыденной жизни" (Zur Psychopathologie des Alltagslebens, 1901) и в "Остроумии и его отношении к бессознательному" (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten, 1905) Фрейд показал, что сгущение — это один из главных элементов и приемов в остроумии, в ошибочных действиях, при забывании слов и пр.; в "Толковании сновидений" он отмечал, что процесс сгущения особенно ярко проявляется на уровне слов (неологизмы).

Как понять сгущение? В нем можно видеть следствие цензуры и попытку избежать ее. Но даже если мы полагаем, что сгущение не является следствием цензуры, все равно "цензура, — считает Фрейд, — использует его в своих целях" (2); и в самом деле, сгущение затрудняет истолкование явных психических содержаний.

В любом случае сновидение пользуется сгущением не только для того, чтобы перехитрить цензуру; сгущение — это общий механизм бессознательной мысли. В первичном процессе выполняются определенные условия — наличие свободной*, несвязанной энергии и установка на тождество восприятия*, — которые обеспечивают возможность процесса сгущения и способствуют его осуществлению. Бессознательные желания подвергаются сгущению немедленно, а предсознательные мысли, "привлеченные бессознательным", — лишь после воздействия цензуры. Можно ли определить, на каком этапе происходит сгущение? "Возможно, что сгущение — это процесс, простирающийся вплоть до области восприятия, однако обычно мы удовлетворяемся пониманием того, что оно возникает в результате одновременного воздействия всех сил, порождающих сновидение" (3).

Подобно смещению*, сгущение для Фрейда — это процесс, в основе которого лежит экономическая гипотеза: речь идет о различных ассоциативных цепях, по которым перемещается энергия, и об их взаимопересечении в одной точке, в одном представлении. При этом некоторые образы, особенно сновидные, приобретают исключительную живость; это происходит потому, что вследствие сгущения они несут большую энергетическую нагрузку.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., V, 299 — 300; S.E., IV, 293 — 295; франц., 220 — 222.

(2) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychanalyse, 1916 — 1917. G.W., XI, 176; S.E., XV, 173; франц., 191.

(3) Freud (S.). Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten, 1905. G.W., V, 187 — 188; S.E., VIII, 164; франц., 191.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Нем.: Sexualität. Франц.: sexualité. — Англ.: sexuality. — Исп.: sexualidad. — Итал.: sessualità. — Португ.: sexualidade.

○ В психоаналитическом опыте и теории сексуальность — это не только особая активность и удовольствие, связанные с функционированием генитального аппарата, но также ряд возбуждений и действий, которые с самого раннего детства доставляют человеку удовольствие, не сводимое к удовлетворению той или иной физиологической потребности (дыхание, питание, испражнение и пр.) и составляющее один из элементов так называемой нормальной сексуальной любви.

■ Как известно, психоанализ придает сексуальности очень большое значение в психической жизни человека. Однако это утверждение можно понять, только если осознать всю глубину происходящих при этом преобразований понятия сексуальности. Мы не будем здесь пытаться определять роль сексуальности в психоаналитическом понимании человека, но лишь уточним способ психоаналитического использования самого этого *понятия*, его смысл и область применения.

Если исходить из распространенного взгляда на сексуальность как на *инстинкт**, то есть, на предопределенное поведение, характерное для [биологического] вида и имеющее относительно устойчивый объект* (партнер противоположного пола) и цель* (соединение половых органов в коитусе), мы заметим, что такой подход сильно расходится с данными наблюдения и анализа.

А) *Область применения.* 1) Само существование и распространенность сексуальных извращений, перечень которых был составлен в конце XIX в. рядом психопатологов (Крафт-Эбинг, X. Эллис), свидетельствует о большом разнообразии в выборе сексуального объекта и поведении, направленном на достижение удовольствия.

2) Фрейд установил, что между так называемой нормальной и извращенной сексуальностью существуют многочисленные переходы, причем временные извращения возникают при невозможности обычных способов удовлетворения, а при подготовке и совершении коитуса встречаются формы активности (предварительное удовольствие), которые возникают и при извращениях — либо в

качестве замены коитуса, либо как непременное условие удовлетворения.

3) Как показывает психоанализ неврозов, симптомы — это формы удовлетворения сексуальных желаний, осуществляемые в смещенной, искаженной компромиссами форме. С другой стороны, за теми или иными симптомами нередко обнаруживаются извращенные сексуальные желания.

4) Однако эта область расширяется в психоанализе прежде всего за счет детской сексуальности, которую Фрейд обнаруживает уже в самом раннем возрасте. Говоря о детской сексуальности, мы имеем в виду не только существование в самом раннем возрасте генитальных возбуждений и потребностей, но также видов поведения, напоминающих извращенную активность у взрослых. Во-первых, детская сексуальность распространяется и на такие области тела (эрогенные зоны*), которые не являются генитальными зонами; во-вторых, дети подчас ищут удовольствия (например, сосание пальца), независимого от той или иной биологической функции (например, питания). В этом смысле психоаналитики говорят об оральной, анальной и прочей сексуальности.

Б) *Смысл*. Такое расширение поля сексуальности неизбежно побуждало Фрейда к поискам критериев сексуальности в различных видах поведения. Как уже говорилось, сексуальность несводима к генитальности* (подобно тому, как психика несводима к сознанию), однако вопрос о том, что же именно позволяет психоаналитикам видеть сексуальные черты в процессах, не имеющих никакого отношения к гениталиям, остается нерешенным. Это относится прежде всего к детской сексуальности, поскольку в случае извращений у взрослых генитальное возбуждение, как правило, присутствует.

Ближе всего Фрейд подошел к этой проблеме в главах XX и XXI "Лекций по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915 — 1917), где воображаемый критик спрашивает: "Почему вы так настаиваете на том, чтобы называть сексуальностью те стороны детского поведения, которые вы и сами считаете неопределенными и на основе которых лишь позже возникает собственно сексуальная жизнь? Почему не ограничиться чисто физиологическим описанием и не заявить, что уже у грудного младенца наблюдаются такие виды поведения (например, сосание или задержка экскрементов), которые свидетельствуют о поисках удовольствия в отдельном органе (локальное удовольствие*, Organlust)?" (1а).

Оставив этот вопрос открытым, Фрейд отвечал на него доводом из клинической практики, согласно которому анализ симптомов у взрослого человека заставляет нас обратиться к детскому поведению, связанному с поисками удовольствия, причем промежуточ-

ным звеном в анализе служат явления, имеющие необходимо сексуальный характер (1b). Конечно, для того, чтобы считать, что эти виды детского поведения сами по себе носят сексуальный характер, требуется сделать еще один шаг; однако, по Фрейду, все, что мы находим в конце процесса развития, может быть в принципе обнаружено уже в самом его начале. Ему приходится, однако, признать, что "мы пока еще не располагаем общезначимым критерием сексуальной природы этого процесса" (1с).

Фрейд неоднократно заявлял, что такой критерий следует искать в биохимии. В психоанализе мы можем утверждать лишь то, что сексуальная энергия, или либидо, существует: клинический опыт не дает нам ее определения, но позволяет показать ее изменения и преобразования.

*

Как мы видим, размышления Фрейда приводят к двойной апории, затрагивающей, с одной стороны, сущность сексуальности (здесь решающее слово для определения предоставлено гипотетической биохимии), с другой — ее возникновение (Фрейд утверждал лишь, что сексуальность потенциально существует с самого начала).

Эта трудность наиболее очевидна в вопросе о детской сексуальности; именно здесь мы находим и пути к решению проблемы.

1) Уже на уровне квазифизиологического описания детского сексуального поведения Фрейд показал, что сексуальное влечение укоренено в функционировании главных механизмов, обеспечивающих сохранение организма. На первом этапе это влечение существует в виде удовлетворения, побочного по отношению к той или иной функции (удовольствие от сосания, удовольствие от насыщения). Лишь на втором этапе это побочное удовольствие становится целью в себе, независимо от потребности в пище, от удовольствия, связанного с функционированием того или иного органа при отсутствии внешнего объекта: это удовольствие ищется локально, на уровне той или иной эрогенной зоны.

Примыкание*, эрогенная зона*, автоэротизм* — вот три взаимосвязанные черты, определяющие детскую сексуальность (2). Мы видим, что при попытках определить момент возникновения сексуального влечения оно оказалось у Фрейда едва ли не извращением инстинкта, утратившего и объект, и органическую цель.

2) В иной временно́й перспективе Фрейд неоднократно подчеркивал роль понятия последействия*: ранний и относительно неопределенный опыт приобретает в свете нового опыта значение,

которым он поначалу не обладал. Можно ли в итоге сказать, что такое поведение младенца, как, например, сосание, поначалу не является сексуальным и приобретает сексуальное значение лишь позднее, когда начинается генитальная активность? Подобный вывод, подчеркивающий значение ретроспективных моментов в возникновении сексуальности, по-видимому, опровергал бы и то, что говорилось выше о возникновении сексуальности, и тем более тот генетический подход, согласно которому сексуальность скрыто присутствует уже в самом начале психобиологического развития.

Именно с этим связана главная трудность фрейдовской теории сексуальности. Поскольку она не появляется в готовом виде, но лишь постепенно складывается в ходе индивидуальной истории и предполагает изменение механизмов и целей [поведения], ее невозможно понять лишь на уровне биологического развития. Однако верно и иное: факты указывают на то, что детская сексуальность — это не только ретроспективная иллюзия.

3) Как нам кажется, выход из этой трудности может быть найден на уровне первофантазмов*: эта идея как бы уравновешивает идею последействия. В этой связи Фрейд строил "филогенетическое объяснение"; он имел в виду такие продукты фантазирования (первосцена, кастрация, соблазнение), которые обнаруживаются у каждого субъекта и воздействуют на человеческую сексуальность. Следовательно, сексуальность невозможно объяснить лишь через внутреннее вызревание влечения: она складывается в недрах интерсубъективных структур, которые возникают раньше ее появления в индивиде.

Содержание и соматическое значение фантазма "первосцены" можно связать с особой либидинальной стадией (анально-садистской), однако его структура (способ представления и решения загадки зачатия) не объясняется, по Фрейду, простым соединением наблюдаемых факторов — это вариант некоей "схемы", которая *уже дана* субъекту. То же самое можно было бы сказать и о комплексе Эдипа, регулирующем отношения в треугольнике ребенок — родители. Психоаналитики, более всего интересовавшиеся игрой фантазмов в детской сексуальности (школа М. Кляйн), пришли к выводу, что воздействие эдиповской структуры начинает сказываться уже в очень раннем возрасте.

4) Сомнения Фрейда насчет постепенного внутреннего вызревания сексуальности выражались в том, что, даже признав значение детской сексуальности, он по-прежнему настаивал на важной роли соблазнения (см. комментарий к статье «Соблазнение»).

5) Понять и объяснить детскую сексуальность трудно: она одновременно и связана (по крайней мере поначалу) с потребностями, которые обычно называют инстинктами, и независима от них; одновременно эндогенна, поскольку она спонтанно развивается в

определенном направлении, проходя ряд этапов, и экзогенна, поскольку предполагает вторжение в жизнь субъекта мира взрослых (субъект с самого начала вынужден искать свое место посредством фантазирования, связанного с родителями, получая от них более или менее завуалированные сексуальные стимулы). Детскую сексуальность трудно понять еще и потому, что она не подвластна ни редукционистским объяснениям, сводящим ее к физиологическим функциям, ни истолкованиям "сверху", называющим детской сексуальностью всевозможные перипетии любовных отношений. Фактически Фрейд считал местом детской сексуальности в психоанализе *желание**: в отличие от любви желание непосредственно зависит от определенной телесной опоры; в отличие от потребности удовлетворение желания зависит от мира фантазий, в котором жестко определены и выбор объекта, и направленность действий.

(1) Freud (S.). a) G.W., XI, 335; S.E., XVI, 323; франц., 348. — b) Cf. G.W., XI, 336; S.E., XVI, 324; франц., 349. — c) G.W., XI, 331; S.E., XVI, 320; франц., 344.

(2) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 83; S.E., VII, 182; франц., 76.

СЕМЕЙНЫЙ РОМАН

Нем.: Familienroman. — Франц.: roman familial. — Англ.: family romance. — Исп.: novela familiar. — Итал.: romanzo familiare. — Португ.: romance familial.

● У Фрейда обозначение фантазий, посредством которых субъект в своем воображении изменяет свои связи с родителями (воображая, к примеру, себя подкидышем). Подобные фантазии основаны на Эдиповом комплексе.

■ Прежде чем посвятить этой теме отдельную статью (1909) (α), Фрейд неоднократно обращал внимание на особого типа фантазии, в которых субъект придумывает себе другую семью и сочиняет по этому поводу своего рода роман (1). В явной форме подобное фантазирование встречается при паранояльном бреде. Вскоре Фрейд обнаружил их и у невротиков: например, ребенок воображает, будто его родители — люди знатные, или что его отец был знатен, или что его мать имела тайную связь со знатным человеком, или же что сам он законный сын, а вот его братья и сестры — незаконные.

Подобные фантазии связаны с эдиповской ситуацией и возникают под воздействием Эдипова комплекса*. Конкретные побуждающие их мотивы многообразны и запутанны: это желание принизить родителей в одном смысле и возвеличить в другом,

желание величия, попытки обойти барьер инцеста, соперничество с братьями и т.д.

α) Поначалу публиковалась в книге: Otto Rank. Le mythe de la naissance du héros (Der Mythus von der Geburt des Helden, 1909).

(1) Cf. Freud (S). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. Manuscrit M и письмо от 20.06.1898: Нем., 219 и 273; Англ., 205 и 256; Франц., 181 — 182 и 227 — 228.

СИГНАЛ ТРЕВОГИ

Нем.: Angstsignal. — Франц.: signal d'angoisse. — Англ.: signal of anxiety или anxiety as signal. — Исп.: señal de angustia. — Итал.: segnola d' angoscia. — Португ.: sinal de angústia.

● Термин введен Фрейдом при переработке теории страха (1926). Обозначает ввод в действие *Я* в ситуации опасности, когда субъект стремится избежать потока возбуждений. Сигнал тревоги в ослабленной форме воспроизводит тревожную реакцию, первоначально порожденную травматической ситуацией, что приводит к включению защитных механизмов.

■ Это понятие впервые появилось в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst,1926) и стало ключевым понятием в так называемой второй теории страха. В наши цели здесь не входит ни определение сути этого концептуального сдвига, ни обсуждение его места и роли в развитии фрейдовских идей. Однако введенное Фрейдом понятие Angstsignal требует раскрытия и некоторых пояснений.

1) Оно представляет в сжатом виде самую суть новой теории. В первоначальном экономическом объяснении страха у Фрейда оно представало как *результат*, как субъективное проявление того факта, что какое-то количество энергии неподвластно субъекту. Понятие Angstsignal выявляет новую функцию тревоги как побуждения к защите *Я*.

2) Подача сигнала тревоги не обязательно обусловлена экономическими факторами; фактически сигнал тревоги может играть роль "мнесического символа" (1) еще не наступившей ситуации, которой необходимо избежать.

3) Сама идея сигнала тревоги не исключает, однако, объяснений экономического типа. С одной стороны, аффект, воспроизводящийся в форме сигнала, в прошлом пассивно претерпевался, порождая при сильном возбуждении субъекта так называемый автоматический страх*. С другой стороны, сама подача сигнала уже вводит в действие какое-то количество энергии.

4) Наконец, сигнал тревоги связан у Фрейда с *Я*. Это вновь

открытое действие можно уподобить тому, что Фрейд вновь и вновь обнаруживал в рамках первичного процесса, показывая, как повторение, хотя бы и в ослабленной форме, аффектов, связанных с неудовольствием, может побудить к действию механизм цензуры.

(1) Freud (S.). G.W., XIV, 120 — 121; S.E., XX, 93 — 94; франц., 9 — 10.

СИМВОЛ МНЕСИЧЕСКИЙ

Нем.: Erinnerungssymbol. — Франц.: symbole mnésique. — Англ.: mnemic symbol. — Исп.: simbolo mnémico. — Итал.: simbolo mnestico. — Португ.: simbolo mnêmico.

○ Понятие, часто использовавшееся в ранних сочинениях Фрейда для обозначения истерического симптома.

◘ Во многих текстах, написанных около 1895 г. ("Психоневрозы защиты" [Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894]; "Новые соображения о психоневрозах защиты" [Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen,1896]; "Исследования истерии" [Studien über Hysterie,1895] и т.д.), Фрейд определял истерический симптом как мнесический символ патогенной травмы или конфликта. Вот, например: "Тем самым *Я* удается избежать противоречия, однако оно сохраняет заряд мнесического символа, паразитарно присутствующий в сознании либо в виде неустранимой двигательной иннервации, либо в возобновляющейся галлюцинации" (1). В другом месте Фрейд сравнивает истерический симптом с памятниками в честь того или иного события; именно в этом смысле симптомы Анны О. суть "мнесические символы" болезни и смерти ее отца (2).

(1) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. G.W., I, 63; S.E., III, 49.
(2) Freud (S.). Über Psychoanalyse, 1910. G.W., VIII, 11 — 12; S.E., XI, 16 — 17; франц., 125 — 126.

СИМВОЛИКА

Нем.: Symbolik. — Франц.: symbolisme. — Англ.: symbolism. — Исп.: simbolismo. — Португ.: simbolismo.

○ А) В широком смысле слова: косвенный, образный способ представления бессознательного конфликта, желания; в этом смысле любая подмена считается в психоанализе символической.

Б) В узком смысле слова: способ представления, для которого характерно устойчивое отношение между символом и символизируемым бессознательным содержанием, причем это постоян-

ство наблюдается не только у отдельного человека или в общении двух людей, но также и в самых различных областях (миф, религия, фольклор, язык и пр.) и в самых отдаленных друг от друга культурных регионах.

◘ Понятие символики в наши дни столь тесно связано с психоанализом, слова "символический", "символизировать", "символизация" употребляются столь часто и столь разнообразно, а проблемы символического мышления, создания и употребления символов зависят от столь многих дисциплин (психология, лингвистика, эпистемология, история религий, этнология и пр.), что вычленить собственно психоаналитическое значение этих терминов и разграничить их смыслы нелегко. Нижеследующие замечания помогут читателю сориентироваться в этом разделе психоаналитической литературы.

I. Принято считать, что символы входят в общую категорию *знаков*. Однако, если определять символы как то, что "естественным образом указывает на нечто отсутствующее или недоступное воображению" (1), возникают следующие возражения:

1) когда речь идет о *математических* или *лингвистических символах* (α), всякие ссылки на "естественное отношение" или на аналогию заведомо исключаются. В самом деле, то, что в психологии называют *символическим поведением*, дает субъекту возможность вычленять в воспринимаемом порядок реальности, несводимый к "вещам" и позволяющий обобщенным образом управлять ими.

Таким образом, различия в использовании слова "символ" очень велики. Судя по понятиям "символическое"* у К.Леви-Стросса в антропологии и у Ж.Лакана в психоанализе, его применение не предполагает необходимой внутренней связи между символом и символизируемым (β).

2) Когда мы говорим, что символ указывает на "нечто недоступное восприятию" (например, скипетр как символ королевской власти), это не означает, что посредством символа осуществляется переход от абстрактного к конкретному. В самом деле, символизируемое может быть столь же конкретным, как и символ (например, солнце как символ Людовика XIV).

II. Разграничивая узкий и широкий смысл термина "символика", мы лишь используем различие, намеченное Фрейдом и развитое Джонсом в его теории символики. Пожалуй, в наши дни этот контраст в повседневном психоаналитическом употреблении несколько сгладился.

Именно о "символике" в широком смысле слова идет речь, когда мы рассматриваем сновидение или симптом как *символическое* выражение желания или защитного конфликта, подразумевая под этим косвенное, образное выражение желаний или защитных

конфликтов, трудно доступных расшифровке (при этом сновидение ребенка считается менее символическим, нежели сновидение взрослого, поскольку детское желание искажается меньше или даже совсем не искажается в сновидении и его легче истолковать.)

В более общем своем значении "символика" — это отношение между явным содержанием поступков, мыслей, высказываний и их скрытым смыслом; оно уместнее всего там, где явного смысла более всего не хватает (например, в случае симптоматического акта, абсолютно не сводимого к сознательным побуждениям субъекта). Многие авторы (Ранк и Закс, Ференци, Джонс) считали, что в психоанализе можно говорить о символике лишь в том случае, если символизируемое находится в бессознательном: "Не все сравнения — символы, но лишь те из них, в которых один из членов сравнения вытеснен в бессознательное" (2).

При таком подходе символика охватывает все формы косвенного представления, безотносительно к его более конкретным механизмам, таким, как смещение*, сгущение*, сверхдетерминация*, учет образности*. Следовательно, о символическом отношении (γ) мы можем говорить лишь там, где то или иное действие имеет по меньшей мере два значения, причем одно замещает другое, скрывая и одновременно выражая его.

III. Однако у Фрейда чаще, чем у современных психоаналитиков, символика понимается также и в узком смысле слова. Это относится к сравнительно позднему периоду его творчества. Фрейд и сам отмечает это, ссылаясь на влияние В.Штекеля (3).

В самом деле, наиболее важные из позднейших дополнений Фрейда к тексту "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) касаются символики сновидений. Раздел о символическом представлении в главе о работе сновидения был добавлен лишь в 1914 г.

Однако внимательный анализ позволяет уточнить собственное свидетельство Фрейда: понятие символики не было внешним добавлением к психоанализу.

Так, уже в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд последовательно различал *ассоциативный* и *символический* детерминизм симптомов, полагая, например, что паралич Элизабет фон Р. (4) одновременно и детерминирован ассоциативными цепями, связывающими его с различными травматическими событиями, и символически выражает некоторые особенности нравственной ситуации пациентки, причем посредниками между тем и другим служат особые словесные обороты, которые можно понять либо в нравственном, либо в буквальном смысле слова, например "это не пройдет" или "этого я не могу проглотить" и т.д.

Уже в самом первом издании (1900) "Толкования сновидений" можно отметить, что Фрейд:

1) критиковал старые методы толкования сновидений, называя их символическими, однако считал необходимым показать сходство между ними и своим собственным методом;

2) уделял большое внимание образным представлениям, доступным пониманию без каких-либо ассоциаций сновидца, подчеркивая при этом опосредующую роль обычных языковых выражений;

3) полагал, что существование "типических сновидений", в которых желания или конфликты выражаются сходным образом — независимо от индивидуальности сновидца, свидетельствует о существовании особого языка сновидений, независимого от речи субъекта.

Следовательно, можно утверждать, что Фрейд с самого начала признавал существование символов. Об этом свидетельствуют, например, следующие строки: "... в снах используются все те символы, которые уже присутствуют в бессознательной мысли, поскольку из-за способности к образному представлению и умения избегать цензуры они наилучшим образом приспособлены для построения сновидений" (5b). Верно, однако, что впоследствии — в частности, изучая различные виды типических сновидений (δ), а также работы антропологов, в которых показано присутствие символики за пределами сновидений (Ранк), — Фрейд стал придавать больше значения символам. К тому же обращение Фрейда, в борьбе с "научными" концепциями, к "обыденным" истолкованиям вынудило его четко отграничить свою теорию сновидения от сонников, основанных на идее универсальной символики и трактующих сны по единой схеме.

Обобщая различные моменты фрейдовской концепции символов (6,5c,7a) и исходя из узкой трактовки символики у Фрейда, необходимо отметить следующие их черты:

1) Символы появляются в толковании сновидений как "немые элементы" (7b), не способные включиться в ассоциативные ряды. По Фрейду, эту способность символов нельзя объяснить сопротивлением лечению: скорее она отличает символический способ выражения как таковой.

2) Сущность символики заключается в "постоянной отнесенности" явного содержания к способам его "перевода". Это отличает не только сновидения, но и весьма различные средства выражения (симптомы и другие продукты бессознательного: мифы, фольклор, религия и пр.), а также весьма далекие друг от друга области культуры. Это постоянство (как и в случае словарно закрепленных слов) не зависит от индивидуальной инициативы: индивид делает выбор между различными значениями символа, но сам новых символов не создает.

3) Это постоянное отношение основано, по сути, на аналогии (форма, размер, функция, ритм и пр.). Однако, как указывает

Фрейд, некоторые символы в чем-то напоминают намеки: например, нагота может символизироваться одеждой — одновременно по смежности и контрасту (7с). Кроме того, многие символы сосредоточивают в себе сразу различные отношения между символом и символизируемым: так, Полишинель, по мнению Джонса, представляет фаллос в самых разных отношениях (8а).

4) Хотя психоанализ открыл множество символов, общая область символизируемого весьма ограничена: тело, родители и кровные родственники, рождение, смерть, нагота и особенно сексуальность (сексуальные органы, сексуальный акт).

5) Расширяя область теории символов, Фрейд, однако, настаивал, что в теории сновидений и продуктов бессознательного, а также в практике толкования она занимает особое место. "Даже если бы цензуры в снах не существовало, они не стали бы от этого более понятными [...] (7d). Смысл символов недоступен сознанию, а для объяснения механизма работы сновидения недостаточно указания на их бессознательную природу. Фрейд подчеркивал, что бессознательные сравнения, лежащие в основе символики, не придумываются каждый раз заново, но создаются раз навсегда и постоянно находятся наготове" (7е). Возникает впечатление, что, несмотря на все различие культур, люди обладают, по выражению Президента Шребера, неким "базовым языком" (7f). А следовательно, возможны два типа истолкования сновидений: один основан на ассоциациях сновидца, другой, независимый от этих ассоциаций, — на истолковании символов (5d).

6) Само существование символического способа выражения при таком его понимании ставит ряд проблем: как символы изначально были созданы человечеством и как осваивает их индивид? Именно эти проблемы привели Юнга к теории "коллективного бессознательного" (8b). Фрейд никогда не считал эту проблематику полностью своей, хотя он и выдвинул гипотезу о филогенетическом наследии (9): ее содержание, как нам кажется, обогащается в свете понятия *первофантазий* (см. этот термин).

α) Фердинанд де Соссюр, заметим, возражал против самого выражения "лингвистический символ" (10).

β) Этимологический смысл слова "символ" хорошо известен: символ (греч.) — это способ опознания кого-то (например, членов одной секты) путем соединения половинок разбитого предмета. Таким образом, уже в изначальном понимании символа присутствовала мысль о том, что именно связь образует смысл.

γ) Именно в рамках такого понимания используется термин "мнесический символ".

δ) Между 1910 и 1911 гг. раздел о "типических снах" постепенно расширялся; большая часть материала этой главы была перенесена в 1914 г. в написанный в этот период раздел о "символических представлениях" (11).

(1) Lalande (A.). Vocabulaire technique et critique de la philosiphie, Paris, P.U.F., 1951.
(2) Ferenczi (S.). The Ontogenesis of Symbols, 1913. In: First Contributions, 277 — 278.
(3) Cf. Freud (S.). Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung, 1914. — G.W., X, 58; S.E., XIV, 19; франц., 277.
(4) Cf. Freud (S.). G.W., I, 216 — 217; S.E., II, 152; франц., 120 — 121.
(5) Freud (S.). a) Cf. G.W., II — III, 347; S.E., V, 341 — 342; франц., 255. — b) G.W., II — III, 342; S.E., V, 349; франц., 260 — c) Cf. 4-е изд., исправл. и доп.(1914) (S.E., IV, XI). — d) Cf. G.W., II — III, 365; S.E., V, 359; франц., 267 — 268.
(6) Cf. Freud (S.). Über den Traum, 1901, 2 ed.
(7) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915 — 1917. — a) Cf. passim. — b) G.W., XI, 151; S.E., XV, 150; франц., 166. — c) G.W., XI, 154 — 155; S.E., XV, 153; франц., 169 — 170. — d) Cf. G.W., XI, 150 и 171; S.E., XV, 149 и 168; франц., 164 и 186. — e) G.W., XI, 168; S.E., XV, 165; франц., 183. — f) G.W., XI, 169; S.E., XV, 166; франц., 184.
(8) Cf. Jones (E.). The Theory of Symposium. In: Papers on Psycho-Analysis, London, Baillière, 5 éd., 1948. — a) 93 sqq. — b) 93 — 104.
(9) Cf. Freud (S.). Der Mann Moses und die monoteistische Religion, 1939. G.W., XVI, 205 — 206; S.E., XXIII, 99 — 100; франц., 151 — 152.
(10) Saussure (F. de). Cours de linguistique générale. Paris, Payot, 1955.
(11) Cf. S.E., IV, préface.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ (сущ., прил.), СИМВОЛИКА

Нем.: Symbolische. — Франц.: symbolique. — Англ.: symbolic. — Исп.: simbólico. — Итал.: simbolico. — Португ.: simbólico.

● Термин Ж.Лакана, предполагающий различение в психоанализе трех основных регистров: символического, воображаемого и реального. Символическое — это такие явления, которые становятся предметом психоанализа, лишь будучи структурированы как язык. Этот термин выражает также мысль о том, что движущей силой лечения выступает слово, речь в ее фундаментальных характеристиках.

◘ 1) Слово "символическое" в субстантивированной форме мы находим уже у Фрейда: в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung,1900), например, речь идет о *символике* (Die Symbolik) как совокупности символов, обладающих устойчивым значением и обнаруживаемых в различных бессознательных образованиях.

Между символикой у Фрейда и символическим у Лакана есть явное различие: Фрейд подчеркивал момент связи (сколь угодно сложной) между символом и тем, что он представляет, а Лакан ставил на первый план структуру символической системы; связь символа с символизируемым (и тем самым — момент сходства, подобия форм) здесь вторичен, насыщен воображаемым*.

В любом случае фрейдовское понятие символики предполагает

взаимосвязь между этими двумя концепциями: Фрейд выявил в множестве образов и симптомов нечто вроде всеобщего и фундаментального языка, хотя на самом деле его больше интересовало содержание сказанного, нежели способ его структурирования.

2) Идея символического порядка, структурирующего область межчеловеческих отношений, была введена в социальные науки прежде всего Клодом Леви-Строссом (1), который, в свою очередь, основывался на структурной лингвистике Фердинанда де Соссюра. Основное положение соссюровского "Курса общей лингвистики" заключалось в том, что языковое означающее, взятое в отрыве от других, не имеет внутренней связи с означаемым; оно отсылает к значению, лишь будучи включено в систему означающих, образуемую взаимно противоположными дифференциальными признаками (α).

Леви-Стросс распространил структуралистский подход на факты культуры, выходящие за пределы обмена знаков, называя рассматриваемые им структуры *символическими системами*: "Всякая культура может рассматриваться как совокупность символических систем, среди которых главное место занимают язык, правила брачных связей, экономические отношения, искусство, наука, религия" (2).

3) Используя понятие "символического" в психоанализе, Лакан, как нам кажется, преследовал две цели:

а) сблизить структуру бессознательного со структурой языка, применив в ней метод, уже доказавший свою плодотворность в лингвистике;

б) показать, каким образом человеческий субъект включается в предустановленный порядок, обладающий символической природой в ее леви-строссовском понимании.

Попытки дать строгое определение символического противоречили бы самой мысли Лакана, который отказывался признавать устойчивую связь означающего с означаемым. Укажем здесь поэтому лишь на то, что используемое Лаканом понятие ведет в двух различных, но взаимодополняющих направлениях. Во-первых, оно обозначает *структуру*, чьи дискретные элементы функционируют в качестве означающих (лингвистическая модель), или, шире, порядок, в который включены подобные структуры (иначе — символический порядок). Во-вторых, оно обозначает *закон*, лежащий в основе этого порядка: так, говоря о *символическом отце* или об *имени-отца*, Лакан подразумевал некую инстанцию, не сводимую к реальному или воображаемому отцу — инстанцию, вводящую в действие закон.

α) С точки зрения терминологической, заметим, что у Соссюра понятие

"символ", предполагающее "естественное" или "рациональное" отношение с символизируемым, не может относиться к языковому знаку (3).

(1) Cf. Levi-Strauss (C.). Les structures élémentaires de la parente. Paris, P.U.F., 1949, и Anthropologie structurale. Paris, Plon, 1958.

(2) Cf. Levi-Strauss (C.). Introduction a l'ouvrage de Marcel Mauss, Sociologie et anthropologie. Paris, P.U.F., 1950.

(3) Cf. Saussure (F.de). Paris, Payot, 1955, 101.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Нем.: symbolische Wunscherfüllung. — Франц.: réalisation symbolique. — Англ.: symbolic realization. — Исп.: realización simbólica. — Итал.: realizzazione simbolica. — Португ.: realização simbólica.

○ Выражение М.-А.Сешеэ, которое обозначает метод аналитической психотерапии шизофрении: речь идет о снятии фрустраций, возникших в первые годы жизни пациента, и поиске символического удовлетворения потребностей, которые открывают перед ним доступ к реальности.

◘ Предложенный М.-А.Сешеэ метод аналитической психотерапии шизофреников: речь идет о возмещении фрустраций первых лет жизни пациента путем символического удовлетворения его потребностей и тем самым об открытии для него доступа к реальности.

Метод символического исполнения желаний связан с именем г-жи Сешеэ, открывшей его в ходе аналитической психотерапии молодой шизофренички (α). Рассказ врача об этом эпизоде, или случай Рене, легший в основу авторской концепции, изложен во "Введении в психотерапию шизофреников"(1954)(1а), а отчет самой больной — в "Дневнике шизофренички" (2а).

В выражении "символическое исполнение желаний" слово "исполнение" предполагает, что важнейшие потребности шизофреника непременно должны быть реализованы в ходе лечения, а слово "символический" предполагает, что форма их удовлетворения должна быть тождественна форме их выражения ("магико-символической), при которой между приносящим удовлетворение объектом (например, материнской грудью) и его символом (в случае Рене это, например, яблоки) существует единство.

Этот метод может рассматриваться в качестве разновидности материнства как приема*: психотерапевт играет роль "хорошей матери", способной понять и удовлетворить неосуществленные оральные потребности. "Этот метод не только не требует от шизофреника приспособления к непреодолимой для него конфликтной ситуации, напротив, он направлен на то, чтобы иначе организовать,

преобразовать "грубую" реальность, заменить ее новой реальностью, более "мягкой" и более приемлемой" (1b).

Символическое удовлетворение основных потребностей должно, по мысли Сешеэ, помочь даже субъекту, углубившемуся в регрессию: оно осуществляется в том порядке, который воспроизводит генетическую последовательность стадий*, позволяет шизофреническому *Я* перестроиться и, соответственно, овладеть реальностью (2b).

α) М.-А. Сешеэ впервые изложила свой метод в работе "Символическое исполнение желаний" (Nouvelle méthode de psychothérapie appliquée à un cas de schizophrénie); приложение к Revue suisse de psychologie et psychologie appliquée, n. 12, Éd. Médicales, Hans, Huber, Berne 1947.

(1) Sechehaye (M.-A.). a) 22. — b) 9.
(2) Sechehaye (M.-A.). a) Глава XI. — b) См., в особенности часть II.

СИСТЕМА

Нем.: System. — Франц.: système. — Англ.: system. — Исп.: sistema. — Итал.: sistema. — Португ.: sistema.

См.: Инстанция

СЛЕД МНЕСИЧЕСКИЙ

Нем.: Erinnerungsspur или Erinnerungsrest. — Франц.: trace mnésique. — Англ.: mnemic-trace или memory trace. — Исп.: huella mnémica. — Итал.: traccia mnemonica. — Португ.: traço или vestígio mnémico.

◘ Устойчивый фрейдовский термин, обозначающий способ вписывания событий в память, их запоминания. По Фрейду, мнесические следы постоянно присутствуют в различных системах, но оживают лишь вследствие энергетической нагрузки.

◘ Психофизиологическое понятие мнесического следа, часто встречающееся в метапсихологических текстах, предполагает определенную концепцию памяти, которую Фрейд нигде не изложил в целостном виде. Это дало повод для многих ошибочных истолкований мнесического следа как наследника устаревшего нейрофизиологического подхода. Не претендуя здесь на полное изложение фрейдовской теории памяти, напомним лишь о тех главных требованиях, которые легли в основу самого понятия мнесического следа: перед Фрейдом стояла задача найти памяти место в топике* и объяснить ее с точки зрения экономики.

1) Стремление определять всякую психическую систему через

ее функцию, представляя Восприятие-Сознание как функцию особой системы (см.: Сознание), приводит к тезису о несовместимости между сознанием и памятью: "Нам трудно поверить, что следы возбуждения сохраняются также в системе Восприятие-Сознание. Если бы они навсегда оставались в сознании, это быстро привело бы к ограничению способности системы к восприятию новых возбуждений. Если бы , однако, они были бессознательными, это потребовало бы объяснить само существование бессознательных процессов в системе, функционирование которой предполагает осознание. Мы бы ничего не изменили и ничего не выиграли благодаря нашей гипотезе о том, что процесс осознания есть функция особой системы"(1). Эта мысль возникает в самих истоках психоанализа. Брейер впервые изложил ее в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895): "Один и тот же орган не может одновременно удовлетворять двум взаимопротиворечащим условиям. Зеркало отражающего телескопа не может быть одновременно и фотографической пластинкой" (2). Эти понятия своей топики Фрейд попытался впоследствии пояснить сравнением с "волшебным блокнотом" (3).

2) Фрейд ввел эти различия, связанные с топикой, в саму память. Так, данное событие может быть записано в различных "мнесических системах". Фрейд предложил несколько моделей (более или менее тесно связанных с образами) такой расчлененности памяти на различные уровни. В "Исследованиях истерии" он сравнил организацию памяти со сложно устроенным архивом, в котором воспоминания можно классифицировать в зависимости от их хронологического порядка, связей в ассоциативных цепях, степени доступности осознанию (4). В своем письме В. Флиссу от 6.12.96 и в главе VII из "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) он изложил эту концепцию упорядоченной последовательности записей в мнесических системах еще раз и более внятно: различие между предсознанием и бессознательным уподоблено здесь различию между двумя мнесическими системами. В "описательном" смысле слова все мнесические системы считаются бессознательными, однако следы системы бессознательного не способны сами по себе проникнуть в сознание, тогда как предсознательные воспоминания (или память в общераспространенном смысле слова) могут вновь возникать при том или ином типе поведения.

3) Фрейдовская концепция инфантильной амнезии* проясняет для нас метапсихологическую теорию мнесических следов. Как известно, Фрейд считал, что наша неспособность вспомнить события первых лет жизни обусловлена не слабостью памяти, а наличием вытеснения. В более общем смысле это означает, что все воспоминания могут быть записаны в памяти, однако способность вызывать эти воспоминания зависит от их нагрузки, разгрузки,

противонагрузки. Этот подход опирается на клинически выявленное различие между представлением и квантом аффекта*: " Среди психических функций необходимо особо выделить какие-то единицы (кванты аффекта, порции возбуждения), которые могут возрастать, убывать, смещаться, разряжаться и распространяться по мнесическим следам представлений, как электрические заряды по поверхности тела" (5).

*

Как мы видим, фрейдовская концепция мнесического следа четко отлична от эмпиристской концепции энграммы как отпечатка, сходного с реальностью. В самом деле:

1) мнесический след навсегда записан в психике, причем его место определяется связью с другими следами. Фрейд даже попытался выделить системы, в которых следы одного и того же объекта записываются по-разному в зависимости от типа ассоциаций (одномоментных, причинно зависимых и пр.) (6,7а). Помимо того, оказывается, что, скажем, в одном ассоциативном контексте воспоминание может всплыть на поверхность, а в другом контексте — остается недоступным сознанию (см.: Комплекс).

2) Фрейд даже близок к мысли, что мнесические следы не обладают чувственными качествами: "Когда воспоминания всплывают в сознании, они не обнаруживают вообще никаких или же гораздо меньше чувственных качеств, чем восприятия" (7b).

По-видимому, "Набросок научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) с его нейрофизиологическим подходом убедительнее всего обосновывает любое сравнение мнесического следа с образом-"подобием" и дает наилучший доступ к фрейдовской теории памяти во всем ее своеобразии. В "Наброске" Фрейд попытался понять, как происходит запись воспоминания в нейронном аппарате, не обращаясь к проблеме сходства между следами и объектами. Мнесический след — это особое размещение проложенных путей*, из которых выбирается лишь один. Подобное функционирование памяти можно сравнить с "памятью" в теории кибернетических машин, построенных на основе бинарных оппозиций, подобно тому как нейронный аппарат, по Фрейду, определяется последовательностью парных разветвлений.

Обращаясь в своих последующих работах к понятию мнесического следа (в качестве синонима иногда используется понятие "мнесический образ"), Фрейд понимал под этим — когда речь не

идет о конституировании предметов — их отображения в духе эмпирической психологии.

(1) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 24; S.E., XVIII, 25; франц., 27.

(2) Breuer (J.). Theoretisches, 1895. Нем., 164, n.; S.E., II, 188 — 189, n.; франц., 149 — 150, n.

(3) Cf. Freud (S.). Notiz über den "Wunderblock", 1925. G.W., XIV, 3 — 8; S.E., XIX, 227 — 232.

(4) Cf. Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie, 1895. G.W., I, 295 sqq.; S.E., II, 291 sqq.; франц., 235 sqq.

(5) Freud (S.). Die Abwehr-Neurosen, 1894. G.W., I, 74; S.E., III, 60.

(6) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen ser Psychoanalyse, 1887 — 1902. Нем., 186; англ., 174; франц., 154 — 155.

(7) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) Cf. G.W., II — III, 544; S.E., V, 538 — 539; франц., 442 — 443. — b) G.W., II — III, 545; S.E., V, 540; франц., 543 — 544.

СЛОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ВОЗБУЖДЕНИЯ

Нем.: Reitzschutz. — Франц.: pare-excitations. — Англ.: protective schield. — Исп.: protector или pritección contra las extaciones. — Итал.: apparato protettivo contra lo stimolo. — Португ.: páraexcitações.

● Психофизиологический термин Фрейда, обозначающий функцию защиты (schutzen) организма от угрозы разрушительных внешних возбуждений. Аппарат, осуществляющий эту функцию, есть не что иное, как внешний поверхностный слой организма, пассивно фильтрующий поступающие возбуждения.

■ Термин Reizschutz в буквальном смысле означает «защита от возбуждения»; Фрейд вводит его в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), а применяет прежде всего в "Заметке о "волшебном блокноте "(Notiz über den "Wunderblock",1925) и в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) для обозначения защитной функции и ее особого механизма. Английские и французские переводчики Фрейда не всегда пользовались в этих различных смыслах одним и тем же термином.

Начиная с "Наброска научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) Фрейд утверждал, что в местах внешних возбуждений существуют особые защитные механизмы (Quantitätsschirme). Энергии, действующие во внешнем мире, и энергии, которые призван разряжать психический аппарат, — величины разного порядка, и потому где-то на границе между внешним и внутренним миром неизбежно существуют особые системы "нервных окончаний", которые "лишь частично пропускают экзогенную энергию внутрь" (1). В случае внутренних возбуждений такая защита не

нужна, потому что здесь действуют такие же количества энергии, как между нейронами.

Фрейд связывал существование защитных устройств с изначальным стремлением нейронной системы к поддержанию нулевого уровня возбуждений *Я* (Trägheitsprinzip — принцип инерции*).

В "По ту сторону принципа удовольствия" Фрейд опирается при построении теории травмы на образ простейшей капельки живой субстанции. Для того чтобы выжить, она должна быть окружена защитным слоем, который перестает быть живым веществом и становится заслоном для защиты от внешних возбуждений, несравнимо более сильных, нежели внутренние энергии системы, одновременно с тем пропуская эти возбуждения внутрь в количествах, пропорциональных их интенсивности, чтобы организм мог получить информацию из внешнего мира. С этой точки зрения, травма выступает как широкомасштабный прорыв защитного слоя.

Такое предположение о существовании слоя защиты от возбуждений хорошо согласуется с концепцией топики: под этим защитным слоем находится другой слой, определяемый в "По ту сторону принципа удовольствия" как система Восприятие-Сознание. Фрейд сравнивал эту слоистую структуру со строением "волшебного блокнота".

В упоминаемых выше текстах Фрейд отрицал возможность укрытия от внутренних возбуждений: это описание психического аппарата относится к периоду, логически предшествовавшему самой идее психической защиты.

Для того чтобы понять природу слоя защиты от возбуждений, следовало бы рассмотреть вопрос о значении физиологических моделей во всей его широте. Ограничимся здесь замечанием, что Фрейд нередко приписывал этому устройству некую материальную реальность: так, в "Наброске" он говорил о сенсорных органах-рецепторах; в "По ту сторону принципа удовольствия" — об органах чувств под оболочкой "общего защитного слоя всего тела" (allgemeine Reizschutz) (2). Однако он придавал защитному слою и более широкое психологическое значение, не предполагающее явной телесной опоры. В конечном счете он даже приписывал ему чисто функциональную роль: защита от возбуждения обеспечивается периодической нагрузкой и разгрузкой системы Восприятие-Сознание, которая пропускает внутрь лишь отдельные фрагменты внешнего мира, и тогда оказывается, что раздробление возбуждений происходит не только в пространстве, но и во времени, вызывая "периоды невозбудимости" (3).

(1) Freud (S.). Нем., 390; англ., 367; франц., 325.
(2) CF. Freud (S.). G.W., XIII, 27; S.E., XVIII, 28; франц., 31.
(3) Freud (S.). Notiz über den "Wunderblock", 1925. G.W., XIV, 8; S.E., XIX, 231.

СМЕЩЕНИЕ

Нем.: Verschiebung — Франц.: déplacement. — Англ.: displacement. — Исп.: desplazamiento. — Итал.: spostamento. — Португ.: deslocamento.

○ Случай, когда ощущение напряженности, значительности, важности какого-либо представления переходит на другие, поначалу более слабые представления, связанные с первым цепью ассоциаций.

Это явление наблюдается прежде всего в анализе сновидений, однако оно лежит также в основе психоневротической симптоматики, а в более общем виде — любого бессознательного образования.

Психоаналитическая теория смещения опирается на экономическую гипотезу, согласно которой нагрузка того или иного представления способна отделяться от него, перемещаясь по всей ассоциативной цепи.

"Свободное" смещение этой энергии — одна из главных черт первичного процесса, управляющего бессознательным функционированием психики.

◘ 1) Понятие смещения возникает одновременно со всей фрейдовской теорией неврозов (1); оно связано с клинически засвидетельствованной независимостью аффекта от представления и с экономической гипотезой, призванной объяснить это; речь идет об энергии влечения, "которая может возрастать, убывать, смещаться, разряжаться" (2a) (см.: Экономика, экономический; Квант аффекта).

В наиболее развитой форме эта гипотеза предстает во фрейдовской модели "нейронного аппарата" в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895):"количество" [энергии] перемещается по всей цепи нейронов, стремясь в соответствии с "принципом нейронной инерции"* лишь к полной разрядке. "Целокупный", или "первичный", процесс определяется смещением всей энергии с одного представления на другое. Так, при образовании симптома, "мнесического символа" истерического типа, "изменяется лишь распределение энергии. [К представлению] А добавляется нечто изъятое из В. Патологический процесс — это и есть процесс смещения, сходный с тем, что происходит во сне, или, иначе — первичный процесс" (3a).

Вторичный процесс* также предполагает смещение, однако область его действия ограничена, а количества перемещающейся энергии невелики (3b).

В психологическом плане очевидно, что Фрейд заметно колебался в определении области, где происходит смещение. Иногда он противопоставлял смещение и конверсию*, причем смещение выступало как явление, относящееся к представлениям, особенно при

неврозе навязчивых состояний (ср. фрейдовский термин Verschiebungersatz — подмена смещением), а конверсия — как явление, при котором аффект подавляется и энергия влечения переходит из области представления в область соматики (2b). Иногда смещение представало как свойство любого симптомного образования: "В результате сильного смещения [удовлетворение] может быть ограничено небольшой частью целостного либидинального комплекса" (4a); тогда оказывалось, что конверсия также предполагает смещение, например при переносе генитального удовольствия на другую область тела (4b).

2) Смещение было особенно ярко показано Фрейдом на примере сна. В самом деле, сравнение между явным и скрытым содержанием сновидения показывает, что их главные моменты не совпадают: самое важное в скрытом содержании сна может быть представлено либо какими-то недавними, но несущественными событиями, либо фактами прошлого, которые подверглись смещению уже в детстве. Фрейд проводил различие между снами, где есть смещение, и снами, где его нет (5a). В этом последнем случае "...различные элементы сновидения занимали в его стуктуре те же места, что и в сновидных мыслях" (5b). Подобное разграничение может удивить тех, кто вслед за Фрейдом считал свободное перемещение энергии неотъемлемым свойством бессознательных процессов. Фрейд не сомневался в том, что смещение может затронуть любой элемент сна, однако в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) он обычно называл "трансфером" переход психической энергии от одного представления к другому, а "смещением" — то удивительное явление, в разной степени представленное в разных снах, при котором во сне происходит полное изменение точки зрения, сдвиг главного акцента или "переоценка психических ценностей" (6).

В анализе снов смещение тесно связано с другими механизмами работы сновидения. Так, оно способствует сгущению*, поскольку смещение по двум ассоциативным цепям приводит к взаимопересечению представлений или словесных выражений. Образы также легче строятся посредством смещения, при котором происходит, например, переход от абстрактной мысли к зрительно воспринимаемой картине; при этом психический интерес выражается в ярких ощущениях. Наконец, вторичная обработка* также продолжает работу смещения, подчиняя ее собственным целям.

*

В тех различных психологических образованиях, где психоанализ обнаруживает смещение, оно явно выполняет защитную функцию: например, при фобиях смещение на фобический объект

позволяет объективировать, локализовать, ограничить страх. В снах положение дел таково, что смещение выступает как результат цензуры: "Is fecit, cui prodest [сделал тот, кому выгодно]. Приходится признать, что смещение в снах происходит под воздействием цензуры, т. е. эндопсихической защиты" (5с). Однако, по сути, свободное смещение — это верный признак первичного процесса: "[В бессознательном] энергетические нагрузки гораздо более подвижны. В процессе *смещения* одно представление может отдать другому всю свою энергетическую нагрузку целиком...» (7). Эти два утверждения не противоречат друг другу, поскольку цензура *побуждает* к смещению, лишь вытесняя некоторые предсознательные представления: они притягиваются бессознательным и оказываются во власти законов первичного процесса. Цензура *использует* механизм смещения, выдвигая на первый план малозначимые представления, способные включаться в цепочки ассоциаций, весьма удаленные от защитного конфликта.

Сам термин "смещение" не предполагает у Фрейда какого-то особого предпочтения того или иного типа ассоциативной связи (ассоциации по смежности или ассоциации по сходству) во всей цепочке смещений. Лингвист Роман Якобсон сравнивал описанные Фрейдом бессознательные механизмы с риторическими приемами метафоры и метонимии как двух основных полюсов любого языка: так, он сопоставлял смещение с метонимией как связью по смежности, а символику — с метафорическим измерением, в котором преобладает ассоциация по сходству (8). Ж. Лакан развил эти догадки, уподобляя смещение метонимии, а сгущение — метафоре (9); с точки зрения Лакана, человеческое желание, по сути, структурировано законами бессознательного и построено прежде всего по метонимическому принципу.

(1) Cf. Freud (S.). Bnef an Joseph Breuer, 29.6.1892. G.W., XVII, 3 — 6; S.E., I, 147 — 148.

(2) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. — a) G.W., I, 74; S.E., III, 60. — b) Cf. G.W., I, 59 — 72; S.E., III, 45 — 58.

(3) Freud (S.). a) Нем., 429; англ., 407; франц., 361. — b) Cf. Нем., 446 sqq.; англ., 423 sqq.; франц., 377 sqq.

(4) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916 — 1917. — a) G.W., XI, 381; S.E., XVI, 366; франц., 394. — b) Cf. G.W., XI, 336; S.E., XVI, 324 — 325; франц., 349 — 350.

(5) Freud (S.) Die Traumdeutung, 1900. — a) Cf. G.W., II — III, 187; S.E., IV, 180 — 181; франц., 138 — 139. — b) G.W., II — III, 311; S.E., IV, 306; франц., 229. — c) G.W., II — III, 314; S.E., IV, 308; франц., 230.

(6) Freud (S.). Über den Traum, 1901. G.W., II — III, 667; S.E., V, 655; франц., 76.

(7) Freud (S.) Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 285; S.E., XIV, 186; франц., 130.

(8) Ср. например: Jakobson (R.). Deux aspects du langage et deux types d'aphasie, франц. перевод в Essais de linguistique générale, Paris, Éd. de Minuit, 1963, 65 — 66.

(9) Cf. Lacan (J.). L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud. In: La psychanalyse, Paris, P.U.F., 1957, vol. III, 47 — 81.

СНЫ НАЯВУ

Нем.: Tagtraum. — Франц.: rêve diurne (rêverie). — Англ.: day-dream. — Исп.: sueño diurno (devaneo). — Итал.: sogno diurno. — Португ.: sonho diurno (divaneio).

● Так Фрейд называет воображаемый сценарий, придуманный в состоянии бодрствования, подчеркивая этим сходство таких грез со снами наяву. Сны наяву, подобно ночным снам, представляют собой осуществление желания; их механизмы тождественны — в обоих случаях преобладает вторичная обработка.

■ В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), особенно в главах, написанных Брейером, подчеркивается значение снов наяву для образования истерических симптомов: Брейер считал, что привычка грезить наяву ("домашний театр" Анны О.) способствует возникновению расщепления* (Spaltung) поля сознания (см.: Гипноидное состояние).

Фрейд интересовался снами наяву (особенно в связи с его теорией сновидений) с двух точек зрения: во-первых, он сравнивал их возникновение с возникновением сновидений, во-вторых, он исследовал роль, которую они играют в ночных сновидениях.

Сны наяву и ночные сновидения имеют между собою много общего: "Подобно настоящим сновидениям, сны наяву представляют собой исполнения желаний; подобно сновидениям, они основаны большей частью на впечатлениях от событий детства; подобно сновидениям, они возникают при некотором попустительстве со стороны цензуры. Исследуя их структуру, мы замечаем, что импульс породившего их желания привел к смешению элементов, из которых они построены, и изменил их порядок для того, чтобы создать новый ансамбль. Эти сны так же соотносятся с детскими воспоминаниями, как барочные дворцы в Риме с античными руинами: строительный камень и колонны стали материалом для создания современных форм" (1a).

Сны наяву отличаются преобладанием вторичной обработки*, придающей их сценариям бóльшую связность, нежели в обычных сновидениях.

С точки зрения Фрейда, сны наяву (в "Толковании сновидений" он использует этот термин как синоним фантазий вообще (Phantasie) или дневных фантазий (Tagesphantasie)) не всегда осознанны; при этом "возникает значительное количество бессознательных [образований], которые вынуждены оставаться бессознательными, поскольку по своему содержанию и источнику они связаны с вытесненным материалом" (1b) (см.: Фантазия, фантазм).

Сны наяву составляют большую часть материала сновидения. Они могут оказаться среди остатков дневных впечатлений, подвер-

гаясь вместе с ними всевозможным преобразованиям, в частности подготавливая для вторичной обработки уже готовый сценарий, или "фасад сна" (1с).

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II — III, 496; S.E., V, 492; франц., 366. — b) G.W., II — III, 496; S.E., V, 492; франц., 366. — c) G.W., II — III, 497; S.E., V, 493; франц., 367.

СОБЛАЗНЕНИЯ (СЦЕНА, ТЕОРИЯ)

Нем.: Verführung (Verführungsszene, Verführungstheorie). — Франц.: séduction (scène de, théorie de). — Англ.: scene, theory of seduction. — Исп.: escena de, teoría de la seducción. — Итал.: seduzione (scena di-, teoria della-). — Португ.: cena de, teoria da seducão.

1. Реальная или воображаемая сцена, в которой субъект (обычно — ребенок) становится пассивным объектом сексуальных домогательств другого лица (чаще всего — взрослого).

2. Теория Фрейда (1895 — 1897), впоследствии им отвергнутая, в которой определяющая роль в этиологии психоневрозов отводилась воспоминаниям о реальных сценах соблазнения.

В период основания психоанализа Фрейд считал, что теория соблазнения способна объяснить вытеснение сексуальности. До этого факты соблазнения существовали как клиническое открытие: в ходе лечения пациенты порой вспоминали об опыте сексуального соблазнения — живых сценах, в которых инициатива принадлежала другому человеку, в большинстве случаев взрослому, а содержание менялось — от простых словесных намеков или жестов до более или менее явных случаев сексуального совращения, вызывающих испуг*, но пассивно претерпеваемых субъектом.

Фрейд впервые говорит о соблазнении в 1893 г. Между 1895 и 1897 гг. Фрейд придавал ему важное теоретическое значение, причем он вынужден был относить сцены травмирующего соблазнения все дальше, в раннее детство.

Теория соблазнения — это не только признание важнейшей роли (в возникновении душевных расстройств) сексуальных сцен по сравнению с другими травмами; для Фрейда особое значение сексуальных сцен стало опорой дальнейшего изучения механизма вытеснения.

В упрощенном виде эта теория предполагает, что травма* возникает как бы в два приема или на двух этапах, отделенных друг от друга перидом полового созревания. Первый этап, или этап соблазнения в собственном смысле слова, характеризуется Фрейдом как "досексуальное" событие сексуальной жизни, обусловленное факторами, внешними по отношению к субъекту, который пока

еще не способен испытывать сексуальные эмоции (отсутствие соматических условий возбуждения, невозможность освоить этот опыт). В тот момент, когда возникает сцена соблазнения, она не подвергается вытеснению. Лишь на втором этапе другое событие, не обязательно имеющее собственно сексуальное значение, вызывает в памяти — по ассоциации — первое событие. "Здесь,— замечает Фрейд,— открывается уникальная возможность увидеть, как воспоминание приводит к гораздо более значительному результату, нежели само событие" (1a). Из-за прилива эндогенных возбуждений воспоминание подвергается вытеснению.

Сцена соблазнения переживается пассивно, но это означает не только пассивное поведение субъекта, но и его неспособность к живой реакции при отсутствии соответствующих сексуальных представлений; пассивность — это свидетельство неподготовленности, в силу которой соблазнение порождает "сексуальный испуг" (Sexualschreck).

Приписывая соблазнению столь важную роль в генезисе вытеснения, Фрейд последовательно искал сцены пассивного соблазнения при неврозе навязчивых состояний и при истерии, где они и были прежде всего обнаружены. "Во всех моих случаях невроза навязчивостей я обнаруживал — уже в самом раннем детстве, задолго до будущего опыта удовольствия, — некий *чисто пассивный* опыт, который не мог быть случайностью" (1b). Фрейд отличал невроз навязчивостей от истерии (на том основании, что он обусловлен ранним сексуальным опытом, пережитым активно и вызвавшим удовольствие), стремясь тем не менее обнаружить и при неврозе навязчивостей более ранние пассивные сцены, напоминающие те, с которыми мы сталкиваемся при истерии.

Как известно, Фрейд впоследствии усомнился в подлинности сцен соблазнения и отказался от соответствующей теории. В письме Флиссу от 21.9.1897 он приводит основания для этого шага. "Я должен немедленно признаться тебе под большим секретом в том, что постепенно вызревало во мне в течение этих последних месяцев. Я больше не верю в мою невротику (neurotica)" (1c). Фрейд обнаружил, что сцены соблазнения иногда являются продуктом фантазирования, причем это открытие подкреплялось постепенным раскрытием детской сексуальности.

*

Общепринято считать отказ Фрейда от теории соблазнения (1897) решающим шагом в обосновании психоаналитической теории, в выявлении понятий бессознательного фантазирования, психической реальности, спонтанной детской сексуальности и т.д.

Фрейд и сам неоднократно подчеркивал значение этого момента в истории своих идей: "Хотя и верно, что истерики возводят свои симптомы к мнимым травмам, момент новизны заключается, однако, в том, что подобные сцены создаются фантазией, а потому наряду с практической реальностью необходимо учитывать и реальность психическую. За этим вскоре последовало открытие того, что эти фантазии способствовали сокрытию автоэротической активности ребенка в первые годы жизни, ее приукрашиванию и возвышению. А теперь за всеми этими фантазиями возникает картина сексуальной жизни ребенка во всей ее полноте" (2).

Это обобщенное изложение требует ряда уточнений.

1) Вплоть до конца жизни Фрейд неустанно подчеркивал распространенность и патологический смысл сцен соблазнения, действительно пережитых детьми (3,4).

Фрейд внес два уточнения в хронологический порядок сцен соблазнения, которые лишь по видимости кажутся противоречащими друг другу:

а) сцена соблазнения относится к более позднему периоду, а в качестве соблазнителя выступает другой ребенок — ровесник или старший. Однако посредством ретроспективного фантазирования сцена соблазнения переносится на более ранний период, а роль соблазнителя приписывается родителю (5а);

б) описание доэдиповой связи с матерью позволяет, особенно в случае девочки, говорить о том, что при уходе за новорожденным мать подвергает его реальному сексуальному соблазну, который становится прообразом последующих фантазий: "В данном случае фантазия ставится на реальную почву, поскольку именно мать в своих заботах о гигиене ребенка и уходе за ним неизбежно вызывает, быть может впервые, приятные ощущения в его гениталиях" (6).

2) На уровне теории вряд ли можно сказать, что Фрейд просто-напросто отказался от приведенного выше объяснения. Скорее напротив — он вновь использовал некоторые важные элементы этой объяснительной схемы при последующих разработках психоаналитической теории. Это:

а) мысль о том, что вытеснение есть нечто такое, что осуществляется в несколько этапов, причем новый этап в последействии* придает травматический смысл предыдущему. Эта концепция находит свое развитие, к примеру, в работе "Из истории детского невроза" (Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918);

б) мысль о том, что на втором этапе вытеснения *Я* подвергается агрессии, наплыву внутреннего возбуждения: в теории соблазнения именно воспоминание, а не само событие имеет травматическое значение. И в этом смысле "воспоминание" играет в этой теории роль "психической реальности", "чужеродного тела", позднее отданную фантазированию;

в) мысль о том, что, напротив, психическая реальность воспоминания или фантазии должна обрести свое предельное обоснование на "почве реальности". Очевидно, Фрейд никогда не считал возможным трактовать фантазию как простой отблеск спонтанной сексуальной жизни ребенка. Он постоянно искал за фантазией обоснование ее реальности — признаки первосцены* (случай Человека с волками), соблазн, которому мать подвергает младенца (см. выше п. 1б). При этом возникла мысль о том, что фантазии основаны в конечном счете на "первофантазиях"*, передаваемых по наследству мнесических следах опыта, пережитого в истории человеческого рода: "...все те фантазии [...], которые нам рассказывают в анализе, некогда, в первозданные времена, были реальными фактами жизни человеческой семьи..." (5b). И в самом деле, первый вариант фрейдовской теории соблазнения строился вокруг этой мысли: поначалу сцена соблазнения непременно должна была обосновываться чем-то более реальным, нежели работа воображения;

г) наконец, Фрейд вынужден был признать, хотя и довольно поздно, что в фантазиях о соблазнении он "впервые столкнулся с Эдиповым комплексом..." (7). И в самом деле, от соблазнения девочки отцом до эдиповской любви девочки к отцу — всего один шаг.

Однако проблема в том и заключается, чтобы понять фантазию соблазнения: можно ли считать его формой защиты, положительной стороной Эдипова комплекса*, или же его нужно рассматривать как основополагающую данность, как следствие того факта, что детская сексуальность всецело структурирована чем-то внешним по отношению к ней — отношениями родителей, их желаниями, которые предшествуют желанию субъекта и придают ему определенную форму. В этом смысле реально переживаемый соблазн, равно как и фантазии, суть не что иное, как проявления этой данности.

Двигаясь далее в том же направлении, Ференци в 1932 г. (8) подхватил фрейдовскую теорию соблазнения и показал, что взрослая сексуальность с ее "языком страстей" — это надлом детского мира с его "языком нежности".

Опасность подобного обновления теории соблазнения в том, что оно открывает путь к доаналитическому понятию сексуальной невинности ребенка, на которого воздействует извращенная сексуальность взрослых. Как раз от мысли о том, что ребенок живет — до этого взлома, совращения — в особом мире, своей жизнью, Фрейд и отказывался, считая соблазнение одной из "первофантазий", относящихся к предыстории человеческого рода. Соблазнение для него — это не конкретный факт в истории субъекта, но структурный момент, доступный переносу в исторический мир лишь в форме мифа.

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. — a) Нем., 157; англ., 147; франц., 130. — b) Нем., 160; англ., 149; франц., 132. — c) Нем., 229; англ., 215; франц., 190.

(2) Freud (S.). Zur Geschichte der psychologischen Bewegung, 1914. G.W., X, 56; S.E., XIV, 17 — 1; франц., 275.

(3) Cf. Freud (S.). Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 91 — 92; S.E., VII, 191; франц., 86 — 87.

(4) Cf. Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 113 — 114; S.E., XXIII, 187; франц., 57.

(5) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915 — 1917. — a) Cf. G.W., XI, 385; S.E., XVI, 370; франц., 398. — b) G.W., XI, 386; S.E., XVI, 371; франц., 399.

(6) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 129; S.E., XXII, 120; франц., 165.

(7) Freud (S.). Selbstdarstellung, 1925. G.W., XIV, 60; S.E., XX, 34; франц., 52.

(8) Ferenczi (S.). Sprachverwirrung zwischen den Erwachsenen und dem Kind, 1932 — 1933. Франц. In: La Psychanalyse. Paris, P.U.F., 1961, VI, 241 — 253. Passim.

СОДЕРЖАНИЕ СКРЫТОЕ

Нем.: latenter Inhalt. — Франц.: contenu latent. — Англ.: latent content. — Исп.: contenido latente. — Итал.: contenuto latente. — Португ.: conteúdo latente.

● Совокупность значений, к которым приходит анализ порождений бессознательного, особенно сновидений. Расшифрованный сон уже не выступает как рассказ в образах, но как организация мыслей, слов, выражающих одно или несколько желаний.

■ Выражение "скрытое содержание" можно понимать широко, т. е. как совокупность всего того, что постепенно выявляется в анализе (ассоциации пациента, истолкования психоаналитика); скрытое содержание сна будет тогда составлено из остатков дневных впечатлений, детских воспоминаний, телесных ощущений, отсылок к ситуации трансфера и пр.

В более узком смысле скрытое содержание — по контрасту с явным содержанием, неполным и неистинным, — это полный и точный перевод речи сновидца, адекватное выражение его желания. Тогда явное содержание (Фрейд иногда называет его просто "содержанием") — это урезанный вариант скрытого содержания (так называемых "сновидных мыслей" или "скрытых сновидных мыслей"), а скрытое содержание, обнаруживаемое анализом,— это его подлинник; оба они "возникают перед нами как два варианта одного и того же содержания на двух разных языках, или же содержание сна предстает перед нами как перевод сновидных мыслей, как иной способ их выражения, знаки которого, равно как и законы связи этих знаков, нам еще только предстоит понять при сравнении оригинала с переводом. Мы сразу же понимаем сновидные мысли, как только осознаем их" (1a).

По Фрейду, скрытое содержание предшествует явному, и в этом смысле работа сновидения, которая заключается в переводе одного в другое, "никогда не является творческой" (2). Это, однако, не означает ни того, что психоаналитик в состоянии все обнаружить сам ("Даже в прекрасно истолкованных сновидениях нечто остается в тени [...]. Это сердцевина сновидения" (1b)), ни того, что в принципе можно построить исчерпывающее истолкование сновидения (см.: Сверхистолкование).

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II — III, 283; S.E., IV, 277; франц., 207. — b) G.W., II — III, 530; S.E., V, 525; франц., 433.

(2) Freud (S.). Über den Traum, 1901. G.W., II—III, 680; S.E., V, 667; франц., 112.

СОДЕРЖАНИЕ ЯВНОЕ

Нем.: manifester Inhalt. — Франц.: contenu manifest. — Англ.: manifest content. — Исп.: contenido manifesto. — Итал.: contenuto manifesto. — Португ.: conteúdo manifesto или patente.

● Это сон до аналитического исследования, как он предстает перед сновидцем, который о нем рассказывает. В более широком смысле можно говорить о явном содержании всего, что выражено в слове (от фантазии до литературного произведения) и истолковывается психоаналитическим методом.

■ Фрейд вводит это выражение в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) в связи со "скрытым содержанием". Понятие содержания (без определения) используется в этом же смысле — как противоположность содержанию "сновидных (или скрытых) мыслей". Для Фрейда явное содержание — это результат работы сновидения, а скрытое содержание — результат противонаправленной работы истолкования.

Эта концепция открыта для эпистемологической критики: с точки зрения Политцера, например, сновидение, строго говоря, имеет лишь одно содержание. То, что Фрейд называл явным содержанием, предстает как рассказ, как такое описание сна, при котором субъекту не даны все его значения (1).

(1) Cf. Politzer (G.). Critique des fondements de la psychologie. Paris, Rieder, 1928.

СОЕДИНЕНИЕ—РАЗЪЕДИНЕНИЕ (ВЛЕЧЕНИЙ)

Нем.: Triebmischung-Triedentmischung. — Франц.: union-désunion (des pulsions). — Англ.: fusion-defusion (of instincts). — Исп.: fusión-defusión (de los instintos или instintiva). — Итал.: fusione-defusione (della pulsioni) — Португ.: fusão-desfusão (dos impulsos или das pulsões).

○ В последнем варианте фрейдовской теории влечений — отношения между влечениями к жизни и влечениями к смерти в их конкретных проявлениях.

Соединение влечений представляет собой их смешение в различных пропорциях; разъединение — это процесс, при котором они разграничиваются и полностью разделяются, преследуя каждое свою собственную цель.

◘ Именно в последней фрейдовской теории влечений с характерным для нее резким противопоставлением между влечениями к жизни* и влечениями к смерти* ставится вопрос: каковы мера присутствия и способ связи двух главных типов влечений в данном типе поведения, в данном симптоме? Каковы их взаимодействия, их диалектика на различных этапах эволюции субъекта?

Вполне понятно, что именно этот новый дуализм влечений привел Фрейда к рассмотрению отношений силы между антагонистическими влечениями (α).

Отныне разрушительные тенденции приобретают такую же силу, как сексуальность; они сталкиваются на одной и той же почве и обнаруживаются в таких способах поведения (садомазохизм), инстанциях (*Сверх-Я*) и типах отношения к объекту, которые доступны психоаналитическому исследованию.

Во всяком случае, само наличие проблемы соединения двух основных влечений вовсе не значит, что они для Фрейда равнозначны. Когда Фрейд говорит о разъединении, он явно или неявно имеет в виду, что *агрессивность** означает разрыв всех связей с сексуальностью*.

*

Как представить себе единство двух влечений? Фрейд не особенно заботился о прояснении этого вопроса. Среди различных понятий, входящих в определение влечения, следует прежде всего обратиться к понятиям объекта* и цели*. Представляется, что совпадение двух влечений, различных по своей динамике, в одном и том же объекте — это еще не все; точно так же, по Фрейду, существует такое разъединение влечений, которое выступает одновременно и как "не полностью осуществившееся соединение" (1а). Ведь здесь подразумевается гармония целей, своего рода синтез, своеобразие которого определяется его сексуальной окраской: "Садизм и мазохизм — это, по-видимому, прекрасный пример соединения двух видов влечений: Эроса и агрессивности. Можно предположить, что их отношение есть некий прообраз, что все

изучаемые нами импульсы влечений образуют соединения или сплавы этих двух влечений в различных пропорциях. Эротические влечения вводят в соединение влечений разнообразие сексуальных целей, тогда как влечения другого рода, будучи в принципе однообразными, приводят к уменьшению разнообразия (2). В продолжение этих мыслей, Фрейд описывает эволюцию сексуальности, показывая, как агрессивность подчиняется сексуальному влечению (3).

Фрейд неоднократно подчеркивал, что, поскольку мы имеем дело со смесью влечений, их все можно представить как соединение в различных пропорциях Эроса и агрессивности и образование дополнительных рядов*: "При соединении влечений изменение соотношений между ними имеет весьма важные следствия. Избыток сексуальной агрессивности превращает любовника в садиста и убийцу, а недостаток агрессивности делает его робким импотентом" (4a).

Разъединение — это, напротив, процесс, в результате которого восстанавливается собственная цель каждого влечения. Два основных влечения существовали, по Фрейду, еще в эпоху мифических первоначал человека, однако полная их обособленность — это лишь крайний случай, приближенно представленный в клинической практике как отступление от того идеального движения, при котором агрессивность все больше сливается с сексуальной функцией. Для Фрейда один из лучших примеров разъединения влечений — это невроз навязчивостей со всей его амбивалентностью (1b).

В абстракции, следовательно, можно говорить о существовании двух дополнительных рядов: в первом, *количественном*, ряду представлены различные конкретные соотношения между либидо и агрессивностью; во втором ряду — различие *степени* соединенности или разъединенности этих двух влечений. Фактически речь идет здесь о двух мало связанных друг с другом способах выражения одной и той же мысли. По сути, либидо и агрессивность не должны рассматриваться как резко противоположные элементы. Как известно, либидо, по Фрейду, направлено на связывание (Bindung), соединение; агрессивность же, напротив, по самой своей природе направлена на "разрыв отношений" (4b). А это означает, что преобладание агрессивности приводит к разъединению былого единства влечений; напротив, преобладание либидо усиливает тенденцию к соединению: так, "сущность регресса либидо, например от генитальной к анально-садической стадии, есть не что иное, как разъединение влечений, и наоборот: переход от ранней к окончательно сложившейся генитальной стадии обусловлен дополнительным воздействием эротических компонентов" (1c).

*

Мысль о соединении влечений к смерти с влечениями к жизни выражалась у Фрейда с помощью различных понятий: это Verschmelzung (слияние) (3b), Legierung (смесь) (5), sich kombinieren (сочетаться) (4c). Однако в итоге он предпочел пару понятий Mischung (или Vermischung) — Entmischung, которая и вошла в психоаналитическую терминологию. Слово Mischung означает смешение (например, двух жидкостей в той или иной пропорции); Entmischung — разделение двух элементов смеси.

[...]

α) С того момента, как в психоанализе возникла гипотеза об особом влечении к агрессии, стала ощущаться потребность в понятии, способном выразить это единство с сексуальным влечением; так, Адлер говорил о перекрещивании влечений (Triebverschränkung), подчеркивая тем самым, что "один и тот же объект может одновременно использоваться для удовлетворения различных влечений" (6).

(1) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. — a) G.W., XIII, 270; S.E., XIX, 42; франц., 197 — 198. — b) Cf. G.W., XIII, 270; S.E., XIX, 42; франц., 197. — c) G.W., XIII, 270; S.E., XIX, 42; франц., 197.

(2) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 111 — 112; S.E., XXII, 104 — 105; франц., 143.

(3) Cf. Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. — a) G.W., XIII. 57—58; S.E., XVIII, 53 — 54; франц., 62. — b) Cf. G.W., XIII, 59; S.E., XVIII, 55; франц., 63.

(4) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 149; франц., 9. — b) G.W., XVII, 71; S.E., XXIII, 148; франц., 8. — c) Cf. G.W., XVII, 233; S.E., XVIII. 149; франц., 9.

(5) Cf. Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 233; S.E., XVIII, 258 — 259.

(6) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. G.W., X, 215; S.E., XIV, 123; франц., 35.

СОЗНАНИЕ (В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ)

A) Нем.: Bewusstheit. — Франц.: conscience (psychologique). — Англ.: the attribute (или the fact) of being conscious. — Исп.: el estar consciente. — Итал.: consapevolezza. — Португ.: o estar consciente.

B) Нем.: Bewusstsein. — Англ.: consciousness. — Исп.: conciencia psicológica. — Итал.: coschienza. — Португ.: consciência psicológica.

○ А) В описательном смысле слова: качество актуальности, характеризующее наличные восприятия (внешние и внутренние) в общей совокупности психических явлений.

Б) Согласно метапсихологической теории Фрейда, сознание есть функция определенной системы — Восприятие-Сознание (Вс-Сз).

С точки зрения топики, система Восприятие-Сознание находится на периферии психического аппарата и принимает информацию

одновременно из внешнего и внутреннего мира, а это, в свою очередь, означает, что удовольствие — неудовольствие возникает одновременно с оживлением мнесических следов. Восприятие-Сознание Фрейд часто считал функцией системы предсознательного, или, точнее, Предсознания-Сознания (Псз-Сз).

С точки зрения функциональной, система Восприятие-Сознание противоположна бессознательному и предсознательному как системам мнесических следов: в Восприятии-Сознании следы возбуждений остаются ненадолго.

С точки зрения экономический, система Восприятие-Сознание отличается тем, что располагает свободно перемещающейся энергией и может нагружать ею тот или иной элемент (механизм внимания).

Сознание играет важную роль в динамике конфликтов (сознательное избегание неприятного, более тонкое регулирование принципа удовольствия) и в динамике лечения (границы и функции осознания); однако в ходе защитного конфликта не может считаться одним из его полюсов (α).

◘ Хотя психоаналитическая теория и отказалась от определения психики через сознание, из этого не следует, что сознание стало в ней несущественным феноменом. Фрейд высмеивал такие попытки принизить сознание, иногда делавшиеся в психологии: "Крайняя тенденция, представленная, например, американским бихевиоризмом, исходит из возможности построить психологию, пренебрегши этим фундаментальным фактом!" (1a).

Фрейд считал сознание фактом индивидуального опыта, доступным непосредственной интуиции, и не пытался дать ему какое-то другое определение. Речь идет об "уникальном факте, не поддающемся никакому объяснению и описанию [...]. Однако, когда говорят о сознании, каждый по собственному опыту знает, о чем идет речь" (1b).

В этом утверждении два смысла: сознание дает нам лишь неполную картину наших психических процессов, большей частью бессознательных; однако нам вовсе не безразлично, сознательно или бессознательно то или иное явление, — нам нужна теория, которая бы определяла место и роль сознания.

Уже в первой метапсихологической теории Фрейда содержатся два важных утверждения: с одной стороны, Фрейд уподобляет сознание восприятию и видит его сущность в способности воспринимать чувственные *качества*. С другой стороны, он доверяет эту функцию Восприятия-Сознания отдельной системе (системе ω или W), независимой от других психических механизмов и управляемой чисто количественными принципами: " Сознание дает нам то, что мы называем *качествами*, т.е. разнообразные ощущения *различия*, причем само *различие* этих ощущений определяется отно-

шениями с внешним миром. Внутри этой области различия находятся ряды сходных явлений, но в ней нет качеств в собственном смысле слова" (2a).

Первое из этих утверждений сохраняет свою силу для всего творчества Фрейда: "Сознание — это субъективный аспект той части физических процессов в нервной системе, которая связана с восприятием..." (2b). Согласно этому утверждению, именно *восприятие*, точнее — восприятие внешнего мира, играет главную роль в сознании: " Доступ к сознанию связан прежде всего с восприятием внешнего мира нашими органами чувств" (1c). В теории испытания реальности* важно отметить синонимичность выражений: признак качества, признак восприятия и признак реальности (2c). Поначалу "между восприятием и внешней реальностью существовало равенство " (1d). *Сознание психических явлений* неотделимо от восприятия качеств: сознание есть не что иное, как "... чувственный орган восприятия психических качеств" (3a). Сознание воспринимает состояния напряжения, связанные с влечениями, и состояния разрядки возбуждения, выступающие в виде качеств удовольствия — неудовольствия. Однако наиболее сложно осознание того, что Фрейд называл "мыслительными процессами", понимая под этим как оживление воспоминаний, так и рассуждение, а в более общем смысле слова — любой процесс, предполагающий игру "представлений"*. На протяжении всего своего творчества Фрейд придерживался теории, утверждающей зависимость осознания мыслительных процессов от их ассоциаций со "словесными остатками" (Wortreste) (см.: Представление предметное и представление словесное). Поскольку ввод в действие этих остатков предполагает новое восприятие, вспоминаемые слова, по крайней мере поначалу, произносятся вновь (2d) и сознание укореняется в той точке, из которой энергетическая сверхнагрузка* может распространяться во все стороны: "Для того чтобы обладать качественной определенностью, мыслительные процессы у человека должны быть связаны со словесными воспоминаниями, качественные остатки которых достаточны для привлечения сознательного внимания, в результате чего мысль получает новую нагрузку, способную к перемещениям" (3b).

Эта связь между сознанием и восприятием побуждает Фрейда соединить их, чаще всего в рамках одной системы, которую в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1885) он называл системой ω , а начиная с метапсихологических работ 1915 г. стал называть системой Восприятие-Сознание (Вс — Сз). Выделение одной системы среди других систем, в которых записаны мнесические следы* (Псз и Сз), логически выводится из идеи, ранее развитой Брейером в "Теоретических размышлениях" (Theoretisches, 1895): "Один и тот же орган не может выполнять взаимо-

противоречивые функции", а именно быстро восстанавливать предыдущее состояние (statu ante), для того чтобы можно было воспринимать новые впечатления, и накапливать впечатления, для того чтобы можно было воспроизводить их (4). Позже Фрейд дополнит эту мысль формулой, направленной на объяснение "неумопостигаемости" появления сознания: "... оно возникает в системе восприятия *на месте* устойчивых следов" (5a).

*

Определить *топику** сознания нелегко: хотя в "Наброске" Фрейд помещал ее на "верхних этажах системы", однако вскоре тесная связь сознания с восприятием заставила Фрейда сдвинуть ее на границу между внешним миром и мнесическими системами: "Психический аппарат восприятия включает в себя два уровня: внешний, или слой защиты от избытка внешних возбуждений, и внутренний — поверхность, принимающую возбуждения или систему Вс — Сз" (5b) (см.: Защитный слой от возбуждений). Это пограничное положение задает будущее место *Я*; в "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923) Фрейд трактовал систему Вс — Сз как "ядро *Я*" (6a): "*Я* это часть *Оно*, измененная прямым воздействием внешнего мира при посредстве Вс — Сз, а в некотором смысле — продолжение процесса поверхностной дифференциации" (6b) (см.: *Я*).

С точки зрения *экономической**, сознание непрестанно ставило перед Фрейдом проблему. В самом деле, сознание — это явление, порожденное восприятием чувственных качеств, но ведь и количественные феномены — напряжения и расслабления — могут быть осознаны лишь в виде тех или иных качеств. С другой стороны, однако, такая неразрывно связанная с сознанием функция, как внимание (*большее* или *меньшее* сосредоточение) или же процесс осознания (Bewusstwerden), столь важный в психоаналитическом лечении, требуют истолкования в понятиях экономики. Фрейд высказал предположение, что энергия внимания, которая может стать, к примеру, "сверхнагрузкой" восприятия,— это энергия, порождаемая *Я* («Набросок») или же системой Вс («Толкование сновидений») и направляемая определенными качественными признаками сознания: " Биологический механизм внимания действует и применительно к *Я*: как только реальность знаком обнаруживает себя, так нагрузка присутствующего в данный момент восприятия должна превратиться в сверхнагрузку" (2e).

Сосредоточив внимание на мыслительных процессах, можно управлять ими более тонко, нежели это способен делать принцип удовольствия в одиночку: "Мы видим, что восприятие посредством

органов чувств — это результат сосредоточения нагрузки внимания на тех путях, по которым распространяется получаемое извне чувственное возбуждение: качественное возбуждение системы восприятия действует как регулятор разгрузки подвижных количеств психической энергии. Ту же самую функцию мы можем приписать и высшему органу чувств — сознанию. Восприятие новых качеств заставляет его направлять подвижные количества энергии, единицы нагрузки в других направлениях, должным образом их распределяя" (3с) (см.: Энергия свободная — энергия связанная; Сверхнагрузка).

Наконец, с точки зрения динамики*, отметим некоторое изменение во взглядах Фрейда по вопросу о роли сознания в защитных процессах и о действенности лечения. Не пытаясь проследить здесь все эти изменения, укажем лишь на некоторые из них:

1) в раннем психоанализе вытеснение, например, рассматривалось как намеренное отвержение на уровне, близком к вниманию: "Расщепление сознания в случае приобретенной истерии — это [...] намеренное действие, нередко осуществляемое актом свободной воли..." (7).

Как известно, возрастание интереса к бессознательным аспектам защиты и сопротивлениям привело Фрейда к переосмыслению понятия *Я* и построению второй теории психического аппарата.

2) Важным этапом этих изменений были метапсихологические сочинения (1915), в которых Фрейд утверждал: "...осознанность, единственный признак психических процессов, данный нам прямо и непосредственно, ни в коей мере не способен стать критерием различения между системами" (8а). Все это не означает отказа Фрейда от мысли, что сознание есть признак системы, ее обособившийся "орган": дело в том, что доступа в сознание еще недостаточно для определения места того или иного содержания в системах предсознательного или бессознательного: "Стремясь к метапсихологическому пониманию психики, мы не должны приписывать особого значения симптому "осознанности" (8b, β).

3) В теории психоаналитической терапии проблематика осознания и его действенности неизменно была главной темой размышлений. Укажем здесь лишь на соотносительную значимость и сложное взаимодействие различных факторов лечения: воспоминания и конструкции, повторения в трансфере и проработки, наконец, истолкования — которое не ограничивается общением на уровне сознания, но влечет за собой перестройку всей психики. "Психоаналитическое лечение опирается на воздействие Сз на Бсз и в любом случае свидетельствует о том, что эта задача сложна, но не безнадежна" (8с). Вместе с тем Фрейд все настойчивее подчеркивал, что сообщить больному толкование той или иной бессо-

знательной фантазии*, даже и вполне точное, совершенно недостаточно для общей перестройки его психики и поведения: "Если сообщить больному некогда вытесненное им и вычисленное нами представление, это поначалу ничего не изменит в его психическом состоянии. Прежде всего это не устранит вытеснения и не уничтожит его результатов..." (8d).

Осознание само по себе не приводит к включению вытесненного в систему предсознательного: его необходимо дополнить устранением сопротивлений, мешающих системам предсознательного и бессознательного сообщаться между собой, и установлением все более тесной связи между бессознательными мнесическими следами и их словесным выражением. Лишь в результате этой работы соотносятся "услышанное и пережитое, совершенно различные по своей психической природе, даже при полном сходстве их содержаний" (8е). Именно проработка* обеспечивает в конечном счете доступ психических содержаний в предсознательное.

α) Прилагательное bewusst означает "сознательный" в двояком смысле: активном (осознающий нечто) и пассивном (качество, присущее объекту сознания). В немецком языке существует целый ряд существительных с корнем bewusst. Bewusstheit — это качество объекта сознания, свойство осознанности. Bewusstsein — это сознание как психологическая реальность; это скорее деятельность, функция сознавания. Моральное сознание обозначается словом das Gewissen. Das Bewusste — осознанное — это скорее тип содержания, отличный от предсознательных и бессознательных содержаний. Das Bewusstwerden — осознание того или иного представления. Das Bewusstmachen — факт осознания определенного содержания.

β) Заметим по этому поводу, что все обозначения систем в первой теории психического аппарата строятся вокруг сознания: бессознательное, предсознательное, сознание.

(1) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. — a) G.W., XVII, 79, n.; S.E., XXIII, 157, n. ; франц., 18, n. — b) G.W., XVII, 79; S.E., XXIII, 157; франц., 18. — c) G.W., XVII, 83; S.E., XXIII, 161; франц., 24. — d) G.W., XVII, 84; S.E., XXIII, 162; франц., 25.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1897 — 1902. — a) Нем., 393; англ., 369; франц., 328. — b) Нем., 396; англ., 373; франц., 331. — c) Cf. Нем., 373 — 466; англ., 348 — 445; франц., 307 — 396. — d) Cf. Нем., 443 — 444; англ., 421 — 422; франц., 375 — 376. — e) Нем., 451; англ., 428 — 429; франц., 382.

(3) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II — III, 620; S.E., V, 615; франц., 500. — b) G.W., II — III, 622; S.E., V, 617; франц., 502. — c) G.W., II — III, 621; S.E., V, 616; франц., 501.

(4) Breuer (J.). Teoretisches. In: Studien über Hysterie, 1895. Нем., 164; S.E., II, 188 — 189; n.; франц., 149 — 150, n.

(5) Freud (S.). Notiz über den "Wunderblock", 1925. — a) G.W., XIV, 4 — 5; S.E., XIX, 228. — b) G.W., XIV, 6; S.E., XIX, 230.

(6) Freud (S.). a) G.W., XIII, 251; S.E., XIX, 24; франц., 178. — b) G.W., XIII, 252; S.E., XIX, 25; франц., 179.

(7) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 182; S.E., II, 123; франц., 96.

(8) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) G.W., X, 291; S.E., XIV, 192; франц., 139. — b) G.W., X, 291; S.E., XIV, 192; франц., 139. — c) G.W., X, 275; S.E., XIV, 175 — 176; франц., 110.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Нем.: Widerstand. — Франц.: résistance. — Англ.: resistance. — Исп.: resistencia. — Итал.: resistenza. — Португ.: resisténcia.

○ В ходе психоаналитического лечения сопротивлением называются все те слова и поступки анализируемого, которые мешают ему проникнуть в собственное бессознательное. В расширительном смысле Фрейд говорил о сопротивлении психоанализу как об установке на отторжение сделанных им открытий, поскольку они обнаруживали бессознательные желания и приводили человека в состояние "психологической угнетенности" (α).

□ Понятие сопротивления было введено Фрейдом очень рано: можно даже сказать, что оно сыграло решающую роль в основании психоанализа. В сущности, Фрейд отказался от гипноза и внушения из-за сильного сопротивления некоторых пациентов, которое казалось ему и обоснованным (β), хотя и непреодолимым, и недоступным истолкованию (γ). Напротив, психоанализ справляется с этими трудностями, постепенно выявляя сопротивления, которые выражаются прежде всего в различных способах нарушения пациентом основного правила*. Первый обзор различных форм сопротивления — явных или скрытых — мы находим в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie,1895) (1a).

Поначалу в сопротивлении видели препятствие на пути прояснения симптомов и продвижения вперед в лечении: "В конечном счете именно сопротивление препятствует [терапевтической] работе" (2a, δ). Фрейд пытался преодолеть сопротивление настойчивым противодействием и убеждением, но затем понял, что сопротивление и само по себе дает доступ к вытесненному и к тайне невроза, поскольку при сопротивлении и при вытеснении действуют одни и те же силы. В своих сочинениях по технике психоанализа Фрейд подчеркивал, что все достижения в этой области связаны с более глубоким пониманием сопротивления, или, иначе говоря, того клинического факта, что рассказать пациенту о смысле его симптомов недостаточно для того, чтобы избавить его от вытеснения. Как известно, Фрейд настаивал на том, что истолкование сопротивления и истолкование трансфера — это главные особенности психоаналитической техники. К тому же он считал, что трансфер, при котором повторение действий заменяется рассказом о воспоминаниях,— это тоже сопротивление; к тому же сопротивление использует трансфер, хотя само по себе его и не порождает.

Собственные взгляды Фрейда на сопротивление выявить труднее. В "Исследованиях истерии" изложена такая гипотеза: вос-

поминания как бы располагаются концентрическими кругами вокруг патогенного ядра, причем чем ближе к центральному ядру мы подходим, двигаясь от одного круга к другому, тем сильнее оказывается сопротивление (1b). С этого момента Фрейд трактовал сопротивление как силу, направленную *Я* против мучительных представлений: эта сила проявляется в ходе лечения из-за необходимости воспоминания. Он, по-видимому, видел источник сопротивления в силе отталкивания, порождаемой вытесненным как таковым, в трудностях осознания и особенно полного приятия вытесненного субъектом. Таким образом, здесь присутствует два различных объяснения: согласно первому, сила сопротивления зависит от степени удаленности вытесненного, согласно второму, сопротивление выполняет защитную функцию. В работах Фрейда по технике психоанализа присутствуют оба эти объяснения.

Однако во второй топике акцент сдвигается на тот момент сопротивления, который связан с защитой, причем эту защиту, как подчеркивается в ряде текстов, осуществляет *Я*. "Бессознательное, или, иначе говоря, "вытесненное", не оказывает никакого сопротивления усилиям врача. Оно фактически стремится лишь освободиться от давящей на него силы и проложить путь к сознанию или же к разрядке действием. Сопротивление во время лечения возникает в тех же самых высших слоях и системах психики, которые в свое время вызвали вытеснение" (3). Эту ведущую роль защиты, осуществляемой *Я*, Фрейд подчеркивал и в одной из последних своих работ: "...механизмы защиты от прежних опасностей вновь начинают действовать в форме *сопротивления* излечению. Это происходит потому, что *Я* видит в излечении новую опасность" (4a). С этой точки зрения, анализ сопротивлений целиком совпадает с анализом постоянных защит *Я*, проявляющихся в аналитической ситуации (Анна Фрейд).

Однако Фрейд считал, что ссылок на сопротивления *Я* недостаточно для понимания трудностей, возникающих в процессе психоаналитической работы и при ее завершении: аналитик сталкивается в своей практике с сопротивлениями, никак не выводимыми из изменений *Я** (4b).

В конце работы "Торможение, симптом, страх" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд говорил о пяти формах сопротивления. Три из них связаны с *Я*: это вытеснение, сопротивление трансферу и феномен вторичной выгоды от болезни, "основанный на включении симптома в *Я*". Кроме того, следует указать также на сопротивление бессознательного (или *Оно*) и на сопротивление *Сверх-Я*. Первое делает технически необходимой проработку* (Durcharbeiten) психических содержаний — это "... сила навязчивого повторения, притяжение вытесненных влечений бессознательными прообразами". Наконец, сопротивление

Сверх-Я обусловлено бессознательным чувством вины и потребностью в наказании (5a) (см.: Отрицательная терапевтическая реакция).

Эта попытка метапсихологической классификации не удовлетворила Фрейда; ее достоинством, однако, было то, что внутри- и межличностные феномены сопротивления могли отныне четко отграничиваться от механизмов защиты, внутренне присущих структуре *Я*. Вопрос о том, что собственно оказывает сопротивление, оставался для него открытым и нерешенным (ε). Помимо *Я*, "...которое цепко держится за свои противонагрузки"(5b), приходится видеть главное препятствие аналитической работе в некоем глубинном сопротивлении, о сущности которого Фрейд высказывал различные гипотезы, в любом случае подчеркивая, однако, его несводимость к защитным действиям (см.: Навязчивое повторение).

α) Эта мысль возникла в 1896 г.: "Я сталкиваюсь с такой враждебностью и живу в таком одиночестве, будто я действительно открыл великие истины" (2b).

О "психологической угнетенности" см. в работе "Трудность психоанализа" (Eine Schwierigkeit der Psychoanalyse,1917) (6).

β) "Когда на упорно сопротивляющегося больного прикрикнули: "Что вы делаете? Вы же мешаете внушению!", — я подумал про себя, что это несправедливость и насилие. Если человека пытаются подчинить внушением, он конечно же имеет право на "противовнушение" (7).

γ) Внушение "...не позволяет нам, в частности, заметить *сопротивление* пациента, цепляющегося за свою болезнь и тем самым мешающего собственному выздоровлению" (8).

δ) См. определение сопротивления в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900): "Все, что нарушает ход аналитической работы, есть сопротивление" (9).

ε) Читателю стоит обратиться к "Психоаналитической технике" Э. Гловера. Перечислив различные виды сопротивления как постоянные способы психической защиты, выявленные психоанализом, Гловер признал существование некоего остатка: "...перебрав все возможности сопротивления, возникающего на уровне *Я* и *Сверх-Я*, мы сталкиваемся с очевидным фактом повторения одной и той же совокупности представлений [...]. Мы полагали, будто устранение сопротивлений *Я* и *Сверх-Я* приводит к ослаблению давления, причем либо заряд сам по себе рассеется после взрыва, либо найдутся другие способы защиты, посредством которых удастся связать свободную энергию, как это происходит при образовании временных симптомов. А вместо этого мы, кажется, лишь дали новый толчок механизму навязчивого повторения, при котором *Оно* воспользовалось ослаблением защит *Я* и стало сильнее притягивать к себе предсознательные представления" (10).

(1) Freud (S.). a) G.W., I, 280; S.E., II, 278; франц., 225. — b) G.W., I, 284; S.E., II, 289; франц., 234.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. — a) Письмо от 27.10.1897. Нем., 172; англ., 161; франц., 143.

(3) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 17; S.E., XVIII, 19; франц., 19.

(4) Freud (S.). Die endliche und unendliche Analyse, 1937. — a) G.W., XVI, 84; S.E., XXIII, 238; франц., 24 — 25. — b) G.W., XVI, 86; S.E., XXIII, 241, франц., 27.

(5) Freud (S.). a) Cf. G.W., XIV, 191 — 193; S.E., XX, 158 — 160; франц., 87 — 89. — b) G.W., XIV, 191 — 193; S.E., XX, 158 — 160; франц., 87 — 89.

(6) Cf. Freud (S.).G.W., XII, 1—26; S.E., XVII, 137—144; франц., 137—147.

(7) Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 97; S.E., XVIII, 89: франц., 99.
(8) Freud (S.). Über Psychotherapie, 1904. G.W., V, 18; S.E., VII, 261; франц., 14.
(9) Freud (S.). G.W., II — III, 521; S.E., V, 517; франц., 427.
(10) Glover (Ed.). Англ., London, Baillière, 1955; франц., Paris, P.U.F., 1958, 94 — 95.

СОСТОЯНИЕ ГИПНОИДНОЕ

Нем.: Hypnoider Zustand. — Франц.: état hypnoïde. — Англ.: hypnoid state. — Исп.: estado hipnoide. — Итал.: stato ipnoide. — Португ.: estado hipnóide.

○ Термин Брейера: состояние сознания, аналогичное тому, которое возникает при гипнозе; в этом состоянии содержания сознания лишь ограниченно входят или даже вовсе не входят в ассоциативные связи с остальными проявлениями душевной жизни; в результате образуются отдельные группы ассоциаций.

■ Понятие гипноидного состояния приписывается Й.Брейеру, однако сам Брейер ссылался на П.Мебиуса как на своего предшественника.

Брейер пришел к понятию гипноидного состояния, наблюдая отношения между гипнозом и истерией, особенно сходство между рядом симптомов, вызванных гипнозом, и рядом истерических симптомов. События, воспринятые субъектом во время гипноидного состояния (например, приказы гипнотизера), сохраняют для субъекта свою независимую действенность; они могут вновь повториться либо во время другого сеанса гипноза, либо в состоянии бодрствования — в поступках субъекта, по видимости бессмысленных, оторванных от его теперешней ситуации. Гипноз и его последствия дают экспериментальную модель того, что́ в поведении истерика несовместимо с собственными побуждениями субъекта.

Таким образом, гипноидные состояния — это лежащие у истоков истерии естественные прообразы искусственно вызванных гипнотических состояний. "Оно (гипнотическое состояние) неизбежно предполагает своего рода пустоту сознания, при которой возникающее представление не встречает сопротивления со стороны других представлений, так что властвовать будет тот, кто придет первым" (α).

По Брейеру, гипноидные состояния возникают под воздействием двух условий: грезящего состояния (греза наяву, сумеречное сознание) и аффекта, причем спонтанное состояние самогипноза возникает, когда "... в обычное грезящее состояние

включена эмоция" (1a). Некоторые ситуации — состояние влюбленности, уход за заболевшим близким человеком — способствуют совмещению этих двух факторов: "Во время дежурства у постели больного тишина, сосредоточенность мыслей на одном-единственном объекте, напряженное прислушивание к дыханию больного — все это создает как раз те условия, которых требуют процедуры гипноза, и вызывает в человеке, находящемся в сумеречном состоянии, чувство тревоги" (1b). В конечном счете гипноидные состояния, по Брейеру, могут порождаться каким-либо одним из этих факторов: преобразованием грезы в самогипноз без вмешательства аффекта или живой эмоцией (например, испугом*), парализующей ход ассоциаций.

В "Предварительном сообщении" (Vorläufige Mitteilung, 1893) Брейера и Фрейда вопрос ставится несколько иначе: речь идет не о роли грезы и аффекта в возникновении гипноидных состояний, но скорее о роли гипноидного состояния и травмирующего аффекта в происхождении истерии: если травма может вызвать гипноидное состояние или же сама возникает во время такого состояния, значит гипноидное состояние может стать патогенным и само по себе.

Патогенность гипноидного состояния заключается в том, что вызванные им представления оторваны от "ассоциативного обмена", а значит, и от всякой "ассоциативной обработки*". Они образуют "отдельную группу психических явлений", заряженную аффектом, который либо распространяется на все содержание сознания, либо (если этого не происходит), соединяется с другими такими же группами. Так возникает расщепленность душевной жизни (особенно очевидная при раздвоении личности), свидетельствующая о разложении психики на сознательное и бессознательное.

Брейер считал гипноидное состояние основным условием истерии. Фрейд поначалу отметил все положительное, что он видел в этой теории (особенно по сравнению с концепцией Жане) как попытке объяснить свойственные истерии «...расщепленность сознания и образование отдельных групп психических явлений" (2a). Там, где Жане исходил в своей трактовке из "...внутренней слабости психического синтеза и узости "поля сознания" (2b) (β), Брейер убедительно показал, что расщепленность сознания, характерную для истерии, можно объяснить особенностями гипноидных состояний.

Однако вскоре Фрейд открыл истерию защиты*, ограничив тем самым значение взглядов Брейера.

В конечном итоге он задним числом решительно осудил взгляды Брейера: "Гипотеза о гипноидных состояниях принадлежит всецело Брейеру. Это понятие представляется мне поверхностным и

ошибочным, поскольку оно разрывает преемственность в постановке проблемы, которая связана с самой природой психологических процессов, как она раскрывается посредством истерических симптомов" (3).

α) Ср. определение Мебиуса в Über Astasie-Abasie, 1894, приводимое Брейером в "Теоретических размышлениях" (Theoretisches, 1895) (1c).

β) Фактически Жане видел в предмете больше деталей: с одной стороны, он признавал значение травмы; с другой стороны, он не считал, что "умственная слабость" непременно должна быть врожденной (4).

(1) Breuer (J.). и Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. — a) Нем., 191; S.E., II, 218 — 219; франц., 175. — b) Нем., 191; S.E., II, 219; франц., 175. — c) Нем., 188; S.E., II, 215; франц., 172.

(2) Freud (S.). Die Abwehr-Neuropsychosen, 1894. — a) G.W., I, 60; S.E., III, 46. — b) G.W., I, 60; S.E., III, 46.

(3) Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. G.W., V, 185, n.; S.E., VII, 27, n.; франц., 17, n.

(4) Ср. в особенности: Janet (P.). L'état mental des hysteriques. Paris, Alcan, 1892, 635 — 637.

СТАДИЯ АНАЛЬНО-САДИЧЕСКАЯ

Нем.: sadistisch-anale Stufe (или Phase). — Франц.: stade sadique-anale — Англ.: anal-sadistic stage. — Исп.: fase analsádica. — Итал.: fase sadico-anale. — Португ.: fase anal-sádico.

● По Фрейду, второй этап либидинального развития — между двумя и четырьмя годами; он характеризуется ведущим положением анальной эрогенной зоны; объектное отношение на этом этапе насыщено значениями, связанными с функцией дефекации (удержание — выталкивание) и символической ценностью фекалий; овладение мышечными действиями ставится в связь с утверждением садомазохизма.

■ Прежде всего Фрейд определил черты анального эротизма у взрослых и описал его механизмы у ребенка при дефекации и удержании фекальных масс (1).

Именно анальный эротизм лег в основу мысли о догенитальной организации либидо. В статье "Характер и анальный эротизм" (Charakter und Analerotik, 1908) (2) Фрейд выявил связь трех широко распространенных черт характера у взрослых (любовь к порядку, скупость и упрямство) с анальным эротизмом у ребенка.

В "Предрасположенности к неврозу навязчивых состояний" (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913) впервые появляется понятие *догенитальной организации* с преобладанием садистского и анально-эротического влечения: при этом, как и на генитальной стадии,

сохраняется связь с внешним объектом. "Окончательному упорядочению предшествует еще одна стадия, на которой частичные влечения уже собраны воедино и подготовлены к выбору объекта, а объект уже противопоставлен субъекту как нечто ему чуждое, однако ведущее положение генитальных зон еще не установилось" (3).

При последующих переделках "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1915,1924) анальная стадия была представлена как одно из догенитальных образований и размещена между оральной и фаллической организациями. Именно на этой стадии впервые возникает противоположность между активностью и пассивностью*. По Фрейду активность совпадает с садизмом, а пассивность — с анальным эротизмом, причем он приписывал соответствующим частичным влечениям особый источник: так, для влечения к овладению* (Bemächtigungstrieb) — это мышечная система, а для анального эротизма — слизистая оболочка ануса (anal mucous).

В 1924 г. К.Абрахам предложил разграничить внутри анально-садической стадии два этапа, а внутри каждого из них выделить два противоположных типа поведения по отношению к объекту(4). На первом этапе анальный эротизм связан с испражнением, а садистское влечение — с разрушением объекта; на втором этапе анальный эротизм связан с удержанием [фекалий], а садистское влечение — с самоконтролем и самообладанием. Для Абрахама переход от одной фазы к другой означал решительный сдвиг в сторону любви к объекту: об этом свидетельствует и тот факт, что водораздел между невротическими и психотическими регрессиями проходит как раз между этими двумя этапами.

Какова связь между садизмом и анальным эротизмом? Аналогом садизму с его амбивалентностью (т. е. противоречивым стремлением одновременно и к разрушению объекта, и к сохранению своей власти над ним) выступает двухфазное функционирование анального сфинктера (удержание — выталкивание) и контроль над ним.

На анальной стадии символические ценности дара и отказа связываются с процессом дефекации; здесь Фрейд усматривал символическое равенство фекалий, дара и денег (5).

(1) Cf. Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V. 86 — 88; S.E., VII, 185 — 187; франц., 79 — 82.

(2) Cf. Freud (S.). G.W. VII, 203 — 209; S.E., IX, 169 — 175.

(3) Freud (S.). G.W., VIII, 446 — 447; S.E., XII, 321; франц. In: R.F.P., 1929, III, 3, 442.

(4) Cf. Abraham (K.). Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924, 258 — 265.

(5) Cf. Freud (S.). Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917. G.W., X, 402 — 410; S.E., XVII, 127 — 133.

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА

Нем.: Spiegelstufe. — Франц.: stade de miroir. — Англ.: mirror stage. — Исп.: fase del espejo. — Итал.: stadio dello specchio. — Португ.: fase do espelho.

● По Лакану, этап становления человеческого существа между 6 и 18 месяцами (α); беспомощный младенец, не способный к координации движений, предвосхищает в своем воображении целостное восприятие своего тела и овладение им. Этот единый образ достигается посредством отождествления с образом себе подобного как целостной формой; конкретный опыт такого построения единого образа — восприятие ребенком своего отражения в зеркале.

Стадия зеркала представляет собой матрицу и набросок будущего *Я*.

■ Концепция стадии зеркала — одно из ранних открытий Ж. Лакана, представленное в 1936 г. на конгрессе в Мариенбаде (1a).

Эта концепция опирается на ряд экспериментальных данных:

1) на данные детской и сравнительной психологии относительно поведения ребенка перед своим отражением в зеркале (2). Лакан подчеркивал "восторженное приятие [ребенком] своего образа, сопровождающееся ликующей мимикой и игрой в самотождественность собственного образа, и контроль за ним" (3a);

2) данные этологии животных о некоторых следствиях зрительного восприятия себе подобного (3b) на биологическое созревание и структурирование организма.

Значение стадии зеркала связано, по Лакану, с незрелостью новорожденного (β), объективно обусловленной анатомической незрелостью пирамидной системы и отсутствием двигательной координации в первые месяцы жизни (γ).

*

1) Стадия зеркала — это важнейший момент в формировании структуры субъекта, первый набросок *Я*. Фактически младенец видит в образе себе подобного или же в собственном зеркальном отражении форму (Gestalt), предвосхищающую то телесное единство, которого ему объективно недостает: он ликует, отождествляя себя с этим отражением. Этот первичный опыт становится основой воображаемого характера *Я*, предстающего в качестве "Я идеального" и "начала всех вторичных отождествлений" (1b). Как мы видим, с этой точки зрения, субъект несводим к *Я* — к той воображаемой инстанции, в которой он себя отчуждает.

2) По Лакану, межличностное отношение, отмеченное воз-

действием стадии зеркала,— это отношение воображаемое, дуальное, агрессивно напряженное, представляющее *Я* как другого, а другого — как alter ego (см.: Воображаемое).

3) Эта концепция сходна с фрейдовской трактовкой перехода от автоэротизма* (предшествующего построению *Я*) к нарциссизму* в собственном смысле слова: то, что Лакан называл "расщепленным телом", относится тогда к первому этапу, а стадия зеркала — к этапу возникновения первичного нарциссизма. Однако здесь есть и важное различие: у Лакана именно стадия зеркала ретроспективно порождает фантазм расщепленного тела. Это диалектическое отношение проявляется в ходе психоаналитического лечения: иногда страх по поводу расщепления тела порождается нарциссическим самоотождествлением, а иногда все происходит прямо противоположным образом.

α) Слово "фаза" (поворотный момент), несомненно, подошло бы в данном случае больше, чем "стадия" (этап психобиологического созревания); на это указывал и сам Лакан (1957).

β) Фрейд тоже подчеркивал эту важнейшую мысль о незрелости человеческого существа при рождении. Ср. наш комментарий в статье о *состоянии беспомощности* и особенно приводимый в нем отрывок из "Торможения, симптома, страха" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926).

γ) Ср. работы эмбриологов, в особенности Луиса Болка (1866 — 1930), о фетализации (формировании зародыша). (4)

(1) Lacan (J.). Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je, telle qu' elle nous est revélée dans l'expérience psychanalytique. In: R.F.P., 1949, XIII, 4. — a) 449 — 455. — b) 450.

(2) См. в особенности: Wallon (H.). Comment se développe chez l'enfant la notion du corps propre. In: Journal de Psychologie, 1931. 705 — 748.

(3) Lacan (J.). Propos sur la causalité psychique. In: L' Évolution psychiatrique, 1947. — a) 34. — b) 38 — 41.

(4) Cf. Bolk (L.). Das Problem der Menschenwerdung, 1926. Франц. In: Arguments, 1960, 18, 3—13

СТАДИЯ (ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЯ) ГЕНИТАЛЬНАЯ

Нем.: genitale Stufe (или Genitalorganisation). — Франц.: stade (или organisation) génital. — Англ.: genital stage (или organisation). — Исп.: fase или organizacion genital. — Итал.: fase (или organizzazione) genitale. — Португ.: fase (или organização) genital.

○ Стадия в психосексуальном развитии, для которой характерно господство влечений, связанных с генитальными зонами, над частичными влечениями; включает два этапа, отделенные друг от друга латентным периодом: это фаллическая стадия (или, иначе, инфантильная генитальная организация) и собственно генитальная организация, которая возникает на стадии половой зрелости.

Некоторые авторы называют "генитальной организацией" второй этап и считают фаллический этап догенитальным образованием.

■ Судя по первому изданию "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie,1905), для Фрейда поначалу существовала лишь одна сексуальная организация — генитальная, возникающая в период половой зрелости в противоположность "полиморфной извращенности" и "автоэротизму" детской сексуальности. Впоследствии эта первоначальная концепция Фрейда претерпевает ряд изменений:

1) вычленяются также догенитальные организации (1913,1915) (См.: Организация).

2) В добавленной к "Трем очеркам" главе "Фазы развития сексуальной организации" излагается мысль о том, что выбор сексуального объекта происходит уже в детстве: "Все сексуальные побуждения направлены на одного человека и ищут в нем удовлетворения. Таким образом, уже в детские годы складывается форма сексуальности, похожая на сексуальность в ее окончательной форме, которая складывается после наступления половой зрелости. Единственное различие между ними в том, что у ребенка вовсе не происходит синтез частичных влечений под началом генитальной зоны или же это осуществляется не полностью. Генитальная сфера начинает господствовать (в связи с размножением) лишь на заключительной стадии сексуального развития" (1).

3) Концепция, подытоженная в этой последней фразе, подвергается сомнению, когда Фрейд признает, что "генитальная организация", называемая им фаллической, существует и в латентный период, причем ее единственное отличие от постпубертатной генитальной организации в том, что для обоих полов в роли единственного генитального органа выступает в это время фаллос* (1923) (см.: Стадия фаллическая).

Как мы видим, размышления Фрейда о психосексуальном развитии приводили его к все большему сближению между детской и взрослой сексуальностью. Однако при этом сохраняла силу и первая концепция, согласно которой частичные влечения объединяются и соотносятся друг с другом по иерархическому принципу лишь с наступлением половой зрелости, когда удовольствие в негенитальных эрогенных зонах начинает выступать как "предварительное" по отношению к оргазму и т.д.

Вот почему Фрейд настаивал на том, что для детской сексуальной организации характерна несогласованность между эдиповскими требованиями и уровнем биологического развития (2).

(1) Freud (S.). G.W., V, 100: S.E., VII, 199; франц., 97.

(2) Cf. Freud (S.). Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924. G.W., XIII, 395 — 402; S.E., XIX, 173 — 179; франц., 394 — 399.

СТАДИЯ ЛИБИДИНАЛЬНАЯ

Нем.: Libidostufe (или -phase). — Франц.: stade libidinal. — Англ.: libidinal stage (или phase). — Исп.: fase libidinosa. — Итал.: fase libidica. — Португ.: fase libidinal.

● Стадия в развитии ребенка, которая характеризуется более или менее ярко выраженной организацией* либидо при ведущем положении той или иной эрогенной зоны и преобладании той или иной формы объектного отношения*. В психоанализе понятие стадии приобретает более широкое значение при определении стадий эволюции *Я*.

■ Когда в психоанализе говорят о стадиях, обычно имеют в виду стадии эволюции либидо. Однако интерес Фрейда к "возрастам", "эпохам" или "периодам" развития возникает раньше понятия либидинальной организации, фактически одновременно с открытием истоков психоневротических заболеваний в детском опыте. Так, в 1896 — 1897 гг. Фрейд в своей переписке с В. Флиссом, самостоятельно разработавшим целостную теорию периодов развития (1), стремился установить в детский и переходный периоды последовательность стадий, которую можно было бы определить более или менее точно, причем эта попытка была тесно связана с понятием последействия* и теорией соблазнения*, которые Фрейд разрабатывал в это время. Некоторые из периодов, о которых идет речь ("эпохи событий" — Ereigniszeiten), выступают при этом как периоды "сексуальных сцен", а другие — как "эпохи вытеснения" (Verdrängungszeiten). Эта смена периодов, по Фрейду, лежит в основе "выбора невроза": "Различия неврозов обусловлены временем возникновения сексуальных сцен [...]. Эпохи вытеснения не имеют отношения к выбору невроза, а периоды событий играют здесь решающую роль" (2a). Наконец, переход от одного периода к другому связан с расчленением психического аппарата* на различные системы "записи", причем оба эти перехода — от эпохи к эпохе и от системы к системе — уподобляются более или менее удачному "переводу" (2b).

Вскоре у Фрейда возникает мысль о наличии взаимосвязей между последовательностью этих периодов и соответственно преобладанием или отходом на задний план определенных "сексуальных зон" или "эрогенных зон" (анус, рот и глотка, у девочек — клитор). О развитии этой мысли свидетельствует, например, письмо от 14.11.1897: здесь так называемый нормальный процесс вытеснения ставится в прямую зависимость от замены одной сексуальной зоны другой зоной, от "упадка" влияния той или иной сексуальной зоны.

Все эти мысли во многом предвосхищают то, что в своем

окончательном виде станет теорией стадий либидинального развития. Удивительно, однако, что мы не находим этих идей в первом фрейдовском изложении сексуальной эволюции: позднее они вновь возникают в уточненной форме. В издании 1905 г. "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie) главное противопоставление развертывается между, с одной стороны, сексуальностью подростка и взрослого, предполагающей ведущее положение гениталий, и, с другой стороны, детской сексуальностью с характерным для нее разнообразием сексуальных целей и соответствующих эрогенных зон (ни о преобладании одной из них, ни о выборе объекта говорить в данном случае не приходится). Подчеркивая эту противоположность, Фрейд стремился прояснить свою мысль об изначально извращенном и полиморфном характере сексуальности (см.: Сексуальность; Автоэротизм).

Между 1913 и 1923 г. Фрейд уточнил эту мысль понятием о догенитальных стадиях — оральной*, анальной*, фаллической*.

Эти стадии характеризуются особым способом организации* сексуальной жизни. Преобладания той или иной эрогенной *зоны* недостаточно, чтобы объяснить нормативно-упорядочивающий смысл понятия стадии. Это понятие берет за основу поведение, безусловно, связанное с определенной эрогенной зоной, но встречающееся и на других уровнях объектного отношения*. Так, инкорпорирование, или поглощение, характерное для оральной стадии, оказывается составной частью многих фантазмов, не связанных с едой ("есть глазами", например).

Таким образом, хотя психоанализ обнаружил различные эволюционные процессы, именно либидинальное развитие стало для него прообразом понятия стадии.

1) Фрейд построил временнýю последовательность [стадий], отличных друг от друга доступом к тому или иному либидинальному объекту: так, субъект последовательно проходит этапы автоэротизма*, нарциссизма*, гомосексуального и, наконец, — гетеросексуального выбора объекта (3).

2) Другой подход предполагает выявление различных этапов развития на пути от господства принципа реальности над принципом удовольствия. Попытка его систематизации была сделана Ш. Ференци (4).

3) По мнению ряда авторов, лишь процесс формирования *Я**

позволяет понять переход от принципа удовольствия к принципу реальности, причем *Я* "...выступает в этом процессе как независимая переменная"(5). Так, именно развитие *Я* позволяет отграничить себя [self] от окружающего мира, отсрочить удовлетворения, так или иначе овладеть своими побуждениями и влечениями и т.д.

Фрейд призывал к внимательному изучению развития *Я* и его стадий, однако сам он этим путем не пошел. Впрочем, при постановке этой проблемы, например в "Предрасположенности к неврозу навязчивых состояний" (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913), понятие *Я* еще не имело ни четкого смысла, ни своего собственного места, приобретенных им в "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923). Так, Фрейд предполагал, что "...предрасположенность к неврозу навязчивостей зависит и от момента развития *Я* в связи с развитием либидо", признавая при этом, что "...стадии развития влечений *Я* пока еще нам мало известны" (6).

Отметим также, что и Анна Фрейд в работе "*Я* и механизмы защиты" (Das Ich und die Abwehrmechanismen, 1936) (7) отказалась от попыток установить временнýю последовательность в развитии защитных механизмов *Я*.

Складываются ли эти различные подходы в общую картину? Наиболее широкий подход к установлению соответствий между различными стадиями был выдвинут Абрахамом (Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelicher Störungen, 1924) (8) и дополнен Робертом Флиссом (9).

Сам Фрейд не предпринимал попыток построить общую теорию стадий, которая включала бы не только развитие либидо, но также эволюцию защит, *Я* и т.д.; подобная теория, опираясь на объектное отношение как ключевое понятие, должна была бы охватить единым взглядом эволюцию личности в целом. По-видимому, дело тут не просто в незавершенности фрейдовской мысли: ведь для Фрейда несовпадение между различными эволюционными линиями и возможность диалектических отношений между ними — это одна из главных причин возникновения невроза.

И потому, хотя фрейдовская теория весьма способствовала распространению понятия стадиальности в истории психологии, она, однако, была далека по своим главным установкам от генетической психологии с ее стремлением включить каждый момент развития в совокупную объемлющую структуру (10).

(1) Cf. Kris (E.). Предисл. к Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse , 1887 — 1902. Нем., 9 — 12; англ.: 4 — 8; франц., 2 — 6.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. — a) Нем., 175 — 176; англ., 163 — 165; франц., 145 — 146. — b) Ср. нем., 185 — 192; англ., 173 — 181; франц., 153 — 160.

(3) Cf. Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. G.W., VIII, 296 — 297; S.E., XII, 60 — 61; франц., 306.

(4) Cf. Ferenczi (S.). Stages in the development of the Sense of Reality, 1913. In: First Contributions.

(5) Hartmann (H.), Kris (E.) et Loewenstein (M.). Comments on the Formation of Psychic Structure. In: Psa. Study of the Child, II, 1946, II — 38.

(6) Freud (S.). Die Dispositionen zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 451; S.E., XII, 325; франц. In: R.F.P., 1929, III, 3, 446.

(7) Cf. Freud (A.). Франц., Paris, P.U.F., 46 — 47.

(8) Cf. Abraham (K.). Франц., II, 255 — 313. Passim.

(9) Cf. Fliess (R.). An ontogenetic Table. In: Ps. Read., 1942, 254 — 255.

(10) Cf. Symposium de l' Association de Psychologie scientifique de Langue française, divers auteurs, Geneve, 1955, Le problème des stades en psychologie de l'enfant. Paris, P.U.F., 1956.

СТАДИЯ ОРАЛЬНАЯ

Нем.: Orale Stufe (или Phase). — Франц.: stade orale. — Англ.: oral stage. — Исп.: fase oral. — Итал.: fase orale. — Португ.: fase oral.

○ Первая стадия либидинального развития, на которой сексуальное удовольствие связано преимущественно с возбуждением ротовой полости и губ в процессе поглощения пищи. Процесс питания определяет те значения, посредством которых преимущественно выражается и организуется объектное отношение; например, любовь к матери выражается следующими значениями: есть, быть съеденным.

Абрахам предложил подрасчленить эту стадию на два различных вида деятельности: сосание (ранняя оральная стадия) и кусание (орально-садическая стадия).

◘ В первом издании "Трех очерков по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) Фрейд описывал оральную *сексуальность* у взрослых (извращение или подготовка к сексуальному акту) и у детей, опираясь на наблюдения педиатра Линднера (мастурбационное значение сосания пальца) (1a). Однако здесь еще Фрейд не говорил ни об оральной, ни об анальной *стадии* или организации.

Однако с этого момента Фрейд стал видеть в сосании пример того, как сексуальное влечение, поначалу лишь примыкающее* к жизненно значимой функции, приобретает самостоятельность и начинает удовлетворяться автоэротическим способом. Поскольку прообразом фиксации желания на определенном объекте послужил оральный опыт, можно предположить, что черты этого первоначального опыта не всегда сохраняются в желании и способах его удовлетворения.

В 1915 г., уже признав существование особой анальной организации, Фрейд описывал оральную или каннибалическую стадию как первую стадию сексуальности. Источник здесь — оральная зона, объект — пища, цель — поглощение (инкорпорирование*) (1b). Таким образом, акцент ставится уже не просто на эрогенную зону с характерным для нее типом возбуждения и удовольствия, но и на особый способ отношения — поглощение: психоанализ связывает его в детских фантазиях не только с ротовой полостью, но и с другими функциями (например, дыхание, зрение).

По Фрейду, противоположность активности* и пассивности*, характерная для анальной стадии, не свойственна оральной стадии. К. Абрахам вычленил внутри орального периода разные стадии и разные отношения, обнаружив раннюю стадию собственно сосания (она близка к тому, что Фрейд поначалу описывал в качестве оральной стадии) и орально-садическую* стадию, наступающую одновременно с появлением зубов, когда кусание и поглощение связываются с разрушением объекта; здесь же мы встречаем фантазм: мать, поедающая ребенка (2).

Интерес к объектным отношениям привел некоторых психоаналитиков (в особенности, М. Кляйн, Бертрама Левина) к более глубокому пониманию роли оральной стадии.

(1) Cf. Freud (S.). a) G.W., V, 80; S.E., VII, 179; франц., 72. — b) G.W., V, 98; S.E., VII, 198; франц., 95.

(2) Cf. Abraham (K.). Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924. Франц., II, 272 — 278.

СТАДИЯ ОРАЛЬНО-САДИЧЕСКАЯ

Нем.: oral-sadistische Stufe (или Phase). — Франц.: stade sadique-oral. — Англ.: oral-sadistic stage. — Исп.:fase oral-sádica. — Итал.: fase sadico-orale. — Португ.: fase oral-sádica.

● По Абрахаму, второй этап оральной стадии связан с появлением зубов и кусанием. Поглощение объекта осмысляется как разрушение, что сразу же вводит в действие объектное отношение со всей его амбивалентностью.

◘ В "Наброске истории развития либидо, основанной на психоанализе психических расстройств" (Versuch einer Entwiklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924), К.Абрахам различал внутри оральной стадии раннюю, или "доамбивалентную", стадию сосания и орально-садическую стадию, которая соответствует появлению зубов; кусание и поглощение предполагают здесь разрушение объекта и порождают амбивалент-

ность* влечений (либидо и агрессивность направлены на один и тот же объект).

У М.Кляйн оральный садизм приобретает еще большее значение: для нее оральный садизм — это вершина детского садизма. Однако в отличие от Абрахама она считает, что садистские тенденции существуют изначально: "...агрессивность — это самое первое отношение ребенка к материнской груди, хотя на этой стадии оно, как правило, и не выражается укусами" (1). "Либидинальное желание сосать сопровождается разрушительной целью — всосать, опустошить, исчерпать сосанием" (2). М.Кляйн опровергала абрахамовское разграничение между сосанием и кусанием в пределах оральной стадии: для нее оральная стадия целиком предстает как орально-садическая.

(1) Klein (M.). Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant, 1952. In: Developments, 206, n. 2.

(2) Heimann (P.) и Isaacs (S.). Regression, 1952. In: Developments, 185 — 186.

СТАДИЯ ФАЛЛИЧЕСКАЯ

Нем.: phallische Stufe (или Phase). — Франц.: stade phallique. — Англ.: phallic stage (или phase). — Исп.: fase fálica. — Итал.: fase falica. — Португ.: fase fálica.

● Стадия детской организации либидо, которая следует за оральной и анальной стадиями; для нее характерно подчинение частичных влечений гениталиям. На этой стадии, в отличие от генитальной организации пубертатного периода, ребенок любого пола признает лишь один половой орган — мужской, так что различие полов для него тождественно противопоставлению фаллического и кастрированного. Фаллическая стадия — это вершина и одновременно угасание Эдипова комплекса; для нее характерно преобладание комплекса кастрации.

■ Понятие фаллической стадии (α) возникает у Фрейда довольно поздно — в явном виде лишь в 1923 г. (Die infantile Genitalorganisation). Оно было подготовлено всей эволюцией взглядов Фрейда на последовательность стадий организации либидо и примата фаллоса*; постараемся яснее разграничить эти две линии рассуждения.

1) В том, что касается первого подхода, вспомним, что Фрейд поначалу (1905) противопоставлял детскую сексуальность постпубертатной именно по признаку отсутствия организации: для ребенка анархия частичных влечений прекращается лишь с наступлением половой зрелости с характерным для нее приматом генитальной зоны. Конечно, обращение к догенитальным типам организации,

анальному и оральному (1913, 1915), поставило под сомнение былые привилегии генитальной зоны в организации либидо, однако пока речь шла лишь о "зачатках и предварительных этапах" (1a) организации* в собственном смысле слова. "Соединения частичных влечений и подчинения их генитальным органам покамест вообще не происходит, или же происходит лишь частично" (1b). Введя понятие фаллической фазы, Фрейд признал, что уже в детстве существует настоящая сексуальная организация, сходная с сексуальной организацией у взрослого и "заслуживающая названия генитальной организации, в которой мы находим сексуальный объект и сексуальные побуждения, в известной мере сосредоточенные на этом объекте, при том, однако, отличии от окончательно сложившейся сексуальной организации у взрослого, что на этой стадии признается лишь один тип половых органов — мужской" (1c).

2) Эта мысль о первичности фаллоса неявно присутствует в текстах, написанных раньше 1923 г. Уже в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) содержатся следующие две мысли по этому поводу:

а) либидо имеет "мужскую природу — как у женщин, так и у мужчин" (1e);

б) "у девочки главная эрогенная зона — клитор, подобный мужской генитальной зоне — пенису" (1f, 2).

Анализ случая Маленького Ганса выявляет комплекс кастрации: иначе говоря, мальчик стоит перед выбором — обладать фаллосом или подвергнуться кастрации. В статье "О трех детских теориях сексуальности" (1908), где, как и в "Трех очерках", сексуальность рассматривается с точки зрения мальчика, подчеркнут особый интерес девочки к пенису, ее зависть к пенису и чувство ущербности по сравнению с мальчиком.

*

Суть фрейдовского подхода к фаллической фазе излагается в трех его статьях: "Детская генитальная организация" (Die infantile Genitalorganisation,1923); "Угасание Эдипова комплекса" (Der Untergang des Ödipuskomplexes, 1924); "Несколько психических следствий анатомического различия между полами" (Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds, 1925). В общем виде фаллическая фаза, по Фрейду, характеризуется следующими признаками:

1) с генетической точки зрения, "пара противоположностей"

активность — пассивность*, преобладающая на анальной стадии, преобразуется в пару фаллическое — кастрированное; противоположность мужское — женское* возникает лишь с наступлением половой зрелости.

2) Существование фаллической фазы играет важнейшую роль по отношению к Эдипову комплексу: фактически угасание Эдипова комплекса (у мальчика) обусловлено угрозой кастрации, а воздействие этой угрозы, в свою очередь, связано как с нарциссическим интересом мальчика к своему пенису, так и с открытием отсутствия пениса у девочки (см.: Комплекс кастрации).

3) У девочек тоже существует фаллическая организация. Факт различия полов возбуждает у девочки *зависть к пенису**, что, в свою очередь, ведет — в отношениях с родителями — к злобе на мать, не давшей ей пениса, и к выбору отца как объекта любви, от которого можно получить либо пенис, либо его символический эквивалент — ребенка. Таким образом, развитие девочки не симметрично развитию мальчика (по Фрейду, девочка не знает о существовании влагалища), хотя оба пути сосредоточены вокруг фаллического органа.

Вопрос о роли фаллической фазы, особенно у девочки, породил в истории психоанализа множество дискуссий. Те авторы (К.Хорни, М.Кляйн, Э.Джонс), которые признают своеобразие сексуальных ощущений у девочки (в особенности интуитивное изначальное знание о существовании влагалища), считают фаллическую стадию лишь вторичным образованием защитного характера.

α) Можно также использовать термины "фаза" (phase) или "установка" (position): они подчеркивают скорее интерсубъективный момент, связанный с эдиповской диалектикой, нежели наличие особой стадии либидинального развития.

(1) Freud (S.). Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) G.W., V, 98; S.E., VII, 197 — 198; франц., 95 (добавл. 1915). — b) G.W., V, 100; S.E., VII, 199; франц., 97 (добавл. 1915). — c) G.W., V, 100; S.E., VII, 199; франц., 182 (примеч. добавл. в 1924). — d) G.W., V, 120; S.E., VII, 219; франц., 129. — e) G.W., V, 121; S.E., VII, 220; франц., 129.

(2) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887 — 1902. Письмо от 13.11.1897: Нем., 244 — 249; англ., 229 — 235; франц., 203 — 208.

СТРАХ АВТОМАТИЧЕСКИЙ

Нем.: automatische Angst. — Франц.: angoisse automatique. — Англ.: automatic anxiety. — Исп.: angustia automática. — Итал.: angoscia automatica. — Португ.: angústia automática.

● Устойчивая реакция субъекта в травматической ситуации, т. е. при

потоке внутренних и внешних возбуждений, которым субъект не в силах управлять. Автоматический страх Фрейд противопоставляет сигналу тревоги*.

◘ Это выражение введено Фрейдом в его теории страха, изложенной в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926); понять его можно в сопоставлении с особым сигналом тревоги.

Страх в обоих этих случаях — "...как автоматически возникающее явление и как сигнал тревоги — свидетельствует о психической беспомощности младенца как следствии его биологической беспомощности" (1). Автоматически возникающий страх — это спонтанный ответ организма на травматическую ситуацию или на ее повторение.

Под "травматической ситуацией" подразумевается неуправляемый прилив слишком разных и слишком сильных возбуждений; это старая мысль Фрейда — она встречается уже в самых первых его сочинениях, где страх выступает как результат накопления либидинального напряжения при отсутствии разрядки.

Выражение "автоматический страх" предполагает определенный тип реакции; оно ничего не говорит об источнике — внутреннем или внешнем — возбуждений, приводящих к травме.

(1) Freud (S.). G.W., XIV, 168; S.E. XX, 138; франц. 62.

СТРАХ ПЕРЕД РЕАЛЬНОСТЬЮ

Нем.: Realangst. — Франц.: angoisse devant un danger réel. — Англ.: realistic anxiety. — Исп.: angustia real. — Итал.: angoscia (di fronte a una situazione reale). — Португ.: angustia real.

● Понятие второй теории страха у Фрейда: страх перед внешней опасностью, которая представляет для субъекта реальную угрозу.

◘ Немецкий термин Realangst вводится в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926).

1) Real — субстантивный элемент; это не определение страха, но указание на его источник. Страх перед реальной опасностью противопоставляется страху перед влечением. Ряд авторов (особенно А.Фрейд) считают, что влечение может вызывать страх лишь в связи с реальной опасностью; однако большинство психоаналитиков признают, что существует и страх перед самим влечением.

2) Выражение "страх перед реальностью" не вполне удачно:

может показаться, что источник страха — это сама реальность, тогда как речь может идти лишь о некоторых (особых) ситуациях. Вот почему мы предлагаем выражение "страх перед реальной опасностью".

Не углубляясь во фрейдовскую теорию страха, отметим, что слово Angst — и в самом немецком языке, и во фрейдовском его употреблении — не соответствует французскому слову angoisse. Такое выражение обыденного языка, как ich habe Angst vor..., переводится как j'ai peur de... — "я боюсь чего-то". Нередко контраст между страхом (peur), имеющим определенный объект, и тревогой (angoisse), для которой характерно как раз отсутствие объекта, не вполне соответствует смыслу этих понятий у Фрейда.

СУБЛИМАЦИЯ

Нем.: Sublimierung. — Франц.: sublimation. — Англ.: sublimation. — Исп.: sublimación. — Итал.: sublimazione. — Португ.: sublimação.

◘ Процесс, которым Фрейд объясняет формы человеческой деятельности, не имеющие видимой связи с сексуальностью, но порожденные силой сексуального влечения. В качестве основных форм сублимации Фрейд описывал художественное творчество и интеллектуальную деятельность.

Сублимацией называется такое влечение, которое в той или иной степени переключено на несексуальную цель и направлено на социально значимые объекты.

◘ Термин "сублимация", введенный Фрейдом в психоанализ, вызывает в мысли одновременно "возвышенное" (sublime) (ср. использование этого понятия в изящных искусствах для обозначения величественных, возвышающих нас произведений) и "возгонку" (sublimation) (ср. использование этого понятия в химии для обозначения процедур, непосредственно переводящих тело из твердого состояния в газообразное).

На протяжении всего своего творчества Фрейд называл сублимацией — в экономическом и динамическом смысле — некоторые виды деятельности, побуждаемые желанием, явно не направленным к сексуальной цели: это, например, художественное творчество, интеллектуальное исследование и вообще ценные с точки зрения общества виды деятельности. Побудительную причину такого рода поведения Фрейд видел в преобразовании сексуальных влечений: "Сексуальное влечение обеспечивает культурный труд огромной массой энергии; это происходит в силу присущей ему

способности изменять свою цель, не ослабляя напора. Эта способность менять первоначальную сексуальную цель на иную, несексуальную, но психологически ей близкую, называется сублимацией" (1a).

Даже на уровне простых описаний фрейдовское понятие сублимации нельзя признать достаточно развернутым. Неясно определена область сублимационной деятельности: должны ли мы, скажем, включать в нее всю совокупность мыслительной работы или лишь некоторые формы интеллектуального творчества? Следует ли считать главной чертой сублимации высокую общественную оценку связанных с нею форм деятельности в данной культуре? Включаются ли в сублимацию формы "приспособительной" деятельности (труд, досуг и пр.)? Касаются ли изменения в динамике влечений лишь цели влечений (как долгое время считал Фрейд) или же одновременно и их объекта, как утверждается в "Новых лекциях по введению в психоанализ" (Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932): "Мы называем сублимацией такое изменение цели и объекта, при которых принимается во внимание социальная оценка" (2).

При рассмотрении проблемы с *метапсихологической* точки зрения эта неопределенность, по признанию самого Фрейда, сохраняется (3). Это относится также к работам, специально посвященным мыслительной и художественной деятельности (ср. "Об одном детском воспоминании Леонардо да Винчи" [Eine Kindsheitserrinerung des Leonardo da Vinci, 1910]).

Мы не собираемся излагать здесь общую теорию сублимации: ее невозможно построить на основе тех немногочисленных элементов, которые мы находим во фрейдовских текстах. Ограничимся здесь указанием на ряд тенденций фрейдовской мысли, не стремясь к их обобщению.

1) Сублимация затрагивает прежде всего частичные влечения*, особенно те, которые не входят в окончательную форму генитальности: "Силы, необходимые для культурного труда, берутся большей частью за счет подавления так называемых извращенных элементов сексуального возбуждения" (1b).

2) Фрейд сделал два предположения относительно механизма сублимации. Первое основано на теории примыкания* сексуальных влечений к влечениям самосохранения. Подобно тому, как несексуальные влечения могут заражаться сексуальностью (ср. психоген-

ные расстройства питания, зрения и т.д.), так и "пути, передающие воздействие сексуальных расстройств другим телесным функциям, предназначены у нормального субъекта для осуществления другого важного процесса. Они должны способствовать обращению силы сексуального влечения на другие, несексуальные цели, т. е. служить сублимации сексуальности" (4). Это предположение лежит в основе фрейдовского изучения Леонардо да Винчи.

Новый подход к проблеме открывается понятием нарциссизма* и созданием последней теории психического аппарата. Преобразование сексуальной активности в сублимированную деятельность (обе они устремлены к внешним, независимым объектам) требует, как теперь утверждается, промежуточной стадии — изъятия либидо и обращения его на *Я*, что и создает возможность десексуализации. Именно в этом смысле Фрейд говорил в "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923) об энергии *Я* как о "десексуализированной и сублимированной" энергии, способной распространяться на несексуальные виды деятельности. "Если эта энергия перемещения есть не что иное, как десексуализированное либидо, мы вправе называть ее *сублимированной*, ибо она сохраняет неприкосновенной главную цель Эроса — объединение и связывание, помогая созданию целостности или тенденции к целостности, столь характерной для *Я* (5).

Тем самым подтверждается мысль о том, что сублимация тесно связана с нарциссическим измерением *Я*, а следовательно, объект сублимированной деятельности обладает тем же качеством целостности, которое Фрейд приписывал *Я*. Очень сходно с этим рассуждение М.Кляйн, которая видит в сублимации тенденцию к возмещению или восстановлению "хорошего" объекта*, раздробленного разрушительными влечениями (6).

3) Поскольку теория сублимации осталась у Фрейда слабо разработанной, мы располагаем лишь отдельными намеками на то, как следует разграничивать сублимацию и сходные с ней явления — реактивные образования*, торможение при достижении цели*, идеализацию*, вытеснение* и т.д. К тому же, считая способность к сублимации существенным условием успешного лечения, Фрейд нигде не показал ее конкретно.

4) Гипотеза о сублимации высказывалась в связи с сексуальными влечениями, однако Фрейд считал возможной также сублимацию агрессивных влечений (7); этот вопрос изучался и другими авторами.

*

Сублимация — часто используемое в психоаналитической литературе понятие; оно настолько отвечает глубинным задачам фрейдовского учения, что трудно даже понять, как можно без него

обойтись. Однако мы не располагаем связной теорией сублимации, что остается существенным пробелом в психоаналитической мысли.

(1) Freud (S.). Die "kulturelle" Sexualmoral und die moderne Nervosität, 1908. a) G.W., VII, 150; S.E., IX, 187. — b) G.W., VII, 151; S.E., IX, 189.

(2) Freud (S.). G.W., XV, 103; S.E., XXII, 97; франц., 133.

(3) Cf. Freud (S.). Das Unbehagen in der Kultur, 1930. G.W., XIV, 438; S.E., XXI, 79; франц., 18.

(4) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 107; S.E., VII, 206; франц., 107.

(5) Freud (S.). G.W., XIII, 274; S.E., XIX, 45; франц., 201 — 202.

(6) Ср., например: Klein (M.). Infantile anxiety-situation reflected in a work of art and in the creative impulse, 1929. In: Contributions to Psycho-Analysis, 227 — 235.

(7) Cf. Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, 1957, vol. III. Англ., London, Hogarth Press, 493 — 494; франц. (в печати).

СУММА ВОЗБУЖДЕНИЯ

Нем.: Erregungssumme. — Франц.: somme d'excitation. — Англ.: sum of excitation. — Исп.: suma de excitación. — Итал.: somma di eccitazione. — Португ.: soma de excitação.

● Один из терминов Фрейда для обозначения того количественного фактора, преобразования которого объясняются экономической гипотезой*. Термин указывает на его источник — возбуждения или влечения, как внешние, так и (преимущественно) внутренние.

■ В конце своей статьи "Психоневрозы защиты" (Die AbwehrNeuropsychosen, 1894) Фрейд писал: "Среди психических функций можно выделить кванты аффекта, порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться, разряжаться, распространяться по мнесическим следам представлений, как электрические заряды по поверхности тел" (1).

В этом тексте, как мы видим, выражение "порция возбуждения" используется как синоним "кванта аффекта"*; фактически эти выражения подчеркивают различные аспекты этого количественного фактора. В термине "порция возбуждения" подчеркнуты две мысли:

1) об источнике количества. Психическая энергия рассматривается как порождение стимулов (главным образом внутренних), воздействия которых невозможно избежать.

2) О том, что на психику постоянно воздействуют факторы, грозящие сломать управляющий ею принцип — принцип постоянства.

Это понятие близко к понятию суммирования (Summation) возбуждения, заимствованного Фрейдом у физиолога Зигмунда

Экснера (2) и используемого в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895): возбуждения могут свободно перемещаться в психике лишь тогда, когда их накопление или суммирование переходит определенный рубеж (3).

(1) Freud (S.). G.W., I, 74: S.E., III, 60.

(2) Cf. Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, 1953, 55 — 57. Англ., London, Hogarth Press, vol. I, 417; франц., Paris, P.U.F., vol. I, 417.

(3) Cf. Freud (S.). Нем., 400; англ., 377; франц., 334 — 335.

Т

ТАНАТОС

Нем.: Thanatos. — Франц.: Thanatos. — Англ.: Thanatos. — Исп.: Tánatos. — Итал.: Thanatos. — Португ.: Tânatos.

● "Смерть" (греч. Thanatos) — термин, обозначающий влечения к смерти по аналогии с термином "Эрос". Этим подчеркивается радикальный, почти мифический характер дуализма человеческих влечений.

■ В текстах Фрейда термин "Танатос" не встречается, однако, по свидетельству Джонса, Фрейду случалось употреблять его устно. В психоаналитическую литературу он был введен Федерном (1).

Как известно, в рамках своей теории влечений к жизни* и влечений к смерти* Фрейд использовал термин "Эрос"*. Он обратился к метафизике и античной мифологии, стремясь включить свои психологические и биологические размышления в рамки широкой дуалистической концепции. Обратим внимание прежде всего на главу VI из "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) (2), а также раздел VII из "Конечного и бесконечного анализа" ("Die endliche und die unendliche Analyse",1937), где Фрейд соединил свою теорию с эмпедокловской противоположностью между любовью ("филиа") и враждой ("нейкос") :"Два основных начала у Эмпедокла, "филиа" и "нейкос", и по названию, и по функции равнозначны нашим первоначальным влечениям — *эросу* и *разрушению*" (3).

Термин "Танатос" подчеркивает всеобщий и основополагающий характер двух главных типов влечения в последней фрейдовской теории.

(1) Cf. Jones (E.). Sigmund Freud: Life and Work, 1957, vol. III. London, Hogarth Press, 295.

(2) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 23—34; S.E., XVIII, 22—33; франц., 26—38.

(3) Cf. Freud (S.). G.W., XVI, 93—96. S.E., XXIII, 247—250; франц., 32—35.

ТОЖДЕСТВО ВОСПРИЯТИЯ — ТОЖДЕСТВО МЫСЛИ

Нем.: Wahrnehmungsidentität — Denkidentität. — Франц.: identité de perception — identité de pensée. — Англ.: perceptual identity — thought identity. — Исп.: identidad de percepción — identidad de pensamiento. — Итал.: identitá di percepzione — identitá

de pensiero. — Португ.: identidade de percepção (или perceptual) — identidade de pensamento.

○ Термины, обозначающие у Фрейда то, к чему направлены соответственно первичный и вторичный процессы. Первичный процесс нацелен на воссоздание тождества восприятия тому образу объекта, который возник в результате опыта удовлетворения. Вторичный процесс нацелен на поиски тождества мыслей между собой.

◻ Опыт удовлетворения лежит в основе поиска тождества восприятия, в котором представление выбранного объекта связано с разрядкой, приносящей особенно большое удовлетворение. Отныне субъект обречен стремиться к "повторению восприятия, связанного с удовлетворением потребности" (1a). Первичная галлюцинация есть наиболее короткий путь к достижению тождества восприятия. В общем такова модель первичного процесса; в другой главе из "Толкования сновидений" Фрейд показал, что установление тождества между двумя образами — это такой тип логических отношений, который лучше всего соответствует сновидному функционированию психики (1b).

Тождество мысли находится в двояком отношении с тождеством восприятия:

1) оно представляет собой видоизменение тождества восприятия, поскольку нацелено на освобождение психических процессов от безраздельного господства принципа удовольствия: " Мысль должна интересоваться путями связи между представлениями, с тем чтобы интенсивность этих представлений не вводила ее в заблуждение" (1c). И тогда это видоизменение позволит выявить то, что в логике называется принципом тождества.

2) Оно подчинено тождеству восприятия: "любая сложная работа мысли — от мнесического образа до установления (с помощью внешней реальности) тождества восприятия, есть лишь *обходной маневр на пути к исполнению желания*, необходимость которого обусловлена опытом" (1d).

Хотя определяемые нами здесь понятия и не встречаются в других текстах Фрейда, сама противоположность между первичными и вторичными процессами, рассмотренная под углом зрения мысли и суждения, остается в теории Фрейда центральной. Она возникает перед нами, например, в противопоставлении предметных и словесных представлений*.

*

Во Франции Д.Лагаш неоднократно подчеркивал значение фрейдовского противопоставления между тождеством восприятия и тождеством мысли и видел в нем, в частности, средство раз-

граничения навязчивых защитных действий, при которых *Я* остается во власти тождества восприятия, и механизмов отработки*, вводящих в действие сознание, способное сосредоточивать внимание, устанавливать различия и сопротивляться неприятным совпадениям представлений и аффектов: "..объективирующее (само)отождествление, которое сохраняет тождество любого предмета мысли, должно противостоять синкретическому (само)отождествлению..."(2).

Отметим также, что различие между этими двумя видами "тождества" несводимо к привычному противопоставлению аффекта и разума или даже "логики аффекта" и логики разума. "Толкование сновидений" фактически призвано показать, вопреки всем "научным" предрассудкам, что сновидение подчиняется законам изначального функционирования *логоса.*

(1) Freud (S.). a) G.W., II—III, 571; S.E., V, 565; франц., 463. — b) Cf. G.W., II—III, 324 sqq.; S.E., IV, 319 sqq.; франц., 238 sqq. — c) G.W., II—III, 607—608; S.E., V, 602; франц., 491. — d) G.W., II—III, 572; S.E., 566—567; франц., 464.

(2) Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité, 1958. In: La psychanalyse. Paris, P.U.F., 6, 51.

ТОЛКОВАНИЕ, ИСТОЛКОВАНИЕ

Нем.: Deutung. — Франц.: interprétation. — Англ.: interpretation. — Исп.: interpretación. — Итал.: interpretazione. — Португ.: interpretaçâo.

● А) В психоаналитическом исследовании — обнаружение скрытого смысла речи и поступков субъекта. Истолкование раскрывает проявления защитного конфликта и стремится в итоге обнаружить желание, которое находит своё выражение во всех продуктах бессознательного.

Б) В психоаналитическом лечении — общение с субъектом и обеспечение ему доступа к этому скрытому смыслу — согласно правилам развертывания конкретного психоаналитического курса.

◘ Истолкование лежит в основе учения Фрейда и применяемых им практических приемов. Психоанализ можно определить как процедуру толкования, т.е. выявления скрытого смысла психического материала.

Такова фрейдовская установка по отношению к снам — первому примеру и модели истолкования. "Научные" теории сна были нацелены на то, чтобы понять его как психическое явление, связанное с понижением психической активности, с ослаблением ассоциативных цепей; некоторые авторы определяли сон как особого рода деятельность, но никто не принимал во внимание его содержание и a fortiori отношение между этим содержанием и

личной историей сновидца. Напротив, способы толкования сновидений, представленные в "сонниках" (античность, Восток), привлекают наше внимание к содержанию снов, наделяют их смыслом. Фрейд следует именно этой традиции. Однако он переносит центр тяжести на применение сновидной символики лишь к одному отдельному индивиду, и в этом смысле его метод противоположен приемам истолкования в сонниках (1а).

Согласно Фрейду, истолкование выявляет в рассказе сновидца (*явное содержание**) посредством свободных ассоциаций тот смысл сновидения, который зашифрован в его *скрытом содержании**. Конечная цель истолкования — найти бессознательное желание, воплощенное в фантазиях.

Конечно, понятие толкования применимо не только к сновидениям как главному продукту бессознательного, но и к другим продуктам бессознательного (ошибочные действия, симптомные поступки и пр.) и вообще ко всему тому, что в высказываниях и поступках субъекта носит на себе следы защитного конфликта.

*

Поскольку психоаналитик действует путем *передачи истолкования* пациенту, постольку понятие истолкования, даже в самом широком его значении, всегда имеет и "технический" смысл — толкования, адресованного пациенту.

И в этом последнем смысле истолкование присутствует в психоанализе с самого начала. Стоит, однако, отметить, что в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), где речь идет преимущественно о выявлении патогенных бессознательных *воспоминаний*, толкование еще не стало главным приемом терапевтической практики (да и термин "толкование" в этом тексте пока еще не встречается).

Однако, как только стала складываться психоаналитическая техника, сразу появился и этот термин. Судя по статье "Применение толкования сновидений в психоанализе" (Die Handhabung der Traumdeutung in der Psychanalyse, 1911), истолкование стало органичной частью лечебного процесса: "Я утверждаю, что толкование сновидений не должно рассматриваться в психоаналитической практике как искусство для искусства: оно подчиняется всем тем правилам, которым должна подчиняться психоаналитическая практика в целом" (2). Именно учет этих "приемов" позволяет определить уровень (глубину), тип (истолкование сопротивлений, трансфера и пр.), порядок толкования.

Мы не будем, однако, рассматривать здесь те проблемы, которые

уже стали темой многих дискуссий, а именно: критерии, форма и способ выражения, уместность, "глубина", порядок толкования (α). Укажем только, что толкование — это лишь часть всей совокупности терапевтических *приемов* психоаналитика (наряду с побуждением к выговариванию, ободрением, объяснением действия того или иного психического механизма или символа, приказами, конструкциями* и пр.), хотя в принципе любые приемы могут играть в психоаналитической ситуации роль толкования.

*

Отметим здесь важный терминологический момент: слово "интерпретация" в английском и французском языках не вполне соответствует смыслу немецкого слова Deutung. Во французском и английском языках слово "интерпретация" подчеркивает субъективный или даже произвольный момент высказывания или события. Немецкое слово Deutung, как и русское "толкование", ближе по смыслу к объяснению, прояснению и меньше связано в обыденном сознании носителя языка с отрицательными смыслами, иногда присущими французскому или английскому терминам (β). Deutung сновидения заключается у Фрейда в определении его Bedeutung, его значения (1b).

Фрейд неоднократно указывал на родство между толкованием в (психо)аналитическом смысле слова и другими психическими процессами, в которых проявляется деятельность толкования.

Например, вторичная обработка* сновидцем (содержания своего сна) есть не что иное, как "первичное истолкование, призванное установить связь между элементами, порожденными работой сновидения*: "...некоторые сновидения подверглись глубокой психической обработке, сходной с работой бодрствующей мысли; эти сны, по-видимому, осмысленны, но смысл их далек от их явного значения [Bedeutung]...Эти сны как бы уже подверглись истолкованию, прежде чем мы истолковали их в состоянии бодрствования" (1c). При вторичной обработке субъект трактует содержание сновидения так же, как и другие неизвестные содержания восприятия, т.е. пытается свести их к уже известному посредством особых "предвосхищающих представлений" (Erwartungsvorstellungen) (3). Фрейд подчеркивал взаимосвязь между параноидным истолкованием (или, скажем, интерпретацией знаков в суевериях) и психоаналитическим истолкованием (4a). Для параноиков все может стать предметом истолкования: " ...они приписывают важное значение мелочам в поведении других людей, на которые мы обычно не обращаем внимания, подвергают их исчерпывающему истолко-

ванию и выводят из них далеко идущие следствия" (4b). В толковании поведения других людей параноики часто оказываются более проницательными, чем нормальные люди. Однако обратной стороной этой параноидной проницательности выступает полная неспособность параноиков понять свое собственное бессознательное.

α) Тому, кого заинтересуют эти проблемы, мы советуем обратиться к работе Эдварда Гловера "Психоаналитическая техника" (The technique of Psycho-Analysis, 1955, франц. пер.: Paris, P.U.F., 1958), см. особенно проведенные этим автором опросы психоаналитиков.

β) Впрочем, в немецкой психиатрии параноидный бред вовсе не считается брéдом истолковательства.

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) Ср. главу I и начало главы II. — b) Cf. G.W., II—III, 100—101; S.E., IV, 96; франц., 76. — c) G.W., II—III, 494; S.E., V, франц., 365.

(2) Freud (S.). G.W., VIII, 354; S.E., XII, 94; франц., 47.

(3) Cf. Freud (S.). Über den Traum, 1901. G.W., II—III, 679—680; S.E., V, 666.

(4) Ср. особенно: Freud (S.). Zur Psychopatologie des Alltagslebens, 1901. — a) G.W., IV, 283—289; S.E., VI, 254—260; франц., 294—300. — b) G.W., IV, 284; S.E., VI, 255; франц., 295.

ТОПИКА, ТОПИЧЕСКИЙ (сущ., прил.)

Нем.: Topik, topisch. — Франц.: topique. — Англ.: topography, topographical. — Исп.: tópica, topográfico. — Итал.: punto di vista topico, topico. — Португ.: tópica, tópico.

● Теория или точка зрения, согласно которой психический аппарат расчленен на несколько систем, наделенных различными признаками или функциями и определенным образом соподчиненных и соупорядоченных. Это позволяет метафорически называть их "местами" (топосами) психики и представлять их в пространственной форме.

Обычно речь идет о двух фрейдовских топиках: первая предполагает расчленение психики на бессознательное, предсознание и сознание, вторая — на три инстанции: *Оно, Я, Сверх-Я.*

■ Термин "топика", или, иначе, "теория *мест*" (от греч. τοποι), принадлежит философскому языку с античности. У древних греков и прежде всего у Аристотеля он обозначал разделы в логике или риторике, из которых выводятся предпосылки рассуждения. Интересно отметить, что в немецкой философии термином "топика" пользовался Кант. Для него трансцендентальная топика — это способ "...определения места каждого понятия [...] посредством суждения; учение, позволяющее в каждый данный момент установить, с какой познавательной способностью связано то или иное понятие" (α, 1).

*

I. Гипотеза о существовании психической топики возникла у Фрейда в связи с идеями современной ему науки (неврология, психофизиология, психопатология). Среди наиболее важных воздействий отметим следующие:

1) анатомо-физиологическая теория мозговых локализаций, широко распространенная во второй половине XIX в., ставила целью определить зависимость высокоспециализированных функций или особых типов представлений или образов от строго локализованных неврологических опор. Эти функции или представления рассматривались, таким образом, как сосредоточенные в определенном участке коры головного мозга. В небольшой книжке, посвященной часто обсуждавшемуся тогда вопросу об афазии, Фрейд подверг критике эту теорию, назвав ее топикой. Он показал ограниченность и противоречивость сложных анатомических построений у таких авторов, как Вернике или Лихтхейм, призывая дополнить топику мозговых локализаций объяснением функционального типа.

2) Целый ряд психопатологических фактов свидетельствовал о том, что различные формы поведения, представления или воспоминания, не всегда и не полностью подвластные *Я*, но способные тем не менее доказать свою действенность (гипнотические явления, "раздвоение личности" и пр. (см.: Расщепление *Я*)), можно связать — в почти реалистическом смысле — с определенными группами психических явлений.

Именно на этой почве родилось фрейдовское открытие бессознательного, не ограниченное мыслью о психических локализациях: каждое из этих мест имеет свои особенности и предполагает особый способ функционирования. Уже в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) понятие бессознательного опиралось на определенную топику психического аппарата: само бессознательное подрасчленяется на ряд уровней, так что в анализе необходимо учитывать соупорядоченность различных групп представлений. Возникновение воспоминаний, образующих вокруг "патогенного ядра" своего рода "архивы", подчиняется не только хронологическому, но и логическому порядку, причем ассоциации между различными представлениями строятся по-разному. Процесс осознания воспоминаний описывается с помощью пространственных образов: так, сознание определяется как "проход" через "ущелье", в котором лишь одно воспоминание может единовременно проникнуть в "пространство *Я*" (2).

3) Как известно, Фрейд всегда приписывал опорную гипотезу топики влиянию Брейера: различие между системами внутри

психического аппарата неизбежно имеет и функциональное значение. Вследствие этого одна и та же часть психического аппарата не может, скажем, одновременно выполнять противоположные функции — и воспринимать возбуждения, и сохранять их следы (3).

4) Наконец, анализ сновидений ярко подчеркнул наличие особых законов бессознательного, подтвердил гипотезу о существовании в психике различных уровней и образований. В этой связи Фрейд опирался на догадку Фехнера о том, что работа сновидения — это не просто ослабленное продолжение бодрствующей мысли, но нечто такое, что разыгрывается на "другой сцене" (4а).

II. Впервые понятие топики осмысляется в главе VII "Толкования сновидений" (Die Traudeutung, 1900), однако стадиями его выработки были и "Набросок научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) (правда, пока еще в рамках неврологического подхода к нейронному аппарату), и письма к Флиссу, в особенности от 1.1.1896 и от 6.12.1895 (β). Как известно, в этой первой топике, построенной Фрейдом в метапсихологических текстах 1915 г., выделялись три системы: бессознательное*, предсознательное* и сознание* — каждая со своими особыми функциями, процессами, энергетической нагрузкой, содержанием представлений. Все эти системы отделены друг от друга инстанциями цензуры*, которые тормозят переходы из одной системы в другую и управляют ими. Образ цензуры, как и другие фрейдовские образы ("передняя", "границы" между системами), подчеркивает роль пространственных представлений в теории психического аппарата.

Точка зрения топики выводит за рамки этих разграничений. В главе VII "Толкования сновидений", а также в письме от 6.12.1896 Фрейд говорил о последовательности мнесических систем, образованных группами представлений по законам ассоциаций. Кроме того, разграничению систем соответствует определенный порядок, предопределяющий последовательность перехода из одной точки в другую: так, наряду с обычным "движением вперед" возможно и попятное движение от системы к системе. То, что Фрейд называл "топической регрессией", мы видим на примере сновидения, где мысли могут приобрести зримый характер — вплоть до галлюцинации: это движение вспять к типу образов, наиболее близких к восприятию, к первоначальному моменту возбуждения.

Итак, каков смысл понятия психических локализаций у Фрейда? Он предупреждал, что видеть в этом понятии еще одну попытку анатомической локализации функций было бы ошибочно: "Я оставлю в стороне то обстоятельство, что обсуждаемый нами здесь психический аппарат известен нам как форма анатомической предрасположенности к выполнению определенных функций, и поста-

раюсь избежать искушения определять психическую локализацию с помощью анатомии" (4b). Однако ссылки на анатомию у Фрейда все же встречаются: так, согласно "Толкованию сновидений", вся работа психики протекает между полюсом восприятия и полюсом движения; образ рефлекторной дуги, используемый здесь Фрейдом, имеет значение "модели", одновременно сохраняя и свое прямое значение (γ). В дальнейшем Фрейд неоднократно прибегал к поиску аналогий или метафор в пространственной структуре нервной системы. Например, он настаивал на взаимосвязи между тем фактом, что система Восприятие-Сознание получает возбуждения извне, и периферическим положением коры головного мозга.

Однако Фрейд настаивал на своеобразии ряда моментов в своем подходе: их роль заключается в том, чтобы "прояснить работу психики, вычленяя в сложном целом отдельные функции и связывая каждую из них с той или иной частью психического аппарата" (4c). Таким образом, понятие "психическая локализация" предполагает строгое разделение частей психического аппарата и специализацию каждой из них. Кроме того, это понятие позволяет нам определить последовательность стадий, учитывая процессы, развертывающиеся во времени (δ).

Наконец, фрейдовское сравнение психического аппарата с оптическим (например, со сложным микроскопом) проясняет смысл *психической локализации*: различные системы психики можно соотнести не столько с материально осязаемыми частями психического аппарата, сколько с идеальными точками аппарата, например оптическими фокусами и пр. (4d).

III. Основное положение Фрейда о различиях между системами, прежде всего об отделенности бессознательного от Предсознания-Сознания (ε), нельзя понять в отрыве от другой, *динамической*, точки зрения, учитывающей конфликт между этими системами (см.: Динамика; Психический конфликт). Взаимосочленение этих двух подходов ставит проблему происхождения топики. В работах Фрейда мы находим два ответа на этот вопрос. Первый учитывает генетический аспект и подкрепляется в дальнейшем второй теорией психического аппарата (см.: *Оно*): это гипотеза о постепенном подрасчленении психических инстанций, начиная с системы бессознательного, уходящего своими корнями в биологию ("все осознанное некогда было бессознательным"). Второй ответ — это попытка понять возникновение бессознательного через процессы

вытеснения; она привела Фрейда к мысли о первоначальном вытеснении*.

IV. В 20-е годы Фрейд создал другую концепцию личности, или "вторую топику". Обычно считается, что главной причиной этого изменения было осознание роли бессознательных защит, препятствующее отождествлению того или иного участника защитного конфликта с описанными выше системами (т.е. вытесненного с бессознательным, а *Я* — с системой Предсознание-Сознание).

Однако мотивы переосмысления к этому не сводятся, тем более что все эти мысли в более или менее явной форме присутствовали у Фрейда и раньше (см.: *Я*). Одной из главных причин этих изменений было открытие в процессе построения личности роли различных способов (само)отождествления, а также тех устойчивых образований, которые в итоге этих (само)отождествлений внедряются в личность (идеалы, критические инстанции, образы *Я*). В общем виде существуют следующие три инстанции: *Оно* как полюс влечений в личности, *Я* как представитель интересов личности в целом со всей ее нарциссической, либидинальной нагрузкой и, наконец, *Сверх-Я* как инстанция суда и критики, сложившейся при интериоризации родительских требований и запретов. Такое понимание не только приводит к взаимодействию между этими тремя инстанциями, но и вычленяет внутри этих инстанций более дробные образования (например, *Я* идеальное* и *Идеал-Я**), вследствие чего в действие вводятся не только междусистемные, но и "внутрисистемные" отношения; кроме того, особое значение придается "отношениям зависимости" между различными системами; так, удовлетворение влечений можно обнаружить даже в приспособительных действиях *Я*.

Что происходит с психическими локализациями в этой новой топике? Уже один только выбор названий свидетельствует о том, что в данном случае модель взята не из физических наук — она насквозь пронизана антропоморфизмом: внутрисубъектная область мыслится здесь по образцу межличностных отношений, а системы предстают как относительно независимые субличности внутри личности (говорят, например, что *Сверх-Я* по-садистски обращается с *Я*). В силу этого научная теория психического аппарата становится похожа на те фантазии, при помощи которых субъект осмысляет, а быть может, и создает сам себя.

Фрейд настойчиво пытался соединить эти две топики в нечто цельное и неоднократно предлагал различные пространственные образы психического аппарата в целом, где деление на *Я-Оно-Сверх-Я* совмещалось бы с делениями на бессознательное-предсознание-сознание (5,6). Краткое изложение этих попыток содержится в главе IV "Очерка психоанализа" (Abriss der Psychoanalyse).

α) Можно было бы соотнести кантовское понятие "топика" с логическим и

риторическим пониманием топики у древних и фрейдовской трактовкой психических локализаций. Для Канта логически правильное использование понятий зависит от нашего умения верно соотнести представления о вещах с той или иной способностью (чувственностью или рассудком).

β) В этом последнем письме Фрейда, который в это время работал над теорией психического аппарата, изложенной позднее в "Толковании сновидений", слово "топика" еще столь сильно нагружено анатомическим смыслом, что Фрейд даже счел нужным особо разъяснить, что различия между психическими системами "...не обязательно связаны с топикой".

γ) Схема так называемой рефлекторной дуги, преобразующей всю энергию, полученную органами чувств, в движение, не учитывает установленные нейрофизиологией этого периода факты, хорошо известные Фрейду как специалисту в этой области. Подобное "упущение", возможно, объясняется тем, что Фрейд стремился вместить в единую схему энергию влечений, называемых "внутренними возбуждениями" и "внешними возбуждениями". С этой точки зрения, предложенная модель есть не что иное, как модель желания, обобщенно представленная в виде модели психофизической системы в целом — системы, в которой циркулирует энергия внешних возбуждений. Однако за всей этой псевдофизиологией и ее метафорикой лежит, возможно, и более глубокая истина, позволяющая нам образно представить желание как "чужеродное" субъекту тело, нападающее на него изнутри.

δ) Пространственная протяженность психического аппарата — это весьма важный для Фрейда факт, приводящий его к перевороту кантовского подхода: протяженность психического аппарата предстает здесь как первоначало априорных форм пространства: "Пространственность — это, возможно, проекция протяженности психического аппарата. Никакой другой вывод не представляется правдоподобным. На место априорных условий Канта встают априорные условия нашего психического аппарата. Психика имеет протяженность, хотя и не ведает об этом" (7).

ε) Напомним, что Фрейд обычно связывает сознание и предсознание в единство Предсознание-Сознание (см.: Сознание).

(1) Kant (E.). Critique de la raison pure, Франц. перев. Paris, P.U.F., 1944, p. 236.

(2) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 295—296; S.E., II, 291; франц., 235—236.

(3) Breuer (J.). Theoretisches. In: Studien über Hysterie, 1895. Нем.: 164, n., S.E., II, 188—189, n.; франц., 149—150, n.

(4) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 51 и 541; S.E., IV, 48 и V, 536; франц., 37 и 440. — b) G.W., II—III, 541; S.E., V, 536; франц., 440. — c) G.W., II—III, 541; S.E., V, 536; франц., 441. — d) Cf. G.W., II—III, 541; S.E., V, 541; франц., 441.

(5) Cf. Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 252; S.E., XIX, 24; франц., 178.

(6) Cf. Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932. G.W., XV, 85; S.E., XXII, 78; франц., 111.

(7) Freud (S.). Note manuscrite. G.W., XVII, 132.

ТОРМОЖЕНИЕ ПЕРЕД ЦЕЛЬЮ

Нем.: zielgehemmt. — Франц.: inhibé(e) quant au but. — Англ.: aim-inhibited. — Исп.: coartaro или inhibido en su meta. — Итал.: inibito nella meta. — Португ.: inibido quanto ao alvo или à meta.

● Понятие, описывающее поведение влечения, которое под воз-

действием внешних или внутренних препятствий не способно достичь удовлетворения непосредственно, но лишь в обход, через другие виды деятельности или отношения, отдаленно приближающиеся к первоначальной цели и дающие ослабленное удовлетворение.

■ Фрейд употребляет это выражение прежде всего, чтобы показать происхождение чувства нежности (см. этот термин) и так называемых социальных чувств. Фрейд указал на трудность их осмысления с метапсихологической точки зрения (1). Как понять это торможение? Означает ли оно вытеснение первоначальной цели и возврат вытесненного? Каковы ее отношения к сублимации (см. этот термин)? По этому поводу можно сказать следующее: Фрейд видит в торможении начало сублимации, но старается разграничить эти процессы. "Социальные влечения относятся к таким импульсивным влечениям, которые нет нужды считать сублимированными, хотя они и близки к этому. Эти влечения сохранили свои непосредственные сексуальные цели, хотя достичь их им мешает внутреннее сопротивление; они удовлетворяются некоторым приближением к удовлетворению и именно поэтому содействуют установлению особенно прочных и постоянных связей между людьми. Таковы прежде всего отношения между родителями и детьми, которые поначалу выступали как полностью сексуальные, таковы дружеские чувства и эмоциональные связи в браке, возникшие на основе сексуальной притягательности" (2).

(1) Cf. Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 155; S.E., XVIII, 138—139; франц., 155—156.

(2) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 232; S.E., XVIII, 258.

ТРАВМА (ПСИХИЧЕСКАЯ)

Нем.: Trauma. — Франц.: trauma или traumatisme (psychique). — Англ.: trauma. — Исп.: trauma, traumatismo. — Итал.: trauma. — Португ.: trauma, traumatismo.

● Событие в жизни субъекта, вызывающее особенно сильные переживания и неспособность субъекта к адекватной реакции; устойчивые патологические перемены и их последствия в душевной жизни.

В терминах экономики травматизм характеризуется притоком возбуждений, превышающим психическую выносливость субъекта, т.е. способность его психики справиться с этими возбуждениями, обработать их.

■ Термины "травма" или "травматизм" издавна использовались в

медицине и в хирургии. Слово "травма" восходит к греческому "τραῦμα", что значит рана, и "τιτρώσκω", что значит "пронзать", "протыкать насквозь". Обычно оно означает повреждение кожного покрова в результате внешнего насилия, а также воздействие такого повреждения на организм *в целом*. Однако нарушение кожного покрова здесь не обязательно: так, например, говорят о "закрытых черепно-мозговых травмах".

Заимствуя это понятие, психоанализ перенес на психологический уровень три присутствующих в нем концептуальных момента, связанных с сильным потрясением, раной, их последствиями для организма в целом.

Понятие травмы связано, по Фрейду, с экономическими* представлениями: "Мы называем травмой опыт, предполагающий быстрое и резкое увеличение психического возбуждения, в результате которого все обычные средства его устранения или обработки оказываются недейственными, что приводит к устойчивым нарушениям в энергетической системе" (1а). Приток возбуждений превышает допустимые для психики величины, причем это может быть как одно-единственное событие (сильная эмоция), так и накопление возбуждений, каждое из которых по отдельности переносится легко: принцип постоянства* перестает действовать, поскольку психический аппарат теряет способность к устранению возбуждения.

В работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд предложил для сравнения образ простого отношения между организмом и средой: "простейшая капелька живой субстанции" ограждена от внешних возбуждений предохранительным слоем и другими средствами защиты*, которые пропускают в психику лишь допустимые количества возбуждения. Если этот барьер будет сломан, возникнет травма; тогда задача психического аппарата будет заключаться в том, чтобы мобилизовать все возможные силы для создания противонагрузок* и задержки потоков возбуждения на входе, с тем чтобы восстановить условия, при которых может осуществляться принцип удовольствия.

Обычно истоки психоанализа (1890—1897) описывают следующим образом: на уровне теории это осмысление связи между возникновением невроза и пережитыми в прошлом травмами, причем момент возникновения этих травм отодвигался все дальше

в прошлое, по мере углубления анализа от взрослого периода в детство; на уровне техники это поиски действенных средств лечения в отреагировании* и психической обработке* травматического опыта. Обычно указывается также, что эта концепция постепенно отошла на задний план.

В тот период, когда психоанализ только складывался, понятие "травма" применялось прежде всего к определенному событию личной истории субъекта, субъективная значимость которого определялась вызванными им болезненными аффектами. События не могут быть травмирующими в абсолютном смысле слова — без учета "чувствительности" (Empfänglichkeit) данного субъекта. Для возникновения травмы как таковой (т.е. ситуации, при которой неотреагированный опыт застревает в психике как "инородное тело") нужны и некоторые объективные условия. Конечно, событие может по "самой своей природе" исключать полное отреагирование (например, "невосполнимая потеря любимого человека"). Однако если не брать крайние случаи, травматическое значение события определяется особыми обстоятельствами: это могут быть психологическое состояние субъекта в момент свершения события ("гипноидное состояние"* Брейера); реальная ситуация — социальные обстоятельства, насущные задачи, не допускающие адекватных реакций или препятствующие им ("сдерживание"); наконец и прежде всего (по Фрейду) — психический конфликт, не позволяющий субъекту включить этот опыт в сознательную часть своей личности ("защита"). Брейер и Фрейд отмечали также, что целый ряд событий, каждое из которых по отдельности не способно вызвать травму, могут вызвать ее в совокупности ("суммирование") (2а).

Общим знаменателем всех этих различных состояний, перечисленных в "Исследованиях истерии" (1895), выступает экономический фактор; последствие травмы — это всегда неспособность психики устранить возбуждения согласно принципу постоянства. Можно было бы установить целую иерархию порождающих травму событий, начиная от тех, чье патогенное воздействие обусловлено их силой и неожиданностью (например, несчастный случай), до событий, действенность которых объясняется лишь их вторжением в уже надломленную психику.

*

То, что Фрейд подчеркнул значимость защитного конфликта в генезисе истерии и "психоневрозов защиты", предполагало не ослабление роли травмы, но усложнение ее теории. Прежде всего отметим, что мысль о сексуальном характере травмы сложилась в 1895—1897 гг., тогда как изначальная травма была отнесена к допубертатному периоду.

Мы не будем здесь стремиться к цельному и последовательному

изложению подхода Фрейда к проблеме взаимосвязи между травмой и защитой, поскольку его взгляды на этиологию психоневрозов постоянно менялись. Во всяком случае, во многих текстах этого периода (3) прямо излагалось или подразумевалось достаточно четкое объяснение того, как и почему травма вызывает в *Я* не обычную, нормальную защиту против болезненного опыта (например, отвлечение внимания), а "патологическую защиту" на уровне первичного процесса, прообразом которой было для Фрейда вытеснение.

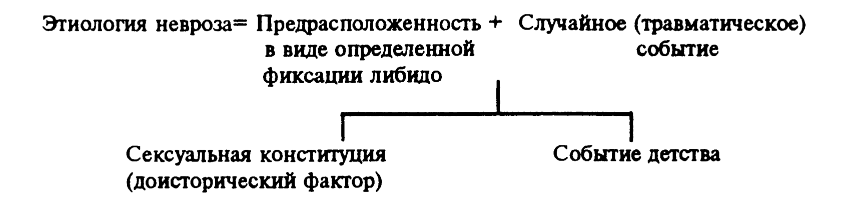
Воздействие травмы предполагает несколько составных элементов и по меньшей мере два важнейших события: в первой сцене (или в так называемой сцене соблазнения) взрослый подвергает ребенка сексуальному искушению; во второй сцене (которая имеет место уже в половозрелый период и кажется вполне невинной) возникает по ассоциации воспоминание о первой сцене. Именно это воспоминание о первой сцене вызывает прилив сексуальных возбуждений, прорывающих защиту *Я*. Хотя Фрейд называет травматической первую сцену, очевидно, что, с экономической точки зрения, это качество приписывается ей лишь в последействии*; иначе говоря, эта сцена становится патогенной лишь как последействующее воспоминание, как повод для внутреннего возбуждения. Это вполне объясняет смысл знаменательного высказывания Фрейда из "Исследований истерии": "...истерики страдают прежде всего от воспоминаний" (der Hysterische leidet grösstenteils an Reminiszenzen) (2b).

Одновременно с этим меняется оценка роли внешнего события. Мысль о психической травме, построенной по образцу физической травмы, отходит на задний план, поскольку вторая сцена воздействует не благодаря своей собственной внутренней энергии, но лишь как повод для внутреннего возбуждения. В этом смысле излагаемая здесь концепция Фрейда позволяет думать, что действенность внешних факторов определяется побуждаемым ими фантазированием*, а также приливом возбуждений и влечений, который они порождают. Вместе с тем Фрейд в этот период не ограничивался описанием травмы, при которой внутреннее возбуждение вызвано внешним событием как пусковым механизмом, а не причиной; он стремился связать это событие с предшествующим событием как основой процесса в целом (см.: Соблазнение).

*

В последующий период деятельности Фрейда травма как этиологический фактор уступила место фантазированию и фиксациям на различных либидинальных стадиях. "Точка зрения травмы", как считал Фрейд, не "отбрасывается" (1b), но включается

в более широкую картину наряду с другими факторами, такими, как психосоматические данные и детский анамнез. Травма, вызывающая у взрослого невроз, включается в дополнительные ряды* с предрасполагающими к ней факторами, которые и сами в свою очередь расчленяются на две взаимодополнительные разновидности — эндогенные и экзогенные:

Отметим, что в этой схеме Фрейда из "Лекций по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917) (1с) понятие травмы обозначает событие, случившееся на второй стадии, а вовсе не детский опыт как опору фиксаций. Это ослабляет одновременно и значение травмы, и ее своеобразие: по сути, роль травмы в возникновении невроза сводится к тому, что Фрейд в других случаях называет фрустрацией* (Versagung).

Итак, значение *травматической теории невроза* тем самым ослабляется, хотя существование неврозов, связанных с несчастными случаями, особенно военных неврозов, выводит проблему травмы — как проблему клиники *травматических неврозов** — на первый план в размышлениях Фрейда.

С теоретической точки зрения, об этом интересе свидетельствует работа "По ту сторону принципа удовольствия". Здесь вновь выдвигается экономическое определение травмы как надлома, приводящее Фрейда к мысли о том, что чрезмерный прилив возбуждения заведомо исключает действие принципа удовольствия*, заставляя психику выполнять свою главную задачу, т.е. связывать возбуждения с целью их последующей разрядки, уже "по ту сторону принципа удовольствия": повторение снов, в которых субъект заново переживает случившееся и вновь попадает в травматическую ситуацию, стремясь в конце концов овладеть ею, Фрейд связывал с феноменом навязчивого повторения*. В более общем смысле вся совокупность клинических явлений, связанных с навязчивым повторением, свидетельствует о том, что принцип удовольствия может осуществляться лишь при соблюдении ряда условий, поэтому травматическое разрушение этих условий порождает не просто нару-

шение либидинального обмена, но серьезную угрозу целостности субъекта (см.: Связывание).

*

В конечном счете в теории страха, изложенной в "Торможении, симптоме, страхе" (Hemmung, Symptom und Angst,1926), и в общем — во второй топике — понятие травмы приобретает новое значение, причем на этот раз вне какой-либо связи с травматическим неврозом в собственном смысле слова. Подавая сигнал тревоги*, *Я* стремится избежать автоматического страха, характерного для травматической ситуации, в которой *Я* оказывается беспомощным (см.: Беспомощности состояние). Такое понимание исходит из соотнесенности внешней и внутренней опасности: *Я* подвергается натиску возбуждений и влечений не только изнутри, но и снаружи. Упрощенная модель простейшей капельки возбудимой субстанции из "По ту сторону принципа удовольствия" здесь уже неприменима.

Отметим, наконец, что средоточием опасности Фрейд считал чрезмерное усиление напряжения, возникающее вследствие притока внутренних возбуждений и подлежащее устранению. Именно это, по Фрейду, в конечном счете и объясняет "травму рождения".

(1) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915—1917. — a) G.W., XI, 284; S.E., XVI, 275; франц., 298. — b) Cf. G.W., XI, 285; S.E., XVI, 276; франц., 299. — c) Cf. G.W., XI, 376; S.E., XVI, 362; франц., 389.

(2) Cf. Breuer (J.) и Freud (S.). Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene. Vorläufige Mitteilung, 1893. — a) Cf. G.W., I, 86—90; S.E., II, 8-11; франц., 5—8. — b) G.W., I, 86; S.E., II, 7; франц., 5.

(3) Ср. прежде всего: Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 156—166 и 432—436; англ., 146—155 и 410—414; франц., 129—137 и 363—367.

ТРАНСФЕР, ПЕРЕНОС

Нем.: Übertragung. — Франц.: transfert. — Англ.: transference. — Исп.: transferencia. — Итал.: traslazione или trasfert. — Португ.: transferência.

О В психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами (прежде всего — в рамках аналитического отношения).

При этом детские прообразы переживаются вновь с ощущением их особой актуальности.

Чаще всего трансфером (без определения) называют трансфер при психоаналитическом лечении.

Трансфер традиционно считается той областью, где ярко выступает вся проблематика психоаналитического лечения — его начало, разновидности, толкования и завершение.

■ Французское слово transfert не принадлежит лишь психоаналитическому словарю. Оно имеет широкий смысл, связанный с "переносом", "перевозкой", предполагая скорее перемещение ценностей, прав, идеальных сущностей, нежели материальных объектов (например, transfert фондов, собственности и пр.). В психологии оно используется по-разному: так говорят о сенсорном переносе (перенос восприятия из одной области чувств в другую); о переносе чувств (1); в современной экспериментальной психологии речь идет преимущественно о переносе умений и навыков (успех в обучении какой-то одной форме деятельности влечет за собой успех в другой деятельности). Такой перенос навыков при обучении называется иногда положительным трансфером в противоположность отрицательному трансферу, или, иначе, ситуации, при которой умения в одном виде деятельности служат помехой при обучении другому виду деятельности (α).

*

Особая сложность в определении трансфера связана с очень широким его пониманием у ряда авторов, при котором оно схватывает едва ли не всю совокупность явлений, связанных с отношениями между пациентом и психоаналитиком. В результате это понятие оказалось более других нагружено теми или иными конкретными представлениями о психоаналитическом лечении, о его объекте, динамике, тактике, целях и пр. Поэтому проблема трансфера порождает целый ряд психоаналитических дискуссий:

а) относительно специфики трансфера в лечении: не является ли психоаналитическая ситуация с ее четко определенными параметрами особенно благоприятной для возникновения явлений, не относящихся к собственно психоанализу, и наблюдения за ними?

б) Относительно связи трансфера с реальностью: какую пользу может нам принести столь проблематичное понятие, как "нереальное", или же столь неопределенное понятие, как "реальность психоаналитической ситуации", при оценке того или иного явления психоаналитической практики, его приспособленности (или неприспособленности) к этой реальности, его способности (или неспособности) к трансферу?

в) Относительно роли трансфера в лечении: каково тера-

певтическое значение воспоминания и непосредственно переживаемого повторения?

г) Относительно природы того, что подлежит переносу: идет ли речь об образцах поведения, о типах объектного отношения, о положительных или отрицательных чувствах, аффектах, либидинальной нагрузке, фантазмах, об имаго в целом или о какой-то отдельной его черте, об инстанциях в том смысле, какой придается этому понятию в последней фрейдовской теории психического аппарата?

*

Именно столкновение с трансфером в психоанализе (неожиданность этого столкновения Фрейд неустанно подчеркивал) позволило обнаружить действие трансфера и в других ситуациях (2) — когда трансфер лежит в самой основе межличностного отношения (гипноз, внушение) или же когда его значение каждый раз определяется обстоятельствами (т.е. отношениями между врачом и пациентом, учителем и учеником, исповедником и исповедующимся и пр.). Помимо того, в практиках, непосредственно предшествовавших психоаналитической, например в случае Анны О., которую Брейер лечил "катартическим методом", важная роль трансфера обнаружилась еще задолго до того, как врачи научились распознавать и сознательно применять его (β). В истории понятия трансфера у Фрейда существует разрыв между явно выраженными идеями и конкретным опытом — разрыв, от которого, как показывает случай Доры, страдал и сам Фрейд. В итоге тот, кто хочет проследить эволюцию этого понятия в мысли Фрейда, должен уметь читать между строк, прослеживая воздействие трансфера в описаниях тех или иных конкретных случаев.

Когда Фрейд говорил о "трансфере" или о "трансферентных мыслях" в связи со снами, он обозначал тем самым способ *смещения**, при котором бессознательное желание одновременно и выражается, и маскируется в предсознательных остатках впечатлений предыдущего дня (3а). Однако было бы ошибкой отрывать этот механизм от того, что мы наблюдаем в психоаналитической терапии: "... бессознательное представление не способно само по себе проникнуть в предсознание и может воздействовать на него лишь соединяясь с каким-нибудь незначимым представлением, уже находящимся в предсознании, усиливая его и как бы прикрываясь

им. Именно в этом и заключается трансфер, позволяющий объяснить столь много удивительных явлений из психической жизни невротиков" (3b). В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд сходным образом объяснил случай переноса бессознательных представлений пациентки на личность врача: "Поначалу бессознательное содержание желания возникало в сознании больной вне какого-либо воспоминания о тех обстоятельствах, которые сопровождали его в прошлом. Вместе с тем желание, реально присутствовавшее в сознании пациентки, оказалось в силу навязчивых ассоциаций направлено на меня как на лицо, занимавшее все ее мысли: в результате такого mesalliance, который я назвал бы "ложной связью", вновь пробудился аффект, в свое время заставивший пациентку отказаться от запретного желания" (4a).

Поначалу Фрейд смотрел на трансфер — по крайней мере теоретически — как на частный случай смещения аффекта с одного представления на другое. Образ психоаналитика приобрел здесь особое значение одновременно и потому, что он выступал в связи с "остатками дневных впечатлений", всегда находящимися в распоряжении субъекта, и потому, что такой тип трансфера побуждал к сопротивлениям: трудно ведь признаться в вытесненном желании человеку, на которого оно направлено (4b,5b). Очевидно, что для Фрейда трансфер представлял собой нечто вполне конкретное. Трансфер наряду с любыми другими симптомами (4c) должен рассматриваться в связи с определенной целью — сохранить или восстановить терапевтическое отношение, основанное на сотрудничестве и доверии. Среди других факторов, способствующих созданию такого отношения, Фрейд называл и личное воздействие врача (4d), никак не связывая его с трансфером.

Возникает впечатление, что поначалу Фрейд не видел в трансфере главной опоры терапевтического отношения. Это можно сказать даже о случае Доры, хотя в нем роль трансфера весьма велика: в критическом комментарии, добавленном к сводке клинических наблюдений, Фрейд связывал резкий перерыв в лечении со сложностями истолкования трансфера. Многие обороты речи у Фрейда свидетельствуют о том, что он вовсе не уподоблял лечение в целом, его структуру и динамику, трансферентному отношению: "Что такое *трансфер*? Это новый отпечаток или копия тех импульсов влечений и фантазий, которые пробуждаются и осознаются при развертывании психоанализа; для них характерна замена личности врача ранее знакомым лицом" (6). Фрейд отмечал, что все эти трансферы одинаковы и не зависят от того, обращены ли они на психоаналитика или на какого-нибудь другого человека, полагая, что они могут содействовать лечению только если их объяснять и последовательно "устранять".

Постепенное осмысление открытия Эдипова комплекса не

могло не повлиять на фрейдовское понимание трансфера. Уже в 1909 г. Ференци утверждал (7), что в ходе психоанализа, так же как при внушении и гипнозе, пациент бессознательно предоставлял врачу роль родителя, внушающего любовь или страх. Уже при самом первом общем изложении проблемы трансфера (1912) Фрейд подчеркивал его связь с "прообразами", с имаго* (особенно с имаго отца, но также матери, брата и др.): "Врач включается в один из тех психических "рядов", которые уже сформировались у пациента" (5b).

Фрейд полагал, что именно отношение субъекта к образам родителей заново переживается при трансфере с характерной для него амбивалентностью* влечений: "Лишь на мучительном пути трансфера Человек с крысами убедился в том, что его отношение к отцу действительно предполагало это бессознательное добавление." (8). В этом смысле Фрейд различал два типа трансфера: положительный и отрицательный — перенос любовных чувств и перенос враждебных чувств (γ). Отметим особо родство этих терминов с теми, которые обозначают положительную и отрицательную составляющие Эдипова комплекса.

Такая более широкая трактовка трансфера, при которой он фактически понимается как упорядочение всего процесса лечения по образу детских конфликтов, приводит Фрейда к новому понятию — невроза трансфера*: "...нам, как правило, удается придавать всем симптомам болезни новое трансферентное значение, замещая обычный невроз трансферентным неврозом, от которого [больной] может избавиться в результате терапевтической работы" (9).

*

Освещая *роль трансфера в лечении*, Фрейд поначалу склонялся к мысли, что трансфер — это одно из главных "препятствий" к воспоминанию вытесненного материала (4e). Вместе с тем, однако, установление трансфера рассматривалось как частое или даже общераспространенное явление: "....мы можем быть уверены, что встретим его в каждом более или менее серьезном анализе" (4f). Кроме того, именно в этот период Фрейд понял, что механизм переноса, трансфера [болезненных аффектов] на личность врача включается как раз в тот момент, когда особенно важные вытесненные содержания начинают всплывать в сознании. В этом смысле трансфер выступает как форма сопротивления* и в то же время как свидетельство близости бессознательного конфликта. Таким образом, Фрейд с самого начала столкнулся с противоречивой сущностью трансфера как причиной больших расхождений в описаниях его роли. С одной стороны, по отношению к словесно выражаемым

воспоминаниям трансфер выступает как форма сопротивления (Übertragungswiderstand). С другой стороны, будучи и для субъекта, и для психоаналитика удобным способом схватывания детского конфликта в его изначальном виде, он оказывается областью, в которой все личные проблемы пациента с неумолимой наглядностью разыгрываются при столкновении с наличием, напором и устойчивостью собственных бессознательных желаний и фантазий: "Именно на этой территории должа быть одержана победа. [...] Конечно, обуздать трансферентные явления очень трудно, однако психоаналитик не должен забывать о том, сколь важна роль этих явлений, превращающих скрытые и забытые эротические влечения пациента в нечто непосредственно данное и явное. Ибо ведь в конечном счете ничто не может быть уничтожено заочно или символически" (5c).

Этот второй момент неизбежно приобретал для Фрейда все большее значение: "*Трансфер* в обеих своих формах, положительной и отрицательной, может использоваться как орудие *сопротивления*; однако в руках врача это мощное терапевтическое средство, роль которого вряд ли можно переоценить" (10).

Не следует, однако, забывать, что даже настаивая на признании особого смысла повторения при трансфере ("Пациент не в состоянии вспомнить все вытесненное и, быть может, даже самое важное [...]. Он вынужден повторять вытесненное как опыт, переживаемый в настоящем" (11a)), Фрейд требовал от аналитика "...как можно четче ограничить область невроза, заставляя вспоминать как можно больше и оставляя на долю повторения как можно меньше" (11b).

Таким образом, Фрейд всегда считал идеалом лечения наиболее полное воспоминание, но, когда это оказывалось невозможным, он обращался к "конструкциям"* для заполнения пробелов в детской истории пациента. Более того, он никогда не оценивал отношения при трансфере сами по себе: они были для него либо способом отреагирования* детского опыта, либо способом корректировки такого объектного отношения, которое лишено реальности.

*

В "Исследованиях истерии" Фрейд писал о трансфере:"...этот новый симптом, который строится по старому образцу, [...] следует рассматривать наряду со старыми симптомами" (4e). Точно так же, описывая затем невроз трансфера как "искусственную болезнь", заменившую клинический невроз, Фрейд фактически считал равнозначными — как в экономическом, так и в структурном плане — реакции пациента при трансфере и собственно симптомы.

И в самом деле, Фрейд иногда объяснял возникновение транс-

фера "...компромиссом между требованиями [сопротивления] и требованиями исследовательской работы" (5d). Однако он с самого начала видел, что трансфер усиливается при приближении к "патогенному комплексу", а сопоставляя трансфер с навязчивыми повторениями*, заметил, что эта навязчивость может проявиться в трансфере "...только после того, как продвигающаяся ему навстречу терапевтическая работа откроет путь вытесненному" (11c). Мысль о том, что трансфер оживляет самое суть детского конфликта, вновь и вновь возникает в творчестве Фрейда от случая Доры, где трансфер уподоблялся "новым оттискам", которые порой ничем не отличаются от бессознательных фантазий до "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920), где речь шла о том, что [прежний опыт] возникает при трансфере "...с нежелательным постоянством" и что "его содержанием всегда оказывается какой-то эпизод сексуальной жизни ребенка, как правило, Эдипов комплекс и его многообразные разветвления" (11d).

Как известно, в "По ту сторону принципа удовольствия" Фрейд говорил о повторениях при трансфере, чтобы объяснить, почему навязчивые повторения требуют столь внимательного к себе отношения: дело в том, что в ходе лечения повторяются ситуации и эмоции, свидетельствующие о неустранимости бессознательных фантазий.

А теперь возникает вопрос о том, как Фрейд понимал *сопротивление при трансфере*. В работе "Торможение, симптом, страх" (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд связывал его с сопротивлениями *Я*, поскольку, в отличие от воспоминания, оно оживляет в настоящем механизм прошлого вытеснения. Однако в том же самом тексте навязчивые повторения выступают, по сути, и как *сопротивления Оно* (см.: Навязчивое повторение).

Наконец, по Фрейду, повторение при трансфере прошлого опыта, установок по отношению к родителям и т.д. не следует понимать буквально, как если бы при этом воспроизводились *действительно* пережитые отношения. С одной стороны, переносу подвергается, по сути, именно психическая реальность*, или, иначе, глубинное бессознательное желание и связанные с ним фантазии; с другой стороны, проявления трансфера — это не буквальные повторения, но лишь символическое воспроизведение прошлого опыта.

*

Как правило, критика самоанализа*, с точки зрения его лечебной действенности, заключается в том, что самоанализ, по определению, предполагает устранение межличностных отношений.

Фрейд говорил об ограниченности самоанализа. Он подчеркивал, что истолкование* нередко принимается пациентами лишь потому, что трансфер, подобно внушению, наделяет психоаналитика особыми полномочиями. Эта задача — объяснить роль психоаналитика (как *другого*) в лечении — выпала на долю последователей Фрейда. При этом они пошли разными путями:

1) во второй фрейдовской теории психического аппарата психоанализ — это такое пространство общения, где могут вновь проявиться внутриличностные конфликты, унаследованные от реальных или воображаемых межличностных отношений детского периода. Например, психоаналитик может, по Фрейду, оказаться в положении *Сверх-Я*. Словом, здесь "развязывается" и свободно развертывается игра (само)отождествлений*.

2) Когда на первый план выходят объектные отношения*, межличностное *отношение* (δ) при трансфере предстает как совокупность отношений субъекта к различным типам объектов (частичных или целостных). Как заметил М.Балинт, такой подход предполагает "...толкование каждой детали трансфера у пациента в терминах объектных отношений" (12). При этом подчас делались попытки обнаружить в лечении генетическую последовательность стадий развития.

3) Другая ориентация подчеркивает особую роль слова в лечении, т.е. в трансферентном отношении врача и пациента. Это можно обнаружить уже в истоках психоанализа, когда при катартическом методе рассказ о вытесненных воспоминаниях (talking cure) оказался по меньшей мере столь же важным, как и отреагирование аффектов. Удивительно, однако, что, описывая самые бесспорные проявления трансфера, Фрейд относил их к разряду "отыгрываний"* (Abreagieren), противопоставляя воспоминаниям живой опыт повторения. Вряд ли, однако, это помогает нам лучше понять трансфер в обоих его измерениях: актуализации прошлого и переноса прошлого опыта на личность психоаналитика.

В самом деле, непонятно, почему психоаналитик должен быть менее вовлечен в ситуацию, когда пациент рассказывает *ему* о каком-то прошлом событии, пересказывает *ему* сон (ε), нежели когда пациент совершает какие-то поступки, непосредственно на него направленные.

Высказывания пациента, подобно его поступкам, — это способ выражения отношения к другому человеку, и их цель может заключаться в том, чтобы понравиться психоаналитику или же отстраниться от него и пр.; помимо того, поступки пациента, подобно его высказываниям, — это способ передачи сообщений (ср. ошибочные действия).

4) Наконец, вопреки крайнему мнению о том, что трансфер —

это чисто спонтанное действие, проекция прежнего опыта на психоаналитика как на своего рода экран, некоторые авторы утверждали, что возникновение трансфера зависит от определенной *предрасположенности* субъекта и ряда предпосылок в самой психоаналитической ситуации.

Ряд авторов (например, Ида Макалпин (13)) обращали особое внимание на реальные факторы психоаналитического окружения (устойчивость ситуации, фрустрация, инфантильная позиция пациента), другие — подчеркивали отношение *запроса*, которое сразу же устанавливается в психоанализе, требуя "...раскрытия прошлого вплоть до самого раннего детства. Субъект только и делает, что запрашивает — он без этого жить не может, — и мы это поддерживаем... Регрессия — это возврат к тем означающим, с помощью которых формировались прежние запросы" (14).

Фрейд обратил внимание на взаимосвязь между трансфером и психоаналитической ситуацией в целом. Он даже подчеркнул, что хотя различные типы трансфера (перенос на мать, на брата и пр.) могут совпадать, "решающую роль играет имаго отца, проявляющееся в реальных отношениях к врачу" (5е).

α) Отметим, что англоязычные психологи располагают двумя терминами: transfer и transference, причем именно второй обозначает трансфер в психоаналитическом смысле слова (см.: English H.B., English A.C. A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms (1958), статьи "Transfer" и " Transference").

β) О последствиях этого эпизода см.: Jones E. Sigmund Freud,. Life and work 1953—1957 (t.I).

γ) Слова "положительный" и "отрицательный" относятся здесь к природе аффектов при трансфере, а вовсе не к положительному или отрицательному воздействию трансфера на процесс лечения. По мнению Д.Лагаша, "...точнее было бы говорить о положительных и отрицательных воздействиях трансфера. Как известно, перенос положительных чувств может иметь отрицательные последствия, и, наоборот, выражение отрицательных чувств может свидетельствовать о решающем продвижении вперед ..." (15).

δ) Отметим, что Фрейд пользуется этим термином (16).

ε) Ср. то, что называется "ублажающими снами": судя по анализу этих снов, в них исполняется желание угодить психоаналитику, подтвердить его истолкования и пр.

(1) Cf. Ribot (Th.-A.) La psychologie des sentiments. Paris, Alcan, 1896, 1re partie, XII, § 1.

(2) Cf. Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 100; S.E., XXIII, 174—175; франц., 42.

(3) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) Cf. G.W., II—III, 568; S.E., V, 562; франц., 461. — b) G.W., II—III, 568; S.E., V, 562; франц., 461.

(4) Freud (S.). Zur Psychotherapie der Hysterie, 1895. — a) G.W., I, 309; S.E., II, 303; франц., 245—246. — b) Cf. G.W., I. 308—309; S.E., II, 303; франц., 245. — c) Cf. G.W., I, 308—309; S.E., II, 303; франц., 245. — f) G.W., I, 307; S.E., II, 301; франц., 244. — g) G.W., I, 309; S.E., II, 303; франц., 246.

(5) Freud (S.). Zur Dynamik der Übertragung, 1912. — a) Cf. G.W., VIII, 370; S.E., XII, 104; франц., 56. — b) G.W., VIII, 365; S.E., XII, 100; франц., 51. — c) G.W., VIII,

374; S.E., XII, 108; франц., 60. — d) G.W., VIII, 369; S.E., XII, 103; франц., 55. — e) G.W., VIII, 365—366; S.E., XII, 100; франц., 51—52.

(6) Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. G.W., V, 279; S.E., VII, 116; франц., 86—87.

(7) Cf. Ferenczi (S.). Introjection and transference, 1909. In: First Contr., 35—93.

(8) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. G.W., VII, 429; S.E., X, 209; франц., 235.

(9) Freud (S.). Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten, 1914. G.W., X, 134—135; S.E., XII, 154; франц., 113.

(10) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W.. XIII, 223; S.E., XVIII, 247.

(11) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. — a) G.W., XIII, 16; S.E., XVIII, 18; франц., 18. — b) G.W., XIII, 17; S.E., XVIII, 19; франц., 19. — c) G.W., XIII, 18; S.E., XVIII, 20; франц., 20. — d) G.W., XIII, 16—17; S.E., XVIII, 18; франц., 19.

(12) Balint (M.). Primary love and Psycho-Analytic Technique. London. Hogarth Press, 1952, 225.

(13) Cf. Macalpine (I.). The Development of the Transference, Psa. Quaterly, XIX, 4, 1950.

(14) Lacan (J.). La direction de la cure et les principes de son pouvoir. 1958. In: La Psychanalyse. Paris, P.U.F., 1961, 6, 180.

(15) Lagache (D.). Le problème du transfert. 1952. In: R.F.P., XVI, 102.

(16) Ср., например: Freud (S.). Konstruktionen in der Analyse, 1937. G.W., XVI, 44; S.E., XXIII, 258.

УДОВОЛЬСТВИЕ ЛОКАЛЬНОЕ

Нем.: Organlust. — Франц.: plaisir d'organe. — Англ.: organ-pleasure. — Исп.: placer de órgano. — Итал.: piacere d'organo. — Португ.: prazer de órgão.

● Вид удовольствия при автоэротическом удовлетворении частичных влечений; возбуждение эрогенной зоны разряжается именно в том месте, где оно возникло, независимо от удовлетворения в других зонах и безотносительно к другим функциям.

■ Фрейд говорил о "локальном удовольствии" в нескольких случаях. Вряд ли это можно считать терминологическим новшеством: скорее имеется в виду контраст с более привычным "функциональным удовольствием", т.е. удовольствием от осуществления какой-либо жизненной функции (например, удовольствие, связанное с едой).

Фрейд использует термин "локальное удовольствие", развивая свои гипотезы о происхождении и природе сексуальности* как она понимается в психоанализе, т.е. за пределами генитальной функции. Пробуждение сексуальности относится к автоэротической* стадии, на которой все частичные влечения пока еще существуют порознь.

У грудного младенца собственно сексуальное удовольствие отделяется от той функции, к которой оно поначалу примыкает (см.: Примыкание) как ее "побочный" продукт (Nebenprodukt). С этого момента начинается поиск удовольствия ради удовольствия. Сосание, например, — это попытка ослабить напряжение в рото-губной эрогенной зоне вне связи с потребностью в пище.

В понятии "локальное удовольствие" сосредоточены, по Фрейду, главные свойства детской сексуальности: "Она примыкает к жизненно важной телесной функции и не имеет сексуального объекта, она *автоэротична*, а ее сексуальная цель определяется господством той или иной *эрогенной зоны*" (1).

В "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917) Фрейд подробно обсуждал вопрос о том, можно ли определить сущность сексуальности через те явления, чье родство и сходство с сексуальными удовольствиями показано в психоанализе. В самой трактовке этих явлений как "локальных удовольствий" Фрейд видел попытку своих научных оппонентов найти физиологическое определение тех детских удо-

вольствий, которые сам Фрейд считал сексуальными. Фрейд подверг это определение критике на том основании, что оно отрицает или же ограничивает открытие детской сексуальности. Отказавшись в дальнейшем от такой полемической трактовки этого понятия, Фрейд охотно пользовался им, чтобы подчеркнуть своеобразие детского сексуального удовольствия по сравнению с удовольствиями, связанными с функциями самосохранения. Так, во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) он писал: "Сексуальные влечения в общем можно характеризовать так: они многообразны, порождаются различными органическими источниками и осуществляются поначалу независимо друг от друга, лишь позднее достигая более или менее завершенного синтеза. Цель, к которой направлено каждое из них, — достижение *локального удовольствия*" (2).

(1) Freud (S.). Drei Anhandlungen zur Sexualtheorie, 1905 (1915). G.W., V, 83; S.E., VII, 182—183; франц., 76.
(2) Freud (S.). G.W., X, 218; S.E., XIV, 125—126; франц., 41.

УКОРЕНЕНИЕ СОМАТИЧЕСКОЕ

Нем.: somatisches Entgegekommen. — Франц.: complaisance somatique. — Англ.: somatic compliance. — Исп.: complacencia somática. — Итал.: compiacênza somática.

● Выражение, которым Фрейд обозначает истерический "выбор невроза", а также выбор органа или части тела, на которых осуществляется конверсия*: тело в целом (только у истериков) или какой-то его орган служат тем материалом, в котором символически выражается бессознательный конфликт.

■ Фрейд впервые говорит о соматическом укоренении в связи со случаем Доры; он считает, что пытаться выбирать между психическим и соматическим происхождением истерии бесполезно: "Истерический симптом требует присутствия обеих сторон; он не может возникнуть без соматического укоренения нормального или патологического процесса в данном органе или в связи с данным органом" (1a). Именно это соматическое укоренение "позволяет бессознательным психическим процессам запечатлеваться в теле" (1b), и в этом смысле оно играет определяющую роль в "выборе невроза"*.

Хотя понятие соматического укоренения, несомненно, выходит далеко за рамки истерии и ведет к более общей проблеме выразительных возможностей тела и, в частности, присущей ему способности обозначать вытесненное, имеет смысл сразу же развести различные уровни постановки этого вопроса.

1) Соматическое заболевание может стать местом притяжения и способом выражения бессознательного конфликта; так, Фрейд видел в ревматизме одной из своих пациенток "...органическое заболевание как прообраз его последующего истерического воспроизведения" (2).

2) Либидинальная нагрузка эрогенной зоны может смещаться, в ходе истории субъекта, на такие части или органы тела, которые не были изначально предназначены к роли эрогенных зон (см.: Зона эрогенная) и способны лишь неявно обозначать вытесненное желание.

3) Поскольку выражение "соматическое укоренение" обозначает не только выбор того или иного телесного органа, но также и выбор тела в целом как выразительного средства, мы должны учесть все перипетии нарциссической нагрузки собственного тела субъекта.

(1) Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. — a) G.W., V, 200; S.E.,VII, 40; франц., 28. — b) G.W., V, 201; S.E., VII, 41; франц., 29.

(2) Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. G.W., I, 211; S.E., II, 147; франц., 116.

УСТАНОВКА ДЕПРЕССИВНАЯ

Нем.: depressive Einstellung — Франц.: position dépressive. — Англ.: depressive position. — Исп.: posición depresiva. — Итал.: posizione depressiva. — Португ.: posição depressiva.

◘ По М. Кляйн, модальность объектных отношений, сменяющаяся параноидной установкой, возникает на четвертом месяце и постепенно преодолевается в течение первого года жизни; может вновь возникнуть в детском и зрелом возрасте, особенно в состоянии скорби и депрессии.

Черты депрессивной установки таковы: ребенок начинает видеть в матери целостный объект; расщепление на "хороший" и "плохой" объекты становится менее резким, либидинальные и враждебные влечения устремляются к одному и тому же объекту; страх ("депрессивный страх") связывается с воображаемой опасностью — потерять мать, погубить ее собственным садизмом; этот страх ослабляется различными защитными действиями (это могут быть маниакальные или более адекватные способы защиты — возмещение, торможение агрессивности) и преодолевается устойчивой интроекцией объекта любви.

◘ Относительно выбора этого термина у М.Кляйн см. наш комментарий к статье о параноидной установке. В своей концепции депрессивной установки Кляйн следует за Фрейдом (ср. "Скорбь и меланхолия" (Trauer und Melancholie), 1915) и Абрахамом (ср.

"Набросок истории развития либидо, основанной на психоанализе психических расстройств" (Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen, 1924): первая часть этой работы озаглавлена "Маниакально-депрессивные состояния и догенитальные стадии организации либидо" (Die manisch-depressiven Zustände und die pragenitalen Organisationsstufen der Libido). Оба эти автора выдвигали на первый план в трактовке меланхолической депрессии понятия утраты объекта любви и интроекции и стремились зафиксировать момент возникновения этого расстройства в психосексуальном развитии (по Абрахаму, вторая оральная стадия), подчеркивая сходство между депрессией и некоторыми нормальными процессами, например скорбью.

Новизна кляйновского подхода заключалась прежде всего в описании определенной фазы детского развития как аналога клинической картины депрессии.

Понятие депрессивной установки было введено М.Кляйн в 1934 г. в работе "К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний" (A contribution to Psychogenesis of Manic-Depressive States)(1). М.Кляйн и раньше обращала внимание на распространенность депрессивных симптомов у детей: "...переходы от возбуждения к угнетенности, характерные для депрессивных состояний, часто наблюдаются у детей"(2). В работе "Теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца" (1952) (3а) дается наиболее систематичное описание депрессивной установки.

Эта установка возникает вслед за параноидной установкой — к середине первого года жизни. Она связана с рядом изменений, касающихся, с одной стороны, объекта и *Я*, с другой — влечений.

1) Отныне мать в целом может восприниматься как объект влечений и подвергаться интроекции. Качества "хороший" и "плохой" уже не выступают как свойства расщепленных объектов, но как свойства одного и того же объекта. Одновременно с этим сокращается разрыв между внутренним, фантазматическим объектом и внешним объектом.

2) Влечения к агрессии и либидинальные влечения направляются на один и тот же объект, порождая тем самым подлинно амбивалентную ситуацию (см.: Амбивалентность): "Любовь и ненависть сближаются, "хорошая" и "плохая" грудь, "хорошая" и "плохая" мать уже не существуют порознь, как на предыдущей стадии" (3b).

Одновременно с этим меняется и характер страха: отныне он относится к утрате целостного (внутреннего или внешнего) объекта и обусловливается детским садизмом. Хотя, по Кляйн, этот садизм выражен не так ярко, как на предыдущей стадии, он приносит с собой в мир детских фантазий угрозу разрушения, повреждения, покинутости. Ребенок пытается ответить на этот страх маниакаль-

ной защитой, используя — в несколько измененном виде — механизмы параноидной стадии (отказ, идеализация, расщепление, всевластие над объектом). Однако полностью преодолеть депрессивную тревогу, выйти из нее можно лишь путем торможения агрессивности и возмещения* объекта.

Хотя депрессивная установка при этом сохраняется, отношение к матери уже теряет свою исключительность, так как ребенок, по Кляйн, входит в так называемые ранние эдиповские стадии, когда "...либидо и депрессивный страх обращены уже не только на мать, и это изменение направления побуждает к развитию объектных отношений и ослабляет гнет депрессии" (3с).

(1) Cf. Klein (M.). In: Contributions, 1934, 282 sq.

(2) Klein (M.). Die Psychoanalyse des Kindes, 1932. Франц. пер. Paris, P.U.F., 1959, 170.

(3) Klein (M.). In: Developments, 1952. — a) Cf. 198—236. — b) 212. — c) 220.

УСТАНОВКА ПАРАНОИДНАЯ

Нем.: paranoide Einstellung. — Франц.: position paranoïde. — Англ.: paranoid position. — Исп.: posición paranoide. — Итал.: posizione paranoide. — Португ.: posição paranóide.

◘ По М.Кляйн, своеобразный момент объектных отношений в первые четыре месяца жизни, который может вновь возникать в более поздний период детства, а у взрослых — преимущественно при паранойе и шизофрении.

Черты параноидной установки: изначальное сосуществование сильных агрессивных влечений с либидинальными влечениями; расщепленность частичного объекта (прежде всего материнская грудь) на "хороший"и "плохой" объекты*; преобладание процессов интроекции* и проекции*; сильный страх преследования (страх гибели от "плохого" объекта).

◘ Для начала — несколько терминологических уточнений: прилагательное "параноидный" в психиатрической терминологии, восходящей к Крепелину, обозначает определенную форму шизофрении, которая, подобно паранойе, характеризуется наличием бреда, но отличается от нее психической диссоциацией (1). В английском языке различие между прилагательными "параноидный" и "паранояльный" выражено менее резко: каждое из них может относиться и к паранойе, и к параноидной шизофрении (2).

Не оспаривая нозографического различия между паранойей и параноидной шизофренией, М.Кляйн называет "параноидным" момент, связанный в обоих этих расстройствах с бредом преследо-

вания. Поначалу она говорила о стадии преследования (persecutory phase), а в более поздних своих сочинениях — о параноидно-шизоидной установке (paranoid-schizoid position): первое выражение подчеркивало связь страха с преследованием, а второе — шизоидный характер действующих при этом механизмов.

Что же касается термина "установка", то М.Кляйн предпочитала его термину "стадия", поскольку "...этот страх и эти защитные механизмы, впервые появляющиеся во младенчестве, могут вновь возникнуть в первые детские годы, а при определенных условиях — и позже" (3а).

В первых своих работах М.Кляйн выявила в анализе детей, особенно психотиков, фантазматические страхи преследования. Лишь позднее она назвала раннюю стадию развития "зачаточным параноидным состоянием" (4). Поначалу она связывала ее с "первой анальной стадией" по Абрахаму, а затем с первым типом объектного отношения на оральной стадии, или, иначе, с "параноидной установкой" (ср. заглавие статьи). Наиболее систематичное описание этого феномена мы находим в работе "Теоретические выводы относительно эмоциональной жизни детей" (Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant, 1952) (3b).

В целом параноидно-шизоидная установка выглядит так:

1) по отношению к влечениям: либидо и агрессивность (орально-садические влечения — пожирание, разрывание) даны вместе и слитно с самого начала; в этом смысле, с точки зрения Кляйн, уже первая оральная стадия сосания отмечена амбивалентностью (3с). Эмоции, связанные с влечениями, отличаются особой силой (скупость, тревожность и т.д.).

2) Объект на этой стадии частичен: его прообразом выступает материнская грудь.

3) Этот частичный объект с самого начала расщеплен на "хороший" и "плохой" не только потому, что материнская грудь приносит удовлетворение или же разочарование, но и потому, что ребенок проецирует на него свою любовь или ненависть.

4) "Хороший" и "плохой" объекты, возникающие в результате такого расщепления (splitting), приобретают относительную независимость друг от друга, включаясь в процессы интроекции и проекции.

5) "Хороший" объект "идеализируется" как способ получения "безграничного, непосредственного и постоянного удовольствия" (3d). Интроекция этого объекта спасает ребенка от страха преследования (reassurance). Что же касается "плохого" объекта, то это страшный преследователь: его интроекция подвергает ребенка угрозе разрушения изнутри.

6) "Слабоинтегрированное" *Я* способно лишь к безграничному претерпеванию страха и тревоги. Помимо расщепления и

идеализации оно защищается от объекта-преследователя посредством *отказа* (denial), отрицания его реальности или чувства всемогущества по отношению к этому объекту.

7) "Эти первые интроецированные объекты образуют ядро *Сверх-Я*" (3c) (см.: *Сверх-Я*).

*

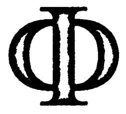
С точки зрения М.Кляйн, всякий индивид неизбежно проходит через стадии психотического страха: поначалу это параноидная, а затем депрессивная установка*. Преодоление параноидной установки зависит, в частности, от соотношения сил между либидинальными и агрессивными влечениями.

(1) Ср., например: Porot (A.). Manuel alphabétique de psychiatrie. Paris, P.U.F., 1960.

(2) Cf. English (H.B.) and English (A.C.). A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms, 1958.

(3) Cf. Klein (M.). Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant. 1952. In: Developments. — a) 236. — b) 198. — c) 206, n. — d) 202. — e) 200, n.

(4) Cf. Klein (M.). Die Psychoanalyse des Kindes, 1932. Франц.: La psychanalyse des enfants. Paris. P.U.F.. 1959. 232—233.

ФАЛЛОС

Нем.: Phallus. — Франц.: phallus. — Англ.: phallus. — Исп.: falo. — Итал.: fallo. — Португ.: falo.

● В греко-римской античности — образное представление мужского члена.

В психоанализе этот термин подчеркивает символическую функцию пениса в диалектике внутри- и внесубъектного, причем термин "пенис" обозначает данный орган в его анатомической реальности.

■ Слово "фаллос" редко встречается у Фрейда. Однако в форме прилагательного мы находим его в различных выражениях, главным образом в выражении "фаллическая стадия"*. В современной психоаналитической литературе слова "пенис" и "фаллос" различаются все более четко: первое обозначает мужской половой орган в его телесной реальности, второе подчеркивает его символическое значение.

Фаллическая организация, которую Фрейд в итоге счел определенной стадией развития либидо для обоих полов, играет важную роль, поскольку она связана с комплексом кастрации в его высшей точке и управляет процессом формирования и преодоления Эдипова комплекса. На этой стадии перед субъектом стоит выбор: либо обладание фаллосом, либо кастрация. Мы видим здесь не противопоставление двух терминов, обозначающих две различные анатомические реальности (например, пенис и влагалище), но присутствие или отсутствие одного и того же термина. Такое ведущее положение фаллоса для обоих полов связано, по Фрейду, с тем, что девочка не знает о существовании влагалища. Хотя формы проявления комплекса кастрации у мальчика и девочки различны, в обоих случаях он строится лишь вокруг фаллоса, который считается как бы отделимым от тела. В статье "О смещении влечений, преимущественно в области анального эротизма" (Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917) (1) показано, как мужской орган включается в ряд предметов, способных к взаимоподменам в "символических уравнениях" (пенис — фекалии — ребенок —

подарок т.д.): их общее свойство — способность обособляться от тела и переходить от одного субъекта к другому.

По Фрейду, мужской орган — это не только реальность, предельная точка отсчета для всего этого предметного ряда. Теория комплекса кастрации наделяет мужской орган особым символическим значением, поскольку его наличие или отсутствие превращает анатомическое различие в главный критерий классификации человеческих существ и поскольку для каждого субъекта это наличие или отсутствие не простая данность, а проблематичный результат внутри- и внесубъектного процесса, связанного с принятием субъектом своего пола. Опираясь на это символическое значение, Фрейд и, шире, весь современный психоанализ говорят о фаллосе, следуя употреблению этого слова в античности, где оно означало живописный или скульптурный образ мужского органа — главного объекта поклонения в ритуалах инициации (Мистерии). " В эту далекую эпоху фаллос в состоянии эрекции символизировал державную власть, трансцендентную или сверхъестественную мужественность (а вовсе не приапическую разновидность мужской силы), надежду на посмертное воскресение, он был светом первоначала, не допускающего ни тени, ни многообразия, вечным и единым источником бытия. Воплощёниями этого взгляда были итифаллические боги — Гермес и Озирис" (2).

Как понять это "символическое значение"? Прежде всего было бы ошибочно приписывать фаллосу-символу определенное аллегорическое значение, сколь бы то ни было широкое (плодородие, власть, авторитет и т.д.). Однако было бы неверно сводить символизируемое к мужскому органу — пенису в его телесной реальности. Наконец, фаллос оказывается значением или символизируемым в самых различных представлениях столь же часто или даже чаще, чем собственно символом (т.е. обобщенным образом мужского органа). В своей теории символики Фрейд указывал, что фаллос — это один из универсальных объектов символизации, причем его небольшие размеры [das Kleine] становятся основанием для сравнения (tertium comparationis) между мужским органом и тем, что его представляет. Реальным свойством так понимаемого фаллоса — свойством, воплощенным в различных его образах, — оказывается его способность к отделению от целого и преобразованиям, характерная для частичного объекта*. Этому не противоречит тот факт, что и субъект как целое может уподобляться фаллосу: он был отмечен Фрейдом в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung,1900) (3b, 3c) и получил солидную поддержку в психоаналитических исследованиях. В подобных случаях субъект уподобляется объекту, который можно видеть, показывать, обменивать, давать и получать. Фрейд, в частности, показал, как в женской сексуальности желание обладать фаллосом отца преобра-

зуется в желание иметь от него ребенка. Впрочем, как раз этот пример заставляет задуматься о том, есть ли у нас основания для четкого разграничения между пенисом и фаллосом как психоаналитическими понятиями. В выражении Penisneid (см.: Зависть к пенису) заключена некая, быть может плодотворная, двусмысленность, которую невозможно устранить формальным различением между желанием наслаждаться реальным человеческим пенисом в коитусе и желанием иметь фаллос (как символ мужественности).

Во Франции Ж. Лакан попытался построить психоаналитическую теорию вокруг понятия фаллоса как "означающего желания". При таком переосмыслении Эдипов комплекс подразумевает диалектику выбора: быть или не быть фаллосом, иметь или не иметь фаллос, причем три основных момента этого выбора зависят от роли фаллоса в желаниях трех участников эдиповской сцены (4).

(1) Cf. Freud (S.). G.W., X, 402—410; S.E., XVII, 127—133.

(2) Laurin (C.). Phallus et sexualité feminine. In: La Psychanalyse, VII, Paris, P.U.F., 1964, 15.

(3) Cf. Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900.— a) G.W., II—III, 366; S.E., V, 362—363; франц., 269. — b) G.W., II—III, 370—371; S.E., V, 366; франц., 272. — c) G.W., II—III, 399; S.E., V, 394; франц., 293.

(4) Cf. Lacan (J.). Les formations de l'inconscient. Compte rendu de J.-B. Pontalis. In: Bulletin de Psychologie, 1958, passim.

ФАЛЛИЧЕСКАЯ (ЖЕНЩИНА ИЛИ МАТЬ)

Нем.: phallische (Frau или Mutter). — Франц.: phallique (femme или mère). — Англ.: phallic (woman или mother). — Исп.: fálica (mujer или madre). — Итал.: fallica (donna или madre). — Португ.: fálica (mulher или mãe).

● Женщина, в фантазиях наделяемая фаллосом. Этот образ может быть двояким: либо женщина с наружным фаллосом (или его признаком), либо женщина с мужским фаллосом внутри себя.

■ Образ женщин, наделенных мужским половым органом, часто встречается в психоанализе снов и фантазий.

В теоретическом плане основой образа фаллической женщины является постепенное построение "детской сексуальной теории", а затем наступление собственно либидинальной стадии, на которой оба пола считаются обладателями одинакового полового органа — фаллоса (см.: Стадия фаллическая).

По Р. Мак Брунсвик, этот образ, призванный "убедить ребенка в том, что мать обладает фаллосом, возникает, по-видимому, как раз в тот момент, когда ребенок начинает сомневаться, так ли это. Ранее казалось, что главный орган активной матери — это грудь;

мысль о пенисе переносится на активную мать лишь задним числом, когда признается значение фаллоса" (1).

В клиническом плане Фрейд показал, к примеру, что фетишист подменяет своим фетишем материнский фаллос, само отсутствие которого он, однако, отрицает (2).

Психоаналитики—последователи Ф.Бема — пошли другим путем, обнаружив (в частности, в анализе мужского гомосексуализма) страхи, порожденные фантазмом присутствия в матери фаллоса, полученного ею при коитусе (3). М.Кляйн с ее идеей "объединенного родителя"* расширяет поле действия этого фантазма.

В общем, "фаллической женщиной" называют образ женщины, действительно обладающей фаллосом, а не просто отождествляемой с ним (4). Нередко это выражение используется в нетерминологическом смысле, обозначая женщину с мужскими чертами характера, например авторитарностью, хотя лежащие в основе этого фантазмы нам неизвестны.

(1) Mack Brunswick (R.). The Preoedipal Phase of the Libido Development, 1940. In: Psa. Read., 240.

(2) Cf. Freud (S.). Fetischismus, 1927. G.W., XIV, 312; S.E., XXI, 152—153.

(3) Cf. Boehm (F.). Homosexualität und Ödipuskomplex, 1926. In: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, XII, 66—79.

(4) Cf. Fenichel (O.). Die symbolische Gleichung: Mädchen=Phallus, 1936. In: Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse, XXII, 299—314. In: Collected Papers, London, Routledge and Kegan, 1955, 3—18.

ФАНТАЗИЯ, ФАНТАЗМ

Нем.: Phantasie. — Франц.: fantasie. — Англ.: fantasy или phantasy. — Исп.: fantasia. — Итал.: fantasia или fantasma. — Португ.: fantasia.

● Воображаемый сценарий, в котором исполняется — хотя и в искаженном защитой виде — то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное).

Фантазии могут иметь различные формы: это осознанные фантазии, или сны наяву*, и бессознательные фантазии, обнаруживаемые аналитиком в качестве структурной подосновы явного содержания, или, иначе, первофантазии*.

■ I. Немецкое слово Phantasie означает "воображение": не столько способность воображения в философском смысле слова (Einbildungskraft), сколько мир воображения, его содержания, одушевляющую его творческую деятельность.

Французское слово fantasme было заново введено в употребление психоанализом, и потому оно более нагружено собственно

психоаналитическими смыслами, нежели немецкое Phantasie, причем это слово не соответствует немецкому в точности и имеет ограниченное употребление: fantasme — это особый продукт воображения, а вовсе не мир фантазий и не деятельность воображения в целом.

Д.Лагаш предложил использовать старое французское слово fantaisie, удобное тем, что оно обозначает одновременно и творческую деятельность, и ее результаты, однако в современном языке это слово тесно связано по смыслу с капризом, прихотью, чем-то несерьезным и пр.

II. Термины fantasmes, fantasmatique (фантазм, фантазматический) вызывают в мысли противопоставление между воображением и реальностью (восприятием). Если считать это противопоставление основой психоанализа, нам придется трактовать фантазм как чистую иллюзию, развеиваемую правильным восприятием реальности. Такое понимание мы находим в некоторых текстах Фрейда. Так, в работе "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911) Фрейд противопоставлял внутреннему миру, стремящемуся к иллюзорному удовлетворению, внешний мир, постепенно, посредством системы восприятия, подчиняющий субъекта принципу реальности.

Об этом же свидетельствует и тот путь, которым Фрейд пришел к своему открытию роли фантазирования в этиологии неврозов: поначалу Фрейд считал реальными те патогенные сцены детства, о которых рассказывали пациенты в ходе анализа, но затем вынужден был решительно отказаться от этого первоначального убеждения и признать свою "ошибку": эти сцены имели отношение не к материальной, но лишь к "психической реальности"* (α).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что само выражение "психическая реальность" — это не просто синоним внутреннего мира, психики в целом и пр. В самом глубоком своем фрейдовском смысле оно означает устойчивое и независимое от окружения ядро сопротивления, которое единственно можно считать "реальным" на фоне других психических феноменов. "Следует ли признать *реальность* бессознательных желаний — я не знаю. Конечно, проходные мысли и мысли-связки не обладают собственной реальностью. Однако, сталкиваясь с бессознательными желаниями в их наиболее четком и истинном выражении, мы вынуждены будем утверждать, что *психическая реальность* — это особая форма существования, которую нельзя смешивать с *материальной* реальностью" (1a).

Усилия самого Фрейда, да и все последующие психоаналитические размышления, по сути, были направлены к тому, чтобы понять устойчивость, действенность, относительную организованность мира фантазий в жизни субъекта. С этой целью

Фрейд выявил типические способы фантазирования, связанные с построением таких сценариев, как "семейный роман"*. Он счел неплодотворными попытки выбора между трактовкой фантазии как искаженного воспоминания о действительно случившихся событиях и трактовкой фантазии как воображаемого, замаскированного выражения динамики влечения, за которым не стоит никакая реальность. Изучение типичных фантазий, обнаруженных психоанализом, привело Фрейда к мысли о существовании бессознательных схем, или "первофантазий"*, выходящих за рамки индивидуального опыта и наследуемых генетически.

III. Термин "фантазия" широко используется в психоанализе. При этом, к сожалению, остается неясным место обозначаемой им реальности в психике или его топика: непонятно, относится ли фантазирование к сознанию, предсознанию или к бессознательному.

Для правильного осмысления фрейдовского понятия Phantasie необходимо разграничить несколько уровней:

1) то, что Фрейд называл "фантазиями", — это прежде всего сны наяву*, сцены, эпизоды, романы, которые субъект сочиняет и рассказывает в состоянии бодрствования. В "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895) Брейер и Фрейд показали распространенность и значение такого фантазирования у истериков и назвали его "бессознательным", т. е. тем, что осуществляется в бессознательном или гипноидном состоянии*.

В "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд все еще описывал фантазии по образу и подобию грез наяву. В его анализе они представали как компромиссные образования, сходные по своей структуре со сном. Эти фантазии или сны наяву возникают в процессе вторичной обработки*, т.е. в период работы сновидения*, теснее всего связанный с бодрствующей деятельностью.

2) Фрейд часто говорил о "бессознательном фантазировании", но это не всегда предполагало четкую метапсихологическую позицию. Иногда он имел в виду сублимирующие предсознательные грезы, которым безотчетно предается субъект (2). В статье "Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности" (Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität, 1908) "бессознательные" фантазии выступают как прообразы истерических симптомов и описываются в тесной связи со снами наяву.

3) Есть и другой подход, выявляющий тесную связь фантазирования с бессознательным. В главе VII "Толкования сновидений" Фрейд утверждал, что некоторые фантазии возникают на уровне бессознательного. Они связаны с бессознательными желаниями и выступают как отправная точка метапсихологического процесса снообразования, причем первый отрезок "пути" к постро-

ению сна "...ведет вперед, от бессознательных сцен или фантазий к предсознанию" (1b).

4) Таким образом, в работах Фрейда можно выделить (хотя сам он никогда этого и не делал) различные уровни фантазирования: это уровни сознания, сублимации, бессознательного (β). Фрейда интересовало прежде всего не разграничение этих уровней само по себе, но скорее разнообразные взаимосвязи между ними:

а) в настоящем сновидении сны наяву, подвергшиеся вторичной обработке, могут оказаться непосредственно связанными с бессознательной фантазией как "сердцевиной сна": "Психоанализ обнаруживает в ночных сновидениях фантазии, связанные с желанием, которые нередко оказываются буквальным повторением или же измененным вариантом детских сцен; бывает, что внешний облик сна непосредственно указывает на его сердцевину, искаженную примесью другого материала" (3). Так, в работе сновидения фантазирование предстает одновременно на двух полюсах: с одной стороны, оно выступает в связи с самыми глубокими бессознательными желаниями, а с другой — подвергается вторичной обработке. Эти два полюса сна или два способа фантазирования здесь воссоединяются или по крайней мере обнаруживают внутреннюю взаимосвязь и отношения взаимной символизации;

б) Фрейд считает фантазирование той *областью*, где несложно уловить механизм *перехода* между различными психическими системами, вытеснение и возврат вытесненного. Фантазии "...вплотную приближаются к сознанию, где пребывают довольно долго — покуда не получат новую порцию нагрузки; как только эта нагрузка превысит определенный уровень, их немедленно отбрасывает прочь от сознания" (4a);

в) в наиболее развернутом метапсихологическом определении фантазии Фрейд соединяет ее полярно противоположные аспекты: "С одной стороны, фантазии внутренне упорядочены, лишены противоречий, толково используют все преимущества системы сознания, так что мы вряд ли сможем отличить их от сознательных образований; с другой стороны, они бессознательны и лишены доступа к сознанию.[...] Однако именно их источник — бессознательное — определяет их судьбу. Их можно сравнить с метисами — это люди, в общем похожие на белых, однако какие-нибудь особые признаки выдают их цветное происхождение и делают их изгоями общества, лишенными всех привилегий белого человека" (4b).

Представляется поэтому, что фрейдовский подход к фантазиям не только не подчеркивает *существенной* разницы между бессознательным и сознательным фантазированием, но, напротив, стремится установить между ними переходы и взаимосвязи: "Ясно осознаваемые фантазии извращенцев, которые при благоприятном стечении обстоятельств могут превратиться в поступки, бредовые

страхи параноиков, переносящих на других людей собственную враждебность, бессознательные фантазии истериков, раскрываемые психоанализом в симптомах, — все эти образования совпадают по своему содержанию даже в мелочах" (5). Различные продукты воображения и психопатологические структуры, перечисляемые здесь Фрейдом, едины по содержанию, по способу организации и доступны выявлению независимо от того, сознательны они или бессознательны, выражены ли они в поступках или в мыслях, приняты ли они субъектом на свой счет или же перенесены им на других людей.

Следовательно, в процессе психоаналитического лечения необходимо выявить за такими проявлениями бессознательного, как сны, симптомы, отыгрывание*, навязчивая повторяемость в поведении, лежащие в их основе фантазии. Чем дальше продвигается исследование, тем яснее проступают "отростки" бессознательных фантазмов даже в тех разновидностях поведения, которые, на первый взгляд, никак не связаны с деятельностью воображения и подчиняются лишь требованиям реальности. С этой точки зрения, жизнь субъекта в целом выглядит как модель, приводимая в движение тем, что можно было бы назвать, подчеркивая ее структурирующий характер, *фантазматикой*. Речь здесь идет и в самом деле не только о тематике, пусть даже и весьма своеобразной для каждого отдельного субъекта, но и о собственной динамике фантазматических структур, которые ищут самовыражения и доступа в сознание и действие, привлекая для этого каждый раз новый материал.

IV. Фантазия самым тесным образом связана с желанием, о чем свидетельствует термин Фрейда Wunschphantasie ("фантазия желания") (6). В чем смысл этого отношения? Как известно, для Фрейда источником желания и его прообразом был *опыт удовлетворения**: "Самое первое желание (Wünschen) есть не что иное, как галлюцинаторная нагрузка воспоминания об удовлетворении" (1с). Означает ли это, что первофантазии в поисках своих галлюцинаторных объектов связаны с первым опытом нарастания и разрядки внутреннего напряжения? Можно ли сказать, что первофантазии направлены на фантазматические объекты подобно тому, как потребность обращена к реальным объектам?

Отношение между фантазией и желанием представляется нам более сложным. Даже в своих неразвитых формах фантазирование не сводится ни к какой осознанной деятельности субъекта желания:

1) фантазии — даже те, что доступны пересказу в одной фразе, — представляют собой сценарии, зрелища, последовательность сцен.

2) Субъект постоянно присутствует в этих сценах; даже в "первосцене"*, где его как будто бы нет, он фактически играет свою

роль не только как наблюдатель, но и как участник — например, прерывая родительский коитус.

3) Вовсе не представление объекта становится целью субъекта, но скорее сцена, участником которой он является: в ней, кстати сказать, возможны замены ролей (внимание здесь привлекает прежде всего фрейдовский анализ фантазма "Ребенка бьют" [Ein Kind wird geschlagen, 1919] со всеми синтаксическими вариациями этой фразы, а также преобразования сексуального фантазма в случае Шребера).

4) Будучи способом выражения желания, фантазия становится также местом защиты, обеспечивая такие простейшие защитные действия, как обращение на себя*, обращение в свою противоположность*, отрицание*, проекция*.

5) Все эти разновидности защиты неразрывно связаны с первейшей функцией фантазирования и с мизансценой желания, в которой *запрет* присутствует изначально — даже в самом способе возникновения желания.

α) Фрейдовские описания этого мыслительного поворота подкрепляют такое истолкование (7). Однако внимательное изучение используемых Фрейдом понятий и их эволюции (между 1895 и 1900 гг.) свидетельствует о том, что его собственные достаточно схематичные формулировки не позволяют учесть всю глубину и богатство его подхода к фантазированию. Трактовку этого периода см. в работе Лапланша и Понталиса "Первофантазм, фантазм первоначала, первоначало фантазма" [Fantasme originaire, fantasme des origines, origine du fantasme, 1964] (8).

β) В своей статье 1948 г. "Сущность и роль фантазий" [The Nature and Function of Phantasy, 1948] (9) Сьюзен Айзекс предлагает два графически различных способа написания слова фантазм: fantasy и phantasy — для обозначения соответственно "осознанных снов наяву, выдумок и пр." и "...первичного содержания бессознательных психических процессов" Айзекс считает, что введение этого нового терминологического разграничения верно выражает мысль Фрейда. Однако, как нам кажется, предлагаемое разграничение не отражает всей сложности взглядов Фрейда по этому вопросу. В любом случае оно неизбежно вызовет трудности с переводом: если каждый раз при употреблении Фрейдом термина Phantasie нужно будет выбирать между phantasy и fantasy, это приведет к большому произволу в истолкованиях.

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 625; S.E., V, 620; франц., 504. — b) G.W., II—III, 579; S.E., V, 574; франц., 469. — c) G.W., II—III, 604; S.E., V, 598; франц., 488—489.

(2) Cf. Freud (S.). Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität, 1908. G.W., VII, 192—193; S.E., IX, 160.

(3) Freud (S.). Über den Traum, 1901. G.W., II—III, 680; S.E., V, 667; франц., 111.

(4) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) G.W., X, 290; S.E., XIV, 191; франц., 137—138. — b) G.W., X, 289; S.E., XIV, 190—191; франц., 137.

(5) Freud (S.). Drei Anhandlungen zur Sexualtherie, 1905. G.W., V, 65, n.1; S.E., VII, 165, n.2; франц., 174, n. 33.

(6) Cf. Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917. Passim.

(7) Ср., например: Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917.

(8) Cf. Laplanche (J.) и Pontalis (J.-B.). In: Les Temps modernes, n. 215, pp. 1833—1868.

(9) Isaacs (S.). In: I.J.P., 1948, XXIX, 73—97. Франц. In: La psychanalyse, vol. 5. Paris, P.U.F., 125—182.

ФЕНОМЕН ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ

Нем.: funktionales Phänomen. — Франц.: phénomene fonctionnel. — Англ.: functional phenomen. — Исп.: fenómeno funcional. — Итал.: fenomeno funzionale. — Португ.: fenômeno funcional.

● Обнаружен Г. Зильберером (1909) в гипнагогических состояниях и затем в сновидениях; перевод в образы не содержаний мысли субъекта, но самого механизма ее функционирования.

■ В идеях Зильберера относительно функционального феномена была своя эволюция.

Он исходил из наблюдений над гипнагогическими состояниями, считая их ценным опытом, позволяющим воочию наблюдать рождение символов (или "феномена самосимволизации"). Он различал три рода явлений: материальные, при которых символизируется то, на что направлена мысль, или ее объект; функциональные, в которых представлено само функционирование мысли: ее подвижность или заторможенность, ее достижения и неудачи и пр.; соматические, при которых символизируются телесные впечатления (1).

Зильберер считал, что подобные разграничения применимы к любым проявлениям символического, особенно к сновидениям. Оставляя на долю "материальных феноменов" символизацию объектов мысли и представления, он поместил в разряд функциональных феноменов все то, что символизирует "состояние, деятельность, душевный склад" (2a). Аффекты, побуждения, намерения, комплексы и другие "части души" (в особенности цензура) выражаются символами, нередко олицетворенными. Функциональный аспект полнее всего выражен в "драматизации" сновидения. Очевидно, Зильберер излагает самое идею символического представления "здесь и теперь" (hic and nunc) определенного душевного состояния, присущего сознанию, порождающему образы.

Наконец, символика, особенно в сновидениях, тяготеет, по Зильбереру, к переходу от материального к функциональному, или, иначе говоря, имеет тенденцию к обобщению: "От любой частной темы мы обращаемся к целой совокупности тем, однородных по переживанию, а еще точнее — по типу самого пережитого психического события" (2b). Так, например, удлиненный объект символизирует прежде всего фаллос, но в конечном счете (через ряд все более и более абстрактных промежуточных этапов) он может обозначать также власть как таковую. Таким образом,

символический феномен сам по себе обращен в ту же сторону, что и анагогическое истолкование*, что лишь подчеркивает значение самой этой общей направленности.

В функциональном феномене Фрейд видит "одно из редких и неоспоримо ценных дополнений к учению о сновидениях. Он [Зильберер] доказал роль самонаблюдения, или, точнее, паранояльного страха подглядывания в возникновении сновидений" (3). Экспериментальные доказательства открытия Зильберера представлялись Фрейду убедительными, хотя он и ограничивал распространение функционального феномена областью между сном и бодрствованием, а во сне — "самовосприятием сна или пробуждения сновидца", которое, по Фрейду, связано с цензором сновидения или *Сверх-Я*.

Фрейд критически относился к расширенному употреблению этого термина: "О функциональном феномене говорят всякий раз, когда интеллектуальная деятельность или аффективные процессы проявляются в содержании сновидных мыслей, хотя у этого материала ничуть не более оснований для вторжения в сновидение, нежели у любого другого остатка дневных впечатлений" (4). Таким образом, за исключением некоторых особых случаев, Фрейд приписывал функциональному феномену статус материального (телесного) стимула: подход Фрейда, таким образом, прямо противоположен подходу Зильберера.

Читателю полезно будет ознакомиться с работой Джонса "Теория символики" (The theory of symbolism, 1916), где дается критика расширенной трактовки функционального феномена у Зильберера (5).

(1) Cf. Silberer (H.). Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzionationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten. In: Jahrbuch der Psychanalyse, 1909.

(2) Silberer (H.). Zur Symbolbildung. In: Jahrbuch der Psychoanalyse, 1909. — a) IV, 610. — b) IV, 615.

(3) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 164—165; S.E., XIV, 97.

(4) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., III—IV, 509; S.E., V, 505; франц., 376.

(5) Cf. Jones (E.). The Theory of Symbolism. In: Papers on Psycho-Analysis. London, Baillière, 5 ed., 1948, 116—137.

ФИКСАЦИЯ

Нем.: Fixierung. — Франц.: fixation. — Англ.: fixation. — Исп.: fijación. — Итал.: fissazione. — Португ.: fixação.

● Прочная связь с определенными лицами или образами (imago), воспроизводящая один и тот же способ удовлетворения и структурно

организованная по образцу одной из стадий такого удовлетворения. Фиксация может быть актуальной, явной, а может оставаться преобладающей тенденцией, допускающей для субъекта возможность регрессии*.

В рамках генетического подхода фиксация предстает как направленное развитие либидо (фиксация на той или иной стадии). Вне генетической точки зрения, в рамках фрейдовской теории бессознательного, это способ включения в бессознательное некоторых неизменных содержаний (опыт, образы, фантазии), служащих опорой влечениям.

■ Понятие фиксации постоянно присутствует в психоаналитическом учении, обозначая важный источник эмпирического опыта: невротик — и вообще любой человек — носит на себе печать детского опыта, сохраняет привязанность (более или менее скрытую) к определенным способам удовлетворения, определенным типам объекта и архаичным отношениям. Психоаналитическое лечение свидетельствует о власти прошлого опыта и его повторяемости, а также о сопротивлении субъекта самой возможности избавиться от этого.

Понятие фиксации ничего не объясняет, зато его описательная ценность несомненна. Вот почему Фрейд мог использовать его в различные периоды своего творчества, выявляя возможные источники невроза в истории субъекта. Именно поэтому Фрейд обосновывал свои первые этиологические концепции идеей "фиксации на травме"* (1a, 2). В "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) фиксация связывалась с теорией либидо и определялась устойчивым повторением (особенно очевидным при извращениях) прежних черт сексуальности: субъект привязан к определенным типам деятельности или же чертам "объекта", а их источник связан с каким-то особым моментом сексуальной жизни ребенка. Роль травмы не подвергается отрицанию, однако она осмысляется на основе событий, связанных с сексуальным опытом и способствующих фиксации на том или ином моменте.

С развитием теории стадий* либидо (в особенности догенитальных* стадий) понятие фиксации расширяет область своего применения: отныне оно может относиться не только к частичным либидинальным целям* или же объектам*, но ко всей структуре человеческой деятельности на определенной стадии (см.: Объектное отношение). Так, фиксация на анальной стадии лежит в основе невроза навязчивых состояний, а также определенного типа характера.

В "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) (3) Фрейд вновь обратился к фиксации на травме —

факту, не объяснимому лишь устойчивостью определенного способа либидинального удовлетворения и наводящему на мысль о навязчивом повторении*.

Либидинальная фиксация играет важную роль в этиологии различных психических расстройств, и потому необходимо уточнить ее функцию в различных невротических механизмах:

Фиксация выступает как источник *вытеснения** и может даже рассматриваться как первый этап вытеснения в широком смысле слова: "...[подвергшийся фиксации] либидинальный поток выступает по отношению к более поздним психическим образованиям как составная часть системы бессознательного и как результат вытеснения" (4a). Это "первовытесненное"*, в свою очередь, обусловливает вытеснение в узком смысле слова, возможное лишь в результате отталкивания вытесняемых элементов высшими инстанциями и одновременно притяжения их элементами, уже подвергшимися фиксации (5a).

В то же время фиксация подготавливает будущую регрессию*, по-разному проявляющуюся при неврозах, извращениях и психозах.

Условия фиксации, по Фрейду, двояки. С одной стороны, она порождается различными историческими факторами (семейная обстановка, травма и пр.). С другой стороны, ее возникновению способствуют определенные врожденные факторы, в силу которых один элемент влечения одерживает верх над другим. Кроме того, индивиды с "вязким" либидо (см.: Вязкость либидо*) (1b) склонны защищать "любую уже достигнутую либидинальную позицию, опасаясь проиграть в случае отказа от нее и не веря, что найдут удовлетворительную замену в новой позиции" (6).

*

Фиксация часто обсуждается в психоанализе, хотя ее природа и значение недостаточно четко определены. Иногда Фрейд использовал это понятие (как и понятие регрессии) в описательном смысле. В наиболее ясных текстах фиксация обычно сопоставляется с такими биологическими явлениями, при которых в организме взрослого человека сохраняются остатки предшествующих стадий онтофилогенетического развития. Речь идет, таким образом, о "пассивной задержке", нарушении, "торможении" развития (4b).

Источник и главная область применения такой трактовки проблемы — извращения. На первый взгляд, кажется, что некоторые схемы поведения существуют сами по себе и что субъект вполне может использовать их заново. Некоторые разновидности извращений, возникшие уже в раннем детстве, порождают сначала фиксации, а затем и симптомы без какого-либо участия регрессии.

Во всяком случае, развитие теории извращений заставляет усомниться в том, можно ли считать извращения прообразом фиксации как сохранения какого-то архаического элемента эволюции. Тот факт, что в основе извращений лежат конфликты и механизмы, близкие к невротическим, ставит под сомнение внешнюю простоту понятия фиксации (см.: Извращение).

*

Специфику психоаналитического понимания фиксации (в отличие, скажем, от сохранения анахронических схем поведения) можно выявить, размышляя о различных способах использования этого понятия у Фрейда. В общем, Фрейд говорит то о фиксации чего-то (воспоминания или симптома), то о фиксации (либидо) на чем-то (на определенной стадии, на определенном типе объекта и пр.). Понятие фиксации в первом смысле вполне совместимо с психологическими теориями памяти, в которых различаются моменты фиксации, сохранения, всплывания в памяти, признания воспоминания. Однако Фрейд понимал фиксацию вполне реалистически: речь шла о настоящей записи (Niederschrift) посредством мнесических следов, которые можно "перевести" из одной системы в другую. Уже в письме Флиссу от 6.12.96 представлена в разработанном виде вся теория фиксации: "Когда запись последующего этапа отсутствует, возбуждение устраняется согласно психологическим законам предыдущего периода и теми способами, которые были доступны субъекту в этот период. Тем самым анахронизм сохраняется; в некоторых областях остаются в силе fueros (древние законы, по-прежнему действующие в ряде испанских городов и провинций), или "пережитки"". Более того, понятие фиксации представлений* соотнесено с понятием фиксации соответствующего возбуждения. Этот момент — важнейшая часть фрейдовского подхода к проблеме; ярче всего он выражен в наиболее полном варианте фрейдовской теории вытеснения: "У нас есть основания предположить существование *первовытеснения* или первой фазы вытеснения, на которой психический репрезентатор (представление как репрезентатор влечения) лишается доступа в сознание. В результате этого происходит *фиксация*; отныне этот репрезентатор остается неизменным, а влечение навсегда сохраняет свою связь с ним" (5b).

В подобных высказываниях понятие фиксации сохраняет свой генетический смысл, причем его опорой становится поиск изначальных моментов простой и неустранимой записи некоторых особых представлений в бессознательном и фиксации самого вле-

чения на этих психических репрезентаторах, причем, быть может, этот процесс и создает влечение* как таковое.

(1) Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychanalyse, 1916—1917. — a) G.W., XI, 282 sqq; S.E., XVI, 273 sqq.; франц., 296 sqq. — b) Cf. G.W., XI, 360—361; SE., XVI, 348; франц., 374.

(2) Freud (S.). Über Psychoanalyse, 1909. G.W., VIII, 12; S.E., XI, 17; франц., 126.

(3) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 10; S.E., XVIII, 13; франц., 12.

(4) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Påranoia (Dementia paranoides), 1911. — a) G.W., VIII, 504; S.E., XII, 67; франц., 311—312. — b) G.W., VIII, 304; S.E., XII, 67; франц., 312.

(5) Freud (S.). Die Verdrängung, 1915. — a) Cf. G.W., X, 250—251; S.E., XIV, 148; франц., 71. — b) G.W., X, 250; S.E., XIV, 148; франц., 71.

(6) Freud (S.). Aus der Geschichte einer infantilen Neurose, 1918. G.W., XII, 151; S.E., XVII, 115; франц., 415.

ФРУСТРАЦИЯ

Нем.: Versagung. — Франц.: frustration. — Англ.: frustration. — Исп.: frustración. — Итал.: frustrazione. — Португ.: frustração.

● Состояние, при котором субъекту отказывают или сам он отказывается от удовлетворения своих влечений.

■ Повседневное использование слова "фрустрация" вместе с модой на него в англоязычной литературе привели к тому, что немецкое слово Versagung ныне повсеместно переводится как "фрустрация". Однако такой перевод требует пояснений:

1) в психологической литературе, особенно в исследованиях обучения, понятие фрустрации (лишение чего-то, принадлежащего по праву, обман надежд) обычно используется вместе с понятием ублажения (gratification): эти понятия определяют условия, при которых организм испытывает соответственно отсутствие или наличие приятного воздействия. Такой подход совпадает с позицией Фрейда, который называл фрустрацией отсутствие внешнего объекта, способного удовлетворить влечение. В работе "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911) Фрейд противопоставил влечения к самосохранению, требующие присутствия внешнего объекта, и сексуальные влечения, способные в течение долгого времени удовлетворяться автоэротизмом и фантазиями: вызывать фрустрацию могут лишь первые (1).

2) Понятие Versagung у Фрейда имеет также дополнительный смысл: оно обозначает не только эмпирический факт, но и особое отношение отказа (ср. слово sagen — говорить) в ответ на более или менее четко сформулированный запрос субъекта.

3) Возникает впечатление, что понятие frustration означает лишь пассивную фрустрацию субъекта, тогда как Versagung не указывает,

о чьем именно отказе идет речь. В ряде случаев преобладает рефлексивное значение глагола: "отказываться от чего-либо" (заранее оговоренного).

Эти уточнения (α) находят обоснование в текстах Фрейда о понятии Versagung. В "Типах невротических заболеваний" (Über neurotische Erkrankungstypen, 1912) Фрейд обозначает словом Versagung любое (внутреннее или внешнее) препятствие к либидинальному удовлетворению. Различая те случаи, когда невроз вызван отсутствием реального объекта (например, утратой объекта любви), и те случаи, когда субъект, вследствие внутренних конфликтов или фиксаций, отказывается от того удовлетворения, которое предлагает ему реальность, Фрейд считал Versagung понятием, способным объединить оба эти случая. При сопоставлении различных способов образования невроза возникла мысль о том, что при этом изменяется *отношение*, нарушается былое равновесие внешних обстоятельств и особенностей данной личности.

В "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917) Фрейд подчеркивал, что утрата внешнего объекта сама по себе не патогенна, но может стать патогенной, если "приносить субъекту удовлетворение мог лишь данный объект" (2).

Парадоксальная ситуация с "людьми, которые заболевают в момент достижения успеха" (3), подчеркивает важную роль "внутренней фрустрации"; здесь субъект делает еще один шаг, отказывая себе в действительном исполнении своего желания.

Из этих текстов Фрейда следует, что при фрустрации важно не столько отсутствие реального объекта, сколько наличие такого требования, которое предполагает особый способ удовлетворения или же вообще не может быть удовлетворено.

Мысль о том, что условием невроза оказывается Versagung, лежит в основе принципа невмешательства* как методического правила; смысл его в том, что на либидинальные запросы пациента не следует отвечать подменами: психоаналитик обязан поддерживать в пациенте состояние фрустрации (4).

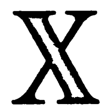
α) Ввиду широты данного понятия и сложности его перевода мы предпочитаем переводить Versagung (во всех случаях и независимо от контекста) как "фрустрация".

(1) Cf. Freud (S.). G.W., VIII, 234—235; S.E., XII. 222—223.

(2) Freud (S.). G.W., XI, 357; S.E., XVI, 345; франц., 371.

(3) Freud (S.). Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit, 1916. G.W., X, 364—391; S.E., XIV, 345; франц., 371.

(4) Cf. Freud (S.). Wege der psychoanalytischen Therapie, 1918—1919. G.W., XII, 183—194; S.E., XVII, 159—168; франц., 131—141.

"ХОРОШИЙ" ОБЪЕКТ, "ПЛОХОЙ" ОБЪЕКТ

Нем.: "gutes" Objekt, "böses" Objekt. — Франц.: "bon" objet, "mauvais" objet. — Англ.: "good" object, "bad" object. — Исп.: objeto "bueno", objeto "malo". — Итал.: oggeto "buono", oggeto "cattivo". — Португ.: objeto "bom", objeto "mau".

● Понятия М.Кляйн, обозначающие первые объекты влечений (частичные или цельные), как они проявляются в детских фантазиях. Качества "хороший" или "плохой" приписываются им не только потому, что они приносят фрустрацию или удовлетворение, но и потому, что на них проецируются либидинальные или, напротив, разрушительные влечения субъекта. По М.Кляйн, частичный объект (грудь, пенис) расщепляются на "хороший" или "плохой" объекты, причем это расщепление становится первым способом защиты от страха. Цельный объект также подвергается расщеплению ("хорошая" мать и "плохая" мать и пр.).

"Хорошие" и "плохие" объекты подвергаются интроекции* и проекции*.

■ Диалектика "хорошего" и "плохого" объектов — средоточие психоаналитической теории М.Кляйн, основанной на анализе наиболее архаических фантазмов.

Не пытаясь описать всю эту сложную диалектику, ограничимся указанием на несколько основных признаков, присущих понятиям "хорошего" и "плохого" объекта, и устранением нескольких концептуальных неясностей.

1) Кавычки, которые часто встречаются в текстах М.Кляйн, подчеркивают фантазматический характер самих этих качеств — "хорошего" и "плохого" объекта.

По сути, речь идет об "имаго" или о "...фантазматически искаженных образах реальных объектов, на которых они основаны" (1). Эта деформация порождается двумя факторами: поначалу удовлетворение от сосания груди делает грудь "хорошим" объектом, а напротив, отнятие от груди или отказ дать грудь порождает образ "плохой" груди. Далее, ребенок проецирует свою любовь на хорошую грудь, а свою агрессивность — на плохую. При этом возникает порочный круг ("грудь ненавидит и обижает меня, потому что я

ненавижу ее, и наоборот") (2), в котором свою роль играет, согласно М.Кляйн, и проекция.

2) Основой взаимодействия хорошего и плохого объектов выступает для М. Кляйн дуализм влечений к жизни* и влечений к смерти*, неустранимо присутствующий в жизни индивида с самого рождения. По М. Кляйн, садизм "расцветает" уже в самый ранний период, когда равновесие между либидо и разрушительными склонностями нарушается в пользу последних.

3) Поскольку эти два типа влечений присущи человеку изначально и направлены на один и тот же реальный объект (грудь), можно говорить здесь об амбивалентности*. Однако эта амбивалентность, порождающая у ребенка страх, изначально отступает под действием механизма *расщепления объекта** и связанных с ним аффектов.

4) Хотя эти объекты имеют фантазматический характер, не следует забывать, что они выступают как якобы *реальные* (в том смысле, в каком Фрейд говорит о психической *реальности*). М.Кляйн описывает их как "внутренние" части тела матери; их интроекция и проекция определяются не их качествами (хорошими или плохими), но самими объектами, неразрывно сросшимися с этими качествами. Более того, *объект* — неважно, хороший или плохой — наделен фантазматической властью, сходной с властью человека ("плохая грудь преследует", "хорошая грудь ублажает", плохие объекты нападают на тело матери, хороший и плохой объекты борются внутри материнского тела и пр.).

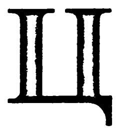
Таким образом, грудь — это первый расщепленный объект. Все частичные объекты подвергаются аналогичному расщеплению (пенис, фекалии, ребенок и пр.). Это относится и к цельным объектам — с того момента, как ребенок научается их воспринимать. "Хорошая грудь — вовне и внутри — становится прообразом любого объекта, приносящего помощь, а плохая грудь — прообразом всех внешних и внутренних преследователей" (3).

Отметим, наконец, что кляйновская концепция расщепления объекта на "хороший" и "плохой" связана с некоторыми идеями Фрейда, высказанными прежде всего во "Влечениях и судьбах влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) и в "Отрицании" (Die Verneinung, 1925) (см.: *Я*-удовольствие, *Я*-реальность).

(1) Klein (M.). A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States, 1934. In: Contribution, 282.

(2) Riviere (J.). On the Genesis of Psychical Conflict in Earliest Infancy, 1936. In: Developments, 47.

(3) Klein (M.). Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant, 1952. In: Developments, 200.

ЦЕЛЕПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Нем.: Zielvorstellung. — Франц.: representation-but. — Англ.: purposive idea. — Исп.: representación-meta. — Итал.: rappresentazione finalizzata. — Португ.: representação-meta.

● Термин Фрейда, обозначающий то, что направляет ход мыслей — сознательных, предсознательных и бессознательных. На каждом из этих уровней существует определенная целенаправленность, в силу которой мысли выстраиваются в последовательность — не чисто механическую, но детерминированную наиболее значимыми представлениями как точкой притяжения для других представлений. Таковы, например, при сознательном мышлении поставленная задача, а при свободных ассоциациях — бессознательная фантазия.

■ Фрейд говорит о "целепредставлении" главным образом в своих первых работах по метапсихологии, а именно в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895), а также (неоднократно) в главе VII "Толкования сновидений" (Die Traumdeutung, 1900). В этом понятии запечатлено оригинальное содержание фрейдовской концепции психического детерминизма: поток мыслей не может быть недетерминированным, т.е. свободным от каких-либо закономерностей, более того — управляющие этим потоком закономерности не являются чисто механическими, как полагала ассоциационистская психология, согласно которой последовательность ассоциаций подчиняется лишь [принципам] смежности и сходства, что делает совершенно неуместным поиск каких бы то ни было глубоких смыслов. "Каждый раз, когда один психический элемент связан с другим случайной или поверхностной ассоциацией, между ними существует также более надежная и глубокая связь, за которой скрывается сопротивление цензуры"(1).

Термин "целепредставление" свидетельствует, по Фрейду, о том, что ассоциации подчинены какой-то конечной цели. Она обнаруживается явно в случаях сосредоточенного аналитического мышления, при котором всякий выбор направляется поставленной целью, но остается скрытой, хотя и доступной психоанализу, там, где ассоциации развертываются свободно (см.: Свободные ассоциации).

Почему Фрейд говорит о целепредставлении, а не просто о ближайших или конечных целях? Этот вопрос возникает прежде всего в связи с бессознательным целеполаганием, и ответ на него такой: дело в том, что эти представления суть не что иное, как бессознательные фантазии. Такая трактовка находит свое обоснование в первых фрейдовских моделях функционирования мышления: мысль, включая исследовательский поиск, присущий вторичным процессам, возможна лишь постольку, поскольку цель или целепредставление сохраняет свою энергетическую нагрузку, оставаясь той точкой, притяжение которой обеспечивает расчистку или прокладывание вновь ведущих к ней путей. Эта цель — "представление о желании" (Wunschvorstellung), извлекаемое из опыта удовлетворения* (2).

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. G.W., II—III, 535; S.E., V, 530; франц., 436.

(2) Cf. Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 411—416; англ., 389—394; франц., 345—349.

ЦЕЛЬ (ВЛЕЧЕНИЯ)

Нем.: Ziel (Triebziel). — Франц.: but (pulsionnel). — Англ.: aim (instinctual aim). — Исп.: hito или meta instintual. — Итал.: meta (istintuale или pulsionale). — Португ.: alvo или meta impulsor(a) или pulsional.

● Действие, к которому подталкивает влечение и которое приводит к устранению внутреннего напряжения; его опорой служат фантазии.

■ Понятие цели влечения связано с фрейдовским анализом влечения и различных его составляющих: силы*, источника*, цели и объекта* (1a, 2a).

В общем, цель влечений совершенно ясна: она всегда заключается в удовлетворении, т.е., согласно экономической концепции Фрейда, в разрядке накопленной энергии сообразно "принципу постоянства"*. Однако, даже говоря о "конечной цели" влечений, Фрейд не подразумевал при этом какую-то особую цель определенного влечения (2b). Эта конечная цель может быть достигнута посредством "промежуточных целей", более или менее взаимозаменяемых, однако Фрейд подчеркивал специфику цели каждого частичного влечения. Согласно концепции, представленной в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905): "Сексуальная цель инфантильного влечения заключается в достижении удовлетворения посредством возбуждения той или иной эрогенной зоны" (1b). Это понятие, по-видимому, впервые появилось в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895) в форме "специфического действия", единственно спо-

собного подавить внутреннее напряжение. Это понятие приобрело большую четкость в издании "Трех очерков" 1915 г.: "То, что отличает влечения друг от друга и наделяет их особыми качествами, есть их отношение к собственным сексуальным источникам и целям" (1b).

В этих текстах сразу же утверждается наличие тесной связи между целью и источником, чаще всего той или иной эрогенной зоной*: "...[у детей] сексуальная цель обусловлена той или иной эрогенной зоной" (1d). Или еще: "Цель, к которой стремится каждое сексуальное влечение, — достичь локального удовольствия* (Organlust)" (2c). Таким образом, целью орального влечения будет удовлетворение от сосания. И соответственно лишь по цели влечения можно судить о его источнике*, т. е. об органическом процессе в определенной эрогенной зоне: "...хотя влечения всецело определяются их телесным источником, на уровне психики они распознаются лишь по их целям [...]. Нередко можно с уверенностью определить влечения через их цели" (2d).

Таким образом, источник выступает как ratio essendi по отношению к цели, а цель в свою очередь — как ratio cognoscendi по отношению к источнику. Как примирить эту строгую взаимодетерминацию с теми "отклонениями от сексуальной цели", которым посвящена в "Трех очерках" целая глава? Здесь Фрейд стремился показать, вопреки обыденному мнению, что область сексуальности гораздо шире "нормального" сексуального акта у взрослых, ограниченного гениталиями и осуществляемого с единственной целью — "достичь сексуального контакта или по крайней мере осуществить действия, которые этому способствуют" (1e). Эти "отклонения" следует понимать не как изменения цели влечения, но как различные варианты самих сексуальных целей. Эти цели могут быть обусловлены либо *источниками* или эрогенными зонами, отличными от генитальной (например, поцелуи, связанные с оральной зоной), либо видоизменениями сексуального акта вследствие смещения *объекта*. (Так, Фрейд описывает фетишизм как "отклонение от цели", уточняя, что речь здесь идет, по сути, об "отклонении" от объекта (1f).)

В работе "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915) высказана совершенно иная точка зрения. Речь идет не о разновидностях сексуальной цели как таковой, но о видоизменении цели *определенного частичного влечения*. Это заставляет Фрейда разграничивать автоэротические влечения и влечения, изначально направленные на объект (садизм* и вуайеризм). При этом в первом случае "...органический источник играет столь важную роль, что П.Федерн и Л.Йекель даже предположили (по-видимому, небезосновательно), что форма и функция органа обусловливают активную или пассивную роль соответствующей цели влечения" (2e). О видоизменении цели можно говорить лишь

во втором случае, когда происходит "обращение в свою противоположность" (обращение садизма в мазохизм, вуайеризма в эксгибиционизм); однако это изменение цели здесь вновь оказывается тесно связано с изменением объекта — "обращением на себя" (2f).

При сублимации* изменение влечения заключается главным образом в изменении его цели. Однако и здесь это изменение обусловлено переменами в других составляющих влечения: подменой объекта, добавлением одного влечения к другому (когда, например, к влечению к самосохранению примыкает (см.: Примыкание*) сексуальное влечение) (1g,2g).

Как мы видим, если пользоваться четко выявленными категориями фрейдовской мысли, то понятие цели влечения окажется расположенным на ничейной земле — где-то между источником и объектом влечения. Если определять цель влечения исходя из тесной связи ее с органическим источником, то цель будет точно указана, но бедна по содержанию: для рта — сосание, для глаз — созерцание, для мышц — "схватывание" и пр. Если же следовать психоаналитическому подходу, связывая каждый тип сексуальной деятельности с определенным типом объекта, тогда понятие цели влечения окажется, по сути, ненужным, уступив место понятию объектного отношения*.

Можно было бы, конечно, прояснить затруднения, связанные с понятием цели влечения у Фрейда, разработкой самого понятия влечения. В самом деле, Фрейд включал сексуальное влечение и влечение к самосохранению в одну и ту же категорию, хотя вся теория сексуальности указывала на глубокие различия в их функционировании, особенно в их целях, а также в путях к удовлетворению.

Цель влечения к самосохранению можно понять лишь в связи со специфическим действием* по устранению напряжения: это действие порождается потребностью, возникающей в определенной части тела и требующей удовлетворения (например, потребность в пище). Определить цель сексуального влечения гораздо труднее. В самом деле, поначалу оно примыкает* к функции самосохранения, сливаясь с ней, и лишь постепенно обособляется от нее. Оно находит удовлетворение, одновременно укореняясь в ней через определенную жизненную функцию и отклоняясь от нее, будучи глубоким ее извращением. Именно в этой трещине рождаются фантазмы, использующие элементы представления, подчас весьма

удаленные от их телесного прообраза (см.: Автоэротизм; Примыкание; Влечение; Сексуальность).

(1) Freud (S.). Drei Abhanglungen zur Sexualtheorie, 1905. — a) Cf. G.W., V, 34; S.E., VII, 135—136; франц., 17—18. — b) G.W., V, 85; S.E., VII, 184; франц., 78. — c) G.W., V, 67; S.E., VII, 168; франц., 56—57. — d) G.W., V, 83; S.E., VII, 182—183; франц., 76. — e) G.W., V, 33; S.E., VII, 135; франц., 17. — f) Cf. G.W., V, 52; S.E., VII, 153; франц., 38. — g) Cf. G.W., V, 10; S.E., VII, 205—206; франц., 105—107.

(2) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale, 1915. — a) Cf. G.W., X, 214; S.E., XIV, 121; франц., 33. — b) Cf. G.W., X, 215; S.E., XIV, 122; франц., 34—35. — c) G.W., X, 218; S.E., XIV, 125—126; франц., 41. — d) G.W., X, 216; S.E., XIV, 123; франц., 36. — e) G.W., X, 225; S.E., XIV, 132—133; франц., 53. — f) G.W., X, 220; S.E., XIV, 127; франц., 43—44. — g) Cf. G.W., X, 219; S.E., XIV, 125—126; франц., 41—42.

ЦЕНЗУРА

Нем.: Zensur. — Франц.: censure. — Англ.: censorship. — Исп.: censura. — Итал.: censura. — Португ.: censura.

● Функция запрета, недопущения в систему Предсознание-Сознание бессознательных желаний и возникших на их основе образований.

■ Понятие цензуры встречается прежде всего в текстах Фрейда, посвященных "первой топике". У Фрейда речь впервые идет о цензуре в письме к Флиссу от 22.12.1897, где он стремился объяснить внешнюю абсурдность некоторых бредовых состояний: "Видели ли Вы когда-нибудь иностранную газету, подвергшуюся на границе русской цензуре? Слова, фразы, целые абзацы оказываются вымараны, так что понять оставшееся совершенно невозможно" (1). Понятие цензуры получило дальнейшее развитие в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), где оно служит осмыслению различных механизмов деформации* (Entstellung) сна.

По Фрейду, цензура функционирует постоянно: это преграда между системой бессознательного*, с одной стороны, и предсознания*-сознания* — с другой, которая лежит в основе вытеснения*. Ее действия становятся более заметными, когда она ослабляет свою бдительность, как, например, в снах: сонное состояние не позволяет бессознательным содержаниям свободно проявляться в моторной активности, причем, поскольку эти содержания могут противоречить желанию спать, цензура, хотя и в ослабленном виде, все же продолжает действовать.

Фрейд считал, что цензура существует не только между бессознательной и предсознательной системами, но также и между предсознанием и сознанием. "Мы считаем, что любому переходу от одной системы к другой, более развитой, любому движению к более высокой психической организации соответствует новая цензура" (2a). Фактически, по Фрейду, нужно было бы представить себе не

две различные цензуры, а одну, которая "чуть сдвигается вперед" (2b).

Во второй теории психического аппарата Фрейду приходилось, с одной стороны, включать цензуру в более обширное поле защиты*, а с другой — выяснять, с какой психической инстанцией она связана.

По мнению ряда авторов, понятие цензуры предвосхищает понятие *Сверх-Я**, чьи "антропоморфные признаки" сходны с некоторыми свойствами цензуры у Фрейда: между "прихожей", где толпятся бессознательные желания, и "гостиной", где пребывает сознание, стоит страж, более или менее бдительный, и этот страж — цензура: "Эта инстанция самонаблюдения известна нам как цензор *Я*, как моральное сознание; именно она ночью подвергает цензуре наши сны, именно она вытесняет недопустимые желания" (3b).

В дальнейшем Фрейд, хотя и не в явной форме, приписывает *Я** функции цензуры, особенно деформации снов (4).

При употреблении этого понятия каждый раз присутствует и его буквальное значение: судя по "пробелам" и искажениям, это устранение неприемлемых отрывков членораздельной речи.

(1) Freud (S.). Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887—1902. Нем., 255; англ., 240; франц., 213.

(2) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — a) Cf. G.W., X, 290—291; S.E., XIV, 192, франц., 139. — b) G.W., X, 292; S.E., XIV, 193; франц., 141.

(3) Cf. Freud (S.). Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1916—1917. — a) G.W., XI, 305—306; S.E., XVI, 295—296; франц., 319—320. — b) G.W., XI, 444; S.E., XVI, 429; франц., 458—459.

(4) Cf. Freud (S.). Abriss der Psychoanalysis, 1938. G.W., XVII, глава IV; S.E., XXIII, глава IV; франц., глава IV.

Ч

ЧУВСТВО ВИНЫ

Нем.: Schuldgefühl. — Франц.: sentiment de culpabilité. — Англ.: sense of guilt., quilt feeling — Исп.: sentimiento de culpabilidad. — Итал.: senso di colpa. — Португ.: sentimento de culpa.

● **Термин, широко используемый в психоанализе.**

Он может обозначать аффективное состояние после совершения действия, которое субъект считает предосудительным по тем или иным основаниям (угрызения совести преступника или же по видимости абсурдные самоупреки), или же неясное чувство собственного ничтожества, не связанное с каким-либо конкретным поступком, вызывающим раскаяние субъекта.

Помимо этого чувство вины выступает в анализе как система бессознательных мотивировок, объясняющих неудачи, преступное поведение, страдания, которые причиняет себе субъект.

В этом последнем смысле слово "чувство" требует оговорок, поскольку на уровне сознательного опыта субъект может и не чувствовать себя виноватым.

■ Чувство вины возникает прежде всего при неврозе навязчивых состояний — в виде самоупреков, навязчивых идей, с которыми субъект борется, считая их предосудительными, наконец, в форме стыда, связанного с самой защитой.

Уже и на этом уровне можно отметить, что чувство вины отчасти бессознательно, поскольку реальная природа проявляющихся при этом желаний (прежде всего агрессивных) неведома субъекту.

В результате психоаналитического исследования меланхолии была подробнее разработана теория чувства вины. Как известно, для него характерны прежде всего самообвинения и самоуничижения, стремление к самонаказанию, способное привести к самоубийству. Фрейд показал, что при этом мы сталкиваемся с действительным расщеплением *Я* на обвинителя (*Сверх-Я*) и обвиняемого: само это расщепление обусловливается процессом интериоризации межсубъектных отношений: "Самоупреки — это упреки объекту любви, обращенные против себя[...]; *жалобы* [меланхолика] подобны *жалобам* в суд" (1a).

Это выявление понятия *Сверх-Я** неизбежно должно было

привести Фрейда к признанию более широкого участия защитного конфликта в чувстве вины. Уже в "Скорби и меланхолии" (Trauer und Melancholie, 1917) он признавал, что "... критическая инстанция, которая предстает здесь как отщепившаяся от *Я*, могла бы, при иных условиях, показать свою самостоятельность..."(1b); в главе V "*Я* и *Оно*" (Das Ich and das Es, 1923), посвященной "...отношениям зависимости, свойственным *Я*", Фрейд стремился выделить различные способы проявления чувства вины — от нормального до психопатологического" (2a).

По сути, вычленение *Сверх-Я* как инстанции критической и карающей по отношению к *Я* внедряет в психику внутреннее чувство вины: "Чувство вины есть такое восприятие *Я*, которое принимает критику [*Сверх-Я*]" (2b).

С этой точки зрения, само выражение "бессознательное чувство вины" приобретает более глубокий смысл, нежели при обозначении бессознательно мотивированного чувства, поскольку теперь и само отношение *Сверх-Я* к *Я* может быть бессознательным и не приводить к субъективно осознаваемому чувству вины. Так, у некоторых преступников "...сильное чувство вины возникает еще до преступления — не как следствие, но как повод, словно субъект испытывает облегчение, связывая свое бессознательное чувство вины с чем-то непосредственным и реальным" (2c).

Фрейд заметил парадоксальность самого выражения "бессознательное чувство вины": ему казалось уместнее говорить о "потребности в наказании"* (3). Однако выражение "потребность в наказании" обозначает силу, направленную на уничтожение субъекта и несводимую к напряженности между различными психическими системами, тогда как чувство вины (неважно, сознательное или бессознательное) всегда может быть сведено к одному и тому же лежащему в области топики отношению между *Я* и *Сверх-Я* как остатку Эдипова комплекса: "Как правило, чувство вины в основном бессознательно, поскольку моральное сознание возникает в тесной связи с Эдиповым комплексом, который принадлежит бессознательному" (2d).

(1) Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1917. — a) G.W., X, 434; S.E., XIV, 248; франц., 201. — b) G.W., X, 433; S.E., XIV, 247; франц., 199.

(2) Freud (S.). a) Cf. G.W., XIII, 276—289; S.E., XIX, 48—59; франц., 205—218. — b) G.W., XIII, 282; S.E., XIX, 53; франц., 211. — c) G.W., XIII, 282; S.E., XIX, 52; франц., 210. — d) G.W., XIII, 281; S.E., XIX, 52; франц., 210.

(3) Cf. Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. G.W., XIII, 379; S.E., XIX, 166; франц., 219.

ЧУВСТВО НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Нем.: Minderwertigkeitsgefühl. — Франц.: sentiment d'infériorité. — Англ.: sense или feeling of inferiority. — Исп.: sentimento de inferioridad. — Итал.: senso d'inferiorità. — Португ.: sentimento de inferioridade.

● По Адлеру, чувство, основанное на действительном органическом недостатке. Комплекс неполноценности связан с попыткой индивида компенсировать — более или менее удачно — этот недостаток. Адлер приписывает этому механизму более широкое значение в возникновении различных расстройств.

По Фрейду, чувство неполноценности не обязательно связано с органическим недостатком. Оно не является решающим этиологическим фактором и должно рассматриваться и истолковываться как один из симптомов.

■ Смысл термина "чувство неполноценности" в психоаналитической литературе был раскрыт Адлером. Теория Адлера направлена на объяснение неврозов, душевных болезней и — в более общем смысле — личностных образований как реакций на ту или иную, еще в детстве проявившуюся форму неполноценности — органической (пусть совсем незначительной), морфологической или функциональной: "Телесная неполноценность и другие сходные с нею обстоятельства детства порождают чувство неполноценности, которое требует в качестве компенсации усиления чувства собственного достоинства. Субъект строит фиктивную конечную цель, отмеченную волей к власти: это позволяет ему сосредоточить свои душевные силы и направить их к этой цели" (1).

Фрейд неоднократно подчеркивал односторонность, недостаточность и бедность таких представлений: "О ком бы ни шла речь — будь то гомосексуалист или некрофил, мучимый страхами истерик, зациклившийся невротик или буйный помешанный, — в любом случае сторонник адлеровской индивидуальной психологии скажет, что определяющий подобное состояние мотив заключается в том, чтобы устранить или сверхкомпенсировать свою неполноценность [...]" (2a).

Хотя подобная теория неврозов неприемлема с этиологической точки зрения, из этого вовсе не следует, что психоанализ отказывается признать значение или распространенность чувства неполноценности, равно как и его место в сцеплении психологических мотивировок. Фрейд высказал несколько мыслей о происхождении этого чувства, хотя и не исследовал этот вопрос систематически: "Ребенок чувствует свою неполноценность, замечая, что его не любят, то же происходит и со взрослым. Единственный телесный

орган, который действительно выступает как неполноценный, — это отсеченный пенис или клитор у девочки" (2b).

С точки зрения структурной, чувство неполноценности выражает напряженность отношений между *Я* и осуждающим его *Сверх-Я*. Такое объяснение подчеркивает родство между чувствами неполноценности и вины, однако затрудняет их разграничение. Д.Лагаш считал, что чувство вины зависит от системы *Сверх-Я — Идеал-Я*, а чувство неполноценности — от *Я* идеального* (3).

С клинической точки зрения, велико значение чувства вины и неполноценности в различных формах депрессии. Ф.Паш, например, попытался уточнить ту форму "депресии неполноценности"(4), которая, по его мнению, наиболее распространена в наши дни.

(1) Adler (A.). Über den nervösen Charakter, 1912. Франц.: Le temperament nerveux, Payot, Paris, 1955, 49.

(2) Freud (S.). Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1933. — a) G.W., XV, 152; S.E., XXII, 141; франц., 193. — b) G.W., XV, 71; S.E., XXII, 65; франц., 92—93.

(3) Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité. In: La psychanalyse, Paris, P.U.F., 1961, vol. VI, 40—48.

(4) Pasche (F.). De la döpression. In: R.F.P., 1963, n. 2—3, 191.

ШИЗОФРЕНИЯ

Нем.: Schizophrenie. — Франц.: schizophrénie. — Англ.: schizophrenia. — Исп.: esquizofrenia. — Итал.: schizofrenia. — Португ.: esquizofrenia.

● Термин, предложенный Блейлером для обозначения группы психозов, единство которой обнаружил Крепелин, предложивший термин "раннее слабоумие" и разграничивший три разновидности шизофрении, ставшие затем общепринятыми: гебефрения, кататония и паранойя.

Вводя понятие шизофрении (от греч. "σχίζω" — "расщеплять","разламывать",φρήν—"ум"), Блейлер стремился выявить главный симптом этих разновидностей психоза — расщепление, раздробление [психических функций] (Spaltung). Это понятие укоренилось в психиатрии и психоанализе, несмотря на все различие мнений о том, в чем заключается своеобразие шизофрении и каково ее место в классификации душевных расстройств.

С клинической точки зрения, шизофрения разветвляется на несколько несходных друг с другом форм, которым обычно приписываются следующие признаки: несогласованность мыслей, поступков и аффектов (так называемое рассогласование, распадение, расщепление), отстранение от реальности и замкнутость в себе, уход во внутреннюю жизнь, связанную с порождением фантазмов (аутизм), бессистемное бредообразование. Болезнь носит хронический характер и всегда имеет свою динамику, развивается в сторону "ухудшения" интеллектуального и эмоционального состояния, нередко приводящего к маразму, и это главный критерий, по которому большинство психиатров считают возможным ставить диагноз шизофрении.

■ В результате крепелиновского распространения термина "dementia precox" на большую группу сходных болезней возникло несоответствие между этим термином и клиническими картинами, поскольку ни слово "dementia", ни эпитет "precox" уже не относились ко всем из них без исключения. Именно поэтому Блейлер предложил новый термин — "шизофрения": это название указывало на то, что было для него главным симптомом болезни, помимо всех "побочных симптомов"(например, галлюцинаций). Этот основной симптом — Spaltung: "Я называю dementia precox "шизофренией",

поскольку расщепление психических функций — одна из главных ее характеристик" (1a).

Хотя Блейлер подчеркивал влияние открытий Фрейда на свои идеи и, будучи профессором психиатрии в Цюрихе, принимал участие в юнговских исследованиях (см.: Ассоциация), тем не менее он использовал термин "Spaltung" совершенно иначе, нежели Фрейд (см.: Расщепление *Я*).

Что понимал под этим Блейлер? Хотя мы сталкиваемся с воздействием Spaltung в весьма различных областях душевной жизни (мысль, эмоции, деятельность), на ход мысли влияет прежде всего нарушение ассоциаций. При шизофрении следует различать "первичные" симптомы как непосредственное выражение болезни (которую Блейлер считает органической) и"вторичные" симптомы, или, иначе, "...реакции больной души" на патологический процесс (1b).

Первичное нарушение мысли можно определить как ослабление ассоциаций: "... ассоциации теряют связность. Среди тысяч нитей, управляющих нашими мыслями, болезнь вырывает, бессистемно и наугад, то отдельные нити, то отдельные их пучки, то целые их совокупности. В результате мысль становится ненадежной и нелогичной" (1c).

Другие нарушения мысли носят вторичный характер, демонстрируя тот способ, которым, при отсутствии "целепредставлений" (этим термином Блейлер обозначает только сознательные или предсознательные целепредставления)(см.: Целепредставление), мысли группируются в зависимости от тех или иных аффективных комплексов: "Все, что противоречит аффекту, особенно сильно подавляется, а все, что согласуется с аффектом, получает мощную поддержку. В результате субъект оказывается совершенно не способен помыслить то, что противоречит мысли, связанной с аффектом: шизофреник грезит лишь о своих желаниях, а то, что мешает их осуществлению, для него не существует. Тем самым совокупности мыслей, основанные скорее на общности аффекта, нежели на логической связи, не только складываются, но и укрепляются, так как ассоциативные пути, ведущие от одной такой совокупности к другим, теряют свою надежность и не могут образовывать более точные ассоциации, причем аффективно заряженная совокупность идей все больше изолируется и *обособляется (расщепление психических функций)*" (1d).

Так понимаемый Spaltung при шизофрении Блейлер сравнивает с тем, в чем Фрейд видит специфику бессознательного; это сосуществование бок-о-бок независимых друг от друга групп представлений (1f). Однако Spaltung Блейлера, предполагающий укрепление

отдельных групп связей, вторичен по отношению к некоей первичной нехватке [связей] или подлинному распаду мыслительного процесса. Таким образом, Блейлер различает две стадии Spaltung'а: первичное разложение или настоящее расщепление (Zerspaltung) и собственно Spaltung (раздробление мысли на отдельные группы психических явлений): "Именно расщепление выступает как предварительное условие большинства сложных проявлений болезни; оно налагает свою особую печать на всю симптоматологию. Однако за этим систематическим расщеплением (Spaltung) на отдельные мыслительные группы обнаружилось изначальное ослабление ассоциативных структур, подчас приводящее к хаотическим разрывам (Zerspaltung) даже внутри столь прочных образований, как конкретные понятия. Термин "шизофрения" относится к обоим типам Spaltung, следствия которых часто сливаются воедино" (1e).

Смысловые оттенки термина "диссоциация", который используется во французском и английском языках для обозначения шизофренического Spaltung'а, фактически больше подходят к блейлеровскому термину Zerspaltung.

Фрейд выражал сомнения относительно самого термина "шизофрения": "... он предопределяет природу недуга, используя для его обозначения один из признаков болезни, вводимый теоретически и к тому же — в свете других соображений — вряд ли существенный" (2a). Хотя Фрейд и использовал слово "шизофрения" параллельно с термином "dementia precox", он предлагал также термин "парафрения"*, подчеркивая тем самым и единство поля психозов, и его подрасчленение на две главные области.

По сути, Фрейд признавал, что между этими главными видами психозов могут устанавливаться многообразные связи (как в случае Шребера) и что подчас болезнь переходит из одной формы в другую, однако вместе с тем он подчеркивал своеобразие шизофрении по сравнению с паранойей как на уровне процессов, так и на уровне фиксаций. На первом уровне процессы "вытеснения" или же разгрузки реальности преобладают над тенденцией к восстановлению, а в рамках этой последней тенденции — механизмы, сходные с истерией (галлюцинации), преобладают над теми, что в случаях паранойи напоминают невроз навязчивых состояний (проекция). А вот что говорится по поводу фиксаций: "Предфиксация должна предшествовать параноидной фиксации, возникать на более глубо-

ком уровне в самом начале развития, ведущего от автоэротизма к объектной любви" (2b).

Фрейд высказал немало соображений о функционировании мысли и языка при шизофрении (3), однако определение структуры этого недуга стало делом его последователей.

(1) Bleuler (E.). Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Leipzig und Wien, 1911. — a) 5. — b) Cf. 284—285. — c) 10. — d) 293. — e) Cf. 296. — f) 296.

(2) Freud (S.). Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia, 1911. — a) G.W., VIII, 312—313; S.E., XII, 75; франц., 319. — b) G.W., VIII, 314; S.E., XII, 77; франц., 320.

(3) Ср. в особенности: Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. — G.W., X, глава VII; S.E., XIV, глава VII; франц., VII.

ЭГОИЗМ

Нем.: Egoismus. — Франц.: égoïsme. — Англ.: egoism. — Исп.: egoismo. — Итал.: egoismo. — Португ.: egoismo.

● Интерес *Я* к самому себе.

■ Поначалу это слово использовалось Фрейдом для характеристики сновидений, которые он считал "эгоистическими", поскольку "в них всегда участвует мое драгоценное *Я*" (1a). Из этого вовсе не следует, что во сне не могут проявиться совершенно "незаинтересованные" чувства, однако в них постоянно присутствует собственное *Я* сновидца или образ того, с кем он себя отождествляет (1b).

В самом начале исследований нарциссизма* Фрейду необходимо было осмыслить различие между ним и эгоизмом: нарциссизм — это "...либидинальное дополнение эгоизма" (2). Их нередко путают. Это разграничение основывается на различии между сексуальными влечениями и влечениями *Я**: эгоизм или *Я*-интерес (Ichinteresse) (см.: Интерес) можно определить как нагруженность влечениями *Я*, а нарциссизм — как нагруженность сексуальными влечениями.

(1) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900. — a) G.W., II—III, 274; S.E., IV, 267; франц., 202. — b) Cf. G.W., II—III, 328; S.E., IV, 323; франц., 240.
(2) Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1917. G.W., X, 413; S.E., XIV, 223; франц., 164.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ (прил.), ЭКОНОМИКА

Нем.: ökonomisch. — Франц.: économique. — Англ.: economic. — Исп.: económico. — Итал.: economico. — Португ.: econômico.

● Все, что относится к гипотезе, согласно которой психические процессы представляют собой обмен и перераспределение доступной измерению энергии влечений, которая может возрастать, убывать, оставаться неизменной.

■ В психоанализе часто говорят о так называемой "экономической точке зрения". Так, Фрейд определяет метапсихологию* как синтез

трех точек зрения: динамики, топики и экономики. Последняя представляет собой "попытку проследить все превращения отдельных количеств возбуждения и подойти хотя бы к *относительной* оценке их величины" (1). Экономическая точка зрения предполагает учет нагрузок* в их подвижности, количественных изменениях, противоречиях между ними (понятие противонагрузки) и пр. Экономический подход характеризует творчество Фрейда в целом: без учета экономики нагрузок описание психических процессов не может быть полным.

Это требование фрейдовской мысли порождается, с одной стороны, научным духом и понятийным аппаратом с его энергетическими понятиями, а с другой — клиническим опытом с обилием фактов, которые, как казалось Фрейду, можно объяснить лишь на экономическом языке. Это, например, навязчивость невротического симптома (пациенты часто говорят: "во мне есть что-то, что сильнее меня"); возникновение невротических расстройств вследствие нарушения сексуальной разрядки (актуальные неврозы*); напротив, устранение симптомов при наступлении катарсиса* или высвобождения "зажатых" аффектов (отреагирование*); это наблюдаемое в симптомах болезни и во время лечения отделение представления от изначально связанного с ним аффекта (конверсия*, вытеснение* и пр.); обнаружение таких ассоциативных цепочек, которые связывают одно представление, вовсе не вызывающее (или почти не вызывающее) аффективной реакции, с другим представлением, по видимости незначимым, но на самом деле лежащим в основе аффективной реакции: этот факт, по-видимому, свидетельствует о перемещении аффективного заряда по всей длине проводящей цепи от одного элемента к другому.

Эти факты лежат в основе первых теоретических построений, предложенных Брейером в "Теоретических размышлениях" ("Очерки об истерии" [Studien über Hysterie], 1895) и Фрейдом в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895), целиком построенном на понятии количества возбуждения, перемещающегося по нейронной цепи, и в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900).

Впоследствии целый ряд других клинических и терапевтических данных лишь укрепил эту экономическую гипотезу Фрейда. Среди них, например:

а) изучение таких состояний, как скорбь или нарциссический невроз*, приводившее к мысли о наличии в субъекте подлинного *энергетического равновесия* между различными нагрузками: так, отсутствие интереса к внешнему миру предполагает увеличение энергетических нагрузок во внутрипсихических образованиях (см.:Нарциссизм; *Я*-либидо — объектное либидо; Работа скорби);

б) интерес к военным неврозам, в частности и травматическим

неврозам* в целом. В подобных случаях расстройства возникают в результате *слишком сильного* шока — прилива возбуждений, с которыми субъект не в состоянии справиться;

в) ограниченная действенность истолкования и шире — терапевтического вмешательства в ряде сложных случаев, которые заставляют учесть *силу* воздействия тех или иных факторов (в особенности силу влечений), постоянных (присущих субъекту от рождения) или же временных.

2. Экономическая гипотеза постоянно присутствовала в целом ряде понятий фрейдовской теории. По-видимому, главный момент здесь — это мысль о существовании особого *аппарата* (который поначалу описывался как нейронный, а затем все решительнее, как психический), чья функция заключается в удержании энергетических процессов на как можно более низком уровне (см.: Принцип постоянства, Принцип удовольствия). Этот аппарат совершает определенную *работу*, которую Фрейд описывает по-разному: как преобразование свободной энергии в связанную энергию*, как отсрочку разрядки, как психическую *обработку* возбуждений и пр. Такая обработка предполагает разграничение между представлением и *квантом аффекта** или *суммой возбуждения*, способными перемещаться по ассоциативным цепям, обеспечивая энергетическую *нагрузку* того или иного представления или всей совокупности представлений и пр. Отсюда — собственно экономический смысл таких понятий, как *смещение** и *сгущение**.

Психический аппарат получает возбуждение в результате внешнего или внутреннего воздействия; в последнем случае постоянное давление этих возбуждений или *влечений** "побуждает к работе". Функционирование психического аппарата в целом может быть описано на экономическом языке как взаимодействие нагрузок, разгрузок, противонагрузок, сверхнагрузок.

Экономическая гипотеза тесно связана с двумя другими уровнями метапсихологического рассмотрения: топикой* и динамикой*. По сути, Фрейд определяет каждую из инстанций психического аппарата через особый способ перемещения энергии; так, в первой теории психического аппарата мы видим свободную энергию Бсз, связанную энергию Псз и энергетическую подвижность сверхнагрузок* в сознании.

Подобным образом, психический конфликт как понятие динамики предполагает, по Фрейду, учет соотношений сил между влечениями, *Я*, *Сверх-Я*. Значение "количественного фактора" в этиологии болезни, а также в терапии четко показано в "Конечном и бесконечном анализе" (Die endliche und die unendliche Analyse, 1937).

*

В экономическом подходе нередко видят наиболее проблематичную часть фрейдовской метапсихологии. Что представляет собой та энергия, о которой постоянно говорят психоаналитики? По этому поводу уместно будет сделать следующие замечания.

1) В физических науках речь также не идет об изначальной природе физических величин, но лишь об их изменениях, преобразованиях, эквивалентностях. Их изучение ограничивается определением их воздействий (сила, например, есть то, что производит определенную работу) или сопоставлением их друг с другом (одна сила измеряется через другую или же их воздействия сопоставляются между собой). В этом смысле позиция Фрейда не исключение: он видит в импульсе влечений силу, "побуждающую психику к работе" (2), и с готовностью признает, что "мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения, который развертывается внутри психических систем, и не чувствуем себя вправе строить на этот счет какие бы то ни было гипотезы. Следовательно, мы имеем дело с важным и не известным нам фактором, который переходит из одной формулы в другую" (3).

2) Таким образом, Фрейд говорил об энергии лишь как об основе преобразований, на которую указывают, по его мнению, многие факты опыта. Либидо (или энергия сексуальных влечений) интересовало его в той мере, в какой оно позволяло объяснить изменения объекта, цели, источника сексуального желания. В самом деле, когда какой-то симптом притягивает к себе энергию, другие виды деятельности оказываются энергетически ослабленными: подобным образом, когда нарциссизм или либидинальная нагрузка *Я* усиливается, это приводит к уменьшению энергетической нагрузки объектов.

Фрейд предполагал даже, что этот количественный фактор можно будет, по крайней мере в принципе, измерить в будущем.

3) При попытках понять природу фактов с точки зрения энергетики оказывается, что Фрейд, по сути, описывал в физикалистском языке то, что в перспективе, более близкой к непосредственному опыту, можно назвать "миром ценностей". Д.Лагаш подчеркивал взятую из феноменологии мысль о том, что организм структурирует свое окружение и даже свое восприятие объектов, исходя из собственных жизненных интересов, выделяя особо значимые объекты, области опыта, различия в восприятии (Umwelt). Если не ограничивать понятие ценности сферой этики, эстетики или логики, можно даже сказать, что аксиологическое

измерение, в котором ценности определяются их несводимостью к эмпирии, всеобщностью их природы и обязательностью их воплощения и т.д., важно для всех организмов. Именно в этом смысле объект, несущий нагрузку орального влечения, становится целью как объект поглощения, как пищевая ценность, а фобический объект выступает не просто как источник страха, но как объект-которого-нужно-избегать и, следовательно, вокруг которого складывается особая пространственно-временная структура.

Следует, однако, заметить, что подобный подход включает в себя содержание экономической гипотезы только если рассматривать все "ценности" как способные к взаимообмену, смещению или уравновешиванию внутри системы, где общее "количество ценностей" в распоряжении субъекта ограничено. Напомним, что Фрейд использует экономические понятия не столько в связи с влечениями к самосохранению (хотя и здесь явно присутствуют интересы, стремления, побуждения, "ценные объекты"), сколько применительно к сексуальным влечениям, нацеленным на объекты, весьма отличные от реальных. Под либидинальной экономикой Фрейд понимал как раз *обмен* ценностями в психическом аппарате; не учитывая этого, невозможно понять, как страдания, порождаемые симптомом, могут приносить сексуальное удовлетворение.

(1) Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. G.W., X, 280; S.E., XIV, 181; франц., 121.

(2) Freud (S.). Triebe und Triebschicksale. 1915. G.W., X, 214; S.E., XIV, 122; франц., 33.

(3) Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 30—31; S.E., XVIII, 30—31; франц., 34.

ЭКРАН СНА

Нем.: Traumhintergrund. — Франц.: écran du rêve. — Англ.: dream screen. — Исп.: pantalla del sueño. — Итал.: schermo del sogno. — Португ.: tela do sonho.

● Понятие Б.Д.Левина (1): любой сон как бы проецируется на белый экран, обычно не видимый сновидцем и символизирующий материнскую грудь, сходный с галлюцинацией образ, являющийся младенцу во сне после кормления; экран соответствует желанию спать. В некоторых снах (белые сны) он может возникнуть и сам по себе — как регрессия к первичному нарциссизму.

(1) Lewin (B.D.) Sleep, the mouth and the dream screen. In: The Psycho-Abalytic Quaterly, 1946, XV. Inferences from the dream screen. In: I.J.P., XXIX, 4, 1948. Sleep, narcissistic neurosis and the analytic situation. In: The Psycho-Analytic Quarterly, 1954, IV.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА

Нем.: Besetzungsenergie. — Франц.: énergie d'investissment. — Англ.: cathectic energy. — Исп.: energia de carga. — Итал.: energia di carica или d'investimento. — Португ.: energia de carga или de investimento.

Обсуждение этого понятия см. в статьях: Экономический; Нагрузка; Энергия связанная — Энергия свободная; Либидо.

ЭНЕРГИЯ СВОБОДНАЯ — ЭНЕРГИЯ СВЯЗАННАЯ

Нем.: freie Energie — gebundene Energie. — Франц.: énergie libre — énergie liée. — Англ.: free energy — bound energy. — Исп.: energía libre — energía ligada. — Итал.: energia libera — energia legata. — Португ.: energia livre — energia ligada.

● Термины, которые подразумевают, с точки зрения экономической, фрейдовское разграничение первичного и вторичного процессов. При первичном процессе энергия называется свободной и подвижной, поскольку она непосредственно устремляется к разрядке; при вторичном процессе энергия называется связанной, поскольку ее движение к разрядке замедлено и заторможено. В эволюционной перспективе свободное состояние энергии предшествует, по Фрейду, ее связанному состоянию, которое требует большей упорядоченности психического аппарата.

■ Фрейд приписывал заслугу разграничения между свободной и связанной энергией Брейеру (1,2). Однако фактически эти понятия не принадлежат Брейеру, а кроме того, Фрейд понимает их по-своему.

Брейеровское разграничение двух типов энергии основывается на установленном в физике различии между двумя типами механической энергии, величина которой в одной отдельно взятой системе остается постоянной. Гельмгольц, как известно, повлиявший на Брейера и Фрейда, противопоставлял *живые силы* (lebendige Krafte, понятие Лейбница) *скованным силам* (Spannkräfte), или, иначе, "силам, которые побуждают точку *М* к движению, находясь при этом в состоянии покоя" (3). Это противопоставление сходно с подходами других авторов, например с противопоставлением актуальной и потенциальной (Ранкин) или кинетической и статической (Томсон) энергии: Брейер явно заимствовал и сами эти понятия, и их разграничения у этих физиков.

Брейер стремился прежде всего определить ту форму потенциальной энергии нервной системы, которую он называл "тоническим внутримозговым возбуждением", или "нервным напряжением", или еще "покоящейся" энергией. Подобно тому, как сосуд

содержит в себе определенное количество потенциальной энергии, поскольку в нем есть вода, так и "...вся сеть [нервных волокон] образует единый резервуар нервного напряжения" (4a).

Тоническое возбуждение порождается различными источниками: это сами нервные клетки, внешние возбуждения, внутренние телесные возбуждения (физиологические потребности) и "психические аффекты". Оно используется или разряжается посредством различного рода деятельностей — двигательной, мыслительной и пр.

По Брейеру, существует оптимальный уровень этой потенциальной энергии, позволяющий воспринимать внешние возбуждения, строить ассоциации между представлениями, осуществлять свободное распространение энергии по всей нервной системе. Организм стремится сохранить или восстановить именно этот уровень возбуждений (см.: Принцип постоянства). Однако на самом деле он отдаляется от этого оптимального уровня — либо из-за снижения уровня нервной энергии (и тогда наступает сон, позволяющий вновь ею зарядиться), либо из-за слишком высокого энергетического уровня. В этом случае энергия может распространяться либо обобщенно и единообразно (как при состоянии напряженного ожидания), либо неравномерно (как при аффектах, не способных ни к разрядке энергии, ни к ее распределению по всей системе путем ассоциативной обработки*: Брейер называл их "зажатыми аффектами").

Из вышеизложенного ясно:

1) что две формы энергии, различаемые Брейером, — "потенциальная" и "кинетическая" — могут преобразовываться друг в друга;

2) что кинетическая энергия не имеет никаких преимуществ ни с генетической, ни с логической точки зрения и что фрейдовское различение между первичным и вторичным процессами чуждо мысли Брейера;

3) что главным для Брейера было спокойное состояние нервной энергии, поскольку лишь при достижении определенного уровня энергия приобретает способность свободно распространяться: к примеру, Брейер полагал, что во время сна, при понижении уровня потенциальной энергии, ее свободное распространение *нарушается* (4a);

4) что принцип постоянства понимался Брейером иначе, нежели Фрейдом (см.: Принцип постоянства; Принцип нейронной инерции).

*

Таким образом, представляется, что именно Фрейд ввел — применительно к психической энергии — противопоставление понятий свободной и связанной энергии. Заметим, что в физике эти два понятия были введены Гельмгольцем в рамках *второго* принципа термодинамики (постепенная потеря энергии); Гельмгольц называл *свободной* такую энергию, которая "... может свободно преобразовываться в другие виды работы", а связанной энергией — "...такую энергию, которая проявляется только в виде тепла" (5).

Это противопоставление не вполне соответствует антитезе статической (или тонической) и кинетической энергии, ибо в последнем случае принимается во внимание лишь механическая энергия, тогда как противопоставление свободной и связанной энергии предполагает учет различных видов энергии (тепловой, химической и пр.), а также условий, позволяющих (или не позволяющих) переход от одного вида энергии к другому. Стоит, однако, отметить, что статическая энергия — это, по Гельмгольцу, свободная энергия, способная преобразовываться в другие виды энергии, а кинетическая энергия (по крайней мере та, что появляется при неупорядоченном молекулярном движении) — это, напротив, связанная энергия. Итак, становится очевидно, что, называя связанной энергией энергию покоя или тоническую энергию в брейеровском смысле, а свободной энергией — кинетическую энергию, Фрейд фактически перевернул физическое значение этих понятий: под "свободной" энергией Фрейд подразумевал свободно распространяющуюся (frei beweglich), а вовсе не свободно преобразующуюся энергию.

В итоге можно утверждать следующее:

1) что пара противоположностей у Брейера (тоническая энергия, кинетическая энергия) взята из теории, которая не учитывает второго начала термодинамики. Напротив, Фрейд использует понятия (свободная энергия, связанная энергия), связанные со вторым началом термодинамики;

2) что хотя Фрейд был хорошо знаком с идеями физикалистов (Гельмгольц, Брюкке), он радикально переосмыслил заимствованные им физические понятия, которые в итоге стали сходными с понятиями Брейера;

3) что, несмотря на это очевидное совпадение, концепция Фрейда совершенно отлична от концепции Брейера: свободная энергия бессознательных процессов *первична* по отношению к связанной энергии. Это фундаментальное различие подходов выражается главным образом в неясностях формулировки принципа постоянства.

*

Мысль о противоположности между двумя видами энергетических процессов присутствует в "Наброске научной психологии" (Entwurf einer Psychologie, 1895): в первичных процессах функционирования нейронного аппарата энергия направлена к непосредственной и полной разрядке (принцип нейронной инерции); во вторичных процессах энергия связана, т. е. заключена в тех или иных нейронах или нейронных системах и накапливается в них. Условием связывания энергии выступают прежде всего "контактные преграды" между нейронами, в силу которых передача энергии от одного нейрона к другому прекращена или ограничена, и далее — воздействие одной группы нейронов, сохраняющих постоянную энергетическую нагрузку (*Я*), на другие психические процессы: речь у Фрейда идет о так называемой побочной (энергетической) нагрузке (Nebenbesetzung) как основе осуществляемых *Я* торможений (6a).

Особый случай функционирования "связанной" энергии представляют собой, по Фрейду, мыслительные процессы, в которых возрастание нагрузки при сосредоточении внимания сочетается с перемещением небольших количеств энергии как условием возможности мысли (6b). Этот энергетический поток достаточно слаб, но именно поэтому энергия распространяется свободно: "Небольшие порции энергии легче перемещаются при ее возрастании, нежели при убывании" (6c).

Противопоставление свободной и связанной энергии вновь возникает в "Толковании сновидений" (Die Traumdeutung, 1900), хотя о различных состояниях нейронов речь тут больше не идет; впоследствии Фрейд неизменно видел в этом противопоставлении экономическое выражение фундаментального различия между первичным* и вторичным* процессами (см.: Связывание).

(1) Ср., например: Freud (S.). Das Unbewusste, 1915. Конец главы IV. G.W., X; S.E., XIV.

(2) Ср., например: Freud (S.). Jenseits des Lustprinzips, 1920. G.W., XIII, 26; S.E., XVII, 26—27; франц., 29.

(3) Helmholtz (H.). Über die Erhaltung der Kraft. Leipzig, Engelmann, 1847, 12.

(4) Breuer (J.) и Freud (S.). Studien über Hysterie, 1895. — a) Нем., 169, n.; S.E., II, 194, n. — b) Нем., 168; S.E., II, 192—193; франц., 153.

(5) Helmholtz (H.). Über die Thermodynamik chemischer Vorgänge, 1882. In: Abhandlungen zur Thermodynamik chemischer Vorgänge. Leipzig, Engelmann, 1902, 18.

(6) Freud (S.). a) Cf. 1 часть, глава IV. — b) Cf. Нем., 447; англ., 425; франц., 378—379. — c) Нем., 451; англ. 429; франц., 382.

ЭРОГЕННОСТЬ

Нем.: Erogeneität. — Франц.: érogénéité. — Англ.: erogeneity или erogenicity. — Исп.: erogeneidad. — Итал.: erogeneità. — Португ.: erogeneidade.

Способность любого участка тела стать источником сексуального возбуждения, т.е. эрогенной зоной.

Это редко используемое понятие было введено Фрейдом в работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) (1). В этом тексте эрогенность определяется как сексуальная деятельность в той или иной области тела (2).

Используя это особое понятие, Фрейд стремился показать, что сексуальная "возбудимость" (Erregbarkeit) — это не особенность какой-то определенной эрогенной зоны, где она яснее всего проявляется, но скорее общее свойство любого участка кожного и слизистого покрова и даже внутренних органов.

Эрогенность для Фрейда — это количественный фактор, который может возрастать или убывать, а также распространяться в организме. По Фрейду, именно эти изменения объясняют возникновение симптомов ипохондрии.

(1) Cf. Freud (S.). G.W., X, 150; S.E., XIV, 84.

(2) Ср., также: Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. G.W., V, 85 (n.1, добавл. в 1915); S.E., VII, 184 (n. 1); франц., 179 (n.50).

ЭРОГЕННЫЙ

Нем.: erogen. — Франц.: érogène. — Англ.: erogenic или erotogenic. — Исп.: erógeno. — Итал.: erogeno. — Португ.: erógeno.

То, что порождает сексуальное возбуждение.

Чаще всего это прилагательное используется в сочетании "эрогенная зона"*, но также и в выражениях "эрогенный мазохизм"*, "эрогенная активность" и пр.

ЭРОС

Одно и то же греческое слово Erōs употребляется в различных языках.

Слово, обозначавшее у греков любовь или бога любви. В последней теории влечений Фрейда — совокупность влечений к жизни, противоположных влечениям к смерти.

■ Мы советуем читателю обратиться к статье: "Влечения к жизни"; в данном тексте наши замечания касаются лишь использования понятия "Эрос" для обозначения этих влечений.

Как известно, Фрейд стремился связать свою концепцию влечений* с общими философскими идеями: свидетельство тому — "обыденное" противопоставление любви и голода в первой теории и эмпедокловское противопоставление любви и вражды (φιλία и νεικοσ) во второй теории.

Фрейд неоднократно ссылался на платоновский Эрос, считая его близким по смыслу своему понятию сексуальности*: и в самом деле, он с самого начала подчеркивал, что сексуальность в его понимании не тождественна генитальной функции (1). Те критики, которые упрекали Фрейда в сведении всего на свете к сексуальности в обыденном смысле слова, теряют почву под ногами, как только это недоразумение разъясняется: "сексуальное" у Фрейда, как и в психоанализе вообще, следует понимать как Эрос (2).

Одновременно с этим Фрейд подчеркивал, что понятие Эроса может приводить к сокрытию сексуальности. Он писал, например: "Тот, кто считает сексуальность позором или унижением для рода человеческого, волен пользоваться более изысканными понятиями Эроса или эротики. И я бы мог поступить так с самого начала, избежав тем самым многих упреков. Но я не хотел так поступать, ибо мне неприятно идти на уступки пуританству. Неизвестно, куда все это приведет: может случиться, что, уступив на словах, мы предадим и суть дела" (3). Это означает, что, пользуясь понятием Эроса, мы рискуем пожертвовать сексуальностью ради ее возвышенных проявлений.

Начиная с "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920) Фрейд часто использовал понятие Эроса как синоним влечения к жизни, стремясь вписать свою новую теорию влечений в общую философскую и мифологическую традицию (ср., например, рассказанный Аристофаном миф в Платоновом "Пире"). Так, Эрос рассматривается как то, что стремится "все шире охватывать и усложнять рассеянные частицы живой субстанции, конечно, для того, чтобы лучше сохранить ее" (4).

Понятие Эроса обычно используется для обозначения сексуальных влечений в их явно умозрительном аспекте, например: "Наши отвлеченные размышления преобразуют это противопоставление [между либидинальными влечениями и разрушительными влечениями] в противопоставление между влечениями к жизни (Эрос) и влечениями к смерти" (5a).

Как можно соотнести друг с другом понятия Эроса и либидо*? Вводя понятие Эроса в работе "По ту сторону принципа удовольствия", Фрейд, по-видимому, отождествлял их: "...либидо

наших сексуальных влечений совпадает с Эросом поэтов и философов как основой единства всего живого" (5b). Заметим, что оба эти понятия заимствованы из древних языков и используются для построения теорий, выходящих за рамки психоаналитического опыта (α). При этом понятие "либидо" всегда — и до, и после введения понятия Эроса — использовалось для обозначения *энергии* сексуальных влечений (ср., например, следующее высказывание из "Очерка психоанализа" [Abriss der Psychoanalyse, 1938]: "Всю эту энергию Эроса, отныне называемую либидо"...) (6).

α) Вот, например, отрывок из "Исследований истерии" (Studien über Hysterie, 1895), где Брейер называет Эросом нечто демоническое: "Девочка предчувствует, что Эрос — это страшная сила, которая будет вершить и определять ее судьбу, и это ее пугает" (7).

(1) Ср., например: Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, предисл., 1920. G.W., V, 31—32; S.E., VII, 133—134: франц., 11—13.

(2) Freud (S.). Die Traumdeutung, 1900; п. 1925 г. G.W., II—III, 167; S.E., IV, 161.

(3) Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, 99; S.E., XVIII, 91; франц., 101.

(4) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. G.W., XIII, 269; S.E., XIX, 40; франц., 196.

(5) Freud (S.). a) G.W., XIII, 66, n; франц., 70, n. — b) G.W., XIII, 54; S.E., 50; франц., 58.

(6) Freud (S.). G.W., XVII, 72; S.E., XXIII, 149; франц., 9.

(7) Breuer (J.). Нем., 216; S.E., II, 246; франц., 199.

ЭРОТИЗМ УРЕТРАЛЬНЫЙ (или УРИНАРНЫЙ)

Нем.: Urethralerotik или Harnerotik. — Франц.: érotisme urétral (или urinaire). — Англ.: urethral erotism. — Исп.: erotismo uretral или urinario. — Итал.: erotismo uretrale. — Португ.: erotismo uretral или urinário.

○ Способ либидинального удовлетворения, связанный с мочеиспусканием.

□ Удовольствие от мочеиспускания и его сексуальное значение были впервые выявлены Фрейдом в "Трех очерках по теории сексуальности" (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie) и (на опытном материале) в случае Доры. С одной стороны, недержание мочи у детей трактуется как эквивалент мастурбации (1). С другой стороны, Фрейд выявляет символические связи между мочеиспусканием и огнем, которые разрабатывались далее в "Овладении огнем" (Zur Gewinnung des Feuers, 1932).

Третий важный момент у Фрейда — гипотеза о наличии определенной связи между чертами характера и уретральным эротизмом. В конце статьи "Характер и анальный эротизм" (Charakter und Analerotik, 1908) Фрейд писал: "В общем, стоит подумать о том, не

зависят ли и другие комплексы в характере от возбудимости определенных эрогенных зон. Пока что я могу указать лишь на безмерное, "жгучее" честолюбие тех, кто некогда страдал энурией" (2). Вслед за этим К.Абрахам обнаружил, что акт мочеиспускания иногда сопровождается детскими фантазиями всевластия: это " ... ощущение огромной, даже безграничной власти, способной создать или разрушить любой объект" (3).

М. Кляйн подчеркивала значение подобных фантазмов, прежде всего связанных с агрессией и разрушением посредством мочеиспускания. Она выявила значение, "до сих пор недостаточно осознанное, уретрального садизма в развитии ребенка": "В процессе психоанализа взрослых и детей я постоянно сталкивалась с фантазмами, в которых моча представала как сжигающая, растворяющая, губительная жидкость, как таинственный и опасный яд. Эти уретрально-садические фантазмы способствуют созданию образа пениса как орудия насилия, возникновению у мужчин сексуальных расстройств" (4).

Некоторые авторы (например, Фенихель) говорили о различных видах удовольствия в связи с мочеиспусканием ("затягивать мочеиспускание", "задерживать мочеиспускание" и пр.).

Отметим, что Фрейд говорил об уринарном эротизме, тогда как другие авторы (начиная с Садгера: Über Urethralerotik, 1910) — об уретральном эротизме; однако даже у тех, кто, вслед за М. Кляйн, придавал большое значение уретральному садизму, мы не встречаем упоминания об особой уретральной *стадии*.

Фрейд связывал уретральный эротизм со "второй фазой детской мастурбации" (на четвертом году жизни). "Симптоматология этих сексуальных проявлений достаточно бедна, сексуальный аппарат пока еще развит слабо, и нередко вместо него действует мочеиспускательный аппарат. Большая часть того, что кажется в этом возрасте расстройствами мочевого пузыря, на самом деле является сексуальными расстройствами; ночной энурез соответствует [...] ночным поллюциям" (5). По-видимому, это и есть тот период, который Фрейд позже назовет фаллической стадией. Следовательно, отношения между уретральным и фаллическим эротизмом настолько тесные, что вычленить отдельную уретральную фазу не представляется возможным.

Фрейд отмечал, что ребенок и взрослый по-разному представляют себе соотношения между этими двумя функциями. Ребенок

считает, что "..дети рождаются оттого, что мужчина выливает мочу в тело женщины. Взрослый, однако, знает, что эти два действия на самом деле несовместимы — столь же несовместимы, как огонь и вода" (6).

(1) Cf. Freud (S.). Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905. G.W., V, 236—237; S.E., VII, 74; франц., 54.

(2) Freud (S.). G.W., VIII, 209; S.E., IX, 175.

(3) Abraham (K.). Zur narzisstizchen Bewertung der Exkretionsvorgänge in Traum und Neurose, 1920; франц., II, 100.

(4) Klein (M.). Frühstadien des Ödipuskonfliktes und der Über-Ich-Bildung, 1932. In: La psychanalyse des enfants, Paris, P.U.F.., 1959, 143.

(5) Freud (S.). Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. G.W., V, 90; S.E., VII, 190; франц., 85.

(6) Freud (S.). Zur Gewinnung des Feuers, 1932. G.W., XVI, 9; S.E., XXII, 192.

Я

Я

Нем.: Ich. — Франц.: moi. — Англ.: ego. — Исп.: yo. — Итал.: io. — Португ.: ego.

◘ Инстанция, которую Фрейд в своей второй теории психического аппарата отличает от *Оно* и от *Сверх-Я*.

С точки зрения топики, *Я* зависит как от требований *Оно*, так и от императивов *Сверх-Я* и запросов реальности. Хотя *Я* и выступает посредником, защищающим интересы личности в целом, его самостоятельность лишь относительна.

С точки зрения динамики, *Я* представляет собой прежде всего защитный полюс в невротическом конфликте. В ответ на неприятный аффект (сигнал тревоги) *Я* приводит в действие ряд защитных механизмов.

С точки зрения экономики, *Я* выступает как связующее звено между различными психическими процессами, однако в защитных действиях эти попытки связать между собою энергии различных влечений носят на себе отпечаток первичного процесса во всей его специфике: они навязчивы, повторны, ирреальны.

Теория психоанализа осмысляет генезис *Я* с двух точек зрения: либо это приспособительный аппарат, отделившийся от *Оно* при контакте с внешней реальностью, либо результат (само)отождествлений, приведших к формированию в недрах личности объекта любви, нагруженного энергией *Оно*.

В первой теории психического аппарата понятие *Я* выходит за рамки системы Предсознание-Сознание, поскольку защитные действия *Я* большей частью бессознательны.

С точки зрения исторической, концепция *Я* — это итог разработки понятия, которым Фрейд занимался на протяжении всего своего творчества.

◘ У Фрейда существуют две топики, две теории психического аппарата: первая включает бессознательное и Предсознание-Сознание, а вторая — три инстанции: *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*. И потому в психоанализе принято считать, что понятие *Я* приобретает строго психоаналитический смысл только после так называемого поворота 1920 г. Полагают, что это важное переосмысление было вызвано

новой практической установкой, направленной скорее на анализ *Я* и защитных механизмов, нежели на выявление бессознательных содержаний. Обычно считается, что хотя Фрейд говорил о *Я* (*Ich*) уже в ранних своих работах, он не придавал этому слову специфического смысла (α), обозначая им личность в целом. Те случаи, когда понятие *Я* получает более детальную разработку и выполняет особую роль в психическом аппарате ("Набросок научной психологии" [Entwurf einer Psychologie, 1895], например), предвещают понятия второй топики. Однако мысль Фрейда не допускает такого упрощенного истолкования. Прежде всего изучение всей совокупности фрейдовских текстов показывает, что приписать двум периодам различные значения *Я* невозможно: понятие *Я* в его развитой форме присутствовало у Фрейда с самого начала, даже если его смысл уточнялся в последующих разработках (нарциссизм, (само)отождествление и пр.). Кроме того, поворот начала 20-х годов вовсе не ограничивался определением *Я* как главной инстанции личности: он, как известно, внес в общую структуру теории много других важных новшеств, которые можно осмыслить лишь в общем контексте всех взаимосвязей. К тому же вряд ли стоит проводить резкую грань между *Я* как *личностью* и *Я* как психической *инстанцией*, поскольку вся проблематика *Я* основана, по сути, на взаимодействии обоих этих смыслов. Эта проблема в неявной форме возникла уже в самых ранних работах Фрейда и оставалась на повестке дня после 1920 г. Все попытки устранить терминологическую двусмысленность оказывались тщетными, что свидетельствовало о наличии здесь более глубокой и фундаментальной проблемы.

Независимо от истории фрейдовской мысли некоторые авторы, стремясь к ясности, проводили различие между *Я* как инстанцией или подструктурой личности и *Я* как объектом любви самого индивида (ср. *Я* в связи с понятием самолюбия у Ларошфуко или *Я*, нагруженное нарциссическим либидо, у Фрейда). Гартман, например, предлагал устранить двусмысленность, возникающую при употреблении таких терминов, как "нарциссизм" или "нагрузка-*Я*" (*Ich*-Besetzung, *ego*-cathexis): "При использовании термина "нарциссизм" нередко смешиваются две пары противоположностей: первая — это противоположность между самостью (self) или собственной личностью и объектом, а вторая — противоположность между *Я* и другими подструктурами личности. Объектной нагрузке противостоит, однако, не нагрузка *Я* (ego-cathexis), но нагрузка самости (self-cathexis), не сосредоточенная ни в *Оно*, ни в *Я*, ни в *Сверх-Я* [...]. Некоторую ясность приносит определение нарциссизма как либидинальной нагрузки — только уже не *Я*, а самости" (1).

Эта позиция, как нам кажется, предвосхищает (на уровне понятий) ответ на ряд существенных вопросов. Если противопо-

ставить собственно психоаналитическую трактовку *Я* более традиционным его смыслам, возникает опасность непонимания ее реальной сути у Фрейда. Фрейд не только сохранил традиционные смыслы термина *Я*, противопоставляя организм — окружению, субъект — объекту, внутреннее — внешнему, но и учел все возникающие при этом двусмысленности, так что ни одно из значений *Я* (*Ich*) не осталось в стороне (β).

*

I. Фрейд использовал понятие *Я* уже в самых ранних своих работах; попробуем выявить в текстах 1894—1900 гг. темы и проблемы, получившие развитие в его последующем творчестве.

К радикальному переосмыслению традиционного понимания *Я* Фрейд пришел на основе клинического опыта лечения неврозов. Изучение "изменений и раздвоения личности", "вторичных состояний" и т.д. привели психологию (и особенно психопатологию) к утрате понятия единого и устойчивого *Я*. Пьер Жане сделал и следующий шаг — он обнаружил, что в больном истерией *одновременно* сосуществуют две личности: "...в психике образуются две группы явлений, одна связана с личностью в обычном смысле слова, а другая — с внутренним расщеплением, в результате которого возникает анормальная личность, непохожая на первую и чуждая ей" (2). Жане считал раздвоение личности следствием "ограничения поля сознания", "слабости психологического синтеза", истерической "автотомии". "Личность не способна воспринять все явления и вынуждена жертвовать некоторыми из них; возникает своего рода автотомия, при которой оставшиеся в стороне явления существуют как бы независимо от субъекта и без его ведома" (3). Фрейд сумел увидеть в подобных явлениях психический *конфликт*: некоторые представления вызывают *защитную* реакцию, поскольку оказываются несовместимыми (unverträglich) с *Я*.

Между 1895 и 1900 гг. Фрейд говорил о *Я* довольно часто и по разному поводу. Интересно было бы рассмотреть, как использовалось это понятие в различных областях — в *теории психоаналитического лечения, модели защитного конфликта, метапсихологии психического аппарата.*

1) В "Исследованиях истерии" (см. главу "Психотерапия истерии") Фрейд говорил о том, что овладеть патогенным бессознательным материалом, даже и вполне организованным, можно лишь постепенно. Он сравнивал сознание или сознание-*Я* с узким ущельем, через которое может пройти лишь одно патогенное воспоминание за раз, так что это воспоминание остается недоступным, покуда психическая проработка (Durcharbeitung) не справится с

сопротивлениями. "Одно из воспоминаний, готовых вот-вот выйти на поверхность, продолжает маячить перед больным, покуда не получит доступ в пространство *Я*" (4a). Тесная связь между сознанием и *Я* (о которой свидетельствует сам термин — *сознание-Я*) показана здесь со всей очевидностью, равно как и способность *Я* выходить за рамки актуального сознания, охватывая обширную область, впоследствии названную у Фрейда "предсознанием".

В "Исследованиях истерии" *сопротивления* пациента трактуются прежде всего как действия *Я*, которое "находит удовольствие в защите". Хотя бдительность *Я* можно на мгновение обмануть какой-нибудь уловкой, "во всех действительно серьезных случаях *Я* быстро спохватывается, вспоминает о своих целях и продолжает сопротивление" (4b).

Однако в *Я* между тем внедряется "патогенное ядро" бессознательного, так что граница между тем и другим становится чисто условной. Более того, "сопротивление возникает и в самом процессе этого внедрения" (4c). Здесь у Фрейда, по сути, уже содержится намек на проблему бессознательного сопротивления. Впоследствии Фрейд предложил два выхода из этих затруднений: первый связан с понятием бессознательного *Я*, а второй — с понятием сопротивления, присущего *Оно.*

2) Понятие *Я* постоянно присутствовало уже в ранних работах Фрейда, посвященных невротическому *конфликту*. Он пытался вычленить различные "способы", "механизмы", "процедуры", "приемы" защиты при различных видах психоневрозов — истерии, неврозе навязчивых состояний, паранойе, галлюцинаторном расстройстве и пр. В основе этих разновидностей конфликта лежала несовместимость того или иного представления с *Я.*

При истерии, например, действия *Я* направлены на защиту, однако обходным путем. Высказывание "*Я* защищается" двусмысленно. Его можно понять так: сталкиваясь с неподвластной ему ситуацией конфликта (между различными интересами и желаниями или же между желаниями и запретами), *Я* защищает себя, избегая конфликта, отстраняясь от него; в этом смысле *Я* — это область, избежавшая конфликта в результате особых защитных действий. Однако в психических конфликтах, которые наблюдал Фрейд, присутствовало и другое измерение: *Я* как "господствующая совокупность представлений" испытывает угрозу со стороны *одного-единственного* несовместимого с ним представления и вытесняет это представление. Случай Люси Р. — один из первых, где Фрейд выявил понятие конфликта и участие в нем *Я*, показав и эту понятийную сложность: иначе говоря, Фрейд не ограничился здесь ссылками на такое *Я*, которое "по слабости духа" не желает ничего знать о тревожащих его "аффективных конфликтах". Курс лечения может успешно продвигаться вперед только если аналитик

стремится к прояснению "мнесических символов", т.е. символов тех сцен, где возникло то или иное бессознательное желание. Это бессознательное желание легко распознать по его несовместимости с тем образом себя, который пациентка во что бы то ни стало стремится сохранить.

Я — это активный участник конфликта, а потому поводом (или, как говорил Фрейд в этот период, *сигналом*) к защите служит для него чувство неудовольствия, непосредственно связанное с этим чуждым представлением (4d).

И последнее: хотя при истерии защитные действия осуществляет *Я*, это не значит, что *Я* наделено сознанием и волей. В "Наброске научной психологии", рисуя картину истерической защиты, Фрейд пытался понять, "... почему *процессы, протекающие в Я*, могут порождать такие следствия, которые обычно появляются лишь при первичных процессах" (5a). При образовании "мнесического символа" как симптома истерии весь аффект целиком, все его значение смещаются с символизируемого на сам символ, чего обычно не происходит в обычном мыслительном процессе. *Я* дает толчок первичному процессу лишь при неспособности к обычной защите (отвлечение внимания, избегание и пр.). При воспоминании о сексуальной травме (см.: Последействие; Соблазнение) *Я* неожиданно оказывается объектом нападения изнутри, и тогда ему остается лишь "допустить развертывание первичного процесса" (5 b). Таким образом, отношение "патологической защиты" к *Я* не определено сколько-нибудь четко: в каком-то смысле *Я* — полноправный защитник, однако, поскольку *Я* способно защищаться лишь путем отстранения от того, что ему угрожает, несовместимое с ним представление оказывается во власти такого процесса, которым *Я* не управляет.

3. Уже в самом первом своем *метапсихологическом* описании функционирования психики Фрейд отвел главную роль понятию *Я*. В "Наброске научной психологии" функция *Я* заключалась главным образом в торможении. Применительно к "опыту удовлетворения" (см. этот термин) задача *Я* заключается, по Фрейду, в том, чтобы не допустить резкого возрастания нагрузки мнесического образа, связанного с первым объектом удовлетворения, при котором возникает своего рода "знак реальности", словно речь и вправду идет о реальном объекте. Для того чтобы знак, указывающий на реальность, стал для субъекта не реальностью, а *критерием* реальности, или, иначе, для того чтобы избежать галлюцинаций и разрядок при отсутствии реального объекта, необходимо затормозить первичный процесс, при котором возбуждения распространяются неограничено, доходя до уровня образов. Очевидно, однако, что если *Я* не допускает смешения внутренних процессов с внешней реальностью, это происходит вовсе не потому, что у него есть

какой-то особый доступ к реальности или же мерка-эталон для оценки представления. Непосредственный доступ к реальности имеет, по Фрейду, лишь независимая система восприятия (система ω), радикально отличная по своим функциям от системы ψ, в которую входит, в частности, *Я*.

Фрейд описывал *Я* как "организацию" нейронов или (в менее "физиологическом языке" других текстов) как организацию представлений. *Я:* пролагание пути для ассоциаций внутри данной группы нейронов; постоянство внутренней энергетической нагрузки, связанной с влечениями; разграничение постоянной и переменной частей этой нагрузки. Именно постоянство энергетической нагрузки позволяет *Я* сдерживать первичные процессы, приводящие к галлюцинациям или вызывающие неудовольствие ("первичная защита"). "Нагрузка желания (Wunschbesetzung) вплоть до галлюцинаций или предельный уровень неудовольствия, свидетельствующий об исчерпанности средств защиты, — все это мы называем ***первичными психическими процессами***; напротив, процессы, протекающие при умеренной нагрузке *Я* и придающие первичным процессам спокойные формы, — это ***вторичные психические процессы***" (γ) (5с).

Итак, Фрейд не отождествлял *Я* ни с индивидом как таковым, ни с психическим аппаратом в целом: *Я* — это всего лишь часть психического аппарата. Вместе с тем следует отметить, что *Я* занимает особенно удобную позицию по отношению к индивиду — его биологическому организму и его психике. С этой двойственностью позиции *Я* мы сталкиваемся при попытках придать однозначный смысл понятию внутреннего и внешнего возбуждения. Источником внутреннего возбуждения считали сначала тело, затем психику и наконец — *Я* как резервуар энергии [Vorratsträger]. Все эти смещения уводят Фрейда в сторону от механистических объяснений и подталкивают к трактовке *Я* как своего рода воплощенной метафоры организма в целом.

II. В метапсихологической главе из "Толкования сновидений" (изложение "первой" теории психического аппарата, которая в свете посмертно опубликованных работ Фрейда выглядит скорее как вторая метапсихология) излагается совершенно иная концепция психического "аппарата". Здесь последовательно разграничиваются системы Бессознательного, Предсознания и Сознания, тогда как *Я* вообще отсутствует.

Увлеченный открытием сновидения как "царского пути" бессознательного, Фрейд обращает здесь внимание прежде всего на первичные механизмы "работы сновидения*", навязывающие свои законы предсознательному материалу. Переход от одной системы к другой поясняется аналогией с оптикой: он подобен переходу из

одной среды в другую с иным коэффициентом преломления. Защитные действия не прекращаются и во сне, однако Фрейд не стремится объединить их все единым понятием *Я*. При этом те аспекты *Я*, которые были описаны им в предыдущих работах, можно обнаружить и в новой системе — на различных ее уровнях:

1) *Я* в своей защитной роли составляет часть цензуры*. Основная функция этой инстанции — запрет, и потому она не является сложным организмом, способным приводить в движение механизмы невротических конфликтов.

2) Сдерживание и торможение как способы воздействия *Я* на первичный процесс проявляются (в состоянии бодрствования) также и в системе Псз. Однако между идеями "Наброска" и "Толкования сновидений" обнаруживается в этом смысле удивительное различие: в "Толковании сновидений" вторичный процесс развертывается на уровне Псз, в "Наброске" он порождается механизмами самого *Я*.

3) *Я*, нагруженное либидо, выступает как носитель желания спать и побуждает к формированию сновидений (6) (δ).

III. В период между 1900—1915 гг. складывались первые подходы к понятию *Я*. В общем, исследования Фрейда развертывались в четырех направлениях:

1) в теоретических исследованиях психики Фрейд неизменно обращался к модели, построенной в 1900 г. на примере сновидений, и выводил из нее далеко идущие следствия; при этом он обходился без понятия *Я* на уровне топики и без понятия ***влечения Я**** при изучении психической энергии (7).

2) В трактовке отношений между *Я* и реальностью новых теоретических решений не предлагалось, однако менялись акценты в старых. Главными точками опоры по-прежнему оставались опыт удовлетворения и первичная галлюцинация:

а) подчеркивалось значение "жизненного опыта": "Именно постоянные неудачи и разочарования приводят к отказу от каких-либо попыток галлюцинаторного удовлетворения. С этого момента задачей психического аппарата становится представление реального положения дел во внешнем мире и попытки его изменения" (8а);

б) выявление двух главных принципов функционирования психики внесло в деление на первичный и вторичный процессы нечто новое. Принцип реальности* предстает как закон, извне навязывающий свои требования психическому аппарату, постепенно их осваивающему;

в) Фрейд отводил особую роль принципу реальности и его требованиям, представленным в виде влечений к самосохранению*. Эти влечения способны быстрее отстраниться от принципа удовольствия и начать прислушиваться к реальности, создавая тем самым энергетический субстрат *Я*-реальности, задача которой в том,

чтобы "...стремиться к *полезному* и защищаться от вредного" (8b). При таком подходе доступ *Я* к реальности не вызывает проблем. Изменяется способ отказа *Я* от галлюцинаторного удовлетворения желания: *Я* испытывает реальность с помощью влечений к самосохранению и затем стремится навязать нормы реальности сексуальным влечениям (обсуждение этого вопроса см. в статьях: Испытание реальности; *Я*-удовольствие, *Я*-реальность);

г) *Я* вступает в тесные отношения с системой Предсознание-Сознание и особенно с системой восприятия и движения.

3) При описании защитного конфликта (особенно в клинике невроза навязчивости) *Я* утверждает себя как инстанция, противоположная желанию. Неприятный аффект становится знаком этого противопоставления, с самого начала принимающего форму борьбы между двумя силами, на которых в равной мере лежит печать влечения. На примере Человека с крысами, или, иначе, инфантильного невроза в его законченном виде, Фрейд обнаружил "эротическое и протест против него, желание (пока еще не навязчивое) и страх перед ним (уже навязчивый), неприятный аффект и побуждение к защитным действиям" (9). Именно стремление придать *Я* (наравне с сексуальностью) опору в виде влечений привело Фрейда к описанию конфликта как противоборства сексуальных влечений и влечений *Я**.

В рамках того же подхода Фрейд поставил вопрос о развитии влечений *Я*, не менее важном, чем либидинальная динамика; Фрейд высказал предположение, что при неврозе навязчивости первое преобладает над вторым (10).

4) В этот период сложилось новое понимание *Я*, которое выступало как объект любви, особенно в случае гомосексуальности и психозов. К 1914—1915 гг. такое понимание, свидетельствовавшее о подлинном повороте в мысли Фрейда, в целом ряде текстов вышло на первый план.

IV. В этот переходный период (1914—1915) были разработаны взаимосвязанные понятия — нарциссизма*, (само)отождествления* с его ролью в возникновении *Я* и, наконец, "идеальных" компонентов *Я*.

1) Введение понятия нарциссизма оказало свое воздействие на определение *Я*:

а) *Я* не существует изначально и не складывается в результате постепенной дифференциации психики: для возникновения *Я* требуется "дополнительное психическое действие"(11a);

б) по сравнению с анархическим и раздробленным функционированием сексуальности при автоэротизме* *Я* выступает как *единство*;

в) сексуальность может выбрать *Я* в качестве объекта любви так же, как и любой внешний объект. Выбор объекта предполагает, по

Фрейду, такую последовательность: автоэротизм, нарциссизм, гомосексуальный выбор объекта, гетеросексуальный выбор объекта;

г) определение *Я* как объекта исключает его отождествление с внутренним миром субъекта в целом. Именно поэтому в столкновении с Юнгом Фрейд последовательно разграничивал интроверсию* либидо в фантазиях и возврат либидо в *Я* (11b);

д) с экономической точки зрения "*Я* должно рассматриваться как обширный резервуар либидо, устремляющегося оттуда к объектам: оно всегда готово вновь принять в себя либидо, когда оно отхлынет от объектов" (12). Этот образ резервуара означает, что *Я* — это не просто место, через которое проходят энергетические нагрузки, но и место их хранения, а также сама форма энергетического заряда. Отсюда — фрейдовское сравнение *Я* с организмом, "простейшим живым существом" (Protoplasmatierchen) (11c);

е) и последнее замечание: "нарциссический выбор объекта"* любви по сходству с собственным *Я* Фрейд считает типическим. Однако за рамками конкретных типов объектного выбора (ср. случаи мужской гомосексуальности) обращение к *Я* субъекта и необходимость найти ему место заставляет Фрейда переосмыслить целиком все понятие выбора объекта, в том числе выбор объекта по примыканию*.

2) В тот же самый период существенно обогащается понятие (само)отождествления. Отныне Фрейд выдвигает на первый план более фундаментальные формы (само)отождествления — в дополнение к истерическим его формам, где отождествление выступает как временное явление, как выражение в симптоме бессознательного сходства между *Я* и другим. Теперь (само)отождествление — это нечто большее, нежели просто выражение отношений между *Я* и другим человеком: оно может порождать глубокие изменения в *Я*, которое тем самым становится как бы внутрисубъектным остатком межсубъектных отношений. Так, в случае мужской гомосексуальности "молодой человек не расстается с матерью — напротив, он (само)отождествляется с ней, превращается в нее [...]. Удивителен размах этого (само)отождествления: оно переплавляет одну из важнейших черт *Я* — его сексуальность — по образу того, что ранее было его объектом" (13).

3) Изучение меланхолии и связанных с нею процессов приводит к глубокому преобразованию понятия *Я*:

а) (само)отождествление с утраченным объектом, свойственное меланхоликам, истолковывается как регрессия к более архаичному способу (само)отождествления, или, иначе, к стадии, предшествующей выбору объекта, "...при которой *Я* стремится поглотить этот объект" (14a). При такой трактовке *Я* не только перестраивается в результате вторичных (само)отождествлений, но и изначально создается (само)отождествлением по образу орального поглощения*;

б) поглощенный *Я* объект Фрейд описывает в антропоморфных терминах: этот объект подвергается дурному обращению, страдает, замышляет самоубийство и т.д. (14b);

в) интроекция объекта фактически предполагает интериоризацию отношения как такового. При меланхолии амбивалентное конфликтное отношение к объекту переносится на отношение к *Я*;

г) *Я* не считается единственной олицетворенной инстанцией внутри психики. Вследствие расщепления в психике могут обособляться отдельные части, например критическая инстанция или моральное сознание: одна часть *Я* противостоит другой, критически оценивает другую, обращается с ней как с объектом.

Тем самым находит подтверждение мысль, высказанная в работе "К введению в нарциссизм": главного противопоставления между *Я*-либидо и объектным либидо недостаточно для осмысления всех способов нарциссического изъятия и переноса либидо. Объектами "нарциссического" либидо могут быть инстанции, образующие сложную систему, причем уже одни только их названия у Фрейда (*Я* идеальное*, *Идеал-Я**, *Сверх-Я**) свидетельствуют об их принадлежности к *системе Я*.

V. "Поворот" 1920 г.: из того, что выше было сказано о понятии *Я*, очевидно, что слово "поворот" нельзя понимать безоговорочно. Однако нельзя и отвергать с порога уверенность Фрейда о том, что в 1920 г. в его творчестве произошли важные концептуальные изменения. По-видимому, превращение *Я* в особую систему или инстанцию было нужно Фрейду для более убедительного обоснования конфликтности психики, что и было осуществлено во второй топике в отличие от первой, которая основана на различии типов функционирования психики (первичный и вторичный процессы). Отныне участники конфликта начинают играть роль отдельных психических *инстанций* : это *Я* как инстанция защиты, *Сверх-Я* как система запретов и *Оно* как полюс влечений. Переход от первой топики ко второй вовсе не предполагает, что в результате захвата новых областей прежние разграничения между бессознательным, предсознанием и сознанием были устранены. Однако в инстанции *Я* оказались сосредоточены те функции и процессы, которые в первой топике распределялись между различными системами:

1) В первой метапсихологической модели *сознание* выступало как совершенно независимая система (в "Наброске научной психологии" — это система ω), а впоследствии оно было связано у Фрейда, хотя и не без проблем, с системой Псз (см.: Сознание). Теперь, наконец, оно получает четко очерченное место в топике, выступая как "ядро *Я*".

2) Прежние функции системы предсознания большей частью переходят к *Я*.

3) Фрейд особенно настаивал на том, что *Я* — это преимущественно *бессознательная* инстанция. Об этом свидетельствует клинический опыт и особенно бессознательные сопротивления во время лечения: "Внутри *Я* мы тоже обнаружили бессознательное: оно ведет себя так же, как вытесненное, т. е. оказывает мощное воздействие, не будучи осознаваемым и требуя для осознания особой работы" (15a). Фрейд открыл здесь путь, по которому пошли многие его последователи: он описал приемы защиты, которые являются бессознательными не только потому, что субъекту неведомы их мотивы и механизмы, но и потому, что они оказываются навязчивыми, повторяемыми, ирреальными, сближаясь тем самым с вытесненным, против которого они направлены.

Я в расширенном понимании приобретает во второй топике целый спектр различных функций: это контроль за движением и восприятием, испытание реальности, предвосхищение, упорядочение психических процессов во времени, рациональное мышление и пр., но также отказ от признания очевидного, устойчивое непонимание, рационализация, навязчивая защита от влечений. Как уже было отмечено, эти функции можно объединить парами антиномий: отталкивание влечений и удовлетворение влечений, *инсайт* и рационализация, объективное познание и систематическое искажение, сопротивление и устранение сопротивлений и пр. Все эти антиномии лишь очерчивают положение *Я* по отношению к двум другим инстанциям и к реальности (ε). В зависимости от избираемой точки зрения Фрейд подчеркивал то несамостоятельность *Я,* то возможности его относительной автономии. *Я* выступает преимущественно как посредник, пытающийся примирить противоречивые требования: *Я* — это "слуга трех господ, который подвергается опасностям с трех сторон — внешнего мира, либидинальных побуждений *Оно* и сурового *Сверх-Я* [...]. Занимая пограничное положение, *Я* стремится опосредовать отношения между миром и *Оно*, подчинить *Оно* требованиям внешнего мира и — посредством мышечных действий — привести мир в соответствие с желаниями *Оно*" (15b).

VI. Интерес многих авторов к понятию *Я*, равно как и различие их подходов, показывает, насколько важное место заняло это понятие в психоаналитической теории. Целое направление исследований пыталось связать открытия психоанализа с достижениями других наук (психофизиологии, теории обучения, детской психологии, социальной психологии), чтобы построить подлинно общую психологию *Я* (ζ). Эта попытка привела к введению понятий десексуализированной и нейтрализованной энергии, подчиненной *Я*, "синтетической" функции, внеконфликтной области *Я* и пр. *Я* выступает прежде всего как аппарат регуляции и приспособления

к реальности, а его происхождение усматривается в процессах физического созревания и обучения, начиная с развития у младенца сенсорного и моторного аппарата. Хотя каждая из этих концепций имеет отправную точку в мысли Фрейда, счесть их в целом последовательным выражением итоговой фрейдовской теории психики вряд ли возможно. Мы, конечно, не собираемся противопоставлять этим тенденциям эго-психологии наше собственное изложение "подлинной" фрейдовской теории *Я*, поскольку собрать воедино все психоаналитические открытия, связанные с понятием *Я*, чрезвычайно трудно. В общем виде можно попытаться разделить фрейдовские подходы к этой проблематике на два направления в зависимости от трактовки трех главных вопросов, связанных соответственно с возникновением *Я*, с его местом в психике, т. е. его топикой (в особенности по отношению к *Оно*), и, наконец, с энергией *Я*, как она предстает с экономической и динамической точек зрения.

А) Первый подход трактует *Я* как продукт постепенной дифференциации *Оно* под воздействием внешней реальности. Этот процесс начинается с обособления системы Восприятие-Сознание, уподобляемой корковому слою частицы живой субстанции: *Я* "развилось на основе коркового слоя *Оно*, приспособленного к принятию или отторжению возбуждений и потому вынужденного вступить в прямой контакт с внешней реальностью. Отправляясь от осознанного восприятия, *Я* подчиняет своему влиянию все более обширные и глубокие слои *Оно*" (16).

Я рассматривается здесь как настоящий орган реальности, который, несмотря на все неудачи, в принципе способен постепенно овладеть влечениями: "*Я* стремится обратить воздействие внешнего мира на *Оно* и его побуждения, оно пытается поставить на место принципа удовольствия, безгранично господствующего в *Оно*, принцип реальности. Восприятие играет в *Я* ту же роль, которая в *Оно* отводится влечениям" (15с). Фрейд утверждал, что различие между *Я* и *Оно* соответствует традиционному разграничению между разумом и страстями (15d).

При таком подходе решить проблему энергии *Я* нелегко. В самом деле, если *Я* — это непосредственное порождение внешнего мира, то откуда берется энергия, приводящая в действие психический аппарат, ведь этот аппарат, по определению, пользуется лишь своей собственной энергией? Подчас Фрейд вынужден был допускать вторжение реальности уже не просто как внешнее воздействие, которое индивид обязан учитывать, чтобы уметь управлять собой, но как весомую и подлинно независимую инстанцию (равноправную с такими личностными инстанциями в психике, как *Я* и *Сверх-Я*), играющую свою роль в конфликте (17). Однако если признать единственным источником психической энергии внутрен-

нюю энергию влечений, тогда окажется, что энергия *Я* в принципе может быть лишь вторичной, полученной от *Оно*. Это решение, к которому чаще всего склонялся Фрейд, неизбежно приводило его к мысли о возможной "десексуализации" либидо, однако в этой не вполне обоснованной мысли были сосредоточены многие трудности, присущие всей его концепции в целом (η).

Этот подход сталкивается с двумя главными сложностями. Во-первых, как понять мысль о том, что *Я* возникает в результате расчленения какой-то неясно очерченной области психики? Во-вторых, как можно вместить в такую почти идеальную модель те важные новшества, которые внес психоанализ в трактовку *Я*?

Концепция возникновения *Я* полна неясностей, которые, впрочем, присутствовали у Фрейда постоянно и были лишь усилены в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (Jenseits des Lustprinzips, 1920). Фактически эволюция "простейшей капельки живой субстанции", о которой говорится в этом тексте, может рассматриваться на различных уровнях. О чем, собственно, идет речь — о филогенезе человеческого рода (или даже о происхождении жизни вообще), о развитии человеческого организма или же о расчленении психического аппарата на основе некоего исходно слитного и нерасчлененного состояния? Каково значение гипотезы о существовании некоего простейшего организма, который устанавливал бы свои собственные границы, налаживал рецепторный аппарат и создавал слой защиты от внешних возбуждений*? Что это: простое сравнение, более или менее обоснованная *иллюстрация* — посредством образа, заимствованного из биологии (протозой), — отношения индивидуальной психики к внешнему миру? В последнем случае тело должно было бы рассматриваться как часть внешнего мира, противопоставленного капельке психической субстанции. Однако такой ход мысли был бы прямо противоположен фрейдовскому подходу: в нем нет равенства между внешними возбуждениями и внутренними возбуждениями или влечениями, постоянно и непреодолимо атакующими изнутри психический аппарат и даже само *Я*. А значит, нужно искать более тесную связь между биологическим прообразом и психическим аналогом. Иногда Фрейд опирался на реальную аналогию между функциями *Я* и системой восприятия и защиты в организме: если кожный покров — это поверхность тела, то система Восприятие-Сознание — это "поверхность" психики. При таком подходе психический аппарат предстает как результат специализации телесных функций, а *Я* — как итог долгой эволюции приспособительных функций.

Наконец, на другом уровне возникает вопрос: быть может, устойчивая фрейдовская метафора живого организма (определяемого через различие энергетического уровня с внешним миром и обладающего границей, которая может быть нарушена вторжением

извне и потому требует постоянной защиты и укрепления) основана на реальном отношении между генезисом *Я* и образом организма? У Фрейда редко встречаются четкие определения этого отношения: "*Я* — это в первую очередь нечто телесное: оно выступает не только как поверхностное образование, но и как проекция некоей поверхности" (15е). "В конечном счете *Я* возникает из телесных ощущений, преимущественно тех, что рождаются на поверхности тела. Следовательно, *Я* может рассматриваться одновременно и как психическая проекция поверхности тела, и [...] как поверхность психического аппарата" (θ). Подобные утверждения предполагают, что инстанция *Я* основана на реальном психическом действии — на "проекции" организма на психику.

Б) Это последнее замечание позволяет соединить целый ряд существенных для психоанализа идей, определяющих другой подход к психике. Речь не идет ни об отказе от проблемы генезиса *Я*, ни о поисках решения этой проблемы на путях функциональной дифференциации: этот подход обращается к особым психическим операциям, посредством которых черты, образы, формы, заимствованные у другого человека, включаются в психику (см. в особенности: (Само)отождествление; Интроекция; Нарциссизм; Стадия зеркала; "Хороший"объект — "плохой" объект). Психоаналитики упорно стремились определить главные моменты и этапы этих (само)отождествлений, соотнося их с теми или иными психическими инстанциями — с *Я*, *Я* идеальным, *Идеал-Я*, *Сверх-Я*. При этом отношение *Я* к системе восприятия и к внешнему миру приобретает новый смысл: *Я* — это не столько аппарат, сложившийся на основе системы Восприятие-Сознание, сколько внутреннее образование, порожденное рядом *особенно значимых восприятий* — не внешнего мира в целом, но мира межличностных отношений.

С точки зрения топики *Я* предстает отныне не как порождение *Оно*, но как его объект. Во второй топике Фрейд вовсе не отказался ни от теории нарциссизма, ни от понятия либидо, направленного либо на *Я*, либо на внешний объект (по принципу подлинного энергетического равновесия); напротив, он применял их вплоть до самых последних своих работ. В защиту этой теории свидетельствовала и психоаналитическая клиника, в особенности клиническая картина психозов: заниженная оценка и ненависть к *Я* у меланхолика, расширение *Я* вплоть до его слияния с идеальным *Я* у маньяка, потеря "границ" *Я* в результате их энергетической разгрузки при состояниях деперсонализации (как подчеркивал П.Федерн) и пр.

Наконец, трудная проблема энергетического обеспечения деятельности *Я* отчасти проясняется понятием нарциссической нагрузки. Проблема заключается уже не в том, чтобы понять то

качественное изменение, которое приносит с собой десексуализация или нейтрализация, но скорее в том, чтобы понять, как *Я*, либидинальный объект, может выступать не только как "резервуар" либидинальных нагрузок, но и как их источник.

Этот второй путь размышлений, отчасти уже представленный, ближе к опыту и открытиям психоанализа и не претендует на широкий синтез. В частности, нерешенной здесь остается важная задача: включить в психоаналитическую теорию психики ряд операций и видов деятельности, которые при попытках построения общей психологии были сочтены в одной из психоаналитических школ (хотя это вовсе не бесспорно) функциями *Я*.

α) Однако в "Исследованиях истерии" (Studien über Hysterie, 1895), где идет речь о *Я*, Фрейд пользуется и другими терминами — das Individuum, die Person.

β) Это подтверждается знаменитым высказыванием Фрейда: "Wo Es war, soll Ich werden" (в буквальном переводе: "Где было *Оно*, там должно стать *Я*") — итогом развернутого изложения проблемы *Я*, *Оно* и *Сверх-Я*.

γ) По целому ряду признаков *Я* из "Наброска научной психологии" сходно с тем, что современные мыслители называют Gestalt'ом, формой; это относительная устойчивость границ, не исключающая возможности изменений, которые благодаря наличию постоянного ядра (Ichkern) не нарушают равновесия формы в целом; это сохранение постоянного энергетического соотношения между *Я* и остальной психикой, свободное распространение энергии внутри *Я* в противоположность тому, что происходит на его периферии; наконец, это притяжение и упорядочение, которые осуществляет *Я* (посредством "боковой нагрузки" — Nebenbesetzung) по отношению к процессам, протекающим за его пределами. Подобно этому гештальт поляризует и упорядочивает поле, в котором он возникает, структурируя фон восприятия. *Я* ни в коей мере не является ни местом, ни субъектом мысли и вообще вторичных процессов, однако эти процессы можно понять лишь на основе способности *Я* к регуляции.

δ) Это позволяет сделать следующее предположение: не потому ли защитная функция *Я* и даже сама инстанция *Я* как таковая стушеваны в "Толковании сновидений", что позиция *Я* во сне совершенно отлична от позиции *Я* в защитном конфликте? Во сне *Я* уже не является одним из полюсов защитного конфликта. Пожалуй, можно сказать, что нарциссическая нагрузка *Я* (желание спать) расширяет его пределы и позволяет охватить всю сновидную сцену целиком, ограничивая его тем не менее пределами телесного *Я* (18).

ε) Критику непоследовательностей и недостатков общей теории функций *Я* см. в работе Д.Лагаша "Психоанализ и структура личности" (19).

ζ) См. об этом прежде всего в работах Гартмана, Криса и Левенштейна, а также Д.Рапапорта.

η) Осознавая эту трудность, некоторые авторы стремились приписать *Я* особого рода влечения со своими собственными приемами и механизмами и формами удовлетворения. Ср. описание instinct to master (см.: Влечение к овладению) у И.Хендрикса.

θ) По свидетельству издателей Standard Edition, это примечание отсутствует в немецких изданиях "*Я* и *Оно*". Оно появляется лишь в английском переводе 1927 г., причем, как уточняется, с одобрения самого Фрейда (20).

(1) Hartmann (H.). Comments on the Psychoanalytic Theory of the Ego. In: Psychoanalytic Study of the Child, vol. V, p.84—85.

(2) Janet (P.). L' automatisme psychologique, Paris, Alcan, 1889, p. 367.

(3) Janet (P.). L' état mental des hystériques, Paris, Alcan, 1893—1894, p.443 (2 éd., 1911).

(4) Breuer (J.) и Freud (S.). a) G.W., I, 295—296; S.E., II, 291, франц., 236. — b) G.W., I, 280; S.E., II, 278; франц., 225. — c) G.W., I, 294—295; S.E., II, 290; франц., 235. — d) Cf. G.W., I, 174; S.E., II, 116; франц., 91.

(5) Freud (S.). a) Нем., 432; англ., 410; франц., 364. — b) Нем., 438; англ., 416; франц., 369. — c) Нем., 411; англ., 388—389; франц., 344.

(6) Cf. Freud (S.). Über Traum, 1901. G.W., II—III, 692—694; S.E., V, 679—680; франц., 151—155.

(7) Cf. Freud (S.). A Note on the Unconscious in Psycho-Analysis, 1912. Das Unbewusste, 1915. Die Verdrängung, 1915.

(8) Freud (S.).Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911. — a) G.W., VIII, 231; S.E., XII, 219. — b) G.W., VIII, 235; S.E., XII, 223.

(9) Freud (S.). Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose, 1909. G.W., VII, 389; S.E., X, 163; франц., 205.

(10) Freud (S.). Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913. G.W., VIII, 451; S.E., XII, 324—325.

(11) Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1913. a) G.W., VIII, 451; S.E., XIV, 77. — b) G.W., X, 146; S.E., XIV, 80—81. — c) G.W., X, 141; S.E., XIV, 75.

(12) Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 231; S.E., XVIII, 257.

(13) Freud (S.). Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. G.W., XIII, III; S.E., XVIII, 108; франц., 121.

(14) Freud (S.). Trauer und Melancholie, 1915. — a) G.W., X, 436; S.E., XIV, 249; франц., 204. — b) Cf. G.W., X, 438—439; S.E., XIV, 251; франц., 207.

(15) Freud (S.). Das Ich und das Es, 1923. — a) G.W., XIII, 244; S.E., XIX, 17; франц., 170. — b) G.W., XIII, 286; S.E., XIX, 56; франц., 214. — c) G.W., XIII, 252—253; S.E., XIX, 25; франц., 179. — d) G.W., XIII, 253; S.E., XIX, 25; франц., 179. — e) G.W., XIII, 253; S.E., XIX, 25; франц., 179. — f) G.W., XIII, 253; S.E., XIX, 26; франц., 179.

(16) Freud (S.). Abriss der Psychoanalyse, 1938. G.W., XVII, 129; S.E., XXIII, 198—199; франц., 74.

(17) Ср. в особенности: Freud (S.). Neurose und Psychose, 1924, и Der Realitätsverlust bei Neurose und Psychose, 1924.

(18) Ср. Freud (S.). Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, 1915. G.W., X, 413; S.E., XIV, 223; франц., 165.

(19) In: La Psychanalyse. Paris, P.U.F., vol. 6, особенно глава VI.

(20) Cf. S.E., XIX, 26.

Я ИДЕАЛЬНОЕ

Нем.: Idealich. — Франц.: moi idéal. — Англ.: ideal ego. — Исп.: yo ideale. — Итал.: io ideale. — Португ.: ego ideal.

● Внутрипсихическое образование, которое иногда определяют, в отличие от *Идеал-Я*, как идеал нарциссического всевластия, созданный по модели детского нарциссизма.

■ В работах "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) и "*Я* и *Оно*" (Das Ich und das Es, 1923) Фрейд употреблял выражение "*Я* идеальное" (Idealich). Однако мы не находим у него

понятийного разграничения между *Я* идеальным (Idealich) и *Идеал-Я* (Ichideal).

Вслед за Фрейдом ряд авторов использовали эту пару понятий для обозначения различных внутрипсихических образований.

Так, Нунберг видел в *Я* идеальном образование, возникшее раньше *Сверх-Я*: "Пока еще неорганизованное *Я*, которое ощущает свое единство с *Оно*, есть некое идеальное состояние" (1). В своем развитии субъект проходит стадию нарциссического идеала, надеясь еще к нему вернуться, что и происходит главным образом (хотя и не исключительно) при психозах.

Д.Лагаш подчеркнул значимость разграничения между полюсом (само)отождествлений, или *Я* идеальным, и другим полюсом — *Идеал-Я-Сверх-Я*. Лагаш видел в *Я* идеальном бессознательное нарциссическое образование, однако его подход отличен от нунберговского: "*Я* идеальное как нарциссический идеал всевластия не сводится к единству *Я* и *Оно*, но предполагает также первичное (само)отождествление с другим всемогущим существом, а именно с матерью" (2a). *Я* идеальное служит, по Лагашу, опорой так называемого *героического (само)отождествления* (т.е. (само)отождествления с исключительными, выдающимися личностями): "*Я* идеальное проявляется в страстном преклонении перед великими историческими или современными личностями, которые отличаются независимостью и благородством, чувством собственного превосходства над другими людьми. В процессе лечения *Я* идеальное складывается как нечто отличное от *Идеал-Я*" (2b). Лагаш считал, что формирование *Я* идеального связано с садомазохизмом, особенно с отрицанием другого человека и одновременно с самоутверждением (см.: (Само)отождествление с агрессором).

Для Ж. Лакана *Я* идеальное — это также нарциссическое образование, которое развивается на основе стадии зеркала и принадлежит области воображаемого* (3).

Несмотря на все различие исходных позиций, этих авторов объединяет прежде всего стремление вычленить внутри психоаналитической теории *Я* идеального бессознательную инстанцию, выдвигая на первый план нарциссический характер этого образования. В том тексте, где Фрейд впервые употребил это понятие, основой образования идеальных инстанций личности служит процесс идеализации; его цель — достижение такого ощущения всевластия, которое присуще инфантильному нарциссизму.

(1) Nunberg (H.). Allgemeine Neurosenlehre auf psychoanalytischer Grundlage, 1932. Франц. пер.: Principes de psychanalyse. Paris, P.U.F., 1957, 135.

(2) Lagache (D.). La psychanalyse et la structure de la personnalité, 1958. In: La Psychanalyse. P.U.F., Paris, VI. a) 43. — b) 41—42.

(3) Lacan (J.). Remarques sur le rapport de Daniel Lagache, 1958. In: La Psychanalyse. Paris, P.U.F., VI, 133—146.

Я-ЛИБИДО — ОБЪЕКТНОЕ ЛИБИДО

Нем.: Ichlibido—Objektlibido. — Франц.: libido du moi-libido d' objet. — Англ.: ego-libido — object-libido. — Исп.: libido del yo — libido objetal. — Итал.: libido dell' io — libido oggettuale. — Португ.: libido do ego — libido objetal.

◘ Термины Фрейда, обозначающие два способа энергетической нагрузки либидо: объектом либидо может быть или собственная личность (*Я*-либидо, или нарциссическое либидо), или внешний объект (объектное либидо). По Фрейду, существует энергетическое равновесие между этими двумя видами нагрузки: если объектное либидо возрастает, то *Я*-либидо убывает, и наоборот.

◘ Изучение психозов привело Фрейда к признанию того, что субъект может стать для себя самого объектом любви (см.: Нарциссизм), а на экономическом языке это означает, что либидо может нагружать не только внешние объекты, но и *Я*. И в этом — основа разграничения между *Я*-либидо и объектным либидо. Экономические проблемы, связанные с этим разграничением, исследуются в работе "К введению в нарциссизм" (Zur Einführung des Narzissmus, 1914).

По Фрейду, либидо поначалу нагружает *Я* (первичный нарциссизм*), а затем переходит с *Я* на внешние объекты: "Таким образом строится представление об изначальной либидинальной нагрузке *Я*; впоследствии ее часть переносится на объекты, однако по сути своей нагрузка *Я* сохраняется: она соотносится с объектными нагрузками как тельце амебы с ее ложноножками" (1а).

Вторичный перенос либидо с объекта на *Я* — это основа вторичного нарциссизма, например при психотических состояниях (ипохондрия, бред величия).

С точки зрения терминологической, важно помнить:

1) что объект в выражении *объектное либидо* понимается в узком смысле — как внешний объект, не включающий в себя *Я*, причем в широком смысле *Я* может рассматриваться как объект влечения (см.: Объект);

2) что в выражении "объектное либидо" подразумевается скорее итог сближения либидо и объекта, нежели их исходный пункт.

Этот второй момент порождает не только терминологические трудности.

Поначалу Фрейд признавал лишь один глубокий дуализм влечений: сексуальные влечения* — влечения *Я** (или влечения к самосохранению*). Энергия первых называется *либидо*, энергия вторых — энергией влечений *Я* или *Я*-интереса*. Поначалу это

новое разграничение выглядит как подрасчленение сексуальных влечений в зависимости от их объекта и нагрузки:

Во всяком случае, если на понятийном уровне разграничение между влечениями *Я* и *Я*-либидо проведено четко, при нарциссических состояниях эта четкость исчезает: "Судьба либидо и *Я*-интереса одинакова, и потому их опять невозможно отличить друг от друга" (1b). Фрейд не допускает юнговского монизма влечений (α).

Подобная сложность возникает при использовании — весьма частом у Фрейда — таких выражений, как "...либидо устремляется от *Я* к объектам": ведь это означает, что *Я*-либидо видит в *Я* не только свой объект, но и свой источник, так что различия между *Я*-либидо и влечениями *Я* вновь стираются. Разрешить этот вопрос нелегко, так как Фрейд вводит понятие *Я*-либидо одновременно с концептуальной разработкой топики *Я*. Эта неясность сохраняется и тогда, когда Фрейд называет *Я* "большим резервуаром либидо". Наиболее связная трактовка этой фрейдовской мысли такова: источники либидо как энергии влечений — это эрогенные зоны: *Я*, или целостая личность, накапливает либидинальную энергию и выступает как самый первый ее объект, однако в дальнейшем именно из этого "резервуара" как из источника проистекают все нагрузки внешних объектов.

α) Таков итог фрейдовского изучения концепции Юнга в 1914 г. (1b). В своем ретроспективном изложении развития теории либидо в работах "Психоанализ" и "Теория либидо" ("Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923) (2) Фрейд подвергает переосмыслению этот элемент своей мысли: переходя от влечений *Я* к *Я*-либидо, он как бы двигался навстречу Юнгу. В 1922 г. в новой теории влечений вводится другое расчленение — между влечениями к жизни и влечениями к смерти. Отсюда, по-видимому, следует, что разграничения, введенные в 1914 г. и подкрепленные в 1917 г. в "Лекциях по введению в психоанализ" (Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse) (3), отходят на второй план.

(1) Freud (S.). a) G.W., X, 140—141; S.E., XIV, 75. — b) G.W., X, 149; S.E., XIV, 82. — c) CF. G.W., X, 142—147; S.E., XIV, 77—81.
(2) Cf. Freud (S.). G.W., XIII, 231—232; S.E., XVIII, 257—259.
(3) Cf. Freud (S.). G.W., XI, 435—436; S.E., XVI, 420; франц., 449—450.

Я-СООБРАЗНЫЙ

Нем.: Ichgerecht. — Франц.: conforme au Moi. — Англ.: egosyntonic. — Исп.: concorde con el yo. — Итал.: corrispondente all' io, или egosintonico. — Португ.: egossintônico.

● Термин, обозначающий влечения, представления, приемлемые для *Я,* т.е. не нарушающие его целостности и не противоречащие его требованиям.

■ Это понятие иногда встречается у Фрейда (1,2). Оно означает, что психический конфликт не противопоставляет *Я* in abstracto всем влечениям: противопоставляются лишь две категории влечений: совместимые с *Я* (влечения *Я**) и направленные против *Я* (ichwidrig), не соответствующие *Я* (nicht ichgerecht) и, следовательно, вытесненные. В рамках первой теории влечений, где влечения *Я*, по определению, *Я*-сообразны, сексуальные влечения как несовместимые с *Я* неизбежно подвергаются вытеснению.

Выражение "*Я*-сообразный" предполагает понятие *Я** как целостность, единство идеала, как оно предстает, например, в работе "К введению в нарциссизм" (Ein Einführung des Narzissmus, 1914) (см.: *Я*). Это значение сохраняется у Э.Джонса: он противопоставляет *Я*-сообразные и *Я*-несообразные (ego-synthonic, ego-distonic) тенденции в зависимости от того, насколько они созвучны, совместимы, взаимоувязаны с нормами самости (self) (3).

(1) Cf. Freud (S.). "Psychoanalyse" und "Libidotheorie", 1923. G.W., XIII, 222; S.E., XVIII, 246.

(2) Cf. Freud (S.). Zur Einführung des Narzissmus, 1914. G.W., X, 167; S.E., XIV, 99.

(3) Jones (E.). Papers on Psycho-Abalysis. London, Baillière, 5 éd., 1950, 497.

Я-УДОВОЛЬСТВИЕ — *Я*-РЕАЛЬНОСТЬ

Нем.: Lust-Ich — Real-Ich. — Франц.: moi-plaisir — moi-réalité. — Англ.: pleasure-ego — reality-ego. — Исп.: yo placer — yo realidad. — Итал.: io-piacere — io realtà. — Португ.: ego-prazer — ego-realidade.

● Термины, которыми Фрейд обозначает становление отношений субъекта к внешнему миру и его доступа к реальности. Эти термины всегда противопоставляются друг другу, но понимаются при этом столь различно, что дать их однозначное определение не представляется возможным, причем из-за перекрещивания значений невозможно вычленить и нескольких различных определений.

■ Противопоставление между *Я*-удовольствием и *Я*-реальностью

было развито Фрейдом преимущественно в работах "О двух принципах функционирования психики" (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911), "Влечения и судьбы влечений" (Triebe und Triebschicksale, 1915), "Отрицание" (Die Verneinung, 1925). Прежде всего отметим, что эти тексты, написанные в различные периоды творчества Фрейда, тесно связаны друг с другом: переход от первой топики ко второй не вызывает никаких изменений в определении *Я*.

1) В работе "О двух принципах функционирования психики" противоречие между *Я*-удовольствием и *Я*-реальностью связано с противоречием между принципом удовольствия* и принципом реальности*. Здесь Фрейд использовал понятия *Я*-удовольствие и *Я*-реальность для описания эволюции влечений *Я**. Влечения, которые поначалу соотносились с принципом удовольствия, постепенно все больше подчиняются принципу реальности, хотя этот процесс идет медленнее в случае сексуальных влечений (которые вообще трудно поддаются "обучению"), нежели в случае влечений *Я*. "Подобно тому, как удел *Я*-удовольствия — испытывать желания, стремиться к удовольствию и избегать неудовольствия, так удел *Я*-реальности — стремиться к *полезному* и защищаться от вредного" (1). Отметим, что *Я* здесь в сущности рассматривается под углом зрения влечений, призванных снабжать его энергией; *Я*-удовольствие и *Я*-реальность — это не две различные формы *Я*, но скорее два способа функционирования влечений *Я*: сообразно принципу удовольствия и сообразно принципу реальности.

2) Во "Влечениях и судьбах влечений" во главу угла ставится также возникновение этих двух принципов, однако речь не идет ни об их сорасчленении, ни об эволюции влечений *Я*, но скорее о возникновении самого противопоставления между субъектом (*Я*) и объектом (внешний мир) в связи с противопоставлением между удовольствием и неудовольствием.

На этом пути Фрейд выделяет два этапа: на первом субъект "...сливается с тем, что ему приятно, а внешний мир — с тем, что ему безразлично" (2a); на втором этапе субъект и внешний мир (приятное) вместе противопоставляются тому, что неприятно. На первом этапе субъект выступал как *Я*-реальность, на втором — как *Я*-удовольствие: последовательность терминов здесь обратна той, что мы видим в "Двух принципах функционирования психики", причем и сами термины (в особенности *Я*-реальность) понимаются иначе: противопоставление между *Я*-реальностью и *Я*-удовольствием здесь возникает раньше принципа реальности, так что переход от *Я*-реальности к *Я*-удовольствию "...направляется принципом удовольствия" (2b).

Фрейд пользовался выражением "изначальная *Я*-реальность",

поскольку "...оно отличает внутреннее от внешнего посредством надежного объективного критерия (2с), и это можно понять так: изначально объективная позиция состоит в том, что субъект, испытывая чувства удовольствия и неудовольствия, не пытается представить их как свойства внешнего мира, который сам по себе нейтрален.

Как же строится *Я*-удовольствие? Субъект, как и внешний мир, расщеплен на приятную и неприятную части. На этой основе происходит новое расчленение, в результате которого сам субъект сливается с тем, что ему приятно, а мир — с тем, что неприятно. Это расчленение происходит путем интроекции* той части объектов внешнего мира, которые порождают удовольствие, и проекции* (выноса вовне) всего того, что причиняет неудовольствие. Вследствие этой новой позиции субъекта *Я*-удовольствие предстает в "очищенном" от всего неприятного виде.

Таким образом, во "Влечениях и судьбах влечений" понятие *Я*-удовольствие означает не только *Я*, управляемое принципом неудовольствие—удовольствие, но и *Я*, отождествляемое с приятным в противоположность неприятному. В этом случае здесь опять-таки противополагаются два этапа эволюции *Я*, только на этот раз они определены изменениями границ и содержания *Я*.

3) В "Отрицании" Фрейд по-прежнему пользовался разграничением между *Я*-удовольствием и *Я*-реальностью, развивая тот же подход, что и во "Влечениях и судьбах влечений": как строится противоположность между субъектом и внешним миром? Само выражение "изначальная *Я*-реальность" больше не используется, хотя Фрейд вряд ли отказался от этой мысли: ведь он по-прежнему считал, что субъект изначально имеет доступ к объективной реальности: "С самого начала представление выступает как ручательство за реальность представленных предметов" (3b).

На втором этапе *Я*-удовольствие описывается в тех же понятиях, что и во "Влечениях и судьбах влечений": "Изначальное *Я*-удовольствие [...] стремится включить в себя все хорошее и выбросить из себя все плохое. Поначалу плохое, чуждое *Я* и находящееся вне *Я* для него тождественны" (3b).

"*Я*-реальность в окончательной форме" должна была бы соответствовать третьему этапу, на котором субъект стремится найти реальный объект, соответствующий его представлению об объекте, ранее приносившем удовольствие и затем утраченном (см.: Опыт удовлетворения); именно на это опирается испытание реальности*.

Этот переход от *Я*-удовольствия к *Я*-реальности зависит, как это показано в работе "О двух принципах функционирования психики", от установления принципа реальности.

*

Противоположность между *Я*-удовольствием и *Я*-реальностью никогда не включалась в метапсихологические взгляды Фрейда и особенно в его теорию *Я* как инстанции психического аппарата. Если бы это удалось сделать, это позволило бы разрешить многие трудности психоаналитической теории *Я*. В самом деле:

1) взгляды Фрейда на эволюцию *Я*-удовольствия—*Я*-реальности представляют собой попытку наметить момент перехода (быть может, мифического) или скорее путь развития от биопсихологического индивида (сходного, как мы полагаем, с изначальной *Я*-реальностью, о которой говорит Фрейд) к *Я* как отдельной инстанции.

2) По Фрейду, механизмом такого перехода служат простейшие психические операции интроекции и проекции, посредством которых создаются границы *Я*, предполагающие расчленение внутреннего и внешнего.

3) Помимо того, заслуга фрейдовского подхода в том, что он развеял обременительную для психоаналитической теории путаницу вокруг таких понятий, как "первичный нарциссизм"*, в котором нередко видели некое изначальное состояние, во время которого индивид не имел никакого, пусть даже самого ограниченного, доступа к внешнему миру.

(1) Freud (S.). G.W., VIII, 235; S.E., XII, 223.

(2) Freud (S.). a) G.W., X, 227; S.E., XIV, 135; франц., 57. — b) G.W., X, 228; S.E., XIV, 135—136; франц., 58. — c) G.W., X, 228; S.E., XIV, 135—136; франц., 58.

(3) Freud (S.). a) G.W., XIV, 14; S.E., XIX, 237; франц., 176. — b) G.W., XIV, 13; S.E., XIX, 237; франц.,175—176.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Г

Д

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

Перевод с французского *Н.С. Автономовой*

Руководитель объединения "Слово" Г.Н. Усков.
Редактор Л.Б. Комиссарова.
Художник В.Н. Хомяков.
Художественный редактор Е.Д. Косырева.
Технический редактор Н.В. Яшукова.
Компьютерная верстка С.Н. Луговая.
Корректор Г.И. Кострикова.
Операторы И.В. Бурлакова, М.Н. Паскарь, Т.В. Рысева, С.В. Федорова.

ИБ № 9979

ЛР № 010146 от 25.12.91. Изд. № РИФ-138. Сдано в набор 30.08..95.
Подп. в печать 11.12.95. Формат 60x90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Объем 39,0 усл. печ. л. + 0,25 усл. печ. л. форз.
39,5 усл. кр.-отт. 40,11 уч.-изд. л. + 0,46 уч.-изд. л. форз.
Тираж 50 000 экз. Зак. № 702

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на компьютерах издательства

Отпечатано в АО «Звезда»: 614000, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружба, 34.

Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис

СЛОВАРЬ по ПСИХОАНАЛИЗУ

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

